

Ars Philologica

В. П. Берков

**РАБОТЫ
ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ**

AR

Санкт-Петербург
2011

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

В. П. Берков

РАБОТЫ
ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ

С.-Петербург
2011

УДК 811.111

ББК 81.2

Б48

Под редакцией

Б. С. Жарова, И. М. Михайловой,

А. В. Берковой, С. Н. Берковой.

*Приносим благодарность Д. К. Киселеву,
без финансовой поддержки которого
это издание не состоялось бы.*

Берков, В. П.

Б48

Работы по языкознанию / В. П. Берков; под ред. Б. С. Жарова, И. М. Михайловой, А. В. Берковой, С. Н. Берковой. — СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. — 652 с., ил. — (Ars Philologica.)

ISBN 978-5-8465-0986-3

Книга, публикуемая в память В. П. Беркова, планировалась к изданию к 80-летию автора и поэтому включает в себя ряд работ, которые сам автор при жизни считал заслуживающими помещения в нее. В книге собраны работы разных лет — монографии и учебники (полностью или частично), статьи и рецензии — по общему языкознанию, германистике, теоретической лексикографии, — а также воспоминания о людях, сыгравших большую роль в его жизни.

Книга адресована филологам, в частности германистам и скандинавистам, как начинающим свой путь в науке, так и продолжающим следовать по нему.

УДК 811.111

ББК 81.2

ISBN 978-5-8465-0986-3

© Берков В. П., 2011

© Филологический

факультет СПбГУ, 2011

ОТ АВТОРА

В предлагаемой читателю книге собраны некоторые из работ, которые автор счел заслуживающими помещения в сборник.

Книга открывается несколькими статьями по общему языкознанию — в частности, по вопросам системности в языке, компаративности (сравнительности), нормы, тенденций развития современных европейских языков.

Следующая часть книги посвящена германистике. В нее включены некоторые статьи по норвежскому, исландскому и древнеисландскому, а также фризскому языкам. Включены в сборник части книг «Современные германские языки» и «Норвежская лексикология». Читая на протяжении ряда лет курс лекций по введению в германскую филологию, автор пришел к выводу, что студенту II курса нужен небольшой учебник, в котором материал изложен максимально доходчиво, а количество примеров ограничено. В исправленном виде этот небольшой учебник «Введение в германистику» включен в настоящее издание. В эту же часть помещены филологические работы «Загадки древнеисландской культуры» и «Белое пятно скандинавистики (Фарерские острова)».

Автор несколько десятков лет занимался практической и теоретической лексикографией. Некоторые из теоретических работ включены в третий раздел сборника — фрагменты книги «Двуязычная лексикография» и статья «Двуязычная лексикография и реальность (Прозаические размышления по выходе „Большого норвежско-русского словаря“)». В этот раздел включены также работа «О крылатых словах» и несколько рецензий на двуязычные словари.

В последней части сборника приводятся статьи, посвященные людям, сыгравшим большую роль в жизни автора, — его отцу П. Н. Беркову, его учителю М. И. Стеблин-Каменскому, семье языковедов Масловых и друзьям — профессору В. М. Павлову, В. С. Булдыреву и Терье Матиассену.

В краткое приложение помещены «Заповеди вузовскому преподавателю», «Заповеди составителю двуязычного словаря», «О лексикографическом труде» и написанная по-норвежски шутка — пародия на современную научную прозу «Hvor-dan skrive et øpp tu deit norsk?» («Как писать на современном норвежском языке?»).

1

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В какой мере системен язык?

•

Компаративность:
Семантика сравнения
и типы ее выражения

•

Несколько соображений
о языковой норме

•

Из наблюдений
над изменениями
в современных
европейских языках

В КАКОЙ МЕРЕ СИСТЕМЕН ЯЗЫК?

1. О системном характере языка.

В общем виде этот вопрос обсуждается нечасто. Считается аксиомой, что язык — это система знаков и правил комбинаций этих знаков. Такое определение языка можно встретить в большинстве общих работ по языку. Ср.: «СИСТЕМА ЯЗЫКОВАЯ... — множество языковых элементов любого естественного языка, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенное единство и целостность. Каждый элемент С. я. существует не изолированно, а лишь в противопоставлении другим компонентам системы... Термин „С. я.“ может употребляться либо в частном (локальном) смысле — как закономерно организов. совокупность однородных языковых элементов одного уровня, связанных устойчивыми (инвариантными) отношениями („система падежей“, „фонологич. система“ и пр.), либо в обобщающем (глобальном) смысле — как закономерно организов. совокупность локальных систем („подсистем“)¹.

Вместе с тем в случаях, когда обстоятельства требуют определения языковой системы — или в целом, или какой-либо частной (например, в учебниках или лингвистических словарях), в дефинициях просто используются слова типа *совокупность*, ср. «СИСТЕМА ГЛАСНЫХ... Совокупность гласных звуков, используемых в данном языке для дифференциации (звуковых оболочек) слов и морфем»; «СИСТЕМА ЯЗЫКА ГРАММАТИЧЕСКАЯ... Совокупность форм словоизменения и способов (моделей) типов построения словосочетания и предложения, характерных для данного языка, диалекта и т. п.»².

Между тем отличие системы от совокупности заключается, как хорошо известно, в том, что если последняя представляет собою простое множество, то для системы как таковой характерны отношения взаимозависимости составляющих ее элементов, ср.: «СИСТЕМА... совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, к-рая образует определ. целостность, единство)³. Для того чтобы устранить эту терминологическую несогласованность, обычно прибегают к дополнительным определениям типа «язык — это особая открытая (динамическая, нежест-

Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. СПб.: Наука, 1998. С. 41–50.

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 452.

² А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 412.

³ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 610.

кая и т. п.) система» и аналогичным. Иными словами, слово *система* во многих лингвистических работах используется, в сущности, как «научный» синоним слов *совокупность, набор, состав, множество, репертуар* и т. п.

Цель этой статьи, естественно, не в том, чтобы призвать лингвистов отказаться от принятого понимания языка как системы. Цель ее скромнее и заключается в другом, а именно в том, чтобы рассмотреть вопрос, можно ли считать язык системой в традиционном — принятом в философии смысле. Представляется, что называние всего языка или отдельных его уровней системой (особой, открытой, нежесткой и т. д.) делает как бы излишним исследование того, есть ли здесь в действительности системные отношения (в терминологическом значении), и если есть, то где и каковы они. Вопрос системности языка может быть, видимо, разделен как минимум на три более частных вопроса: 1) Наблюдаются ли системные отношения на отдельных уровнях языка? 2) Наблюдаются ли системные отношения между разными уровнями языка? 3) Представляет ли язык в целом систему систем, или, так сказать, архисистему?

Рассмотрим эти вопросы в отдельности.

2. Системные отношения на отдельных уровнях языка.

2.1. Естественно начать с **фонемного уровня**. Здесь предстоит рассмотреть два вопроса.

2.1.1. Наличествуют ли отношения **системности в вокализме и консонантизме в отдельности**? (Языки слогового строя не рассматриваются.)

2.1.1.1. В **вокализме** такая системность наблюдается — правда, не в синхронном плане, а в диахронном. Имеются многочисленные примеры того, как изменение одной гласной фонемы приводило к цепной реакции изменений других гласных фонем, к перестройке значительной части вокализма. Так, видимо, лабиализация древнескандинавского долгого /a:/ > /ɔ:/ привела в норвежском и шведском к другим переходам: /ɔ:/ > /u:/, /u(:)/ > /ʉ(:)/. В других скандинавских языках процесс этот носил несколько иной, еще более сложный характер.

В синхронном же плане говорить о системе гласных можно, представляется, только в том случае, если слово *система*, как уже сказано, использовать в значении ‘инвентарь, набор, состав, репертуар’.

2.1.1.2. Усмотреть отношения системности в совокупности **согласных** какого-либо конкретного языка затруднительно. Системность, если она имеется, должна была бы проявляться в «заполненности» рядов, в их большей или меньшей симметричности, а главное, в перестройке консонантизма при конвергенции или дивергенции фонем. Между тем это на-

блюдается не всегда — если вообще наблюдается. (Сказанное о дивергенции/конвергенции фонем относится, естественно, и к вокализму.)

Проиллюстрируем это простейшими примерами.

Русские согласные делятся на звонкие и глухие, но вне этой оппозиции находятся аффрикаты, основной вариант которых глухой. То обстоятельство, что у них есть звонкие варианты [dʒ], [dz] как результат регрессивной ассимиляции, говорит лишь в пользу того, что антропофонически они в русском вполне были бы возможны, но в силу каких-то исторических причин у русских аффрикат соотносительные звонкие фонемы не развились. Вне оппозиции «палатализованность/непалатализованность» находятся шипящие, часть которых всегда палатализована, часть — всегда непалатализована.

Отсутствие системности в консонантизме отдельных языков отчетливо проявляется в труднообъяснимых лакунах в их репертуарах.

В нидерландском нет звонкого смычного [g]: звонкий заднеязычный в этом языке только щелевой — /ɣ/. Инвентарь же остальных согласных в целом сходен с инвентарем согласных в других современных германских языках.

В современном исландском языке глухая слабая смычная непридыхательная фонема /g/ (в исландском все смычные глухие и участвуют только в оппозиции сильная придыхательная/слабая непридыхательная) реализуется в анлауте в смычном варианте, но после гласного в щелевом варианте [ɣ] (с оглушением в ауслауте — [x]). Вместе с тем смычное (слабое и непридыхательное!) [g] возможно во всех тех позициях, в которых встречается [ɣ], но как вариант другой фонемы — /k/ (в так называемом произношении *linmæli*). Таким образом, набор фонем как таковой вовсе не определяет щелевого характера одного из вариантов фонемы /g/. Иными словами, опять-таки системность (в традиционном смысле) здесь не просматривается.

Ни в одном из пяти живых скандинавских языков нет ни звонкой щелевой переднеязычной однофокусной фонемы /z/, ни звонкой щелевой переднеязычной двухфокусной фонемы /ʒ/. Эти факты, видимо, можно только констатировать, ибо эти «пустые клетки» не объясняются наборами оппозиций, характерных как для каждого из этих языков в отдельности, так и для всех них в целом. Этих фонем просто нет, клетки так и не заполнены. Таких примеров бесконечное количество, они могут быть найдены в каждом языке.

Как представляется, факты конвергенции или, напротив, дивергенции фонем также не говорят в пользу системного характера вокализма или консонантизма. Ср. некоторые примеры из области диахронической фонологии скандинавских языков.

В надписях как старшими рунами (24 знака), так и сменившими их около 700 г. младшими (16 знаков) четко противопоставлены /r/ и /R/. Первая из названных рун явно обозначала дрожащий переднеязычный (впрочем, возможно, и увулярный) сонант, вторая — предположительно [z] или [ʒ] (скорее всего звук типа чешского [ř]). Уже ко времени появления древнейших исландских рукописей обе фонемы слились в /r/. При этом других изменений в составе согласных фонем не произошло.

2.1.2. Представляют ли вокализм и консонантизм языка в совокупности единую систему?

Этот вопрос, в свою очередь, может быть разделен на два частных вопроса.

2.1.2.1. Наблюдается ли в языках какая-либо количественная корреляция между инвентарями гласных и согласных?

Ответ на этот вопрос представляется отрицательным, кроме, разумеется, той общей закономерности, что число согласных фонем в языке, как правило (но не всегда), превышает число гласных. В языках мира в целом, по всей видимости, такой количественной корреляции не наблюдается. Об этом свидетельствует существование как вокалических, так и консонантных языков. Соотношение гласных и согласных фонем от языка к языку варьируется в весьма значительных пределах. Так, в финском языке на 8 гласных фонем и 16 дифтонгов (итого 24) приходится всего 14 согласных (в речи соотношение гласных и согласных равно 100 : 96), в таитянском 10 гласных и 9 согласных⁴, во французском это соотношение фонем равняется 16 : 20, в фарерском — 12 : 36, а в вымирающем/вымершем убыхском — 2 : 80 (эти две гласные фонемы имеют значительное количество аллофонов). В русском на 6 гласных приходится, как хорошо известно, 35 согласных, в абхазском соотношение это составляет 2 : 57 (по другим источникам 2 : 54). В индейском языке пирахан, на котором говорит около 110 человек (бассейн Амазонки), всего 10 сегментных фонемных единиц: 3 гласных и 7 согласных; правда, у этих фонем имеется ряд аллофонов, порою существенно фонетически отличающихся от основного варианта⁵.

Видимо, языки с очень богатым консонантизмом, как правило, характеризуются сравнительно бедным вокализмом (ср., например, языки абхазо-адыгской группы и др.). В целом, очевидно, верно и обратное: для языков с богатым вокализмом не характерен богатый консонантизм. Если такое предположение верно, то здесь просматривается определенная зависимость.

⁴ А р а к и н В. Д. Таитянский язык. М., 1981. С. 14–15.

⁵ И в а н о в В я ч. В с. Современные проблемы типологии: (К новым работам по американским индейским языкам бассейна Амазонки) // Вопросы языкознания. 1988. № 1. С. 118–120.

Трактовка такой корреляции как системной может быть объяснена тем, что инвентарь фонем языков чаще всего составляет 4–5 десятков единиц, хотя отклонения от этого статистического среднего бывают значительными: ср., с одной стороны, уже названный убыхский язык (более 80 фонем) и, с другой, некоторые языки Океании с их полутора десятками фонем, а также языки бассейна Амазонки. Поскольку нескольких десятков фонем достаточно для создания звукокомплексов (экспонентов), обозначающих все наличные в языке значения (означаемые), то соотношение гласных и согласных в принципе несущественно: «строительного материала» хватает. Естественно, что в таких бедных фонемами языках средняя длина слова оказывается большей.

2.1.2.2. Наблюдается ли в языках какая-либо **качественная корреляция** между инвентарями гласных и согласных?

Такая корреляция несомненно должна существовать, ибо наличие рядов специфических (т. е. относительно редко представленных в языках мира звуков, например абруптивных или лабиализованных согласных фонем — глухих коррелятов сонантов, ср. исландские фонемы /j/, /r/, /ŋ/, /m/) обуславливает специфический характер артикуляционной базы соответствующих языков. Если верно предположение, что в языках с рядами непалатализованных и палатализованных согласных фонем либо параллельных нелабиализованных и лабиализованных согласных фонем не встречаются параллельные ряды неумлаутированных и умлаутированных гласных фонем, то такая закономерность может рассматриваться как довод в пользу наличия определенных системных связей между вокализмом и консонантизмом. Разумеется, подобного рода предположения нуждаются в проверке. Если такие закономерности имеют место, то они, скорее всего, объясняются антропофоническими причинами, т. е. системность в данном случае обусловлена общими особенностями человеческого артикуляционного аппарата. И здесь скорее надо говорить о системных отношениях дифференциальных признаков, нежели о системности фонем как таковых.

2.2. Грамматический уровень целесообразно разделить на морфологический и синтаксический и рассматривать последние порознь.

2.2.1. Морфологический уровень. Задача рассмотрения системных связей на этом уровне значительно сложнее предыдущей (связи на фонемном уровне), поскольку в этом случае мы имеем здесь дело со значительно бóльшим количеством разрядов единиц. Разумеется, здесь не идет речь о констатации таких самоочевидных закономерностей, как то, что при отсутствии у существительного категории падежа ее нет у прилагательного, и т. п.

Как и при рассмотрении фонемного уровня, предстоит рассмотреть две проблемы.

2.2.1.1. Наличествуют ли отношения системности в пределах каждой части речи?

Существительное в основной массе языков характеризуется различными комбинациями категорий: а) классификационных (род, одушевленность/неодушевленность, лицо/нелицо, класс и др.), б) числа, в) падежа, г) соотнесенности (артиклъ и т. п.), д) притяжательности и др. Как известно, в конкретных языках набор этих категорий может варьироваться. Видимо, языков, у которых существительное не имело бы ни одной из этих категорий (прежде всего, у которых полностью отсутствовала бы категория числа), немного: таковы некоторые папуасские языки, но и в них есть различные (лексические) способы уточнения числа, когда того требует контекст⁶.

Классификационные категории, очевидно, наиболее древние и потому пережиточные и, в общем, информационно несодержательные, представляются не связанными с какими-либо иными категориями существительного (то обстоятельство, что в описаниях языков Юго-Восточной Африки одно и то же существительное в ед. и мн. числе причисляют к разным классам, скорее всего объясняется удобством изложения). Встречаются языки, которые обладают категорией класса, но у которых отсутствует категория падежа (суахили), и, напротив, языки, лишенные каких-либо классификационных категорий, но имеющие достаточно обширную падежную систему (финский, венгерский, киргизский, видимо, вообще урало-алтайские языки).

Категория числа представляется наиболее «независимой» — иначе говоря, она может наличествовать у существительного и при отсутствии всех иных категорий. То обстоятельство, что в фузионных (флективных) языках выражение числа комбинируется с выражением падежа, в данной связи несущественно.

Казалось бы, элементы системности, т. е. взаимозависимости и иерархии, всего легче обнаружить в категории падежа. Однако это не так. Например, для большинства современных германских языков характерна либо двухграммная падежная категория: общ. падеж/род. падеж (английский, норвежский, датский, шведский, фризский, с известными оговорками нидерландский) — или четырехграммная: им., род., дат., вин. (немецкий, идиш), на основании чего, казалось бы, можно вывести системную закономерность: если в языке есть дат. и/или вин. падеж(и), то в нем должен быть и род. падеж. Однако факты фарерского языка противоречат такому выводу: в разговорной речи представлены им., дат. и вин. падежи, однако род. падеж встречается исключительно в книжных текстах (в раз-

⁶ Леонтьев А. А. Папуасские языки. М., 1974. С. 64.

говорной речи отношения принадлежности (в широком смысле) выражаются чаще всего при помощи предлога *hjá* [tʃʌ].

Различительные формы прилагательного (кроме степеней сравнения) — как правило, формы согласовательные, и потому их разнообразие должно, казалось бы, определяться степенью разнообразия форм существительного: ср., с одной стороны, английский язык с одной формой прилагательного, и, с другой, — исландский, где прилагательное имеет особые формы рода во мн. числе (в им. и вин. падежах). Вместе с тем в африкаанс, в котором существительное имеет только категории числа и соотнесенности, прилагательное имеет две формы — сильную и слабую, дистрибуция которых описывается довольно сложными правилами.

Для интересующей нас темы целесообразно разделить глагольные категории на формальные (согласовательные — лицо, число) и содержательные (время, залог, наклонение, вид и др.). Априорно соблазнительно предположить, что сравнительная «граммемная бедность» содержательных категорий должна была бы сопровождаться «граммемной бедностью» или даже отсутствием формальных категорий, однако это не так. Норвежский глагол не изменяется по лицам и числам, но обладает сравнительно развитыми категориями времени, залога и наклонения. Русский глагол имеет сравнительно бедную — трех- или двухграммемную — категорию времени, но четко согласуется в лице и числе (в прошедшем времени в роде и числе). Испанский глагол имеет как весьма дифференцированные категории времени и наклонения, так и полную согласовательную парадигму.

2.2.1.2. Наличествуют ли **отношения системности между частями речи**? Вопрос можно сформулировать проще (и примитивнее). Наблюдаются ли какие-либо корреляции между набором грамматических категорий и их граммемным «богатством», например у существительного и глагола? Совсем конкретно: отмечаются ли, к примеру, какие-либо корреляции между набором падежей существительного и репертуаром глагольных времен? В языках мира в этой области наблюдается достаточно неоднородная картина. Несколько примеров. В табасаранском языке, в котором 46 падежей (4 «обычных» + 42 местных), весьма богатый инвентарь глагольных времен — настоящее, 7 прошедших и 3 будущих⁷. В эстонском языке 14 падежей (включая местные) и 4 глагольных времени. В норвежском 2 падежа и 8 глагольных времен (правда, 3 из них используются относительно редко). Русский язык с его 6 падежами имеет довольно ограниченный инвентарь глагольных времен (связь времени и вида здесь не принципиальна). В папуасских языках, точнее в тех из них, которые некоторы-

⁷ Ханмагомедов Б. Г.-К. Табасаранский язык // Языки народов СССР. Т. IV: Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С. 548–556.

ми исследователями называются языками с доминацией процесса, весьма сложные категории времени. Так, в языке насиои насчитывают не меньше 9 (видо)временных форм⁸, но нет склонения существительных, у которых, впрочем, есть порою весьма сложные классификационные категории: в том же языке насиои их, по некоторым сведениям, свыше сорока⁹. Также очень сложная и сообщающая большую информацию морфология глагола в языках Амазонии делает избыточным употребление именных форм¹⁰.

Сказанное означает, что как набор граммем в рамках какой-либо категории конкретного языка, так и набор самих грамматических категорий в принципе определяется в конечном счете спецификой исторического развития этого языка. Как хорошо известно из истории родственных языков, один и тот же «исходный материал» дает достаточно различные результаты — иными словами, одна «система» порождает несколько «систем», претерпевающих порой весьма значительные изменения с течением времени.

2.2.2. Синтаксический уровень. Корреляции в этой области нуждаются в изучении. Так, видимо, нет жесткой связи между порядком слов и номинативным или эргативным строем языка.

Этот очень сложный и объемный вопрос, естественно, может быть здесь затронут в самой малой степени. Обычный немаркированный порядок слов (SVO) в языках номинативного строя (отступления от него в связи с тема-рематическим членением здесь не рассматриваются), например, допускает как порядок AN (как правило, в германских языках), так и NA (как правило, в романских языках). Немаркированное положение генитивного определения по отношению к определяемому существительному варьирует в пределах только одних скандинавских языков: в норвежском, шведском и датском такое определение возможно только в препозиции, в исландском — только в постпозиции, а в фарерском (напоминаем, только в книжном стиле!) оно в одинаковых контекстах возможно в обоих положениях.

2.3. Системность в лексике. Думается, нет оснований для утверждения, что словарный состав какого-либо языка представляет собою некую единую систему. Непрерывное, фактически ежедневное изменение лексики (в сущности, более чем на 99% ее обогащение, ибо единицы лексики в современном обществе выпадают благодаря коллективному облигаторному чтению и интересу к прошлому редко) — инвентаря, насчитывающего десятки тысяч единиц, говорит за то, что связей, которые определяли бы отношения всех единиц друг с другом, нет, да и в принципе не может быть.

⁸ Леонтьев А. А. Указ. соч. С. 59.

⁹ Там же. С. 67.

¹⁰ Иванов Вяч. В. С. Указ. соч. С. 122.

Сказанное, естественно, не исключает системной организации некоторых участков лексики — семантических полей, синонимов, антонимов, конверсивов и т. д.

3. Системные отношения между отдельными уровнями языка.

Проблему целесообразно разделить на более частные.

Отмечается ли какая-либо корреляция между параметрами фонемного состава языка и его грамматическим строем? Без серьезного изучения на фактическом материале рассуждения будут в большей или меньшей мере спекулятивными. Априорно было бы естественным предположить, что языки с бедным фонемным репертуаром обладают несложным грамматическим строем и, наоборот, для богатых фонемами языков характерно сложное грамматическое устройство. Что это не всегда так, показано в работе Вяч. Вс. Иванова по языкам Амазонии. Далее, существенно, что в грамматических словоизменительных показателях во многих языках участвует только часть (иногда небольшая) фонемного инвентаря (например, в датском из более чем полутора десятков гласных — только один аллофон [э], в норвежском — только 7 согласных и т. д.). Как мы показали в одной работе¹¹, целесообразно различать (относительно, разумеется) морфологическое богатство содержательное (множество граммем) и морфологическое богатство формальное (наличие ряда показателей для одной и той же грамеммы). Так, немецкая морфология богата содержательно (на фоне других германских языков), но бедна формально, а шведская морфология богата формально, но бедна содержательно. В исландских словоизменительных аффиксах «используется» фонем лишь на две больше, чем в норвежском, но существительное имеет в нем 4 падежа (при множестве типов склонения), глагол изменяется по лицам и числам, есть флективный конъюнктив, прилагательное имеет несколько десятков форм (неомонимичных, правда, около полутора десятков) и т. д. Конечно, для ряда языков рассмотрение только количества фонем недостаточно, поскольку грамматические значения выражаются и тонами разного типа.

4. Представляет ли язык в целом систему систем, или «архисистему»?

Пока не доказаны корреляции между уровнями языка, гипотеза о том, что язык в целом представляет собой многоуровневую систему, представляется недоказанной. В сущности, как мы старались доказать, при нынешнем уровне исследования действительных корреляций в языках вопрос о глобально системном характере языка является вопросом веры.

¹¹ Берков В. П. Современные германские языки. СПб., 1996. С. 218–220.

КОМПАРАТИВНОСТЬ

Семантика сравнения и типы ее выражения

Вступительные замечания

Компаративность — термин, которым обозначаются различные типы и случаи сравнения. Он предпочитается в данной работе принятому термину «сравнение», поскольку последний обычно применяют к грамматически выраженным степеням сравнения прилагательных и наречий, либо к сравнительным оборотам. Компаративность же понимается значительно шире.

В языках регулярно грамматически оформлены, как правило, лишь степени сравнения прилагательных и наречий. Это объясняется тем, что при сравнении различных объектов или различных состояний или качеств одного объекта сопоставление идет по линии какого-либо признака или каких-либо признаков, которые и обозначаются прилагательными, либо — при сравнении каких-либо действий — рассматриваются способы протекания действия, которые выражаются наречиями, грамматическое значение которых принято определять как «признак признака».

Операция сравнения может иметь два принципиально разных результата — установление равенства и установление неравенства. Равенство подразумевает, что некий признак представлен у сравниваемых объектов в одинаковой степени; при констатации неравенства возможны два случая: констатация превосходства и констатация «инфериорности», т. е. более низкой степени (О. Есперсен). Ср.: *Игорь образованнее Сергея (более образован, чем Сергей); Сергей менее образован, чем Игорь.*

Основным объектом рассмотрения в этом разделе являются отношения неравенства, но мы начнем изложение с анализа языкового выражения равенства.

Наиболее обычный способ выражения идеи равенства — использование прономинальных слов типа *такой, так, столько (же)* и т. п. и соотносительных с ними слов типа *как, сколько* и т. п.: *Он такой же оптимист, как ты; Он так же молчалив (такой же молчаливый), как его брат; Ей столько же лет, сколько ему* и т. д.

Разумеется, при достаточности контекста объект, с которым производится сравнение, может лишь подразумеваться и по этой причине не называется: *Ты такой же скептик (как я, он и т. д.); Мне на это потребу-*

ется столько же времени (сколько потребовалось, требуется тебе, ему и т. д.).

Отношение равенства часто усиливается с помощью наречий или эквивалентных им по функции словосочетаний: *Он точно такой же трус (как его брат); Она абсолютно (совершенно) так же бесцеремонна (как ее мамаша); Я потратил на это в точности (точь-в-точь) столько же времени (сколько и ты)*. С другой стороны, может отмечаться неполная точность, приблизительность равенства: *У него примерно (приблизительно, можно сказать) такая же зарплата, что и у нее*. Частным случаем констатации приблизительности равенства, притом весьма распространенным, является установление совпадения основных признаков сравниваемых объектов при возможном расхождении второстепенных, например: *Ты утверждаешь, в сущности (по существу, собственно говоря, фактически и т. п.) то же самое, что и я; Это в конце концов одно и то же*.

Помимо описанных в высокой степени грамматикализованных способов выражения отношения равенства при помощи прономинальных конструкций, имеется множество разнообразных лексических способов передачи этого значения, ср.: *равные числа, (полностью) совпадающие результаты, идентичные тексты, тожд(д)ественные алгебраические выражения, одинаковые взгляды, конгруэнтные фигуры* и т. д. Много разнообразных лексических средств в языке имеется для обозначения равенства каких-либо отдельных признаков у сравниваемых объектов: *подобные фигуры* (в геометрии), *равноценные работники, эквивалентные (синонимические, равнозначные) синтаксические конструкции, взаимозаменяемые детали*; ср. также: *Она — моя ровесница; Юра — вылитый отец (копия отца); Они на одно лицо*. Разговорный стиль языка изобилует пейоративными способами выражения значения сходства сущности внешне несходных объектов или результатов различных действий: *Они — одного поля ягоды (два сапога пара, одним миром мазаны, стоят один другого); Хрен редьки не слаще; один черт (хрен); что в лоб, что по лбу* и т. п. Есть также ряд лексических способов выражения приблизительного равенства, например: *сходное решение, аналогичный случай, похожие дома* и т. д.; ср. также: *Такое отношение равняется (равно) преступлению (все равно, что преступление, разг.)*.

Значение равенства по одному из признаков содержат в себе существительные типа *синоним, эквивалент, двойник, аналог, параллель (сходное явление)* и т. п.

В сущности, именно равенство по какому-то одному признаку обозначается в сравнительных конструкциях, во множестве своем характерных, видимо, для всех языков; многие из них фактически универсальны, т. е. имеют сходный лексический состав в самых разных языках. Имеются в ви-

ду обороты типа *сладкий как мед, мчаться как стрела, как гром среди ясного неба* и т. п. Сюда же относятся и сходные в большей или меньшей степени лексикализованные сравнительные обороты разнообразных конструкций, ср.: *приемник размером со спичечную коробку, пошёл камнем на дно* и т. д. Ср. также авторское: *...по-куриному окуная голову в плечи* (И. Ильф и Е. Петров).

Во многих языках из таких сравнительных оборотов развились сложные слова с (первым) «эталонным» элементом — существительным (иногда именем собственным), обозначающим объект, у которого данный признак представлен особенно сильно, ср. норв.: *iskald* ‘холодный как лед, ледяной’, букв. ‘льдо-холодный’, *blytung* ‘тяжелый как свинец, свинцовый’, букв. ‘свинцово-тяжелый’, *lynsgnar* ‘молниеносный’, букв. ‘молниебыстрый’, *gamaskrik* ‘бурные протесты, выражение негодования’, букв. ‘крик (как) в Раме’ (ср.: Библия, Иерем. 31, 15); ср., далее, устойчивые словосочетания типа *babelsk forvirting* ‘вавилонское столпотворение’ (перен.) и аналогичные.

Сравнения — разнообразного характера — вообще один из важнейших элементов художественного текста, и авторы, как правило, стремятся к тому, чтобы сравнения были необычными, неожиданными, яркими, например: *Поезд полз, как дождевой червь, спазматическими толчками, то растягиваясь почти до разрыва скреп, то сжимаясь в громе буферов* (Б. Лавренев).

Поскольку в основе метафорического переноса наименования лежит сравнение (одно из определений метафоры — скрытое сравнение), то к рассматриваемым сейчас случаям равенства закономерно отнести и многочисленные типы метафор. Действительно, когда говорится *двигаться черепашьими темпами*, то подразумевается ‘двигаться столь же медленно, сколь медленно перемещается черепаха’. Особенно наглядно видно это в оборотах типа *жить (как) на вулкане*, где параллельно употребляются сравнительная конструкция и метафора. Ср. также авторские употребления типа *...щеки его сделали настоящий атлас в рассуждении гладкости и лоска* (Н. Гоголь).

Неравенства, как уже упоминалось выше, распадаются на 1) отношение превосходства, или супериорности (более высокая степень представленности признака) и 2) отношение инфериорности (более низкая степень представленности признака).

Можно утверждать, что в целом в языках грамматически оформлено только отношение супериорности. Таково, например, положение в индоевропейских, финно-угорских и тюркских языках. В некоторых языках, например индонезийском и абхазском, формы сравнительной степени образуются аналитически, а формы превосходной степени — как аналити-

чески, так и синтетически. Обратное положение, например, в нахских языках, в которых сравнительная степень образуется морфологически, а превосходная — только аналитически (кроме бацбийского). Во многих языках вообще нет морфологически оформленных степеней сравнения; характерно, что среди разнообразных конструкций в языках, принадлежащих к самым разным семьям, видное место — естественно, помимо конструкций со словами, означающими ‘больше’ и ‘самый’, — занимают конструкции с существительными в исходном падеже (или типологически сходной граммемой) либо с глаголом со значением ‘превосходить’, ‘превышать’. Однако нам не известны языки, в которых отношение инфериорности выражалось бы морфологическими средствами; если они и существуют, то их, видимо, очень немного.

Сказанное можно проиллюстрировать следующими предложениями: *Второй пример был удачнее первого. — Первый пример был менее удачен, чем второй*; то же по-норвежски: *Det andre eksemplet var heldigere [сравнительная степень] enn det første. — Det første eksemplet var mindre heldig [‘менее удачен’] enn det andre.*

Отсутствие в языках морфологически оформленных способов выражения инфериорности, очевидно, обусловлено отсутствием необходимости в специализированном выражении этого значения, что приходится объяснять низкой частотностью высказываний с этим значением. Между тем, казалось бы, суждения типа *Эта лошадь менее вынослива, чем та* или *Та гора менее высока, чем эта* должны были бы быть вовсе не столь уж редкими. Дело, видимо, в том, что подобные «инфериорные» глубинные структуры всегда — или почти всегда — могут реализоваться в «супериорных» поверхностных структурах типа *Та лошадь выносливее этой* или *Эта гора выше той*. Иными словами, наличие в языках лексических и грамматических конверсивов, позволяющих выразить «инфериорную» мысль «супериорно», — причина отсутствия шкалы инфериорности в языках. Употребление же «инфериорных» предложений (достаточно редкое) связано с актуальным членением.

К инфериорности можно отнести значение ослабленности признака, т. е. проявления его в меньшей степени, нежели это характерно для нормы. Это значение передается прежде всего лексическими средствами: *не совсем (не вполне) здоров, не слишком (не очень) умно, недостаточно хорошо, не то чтобы бежал, не до конца понял* и т. п. Далее, это значение выражается различными аффиксальными средствами, ср.: *сутуловатый, хриловато, полулёжа, недоразвитый, недослышать, почитывать, приотворять, поднимать* и т. д. В сущности, инфериорное значение сообщается также уменьшительными суффиксами: они обозначают, что у объекта тот или иной признак (чаще всего размер) представлен в меньшей степе-

ни, чем это свойственно данному классу объектов в норме (ласкательное значение, часто характерное для таких суффиксов, оставляется здесь в стороне).

Целесообразно различать сравнение, т. е. оценку степени признака, и более адекватную характеристику, т. е. более точное определение говорящим какого-либо явления. Так, в предложении *Он больше журналист, чем писатель* сравниваются два признака одного и того же объекта и констатируется, что один из них представлен в большей степени. С другой стороны, предложение *Он скорее журналист, чем писатель* означает, что характеристика данного лица как журналиста более адекватна, более точна, нежели другая. Предложения второго типа — это «в сущности скорее стилистическое, чем подлинное сравнение» (О. Есперсен). Ср. приписываемое Талейрану (а также Фуше и другим лицам) высказывание по поводу казни герцога Энгиенского по приказу Наполеона: *Это хуже, чем преступление, это — ошибка* (фр. *C'est plus (pire) qu'un crime, c'est une faute*).

Само отвергаемое слово может не приводиться: *Он скорее эгоист*. Наконец, характеризующее слово может отвергаться как недостаточно сильное, не вполне точное, но при этом не предлагается иная, адекватная оценка: *Это больше чем успех; Такой поступок хуже чем подлость; Это меньше чем мало* и т. п.

В работе будут использоваться термины «суперлатив», «элатив» и «интенсив», которые имеют следующие значения.

Суперлатив — наивысшая степень какого-либо признака у объекта по сравнению с другими объектами, например: *Из всех преподавателей кафедры он самый молодой; Москва — самый большой город России*.

Интенсив — высокая степень интенсивности признака у объекта, отмечаемая вне сравнения с другими объектами, например: *ультрареакционный, сверхсекретно, давным-давно, вот удружил так удружил, хоже-но-перехожено*.

Элатив — частный случай интенсива, а именно форма превосходной степени, используемая вне сравнения: *действовать с величайшей осторожностью, использовать сложнейшую (самую сложную) аппаратуру, прибегать к самым нелепым (нелепейшим) аргументам*.

Грань между суперлативом и элативом не всегда очевидна, что имеет место при недостаточности контекста. Так, предложение *Это событие мы расцениваем как важнейшее* может трактоваться двояко: событие расценивается как самое важное из всех прочих данных событий или оно расценивается как очень важное.

Компаративность может быть имплицитной и эксплицитной. Поскольку основным объектом описания в этой работе является эксплицитная компаративность, рассмотрим сначала некоторые случаи имплицитной компаративности.

Имплицитная компаративность представлена прежде всего в серии «параметрических» прилагательных *высокий/низкий, толстый/тонкий, глубокий/мелкий, тяжёлый/лёгкий, старый/молодой* и т. д. В сущности, они обозначают некое отклонение от среднего, нормального, типичного. В самом деле, *высокий человек* — это человек более высокого роста, нежели рост среднего представителя данного языкового коллектива: не случайно человек, называемый высоким у одного народа, может быть охарактеризован как человек среднего роста или даже невысокий другим народом. *Толстые пальцы тоньше тонких рук, тяжёлая шуба легче лёгкой лодки, молодой слон старше старого воробья* и т. д. и т. п.

Имплицитно компаративны, далее, принадлежащие к разным частям речи слова, в самой семантике которых заключена идея наивысшей степени какого-либо признака, но которые не имеют показателей этой высшей степени признака, например: *оптимальный* ‘наиболее благоприятный, более соответствующий’¹, *минимальный* ‘самый малый, наименьший’; слова *максимум* и *минимум* употребляются в русском языке как три грамматических омонима каждое: 1) как существительное ‘наибольшая/наименьшая величина’, например: *температурный максимум/минимум*; 2) как прилагательное (в постпозиции): *программа максимум/минимум*; 3) как наречие со значением ‘самое большое/самое малое’, например: *Доклад продлится максимум/минимум час*. Ср. также: *решающий фактор, магистральное направление, узловое вопрос, господствующее мнение, стержневая проблема* и т. д.

Имплицитно выражают интенсивность прилагательные *крайний* (*крайняя нужда*), *чрезвычайный* (*чрезвычайное волнение*), *невероятный* (*невероятные усилия*), *рекордный* (*рекордный урожай*), *выдающийся* (*выдающийся успех*) и множество аналогичных. Сходны с ними по значению употребляемые метафорически «эталонные» прилагательные, т. е. прилагательные, имеющие значение представленности признака в такой же высокой степени, какая характерна для объектов, обозначаемых существительным, от которого образовано прилагательное, например: *хирургическая чистота, математическая/ювелирная точность, астрономические числа, ледяная вода, китайские церемонии, драконовские меры* и т. п. Сюда же относятся усилительные прилагательные, характеризующиеся достаточно узкой сочетаемостью, например: *последний* (*последний негодяй, последнее дело, изругать последними словами*), *набитый* (*набитый дурак*), *круглый* (*круглый невежда, круглый дурак или идиот*)², *законченный* (*законченный*

¹ Поэтому неправильно употребление этого слова в превосходной степени — возникает тавтология. Тем не менее сочетание *наиболее оптимальный* встречается не столь уж редко, а в устной речи нам даже встретилось сочетание *очень оптимальный*.

² Несколько отличный оттенок прилагательное *круглый* имеет в сочетаниях *круглый сирота* и *круглый отличник*.

мастер, законченный художник, но также и законченный мерзавец, или подлец, или негодяй), прожжённый (прожжённый плут), отъявленный (отъявленный мерзавец, или негодяй, или сплетник), чистый (чистая случайность, чистый вздор, чистое безумие) и аналогичные. В этой же функции используются также атрибутивные сочетания типа большой руки (большой руки негодяй или подлец), чистой или чистейшей воды (идеалист чистой воды) и т. д.

Имплицитно суперлативны переносные значения существительных типа *верх, предел, зенит, апогей, потолок* и сходных. В этом же значении используются метафорически употребленные существительные типа *царь, царица, королева* и т. п. Об этих словах будет говориться подробнее ниже в разделе, посвященном существительным.

Компаративность имплицитна, далее, в заимствованиях, которые в исходном языке содержат эксплицитную суперлативную единицу; в заимствующем языке эта эксплицитность, естественно, отсутствует. Примером таких единиц может служить заимствование *бестселлер*.

Переходим к рассмотрению компаративности у различных частей речи.

Прилагательное

Основной способ выражения компаративности в языке — степени сравнения прилагательных. Поскольку это явление достаточно точно и полно описано, можно ограничиться отдельными замечаниями и уточнениями.

Классическая схема, как известно, такова: *сильный — сильнее* или *более сильный — самый сильный* или *сильнейший* (в краткой форме степени сравнения также: *сильнее всех* или *всего*). Правила дистрибуции синтетических и аналитических форм степеней сравнения в зависимости от морфологических особенностей слова в русском языке многократно описаны, и на них нет необходимости останавливаться. Объект, с которым производится сравнение, может быть либо вполне конкретным, например: *Оля старше Ани; Ивановы приятнее Петровых*, либо представлять собой нечто усредненное, обычное, ср.: *Ветер сегодня сильнее обычного; Количество осадков в октябре было ниже нормы*.

При сравнении степени интенсивности разных признаков у одного объекта может использоваться аналитическая форма сравнительной степени: *Он более хитёр, чем умён*. Более употребительна, однако, конструкция *не столько... сколько...*, например: *Он не столько болен, сколько устал*.

При сравнении степени интенсивности какого-либо признака у разных объектов или в разное время у одного объекта, помимо сравнительной степени, также используются различные лексические конструкции, в которых прилагательное может употребляться и в положительной степени, ср.: *По сравнению со сверстниками он (хорошо) начитан; В сравнении с про-*

шлым годом лето тёплое (или теплее); На фоне остальных сотрудников он (довольно) ленив; ср. также: Для спортсмена он неуклюж (указывается несоответствие: он более неуклюж, чем это свойственно спортсменам).

При сравнении с чем-либо наличным, настоящим, заданным объект сравнения часто не называется, поскольку он ясен из контекста, например: *Здесь требуется более гибкая политика* (подразумевается: чем та, которая ведется); *Нужен более эффективный контроль* (нежели тот, что осуществляется) и т. п.

При обозначении признака, представленного у одного из двух объектов в большей степени, чем у другого, в русском языке во всех случаях используется сравнительная степень: и когда назван объект, с которым производится сравнение, и когда он не обозначен: *Нижняя дорога короче верхней; Из этих двух дорог нижняя короче.* То же наблюдается, например, в немецком. В ряде языков, однако, форма сравнительной степени используется, как правило, только при указании на объект сравнения, в других же случаях употребляется форма превосходной степени: норв. *Den gule blyanten er kortere enn den svarte* ‘Желтый карандаш короче черного’; *Av disse to blyantene er den gule kortest* ‘Из этих двух карандашей желтый короче (букв. ‘самый короткий’)’; исключения из этого правила немногочисленны. Ср. также афр.: *die jongste van die twee kinders* ‘младший (букв. ‘самый младший’) из этих двух детей’; *Van ons twee is hy die oudste* ‘Из нас двоих он старший (букв. ‘самый старший’)’.

От форм сравнительной степени образуются производные неизменяемые формы с префиксом *no-*, имеющие общее значение умеренной степени признака. Они могут использоваться как при сравнении, так и вне его. Объект, с которым производится сравнение, может быть назван, например: *Они поумнее нас с тобой; Есть в Градове жилища и попримичней хат* (А. Платонов), но может подразумеваться, ср. разговорное выражение *Спроси что-нибудь полегче*, букв. ‘Задай более легкий вопрос’. Вне сравнения, т. е. в абсолютном употреблении, такие формы имеют значение положительной степени, например: *Дай мне в дорогу книгу поинтереснее.* Без контекста такие формы часто двусмысленны: *Налей мне чаю погорячее* может означать как ‘Налей мне чаю, более горячего, чем тот, что у меня’, так и ‘Налей мне достаточно горячего чаю’.

Прилагательные, используемые в сравнительной степени, не всегда могут в положительной степени сочетаться с названиями сравниваемых объектов, что уже отмечалось в литературе. Так, можно сказать про двухгодовалого Юру, что он *старше* годовалого Димы, но ни о Юре ни о Диме нельзя сказать, что они *старые*.

Суперлативность, естественно, в первую очередь выражается формами превосходной степени: *самый сильный ливень за год, старейший член*

кафедры. Помимо названного способа значение суперлативности может передаваться рядом более или менее лексикализованных конструкций с формами сравнительной или положительной степени: как параллели к предложению *Он самый сильный игрок в команде* возможны *Он сильнее всех других (всех прочих, всех иных, остальных) игроков в команде; Он силён как ни один другой (никакой другой, никакой иной) игрок в команде* и др.

Интересное явление — возникшая сравнительно недавно форма, которую можно назвать «неуточненным суперлативом» — редуцированное сочетание *самый-самый*, в зависимости от контекста означающее ‘самый лучший’, ‘самый большой’, ‘самый популярный’, ‘самый знаменитый’, ‘самый модный’ и т. д.: *Здесь собрались самые-самые; Она всегда покупает самое-самое* и т. п.

Суперлатив может быть ослаблен. Один из способов такого ослабления — отнесение объекта к группе объектов, у которых данный признак представлен в наиболее сильной степени: *один из самых больших городов мира, одна из самых значительных книг*. Эта конструкция есть во многих языках. Вариант ее представлен в исландском, где непосредственно перед суперлативом используется числительное *einn* ‘один’: *ein besta kvikmynd* ‘один из лучших кинофильмов’, букв. ‘один лучший кинофильм’. Другой способ ослабления, отсутствующий в русском языке, — употребление порядкового числительного перед суперлативом, ср. норв. *den fjerde minste by* ‘четвертый с конца по величине город’, букв. ‘четвертый самый маленький город’. Далее, суперлатив может сочетаться со словом со значением ‘возможный’, и конструкция, таким образом, ограничивает степень интенсивности признака возможностями ситуации: *с наименьшими возможными потерями*. В этой конструкции в ряде языков есть определенная специфика: норв. *med størst mulig omhu* ‘с максимально возможной тщательностью’, букв. ‘с наибольшей возможной...’, нем. *die grösstmögliche Ausnutzung* ‘максимально возможное использование’ и др.

Справедливо утверждение, что относительные прилагательные не образуют степеней сравнения. Вместе с тем вполне возможны предложения типа *А более русский писатель, чем Б* и *А самый русский из всех русских писателей*. Объясняется это тем, что в таких предложениях прилагательное типа *русский* является не относительным, т. е. имеющим значение ‘русской национальности’, а качественным: ‘обладающий теми признаками, которые характерны для русских’.

Как неоднократно отмечалось в литературе, не образуют степеней сравнения и качественные прилагательные, обозначающие признаки, которые не градуируются, т. е. либо наличествуют, либо отсутствуют. Отклонения от этого правила индивидуальны. Ярким примером такого употребления может служить знаменитое оруэлловское предложение (став-

шее крылатым словом как в английском, так и в русском): All animals are equal, but some animals are more equal than others 'Все животные равны, но некоторые животные более равны, чем другие'. Существенно, что в таких употреблениях происходит известный сдвиг значения: в данном случае *более равны* означает, конечно, 'формально считаясь равными, обладают большими правами'.

Интенсивность признака выражается рядом способов.

Самый распространенный и тривиальный — использование различных наречий и словосочетаний со значением меры: *очень хороший, крайне удачный, исключительно важный, в высшей степени лестный; До чего же красива!; Чрезвычайно приятный, и какой умный, какой начитанный человек!* (Н. Гоголь); *И крепко на руку нечист* (А. Грибоедов) и т. п.

Широко используется элатив: *до мельчайших подробностей, с величайшим удовольствием, с самыми серьезными намерениями; Вакорин... делал из лица пренепечальнейшую мину* (А. Писемский); *Теперь пойдут дела наиотличнейшим порядком* (Н. Гоголь); *Прошу принять, — говорила трубка, — мои наилучшие, наигорячейшие приветы и пожелания!* (М. Булгаков).

Следующий, также очень распространенный способ выражения интенсивности признака, представленный во множестве языков, — это аффиксация.

Префиксация как средство выражения интенсива в русском языке достаточно хорошо описана, и поэтому можно ограничиться лишь приведением примеров, ср.: *распрекрасный, пренеприятный, сверхсекретный, ультрарадикальный, супертяжеловесный, архиважный, всесильный* и т. д. Сказанное относится и к суффиксации, например: *большущий, высоченный, широченный*, ср. также *малюсенький, махонький*. Значение многих таких суффиксальных образований соотносимо только с отдельными лексико-семантическими вариантами (далее ЛСВ) мотивирующего прилагательного; так, *худющий (худущий)* — это интенсив от *худой* в значении 'тощий'; *здоровенный (здоровущий)* — от *здоровый* в значениях 'большой', 'сильный'; *страшенный* — от *страшный* в значениях 'пугающий своим безобразным видом', 'очень сильный'. Из этого, представляется, следует важный для лексикографии вывод, что такие аффиксальные интенсивы должны указываться в русских словарях в соответствующих статьях, эвентуально при соответствующих ЛСВ.

Для русской разговорной речи очень характерен еще один способ выражения интенсивности признака — удлинение ударного гласного слова или начального согласного. Удлинение гласного особенно типично для интенсивов от прилагательных, обозначающих количество, размеры и т. п., причем это обозначение обычно сопровождается экспрессивной оценкой: *ма-аленький(-ма-алень-кий), огро-омный(-преогро-омный)*. Характерно, что

при обозначении маленьких размеров и при положительных эмоциях удлинённый гласный обычно произносится на высоком тоне, а при обозначении больших размеров и при отрицательных эмоциях — обычно на низком. Удлинение начального согласного, сопровождающееся энергичной, но укороченной артикуляцией ударного гласного, который при этом сильно сужен, закрыт, имеет место в сильно аффектированной речи при отрицательных эмоциях: *ч-чудовищный, м-мерзкий*. Удлинение, естественно, может усиливать уже усиленные тем или иным способом формы: *ху-у-денький-ху-у-денький, тоню-юсенький-претоню-юсенький, м-мерзей-ший*.

Выражение интенсивности с помощью удлинения того или иного сегмента слова (квантитативный интенсив) в русском языке всего отчетливее проявляется, всего чаще используется у прилагательных, но, разумеется, характерно и для других частей речи, ср.: *немно-ожко(-немно-ожко), ходил(-ходи-ил), з-зараза*.

Квантитативный интенсив — широко распространенное языковое явление. В некоторых языках, например, переход краткого корневого гласного глагола в долгий обозначает длительное действие; так, в индийском языке луисеньо *ṣoṅi* означает ‘рубить коротким ударом’, а *ṣo:ṅi* — ‘пилить’. В древнееврейском при образовании интенсивной породы глагола второй согласный корня подвергался геминации (при этом, правда, еще изменялась огласовка корня, т. е. выступал другой трансфикс), ср. *ganav* ‘красть’ — *ginne:v* ‘неоднократно воровать’, *qatal* ‘убил’ — *qittel* ‘преступно убил’. Возникновение квантитативного интенсива может, видимо, рассматриваться как определенный вид звукоподражания, или, скорее, звуковой символики: увеличенная длительность гласного как бы имитирует длительность действия, а более энергичная артикуляция согласного (в частности, геминация) имитирует более интенсивное действие.

Весьма употребителен в русском языке и такой способ выражения интенсивности признака, который можно назвать редупликационным интенсивом, т. е. использование удвоения прилагательного: *старый-старый, скромный-скромный, зелёный-зелёный* и т. д. Явление это широко представлено в самых различных языках, например в африкаанс, индонезийском, цезском (одном из языков Дегестана) и др. Что касается русского редупликационного интенсива, то дистрибуция прилагательных требует специального изучения, и поэтому приходится ограничиться лишь отдельными соображениями. Так, если взять только цветообозначения, то, видимо, рассматриваемая конструкция затруднительно образуется от многосложных прилагательных, особенно иноязычного происхождения: ? *фиолетовый-фиолетовый*, ? *лиловый-лиловый*, ? *бежевый-бежевый* и вообще невозможна от прилагательных, образованных от существительных: **салатный-салатный*, **фисташковый-фисташковый*. Неупотребительна, да-

лее, эта конструкция от обозначений специфических оттенков цвета (например, названий лошадиных мастей: *гнедой-гнедой, *каурый-каурый) или, напротив, от прилагательных, обозначающих достаточно широкий цветовой диапазон (*каштановый-каштановый, *карие-карие). Характерно, что все эти прилагательные не образуют краткой формы и степеней сравнения. Не образуют редупликационного интенсива также прилагательные типа *босой*, т. е. обозначающие неградулируемые признаки; о них говорилось выше.

Эта конструкция имеет вариант, в котором второй компонент используется с префиксами *пре-*, *раз-* и *пере-*: *злой-презлой*, *толстый-претолстый*, *весёлый-развесёлый*, *удалый-разудалый*, *латаный-перелатаный*, *чиненый-перечиненый*. Особо отметим несколько сходный случай, строго говоря, не являющийся редупликационным интенсивом: *такой-сякой(-разэтакий)* или *такой-разэтакий*; это сочетание используется как эвфемизм.

Существенно, что неотъемлемым элементом данной конструкции является специфический интонационный рисунок: в русском языке первый элемент произносится высоко или с повышением тона (с эвентуальным последующим понижением). Это хорошо видно при сопоставлении с обычным повтором, ср.: *интересно-интересно* и *интересно*, *интересно*.

В некоторых языках редупликация может сопровождаться суффиксацией или использованием других средств; так, в индонезийском редулицированная форма может обрамляться циркумфиксом *se-...nja* и иметь значение суперлатива: *sebaik-baiknja* 'самый лучший', ср. *baik* 'хороший'.

Особым вариантом редупликации в русском языке является конструкция «тв. п. ед. ч. м. р. + им. п. ед. ч.»: *белым-бело*, *темным-темно*, *полным-полна коробочка*. Ее характеризуют следующие особенности: 1) она образуется от крайне ограниченного количества лексем; 2) она употребительна только в краткой форме и, следовательно, только как предикатив: *Комната была полным-полна* — **Комната была полным-полная*, **полным-полная комната*; 3) в ней используются только формы ж. и ср. рода: *Комната была полным-полна*, *Помещение было полным-полно*, но не **Зал был полным-полон*. Отметим также вариант *располным-полна коробочка*; другие реализации данной конструкции с этой приставкой, видимо, не встречаются.

Конструкция «компаратив + род. п. ед. ч. м. (ср.) р.», так же как и предыдущая, употребляется только как предикатив: *Вопрос яснее ясного*; *Сделать это проще простого (легче лёгкого)*; *Дело это вернее верного*.

Конструкция явно лексически ограничена и притом наполнима только прилагательными с положительным значением: невозможно **труднее трудного*, **сложнее сложного*.

Столь же ограничен другой редупликационный вариант — «краткая форма + форма с интенсивно-ласкательным значением»: *рад-радёхонек*

(рад-радёшенек), бела-белёхонька (бела-белёшенька); сюда же следует отнести образованное от числительного *один* сочетание *один-одинёшенек* (*один-одинёхонек*), поскольку *один* выступает в значении ‘одинокий’ как прилагательное.

Выше были описаны различные в большей или меньшей степени грамматикализованные способы выражения компаративности и интенсивности у прилагательных. Рассмотрим другие способы выражения компаративности.

1. Прилагательные типа *верхний/нижний, дальний/ближний, северный/южный* и т. д. В сущности, они компаративны, поскольку имеют значение ‘находящийся более к.../находящийся менее к...’; не случайно, что их соответствия в некоторых языках представляют собою прилагательные в сравнительной степени. Примеры: *нижняя дорога*, ср. то же в норвежском: а) (den) nedre veien (из двух; *nedre* — форма сравнительной степени, что противоречит современному употреблению — ср. выше, но сохраняется в подобных парных прилагательных), б) *den nederste veien* (из трех и более; *nederste* — форма превосходной степени). Эти прилагательные могут придавать конструкции партитивное значение: *верхние дыхательные пути, Нижняя Волга, Западная Европа, Дальний Восток* и т. п.

2. Прилагательные типа *верховный, генеральный, главный, центральный*, обозначающие верхнюю ступень в иерархии: *Верховный Совет, Генеральный Секретарь, главный конструктор*. Ср. также сложные слова с первым адъективным элементом: *главнокомандующий*, историзм *Центросоюз* и др. Сюда же можно отнести переносное значение ‘превосходящий других, самый главный, лучший’ у числительного *первый* (этот ЛСВ лексемы *первый* следует считать адъективным)³: *первый ученик, первая красавица, первый сорт, первый класс* (на пароходе и т. п.), *первый закон нашего общества*; шутол. *первый парень на деревне*.

Разумеется, существует также ряд различных определений — словосочетаний более или менее устойчивого состава, выполняющих сходную функцию (т. е. имеющих суперлативное значение), типа *занимавший первое место в мире, возглавляющий турнирную таблицу* (или *занимающий верхнюю строку в турнирной таблице*), *имеющий первостепенное значение, превосходящий всё остальное, не имеющий* (или *не знающий*) *равных* и т. д. и т. п.

Инferiorность, обозначающаяся, как уже говорилось, чисто лексическими способами, имеет, как и супериорность, две ступени: компаратив, ср. *менее удачная попытка*, и суперлатив, ср. *наименее удачная попытка*.

³ В пользу этой трактовки говорит и тот факт, что лексема *первый* в этом значении может в сочетании с некоторыми существительными образовывать форму превосходной степени: *первейшая обязанность, первейший долг, первейшая задача*.

Значение инфериорного суперлатива имплицитно содержится в семантике ЛСВ прилагательного *последний* 'низший в ряду подобных, самый незначительный из всех', ср.: *Вы возьмите всякую негодную, последнюю вещь, например, даже простую тряпку, — и в тряпке есть цена* (Н. Гоголь). В этом значении прилагательное *последний* часто усиливается с помощью показателя суперлатива *самый* и/или приставки *рас-*: *Он когда-то, где-то служил, был без малейших способностей и занимал самое последнее, самое незначительное место на службе* (Ф. Достоевский); *Он там самое распоследнее лицо*. В выражении (*самое*) (*рас*)*последнее* дело налицо известный сдвиг значения: им выражается крайнее неодобрение чего-либо. Отметим также обычный перевод английского выражения *last but not least* — *последний (последнее) по счету (по порядку), но не по значению (не по важности)*.

Признак может описываться не только как статический, но и в динамике, как изменяющийся во времени. В русском языке есть два способа выражения этого значения, а также широко используется комбинация этих способов: *Свет становится всё ярче; Свет становится ярче и ярче; Свет становится всё ярче и ярче*.

Признаки разных объектов могут находиться в зависимости один от другого: *Чем ночь темней, тем ярче звезды* (А. Майков).

Переходим к рассмотрению отношения равенства, выражаемого при помощи прилагательных.

Здесь различаются следующие случаи: установление одинаковой степени одного признака у разных объектов, установление одинаковой степени разных признаков у разных объектов и установление одинаковой степени разных признаков у одного объекта.

Установление одинаковой степени одного и того же признака у разных объектов — наиболее частый и достаточно очевидный случай: *Он так же скромен, как и его отец; Было светло как днём; Глупая старость жалка не менее, чем трусливая юность* (И. Бабель) и т. п. Об этом говорилось выше во вводной части работы. Отметим, что в некоторых языках есть особые эквивалентные показатели, например в индонезийском: *orang sebarani singa* 'человек, храбрый как лев', где *se-* — показатель одинаковой степени признака.

Значительно реже встречаются предложения, в которых констатируется одинаковая степень разных признаков у разных объектов, т. е. предложения типа *Он был столь же толст, сколь худа была его жена; Княжна была столь же беспорядочна, как отец ее порядочен* (Л. Толстой).

Третий случай — установление равенства интенсивности разных признаков у одного и того же объекта: *Он столь же коварен, сколь осторожен; Задание это столь же трудно, сколь и почётно*. Это также не очень частый случай.

В приведенных выше случаях признаки рассматривались статически. Вместе с тем возможно их рассмотрение в динамике, т. е. установление равенства изменяющихся во времени признаков. В таких высказываниях чаще используются наречия, о чем будет говориться ниже, но все рассмотренные выше типы соотношений могут выражаться и чисто адъективно: а) одинаковая степень одного и того же признака у разных объектов, ср.: *Чем сумрачнее становилась погода, тем сумрачнее становилось его настроение*; б) одинаковая степень интенсивности разных признаков у разных объектов, ср.: *Чем старше мы делаемся, тем богаче становится наш опыт*; в) равенство интенсивности разных признаков у одного и того же объекта: *Чем старше он делается, тем он становится осторожнее*. Изменение признака может, естественно, обозначаться не только конструкциями с глаголом, ср.: *С возрастом (= чем старше он становится) он становился все скупее*.

Наречие

Наиболее употребительный способ выражения компаративности у наречий — степени сравнения, что многократно и подробно описано. Степени сравнения наречий полностью совпадают по способу образования и относительноны по значению со способом образования и значением степеней сравнения прилагательных. Поэтому ряд уточнений, касающихся степеней сравнения прилагательных, относится и к наречиям. Они вкратце перечисляются ниже.

Способ протекания действия, с которым производится сравнение, может быть либо вполне конкретным, например: *Аня учится лучше Иры (чем Ира)* (т. е. лучше, чем учится Ира), либо являться нормой, чем-то обычным, например: *Сегодня дует сильнее обычного* (т. е. сильнее, чем дует обычно).

При сравнении степени интенсивности разных способов протекания действия обычно используется конструкция *не столько..., сколько...*, например: *Слова эти прозвучали не столько вопросительно, сколько удивленно*; ср. также: *Слова эти прозвучали скорее вопросительно (чем удивленно)*.

Формы компаратива с *по-* могут означать как более сильную степень по отношению к той, с которой проводится сравнение (*Он работает побыстрее нас с вами*), либо могут иметь значение положительной степени (*Сделай это побыстрее*); вне контекста такие формы часто двусмысленны: *Говори потише* может означать и 'Говори тише, чем ты сейчас говоришь' и 'Говори тихо'. Отметим фразеологичность сочетания *послать (куда-нибудь) подальше*.

Наречия, используемые в компаративе, не во всех случаях могут в положительной степени сочетаться с глаголами, описывающими сравнивае-

мые действия. Например, можно сказать: *Черепаша ползёт быстрее улитки*, но нельзя сказать: *Черепаша ползёт быстро*.

Ослабленный суперлатив у наречий имеет несколько вариантов. Наиболее распространенный — сочетание с наречием или словосочетанием со значением ‘возможно’, что ограничивает степень интенсивности протекания действия ситуацией (силами, обстоятельствами, средствами и т. д.): *как можно скорее, насколько* (уст. *елико*) *возможно*, норв. *snarest mulig* ‘как можно скорее’, букв. ‘скорейше возможно’.

Значение суперлативности, помимо форм превосходной степени, передается некоторыми более или менее лексикализованными способами с иными формами наречия: наряду с предложением *Он работает быстрее всех* употребляются предложения *Он работает так быстро, как никто другой; Он работает быстрее, чем другие*; ср. также: *Сегодня он работает быстро как никогда; Я никогда не видел, чтобы так быстро работали* и др.

Интенсивность способа протекания действия выражается рядом средств.

Используются различные наречия и словосочетания со значением меры: *очень медленно, крайне примитивно, невероятно детально, поразительно однообразно, более чем странно, как нельзя более основательно* и т. д.

Элатив особенно употребителен в книжных устойчивых сочетаниях типа *настоятельнейшие рекомендую, покорнейшие благодарю (прошу), охотнейшие сделаю это*. Употребление элативных форм в иных случаях в современном языке ограничено. Так, хотя и возможны предложения типа *Мы отличнейшие провели время; Он увлекательнейшие рассказывал об этом*, вместо таких форм предпочитают сочетания со словом *образ*: *Мы отличнейшим образом провели время; Она убедительнейшим образом доказала это* и т. д.

Широко используются как показатели интенсива наречий префиксация и суффиксация: *прескверно, распрекрасно, сверхсекретно* и т. п.; *чашенько, быстренько, тихохонько, ранёхонько (ранёшенько), маленько (маленечко, прост. маненечко)* и т. д.

Интенсивность может также выражаться удлинением ударного гласного слова или начального согласного — так же, как у прилагательных: *ра-ано, г-гадко*.

Свойствен наречиям и редупликационный интенсификатор: *рано-рано, немножко-немножко* и т. п. Он может сочетаться с другими способами интенсификации, например с растяжкой (*чу-уточку-чу-уточку*), с формой тв. падежа ед. числа м. (ср.) рода мотивирующего прилагательного (*давным-давно*). Специфически адвербиальным редупликационным интенсификатором яв-

ляется конструкция «наречие + то же наречие с ударным префиксом *на-*»: *строго-настрого, крепко-накрепко, перво-наперво*; окказиональное *мелко-намелко*.

Степень интенсивности одного действия может находиться в зависимости от степени интенсивности другого: *Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей* (А. Пушкин).

Различные отношения равенства выражаются, так же как и у прилагательных, с помощью разных союзов и прономинальных лексем: *Он бежал быстро как заяц; Он говорил столь же тихо, сколь громко говорила его жена; Он действовал столь же коварно, сколь и осторожно*.

Степень интенсивности «признака признака», обозначаемого наречием, может рассматриваться не только в статике, но и в динамике, т. е. как изменяющаяся во времени. Способы выражения значения такого нарастания, усиления те же, что и у прилагательного: *Самолёт поднимался все выше* (или: *выше и выше; всё выше и выше*). Возможно сравнение таких изменяющихся «признаков признаков». При этом описываемые ситуации могут различаться числом агентов, числом действий и числом способов их протекания, ср.: *Чем больше мы работаем, тем увереннее мы себя чувствуем; Чем дальше он углублялся в лес, тем причудливее петляла тропинка* и т. д. Такого типа предложения легко свертываются: *Чем дальше в лес, тем больше дров* (ср. трактовку этой пословицы: *Чем дальше развиваются события, тем больше возникает трудностей, осложнений и т. п.*).

Глагол

Глагол как часть речи обозначает процесс в широком смысле слова (действие, состояние, отношение) или признак, развивающийся во времени. Степень интенсивности этого признака, естественно, может варьироваться, однако характер варьирования обычно уточняется обстоятельствами, т. е. другими словами — наречиями, субстантивными словосочетаниями и т. д. Поэтому компаративность свойственна глаголам лишь в малой степени. Регулярные степени сравнения у глагола — такие, как в болгарском языке (*Аз по зная* ‘Я лучше знаю’, *Аз най зная* ‘Я лучше всего знаю’), — явление достаточно редкое. Ниже рассматриваются разные типы компаративности у русского глагола.

Прежде всего выделим глаголы с компаративной семантикой, т. е. глаголы, само значение которых состоит в указании на большую либо меньшую степень представленности признака у одного объекта по сравнению с другим(и): а) *превзойти, затмить*; разг. *перецеголять, переплюнуть, заткнуть за пояс, утереть нос кому-л.* и т. д.; б) *уступить, померкнуть перед кем-л., чем-л.*; также: *не выдерживать сравнения с кем-л., чем-л., не годиться в подметки кому-л.* и т. д.

Далее, выделяется группа глаголов с префиксом *пере-*, обозначающих, что действие осуществляется одним объектом (обычно лицом) более интенсивно, более успешно, чем другим: *Он перекричал её; Ты переспорил всех; Она меня перехитрила; В этом матче Каспаров переиграл Карпова.* Другая группа глаголов с тем же префиксом *пере-* не содержит в себе идеи сравнения, а означает, что действие осуществлено излишне интенсивно или излишне длительно по сравнению с нормой, желательным, целесообразным и т. д.: *пересолить, перегрузить(ся), переохладиться, перекормить* и т. д. Антонимичны этой группе глаголы с префиксом *недо-*: *недосолить, недогрузить(ся), недоспать* и т. д.

Возможно сравнение интенсивности разных действий, осуществляемых одним агенсом: *Она не столько слушала докладчика, сколько думала о своём; Это слово не столько оскорбило Горохова, сколько взбесило меня* (Ф. Гладков). Действие агенса может также сопоставляться по интенсивности с действием, которому он сам подвергается: *Произошла баталия, во время которой Микаладзе не столько сражался, сколько был сражаем* (М. Салтыков-Щедрин).

Эта же конструкция может, однако, иметь и другое значение — значение более адекватной характеристики: *Он не столько испугался, сколько обиделся.* Об этом см. выше.

Могут, разумеется, также сравниваться по интенсивности одинаковые действия, осуществляемые разными агенсами. Обычно это обозначается при помощи наречий или других обстоятельственных слов, ср.: *Вообще в те времена в наших краях в женской красоте больше всего ценилась бровастость, глазасть и длинноконость* (Ф. Искандер). Возможно, однако, и иное — чисто лексическое — выражение такого отношения, ср.: *Все трое, чтобы никто не мешал, после обеда заперлись в прокопченной бане <...>. К утру пьеса была окончена. В сущности, сочинял-то Мохов, а те двое — так себе* (В. Шишков).

Самое распространенное средство обозначения интенсивности глагольного действия — при помощи наречий и других обстоятельственных слов или словосочетаний: *очень хочется, совсем забыл, ну и повезло, решительно возражаю, целиком и полностью поддерживаю; Зато, брат Чичиков, как покутили мы в первые дни!.. Уж так покутили!* (Н. Гоголь). Этот же способ используется для характеристики ослабленности действия: *слегка пожурил, чуть-чуть (чутьочку) взволновался, не очень обрадовался* и т. д.

Степень интенсивности действия может выражаться, далее, посредством аффиксации. Интенсивность действия обозначается в русском языке префиксом *раз-*: *разобидеть, разубрать, разрекламировать, распропагандировать; Разодолжили-с... Нечего сказать...* (К. Станюкович). Ослаб-

ленность действия, совершение его не в полную меру, не в полной степени обозначается приставками *при-* и *под-*: *притворить, привстать, приушиить, подгнуть, подрасти, подмокнуть*. То же значение с дополнительным оттенком 'время от времени' передается приставкой *по-* в сочетании с суффиксом *-ыва-* (*-ива-*): *почитывать, постанывать, поигрывать* и т. д. Некоторые языки обладают значительным набором таких аффиксов, выражающих интенсивность глагольного действия, например норвежский: *gråte* 'плакать' — *strigråte, storgråte, sigråte* 'рыдать', *nigråte* 'непрерывно плакать', *smågråte* 'тихо плакать'.

Важное средство выражения интенсивности протекающего процесса — повторение глагольной формы: *Пристал и пристал: едем и едем* (А. Макаренко); *Искала-искала, искала-искала — нет!* (Ф. Достоевский); *...а другие идут да идут* (П. Бажов). Способ этот свойствен многим языкам, ср. норв.: *Det regner og regner* 'Дождь все идет и идет'; ср. также хауса: *fi* 'превосходить' — *fifita* 'намного превосходить', *sani* 'знать' — *sansani* 'точно знать'.

Высокая степень интенсивности передается, далее, конструкцией «*вот + глагольная форма + так + та же форма*»: *Вот удивил так удивил!*; *Вот уж работает так работает!*

Конструкция «страдательное причастие прош. вр. ср. р. + то же причастие с префиксом *пере-*» обозначает кратность действия: *говорено-переговорено, думано-передумано, хожено-перехожено, снето-перенето*.

Существительное

У существительных выделяются два основных типа компаративности: при сравнении различных (однородных) объектов и при сравнении различных признаков (сторон) одного и того же объекта.

Наиболее распространенным способом выделения объекта среди других однородных как выдающегося, наиболее значительного и т. п., естественно, является использование формы превосходной степени определяющего прилагательного, например: *самая замечательная книга*. Этот способ характеристики объекта рассмотрен выше, в разделе, посвященном прилагательным; в данном же разделе будут рассмотрены иные — чисто субстантивные — грамматические средства выражения компаративности, прежде всего суперлативности. В этом же разделе будут рассмотрены также субстантивированные прилагательные.

В современном русском языке существуют как чисто грамматические субстантивные способы выражения суперлативности и интенсивности, так и используемые в этих целях лексикализованные словосочетания — клише.

Ниже описываются чисто грамматические (морфологические) способы выражения суперлативности (1–2) и интенсивности (3–8) у существи-

тельных в современном русском языке. Все они представляют собой различного типа повторы.

1. Конструкция «существительное в им. п. ед. ч. + то же существительное в род. п. мн. ч.». Эта конструкция, в общем, мало продуктивна: кроме библеизмов *Песнь Песней*, *святая святых*, *тайное тайных*, *суета сует*, она представлена всего лишь несколькими устойчивыми единицами типа *вопрос вопросов*, *проблема проблем*, *задача задач*, *начало начал*. Ср. также: *Каждый поэт загадочен. Лермонтов — загадка загадок* (Неделя. 1989. № 28). Сочетание *царь царей* имеет два значения. Одно из них — ‘первый среди царей’ — входит в число рассматриваемых здесь, ср.: *Его [мастера Саади] ковры были и в Тегеране в покоях царя царей и шаха шахов* (П. Павленко). Второе значение — ‘царь над царями’, т. е. ‘бог’. В лексикализованном библеизме *во веки веков* (ср. лат. *in saecula saeculorum*) идея суперлативности в значительной мере стерта, поскольку он имеет значение ‘навсегда, навечно’.

В русском языке рассматриваемая конструкция в общем сравнительно редко используется окказионально. В некоторых языках она представлена шире. Например, в норвежском нами отмечены употребления, не допускающие дословного перевода на русский: «Nettenes natt» (букв. ‘«Ночь ночей»’) — название романа Б. Ронгена (в нем в аллегорической форме изображено нападение нацистской Германии на Норвегию); *novembers november* — букв. ‘ноябрь ноябрей’ (Г. Столесен); здесь, правда, первое существительное употреблено в ед. числе, поскольку оно не имеет формы мн. числа; *hyllenes hylle* — букв. ‘полка полок’ (из рекламы мебели) и т. п. Ср. также нид. (ирон.) *ezel der ezels* — букв. ‘осел ослов’ и аналогичные.

Эта конструкция по своему происхождению иноязычна. Она восходит к Библии и является, так сказать, морфологической калькой: в древнееврейском языке с помощью такого род. падежа обозначался наиболее выдающийся из класса объектов, именуемых данным существительным, например: *shir hash-shirim* ‘Песнь Песней’, т. е. самая выдающаяся песнь, «высшая песнь». Эта генитивная конструкция была скалькирована в древнегреческом переводе Библии — Септуагинте (*asma ton asmaton*) и в латинском — Вульгате (*canticum canticorum*), откуда она, в свою очередь, была скалькирована в переводах на другие языки, ср. нем. *Das Lied der Lieder*, англ. *The Song of the Songs*, норв. *Sangenes sang*, исл. *Ljóðaljóðin*, фр. *Cantique des cantiques* и др.⁴ В грамматической традиции некоторых стран, например Нидерландов, этот род. падеж так и называется «библейским» или «древнееврейским».

⁴ В некоторых языках в переводах Библии использованы также (или только) конструкции, означающие ‘высшая степень’, ср. нем. *das Hohelied Salomon*, норв. *Salomos høysang*, нид. *Hooglied van Salomo*, афр. *Die Hooglied van Salomo* и т. д.

2. Конструкция «существительное + второе существительное в род. п.». Первое существительное получает в этой конструкции дополнительное суперлативное значение ‘самый главный, выдающийся’, а второе указывает — чаще всего — период, в котором выделяется объект, обозначаемый первым существительным, ср. *стройка века, событие года, спектакль сезона*; ср. также *вождь всех времён и народов*.

Видимо, эта конструкция образовалась в результате эллипсиса определяющего прилагательного типа *главный, важнейший* и т. п., ср. *главная стройка века, важнейшее событие года* и т. д. Сходное развитие имело место, например, в норвежском языке, в котором словосочетание *alle tiders beste/største* и т. д. ‘лучший, наибольший и т. д. всех времен’ теперь широко употребляется в разговорном стиле без прилагательного в превосходной степени: *alle tiders film* — букв. ‘фильм всех времен’, т. е. ‘прекрасный фильм’, *været var alle tiders* — ‘погода была отличной’ и т. п.

Сходна с рассматриваемой сравнительно недавно возникшая скалькированная с английского языка конструкция «*мисс* + название города, страны, части света и т. д. + сокращенное обозначение года», ср. *Мисс Франция–90, Мисс Европа–89, Мисс Вселенная–88*.

3. Конструкция «существительное + *из* + то же существительное в род. п. мн. ч.», например: *чудо из чудес, герой из героев, знаток из знатоков, гений из гениев, дурак из дураков, сильнейший из сильнейших*. Ср. также: *повеса из повес* (А. Пушкин), *красота из красот* (Я. Полонский) и (ирон.) *Господин Искаритов / Патриот из патриотов* (В. Курочкин). В этой конструкции, по-видимому, используются только те существительные, которые имеют явный признаковый характер, т. е. выделяют какое-то главное качество объекта. Этим и объясняется блоковское *роза из роз*. Вряд ли возможны в этой конструкции существительные, обозначающие многопризнаковые объекты, т. е. не имеющие главного, ведущего признака; так, сомнительны сочетания вроде ? *стол из столов, ? квартира из квартир* и т. п.

Эта конструкция может с достаточным основанием рассматриваться как интенсив, а не как суперлатив. В самом деле, сочетание *чудо из чудес* означает ‘величайшее чудо’ и, разумеется, не подразумевает, что произведено сравнение данного чуда с другими.

4. Конструкция «*всем* + существительное в дат. п. мн. ч. + то же существительное в им. п. ед. ч.», ср. *всем книгам книга, всем дачам дача, всем грибам гриб*. Конструкция явно носит разговорный характер и, видимо, лексически довольно ограничена: в ней используются, как правило, существительные, обозначающие конкретные неодушевленные объекты. Употребление в ней существительных, обозначающих лицо, вряд ли возможно: ? *всем бегунам бегун, ? всем директорам директор*. Сомнительна так-

же возможность использования в ней существительных — обозначений животных, ср. ? *всем котам кот*, ? *всем скакунам скакун*.

Конструкция по преимуществу выражает положительную оценку. Поэтому в ней обычно не используются существительные, обозначающие что-либо нежелательное, неприятное, неэстетичное и т. п., вроде ? *всем трещинам трещина*, ? *всем свалкам свалка*, ? *всем прыщам прыщ* и т. п. Ср., впрочем: *Всем пожарам пожар* (Правда. 1990. 23 февр.).

Как и предыдущая, данная конструкция по значению является интенсивом: уже само слово *все*, входящее в нее, едва ли подразумевает возможность полного сравнения.

5. Конструкция «существительное в им. п. ед. ч. + то же существительное в тв. п. ед. ч.»: *стоял дурак дураком*, *выглядел тень тенью*, *проявил себя свинья свиньей*. Ею выражается интенсивность признака, полное соответствие характеристике. Лексическое наполнение этой конструкции очень ограничено, при этом существительные, употребляющиеся в ней, имеют выраженный экспрессивный, как правило пейоративный, характер. Поэтому в ней не могут употребляться существительные нейтральные (**статья статьёй*, **учитель учителем*, **обед обедом*) или содержащие положительную оценку (**молодец молодецом*, **умница умницей*). Несколько особняком стоит сочетание *чин чином* (также: *чин по чину* и разг. *чин чинарём*). Этой конструкции соответствуют две ей омонимичных, не являющихся интенсивом. Первая из них имеет уступительное значение ‘как бы ни было важно’: *Работа работой, но о здоровье тоже надо помнить; Дружба дружбой, а табачок врозь*. Вторая состоит из двух структурно одинаковых элементов и имеет значение ‘данное важно, но другое еще важнее’ или ‘данное — одно дело, другое — нечто отличное, и не следует их смешивать’: *Спорт спортом, а работа работой; Дружба дружбой, а служба службой*.

6. Конструкция «*вот* + существительное + *так* + то же существительное» обозначает интенсивность признака, высокую степень его проявления, точного соответствия названию; произносятся обычно с восклицательной интонацией: *Вот (это) дом так дом!*; *Вот (уж) ветер так ветер!* По значению соотносима с конструкцией 4, ср.: *Вот это новость так новость! Всем новостям новость!* (В. Шукшин).

Объект может, далее, характеризоваться через составляющие его элементы, части и т. п. Здесь выделяются две конструкции.

7. Конструкция «существительное + *к* + то же существительное в дат. п. ед. ч.» имеет усилительное значение высшего качества, отборности объекта, состоящего из однородных элементов: *ягодка к ягодке*, *бусинка к бусинке*; *Красноармейцы были набраны молодец к молодцу* (Д. Фурманов).

8. Конструкция «существительное + *на* + то же существительное в предл. п. ед. ч.» обозначает множественность каких-либо — обычно неже-

лательных — частей, элементов в чем-либо, у чего-либо: *Дорога — яма на яме (ухаб на ухабе, выбоина на выбоине); Рубашка — дыра на дыре (заплата на заплате); Народ там — жулик на жулике (вор на воре, мошенник на мошеннике)*. Ср. также: *В Железной дивизии храбрец на храбрце* (Вс. Иванов). Случаи положительной характеристики при помощи данной конструкции встречаются редко.

Помимо рассмотренных грамматических способов выражения суперлативности и интенсивности признака, эти значения передаются и чисто лексическими средствами.

Значение суперлативности содержится имплицитно в существительных типа *старейшина, чемпион* и аналогичных. Сходное значение имеют употребленные метафорически собственные имена в предложениях типа *Он — Пушкин нашей современности* или *Тот Нестор негодяев знатных* (А. Грибоедов). Имплицитная интенсивность характерна для существительных типа *виртуоз, мастер, светило, звезда (экрана и т. п.), шедевр* и т. д. Ср.: *В сравнении со здешними пейзажистами, которых я видел вчера, Левитан король* (А. Чехов). Она характерна также для метафорически употребленных имен реальных или вымышленных лиц, ср.: *Сократ, Аристотель, Гераклес (Геракл), Дон Жуан, Казанова, Плюшкин* и др. Такие существительные обычно употребляются в словосочетаниях типа *верх совершенства, предел изнеможения, венец искусства, геркулесовы столбы (столпы) невежества, рекорд глупости*; ср. также: *кандидат номер один, человек с большой буквы, окказиональное чемпион от добродетели* и т. п.

В этой же функции используются метафорически употребленные существительные, обозначающие обладателей высшей власти: *царь металлов* (о золоте)⁵; ср. окказиональные употребления: *...чумую, / Царицею болезней* (А. Пушкин); *...царица всех наливок, благовонная сибирская облепиха* (П. Мельников-Печерский). Ср. также пресловутый юридический тезис сталинских времен *Признание обвиняемого — царица доказательств*.

Во всех приведенных выше случаях — кроме конструкций 7 и 8 — множество, в котором выделяется тот или иной объект, обозначалось тем же словом, что и этот выделяемый объект (ср.: *знаток из знатоков*), либо вообще не обозначалось (ср.: *роман века*). Вместе с тем возможно не прямое обозначение таких множеств, например через место их нахождения, их совокупность, их деятельность и т. п. Так, совокупность деревьев может обозначаться лексемой *лес*, совокупность знаков — лексемой *поле* и

⁵ Внешне сходны с данным употреблением случаи типа *царь царей* (о льве), *царь птиц* (об орле), но здесь мы имеем дело с перенесением иерархии человеческого общества на животный мир, что подтверждается данными фольклора, где лев и орел наделены реальной высшей властью.

т. д. К такому типу обозначения суперлативности относятся сочетания *царь лесов* (о дубе), *королева полей* (устар. о кукурузе), *царица полей* (о пехоте), *бог войны* (об артиллерии), *царица (королева) бала*, *цвет науки*, *звездь программы*, *сливки общества*.

В сущности, в случаях, рассмотренных в предыдущем абзаце, мы имеем дело со своего рода партитивностью. Полностью партитивными можно признать случаи, когда выделяется особая часть какого-либо объекта — его максимум, вершина и т. д. Иными словами, сравнение осуществляется в таких случаях не с иными однородными объектами, а с другими стадиями, отрезками, частями одного и того же объекта. Это употребление может быть проиллюстрировано сочетаниями *зенит (апогей) его славы*, *пик преступности в стране*, *вершина её карьеры*, *венец нашей деятельности*, *кульминация повествования* и т. д.

До сих пор в подразделе «Существительное» рассматривались чисто субстантивные конструкции. Однако компаративность у существительных может также выражаться определенным местоимением *самый*. Конструкции с этим местоимением имеют несколько разных оттенков.

При существительных количества и меры обозначается крайняя степень количества, обычно малая: *самая малость*, *самые пустяки*, *самую чуточку*.

С существительными, обозначающими фазу, часть, этап и т. п., это местоимение выделяет часть, в которой главный признак представлен в максимальной степени, т. е. придает конструкции партитивный характер, ср.: *в самом начале*, *в самой середине зимы*, *на самом верху*, *на самом краю пропасти*, *на самом юру*, *на самом солнцепёке*, *в самой чаще леса*, *в самый разгар спора*, *в самый сенокос* и т. д.

Не является компаративным и потому не входит в область анализируемых здесь фактов выражаемое этим местоимением значение предельной близости в сочетаниях типа *над самой головой*, *под самыми окнами*, *у самого синего моря*, *до самой смерти*.

Все рассмотренные выше типы субстантивных конструкций, выражающих различные варианты суперлативности и интенсивности, обозначают превосходство, более высокую степень наличия того или иного признака. Обратная шкала — по убывающей степени признака, по инфериорности, как уже отмечено выше, вообще, как правило, не имеет в языках чисто грамматических способов выражения и тем более чисто субстантивных. Значение крайней инфериорности выражается различными лексическими способами, типа *ниже всякой критики*, *не заслуживающий внимания*, разг. *дальше ехать некуда* и т. п. Аналогично обозначается крайне малое количество (количественная инфериорность): разг. *всего ничего*, *раздва и обчёлся*, *кот наплакал*, *с гулькин нос* и т. д.

Важным средством интенсификации является префиксация существительных, ср.: *сверхдержава, суперэлита, экстра-класс, ультрареакционер, архиплут, раскрасавица*. С такими приставками образуется немалою число окказионализмов: *сверхтолстосум, суперсвинство, экстра-сенсация, ультраэгоцентризм, архиагрессивность, расподлец*; значение интенсификации ослаблено в высказываниях (особенно уступительных) типа *Будь ты хоть разминистр и развельможя* (К. Станюкович). Возможны комбинации этого способа с иными, особенно с редупликацией разного типа: *красавица-раскрасавица*, окказиональные *сверхсверхзадача, супер-экстра-класс* и т. д.

Если суперлативность и интенсивность при сравнении различных однородных объектов выражается рядом субстантивных конструкций, то при сравнении различных признаков одного и того же объекта, обозначаемых существительными, используется гораздо меньшее разнообразие средств. При этом может констатироваться как наибольшая, так и бо́льшая степень признака.

Бо́льшая степень признака по сравнению со степенью других признаков выражается словами *больше, преимущественно, прежде всего, главным образом* и аналогичными, например: *Он больше журналист, чем писатель; Она преимущественно специалист по общему языкознанию, а не славист; Он прежде всего шахматист, а уже потом музыкант.*

Выделение главного, преимущественного признака может не сопровождаться упоминанием других — они просто подразумеваются, например: *Я прежде всего оптимист; Он главным образом исследователь; Её чтение преимущественно (или разг. всё больше) детективные романы; Объект его творчества в первую очередь родная природа* и т. п.

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ О ЯЗЫКОВОЙ НОРМЕ

Всякий, кто преподавал и/или занимался словарной работой, не мог не задумываться над достаточно сложным явлением языковой нормы. Излагаемое ниже — некоторые соображения автора, преподавателя и лексикографа, на эту тему. В этих заметках нет ни обзора литературы, ни сопоставлений различных взглядов.

Обычно, когда говорят о норме, подразумевают совокупность правил корректного употребления элементов языка разных уровней и их комбинаций. Думается, это нуждается в уточнении.

Что, собственно говоря, подразумевается под формулировкой «говорить правильно»?

На этот вопрос возможны два существенно различных ответа.

Во-первых «говорить правильно» может означать «говорить так, чтобы речь вызвала у слушателя — носителя языка ощущение, что говорящий принадлежит к тому же языковому коллективу, что и он, т. е. говорящий, иначе говоря, „свой“». Правильность речи с такой точки зрения мы назовем условно соответствием народной норме — в отличие от официальной нормы.

С одной стороны, народная норма очень широка, с другой — достаточно узка. Остановимся на этом подробнее.

Широта народной нормы проявляется в том, что она допускает значительное количество различных вариантов — как характерных для кодифицированной нормы, так и противоречащих ей. При этом существенно, что народная норма включает в себя только те варианты, которые представлены в территориальных разновидностях данного языка, в том числе диалектах. Так, для русского языкового коллектива характерно, что русский, окающий (не говоря уже про якающего) или произносящий последовательно щелевое z [ʏ], воспринимается как «свой». Напротив, когда человек из другого языкового коллектива, как бы безупречно он ни владел грамматикой и лексикой русского языка, использует произносительные варианты, не представленные в русских диалектах или территориальных говорах, он сразу же диагностируется как «не свой». Например, одна известная певица нерусского происхождения, безукоризненно говорящая по-русски с грамматической и лексической точки зрения, последовательно произносит (при пении!) очень закрытое o , и это сразу относит ее к «не нашим».

Характерно, что члены языкового коллектива очень хорошо чувствуют различия между «своими» отклонениями от нормы и «чужими». Раз-

личные «национальные» дефекты речи, конечно, замечаются, но не переводят такое лицо в разряд «чужих». Для русского языка такими дефектами являются, например, картавость (разного характера; впрочем, с картавостью вопрос сложнее), шепелявость, произношение сильно веляризованного л [l̥] и некоторые другие. Важно отметить, что «свои» дефекты речи в подавляющем большинстве случаев касаются согласных, что едва ли случайно. Последнее, видимо, объясняется тем, что для гласных характерна «разлитая артикуляция», отсутствие фокуса, и они легче имитируются, а имитация — основной, вернее единственный, способ овладения правильной родной речью.

В таком избирательном подходе к различного рода отклонениям от канонического произношения проявляется узость «народной нормы».

Существенную роль в оценке произношения говорящего как «своего» или «чужого» играет, естественно, множество других различных факторов. К важнейшим из них следует отнести «общий фон правильности» (количественно измерить его затруднительно).

Прежде всего это, естественно, касается произношения. Если этот «общий фон правильности» велик, то индивидуальные или групповые отклонения роли не играют. Так, в нашем университете еще относительно недавно несколько профессоров старшего поколения последовательно различали непалатализованное и палатализованное *ц* (например, произносили *лек[ц']ия*, но это не воспринималось как нечто, выходящее за пределы «нашей» современной произносительной нормы (если вообще замечалось).

Народная норма в известных пределах терпима к нарушениям кодифицированных сочетаний фонем (нередко объясняющимся устаревшей нормой). Такие нарушения воспринимаются как «нечто старомодное» («теперь так не говорят»), «чужачество» и т. п. Приведем примеры подобного рода. Ряд представителей старшего поколения произносил *богатый* со щелевым *г*, но среднее поколение так уже не говорит (хотя произносит, естественно, с этим звуком *Бог*). Распространенное ранее произношение сочетаний *рк*, *рх* с палатализованным *р* (*це[рь]ковь*, *четве[рь]г*, *ве[рь]хний*) теперь хотя и встречается, но явно устарело. Старшее поколение ленинградцев/петербуржцев произносит [дошь], [дождём]; никто из молодежи и даже среднего поколения так не говорит.

Тема нарушения канонического фонемного состава слова слишком обширна и многоаспектна для данного сообщения. Отметим лишь в этой связи, что орфоэпические словари непоследовательно отражают даже общепринятые (в рамках нормы!) разговорные варианты — например, широко распространенное произношение слова *театр* как [тятр] не отмечено.

По этой теме можно добавить, что так называемые просторечные отклонения в фонемном составе слова типа *тубаретка*, *лабалатория*, *сосись-*

ки, *валасaped*, *Фильянский вокзал* и множество аналогичных, естественно, не воспринимаются как «чужие».

Едва ли не важнейшим критерием в дихотомии «наше произношение/ не наше произношение» являются просодические моменты.

Начнем с долготы. Хорошо известны правила долготы в русских словах. Поэтому, например, долгое произношение безударных гласных в многосложных словах (типа «кавказского» [ха:ра:'шо:]) воспринимается как «не наше» практически всеми; впрочем, ощущение неправильности в этом случае усугубляется произнесением неверных аллофонов: вместо позиционных вариантов [ъ], [л] в этом варианте произносится основной аллофон [а]. Ср. также (часто циркумфлексные) стяжения типа *быва́т*.

Далее, это ударение. Языковой коллектив очень хорошо чувствует разницу между «своим» неверным (например, просторечным) словесным ударением и «чужим» неверным. Варианты *на́чатъ*, *поло́житъ*, *поня́ла* или *пóняла* — «свои», а произношение *дея́тель* — «чужое» (шуточное употребление здесь не обсуждается).

Естественно, важную роль в обсуждаемой дихотомии играет интонация, прежде всего синтагматическая и фразовая.

Нарушение правила понижения тона в конце синтагмы, даже в вопросительных предложениях типа *Где ты был?* сразу же отмечается фактически любым (хотя, конечно, не все могут вразумительно сформулировать сущность этого нарушения).

«Наша» фразовая интонация весьма разнообразна. С известным преувеличением можно сказать, что она индивидуальна. Таким образом, ее инвариант крайне широк и потому может быть описан — в тех пределах, в каких в принципе возможно инструктивное вербальное описание интонации — только крайне приблизительно, если вообще может быть описан. Вместе с тем не приходится сомневаться в существовании такого инварианта. Излишне говорить, что весь набор фразовых интонаций в их комбинации с экспрессивным ударением и передачей эмоций трудно исчислим.

«Чужая» фразовая интонация может быть замечена даже в самых элементарных случаях. Ограничусь одним очень простым примером. Десятилетняя русская девочка, живущая уже несколько лет в Норвегии, обучающаяся в норвежской школе и, что немаловажно, проводящая весь день среди норвежских сверстников (родители с утра до вечера на работе), вполне правильно грамматически и лексически говорит по-русски, но во многих случаях с норвежской интонацией: например, обращаясь к матери, произносит *ма́мма!* (с норвежской тонемой 2). Впрочем, факт усвоения интонации неродного языка в условиях проживания в другой стране хорошо известен. Классический пример — «кавказская интонация» у довольно многих русских, живущих среди грузин, азербайджанцев и т. д.

Представляется интересной задача попытаться описать «инвариант русского народного произношения». Понятно, что при таком первом описании не может быть учтен крайне важный системный характер различных вариантов. Кстати, смешение разных произносительных вариантов — тоже важный диагностирующий признак.

Что касается грамматики, то самоочевидно, что не выходят за рамки «народной нормы» прежде всего разнообразные диалектные особенности (*поехал к сестры, был у мамы, махал рукам, он ушодши или ушодцы* и т. п.). Далее, естественно, не выходят за ее пределы единодушно осуждаемые нормализаторами различные широко распространенные инновации типа *где бы то не было* и другие сходные конструкции с *ни*, ширящееся использование предлога *о* в несвойственных ему ранее функциях типа *доказательство о..., критика о..., трактовка о..., позиция о том, что ..., инициатива о..., убеждать о..., настаивать о..., понимаем о том, что...* и т. п. (примеры взяты нами из передач петербургского радио).

Разумеется, нет необходимости обсуждать проблему анаколуфов: они в целом вообще характерны для разговорной речи, видимо, на любом языке.

Нарушение лексических норм в известных пределах проходит незамеченным либо отмечается как неправильность, свидетельствующая о недостаточно хорошем владении родным языком. Такие нарушения — на фоне фонетически и грамматически правильной речи — не заставляют диагностировать допускающего их как «не нашего». Строго говоря, такие нарушения совершаются если не всеми, то почти всеми, вопрос только в количестве. Чтобы проиллюстрировать этот очевидный тезис и несколько оживить изложение, приведем некоторые перлы из отредактированной нами рукописи «Большого норвежско-русского словаря». Весьма существенно, что эти ошибки допущены не норвежцами, а русскими сотрудниками словарного коллектива (кстати, все они с высшим образованием, причем двое — выпускники ЛГУ/СПбГУ). Из огромного множества имеющихся в нашем распоряжении примеров приведем лишь очень небольшую часть. В рукописи были, в частности, такие переводы: *он зарделся как рак; он ввёл машину задним входом в стену; им туго с деньгами; с быстрой скоростью; жевать с пеной во рту; очень бешеные цены; у меня давит голову; мост взорвался; его выблевало; выть белугой; деньги стеклись; всё держалось на последнем издыхании; он выпить не промах; в ужасном отчаянии; он голодал как собака; проливной пот; она разожгла в нем ожесточённость; лицо его сжалось/сгорчилось от бешенства; нажать на все пары; на нём собаку не повесить; он не совсем того* и т. д. и т. п.

Названная выше дихотомия «наша норма/не наша норма», разумеется, не должна абсолютизироваться. Есть определенная «серая зона».

Отметим попутно, что нарушения нормы «своими» принято трактовать как оговорки или как следствие недостаточного владения официальной нормой и, в общем, прощать (точнее, не считать ошибающихся «не своими»), тогда как сходные ошибки, допускаемые иностранцами, как бы превосходно они ни владели чужим языком, — обычно рассматриваются как следствие их иностранного происхождения.

* * *

Переходим к обсуждению некоторых из многих проблем официальной, или кодифицированной, нормы.

Прежде всего о степени кодифицированности языка. Очень многие языки Европы и Америки строго кодифицированы, и их норма допускает лишь весьма ограниченное количество вариантов. (Вопрос о различиях нормы одного и того же языка в разных странах, например английского в США и Британии, португальского в Португалии и Бразилии, оставим в стороне как не меняющий существа дела.) Вместе с тем есть и исключения: так, норвежская норма (как букмола, так и «новонорвежского») столь многовариантна, что, в сущности, может быть названа нормой с очень большими оговорками. К этому вопросу мы еще вернемся.

Нам уже не раз доводилось писать о трех общепринятых критериях нормы. Поэтому останавливаться на этом мы не будем. Повторим только, что обычно в качестве аргумента нормализаторы приводят лишь один из этих критериев, а именно тот, который говорит в пользу принятого ими решения. То есть, как было справедливо отмечено в литературе, **нормализаторы считают правильным то, что им, нормализаторам, представляется правильным**, и, естественно, отвергают то, что с их точки зрения неправильно, как бы широко ни было распространено это явление.

Различные языковые уровни нормированы в весьма различной степени.

Фонетический уровень, по сути дела, эксплицитно вообще не нормирован. Причин этому по крайней мере две. Во-первых, люди в основной своей массе овладевают правильным произношением уже в детстве. Во-вторых, для неспециалиста описание параметров какого-либо звука практически бесполезно, ибо оно ему непонятно, а кроме того, само такое вербальное описание вряд ли может быть достаточно точным. Поэтому коррекцией индивидуальных отклонений на фонетическом уровне занимаются не лингвисты и даже не педагоги, а логопеды.

На фонематическом уровне нормой регламентируется лишь состав слов, и то в тех случаях, когда возможны варианты. Так, для русского языка орфоэпические словари фиксируют большей частью случаи наличия/отсутствия палатализации типа *тепн* [тэ], *тёнор* (неправ.) [‘тэнор], *терапéвт* [тэ] и [те].

На просодическом уровне в орфоэпических словарях последовательно указываются ударение (разумеется, речь идет о языках со свободным ударением) и/или тонемы в некоторых языках. Указания эти, конечно, не свободны от известного субъективизма. Характерно, что многие образованные носители языка не склонны подчиняться предлагаемым формам, рассуждая примерно так (пример из петербургского произношения): почему я должен произносить *баловáть*, когда и мои родители, и я всегда говорили *бáловать*, да и все кругом (в нашем городе) так говорят?

Небольшое отступление, связанное с нормой лишь отчасти, но имеющее важное значение для лексикографии: ударение в именах и, особенно, фамилиях в языках типа русского или болгарского. Нормативных пособий по таким именам собственным тоже, насколько нам известно, нет. Список наиболее распространенных русских фамилий с ударениями для русско-норвежского словаря нам пришлось делать самим. Аналогично для норвежско-русского словаря составлен список фамилий с указанием на тон, поскольку правила здесь сложны и многоступенчатые, а также изобилуют исключениями, ср. тонема 1 во всех двусложных фамилиях на *-sen*: Hånsen, Jénsen, Ólsen, Knútsen и др., но Lårsen.

Что касается морфологии, то официальных нормативных пособий для языков типа русского не издается. (Превосходный и абсолютно надежный «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка (М., 1977) официального статуса не имеет, да и рассчитан на очень хорошо подготовленного читателя. Впрочем, иным, более доступным способом русскую морфологию и не описать.) Считается, и не без основания, что морфологию член языкового коллектива усваивает успешно сам: школьное преподавание родного языка в основном — более или менее научно — интерпретирует грамматику; огромное количество учебного времени уходит на обучение «морфологической орфографии». Конечно, толковые словари русского языка указывают основные морфологические характеристики слов и ударения при словоизменении, но без полного охвата.

Всего труднее выработка нормы в области лексики. Здесь как минимум две проблемы.

Во-первых, разграничение нормативной лексики и ненормативной (под ненормативной лексикой в данном случае подразумевается не только и не столько грубая лексика; как правило, большинство носителей языка очень хорошо чувствует «грубость» той или иной единицы, включая отдельные значения слова).

Лексическая норма, самоочевидно, фиксируется словарями. Здесь во множестве случаев наблюдается значительный субъективизм, что проявляется в расхождении стилистических помет при одном и том же слове в разных словарях. По сути дела, никаких объективных критериев норма-

тивности в области лексики нет и, видимо, не может быть. Скажем, одному употребление слова *кино* в значении ‘фильм’ (*Вчера я смотрел отличное кино*) или выражение *интересное кино* представляются вполне нормативными, другому (в том числе и нам) — нелитературными.

Во-вторых, это фиксация состава устойчивых словосочетаний и сочетаемости слов.

Важная проблема — **отношение общества в целом к норме**. Здесь по разным странам представлена целая шкала отношений.

На одном полюсе находятся коллективы, в которых норма пользуется большим престижем и для которых в целом характерно стремление к максимальному ее соблюдению. (Конечно, это касается прежде всего людей, имеющих дело с печатным словом.) Например, у нас редакторы обязаны неукоснительно следовать официальному орфографическому словарю. Автору этой статьи как-то редактор навязал в словаре форму *абляут* (вместо принятой среди лингвистов формы *áблаут*), поскольку так значится в орфографическом словаре.

Другой полюс — страны, где люди считают себя вправе игнорировать официальную норму. Характерный пример — Норвегия. В свое время, по причинам, останавливаться на которых здесь нет возможности, была создана нереалистическая и не имеющая престижа норма, которая практически почти никем не соблюдалась и использовалась относительно последовательно только в письменных работах школьников (как правило, довольно неумело; впрочем, учителя тоже владели ею неуверенно). Это имело следствием совершенно неуважительное отношение к норме и убежденность в том, что ее можно полностью игнорировать. Утверждать, что норма норвежского языка и сейчас игнорируется, можно менее категорично, но не потому, что изменилось отношение к ней — оно осталось прежним, а потому, что в 1981 г. норму сделали столь многовариантной, что ее просто-напросто трудно нарушить. Однако и это тем не менее происходит. В частности, в официальных ситуациях многие используют диалект; например, мы знакомы с двумя профессорами, из принципа читающими лекции на своем родном диалекте (кстати, не стопроцентно понятном всем студентам). Пользуются диалектом в публичных выступлениях некоторые политические деятели, на диалекте читается часть прогнозов погоды и т. д. и т. п.

Вместе с тем для части норвежцев норма существует. Это — речевая практика образованных слоев населения (упоминать образованность считается недемократичным), в первую очередь Осло и вообще Восточной Норвегии, а также крупных городов — Бергена, Тронхейма и др. При всех отклонениях от нее и непоследовательностях, она более или менее прослеживается в художественной литературе, в крупной прессе, в речи обра-

зованных людей. Однако — и это крайне существенно — она в полном виде **не зафиксирована ни в одном официальном справочном издании.**

Из только что сказанного ясно, с какими трудностями сталкиваются, в частности, лексикографы, желающие, да и обязанные, предложить пользователю словаря не пестрый букет фонетических и морфологических разновидностей одного и того же слова на выбор, а рекомендовать оптимальный вариант. Сплошь и рядом это приходится делать по своему разумению.

* * *

В заключение еще несколько соображений.

Видимо, всем понятна, с одной стороны, необходимость нормативных пособий разного рода, с другой — их довольно ограниченная эффективность. На практике регулярно пользуется ими лишь очень небольшая часть населения. Даже дикторы на радио и на телевидении допускают немало ошибок, т. е., очевидно, не обращаются в необходимых случаях к этим пособиям. Ср. также приведенные выше примеры из рукописи «Большого норвежско-русского словаря». Это не может не наводить на весьма пессимистические размышления.

Как хорошо известно, любая новация в языке — это нарушение существующей нормы. По сути дела, современный языковой коллектив находится в противоречивой ситуации. С одной стороны, надо соблюдать действующую норму, но тогда, если ей следовать неукоснительно, прекратится всякое фонетическое и грамматическое, а в ряде случаев и лексическое развитие языка (разумеется, не имеется в виду обогащение лексики новыми словами). С другой стороны, чтобы дать языку возможность развиваться, норму в чем-то приходится нарушать. Однако кто может определить, за какими новациями будущее, а какие не станут общим достоянием, т. е. так и останутся ошибками? Видимо, решать эти вопросы должны нормализаторы. Но не те, кто негибко руководствуется только действующими ныне критериями, далеко не во всем бесспорными и к тому же применяемыми не в совокупности, а избирательно. Слово за нормализаторами, хорошо чувствующими тенденции развития языка и не считающимися, что общераспространенной может быть и ошибка.

О норме написано очень много, однако вопрос о ее смысле, о ее назначении, о ее *raison d'être* обычно не обсуждается. Молчаливо предполагается, что не требует доказательства следующий тезис: необходимо стремиться к соблюдению четкой нормы, и любое отступление от нее — зло. В идеале, по мнению нормализаторов, да и не только их, весь языковой коллектив должен писать (да и говорить) в соответствии с нормой, хотя всем, в том числе и самим нормализаторам, понятно, что идеал этот абсолютно недостижим.

Позволим себе высказать одну еретическую мысль. За овладение нормой, прежде всего орфографической, платится огромная цена. Например, в российской школе в масштабах государства тратятся миллиарды часов на овладение орфографическими правилами, в том числе самыми нелепыми. Все мы всю жизнь законопослушно писали *уж, замуж, невтерпёж* без мягкого знака, а *стеклянный, оловянный, деревянный* через два *н*, хотя никто никогда не понимал, почему это так. Так ли уж страшно, если норма будет в какой-то мере многовариантной, как в Норвегии? Думается, ничего катастрофического не произойдет, если в названных выше случаях (пока) одни будут следовать действующей норме, а другие будут, соответственно, писать мягкий знак и одно *н*. В пользу этого соображения говорит тот факт, что в устной речи все эти орфографические благоглупости, как всем совершенно понятно, никакого отражения не находят.

Мы не призываем к новой орфографической реформе русского языка. И вообще речь идет отнюдь не только о русском языке. Эгоизм поколения и абсолютная убежденность в том, что культура проявляется в доскональном знании орфографии — факторы, видимо, непреодолимые, во всяком случае в наше время. Существенную роль играют и материальные соображения.

Однако, может быть, стоит задуматься над тем, так ли уж необходима абсолютно безвариантная норма — прежде всего орфоэпическая и орфографическая.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ИЗМЕНЕНИЯМИ В СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В настоящей статье не делается попытки ответить на глобальный вопрос — почему изменяются языки. Цель ее значительно скромнее: выяснить, есть ли какие-либо общие тенденции в изменении современных языков Европы. При этом автор оперирует в первую очередь тем материалом, с которым он всего лучше знаком, а именно материалом русского и норвежского, а также других германских языков.

Видимо, можно утверждать, что в современных развитых странах изменения в языке в целом характеризуются следующими чертами:

- 1) снижение темпов изменений в звуковом и грамматическом строе языка;
- 2) колоссальное обогащение словарного состава языка, в первую очередь за счет научно-технической терминологии;
- 3) существенное повышение статуса многих языков — превращение их из языка бытового общения в полноправные литературные языки;
- 4) демократизация литературного языка.

Данная статья — первая из задуманной серии. В ней рассматриваются некоторые общие вопросы изменения звукового и грамматического строя.

1. Изменения в звуковом составе языка.

Всеобщее образование и средства массовой коммуникации способствуют усвоению широкими слоями населения жесткой официальной нормы, которая оказывает сдерживающее, «консервирующее» влияние на звуковое развитие современных языков.

На фонемном уровне это находит выражение в том, что дивергенции фонем в современных литературных языках, в общем, не происходит.

Напротив, конвергенция фонем в европейских языках новейшего времени — явление нередкое. Некоторые процессы уже завершились, например слияние норвежских долгих фонем — открытого /œ:/ и закрытого /õ:/ в /ö:/. В немецком языке открытое долгое /ɛ:/ и закрытое долгое /e:/ у очень большого числа говорящих слились в одну фонему — закрытое /e:/; впрочем, в сценическом произношении (Bühnendeutsch) это различие сохраняется. Другие процессы еще продолжаются, и их исход неясен ввиду активного противодействия проводников нормы. Так, среди норвежских детей и части молодежи наблюдается тенденция к замене среднеязычной

глухой фонемы /ç/ переднеязычной двухфокусной /ʃ/, т. е. конвергенция /ç/, /ʃ/ > /ʃ/, но результат этого процесса предсказать трудно.

Конвергенция фонем отражается орфографией — естественно, с опозданием, порой значительным. Характерный пример — отмена русской буквы *ѣ*, осуществленная на несколько веков позднее произошедшей конвергенции.

Сказанное, конечно, не означает, что инвентарь фонем современных европейских языков вообще не может увеличиваться. Такое увеличение возможно как минимум в двух случаях.

1. Инвентарь фонем может пополняться за счет иноязычных фонем. Это происходит тогда, когда происходит усвоение языком значительного числа заимствований, которые произносятся так же, как в языке-источнике (хотя, разумеется, полной идентичности артикуляции в двух данных языках не может быть в принципе — в силу различий в артикуляционной базе). Так, в современном немецком языке во многочисленных заимствованиях из французского произносятся фонема /ʒ/ (Garage [ga'ra:ʒə] 'гараж'), а также назализованные гласные (Bouton [bu'tɔ̃:] 'бутон'). Фонема /ʒ/ представлена также в нидерландских и фризских лексемах, заимствованных из французского (нид. *journalist* /ʒ-/ 'журналист', фриз. *marzjinaal* /-ʒi-/ 'маргинальный'). В идише в заимствованиях встречается аффриката /dʒ/.

К числу фонем, встречаемых в вошедших в русский язык заимствованиях, относится не характерный для русского языка дифтонг /au/, например *пауза*, *сауна*. Впрочем, произношение в этой позиции двух гласных фонем-монофтонгов также слышится нередко.

Естественно, статус у таких фонем особый. Кроме того, далеко не все носители языка, в особенности люди не очень образованные, произносят эти фонемы: они заменяют их фонемами родного языка, близкими по артикуляции, но с иным дифференциальным признаком/иными дифференциальными признаками, или сочетанием фонем. Так, в немецкой речи вместо /ʒ/ нередко используется /ʃ/ и т. д. Здесь различия между языками существенны. Например, в норвежском языке, даже в речи образованных людей, французское /ʒ/ всегда заменяется на /ʃ/, а французские назализованные — сочетанием «соответствующий гласный звук + /ŋ/», например: *generell* /ʃ-/ 'общий', *departement* /-'maŋ/ 'министерство'.

2. Фонема может войти в инвентарь литературного языка из диалектно окрашенной речи. Случай это, правда, достаточно редкий. Характерный пример — норвежский звук, называемый «толстым l» — /l/. Этот нечасто встречающийся в языках звук артикулируется следующим образом: кончик языка поднимается к твердому нёбу, а затем резко опускается вниз; на слух «толстое l» напоминает однораскатное /r/. «Толстое l» распространено только в Восточной Норвегии и Трёнделаге (Средняя Норвегия)

и имеет достаточно широкую, хотя и специфическую дистрибуцию. До самого недавнего времени у «толстого» был весьма своеобразный статус. Этот звук был характерен только для разговорного стиля и просторечия, и стилисты единодушно осуждали его использование в нейтральном — и тем более официальном — стиле.

В результате демократизации современного норвежского языка «толстое **l**» теперь довольно широко употребляется в речи, даже в тех речевых ситуациях, в каких его ранее избегали.

Характерно, что, хотя в шведских диалектах «толстое **l**» также широко представлено, оно полностью находится за пределами кодифицированной речи.

Что касается **вариантов фонем**, то здесь влияние нормы сказывается меньше. Видимо, это отчасти объясняется тем, что аллофоническое варьирование не отражается орфографией, и потому «визуального» воздействия нормы здесь нет. Это можно проиллюстрировать примером фонемы /t/ в разных языках. Ее факультативный вариант — увулярное [ʁ] — распространился по большей части Германии и стал преобладающим. Экспансия этого варианта — правда, в значительно меньшей степени — наблюдается в последние десятилетия и в норвежском.

Слияние вариантов фонемы — естественно, не различаемых орфографией — явление достаточно частое. Например, еще в начале XX в. в речи образованных слоев России различались непалатализованное [c] (к примеру, в слове *царь*) и палатализованное [cʰ] (например, в слове *лекция*); теперь палатализованное [cʰ] практически не слышится.

Любопытный случай — щелевое [ɣ] в русском. В целом этот факультативный вариант фонемы /g/, как известно, считается областным (но он вполне нормативен, когда представляет собою возникающий в результате регрессивной ассимиляции звонкий вариант фонемы /x/ в случаях типа *ах да, их дом*), однако он последовательно произносится многими в лексеме *Бог* и производных, а в речи старшего поколения — нередко и в лексеме *богатый*¹.

Естественно, со временем меняется фонемный состав некоторых лексем. Наибольший интерес представляют здесь процессы, носящие более или менее массовый характер. Существенно при этом, что процессы эти либо могут идти стихийно, либо могут быть следствием целенаправленного нормирования языка.

Примером первого случая может служить экспансия *ë* (палатализация + /o/) в русском языке. Например, Пушкин рифмовал *нежно* и *безнадежно*,

¹ Отец автора настоящей статьи произносил [ба'ɣатый] и, естественно, [ʼбоуа]. Автор произносит в первом случае смычное [g] и щелевое [ɣ] во втором.

человек и поток. У некоторых представителей старшего поколения форма безнадежно слышится до сих пор. Другой пример — распространение перехода корневого $o > a$ перед глагольным суффиксом *-ыва-/-ива-*. Еще Достоевский писал *вырабатывать*. Теперь формы с *-o-* в значительной мере оказались вытесненными, хотя есть и немало исключений, например: *зарисовывать, выковывать, засовывать, околдовывать, захлопывать* и др.

Другой пример из русского языка — экспандирующая палатализация перед *e* в заимствованных словах. Здесь много колебаний; так, орфоэпический словарь дает как возможные варианты *терапéвт* [тэ] и [те], *термойдерный* (доп.) [тэ], *федерация* (доп.) [дэ] и др.²

Любопытны и поучительны примеры изменений в некоторых типах слов как результат сознательной нормализации. Не вдаваясь в детали, отметим, что более чем полувековые попытки «норвегизации» букмола — основного варианта норвежского языка, развившегося из датского, дали достаточно скромные результаты. Несколько иллюстраций (для *standard østnorsk* — речи образованных слоев населения Восточной Норвегии, прежде всего региона Осло):

1) монофтонг → дифтонг. Полностью победили фактически только две формы с дифтонгами — *stein* ‘камень’ и *øy* ‘остров’ (ср. датск. *sten, ø*); нередко встречается вариант *sein* ‘поздний’ (ср. датск. *sen*). Основная же масса дифтонгических форм продолжает оставаться характерной для «радикального» варианта букмола;

2) *v* → *g*. Официально упразднены формы *lave* ‘изготавливать’, *have* ‘сад’, но равно допустимы *mave/mage* ‘живот; желудок’, *krave/krage* ‘воротник’ и др. Тем не менее форма *lave* нередко слышится в речи старшего поколения, а формы *have, mave, krave* по-прежнему довольно употребительны;

3) *u* [ʏ] → *o* [ɔ]. Несмотря на то, что формы с [ɔ] были легализованы еще реформой 1938 г., ни одна из них не стала единственной. Самое большое распространение получила лексема *hogge* (ср. датск. *hugge*) ‘рубить’ и производные.

Наибольшие изменения в звуковой области произошли в **дистрибуции фонем**. Несколько примеров из множества.

В речи старшего и отчасти среднего поколения русских еще слышится палатализованное /г’/ перед заднеязычными: например, в словах *церковь, четверг, верх* (автор данной статьи сам говорит так). У молодого поколения в этой позиции встречается только непалатализованное /г/.

В норвежском языке в начале XX столетия произношение /ʃ/ в начале слова считалось нелитературным, а в середине слова — просто вульгарным.

² Орфоэпический словарь русского языка / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1985.

Сейчас произношение /sl/ в начале слова в исконно норвежских словах практически не встречается (в восточно-норвежском произношении), ср. *slå* /ʃlɔ:/ ‘бить’, *slik* /ʃli:k/ ‘такой’. В середине слова произношение исторического -sl- колеблется. В общем, старшее поколение образованных людей произносит /sl/, например *Oslo* /'uslu/, тогда как остальные — преимущественно /ʃl/ (/ʃuʃlu/). Играет роль и характер лексемы. Книжные и нейтральные слова произносятся чаще с /sl/, разговорные и сниженные — с /ʃl/, например: *veksle* /'vɛkslə/ ‘менять’, но *gusle* /'gʌʃlə/ ‘идти не торопясь’. Однако произношение /ʃl/ на стыке морфем (например: *Russland* /'rʌʃlan/ ‘Россия’, *husleie* /'hʌ:ʃlæiə/ ‘квартиплата’ и т. п.) и по сей день считается просторечным, хотя представлено достаточно широко.

На дистрибуцию фонем, естественно, сильное влияние оказывает столь характерное для нашего века массовое заимствование иноязычных слов. Говоря по-другому, правила фонотактики языков значительно расширяются. Ср. новации, часто встречающиеся в русском: последовательности гласных с зиянием (*поэзия, маэстро, хаос, тротуар, чемпион*); сочетания *штр* (*штрих, штрек*), *мф* (*лимфа, амфора*), *фл* (*флот, флаг*) и т. п.³

На последних двух примерах целесообразно задержаться. В целом фонема /f/, как известно, не характерна для исконно русских лексем в начальной или серединной позиции (рассматривается литературный язык). Однако она широко представлена в конце слова — в случаях типа *кров, Иванов, столов, перьев, букв*. В таких случаях ее, видимо, надо было бы рассматривать как позиционный вариант фонемы /v/, поскольку [v] и [f] в исконно русских словах находятся в позиции дополнительного распределения. Однако наличие в русском языке значительного количества (заимствованных) слов с /f/ в анлауте и инлауте обуславливает трактовку [f] и в названных случаях (*кров* и др.) как фонемы /f/. Сказанное о фонеме /f/ в общем относится и к фонеме /f'/, ср. *кровь, новь, явь*.

Новация в области дистрибуции фонем может состоять не только в несвойственности для данного языка некоторого сочетания фонем, но и в их позиции. Так, последовательность *дж* /dʒ/ в исконно русских словах (как результат регрессивной ассимиляции) вполне обычна (*отжать, поджарить, от жены*), но только в инлауте и только на стыке морфем, тогда как в заимствованиях она встречается и в анлауте, например *джаз, джунгли* (характерно, что данные согласные в этом случае не образуют аффрикату [dʒ], которая встречается как звонкий вариант фонемы /tʃ/, возникающий в

³ Сюда же относится упомянутое выше в иной связи сочетание «непалатализованный согласный + /e/». В этой области многое не вполне логично (особенно в произношении собственных имен), но, к сожалению, полных списков с указанием произношения нет. Наибольшее количество сведений можно найти в словаре: Агеенко Ф. Л., Зарва М. Б. Словарь ударений для работников радио и телевидения. 5-е изд., перераб. и доп. М., 1984.

результате регрессивной ассимиляции в случаях типа *дочь дома, печь дымит*). Аналогично обстоит в русском языке дело с последовательностью *dz*: ср., с одной стороны, [*dz*]: *отзыв, подзол, от Зины, дзю-до*, с другой — [*dz*]: *отец дома* (ср., впрочем, также звукоподражательное *дзинь/дзынь*).

2. Изменения в орфографии.

Изменения в орфографии в XX в. в европейских языках были в целом сравнительно незначительными, хотя есть и исключения, ср. радикальные реформы норвежской орфографии. Это, естественно, объясняется присутствием письменной нормы консерватизмом. Радикальное изменение орфографии порождает, как известно, множество серьезных практических проблем, и это соображение зачастую оказывается решающим. Так, последняя орфографическая реформа русского языка (1956 г.) оказалась весьма робкой. Определенную роль в нежелании идти на кардинальную перестройку орфографии играет и тот фактор, который можно назвать эгоизмом поколения, т. е. нежелание современников изменять свои орфографические навыки.

Орфографические реформы были проведены в XX в. во многих европейских языках. Однако анализ их дает основания утверждать, что они, за единичными исключениями, не были радикальными и коснулись лишь частных, второстепенных моментов. Характерно, что не было проведено сколько-нибудь важных изменений в орфографии английского, немецкого, французского, испанского и других крупных языков.

В целом изменения в орфографии, произошедшие в европейских языках XX в., можно свести к следующим типам.

1. **Отмена букв**, обозначающих те звуки, которые в большем количестве случаев обозначаются иными буквами, т. е. устранение «орфографической синонимии». Примером может служить отмена в 1918 г. русских букв *ѣ, і, ѳ*. В исландском языке в 60-х годах была отменена буква *z*, этимологически обозначавшая сочетание «дентальный + s» (*ts, ds, ðs* и др.) и всегда читавшаяся как [*s*], т. е. так же, как и *s*; ее всюду заменила *s* (даже в прилагательном *íslenskur* ‘исландский’, ранее *íslenzkur*).

Однако процесс устранения избыточных букв был осуществлен в ряде языков непоследовательно и не коснулся других, не менее очевидных случаев. Несколько примеров.

В исландском языке одинаково читаются следующие пары букв: *i* — *y* [*i(ː)*] и *í* — *ý* [*i(ː)*] (изначально лабиализованные *y, ý* делабиализовались и совпали с изначально нелабиализованными *i, í*); на усвоение написаний слов с этими буквами в школе затрачивается много времени. В сущности лишние буквы *y, ý*, отражающие лишь этимологию, сохраняются. Аналогичное положение в фарерском языке, где к тому же есть еще одна пара букв (*a* — *æ*), также имеющих одинаковое фонетическое значение.

Сказанное относится и к диграфам.

Так, используемое в немецком языке сочетание **qu** в исконных словах (Qual ‘мука’, Quelle ‘источник’ и др.) могло бы вполне адекватно передаваться сочетанием **kw**. В норвежском диграф **qu** был упразднен еще в прошлом веке (он был заменен на **kv**), ср. написания kvarter ‘четверть; квартал’, kvalitet ‘качество’ (об использовании диграфов в иностранных словах см. ниже).

Другой пример — нидерландские диграфы **ei** и **ij**, обозначающие один и тот же дифтонг [ei].

2. **Отмена некоторых букв**, не обозначающих никакого реального звука и **имеющих чисто грамматическое значение** (Ю. С. Маслов). Пример — отмена конечного твердого знака в русском в 1918 г. Вместе с тем в русском по-прежнему сохраняется ряд грамматических написаний типа *речь* (ср. *меч*), *рожь* (ср. *рож* — род. п. мн. ч. от *рож*), *видишь* (ср. *финиш*), *гнуться* (ср. *они гнутся*) и др.

3. **Замена** в ряде языков **иноязычного написания** заимствований фонетическим, т. е. при помощи родной графики (разумеется, речь здесь идет о языках, пользующихся одним и тем же алфавитом). Различия от языка к языку в этой области весьма велики. Так, в норвежском довольно большая часть заимствований (особенно французских) теперь транскрибирована, ср. *byrå* ‘бюро’, *sjåfør* ‘шофер’, *sjanger* ‘жанр’ и т. д. Недавно Норвежский языковой совет⁴ предложил несколько десятков новых написаний, например: *gaid* ‘гид’ (параллельно с традиционным *guide*), *sjåk* ‘воздушная заслонка, дроссель (авто)’ (наряду с *choke*) и др. Впрочем, в норвежском используется и огромное количество прямых орфографических заимствований; особенно это относится к современной научно-технической терминологии английского происхождения. В крайне пуристическом исландском языке немногочисленные прямые (фонетические) заимствования пишутся в соответствии с реальным произношением, ср. *viski* ‘виски’ (англ. *whisky*), *sósíalismi* ‘социализм’, *júl* ‘джоуль’ и т. п. Однако во многих языках Европы, например в нидерландском, используются преимущественно иноязычные написания. В немецком, в общем, картина, сходная с нидерландским, однако буква *e* во многих случаях заменена буквой **k**, ср. нид. *consaaf* ‘вогнутый’, *conflict* ‘конфликт’ и нем. *konkav*, *Konflikt*; напротив, греческий по происхождению диграф **ph** сохраняется в немецком, но заменен буквой **f** в нидерландском, ср. нем. *Philologe* ‘филолог’, *Physik* ‘физика’ и нид. *filoloog*, *fysica*. Здесь, разумеется, приведена лишь

⁴ Норвежский языковой совет (Norsk språkråd) — учрежденный в 1972 г. консультативный орган. В его задачи входит нормирование языка, контроль над языком учебников, терминологическая работа, регистрация новых слов и др. Теперь называется Språkrådet.

небольшая часть примеров весьма различного подхода к написанию иноязычных заимствований в разных языках.

В целом в европейских языках идет — с разной интенсивностью — постепенный процесс замены иноязычного написания заимствований более соответствующим орфографии родного языка. Как явствует из приведенных выше немногочисленных примеров, принятые написания очень часто половинчаты (*Physik* — *fysica*).

4. Совершенствуется транскрипция/транслитерация иностранных слов в языках, пользующихся иным алфавитом (это касается в первую очередь собственных имен; при этом, разумеется, широко известные собственные имена сохраняют прежнее написание). Несколько русских примеров.

Традиционная передача немецкого, английского и скандинавского **h** при помощи *z* уступила место передаче через *x*. Английский звук [ʌ], ранее передававшийся через *e*, теперь транскрибируется как *a*⁵. Немецкие дифтонги **ei**, **eu**, издавна транслитерировавшиеся недифференцированно через *ey*, теперь передаются при помощи соответственно *ay*, *oy* и т. д.

3. Изменения в грамматическом строе языка.

Наличие жесткой нормы оказывает сдерживающее влияние также на изменение грамматического строя современных языков.

Видимо, можно утверждать, что в XX в. в кодифицированных языках не возникают новые **грамматические категории** (во всяком случае, мы не знаем ни одного такого примера).

Напротив, утрата грамматической категории в современных языках — явление хотя и нечастое, но встречающееся. Примером, может служить падеж в нидерландском языке. Если еще в начале прошлого века нормативные пособия регистрировали, по крайней мере, общ. и род. падежи, то теперь в нейтральном стиле реально представлен только общ. падеж, т. е. категория падежа отсутствует (процесс этот, впрочем, начался уже очень давно). Правда, в книжном стиле еще встречаются формы род. падежа существительных ед. числа ж. рода (о роде в нидерландском см. ниже), а также у существительных во мн. числе (разумеется, застывшие падежные формы в составе устойчивых сочетаний типа *de geest des tijds* ‘дух времени’, *de steen des aanstoots* ‘камень преткновения’ здесь не учитываются).

Утрата грамем (членов грамматической категории) возможна и в кодифицированном языке. Так, еще в XIX в. в нидерландском на письме четко различались м. и ж. роды, хотя в речи это различие было уже утрачено. Орфографическими реформами это искусственное различие было

⁵ При этом, естественно, могут возникать пары типа *Гексли* (биолог) — *Хаксли* (писатель).

отменено. Впрочем, словари по традиции до сих пор последовательно отмечают м. и ж. род. (Эти два рода различаются во фламандском варианте, но не формами существительного или артикля, а только формами местоимений, заменяющих существительные.)

Появление новых граммем в кодифицированном языке происходит редко, но в принципе возможно. Так, русский зв. падеж давно утрачен, но в последние десятилетия у существительных на *-а*, *-я* развились особые разговорные формы зв. падежа с нулевой морфемой, ср.: *мам!*, *Оль!*, *Борь!* Впрочем, на письме эти формы стали отражаться относительно недавно, так что судить о времени их возникновения затруднительно.

Новые граммемы могут возникать при нормализации языка, при «языковом планировании».

Одной из таких форм, которые были легализованы реформами основного варианта норвежского языка — букмола, был особый показатель ж. рода — суффиговый артикль *-a*, например: *døg* ‘дверь’ — *døga*, *bok* ‘книга’ — *boka*. В датском языке, из которого развился букмол, только два грамматических рода — общ. (в нем слились бывшие м. и ж.) и ср.; то же было характерно для «датско-норвежского» (так назывался до начала XX в. норвежский вариант датского языка). Специфическая форма ж. рода была — и в значительной мере остается — формой разговорной, а у ряда лексем даже просторечной. Реформой 1938 г. был дан список на 900 с лишним слов, которые обязательно следовало употреблять с артиклем ж. рода, и более сотни слов, где он был факультативен (т. е. допускался артикль м. — по существу общ. — рода). Многим школьникам пришлось зубрить наизусть эти списки, поскольку ни сами они, ни в их семье так не говорили, зубрить их пришлось и многим учителям.

К концу XX в. количество слов, реально употребляемых в речи со специфическим показателем ж. рода, изменилось. Если ранее с этим артиклем употреблялись преимущественно слова разговорные или обозначающие норвежские реалии либо понятия крестьянского быта, то теперь показатель ж. рода употребляется многими (но далеко не всеми!) и в нейтральном стиле, однако обычно не с книжными существительными, генетически относящимися к ж. роду; так, многие говорят *bøtta* ‘ведро’, но *dronningen* ‘королева’, хотя оба слова генетически ж. рода. Формы ж. рода, таким образом, экспандируют, все больше проникая в нейтральный стиль, но говорить о полноценной трехчленной категории рода едва ли можно. Это сложный и неравномерно протекающий процесс. Интересующиеся отсылаются к специальной работе⁶.

⁶ Берков В. П. О статусе грамматического женского рода в современном букмол: (К вопросу о языковом планировании) // Скандинавские языки: Актуальные проблемы грамматической теории. М., 1984. С. 43–58.

Различные изменения в морфологии в современных европейских языках могут, представляется, быть сведены к следующим основным типам.

1. **Смена парадигм** у разрядов/групп слов или отдельных слов. Характерный пример — экспансия окончания *-á, -я* во мн. числе у ряда русских существительных, имеющих в ед. числе ударение на предпоследнем слоге, ср. *профессорá, докторá, учителя́, дизеля́*. В разговорной речи и особенно в просторечии эти формы встречаются чаще, ср. *шоферá, тендерá, срокá, шпательá*, автор этой статьи слышал форму *опеля́* (о машинах марки «опель»). Сходное явление — замена парадигмы с ударением на корневом гласном у некоторых русских односложных существительных м. рода на парадигму с ударением на окончании: например, *фордá* — 1) род. п. ед. ч., 2) им. п. мн. ч. (о машинах марки «форд»), *в Вордэ* (о компьютерной программе Word); это характерно, в первую очередь, для профессиональной речи или, скорее, для профессионального жаргона.

Еще один пример из русского языка — замена прилагательных с ударением на корне и окончанием *-ый* в им. падеже ед. числа м. рода на *-ой*: *запасный* → *запасной*, *переводный* → *переводной*, *переходный* → *переходной*.

Все три приведенных примера из русского языка свидетельствуют о явной тенденции к переносу ударения на окончание. Убедительное объяснение этой тенденции нам неизвестно.

Несколько примеров из норвежского языка.

Еще в начале XX в. односложные существительные ср. рода во мн. числе, за единичными исключениями, имели в букмолле нулевое окончание, а многосложные, особенно иностранного происхождения, получали окончание *-er*: *hus* ‘дом’ — *hus*, *ord* ‘слово’ — *ord*, но *problem* ‘проблема’ — *problemer*, *universitet* ‘университет’ — *universiteter*. По нынешним официальным правилам все существительные ср. рода (кроме оканчивающихся на *-e*) могут иметь нулевое окончание во мн. числе, т. е. сейчас реально используются формы *problemer/problem*, *universiteter/universitet*, хотя предпочтение, по нашим наблюдениям, отдается формам с окончанием — во всяком случае пока.

От некогда многочисленного разряда сильных глаголов в современных германских языках в среднем осталось по полторы сотни единиц; остальные или перешли в слабые, или выпали (в исландском их сохранилось в два раза больше). Процесс этот идет уже несколько столетий и, естественно, продолжался в XX в. Так, в норвежском языке (букмолле) давно стали слабыми глаголы *lese* ‘читать’, *blåse* ‘дуть’, *drepe* ‘убивать’ и др. Есть параллельные сильные/слабые формы, например: *gli* ‘скользить’ — *gled/glidde*, *vri* ‘выворачивать’ — *vred/vridde*, *hogge* ‘рубить’ — *hogg/hogde* и др. (характерно, однако, что у всех этих глаголов слабая форма причастия II).

2. **Замена отдельных показателей парадигм** иными. Примером может служить вытеснение окончания *-ою/-ею* окончанием *-ой/-ей* у форм тв. падежа ед. числа русских существительных и прилагательных ж. рода (*новою книгою* → *новой книгой*, *последнею каплею* → *последней каплей*); окончание *-ою/-ею* характерно в наше время, в общем, для книжного стиля.

В XX в. окончание *-ья* у русских прилагательных, причастий и местоимений ж. и ср. рода было официально заменено на общее для всех прилагательных окончание — *-ье*. Впрочем, замена эта в основном отражала реальное произношение.

Разумеется, в составе фразеологизмов или иных устойчивых единиц могут сохраняться формы с показателями, уже утраченными, вернее, замененными другими. Ср. рус. *возвращается ветер на круги своя*, исл. *coma e-m í orna skjöldu* ‘нападать на кого-л. с тыла’, где *skjöldu* (теперь *skildi*) — устаревшая форма вин. падежа мн. числа существительного *skjöldur* ‘щит’. В языке африкаанс, в котором полностью отсутствует категория падежа, сохраняются фразеологизмы (по происхождению нидерландизмы), содержащие генитивные и дативные обороты, например: *die steen des aanstoots* ‘камень преткновения’, *ter harte neem* ‘принимать к сердцу’; впрочем, эти же единицы — грамматические архаизмы и для современно-го нидерландского.

Флективные формы в ряде языков заменяются аналитическими. Особенно часто происходит замена падежных форм предложными или иными конструкциями и флективных глагольных форм конструкциями со вспомогательными глаголами. Все это хорошо известно. Рассмотрим несколько специфических случаев.

В норвежскую речь на букмоле постепенно проникает так называемый *garpegenitiv* (от существительного *garp* — клички ганзейских купцов в Бергене в Средние века) — конструкция с возвратно-притяжательным местоимением, эквивалентная по значению род. падежу, например: *universitetet sitt bibliotek* — букв. ‘университет своя библиотека’, т. е. ‘университетская библиотека’. Конструкция эта широко распространена в западно-норвежских диалектах и, естественно, в «новонорвежском», но в букмоле избегается; впрочем, сочетание *hvem sin...* ‘чей’ стало в букмоле вполне употребительным в последнее время. *Garpegenitiv* возводят к аналогичной нижненемецкой конструкции (откуда и название). Эта же конструкция представлена в ряде германских языков (например, фризском, африкаанс), особенно в диалектах (нидерландских, немецких и др.). Ее аналогом является тюркский *изафет*.

В норвежском языке в последние десятилетия широкое распространение получило явление, которое мы называем «скрытым» род. падежом. Это первый элемент определительной конструкции (определяющее) — то-

поним, не имеющий генитивного показателя (-s), но тем не менее обладающий всеми остальными признаками генитивного определения, а именно: определяемое существительное не имеет артикля, а эвентуальное прилагательное стоит, как в позиции после существительного в род. падеже, в слабой форме (т. е. с показателем -e), например: Oslo Nye teater 'Новый театр Осло (название)', ср. обычную генитивную конструкцию *Oslos nye ordfører* 'новый мэ́р Осло'. В названиях современных учреждений, объединений, предприятий, магазинов и т. п. используется только «скрытый» род. падеж. О том, что это относительно новое явление, свидетельствует тот факт, что в старых названиях этого типа по традиции сохраняется обычный род. падеж: ср., например, с одной стороны, современные названия в районе Руделёкка (Осло): *Rodeløkka Fysikalske institutt* 'Физиотерапевтический центр Р.', *Rodeløkka Rensesenter* 'Химчистка Р.' и аналогичные, а также более старые (с показателем -en общ. рода, см. выше) *Rodeløkken Bil- og Karosseriverksted* 'Автомобильная и кузовная мастерская Р.', *Rodeløkken Kafé* 'Кафе Р.', с другой — два сохраняющихся по традиции старых названия: *Rodeløkkens Maskinverksted & Jernstøperi A/S* 'Механическая мастерская и Плавильня Р.' и *Rodeløkkens Treskofabrik* 'Производство деревянных башмаков Р.'.

3. Упрощение парадигмы. Под упрощением парадигмы подразумеваются следующие случаи: а) утрата различия некоторых граммем вследствие использования одинаковых показателей; б) утрата чередований, вызывавшихся спецификой грамматических показателей.

Первый из этих случаев может быть проиллюстрирован утратой личных окончаний у глагола в ряде германских языков. В настоящее время полностью отсутствуют личные окончания (во всех временах) в норвежском, шведском (в сугубо торжественном стиле у ед. и мн. числа могут быть разные окончания), датском, африкаанс. Во фризском и фарерском личные окончания дифференцированы в ед. числе, но все формы мн. числа имеют одинаковое окончание.

В основном унификация личных окончаний у глаголов протекала по следующей схеме. Сначала унифицировались формы 1-го и 3-го лица мн. числа (как сейчас в немецком, нидерландском и идише), затем по ним выравнивалась форма 2-го лица мн. числа. У форм ед. числа процесс шел по нескольким путям, но чаще всего верх одерживала форма 3-го лица, которая распространялась на все лица мн. числа.

Утрата чередований в словоизменении в результате аналогического выравнивания — явление достаточно распространенное. Так, в континентальных скандинавских языках из значительного числа форм мн. числа существительных, имевших перегласовки, осталось менее двух десятков. Интересный процесс наблюдался в фарерском, где в так называемом сла-

бом склонении ж. рода перегласовка на -и (а > ø), имевшая место в косвенных падежах ед. числа, но отсутствовавшая ранее в исходной форме, по аналогии распространилась на последнюю, т. е. теперь она наличествует и в им. падеже, ср.: ед. ч. им. п. gøta, (род.), дат., вин. п. gøtu⁷.

4. Изменение структуры отдельных разрядов частей речи. Это — явление достаточно редкое. Сюда можно отнести следующий случай.

В букмоле первой половины XX в. у числительных, состоящих из десятков и единиц, последние предшествовали первым: ‘23’ — treogtyve, ‘89’ — niogåtti (как в датском, немецком, нидерландском и др.). В 1951 г. был официально введен «новый способ счета» (den nye tellemåten), согласно которому десятки предшествуют единицам (как в русском или английском) и соединительное og ‘и’ отсутствует: ‘23’ — tjuetre (tjue — новая «радикальная» форма числительного ‘20’), ‘89’ — åttini. Прошло более полувека. Примерно половина норвежцев пользуется новым способом счета, а половина — старым. Нет нужды говорить о том, как это неудобно⁸.

Прежде чем перейти к рассмотрению изменений в синтаксисе, обсудим описанные выше изменения в морфологии с точки зрения информативности утраченных категорий и/или граммем. Представляется возможным утверждать в общей форме, что всего легче и всего чаще в языке утрачивается то, что информационно избыточно. Иными словами, в первую очередь может быть утрачено то, без чего возможна полноценная передача информации. Так, различные классификационные или согласовательные категории избыточны информационно, хотя и повышают помехоустойчивость языка.

Сказанное, разумеется, — лишь общая тенденция, а не абсолютное правило. Развитие в обратном направлении — возникновение в языке новых информационно-избыточных элементов — также возможно. Примером такого развития является так называемое сверхопределение (overbestemmelse) в норвежском языке, суть которого заключается в следующем. Еще в начале XX в. в литературном языке существительное (например, land ‘страна’) могло иметь при себе только один определенный артикль — суффиксированный при отсутствии адъективных и аналогичных определений (landet) или свободностоящий при наличии таких определений (det store land ‘большая страна’). Определенный артикль отсутствовал, если существительное определялось указательным или притяжательным мес-

⁷ Форма род. падежа указана в скобках, поскольку в фарерском этот падеж используется только в книжном стиле. Такое положение — четкое различие им., дат. и вин. падежей при весьма ограниченном употреблении род. падежа — уникально для германских языков.

⁸ См., в частности: A s k e d a l J. O. Den «gamle» og den «nye tellemåten» // Ordet. 1997. Nr 3. S. 29–31.

тоимением (*dette land* ‘эта страна’, *mitt land* ‘моя страна’). Теперь ситуация изменилась. «Определенное» существительное имеет обычно двойной артикль — свободностоящий и суффиговый (*det store landet*), при наличии указательного местоимения, как правило, употребляется также суффиговый артикль (*dette landet*); он обязателен также, если притяжательное местоимение находится в постпозиции (*landet mitt*). Правда, согласно нормативным грамматикам, конструкции с одним артиклем должны употребляться в общей соотнесенности, а с двойным — в частной, например: *den ukjente soldat* ‘неизвестный солдат (как общее понятие)’, а *den ukjente soldaten* — ‘(данный) неизвестный солдат’, но правило это соблюдается лишь приблизительно. На выбор того или иного варианта влияет ряд дополнительных фактов, в том числе ритмические моменты и т. д. Но, так или иначе, ясно, что сверхопределение никак не оправдано с точки зрения сообщаемой информации.

Изменения в синтаксисе. В целом можно считать, что европейские языки на протяжении веков развиваются от флексии к анализу. Естественно, что в XX в. этот процесс замедлился под сдерживающим влиянием нормы.

Различия от языка к языку, от группы языков к другой группе в этой области очень велики. Так, например, восточнославянские языки практически не развивались в этом направлении. Западногерманские языки, особенно английский, а также континентальные скандинавские языки (шведский, датский, норвежский) проделали здесь большой путь. Африкаанс вообще, видимо, сформировался как в высшей степени аналитический язык.

Под развитием от флексии к анализу, как известно, подразумевается сокращение флективных способов выражения грамматических значений (упрощение морфологического строя) и возрастание роли аналитических средств выражения последних. Этому вопросу посвящено много работ, и нет необходимости задерживаться на нем. Представляется нужным сделать лишь два уточнения.

Целесообразно различать содержательное упрощение морфологического строя и его формальное упрощение. Под первым понимается сокращение числа грамматических категорий (например, утрата рода в английском) или граммем (например, слияние м. и ж. рода в общ. род в датском и шведском). Под вторым понимается сокращение числа показателей какой-либо граммемы (например, в древнорвежском мн. число ж. рода имело в им. падеже показатели *-ar*, *-er/-ir*, *-or/-ur*, а в современном букмоле — только *-er*). Соответственно с этим можно различать морфологическое богатство содержательное и формальное (конечно, в пределах конкретной группы языков). Так, немецкая морфология богата содержатель-

но, но бедна формально, а шведская богата формально, но бедна содержательно⁹.

Сказанное дает основания признать принципиальную возможность независимого протекания процессов редукции и упрощения морфологии¹⁰. Однако, разумеется, в большинстве случаев названные процессы взаимосвязаны.

Рассмотрим некоторые изменения в синтаксисе, характерные в целом для современных европейских языков.

1. Важнейшее изменение в синтаксисе за последние десятилетия состоит в глобальном **упрощении структуры предложения**. Это, конечно, является следствием демократизации речи, приближения письменной речи к устной. Длинные периоды сложной синтаксической структуры — с иерархическим рядом придаточных предложений и т. п. — все реже используются в прозе XX в. В ряде стран учащихся упорно стараются приучить к тому, чтобы синтаксис создаваемых ими текстов был максимально прост. Так, все норвежские пособия по практической стилистике неустанно призывают к максимальному упрощению синтаксических структур, в частности к замене по возможности сложноподчиненных предложений сложносочиненными, разделению длинных предложений на короткие, замене пассивных конструкций активными и т. д.

2. Поскольку **предлог** имеет грамматическое значение, уместно рассмотреть его в разделе о синтаксисе. Заслуживает внимания следующий момент.

Наблюдается экспансия одних предлогов за счет других — так сказать, универсализация некоторых предлогов (обычно одного).

Так, в норвежском языке экспандирует предлог *på* (исходное пространственное значение 'на'), используемый теперь в ряде значений, ранее ему не свойственных, например: *professor på universitetet* 'профессор университета', ранее *...ved...*; *begynnelsen på arbeidet* 'начало работы', ранее *...av...*; *på slutten* 'в конце', ранее *i...* и др.¹¹

В русском языке наблюдается аналогичный процесс — экспансия предлога *о*. Нами отмечены в радио- и телевизионных передачах такие (неправильные!) употребления, как *доказательство о...*; *критика о...*; *трактовка о...*; *угроза о...*; *позиция о том, что...*; *инициатива о...*; *убеждать о...*; *настаивать о...*; *понимаем о том, что...*; *она компетентна о...*; *увидели о том, что...*; *наблюдаем о том, что...*; *что касается о том, что...*; *намечено о том, что...* и т. п.

⁹ Берков В. П. Современные германские языки. СПб., 1996. С. 219.

¹⁰ См.: Там же. С. 219–220.

¹¹ Ср.: Frytz C. F. 1) *Vaklende preposisjonsbruk // Språknytt*. 1994. N 2. S. 16; 2) *Svar fra Norsk språkråd // Ibid*. S. 17.

3. Наблюдаются различные случаи изменений в **согласовании**. Одни новации стали вполне литературными, другие ограничены разговорной речью или просторечием. Рассмотрим некоторые случаи в русском языке.

Согласование по смыслу в числе стало вполне распространенным. Имеются в виду случаи *несколько человек пришли, большинство специалистов считают* и аналогичные. То же наблюдается в норвежском: *Politiet er nervøse* ‘Полиция нервничает (букв. ‘нервничают’)’. Сходное положение и в английском.

Согласование по смыслу в роде, напротив, считается в русском языке нелитературным: *Врач прописала...; Она хорошая врач*.

Наблюдается несколько типов нарушения согласования в русском языке. Некоторые из них — явления достаточно старые.

Таково, например, использование в устной речи имени без показателя косвенного падежа при употреблении отчества: *с Николай Петровичем, с Валентин Сергеевичем*. При употреблении усеченной формы имени, видимо, вообще используется только несклоняемый вариант: *с Пал Пальчем, с Марь Ивановной*.

Все чаще слышатся в русской разговорной речи составные числительные, в которых склоняются только единицы: *с двести семьдесят пятью пассажирами на борту*.

Напротив, видимо, относительно новое явление — использование несклоняемой формы имени, особенно иноязычного, при наличии так называемого номенклатурного названия: *на станции Москва Бутырская, из города Ржев, по реке Гломма, от селения Ниттедал*. Это характерно прежде всего для специальных текстов, ср. обычные варианты *на реке Сестре, от города Твери*. Впрочем, здесь немало колебаний, и многое нуждается в изучении (например, и в литературной речи единственно возможный вариант — *из селения Петушки*).

В этом небольшом разделе о синтаксисе были затронуты лишь некоторые общие типы изменений. Здесь нет, естественно, возможности рассмотреть частные вопросы. В качестве примера такого частного изменения можно привести все чаще встречающееся в русском, но пока осуждаемое многими использование деепричастного оборота в безличном предложении типа *Зная это, представляется неправильным...* Такие изменения происходят в каждом языке, но определение того, являются ли они проявлением каких-либо более общих тенденций, требует специального изучения.

* * *

Как хорошо известно, любая новация в языке — это нарушение существующей нормы. По сути дела, современный языковой коллектив находится в противоречивой ситуации. С одной стороны, надо соблюдать дей-

ствующую норму, но тогда, если ей следовать неукоснительно, прекратится развитие языка. С другой стороны, чтобы язык развивался, норму в чем-то приходится нарушать. Однако кто может определить, за какими новациями будущее, а какие не станут общим достоянием? Видимо, решать эти вопросы должны нормализаторы. Но не те, кто негибко руководствуется только действующими ныне критериями, далеко не во всем бесспорными и к тому же применяемыми не в совокупности, а избирательно. Слово за нормализаторами, хорошо чувствующими тенденции развития языка и не считающими, что общераспространенной может быть и ошибка.

2

ГЕРМАНИСТИКА

Введение в германистику:
Учебник для университетов

•

Из книги

«Современные германские языки»

•

Новое в норвежском языке

•

Из книги «Норвежская лексикология»

•

«Двойная» пассивная конструкция
в норвежском языке

•

Обозначение новых понятий
в современном исландском языке
(Nýugði)

•

Загадки древнеисландской культуры

•

Белое пятно скандинавистики
(Фарерские острова)

•

Современное положение
фризского языка

ВВЕДЕНИЕ В ГЕРМАНИСТИКУ

Учебник для университетов

ОТ АВТОРА

Предлагаемая книга является учебником по курсу «Введение в германскую филологию», читаемому студентам II курса университетов. Он задуман как соответствующий уровню студентов, только начинающих знакомиться с германской филологией в целом. Автор старался изложить материал максимально доходчиво, избегая усложненных формулировок и приводя ограниченное количество примеров.

По мере надобности и возможности используются таблицы и рисунки, призванные облегчить понимание материала и закрепить пройденное.

Курс «Введение в германскую филологию» читается студентам-германистам разных специализаций в принципе сходно, и поэтому данный учебник является также введением как в английскую, так и в скандинавскую и в нидерландскую филологию.

У этого курса три основные задачи:

- 1) ознакомить читателя с жизнью и культурой древних германцев;
- 2) описать характерные черты германской группы языков;
- 3) кратко описать основные этапы развития и особенности каждого из этих языков.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Германские языки в языковой картине мира.

Общее количество языков в мире точно неизвестно: называются цифры от 2000 до 6800. Причина этих расхождений состоит в том, что не существует критериев различения языка и диалекта. В самом деле, есть диалекты одного языка, совершенно непонятные говорящим на другом диалекте/других диалектах того же языка, и, напротив, есть разные языки, хорошо понятные говорящим на других родственных языках.

В этой связи было предложено различать «языки по расстоянию» и «языки по положению». Первыми называют пары родственных языков, различия между которыми столь велики, что исключают или, по крайней мере, очень затрудняют взаимопонимание, например русский и чешский, норвежский и африкаанс. Языками по положению (т. е. статусу) на-

зывают родственные языки, близкие друг другу настолько, что взаимопонимание осуществляется легко, но языки эти являются официальными или даже государственными у разных коллективов, например таджикский и персидский.

Из ныне существующих языков половина приходится на Индонезию, Мексику, Бразилию, Камерун, Индию, Китай, США и Россию. По прогнозам специалистов, к 2100 г. может исчезнуть до 90% существующих языков: чтобы язык сохранялся, необходимо, чтобы на нем из поколения в поколение говорило не менее нескольких десятков тысяч человек.

Родственные языки составляют **языковые семьи**. Семьи эти очень различны как по числу говорящих, так и по числу языков. Есть семьи-гиганты, на которых говорят сотни миллионов людей, есть и семьи-карлики. Более того, есть в мире несколько языков, у которых вообще нет родственных связей ни с каким другим языком (таков, к примеру, язык бурушаски на Памире).

Одной из крупнейших в мире является **индоевропейская семья** языков. В нее входят следующие группы (они перечислены в традиционном порядке):

- 1) индийские языки;
- 2) иранские языки;
- 3) славянские языки;
- 4) балтийские языки;
- 5) германские языки;
- 6) романские языки;
- 7) кельтские языки.

Следующие три языка не входят ни в какую группу в пределах этой семьи, т. е. образуют самостоятельные группы:

- 8) греческий;
- 9) албанский;
- 10) армянский.

Кроме 10 названных групп живых языков, в индоевропейскую семью входят и мертвые:

- 11) хеттский (представлен клинописными памятниками; Малая Азия, ≈ 1900–1200 гг. до н. э.);
- 12) тохарские (представлены рукописями VI–VII вв. н. э., обнаруженными в Северо-Западном Китае).

Живые германские языки представлены двумя группами: западногерманскими языками и северогерманскими, или скандинавскими, языками. Они очень различаются по количеству говорящих на них, ср. таблицу 1

(цифры в ряде случаев приблизительные!).

Кроме двух названных групп — западногерманской и северогерманской, или скандинавской, — существовала и восточногерманская группа. Это группа мертвых языков. До нас дошли тексты только на готском языке.

§ 2. О пользовании этим учебником.

Студент II курса университета, изучающий курс «Введение в германскую филологию», оказывается в затруднительном положении.

С одной стороны, по ходу изложения материала в учебнике во множестве случаев абсолютно необходимо оперировать примерами из различных древних и современных германских языков, например готского, древневерхненемецкого, древнеисландского, немецкого, норвежского и т. д., а также примерами из других языков, например латыни и греческого. С другой стороны, готский язык изучается обычно (если не всегда) после данного курса, латынь преподается не во всех университетах, а древнегреческий вообще не входит в программу обучения германистов. Далее, древневерхненемецкий, древнеанглийский и древнеисландский преподаются, как правило, на III курсе на занятиях по истории языка студентам, специализирующимся соответственно по немецкому, английскому, нидерландскому и скандинавским языкам. Наконец, большая часть нынешних студентов изучала в школе английский язык и потому незнакома с немецким, а те, кто в школе учились немецкому, могут не знать английского.

Разумеется, все примеры в учебнике снабжены переводами. Вопрос стало быть, в том, как правильно их произносить.

Для этого в самый конец учебника вынесены **краткие правила чтения** слов на тех языках, которые используются в примерах на них.

Читателю необходимо ознакомиться с названными правилами и при необходимости возвращаться к ним.

Т а б л и ц а 1

Количество говорящих на живых германских языках

Группы языков	Языки		Количество говорящих
Западногерманские языки	1	Английский	≈ 500 млн.
	2	Немецкий	≈ 110 млн.
	3	Нидерландский	22 млн.
	4	Африкаанс	6,5 млн.
	5	Идиш	0,5 млн. (?)
	6	Фризский	0,5 млн.
Северогерманские языки	1	Шведский	9 млн.
	2	Датский	5,7 млн.
	3	Норвежский	4,7 млн.
	4	Исландский	306 тыс.
	5	Фарерский	50 тыс.

Часть 1. ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ

§ 3. Древнейшие сведения о германцах.

Германцы живут в Европе, по крайней мере, с **III тысячелетия до н. э.** Первоначальная область их расселения — север Центральной Европы между Эльбой и Одером, Ютландия и юг Скандинавского полуострова. Постепенно эта область расширялась.

Первые сведения о древних германцах мы находим у античных авторов.

Первое упоминание о древних германцах — у греческого купца Пифея (Pytheas) из Массилии (нынешний Марсель), датируемое второй половиной IV в. до н. э. Пифей описал свое путешествие вдоль западного побережья Европы и южного побережья Северного моря и, в частности, упоминает племена гуттонов и тевтонов. Само описание путешествия Пифея не сохранилось, но оно было использовано позднейшими греческими и римскими историками и географами.

Первое соприкосновение германцев с Римом относится к концу II в. до н. э. Это был поход германских племен кимвров и тевтонов (102–101 гг. до н. э.), сначала одержавших ряд побед над римлянами, но впоследствии разбитых римским полководцем Марием.

До I в. до н. э. — начала н. э. сведения о древних германцах скудные. С начала новой эры они становятся подробнее (Страбон, Плутарх). Основные же сведения — «Записки о галльской войне» Цезаря (100–44 до н. э.), который в 58–51 гг. был наместником Галлии, «Естественная история» римского ученого Плиния Старшего (23–79) и «Германия» римского историка Тацита (около 58 — около 117).

Примечание. Тацит употреблял название *Германия*, естественно, в смысле 'область, населенная германскими племенами'.

Античные авторы упоминают множество названий германских племен. Поскольку, однако, римляне со многими из них непосредственно не соприкасались и сведения о них брались из вторых (третьих и т. д.) рук, а племена кочевали, сливались, исчезали, то многое в этих сочинениях неясно, ненадежно, спорно.

Первым дал классификацию германских племен и перечислил их **Плиний Старший**; она такова:

1) виндилы (виндилы) — племена, населяющие восток «Германии»: бургунды, карины, варины, гуттоны;

2) ингвеоны (ингвеоны): кимвры, тевтоны, хавки, англы, саксы, юты, фризы — племена, обитающие на северо-западе «Германии», т. е. на побережье Северного моря и в Ютландии;

3) иствеоны — прирейнские племена: бруктеры, хамавы, салии, сикамбры и др. (будущие франки);

4) герминоны (гермионы, эрмионы), живущие на юге «Германии»: маркоманны, алеманны, лангобарды, квады и др.;

5) певкины, бастарны населяли, по Плинию, восток «Германии», «у границы с даками». В другом месте Плиний называет их гиллевионами.

Некоторые историки объединяют группу (5) с группой (1).

Сходная классификация есть у **Тацита**. Он пересказывает древнегерманский миф, согласно которому у бога Манна (сына рожденного землей бога Туискона) было три сына, по имени которых и названы племена:

1) ингвеоны (ближайшие к «Океану», т. е. Северному морю);

2) герминоны (живущие внутри страны);

3) иствеоны (остальные).

Он дает подробное описание всех известных ему племен.

Поскольку языковых памятников того времени нет, то эта классификация является этнической, а не языковой. Предположительно языковая картина была таковой:

- виндилы — готы, бургунды (а также лугии, герии, геллевионы, маннимоны и др.) — впоследствии носители восточногерманских языков;

- ингвеоны — тевтоны, хавки, англосаксы, фризы, юты, жившие по берегам Северного моря, — впоследствии англо-фризская подгруппа западногерманских языков;

- иствеоны — впоследствии франкские племена;

- герминоны — алеманны, баварцы, лангобарды, свевы (?) и др. — впоследствии верхненемецкие племена;

- гиллевионы — впоследствии скандинавы.

§ 4. Экономический и общественный строй древних германцев.

У **Цезаря** (сер. I в. до н. э.) германцы, в основном, — **кочевники-скотоводы и охотники**, которые также занимались **военными набегами**. Земледелие уже есть, но играет незначительную роль. В его «Записках о галльской войне» содержится так называемый «севский, или первый германский экскурс», где, в частности, говорится:

«Племя свевов — самое большое и воинственное из всех германских племен. Говорят, что у них сто округов и каждый высылает из своих пределов на войну по тысяче вооруженных воинов. Остальные, оставаясь дома, кормят себя и их; через год эти [последние] в свою очередь отправляются на войну, а те остаются дома. Благодаря этому не прерываются ни земледельческие работы, ни военное дело. Но земля у них не разделена и не находится в частной собственности, и им нельзя более года оставаться на одном месте для возделывания земли.

Они питаются не столько хлебом, сколько — и главным образом — молоком и за счет скота. Все это вместе взятое, а также свойства пищи, еже-

дневные военные упражнения, свободный образ жизни, в силу которого они, не приучаясь с самого детства ни к повиновению, ни к порядку, ничего не делают против своей воли — [все это] укрепляет их силы и порождает людей столь огромного роста. Кроме того они приучили себя, [живя] в странах с очень холодным [климатом], не носить никакой другой одежды, кроме звериных шкур, которые вследствие их небольших размеров оставляют значительную часть тела открытой, а также привыкли купаться в реках».

Примечание. Утверждение Цезаря, что свевы ежегодно выставляют стотысячное войско, представляется весьма сомнительным.

В так называемом «втором германском экскурсе», среди прочего, говорится: «Они не особенно усердно занимаются земледелием и питаются главным образом молоком, сыром и мясом...».

Земля обрабатывалась довольно примитивно. Преобладало залежное земледелие (т. е. снималось несколько урожаев, затем земля на долгое время оставлялась без обработки для восстановления плодородия почвы). Возделывались хлебные злаки, в том числе ячмень и овес.

При **Таците** (т. е. через полтора столетия после Цезаря) древние германцы уже, в основном, **оседлы**, и земледелие играет большую роль.

У них, видимо, было три основных вида жилищ: бревенчатые избы; дома из веток, обмазанные глиной (ср. совр. нем. Wand ‘стена’, первоначально ‘что-л. переплетенное, плетень’); землянки, утепленные сверху.

Древним германцам времен Тацита уже были знакомы ремесла — ткачество (в том числе производство красителей), обработка металлов, гончарное дело.

До III в. н. э. германцы жили при **родовом строе**. Они селились родами и родственными группами. Это древнее расселение по родам отразилось в ряде сохранившихся до сих пор топонимических названий с так называемым патронимическим суффиксом *-ing-/-ung-* (+ окончание дат. п. мн. ч.) типа *Майнинген*.

Примечания. 1. Впоследствии, уже после распада родового строя, этот суффикс стал обычным показателем названия городов, как, например, в названиях *Золинген*, *Гёттинген* и т. п. **2.** Типологически древнему германскому патронимическому суффиксу соответствует славянский патронимический суффикс *-ич-*, ср. *Боровичи*.

Во главе рода стоял родовой старейшина — др.-в.-нем. *kuning*, др.-исл. *konungr* (ср. рус. *князь*). Это слово образовано от понятия ‘род’: гот. *kuni*, др.-исл. *kun*, гр. *genos*, лат. *genus*. Верховная власть принадлежала народному собранию, которое составляли все мужчины, способные носить оружие. В промежутках между собраниями текущие дела решались советом

старейшин. Для военных действий избирался военачальник («воевода») — др.-в.-нем. *herizogo*, др.-исл. *hertogi* (отсюда нем. *Herzog* ‘герцог’); он собирал свою дружину.

Хотя, как мы видели, у германцев того времени существовал патриархат, сохранялись пережитки матриархата. Они проявлялись, в частности, в следующем:

1) авункулат (< лат. *avūnculus* ‘дядя по матери’): брат матери считался более близким родственником, нежели отец; это восходит, видимо, еще к групповому браку;

2) особое отношение к женщине. Женщины, считалось, обладали пророческой силой. Так, Тацит пишет:

«Они думают, что в женщинах есть нечто священное и вещее, не отвергают с пренебрежением их советов и не оставляют без внимания их прорицаний <...> мы сами видели Веледу, которая у многих германцев считалась божественным существом; да и раньше Авриния [разночтение: Альбуна] и многие другие почитались ими».

Примечание. Веледа — дева-прорицательница из племени бруктеров (Тевтонский лес); при Веспасиане была пленницей в Риме. «Жила в высокой башне, избранное лицо из ее сородичей передавало вопросы и ответы, подобно вестнику божества».

Далее, женщины могли влиять на ход сражения. По Тациту, «...иногда колеблющиеся и расстроенные ряды восстанавливались женщинами, благодаря их неумолчным мольбам <...> и указывали на неизбежный плен, которого германцы боятся, особенно для своих женщин, до такой степени, что крепче связаны бывают своими обязательствами те германские племена, которые вынуждены в числе своих заложников давать также знатных девушек».

Рабство носило патриархальный характер (в основном рабами были военнопленные), и рабы не были существенной производительной силой, как, например, в Древней Греции или Риме. Раба можно было продать или убить. Раб имел собственное хозяйство, был издольщиком.

Действовал институт кровной мести. В сущности, кровная месть выполняла функцию самозащиты общества, препятствия разгулу насилия, ибо в ее основе лежит неотвратимость наказания за злодеяние. Впрочем, в некоторых случаях можно было откупиться вирой. Роль кровной мести очень хорошо видна в исландских сагах, созданных, правда, многими веками позднее.

Уже во времена Тацита начинается социальная дифференциация общества.

Старейшины рода, вожди и их дружины постепенно составили высший слой общества. Правда, это еще были выборные должности. Тацит

пишет, что королей (reges) германцы выбирают по знатности («большая знатность или выдающиеся заслуги отцов доставляют звание вождя даже юношам»), а военачальников (duces) — по доблести. «У королей нет неограниченной или произвольной власти, — продолжает он, — и вожди главенствуют скорее примером, чем на основании права приказывать, тем, что они смелы, выделяются [в бою], сражаются впереди строя и этим возбуждают удивление. Однако казнить, заключать в оковы и подвергать телесному наказанию не позволено никому, кроме жрецов...».

Но и при Таците высшим органом остается собрание (þing, thing) всех вооруженных мужчин. Собирались обычно в новолуние или полнолуние.

По Тациту, дружина предана вождю, а вождь заботится о ней: дает дружинникам боевого коня и обогретенное кровью победоносное копье (fratna), а вместо жалованья устраивает для них пиры. Уже в дружине устанавливается определенная иерархия. Вождю добровольно приносятся дары: скот и продукты. Особенно радуются вожди приношениям от соседних племен.

§ 5. Отношения древних германцев с Римом.

В постоянный контакт с Римом германцы входят в I в. до н. э. Это были непрерывные военные столкновения, и римлянам не удавалось сдерживать натиск германцев. Чтобы остановить их продвижение на кельтские земли, завоеванные Римом, **во II в.**, при императоре Адриане (117–138), по Рейну и верхнему Дунаю — по границе между германскими племенами и Римом — возводятся мощные **линии оборонительных сооружений**. Опорные военные пункты (некоторые возникли ранее, еще в I в.) со временем превратились в города-колонии, являвшиеся также торговыми центрами.

Многие из этих городов существуют и по сей день и даже сохранили древние названия: *Кобленц* из ad Confluentes букв. 'у сливающихся (рек)', т. е. 'у слияния' (о месте впадения р. Мозель в Рейн), *Кёльн* из Colonia Agrippinensis/Agrippina, *Майнц* из кельт. Mogontiacum, *Трир* из Augusta Treverorum/Trevirorum, *Вена* из кельт. Vindobona и др. Они стали центрами распространения римского влияния на правобережные германские племена, а через них и далее в глубь «Германии».

На протяжении более трех веков германцы испытывали глубокое влияние более высокой римской культуры. Перенимая элементы римской материальной культуры, германцы, естественно, заимствовали слова, их обозначающие. Таким образом, их языки вобрали в себя множество латинских заимствований.

Заимствовались слова из самых разных областей — военной организации, торговли, строительства (германцам не было известно строитель-

ство из камня), названия сельскохозяйственных культур, предметов хозяйства и т. д. и т. п. Почти все эти слова — заимствования из латыни — сохранились в современных германских языках. Из множества примеров ограничимся несколькими (см. таблицу 2; приводятся названия из современных германских языков).

Таблица 2

Латинские заимствования в современных германских языках

Лат.	Англ.	Нем.	Сканд.	Нид.
strata via 'мощеная дорога'	street 'улица'	Straße 'улица'	норв. strede, датск. stræde 'узкая улица; пролив'	straat 'улица'
milia (passuum) 'тысяча (шагов)'	mile 'миля'	Meile 'миля'	норв., датск., шв. mil 'миля'	mijl 'миля'
saccus 'мешок'	sack	Sack	норв. sekk, датск. sæk, шв. säck	zak
murus 'каменная стена'	(wall)	Mauer	норв., датск., шв. mur	muur
molina 'мельница'	mill	Mühle	норв., датск. mølle	molen
prunum 'слива'	plum	Pflaume	норв. plomme, датск. blomme, шв. plommon	pruim

На глубокое влияние латыни указывает тот факт, что заимствовались также прилагательные (например, англ. secure, нем. sicher, норв., датск. sikker, шв. säker, нид. zeker < лат. securas 'безопасный') и даже суффиксы (англ. -er, шв. -are < лат. -arius).

На племена, удаленные от границы с Римом, влияние было, естественно, меньшим, ср. 'сыр' — англ. cheese, нем. Käse, нид. kaas (> лат. caseus) — норв., датск., шв. ost; 'масло' — англ. butter, нем. Butter, нид. boter (> лат. butyrum, заимствование из греческого) — норв., датск. smør, шв. smörg и т. д.

§ 6. Религия древних германцев.

Верховным божеством был бог богов и победы, носитель мудрости Водан/Вуотан (у скандинавов Один), господствовавший над людьми и богами. Он был властителем Вальгаллы (по-русски, обычно, Валгаллы), где после смерти обитали павшие в бою. Дбнар (Тор) был богом грома и плодородия, помогал воинам в битвах; он изображался с молотом, которым сокрушал врагов и производил гром. Бог Тиу/Циу (у скандинавов Тью) — бог неба и погоды, бог войны. Фрейя — богиня брака и семьи.

Поскольку языческая религия искоренялась христианством, до нас дошли относительно скудные сведения о верованиях континентальных германцев. Однако древнегерманская религия достаточно хорошо представлена в древнеисландских письменных памятниках (особенно в «Младшей

Эдде» Снорри Стурлусона, созданной в 1222–1225 гг.), и мы располагаем о ней подробными сведениями. Причина этого в том, что в Исландии язычество не подвергалось преследованиям. Ниже будет коротко рассказано о некоторых чертах германской мифологии по древнеисландским источникам.

Названные выше боги принадлежали к главному роду богов — *асов*. Кроме них был род других богов — *ванов*. По мифу, асы и ваны поначалу воевали между собой, но потом примирились и даже обменялись заложниками. По «Младшей Эдде», основную массу богов составляли асы, а ванов было всего трое. В мифе о войне асов и ванов, по-видимому, отразилась смена религий.

В честь древнегерманских богов совершались кровавые обряды: например, у фризов, чтобы умилостивить Водана, вешали подростка; иногда приносимых в жертву топили в болоте.

Обычно изображения богов находились в священных рощах, позднее в храмах (капищах).

Имена древнегерманских божеств сохранились в некоторых современных географических названиях: ср., например, шведский город *Лунд* — первоначально ‘священная’ роща’, столица Норвегии *Осло* — видимо, ‘луг асов’, датский город *Оденсе* ‘капище Одина’, центр Фарерских островов *Торсхавн* ‘гавань Тора’, немецкий город *Бад-Гёдесберг* близ Бонна (< *Wuodensberg* ‘гора Водана’) и многие другие.

Некоторые из этих имен сохранились также в большинстве современных названий дней недели — калках с латыни, в которых имена римских богов заменены именами богов германских. Так, ‘вторник’ — это ‘день Тиу/Тю’ (ср. норв. *tirsdag*), среда — ‘день Водана/Одина’ (ср. норв. *onsdag*), ‘четверг’ — ‘день Донара/Тора’ (ср. норв. *torsdag*), ‘пятница’ — ‘день Фрейи/Фригг’ (ср. норв. *fredag*; первоначально *Фрейя* и *Фригг* — это одно имя). ‘Понедельник’ — ‘день луны’, воскресенье — ‘день солнца’.

Примечание. Конечно, не во всех современных германских языках сохранились эти древние обозначения; например, нем. *Mittwoch*, исл. *miðvikudagur* ‘среда’ означает ‘середина недели’. Во всех современных скандинавских языках ‘суббота’ — это первоначально ‘банный день’.

Важнейшую роль играли гадания. Гадали по полету птиц, по ржанию белых коней, жеребьевым палочкам, жрецы — по крови и внутренностям пленных.

О пророчицах — см. выше § 4.

§ 7. Фольклор.

Несомненно, у древних германцев существовало богатое устное народное творчество — мифы, предания, сказания, культовые и обрядовые

песни, заклинания, заговоры и т. п. Однако до нас дошло очень немногое (например, записанные в X в. на древневерхненемецком языке Мерзебургские заклинания), но этот фольклор очень широко отражен в значительно более поздних (в первую очередь, древнескандинавских) памятниках.

§ 8. Руническое письмо.

Рунические письма — древнейший вид письменности у германцев.

Руническое письмо с самого своего возникновения носило преимущественно магический, культовый характер. Назначение рун было охранять владельца от злых сил, приносить победу, удерживать покойников в земле и т. д. Руны широко использовались в гадании: жрец брал наугад три палочки и толковал знаки, о чем упоминает еще Тацит.

Руны делятся на старшие и младшие.

Старшие руны использовались на всей территории расселения германских племен — от Скандинавии на севере до Южной Германии, от Англии на западе до Ковеля на востоке. Всего надписей старшими рунами обнаружено около двухсот. Из них добрая половина приходится на Южную Скандинавию, а из последних — половина на Норвегию.

Младшие руны, пришедшие на смену старшим, — явление чисто скандинавское. Поэтому они будут рассматриваться ниже в разделе о скандинавских языках (§ 90), а в этом параграфе речь пойдет только о старших рунах, что далее специально оговариваться не будет.

Руны представляли собой комбинации вертикальных и наклонных линий (соответственно «стволов» и «ветвей»). Горизонтальных линий не было. Рунический алфавит имел следующий вид:

ƒ	п	ʀ	ƒ	ƕ	х	г	н	т	і	ѣ	с	ј	у	з	т	в	м	л	г	о	ѣ	ѣ	
f	u	þ	a	r	k	g	w	h	n	i	j	p	ë	r	s	t	b	e	m	l	η	d	o

По первым шести знакам весь алфавит назван fuþark'ом (футарк). Этот порядок следования рун в алфавите до сих пор не нашел убедительного объяснения.

Отсутствие в футарке горизонтальных линий принято объяснять тем, что горизонтальные линии будто бы плохо видны на дереве (вспомним, что первоначально руны вырезались на палочках). Однако не все исследователи с этим согласны, и вопрос о причине отсутствия в руническом алфавите горизонтальных линий остается открытым.

Обычно рунические надписи очень краткие, часто они представляют собою одно слово — имя собственное; нередко вырезался весь футарк. Надписи делались на камнях, дереве, кости, позже на металле (золоте),

многие (31) на так называемых брактеатах — украшениях в виде медали с чеканкой на одной стороне.

Надписей на дереве дошли до нас единицы: дерево — материал непрочный. Да и многие другие надписи значительно повреждены. Они кратки, фрагментарны, из-за их магического характера не очень понятны. Даже когда ясны слова, не всегда ясен смысл всей надписи. Известный рунолог Карл Марстрандер еще в 1938 г. писал: «С известным основанием можно утверждать, что вплоть до настоящего времени не удалось истолковать ни одну руническую надпись. В ряде случаев мы в состоянии определить текст надписи, но одновременно мы должны часто признать, что данный текст является лишь скорлупой, за которой скрывается неведомое нам ядро».

Период надписей старшими рунами — II (III)–VIII вв. Датировки зачастую затруднительны.

На территории Скандинавии древнейшей принято считать надпись на наконечнике копья, найденном возле норвежского хутора Эвре Стабу (*Øvre Stabu*, 250–350) — **raunijaR** ‘испытывающий?’, ‘испытатель?’. Неясно, относится ли это слово к самому наконечнику копья или к какому-то человеку.

𐀀𐀁𐀂𐀃𐀄𐀅 = raunijaR

Примечания. 1. По традиции слова рунического алфавита приводятся в современных текстах полужирным шрифтом. 2. В руническом алфавите различались **r** и **R**, обозначавшие в нем разные фонемы. Подробнее об этом см. ниже (§ 19).

Позднейшей из надписей старшими рунами считается надпись, найденная на хуторе Эггъя (*Eggja*, старое название *Eggjum*), датируемая серединой VII — серединой XI в. Она же самая длинная из всех надписей (около 200 рун). Многое в ее толковании спорно.

Одна из самых известных надписей старшими рунами была обнаружена на одном из двух золотых рогов из Галлехуса (*Gallehus*, северный Шлезвиг, нач. V в.): **ek HlewagastiR holtijaR horna tawidō** ‘я Хлевагаст из Хольта [по другому толкованию — ...из рода Хольтиев] рог [этот] сотворил’. Интересна история этой надписи. Оба золотых рога были украдены и переплавлены, однако, к счастью, сохранились их рисунки. По ним были отлиты новые, а надпись восстановлена.

Магическим искусством вырезания рун владели единицы. Они называли себя словом **erilaR** (этимология спорна) и разными другими именами.

Магический характер рун подтверждается и самой этимологией слова. Гот. *gupa* означало, как и др.-англ. *gup*, ‘тайна’, ср. также нем. *gaupen* ‘таинственно шептать’. От названия гадательных (буковых) палочек с ру-

нами идет, видимо, др.-исл. *stafr* ‘палочка’; ‘посох’; ‘буква’; ср. нем. *Buchstabe*, норв. *bokstav* ‘буква’; ср., далее, гот. *bokos* ‘книга’, мн. ч. от *boka* ‘буква’. ‘Чтение’ первоначально обозначалось как ‘собрание букв’; нем. *lesen* ‘читать’ означает также ‘собрать’. Исходное значение англ. *read* ‘читать’ — ‘отгадывать’, т. е. ‘гадать по рунам’, ср. нем. *raten* ‘отгадывать’, *Rätsel* ‘загадка’. Англ. *write* ‘писать’ восходит к др.-англ. *writan* ‘вырезать’.

Корпус надписей старшими рунами время от времени пополняется. Так, в 1991 г. в Южной Германии была обнаружена надпись на серебряной пряжке, состоящая из 19 рун. Ее относят к середине — второй половине VI в. Трактовка ее представляет известные трудности, и уже предложено три прочтения.

Вопрос о происхождении рун по сей день остается спорным. Одни рунологи считают, что их источник — латинский алфавит, другие — греческое письмо, третьи — какой-то (несохранившийся?) североиталийский алфавит. Причина этих расхождений во взглядах состоит в том, что одни рунические знаки бесспорно сходны с латинскими буквами, другие — с греческими, наконец третьи вообще не имеют соответствий в других известных алфавитах.

При таких попытках определения происхождения рунического письма обычно учитывается их начертание, но не берется во внимание тот факт, что контакты древних германцев с греками и североиталийскими народами были достаточно слабыми.

И еще один важный момент. Язык надписей старшими рунами, несмотря на огромную территорию, на которой они встречаются, и многовековое их использование, относительно единообразен. Но в это же время существовали различные древнегерманские народы, язык которых значительно отличался от языка рунических надписей. Так, дошедший до нас готский перевод «Библии» (рукопись V в., § 45) обнаруживает существенные отличия от языка надписей старшими рунами. Видимо, последний был сакральным языком, знание которого передавалось из одного места в другое и от века к веку.

§ 9. Германцы в III–IX вв.

Постепенно происходит объединение мелких германских племен в племенные союзы. Эти союзы представляли собой мощную военную силу, которая усугублялась слабостью Рима. Стремление к захвату чужих земель, особенно тех, где жили народы, стоящие на более высокой ступени развития, к грабежу, низкий уровень развития производительных сил — все это вызвало гигантские миграции населения, преимущественно в IV–VII вв., в эпоху Великого переселения народов, завершившуюся образованием варварских королевств.

В эпоху Великого переселения народов происходит множество сложных процессов, миграций народов в разных направлениях. Ниже будут названы лишь важнейшие из них.

Прологом этого процесса считается переселение готов во II–III вв. с нижней Вислы и прилегающих частей южного побережья Балтийского моря в причерноморские степи, по обе стороны Днестра, от Дуная до Днепра. Часть их, занявшая территорию к западу от этой реки, получила название вестготов, или «лесных готов», другая часть — остготов, или «степных готов». Готы совершали неоднократные набеги на Рим. Впоследствии остготы основали на территории Италии и Югославии остготское королевство (493–554), а вестготы — вестготское королевство на территории Южной Галлии с центром в Тулузе, а затем в Северной Испании (418–711). Подробнее о готах см. § 44.

Вандалы переместились, очевидно, из Скандинавии на Западные Балканы, а затем через Южную Испанию (название *Андалузия*, лат. *Vandalitia*, отражает название этого народа) в Северную Африку, где в 429 г. овладели Карфагеном. Создав мощный флот, они в 455 г. ненадолго захватили Рим и варварски его разрушили (отсюда современное значение слова *вандал*). Вандальское государство пало в VI в. под ударами византийцев.

Англы, юты, саксы в V–VI вв. переселились на Британские острова (часть саксов осталась на континенте).

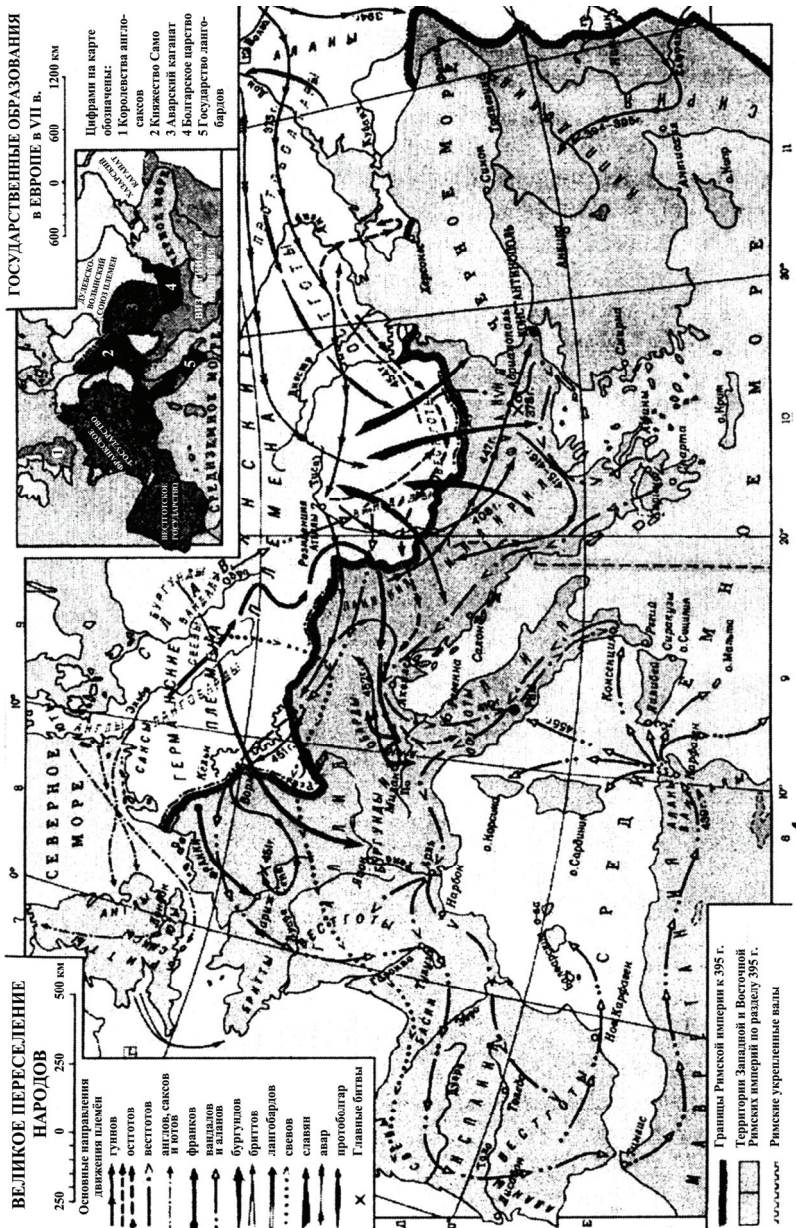
Лангобарды около 400 г. поселились в Паннонии (современная Венгрия), а в VI в. захватили Северную Италию (отсюда название *Ломбардия*).

Восточногерманское племя бургундов основывает в Восточной Франции Бургундское королевство. Видимо, часть их поселилась на острове Борнхольм в Балтийском море (ср. древнее название острова *Бургундархольм*). От их самоназвания происходит название французской области *Бургундия*.

Могущественная группа франкских племен двинулась на юг и создала Франкское королевство, постепенно значительно расширившее свою территорию, особенно при Хлодвиге (481–511), и просуществовавшее несколько веков. Королевством правила династия Меровингов.

Всем этим процессам способствовали и удары кочевников-гуннов, начавшиеся в IV в.

В эту эпоху происходит разложение родового строя, выделение наследственной аристократии (из племенных вождей, военачальников, дружинников). На смену общинному переделу земли приходит наследственно закрепленный раздел земли. Родовые институты власти сменяются королевской властью, которая правила народом-завоевателем и завоеванной областью.

Карты «Великое переселение народов»
и «Государственные образования в Европе в VII в.»

При Меровингах (конец V — середина VIII в.) складывается типичное раннефеодальное государство. Оно включало в себя нынешние Нидерланды, Бельгию, Францию и Западную Германию. Меровингов усиливал союз с Римской церковью — большой силой в тогдашней Европе. Усиление землевладельческой знати привело к упадку центральной королевской власти, особенно при «ленивых королях» — преемниках Дагоберта I (629—639). С середины VII в. власть переходит к мажордомам. Один из них, Пипин Короткий, свергнул последнего Меровинга — Хильдерика III и основал династию Каролингов. При его сыне Карле Великом (годы правления — 768–814) государство Каролингов достигло могущества. Оно представляло собой огромную империю, в которую входили многие народы, в том числе лангобарды, саксы, авары (на территории нынешней Чехии, Венгрии и областей вокруг), арабы, славяне. Это непрочное военно-административное объединение вскоре распалось и по Верденскому договору 843 г. было разделено на три части между внуками Карла Великого.

Часть 2. ОСОБЕННОСТИ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ*

§ 10. Древнейшие сведения о языке германских племен.

Основных источников наших знаний о языке древних германцев пять.

1. Рунические надписи — см. выше § 8.

2. Заимствования в финский и саамский, имевшие место еще в начале нашей эры (приводятся только современные финские примеры): *kulta* ‘золото’ (ср. гот. *gulþ*), *gengas* ‘кольцо’ (ср. гот. *hrings*), *kuningas* ‘король’ (ср. др.-исл. *konungr*), *kaunis* ‘красивый’ (ср. гот. *skauns*), *kansa* ‘народ’ (ср. гот. *hansa* ‘толпа’), *juko* ‘игло’ (ср. гот. *juk*) и др. Этот источник весьма важен, в частности, потому, что в этих языках сохранились основообразующие суффиксы (см. § 23) и окончания.

3. Германские слова и имена у латинских авторов. У Цезаря встречаются, в частности, следующие слова: *igus* ‘зубр’ (др.-в.-нем. *ûgo*, нем. *Auerochs*), *alces* (нем. *Elche*, норв. *elg*); у Тацита: *glesum* ‘янтарь’ (нем. *Glas* ‘стекло’), *framea* ‘германское копьё’; у более поздних авторов — *medus* ‘мед (напиток)’, *flado* ‘лепешка’, *runa* ‘руна’, *harpa* ‘арфа’. В варварских «правдах» — сводах законов, написанных по-латыни, встречаются германские вкрапления, например в «Салической правде»: *dirpilus* ‘сельский житель’ (ср. нем. *Dorf* ‘деревня’).

4. Местные названия, топонимы: ср. названия норвежских областей *Rogaland* ‘Ругаланд’ от названия племени ругиев, *Romerike* ‘Румерике’

* **Внимание!** В этой и последующей частях приводится много примеров из разных языков. Для того чтобы правильно читать их, обратитесь к списку «Чтение некоторых букв и знаков, использованных в книге».

(< Raumaríki) от названия племени раумов, Trøndelag от названия племени трёндов. В названии датской местности Himmerland (< др.-датск. Himber-sysel) отражено самоназвание племени кимвров и т. д.

5. Готский перевод Библии (см. § 45).

§ 11. Сравнительно-исторический метод.

Наша задача сейчас состоит в том, чтобы определить основные характерные черты германских языков — как общие с другими индоевропейскими языками, так и специфически германские. Это возможно благодаря применению сравнительно-исторического метода. Поэтому остановимся очень кратко на его возникновении и сущности.

Интерес к новым языкам возник в XVI–XVII вв. и, следовательно, является относительно поздним явлением. Занимаясь древними и современными языками, люди не могли не обратить внимания на то, что у них наличествуют отдельные общие черты. Уже в конце XVIII в. англичанин **У. Джоунз** высказал мысль о родстве санскрита с греческим и латынью, а также, видимо, готского, «кельтского» и древнеперсидского; они возникли, по его словам, «из одного общего источника, которого, быть может, уже не существует». Немецкий ученый **Фридрих Шлегель** в книге 1808 г. «О языке и мудрости индийцев» выводил латынь, греческий, германский и персидский из санскрита; он же ввел термин «сравнительная грамматика». Однако создателями научной школы сравнительно-исторического метода были Ф. Бопп и Р. Раск.

В 1816 г. 25-летний немецкий филолог **Франц Бопп** опубликовал работу «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков». Он показал систему регулярных соответствий между этими языками на примере глагольной флексии и доказал тем самым общность их происхождения, поскольку окончания не заимствуются.

В 1814 г., т. е. за два года до выхода книги Боппа, выдающийся датский языковед **Расмус Раск** написал «Исследование о происхождении древнесеверного, или исландского, языка», но работа эта была опубликована лишь в 1818 г. Раск показал сходство германских языков с латынью, греческим и балто-славянскими языками. Первостепенное значение, по Раску, имеют грамматические соответствия, так как лексические «в высшей степени ненадежны». Раск первым описал германское передвижение согласных (§ 16).

В России в 1820 г. **Александр Христофорович Востоков** издал «Рассуждение о славянском языке», где исследовал генетические связи славянских языков и реконструировал значение юсов (большого — **ж** и малого — **а**) — букв, некогда обозначавших носовые гласные.

Основные вехи дальнейшего развития сравнительно-исторического метода таковы. В 1833–1852 гг. Ф. Бопп издает сравнительную грамматику индоевропейских языков, в 1861–1862 гг. **Август Шлейхер** выпускает «Компендиум сравнительной грамматики индоевропейских языков». С 1819 по 1837 г. выходит «Сравнительная грамматика германских языков» **Якоба Гримма**, впоследствии изданная как «Немецкая грамматика».

Вторая половина XIX в. характеризуется господством так называемых **младограмматиков** (Пауль, Дельбрюк, Бругманн, Штрайтберг и др.). Основной их тезис: звуковые законы не знают исключений, отклонения объясняются действием других законов или же аналогией или заимствованием. В основном их работы — скрупулезнейшее описание отдельных фактов без изучения системных связей.

В XX в. сравнительно-исторический метод преодолевает ограниченность младограмматиков, применяются новые методы и подходы (в частности, фонологические, типологические исследования).

Сравнительно-исторический метод основан на предпосылке возможности происхождения группы родственных языков из одного языка-источника (пример из исторической эпохи — развитие романских языков из латыни). Это, конечно, далеко не всегда прямолинейный процесс, возможны: а) сближение, б) влияние субстрата (первоначального языка народа при усвоении им нового).

При помощи сравнительно-исторического метода восстанавливаются пути развития отдельных языковых явлений, реконструируются гипотетические праязыковые формы — архетипы.

Вот некоторые положения и методики сравнительно-исторического метода.

• **Для доказательства родства языковых фактов необходима регулярность и системность соответствий.**

Так, соответствие начального германского **f** индоевропейскому **p** вытекает из серии соответствий: лат. *pater* ‘отец’ — гот. *fadar* [-ð-], др.-исл. *faðir*; лат. *piscis* ‘рыба’ — гот. *fisks*, др.-исл. *fiskr*; лат. *periculum* ‘опасность’ — норв., датск. *fage*; лат. *pecus* ‘скот’ — гот. *faihu*, др.-исл. *fé* и т. п.

Другой пример — окончания 3-го лица мн. числа наст. времени в индоевропейских языках: рус. *вертят* (на месте **я** некогда был носовой звук **л** — юс малый), лат. *vertunt* ‘вертят’, гот. *waírþand* и нем. *werden* ‘становятся’ и т. д.

• Восстановление архетипа на основании **сравнения различных языков** носит название **внешней реконструкции**, а на основании **разновременных фактов одного языка** — **внутренней реконструкции**. Формы, не зарегистрированные, а реконструированные, даются под звездочкой (*).

Пример внешней реконструкции: др.-исл. *fótr*, гот. *fōtus*, санскр. *pad*, гр. *pōs* < и.-е. **pōd*- ‘нога’.

Пример внутренней реконструкции: др.-исл. *lǫnd* ‘страны’ < **landu*, *fjǫrðr* ‘фьорд’ < **ferðu*.

Глава 1. ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОВОГО СТРОЯ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

А. Общие фонетические черты германских языков

§ 12. Ударение.

Характерная черта германских языков — ударение на первом (корневом) слоге. (Видимо, при отделении германской ветви от индоевропейского языка-основы, т. е. на самом начальном этапе, ударение было свободным, ср. ниже о законе Вернера.) У существительных с приставками ударение падало на первый слог, у приставочных глаголов — на корневой, ср. гот. *qīman* ‘приходить’, *gáqims* ‘собрание’ — *gaqīman* ‘собираться’. Это характерно прежде всего для древних германских языков; в современных (кроме исландского, где ударение всегда падает на первый слог) немало отступлений от этого правила.

§ 13. Гласные.

В древнем общегерманском различались краткие и долгие гласные.

Кратких гласных было всего четыре: **i, e, a, u**. Таким образом, отсутствовало краткое **o** (о причине его отсутствия будет сказано ниже).

Долгих гласных было всего пять: **ā, ī, ē, ū, ō**.

Несимметричность рядов кратких и долгих гласных объясняется тем, что два индоевропейских гласных в германском языке-основе претерпели изменения. Эти изменения таковы:

- и.-е. краткое **o** (**ō**) перешло в германское краткое **a** (**ǣ**): лат. *hostis* ‘чужеземец; враг’, ст.-слав. *гость* — рун. **-gastiR**, гот. *gasts*; лат. *octō* ‘восемь’ — гот. *ahtau*, нем. *acht*; лат. *noct-* (им. п. *nox*) ‘ночь’ — гот. *nahts*, нем. *Nacht*.

- и.-е. долгое **a** (**ā**) перешло в германское долгое **o** (**ō**): лат. *māter* ‘мать’ — гот. **mōðar* (в готской Библии Вульфилы только *aīþei*), др.-исл. *móðir*; лат. *frāter* ‘брат’ — гот. *brōþar*, др.-исл. *bróðir*.

Итак, запомним правило:

И.-е. краткое **o** (**ō**) → герм. краткое **a** (**ǣ**).
И.-е. долгое **a** (**ā**) → герм. долгое **o** (**ō**).

§ 14. Аблаут.

Аблаутом называют спонтанное (т. е. не обусловленное окружением) чередование гласных в корне, суффиксе и окончании. Аблаут унаследован

прагерманским от индоевропейского языка-основы, но получил в германских языках специфическое развитие.

Впервые аблаут был описан Якобом Гриммом.

Примечание. Существует теория, согласно которой аблаут возник как чередование, обусловленное окружением. Однако в дошедших до нас древних памятниках аблаут выступает как чередование гласных, не обусловленное окружением. Подчеркнем, что слово *спонтанный* употреблено здесь именно в этом смысле, а не в обычном ('самопроизвольный').

Существовали два вида аблаута — качественный и количественный.

Из **качественного** аблаута в индоевропейском языке-основе наиболее распространено было чередование **е || о**, ср. рус. *теку* — *ток*, *гребу* — *гроб* (первоначально 'яма, могила'), *веду* — *водит*, гр. *légo* 'говорю' — *lógos* 'слово'. Следовательно, «качественный аблаут» означает **чередование разных звуков**.

Количественный аблаут заключался в том, что чередовались краткий и долгий звуки одного качества, а также ноль (ниже обозначается как Ø), т. е. отсутствие звука. Соответственно выделялись три ступени количественного аблаута: **нормальная** (полная), ступень **удлинения** и **нулевая** (ступень редукции). Таким образом, встречались схемы количественного аблаута:

- а) **ě** || **ē** || Ø;
 б) **ǫ** || **ō** || Ø.

Первая из этих схем часто иллюстрируется примером некоторых форм греческого слова со значением 'отец', ср.:

- *ráter* (зв. п.; краткое безударное **ě**, т. е. нормальная ступень);
- *ratēr* ('отец' — им. п.; долгое ударное **ē**, т. е. ступень удлинения);
- *patrós* ('отца' — род. п.; Ø, ноль звука, т. е. нулевая ступень).

Иногда встречалась комбинация качественного и количественного аблаута.

(Качественный аблаут связывают с тоническим ударением, количественный — с динамическим, но на этом мы здесь останавливаться не будем.)

Германский аблаут выступал, естественно, в несколько иных формах.

Качественный аблаут имел по большей части вид **ě || ā**. Это понятно: мы помним, что индоевропейское краткое **о** перешло в германское краткое **а** (**ǫ** > **ā**, см. § 13). Пример: др.-исл. *bera* 'нести' — *bar* 'нёс', ср. рус. *бе-ру* — (*от*)*бор*.

Примечание. Следует помнить, что в случаях, приведенных выше и приводимых ниже, гласные без знака долготы (как в словах *bera*, *bar*, *stela* и аналогичных) произносились кратко. Удлинение гласных в открытом слоге или перед одним согласным (как, например, в соответствующих современных норвежских формах *baere* ['bæ:rə], *bar* [ba:ri]) — явление значительно более позднее.

Количественный аблаут мог, в частности, иметь следующие варианты:

- $\text{ě} \parallel \emptyset$, $\text{ǣ} \parallel \emptyset$ (т. е. краткое **е** или краткое **а** чередовались с нулем). Из этого нуля развился специфический звук, называемый *шва секундум* (типа редуцированного **э**), давший впоследствии краткое **и**. Таким образом, в окончательном виде рассматриваемый вариант получает вид $\text{ě} \parallel \text{ǐ}$, $\text{ǣ} \parallel \text{ǔ}$. Примеры: др.-исл. *stela* ‘красть’ — *stuldr* ‘кража’, *kaldr* ‘холодный’ — *kuldi* ‘холод’;

- особый интерес представляет следующий германский вариант индоевропейского количественного аблаута: краткое **а** || долгое **о** ($\text{ǣ} \parallel \text{ō}$). Он характерен для VI класса сильных глаголов (об этом ниже, § 32) и сохраняется (естественно, с модификациями) в германских языках до сих пор, ср.: исл. *taka* ‘брать’ — *tók* ‘взял’, англ. *take* — *took*; норв. *grave* ‘копать’ — *grov* [gru:v] ‘копал’; нем. *fahren* ‘ехать’ — *fuhr* ‘ехал’.

Легко увидеть, что этот вариант германского количественного аблаута представляет собою развитие индоевропейского количественного аблаута $\text{ō} \parallel \text{ō}$ (краткое **о** || долгое **о**), но, поскольку краткое индоевропейское **о** перешло в краткое германское **а**, о чем уже неоднократно говорилось, аблаут фактически стал одновременно и качественным.

Однако шире всего в древнегерманских языках встречалась комбинация обоих видов аблаута — качественного и количественного.

Наиболее частая форма германского аблаута:

$\text{ě} \parallel \text{ǣ} \parallel \emptyset$

Ярче всего аблаут проявляется в сильных глаголах. Их было 7 классов, подробнее о них см. ниже (§ 32).

Далее, аблаут проявляется в основообразующем суффиксе, ср. гот. ‘брать’ в презенсе: *nīma*, *nīmīs*, *nīmīþ*, *nīmam*, *nīmīþ*, *nīmand*.

Аблаут проявлялся и в суффиксальных морфемах, ср. патронимический (родовой) суффикс *-ing/-ung*: др.-исл. *Sturlungar* ‘Стурлунги’/Ynglingar ‘Инглинги’, названия племенных союзов готов *tervingi/greutungi* (§ 44).

Наконец, аблаут был важным словообразовательным средством, примеры чему в изобилии можно найти и в современных германских языках, например: нем. *binden* ‘вязать, связывать’ — *Bund* ‘союз’ — *Band* ‘том’; нид. *drinken* ‘пить’ — *drank* ‘напиток, питье’ — *dronk* ‘глоток’; норв. *bære* ‘носить’ — *barn* ‘ребенок’ (первоначальное значение ‘выношенный’). В настоящее время новые слова при помощи аблаута не образуются.

§ 15. Умлаут (перегласовка).

Умлаутом, или **перегласовкой**, называется вид частичной регрессивной ассимиляции, т. е. влияние артикуляции последующего звука (гласно-

го) на артикуляцию предыдущего. К примеру, **i** во втором слоге может повлиять на артикуляцию **o** в первом, приближая ее к своей артикуляции — **ö, ø**. Физиологически в основе регрессивной ассимиляции лежит предвосхищение артикуляции: человек произносит **o**, но при этом его артикуляционный аппарат уже готовится к артикуляции **i**.

Германский умлаут был, как правило, дистантной ассимиляцией, т. е. воздействующий последующий гласный звук был отделен от предыдущего гласного каким-либо согласным или группой согласных.

Умлаут возник, видимо, в V–VI вв.; он отсутствует в рунических надписях и рукописи готской Библии (V в.). Он распространялся неравномерно как территориально, так и хронологически.

Механизм умлаута заключался в следующем.

Первоначальные аллофоны (типа **aⁱi**, т. е. **a** в первом слоге, **i** во втором > **aⁱ**) фонематизировались, т. е. превращались в фонемы, после редукции (полной или частичной) гласного окончания или суффикса, так как перестали быть фонетически обусловленными вариантами. Таким образом, старая фонема расщеплялась на две (иначе: происходила **дивергенция** фонем): сохранялась изначальная (неперегласованная) фонема и возникла новая (перегласованная, умлаутизированная) фонема.

Рассмотрим конкретный пример. В древневерхненемецком (о значении этого термина см. § 77) в окончаниях были возможны различные гласные, в том числе **u** и **i**. Претерит глагола *wêsan* ‘быть’ имел, в частности, следующие формы:

а) 2-е лицо мн. ч. изъяв. накл. *wârun*;

б) 2-е лицо мн. ч. сосл. накл. *wârin*.

У гласного **â** в формах (а) и (б) было разное качество: в первом случае это был чистый гласный заднего ряда, во втором — его артикуляция под влиянием **i** несколько приближалась к **ê**. Однако оба эти звука были вариантами (аллофонами) фонемы **a**. В последующий период развития немецкого языка (средневерхненемецкий) произошла редукция безударных окончаний, и все они превратились в звук **ə** (на письме **e**). Различение рассматриваемых форм изъяв. и сосл. склонения взяли на себя разные аллофоны фонемы **a** (ср. совр. нем. *waren* ‘были’ и *wâren* ‘были бы’). Иными словами, произошла **фонематизация аллофонов**.

При полном отпадении окончаний могла возникать внутренняя флексия, т. е. чистое чередование гласных в корне; ср. уже приводившийся выше в другой связи пример др.-исл. *land* ‘страна’ — *lǫnd* ‘страны’.

Наиболее важная перегласовка — на **-i/j** (**палатальная**). Она заключалась в том, что задние гласные переходили в более передние и более закрытые, т. е. приближались по артикуляции к **i/j**: **a** > **æ, ä, e**; **a** > **æ:, ä:**, **e**; **o** > **ø, ö**; **o** > **ø:, ö:**; **u** > **y, ü**; **u** > **y:, ü:**, например: рун. **-gastiR**

‘гость’ — др.-исл. *gestr*; гот. (как уже упоминалось, в готском перегласовки не было!) *domjan* ‘судить’ — др.-исл. *dóma*. Была также скандинавская перегласовка *e|i > i*, ср. лат. *venus* ‘любовь’ и др.-исл. *vinr* ‘друг’.

Умлаут был и по-прежнему широко представлен в словоизменении: др.-исл. *langr* ‘длинный’ — *lengri* ‘длиннее’, ср.-в.-нем. *walt* ‘лес’ — *welder* ‘леса’, датск. *bog* ‘книга’ — *bøger* ‘книги’, англ. *foot* ‘нога’ — *feet* ‘ноги’, совр. нем. *saß* ‘сидел’ — *säße* (сосл. накл.) и т. д.

Перегласовка на **-u** — **-a|u > ø** (огубленное **a**, впоследствии перешедшее в **ö**) была особенно характерна для западноскандинавских языков: др.-исл. *barn* ‘ребенок’ — *borrn* ‘дети’, *kalla* ‘звать’ — *qollum* ‘зовем’. Перегласовка **a > ö** пронизывает всю современную исландскую морфологию, охватывая даже заимствованные слова, например: *gramm* ‘грамм’ — *grömm* ‘граммы’.

Перегласовка на **-a (u|a > o)** считается древнейшей. Пример: прагерм. **hurna* — англ., датск., шв., норв., исл. *horn*, нем. *Horn*. Поскольку она проходила не всегда последовательно, могли возникать пары типа норв. *gulv/golv* ‘пол’, *brudd/brott* ‘перелом, разлом’ и аналогичные.

Были и другие, более частные, виды умлаута (например, на **-R**), но на них мы здесь останавливаться не будем.

Умлаут — важное словообразовательное средство. Ср. англ. *full* ‘полный’ — *fill* ‘наполнять’, нем. *Kampf* ‘борьба’ — *kämpfen* ‘бороться’, исл. *blanda* ‘смешивать’ — *blöndun* ‘смешение, смешивание’, *blöndungur* ‘карбюратор’ и т. д.

Необходимо отметить, что во многих германских языках первоначально умлаутированные формы были впоследствии в результате аналогического выравнивания заменены неумлаутированными.

§ 16. Согласные.

Ряд согласных в древнегерманских языках, естественно, совпадает с согласными других индоевропейских языков — в частности, сонорные. Ср. лат. *pomen* и гр. *ονομα* ‘имя’ — гот. *namo*, др.-исл. *nafn*; лат. *mus* ‘мышь’, ст.-слав. *мышь* — др.-в.-нем. *mus*.

Но были и существенные отличия, главное из которых состояло в том, что в германских языках некоторые индоевропейские типы согласных были заменены другими. Этот процесс носит название **первого, или германского, передвижения согласных**. Эта закономерность была установлена датским лингвистом **Расмусом Раском**.

Первое передвижение согласных можно свести к четырем основным типам. Из них особенно важны первые два.

1. Индоевропейские **глухие смычные** были заменены в германском языке-основе **глухими щелевыми** сходной артикуляции:

- а) и.-е. **p** → герм. **f**;
 б) и.-е. **t** → герм. **þ**;
 в) и.-е. **k** → герм. **h**.

Примечания. 1. Последний переход (в) требует комментария. Глухому смычному **k** соответствует шумный щелевой **χ**, а не фарингальный **h**. О том, что на раннем этапе имело место именно такое соотношение, свидетельствуют многочисленные латинские передачи германских имен собственных на **h** как **ch** (Chamavi и др.). Переход **χ > h**, очевидно, — более позднее явление. **2.** Звук **þ** был в готском, но в современных германских языках сохранился лишь в исландском и английском, поэтому примеры перехода **t > þ** берутся только из этих языков.

Примеры:

- а) гр. *patér*, лат. *pater* ‘отец’ → гот. *fadar*, др.-исл. *faðir*;
 лат. *piscis* ‘рыба’ → гот. *fisks*, др.-исл. *fiskr*;
 б) гр. *treis*, лат. *trēs* ‘три’ → гот. *þreis*, др.-исл. *þrír*;
 лат. *mentum* ‘подбородок’ → гот. *munþs* ‘рот’;
 в) гр. *déka*, лат. *decem* ‘десять’ → гот. *taihun*, др.-англ. *tehan*;
 гр. *kardia*, лат. *cord-* ‘сердце’ → гот. *hairto*, др.-исл. *hjarta*.

2. Индоевропейские **звонкие смычные** заменились в германском языке-основе **глухими смычными** сходной артикуляции:

- а) и.-е. **b** → герм. **p**;
 б) и.-е. **d** → герм. **t**;
 в) и.-е. **g** → герм. **k**.

Примеры:

- а) ст.-слав. *слабъ* → гот. *slēpan* ‘спать’;
 б) лат. *duo* ‘два’, рус. *два* → гот. *twai*, др.-исл. *tveir*;
 в) лат. *jugum*, рус. *уго* → гот. *juk*, др.-исл. *ok*.

3. Индоевропейские **звонкие смычные придыхательные** были заменены в германском языке-основе **звонкими смычными непридыхательными** сходной артикуляции:

- а) и.-е. **bh** → герм. **b**;
 б) и.-е. **dh** → герм. **d**;
 в) и.-е. **gh** → герм. **g**.

Этот переход требует пояснения. Дело в том, что среди древних индоевропейских языков звонкие смычные придыхательные сохранились только в санскрите (**gh** не зарегистрировано и в санскрите); в латыни наблюдаются **f**, **d**, (**h**) и т. д. В германском языке-основе они перешли соответ-

ственно в звонкие щелевые непридыхательные (эта промежуточная стадия в приведенной выше табличке не указана), а затем превратились в звонкие смычные. Примеры:

а) санскр. bhārāmi, гр. phéro, лат. fero ‘несу’ → гот. baíran, др.-исл. bera ‘нести’;

б) санскр. mādhyas, лат. medius ‘средний’ → гот. midjīs ‘середина’, др.-исл. miðr ‘средний, срединный’, норв. mid- (middag ‘полдень’, midnatt ‘полночь’);

в) лат. hostis ‘враг’, ст.-слав. *гость* → гот. gasts, др.-исл. gestr.

4. Индоевропейские **огубленные** (лабиализованные) **смычные заднеязычные** заменились в германском языке-основе **следующими звуками**:

а) и.-е. **k^w** → герм. **h^w**;

б) и.-е. **g^w** → герм. **g^w**.

Примеры:

а) лат. quod ‘что’ → др.-исл. hvat, др.-англ. hwæt;

б) гр. gunē ‘женщина’, ст.-слав. *жена* → гот. qinō, др.-англ. cwene.

Передвижения согласных не было в двух случаях:

1) после щелевого звука **s**: гр. astēr, лат. stella ‘звезда’ → гот. stairno, др.-исл. stjarna; лат. piscis ‘рыба’ → гот. fisks, др.-исл. fiskr;

2) **в группе из двух смычных** в щелевой переходил только **первый** из них, тогда как второй сохранял свое качество: гр. okto, лат. octō ‘восемь’ → гот. ahtau, др.-англ. eahta; лат. noct- (им. п. nox) ‘ночь’ → гот. nahts, др.-в.-нем. naht.

§ 17. Закон Вернера.

Правила германского передвижения согласных были описаны, как уже упоминалось, в первой четверти XIX в. Со временем, однако, накопился массив фактов, которые не укладывались в эти правила. Это касалось щелевых: обнаружился ряд случаев, когда вместо ожидаемого по правилу глухого щелевого (например, **þ**) в древних текстах выступал его звонкий коррелят (**ð**). Эти факты не находили своего объяснения почти 60 лет.

Объяснил механизм этих исключений в своей краткой статье, опубликованной в 1877 г., датский ученый **Карл Вернер**. Установленная им закономерность вошла в германистику под названием **закона Вернера**.

К. Вернер связал глухость/звонкость щелевых с индоевропейским ударением. По Вернеру, щелевой был глухим, если древнее индоевропейское ударение падало на гласный, предшествующий этому щелевому; в противном случае, т. е. если ударение падало на гласный, следующий за щелевым, он был звонкий. К. Вернер доказал это, сравнивая некоторые гер-

манские формы с теми индоевропейскими языками, ударение в которых было подвижным.

Сравним два готских слова — *brōþar* ‘брат’ и *fadar* [-ð-] ‘отец’. Для того чтобы доказать закономерность звонкого щелевого **ð** во втором слове, Вернер сравнил ударение в этимологически соответствующих словах в некоторых других индоевропейских языках, а именно: гот. *brōþar* и гр. *phrāter* (долгое ударное **a!**) ‘член фратрии’ и гот. *fadar* [-ð-] и гр. *patēr* (долгое ударное **e!**) ‘отец’.

Отсюда можно вывести условную обобщенную формулу закона Вернера:

ápa — aðá,

где **a** обозначает любой гласный (**á** — ударный, **a** — безударный), **p** — любой глухой щелевой, а **ð** — любой звонкий щелевой.

Аналогично: *áha* — *aýá* (щелевое **g**), *ása* — *azá* и т. д.

Примеры:

• гр. *déka*, рус. *десять* — гот. *taihan*, др.-в.-нем. *zehan* // гр. *dekás*, рус. *десяток* — гот. *tigjus*, др.-в.-нем. *-zug*;

Примечание. Следует пояснить, почему в приведенных выше русских примерах вместо [к] содержится [s]. Дело в том, что в отношении этого звука (> и.-е. ***k** — палатализованное **k**) индоевропейские языки делятся на две группы, которые принято называть группой *centum* [k-] (лат. ‘сто’) и группой *sátem* (древнеперсидское слово с тем же значением). Германские языки относятся к первой из этих групп, славянские — ко второй. Ср. также приведенный выше пример: лат. *cord-* — рус. *сердце*.

• рус. *свёкор* — др.-в.-нем. *swehur* // рус. *свекровь* — др.-в.-нем. *swigar*.

Рассмотрим более сложный пример. Древнегерманские сильные глаголы имели четыре основные формы: инфинитив, ед. число претерита (простого прош. времени), мн. число претерита и причастие II. В первых двух из этих форм ударение на этапе формирования германских языков падало на первый (корневой) слог, во вторых двух — на окончание.

Как мы помним (§ 32), общая формула аблаута у первых пяти классов сильных глаголов имела вид **e** || **a** || Ø. Для первой из названных четырех форм было характерно **e** (вопрос о его варьировании временно оставим в стороне), для второй — **a**, а для третьей и четвертой — Ø (нуль звука, реализовавшийся как **u** или иначе). Для простоты изложения ряд деталей здесь опущен.

Рассмотрим формы древнеисландского сильного глагола II класса *kjósa* ‘выдирать’. Полуужирным шрифтом в примере обозначены изначально ударные слоги, светлым — изначально безударные.

kjósa	kaus	kurum/kørum	korit/körít
--------------	-------------	-------------	-------------

В первой форме вместо **e** выступает сочетание **jó**, возникшее из-за того, что для всех форм этого класса сильных глаголов было характерно неслоговое **u** (значение его неясно), вследствие чего произошло развитие **eu** → **iu** → **jú** → **jó**. Вторая форма была односложной и, следовательно, ударной (**a + u > au**). Звук **u** в третьей форме объясняется тем, что в первом ее слоге (безударном!) была нулевая ступень, осложненная неслововым **u**, т. е. **Ø + u > u**. Звук **o** в четвертой форме (причастии II) объясняется перегласовкой на **a** (детали опущены).

Нас в данной связи, естественно, интересуют срединные согласные. В первой и второй формах изначальное **s**, следовавшее за ударным согласным, осталось без изменений. Звук **r** в третьей и четвертой формах изначально имел форму **z**, которая затем перешла в звук, обозначавшийся в руническом как **R** (§ 19). Впоследствии фонемы **R** и **r** слились в одну (**/r/**), и именно ее мы наблюдаем в приведенном примере (т. е. произошло развитие **z > R > r**). Звук **o** (< **u**) — результат так называемой перегласовки на **R**.

Таким образом, обобщенная схема ударений сильных глаголов первых пяти классов выглядит так (закрашены ударные слоги):

Разумеется, чередования по закону Вернера были позже затемнены последующим развитием согласных в отдельных языках или их группах и аналогическими выравниваниями: ср., например, гот. *brōþar* ‘брат’, *faðar* [-ð-] ‘отец’ и др.-исл. *bróðir*, *faðir*.

Б. Ареальные фонетические черты германских языков

Выше были рассмотрены особенности звукового строя всех трех групп древнегерманских языков — восточной (готский), северной и западной. Между тем наблюдаются черты, общие как для разных пар этих групп, так и характерные лишь для одной из них. Они рассматриваются в последующих параграфах.

Гото-скандинавские особенности

Готы переселились из Скандинавии на континент, в устье Вислы на рубеже старой и новой эры, и поэтому в готском языке обнаруживаются черты, общие с северогерманской, или скандинавской, группой. Они перечисляются ниже.

§ 18. Гуттурализация, или закон Хольцмана.

Находящиеся на границе двух слогов долгие (полу)гласные **-jj-** (**-jī-**) и **-ww-** (**-wū-**) усилились в этих двух группах языков: первая их часть разви-

лась в смычный звонкий заднеязычный (гуттуральный) **g**, так что возникли сочетания **-ggj-** (в готском **-ddj-**) и **-ggw-** (др.-исл. **-ggv-**). Эта закономерность была в **1836 г.** описана немецким филологом **А. Хольцманом** и получила название **закона Хольцмана**.

Примеры:

- др.-в.-нем. *zweio*, нем. *zweier* ‘двух’ — гот. *tvaddjē*, др.-исл., исл. *tveggja*;

- др.-англ. *trēowe* ‘верный’ — гот. *triggws*, др.-исл. *tryggvan* (вин. п. ед. ч. м. р. от *tryggr*).

Сходный процесс («вторичная гуттурализация») имел место — правда, значительно позднее — в фарерском языке, ср. *sjógvur* [ʃegvur] ‘море’ < **sjóuur*, см. § 110.

Закон Хольцмана

зап.-герм. **-jj-**, **-ww-** — вост.-герм. **-ddj-**, **-ggw-**, сев.-герм. **-ggj-**, **-ggv-**

Западногерманские и скандинавские особенности

Наличие сходных черт у западногерманских и северогерманских языков принято объяснять действием закономерностей, или тенденций, заложенных в самом германском языке-основе еще до обособления отдельных языков, но не проявившихся в готском. Основных таких черт три.

§ 19. Ротацизм.

Этот термин, образованный от названия греческой буквы **ρ** [r] «ро», обозначает переход **z > r**.

Примечание. Элемент *-t-* в термине *ротацизм* объясняется особенностью склонения некоторых греческих слов, что, кстати, отражается и в современном русском языке, ср. *драма* — *драматический*, *травма* — *травматология* и т. п.

Очевидно, что такой переход должен был иметь промежуточную стадию в виде **ž**-образного звука (типа чешского **ř**, обычно передаваемого по-русски как *рж*, ср. *Дворжак*), который развился в безраскатное **r**. Такое звучание явно имела руна **R** (ср. рун. **raunijaR**, § 8). Лишь позднее фонема /R/ совпала с фонемой /r/.

Примеры:

- гот. *maiza* — др.-в.-нем. *mêro*, нем. *mehr*, англ. *more*, норв. *mer*;
- гот. *dîus* (оглушение на конце!) — нем. *Tier*, др.-исл. *dýr*, шв. *djur* (сюда же относится англ. *deer* ‘олень’, где произошло сужение, или специализация, значения).

Ср. также чередование **s ∞ r** по закону Вернера (§ 17).

Ротацизм
z > R > r

§ 20. Расширение, или преломление.

Расширением называют переходы корневых **i > e, u > o, iu > io** под влиянием открытых (широких) гласных (**a, e, o**) окончания или суффикса. Напротив, если в окончании или суффиксе был закрытый (узкий) гласный, то закрытый (узкий) гласный сохранялся, т. е. расширения не происходило.

В готском этого явления не было.

Пример (лексема ‘помогать’):

• др.-в.-нем. *helfan* — 1-е лицо мн. ч. претерита *hulfum* — причастие II *giholfan*;

• др.-исл. *hjalpa* — 1-е лицо мн. ч. претерита *hulpum* — причастие II *holpinn* (**i < a**).

Напомним, что в 3-й и 4-й ступени сильных глаголов I–V классов была нулевая ступень аблаута, из которой развился звук **u**.

Впрочем, переход **u|a > o** трактуется также как перегласовка на **-a** (§ 15).

Перед группой «носовой + согласный» расширение не происходило, ср. др.-исл., исл. *binda* ‘связывать’ — 1-е лицо мн. ч. претерита *bundum* — причастие II *bundinn*.

Расширение не происходило в некоторых других случаях: др.-исл. *drekka* ‘пить’ — *drukum* — *drukinn*, *ulfr* (< *wulfaz) ‘волк’.

Примечание. Термин «преломление» употребляется в германистике также в нескольких других значениях, отличных от приведенного выше, и поэтому в данном случае целесообразно пользоваться только термином «расширение».

Расширение, или преломление
i > e, u > o, iu > io

§ 21. Переход шумных **ð, þ**.

Во всех западно- и северогерманских языках, кроме английского и исландского, шумные **ð, þ** перешли в смычные сходной артикуляции, например:

- др.-исл. *jǫrð* ‘земля’ — нем. *Erde*, нид. *aarde*;
- гот. *þreis* ‘три’ — норв., датск., шв. *tre*.

Западногерманские особенности

§ 22. Удлинение согласных.

Важнейшей западногерманской особенностью было удлинение согласных. Это явление заключалось в том, что, если ударный слог состоял из

краткого гласного и краткого согласного, за которым следовал звук **j**, **корневой согласный удлинялся**. Это хорошо видно при сопоставлении с готским и древнеисландским:

- ‘сажать’ гот. *satjan*, др.-исл. *setja* — др.-англ. *settan*, др.-в.-нем. *sezzen*’;
- ‘просить’ гот. *bidjan*, др.-исл. *biðja* — др.-англ. *bidan*, нем. *bitten*.

Таким образом, явление это описывается формулой:

**Западногерманское удлинение согласных
(краткий гласный +) краткий согласный + j > долгий согласный**

Удлинялись все согласные, **кроме r**, ср., гот. *hausjan* ‘слышать’ — нем. *hören*, англ. *hear*.

Иногда удлинение имело место перед **l**, r: др.-исл. *epli* ‘яблоко’ — *apple* (др.-англ. *æppel*), нем. *Apfel*.

Отметим, что в указанной позиции **g**, **k** удлинялись и в скандинавских языках: гот. **ligan* ‘лежать’ — др.-исл. *liggja*, норв., датск. *ligge*, шв. *ligga*.

Рассматриваемое явление датируют V–VI вв. н. э.

Предложено несколько объяснений западногерманского удлинения согласных. Его связывают и со слогоделением, и с возможной палатализацией согласного, и с особенностями западногерманской структуры слова, и др. Единого взгляда нет.

Глава 2. ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СТРОЯ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

А. Общие морфологические особенности

§ 23. Морфологическая структура слова.

Индоевропейское слово (имя, глагол) характеризовалось **трехморфемной структурой** (не считая возможной приставки и словообразовательного суффикса). Оно состояло из корня, основообразующего суффикса и окончания, т. е. имело следующий вид:

корень + основообразующий суффикс + окончание.

Понятия корня и окончания комментариев не требуют. Напротив, понятие основообразующего суффикса нуждается в пояснении. Для этого рассмотрим элементарный пример.

В ряде русских терминов родства наличествует элемент *-р-*: *матери*, *дочери* (ср. более старые формы им. п. *матерь*, *дочерь*), ст.-слав. *братръ*; ср. также лат. *pater*, гр. *patēr* (рус. *отец* — другого корня). Из этого можно

заклЮчить, что для терминов родства (не всех, конечно) был характерен основообразующий суффикс -г-.

Значение индоевропейских основообразующих суффиксов, за единичными исключениями типа вышеприведенного, установить не удастся. Видимо, с помощью этих суффиксов слова делились по значению на различные классы (категории), т. е. ими осуществлялась какая-то категоризация окружающего мира, но основания этой категоризации нам не ясны.

Некой параллелью (правда, весьма приблизительной) рассматриваемого членения лексики являются классы в некоторых языках, в частности в языке зулу в Юго-Западной Африке. Там существительные делятся на классы людей, деревьев и рек, вещей, животных и т. д. (изложение упрощено, на деле положение сложнее). Каждый класс имеет свой префиксальный показатель.

О грамматическом роде речь впереди, но в данной связи следует отметить, что основание распределения существительных по родам в современных языках тоже далеко не всегда ясно. Не удастся объяснить, например, почему в современном исландском языке существительное *magi* 'желудок' м. рода, существительное *lifur* 'печень' — ж. рода, а существительное *hjarta* 'сердце' — ср. рода. То же у этимологически тождественных слов современного немецкого языка *Magen, Leber, Herz*.

Даже в дошедших до нас памятниках на самых древних языках основообразующие суффиксы прослеживаются неполно. С другой стороны, некоторые из них, точнее осколки этой древней системы, сохранились в ряде языков и по сей день. Так, например, реликты древнего основообразующего суффикса -и- прослеживаются в рус. *мёд* — *медвяный, сын* — *сыновья, сыновний*.

Членение существительных по основам предшествует их членению по грамматическим родам.

В древних германских языках, за исключением рунического и отчасти готского, трехморфемная структура слова почти не сохранилась. Причину усматривают в том, что германский перенос ударения на первый слог способствовал выделению корня как носителя лексического значения и окончания как грамматического показателя, т. е. **развитию двухморфемной структуры слова**. Основообразующий суффикс постепенно исчез: он большей частью слился с окончанием (был поглощен им), либо сам стал окончанием, либо слился с корнем.

Вместе с тем, как сказано, старая трехморфемная структура слова кое-где просматривается в древних текстах. Например:

- а) рун. **-gastiR** 'гость', ср. др.-исл. *gestr*;
- б) в окончаниях дат. падежа мн. числа в готском: *dagam* 'дням', *gastim* 'гостям', *gibōm* 'дарам', *sunum* 'сыновьям'.

В дальнейшем для краткости наряду со словосочетанием «корень с основообразующим суффиксом...» будет использоваться термин «основа на...» (например, основа на **a**).

Разные основы в дальнейшем распределились, как правило, по разным грамматическим родам.

Германский язык-основа унаследовал от индоевропейского целый ряд основообразующих суффиксов. Они составляли три группы: основы на гласные, основы на согласные и корневые основы (т. е. без основообразующего суффикса).

Существительное

§ 24. Склонение существительных.

Древнегерманские существительные обладали категориями рода, числа и падежа. Представляется целесообразным изложить материал в иной последовательности: падеж, число, род.

Падеж. В индоевропейском языке-основе насчитывалось восемь падежей: им., род., дат., вин., вокатив (зв.), аблатив (отл.), локатив (местн.), инструменталис (орудийный, тв.). **В древнегерманских языках господствовала четырехпадежная система:** им., род., дат., вин. Лишь у некоторых основ в древневерхненемецком были формы инструменталиса, а в готском у основ на **u** был зв. падеж.

Падежные окончания одновременно выражали и число.

Грамматических родов было три: **м.**, **ж.** и **ср.** Как уже сказано выше, **древние основы определенным образом распределились по грамматическим родам.** Рассмотрим их.

Основы существительных

§ 25. Основы на гласные.

Основных видов их было четыре: **a**, **ō**, **i**, **u**.

К основам на **a** (< и.-е. **o**, см. § 13) относились существительные м. и ср. рода, например м. р.: гот. *dags* 'день', др.-исл. *karl* 'мужчина'; ср. р.: гот. др.-исл. *barn* 'дитя', др.-исл. *vár* 'весна'. Суффикс **-a-** также имел осложненные варианты **-ja-** и **-wa-**.

Основы на **ō** (< и.-е. **ā**, см. § 13) были характерны только для существительных ж. рода: гот. *halba* 'половина', др.-исл. *gjof* 'дар'. Суффикс **-ō-** также имел осложненные варианты **-jō-** и **-wō-**.

Основы на **i** (< и.-е. **i**) были характерны для существительных как м., так и ж. рода, например м. р.: гот. *gards* 'дом, двор, семья', др.-исл. *vinr* 'друг'; ж. р.: гот. *libains* 'жизнь', др.-исл. *brúðr* 'невеста'.

Наконец, основы на **u**, соответствующие индоевропейским основам на **u**, встречались у существительных всех трех грамматических родов, но особенно у м. рода. Ср. м. р.: гот. *sunus*, др.-исл. *sonr* ‘сын’; ж. р.: гот. *handus* ‘рука’; ср. р.: гот. *faihu* ‘имущество’.

§ 26. Основы на согласные.

Наиболее распространены были основы на **n**. Эти основы выступали в осложненных вариантах, которые дифференцировали их по родам.

Для существительных м. рода и некоторых существительных ср. рода были характерны основы на **an/in**. Однако в формах им. падежа ед. числа звук **n** в этом основообразующем суффиксе в древнегерманских языках не засвидетельствован (ср. его отпадение в конечной позиции в других языках, например в некоторых латинских существительных типа *sermo* ‘разговор’, род. п. *sermónis*). Поэтому ниже будут приводиться существительные в двух формах — им. падежа ед. числа и род. падежа ед. числа:

- гот. м. р.: *guma* ‘муж’ — *gumins*; ср. р.: *hairto* ‘сердце’ — *hairtins*;

- др.-исл. м. р.: *hani* ‘петух’ — *hana* (< *hanan*); ср. р.: *hjarta* — *hjarta* (< *hjartan*).

Основы на **ōn/in** относились к ж. роду. В них так же, как и у существительных м. и ср. рода, в им. падеже ед. числа **n** отсутствовало, ср. лексему ‘язык’ в им. и род. падежах: гот. *tuggō* [-ŋ] — *tuggōns*, др.-в.-нем. *zunga* — *zungūn*, др.-англ. *tunzē* — *tunzān*.

В древнеисландском языке конечное **n**, как правило, отпало, поэтому парадигмы основ на **n** (за исключением одного типа) имеют одинаковые формы во всех косвенных падежах ед. ч. Ср. совр. исл.:

- склонение на **an** м. рода: *timi* ‘час’ — род., дат., вин. п. *tima*;

- склонение на **an** ср. рода: *lunga* ‘легкое’ — род., дат., вин. п. *lunga*;

- склонение на **ōn** ж. рода: *gata* ‘улица’ — род., дат., вин. п. *götu* (**ō** < **q**, результат перегласовки на **u**, § 15);

- склонение на **īn** ж. рода: *gledī* ‘радость’ — род., дат., вин. п. *gledī*.

Основы на **n**, как сказано, составляли основную массу основ на согласный. Остальные основы на согласный были немногочисленны.

Основы на **r** (м. и ж. рода) — это, как уже упоминалось, термины родства; примеры см. выше.

Основы на **s** (ср. рода) типа лат. *genus* ‘род’ в древнегерманских языках весьма немногочисленны. Они лучше сохранились в древнеанглийском и отчасти в древневерхненемецком. По правилу ротацизма (§ 19) в этих языках представлено не **s**, а **r** (< **z** < **s**), ср. лексему ‘ягненок’ в им. падеже ед. числа и им. падеже мн. числа: др.-англ. *lamb*, др.-в.-нем. *lamb* — соответственно *lambru*, *lambir* (**e** — результат перегласовки на **i**).

Примечание. Характерно, что несколько основ на *s* сохранилось в русском языке, ср. *небо* — *небеса*, *небесный*, *чудо* — *чудеса*, *чудесный*, *тело* — *телесный* и шутл. *телеса*, *слово* — *словесный* и ирон. *словеса*, ср. также устар. *очеса* (от *око*).

Немногочисленный класс индоевропейских основ на **nt** по происхождению является субстантивированными причастиями I. К этому классу восходят, в частности, две лексемы, широко употребительные и в современных германских языках (основы на **nd**):

- гот. *frijōn* ‘любить’ — гот. *frijonds*, англ. *friend*, нем. *Freund*, нид. *vriend* ‘друг’; исл. *frændi*, норв., датск. *frænde*, шв. *frände* ‘родич’;
- гот. *fījan* ‘ненавидеть’ — гот. *fījands*, нем. *Feind*, нид. *vijand*, исл. *fjandi*, норв., шв. *fiende*, датск. *fjende* ‘враг’.

§ 27. Корневые основы.

Как подсказывает название, существительные этого класса не имели основообразующего суффикса, и окончание присоединялось непосредственно к корню. Классическими примерами корневых основ являлись такие слова, как гот. *baúrgs* ‘город’, др.-исл. *fótr* ‘нога’. В некоторых древнегерманских языках у существительных с корневой основой в отдельных формах наблюдалась перегибословка на *i*: др.-исл. *maðr* (< *mannr*) ‘человек’ — *menn* ‘люди’, *hǫnd* ‘рука’ — *hendr* ‘руки’.

Этот класс был весьма немногочислен и неустойчив, и ряд слов из него перестраивался по моделям других основ.

§ 28. Некоторые важные положения.

1. Основы на **n** дали впоследствии так называемое **слабое** склонение, все прочие — так называемое **сильное** склонение.
2. **Разные основы имели разные парадигмы.** Разумеется, некоторые элементы у разных парадигм и даже в пределах одной парадигмы могли совпадать (т. е. наблюдалась омонимия форм), но это не меняет существа дела.
3. Среди типов основ были **продуктивные**, регулярные, экспандирующие и непродуктивные, остаточные. **К числу продуктивных, экспандирующих основ относились основы на а, ð, i, n**, к числу остаточных, «неиндуцирующих» — остальные.

Прилагательное

§ 29. Склонение прилагательных.

Изначально в индоевропейском языке-основе существовала единая категория имени. Выделение прилагательного из этой единой категории — явление более позднее.

Древнегерманские прилагательные имели два типа склонения — сильное и слабое.

Сильное склонение восходит к индоевропейскому склонению и происходило по основам: м. и ср. род изменялся как существительное с основой на **а** (< и.-е. **о**), а ж. род — как основа на **ō** (< и.-е. **ā**). Впоследствии в парадигму сильного прилагательного проникают элементы склонения указательных местоимений, ср. др.-исл. *blindan* (вин. п. от *blindr* ‘слепой’), где *-an* — местоименное окончание.

Слабое склонение является германской инновацией. Слабые прилагательные изменялись как основы на **n**, ср. др.-исл. м. р. им. п. *hvítí* ‘белый’ — род., дат., вин. п. ед. ч. *hvíta*. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что слабое прилагательное употреблялось как постоянный эпитет (после существительного, обычно имени) или при «определенном» существительном (при наличии артикля и т. п.).

§ 30. Степени сравнения прилагательных

Сравнительная степень образовывалась при помощи суффиксов *-iz/-ōz-*; в северных и западных германских языках в результате ротацизма (§ 19) *-ir/-ōr-*. **Превосходную** степень образовывали суффиксы *-ist/-ost-*. Некоторые высокочастотные прилагательные образовывали степени сравнения супплетивно (т. е. от разных основ), ср. гот. *mikils* ‘большой’ — *maize* — *maists*, др.-исл. *góðr* ‘хороший’ — *betri* — *bestr*, др.-в.-нем. *luzzi* [s:-] ‘маленький’ — *minnigō* — *minnist*.

Г л а г о л

§ 31. Классификация глаголов.

В древнегерманских языках было два основных типа глаголов — сильные и слабые. Помимо этого выделялись претерито-презентные и неправильные глаголы.

§ 32. Сильные глаголы.

Сильные глаголы — это глаголы, образующие основные формы по аблауту (§ 14). Было семь классов сильных глаголов (VII ряд занимает среди них особое место, см. ниже). Уже говорилось в другой связи (§ 17), что древнегерманские сильные глаголы имели четыре основные формы: инфинитив, ед. число претерита (простого прош. времени), мн. число претерита и причастие II (у большинства современных германских языков ед. и мн. число претерита имеют одинаковую огласовку, т. е. форм три — инфинитив, претерит и причастие II).

Первые пять классов характеризовались качественно-количественным аблаутом (**е** — **а** — **Ø** — **Ø**). В первых двух из этих форм ударение на са-

мом раннем этапе становления германских языков падало на первый (корневой) слог, и в них выступали **e** в инфинитиве и **a** в претерите ед. числа, во вторых двух оно падало на окончание, и поэтому там был изначально ноль звука. В I классе первоначально было неслоговое **i**, во втором — неслоговое **u** (функции этих инфиксов неясны), и эти звуки образовывали с корневыми комбинации, отличавшиеся по языкам. Что касается III–V классов, гласные в их формах несколько различались в зависимости от звуков, следовавших за основным гласным (сонорный или **s** + шумный либо долгий сонорный; сонорный; шумный), и здесь также наблюдались различия между языками.

Не углубляясь в детали, проиллюстрируем сказанное классами древнеисландских сильных глаголов.

I класс: *gíða* ‘есть верхом’ — *geið* — *gíðum* — *gíðinn*.

II класс: *skjóta* ‘стрелять’ — *skaut* — *skutum* — *skotinn*.

III класс: *bresta* ‘лопаться’ — *brast* — *brustum* — *brostinn*.

VI класс: *bera* ‘нести’ — *bar* — *bárum* — *borinn*.

V класс: *gefa* ‘давать’ — *gaf* — *gáfum* — *gefinn*.

В VI классе наблюдался количественный аблаут (§ 14): *fara* ‘есть’ — *fór* — *fórum* — *farinn*.

Отличным способом образовывались основные формы сильных глаголов VII класса. Они изначально строились на редупликации, т. е. удвоении. Редупликация заключалась в том, что в ед. и мн. числе прош. времени к корневому элементу, например *hait-* готского глагола *haitan* ‘звать(ся)’, спереди присоединялся безударный слог, который состоял из начального согласного этого глагола + гласный [ε] (на письме **ai**), т. е. **haitan** — **haihait** — **haihaitum** — **haitans**.

Примечание. Во избежание недоразумения напомним, что готское сочетание букв **ai** обозначает [ε], а сочетание **ai** (без знака ударения!) дифтонг **ai**. Во всех только что приведенных формах глагола *haitan* ударение падало на *hait*, т. е. на первый слог в 1-й и 4-й формах и на второй — во 2-й и 3-й формах. Ударные слоги в приведенном примере выделены полужирным шрифтом.

В готском наблюдались и иные варианты редупликации, например (приводятся только формы инфинитива и ед. числа прош. времени): *aukan* ‘увеличиваться’ — *aíauk*, *letan* ‘оставлять’ — *laiлот* [o:] и др.

В древнеисландском языке следы редупликации есть только у пяти глаголов, например *sa* ‘сеять’ — *sera* (<*seRō < *sezō < *sesō; ударение на втором слоге!). У других древнеисландских глаголов этого класса наблюдается лишь особое чередование гласных.

Разумеется, со временем глаголы этого класса в германских языках значительно изменились, ср. ‘звать’: нем. *heißen* — *hiess*, норв. *hete* — *het*

(или *hette*); ‘оставлять’: нем. *lassen* — *liess*, норв. *la* — *lot*. Часть их вообще перешла в слабые, например норв. *øke* ‘увеличивать’ — *økte*.

Примечание. Редупликация прослеживается кое-где в глагольных формах других индоевропейских языков. Видимо, с ее помощью образовывались формы перфекта, ср. лат. *tango* ‘касаюсь’ — перфект *tétigi*, *rango* ‘вбиваю’ — перфект *répigi*. Есть случаи редупликации в перфекте и у греческого глагола. Ср. также рус. *дадим*, *дадите*, *дадут*.

Уже в самых древних памятниках на древнегерманских языках сильные глаголы были «закрытым классом», т. е. образование форм при помощи аблаута не было продуктивным грамматическим средством. Однако сильные глаголы оказались «живучими»: они есть во всех живых германских языках (кроме африкаанс). Число их в среднем — сотня-полторы, очень многие перешли в разряд слабых: ср., например, ‘читать’: нем. *lesen* — *las* — *gelesen* (сильный глагол) и норв. *lese* — *leste* — *lest* (слабый глагол). Лишь в современном исландском, наиболее архаичном из германских языков, их более трехсот.

Единственный случай перехода слабого глагола в разряд сильных — глагол со значением ‘писать’ (< лат. *scribere*) в континентальных скандинавских языках: датск., норв. *skrive* — *skrev* — *skrevet*, шв. *skriwa* — *skrev* — *skrivit*. Это произошло по аналогии с сильными глаголами I класса типа норв. *give* ‘рвать’ — *rev* — *revet*.

§ 33. Слабые глаголы.

Основной признак слабых глаголов — образование форм прошедшего времени и причастия II при помощи так называемого **дентального суффикса**, т. е. звуков **t, d, ð, þ**.

Этот суффикс, предполагается, имеет два разных источника, или прототипа.

Первый из них — это суффиксация форм претерита глагола со значением ‘делать’ **dōn* (ср. нем. *tun*, англ. *do*, нид. *doen*, а также нем. *Tat*, норв., шв., датск. *dåd* ‘деяние’), который возводят к и.-е. **dhē*/**dhō* (с этим корнем связывают также русские слова *деть*, *дело*, *одежда*). Пример: гот. *hausidedum* ‘мы слышали’.

Второй — это индоевропейский суффикс **-to-*, представленный в причастии II некоторых языков, ср. лат. *dico* ‘говорю’ — *dictum* ‘сказанное’, рус. *би-л* — *би-т-ый*.

Впрочем, в вопросе о происхождении германского дентального суффикса в названных формах есть спорные моменты.

По основообразующим суффиксам различалось четыре класса слабых глаголов. Существенно, что из всех древнегерманских языков четко они прослеживаются только в готском.

I класс включал в себя основы на **ja**, например гот. *hausjan* ‘слушать’, др.-исл. *sprugja* ‘спрашивать’. Этот класс охватывал, в частности, многочисленные глаголы, образованные от существительных и прилагательных. Ср. гот. *daufjan* ‘убивать’ (*daufus* ‘смерть’), др.-исл. *dōma* ‘судить’ (*dómr* ‘суд; суждение’). К нему относилось также множество каузативных глаголов (глаголов со значением побуждения к действию), например гот. *satjan* ‘сажать’ (*sitan* ‘сидеть’), др.-в.-нем. *hōhen* ‘поднимать’ (*hōh* ‘высокий’), др.-англ. *leczan* [-g!:-] ‘класть’ (*liczan* ‘лежать’).

II класс с основой на **ō** охватывал первоначально по преимуществу отыменные глаголы, т. е. глаголы, образованные от имен. Примеры: гот. *fiskōn* ‘удить рыбу’, др.-исл. *kalla* ‘называть’, др.-англ. *sorzian* ‘горевать’.

III класс с основой на **ai**, представленной в этом виде только в готском, был немногочислен (приводятся формы инфинитива и претерита глагола со значением ‘иметь’): гот. *haban* — *habaida*, др.-исл. *hafa* — *hafði*, др.-в.-нем. *habēn* — *habêta*, др.-англ. *habban* — *hæfde*.

IV класс (основа на **na/nō**) был особым морфологическим классом только в готском. Значение глаголов этого класса — приобретение признака, выраженного корнем, например *fullnan* ‘наполняться’.

§ 34. Претерито-презентные глаголы.

Они называются так потому, что у них форма настоящего времени (презенса) по происхождению является формой претерита (сильного глагола). Примеры (лексема ‘знать’; приводятся формы инфинитива и 1-го лица ед. числа наст. времени):

- др.-исл. *vita* — *ek veit*, ср. *grípa* ‘хватать’ — *ek greip* ‘я схватил’;
- гот. *witan* — *ik wait*, ср. *greípan* ‘хватать’ — *ik graip* ‘я схватил’;
- норв. *vite* — *jeg vet*, ср. *gripe* ‘хватать’ — *jeg grep* ‘я схватил’.

К этому классу относился еще ряд глаголов, по преимуществу модальных. Для них было характерно чередование гласных, нетипичное для I–VI класса сильных глаголов, ср. (приводятся только формы инфинитива и 1-го лица ед. числа наст. времени) др.-исл. *kunna* ‘мочь’ — *kann*, *þurfa* ‘нуждаться’ — *þarf*, *skulu* ‘долженствовать’ — *skal* и некоторые другие.

Возникновение этого явления связано с тем, что форма претерита у таких глаголов первоначально имела перфектное значение, т. е. значение результата предшествующего действия. Так, др.-исл. *veit* ‘знаю’ ранее значило ‘я узнал (и поэтому знаю)’, др.-исл. *á* (от *eiga* ‘владеть’ > **aih*, рун. **aih**) ‘завладел (и поэтому владею)’.

Впоследствии возникла потребность в претеритальных формах с претеритальным значением. Они были образованы с помощью дентального суффикса от основы мн. числа, например др.-исл. *vissa* (> **vitta* > **vitþa*) ‘я знал’, *átta* (> **aihta*) ‘я владел’.

§ 35. Неправильные глаголы.

Из нескольких неправильных древнегерманских глаголов, т. е. глаголов с индивидуальными парадигмами, рассмотрим два — глаголы со значениями ‘быть’ и ‘хотеть’. Отметим, что это очень высокочастотные глаголы.

Глагол со значением ‘**быть**’ — гот. *wisan*, др.-исл. *vera* (более ранняя форма *vesa*), др.-англ. *wesan*, др.-в.-нем. *wêsan* и т. д. — супплетивный, т. е. разные его формы образованы от разных корней. Всего таких корней три: **es-*, **цes-* и **bhu-*. Все они представлены в индоевропейских языках.

Первый из них — **es-* — особенно широко встречается в формах презенса: гот. *is*, др.-исл. *ert* (2-е лицо ед. ч.; *r < z < s*, см. § 19), гот., нем. *ist*, др.-исл. *er*, англ., нид. *is* (3-е лицо ед. ч.), норв., датск. *er*, шв. *är* (все лица и числа) и т. д. В инфинитивах типа нем. *sein*, нид. *zijn* представлена нулевая ступень аблаута, равно как и в презенсных формах мн. числа типа нем. *sind*, *seid*, *sind* (ср. рус. *суть*). То же в императивных формах типа нем. *sei(d)* ‘будь(те)’ и инфинитиве нем. *sein*, нид. *zijn* и др.

Корень **цes* также широко представлен в германских языках, ср. уже приведенные выше инфинитивы гот. *wisan*, др.-исл. *vera/vesa*, др.-англ. *wesan*, др.-в.-нем. *wêsan*, норв., датск. *være*, шв. *vaga* и др. Он господствует в формах претерита (как примеры даны формы 1-го и 3-го лица ед. числа): нем. *war*, англ., нид. *was* и др.

Наконец, корень **bhu* (ср. рус. *быть*) мы наблюдаем в английском инфинитиве (и сосл. наклонении) *be* и причастии II *been*, в немецких формах 1-го и 2-го лица ед. числа наст. времени *bin*, *bist*, во мн. числе фриз. *binne* (все лица). Этот корень не представлен в скандинавских формах глагола со значением ‘быть’.

Глагол со значением ‘**хотеть**’ (гот. *wiljan*, др.-исл. *vilja*, англ. *will*, нем. *wollen* и т. д.) имеет во всех германских языках особую парадигму.

К неправильным относятся также западногерманский глагол со значением ‘делать’ (англ. *do*, нем. *tun*, нид. *doen* и т. д.) и некоторые другие.

Б. Ареальные морфологические особенности

§ 36. Гото-скандинавские особенности.

Важнейшая особенность — **сохранение показателя им. падежа ед. числа м. рода (<*z)**, ср. ‘день’ — гот. *dags*, др.-исл. *dagr*, но др.-в.-нем. *tag*. Характерно, что это окончание (в форме *-ur*) сохраняется и по сей день в исландском и фарерском, ср. *armur* ‘рука’.

Остальные особенности носят частный характер, и на них мы останавливаться не будем.

§ 37. Западногерманские особенности.

Важнейших особенностей четыре:

1. Участие основы ***bhu-** в образовании форм наст. времени глагола ‘быть’, ср. 1-е лицо ед. ч. нем., фриз. bin, нид. ben; 2-е лицо ед. ч. нем. bist, нид. bent, фриз. bis; все формы мн. числа фриз. binne.

2. Склонение **инфинитива**, ср. ср.-нид. te nemene en te gevene ‘(что-бы) брать и давать’ (исходные формы инфинитива — nemen, geven).

3. **Отсутствие редуплицирующих глаголов.**

4. **Отсутствие показателя им. падежа ед. числа м. рода.**

Глава 3. ЛЕКСИКА ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

В лексике каждого из германских языков в отдельности и всех их вместе взятых можно выделить по крайней мере три различных пласта: общеиндоевропейские лексемы, германские лексемы и заимствования. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

А. Общие лексические особенности

§ 38. Общеиндоевропейская лексика.

Общеиндоевропейская лексика составляет, естественно, значительную часть словаря германских языков. Большая часть лексем этого происхождения — обозначения наиболее важных понятий, например: термины родства, некоторые сельскохозяйственные термины, названия ряда животных и растений, небесных тел и метеорологических явлений, частей тела, числительные и т. д.; ср. (для краткости приводятся только английские и немецкие примеры и их русские соответствия): brother, Bruder — *брат*, milk, Milch — *молоко*, mouse, Maus — *мышь*, birch, Birke — *берёза*, sun, Sonne — *солнце*, snow, Schnee — *снег*, heart, Herz — *сердце*, three, drei — *три*.

Далеко не всегда, однако, важнейшие понятия сохранили в германских языках свои древние названия. Так, понятие ‘есть (принимать пищу)’, ср. англ. eat, нем. essen, шв. äta и т. д., в современном норвежском обозначается словом spise, которое заимствовано из средненижненемецкого и, в свою очередь, восходит к латыни. Таких примеров множество.

§ 39. Общегерманская лексика.

Весьма значителен также пласт общегерманской лексики. Единицы этого пласта обозначают как важные понятия, так и более периферийные. Примеры (как и выше, из английского и немецкого языков): sea, See ‘море’, house, Haus ‘дом’, winter, Winter ‘зима’, berry, Beere ‘ягода’, drink, trinken ‘пить’, blood, Blut ‘кровь’, drive, treiben ‘гнать’ и др. Впрочем, возможно, что некоторые из них восходят к индоевропейским корням. Так, слово winter/Winter может быть связано с корнем, обозначающим воду,

т. е. могло иметь значение ‘период дождей’. Предложено несколько этимологий, связывающих лексему blood/Blut с различными индоевропейскими корнями, и т. д.

Естественно, далеко не всегда то или иное понятие выражается в германских языках лексемой одного происхождения. Ограничимся примером лексемы ‘дерево’. Ср., с одной стороны, англ. tree, норв. tre, датск., фар. træ, шв. träd, исл. tré и, с другой стороны, нем. Baum, нид., афр. boom, фриз. beam (в англ. beam ‘балка; луч’).

Есть западногерманские лексемы, не имеющие этимологических соответствий в северогерманских языках, и наоборот, ср. лексемы со значением ‘большой’: нем. groß, англ., фриз. great, нид. groot и шв., датск., норв. stor, исл. stór, фар. stóður; лексема ‘лес’: норв., шв. skog, датск. skov, исл. skógur — нем. Wald, нид. bos, англ. forest (заимствование из французского) и т. д.

§ 40. Заимствования.

Заимствования составляют значительный слой лексики германских языков. Самоочевидно, что в древних германских языках их было значительно меньше, нежели в современных.

Заимствованные лексемы в германских языках можно разделить на заимствования **из других германских языков** и заимствования **из негерманских языков**.

Среди первых наиболее значительны массивы слов нижненемецкого происхождения в континентальных скандинавских языках и лексем английского происхождения в большинстве других германских языков.

Нижненемецкие заимствования в шведском, датском и норвежском восходят к временам расцвета Ганзейского союза (XIV–XVI вв.), который вел широкую торговлю со Скандинавией. В этот период в эти языки вошло множество слов, обозначавших новые тогда понятия из области ремесленного производства, строительства, архитектуры, военного дела, торговли, социальных отношений, названия многих товаров и т. д. Был заимствован также ряд абстрактных имен, прилагательных и даже ряд префиксов и суффиксов.

Характерная деталь. Заимствовались не только слова для понятий типа krutt ‘порох’, для которых не было обозначения, но и слова, обозначавшие понятия, которые существовали в языке, однако отличались более архаичным характером. Так, др.-норв. styrtjöld, stríð ‘война’ было вытеснено заимствованием krig (ср.-н.-нем. krīch), поскольку была существенная разница между войнами, скажем, эпохи викингов и войнами XIV в. и позднее, в которых применялось огнестрельное оружие.

Почти во все современные германские языки в последние десятилетия вошло огромное количество заимствований **из английского языка США**.

Примеры приводить излишне. Отметим, что помимо прямых заимствований есть множество калек типа нем. Schattenkabinett, норв. skyggeregjering ‘тенивое правительство’ (shadow cabinet) и т. п.

В отношении других, не-германских, источников заимствования необходимо предварительно заметить следующее:

1) количество таких языков-источников очень велико, но роль их, конечно, различна. Из одних, например латыни, греческого, французского, в германские языки вошло множество слов, из других — единицы (например, слово *katamaran* из тамильского, в котором оно значит ‘связанные бревна’);

2) целесообразно различать «заимствования для себя» и экзотизмы (алиенизмы). Под первыми понимаются обозначения понятий из жизни заимствующего коллектива (например *krig* ‘война’ в норвежском, см. выше), под вторыми — обозначение понятий (реалий) из жизни другого (описываемого) коллектива (например, нид. *kampong* ‘район города, населенный местными жителями’).

Грань между этими категориями заимствований в известной мере условна. Ранее *pizza* было только названием итальянского блюда, сейчас оно распространилось во многих странах как обозначение «своего» явления;

3) количество и состав заимствований в значительной мере определяются географическими, историческими и политическими факторами. Один из множества примеров: английский язык в результате нормандского завоевания вообрал в себя колоссальное количество слов из французского, в том числе для обозначения весьма частотных понятий;

4) когда говорится, что слово заимствовано из такого-то языка в такой-то, то это вовсе не означает, что заимствование произошло непосредственно. Датск. *kybernetik*, конечно, восходит в конечном счете к гр. *kybernētes* ‘рулевой’, но является данизированной формой английского слова *cybernetics*, созданного американским математиком Н. Винером. Даже древнейшие заимствования из латыни в германские языки скорее всего непосредственно осуществлялись у племен, находившихся в прямом контакте с Римом, а уже от них передавались более отдаленным соседям.

Рассмотрим важнейшие источники заимствований в германские языки.

1. К древнейшим относятся весьма немногочисленные **кельтские** заимствования: древние германцы очень рано столкнулись с кельтскими племенами, стоявшими на более высокой ступени развития. По-видимому, еще задолго до новой эры была заимствована лексема со значением ‘железо’: кельт. **t̥zarno-* — гот. *eisarn*, др.-в.-нем. *îsarn*, др.-исл. *járn*, англ. *iron*, нем. *Eisen*.

Ср. далее:

• кельт. **t̥īg-* ‘правитель’ — гот. *reiks* ‘правитель’, др.-исл. *ríki* ‘власть; королевство’, ср. нем. *Reich* ‘империя’;

• галл. *ambaktos ‘слуга; гонец’ — гот. andbahts, др.-в.-нем. ambaht. Отсюда значительно более поздние слова типа нем. Amt ‘ведомство’ (ср. рус. *почтамт*), норв. embete ‘(высокий) пост’ и др.

Видимо, кельтского происхождения лексемы со значениями ‘колокол’ — англ. clock, нем. Glocke и т. п., ‘врач’ — норв. lege, шв. läkare, исл. læknir, ‘заложник’ — нем. Geisel, норв. gissel, ‘клятва’ — нем. Eid, англ. oath, ‘наследство’ — нем. Erbe, норв., датск., шв. arv.

2. Классические языки (латынь и греческий). Выделяются по меньшей мере четыре пласта заимствований из них, причем первый пласт составляют только латинские заимствования.

а. Древнейший пласт латинских заимствований восходит к эпохе первых контактов германских племен с Римской империей. Об этом говорилось выше (§ 5); там же приведены примеры.

б. Второй пласт заимствований связан с христианизацией. К нему относятся, например, такие заимствования из греческого, как (даются английские и немецкие примеры) Bible, Bibel ‘Библия’ (гр. biblia — мн. ч. от biblion ‘небольшая книга’), church, Kirche ‘церковь’ (kyriakon), bishop, Bischof ‘епископ’ (episkopos или episcopus) и др.; из латыни: devil, Teufel ‘дьявол’ (diabolus), nun, Nonne ‘монахиня’ (nonna), crucifix, Kruzifix ‘распятие’ и др.

Существенно, что христианизация различных германских народов длилась много веков, поэтому заимствования этого рода значительно различаются хронологически от языка к языку.

в. Третий пласт заимствований из латыни и греческого связан со средневековой наукой. Здесь следует отметить три момента. Во-первых, немалая часть этого лексического пласта, в сущности, является частью предыдущего: средневековое образование было церковным, и, наоборот, церковь имела свои школы, обычно при монастырях, где изучалась латынь (часто и греческий), в монастырях же осуществлялись переводы, писались богословские сочинения и т. д. Во-вторых, часть рассматриваемых лексем этого периода не прямые заимствования из классических языков, а слова, созданные в ту эпоху из латинских и греческих корней, т. е. либо лексические единицы, в данной форме в классических языках не представленные, либо новые значения слов классических языков. В-третьих, поскольку в Средние века языком церкви и науки была латынь, многие новые слова создавались сначала в латинской форме и лишь затем подвергались изменениям, характерным при заимствовании.

Примеры (как и выше, даются английские и немецкие): school, Schule ‘школа’ (лат. schola < гр. scholé, первоначально ‘свободное время’, т. е. ‘время, которое можно использовать для ученых занятий’), professor, Professor ‘профессор’ (лат. professor ‘провозглашающий’), grammar, Gramma-

tik ‘грамматика’ (от гр. *gramma* ‘буква’). Примерами новых значений слов классических языков могут служить лексемы *university*, *Universität* ‘университет’ (лат. *universitas* ‘общность’ от *universus* ‘целый, общий’), *faculty*, *Fakultät* ‘факультет’ (лат. *facultas*, первонач. ‘способность, возможность’ от *facere* ‘делать’).

В этот период создается также множество **калек**. Ср. немецкие примеры: *Gewissen* ‘совесть’ (лат. *conscientia*), *beschreiben* ‘описывать’ (лат. *describere*), *Umstand* ‘обстоятельство’ (лат. *circumstantia*, в свою очередь, из гр. *peristasis*), *Eindruck* ‘впечатление’ (лат. *impressio*) и др.

г. Последний пласт заимствований из классических языков — это научные, технические и другие термины нового и новейшего времени. Они представляют собою, как и упомянутая выше часть слов предшествующего периода, в основном единицы, созданные из корней латинского и греческого языков. Примеры встречаются на каждом шагу, и нет необходимости приводить их. Отметим, что нередко в одном слове сочетаются латинские и греческие элементы, например англ. *telecommunication* ‘телекоммуникация’ — от гр. *tele-* ‘дальний’ и лат. *communicatio* ‘связь’.

3. **Французский язык** оказал на лексику германских языков значительное влияние, в особенности в обозначении понятий из области духовной жизни, политики, дипломатии, военного дела, коммерции, кулинарии и т. д. Так, французского происхождения приводимые ниже немецкие слова (перевод излишен): *Literatur*, *Regisseur*, *Ouverture*, *Partei*, *Regime*, *Sergeant*, *Kaserne*, *à jour*, *Gelee*, *Passagier*, *elegant* и множество других.

Немало в современных германских языках и семантических заимствований из французского, например англ. и нем. *public opinion*, *die öffentliche Meinung* ‘общественное мнение’ (фр. *l’opinion publique*); *order of the day*, *Tagesordnung* ‘повестка дня’ (*ordre de jour*); нем. *auf der Höhe sein* ‘быть на высоте’ (*être à la hauteur*) и др.

Особенно велико было влияние старофранцузского на английский язык в результате нормандского завоевания. И в современном английском языке многие важнейшие понятия выражаются словами романского происхождения: *very* ‘очень’, *large* ‘большой’, *poor* ‘бедный’, *lake* ‘озеро’, *flower* ‘цветок’, *place* ‘место’, *doubt* ‘сомнение’, *fault* ‘вина’ и т. д.

4. Довольно многочисленные заимствования **из итальянского языка** относятся прежде всего к сферам искусства, финансов и военного дела (переводы в большинстве случаев не требуются). Примеры (английские и немецкие): *opera*, *Oper* (*opera*, сокр. от *opera per musica* ‘музыкальное сочинение’), *concert*, *Konzert* (*concerto* первонач. ‘созвучие’), *aquarelle*, *Aquarell* (*aquarello*), *bank*, *Bank* (*banco*, *banca* первонач. ‘скамья’, т. е. ‘стол менялы’), *account*, *Konto* ‘счет’ (*conto*), *cavalry*, *Kavallerie* (*cavalleria*) и др.

Часть этих заимствований пришла в германские языки через посредство французского.

5. Во всех германских языках имеются хотя и немногочисленные, но довольно частотные заимствования **из древнееврейского**: это ряд слов из Библии, в первую очередь Ветхого Завета. Таковы, например, норв. *satan* ‘сатана’, *seraf* ‘серафим’, *halleluja* ‘аллилуйя’, *amen* ‘аминь’, *påske* ‘Пасха’ и др. Естественно, всего больше таких слов в идише, поскольку древнееврейский был и остается культовым языком всех верующих евреев. См. также § 86.

§ 41. Характеристика германских языков с точки зрения удельного веса заимствований. Пуризм.

Удельный вес заимствований существенно варьируется в современных германских языках. Крайними полюсами являются **исландский**, лексика которого является «наиболее германской», т. е. в котором меньше заимствований, чем в других современных германских языках, и **английский**, в котором иноязычные элементы составляют значительную часть лексики.

Разумеется, в этой области наблюдаются существенные расхождения между **языком и речью**. Множество слов иноязычного происхождения, в особенности специальная лексика, достаточно редко используется в неспециальных текстах, однако эти слова по объему составляют существенную часть словаря современного языка. Существенно и то, что в специальных текстах нередко используются термины — синонимы слов обычного языка, как правило, незаимствованных (ср. рус. *пневмония* — *воспаление лёгких*).

Существен, далее, и тот общеизвестный факт, что в книжном стиле часто используются иностранные слова, имеющие исконные соответствия. Лишь в исландском языке наблюдается обратная картина: иностранные слова допустимы в литературно-разговорной речи, но избегаются в письменной, поскольку считаются несовместимыми с хорошим стилем (§ 117), например в устной речи допустимо *gróblem* ‘проблема’, но на письме обычно используется *vandamál* (то же).

Как сказано выше, с точки зрения количества заимствований исландский и английский являются крайними полюсами. Немного менее пуристичен, нежели исландский, фарерский язык (если отвлечься от множества калек с датского и исландского). Далее следует немецкий язык с его довольно многими пуристическими заменами. Для того чтобы расположить остальные современные германские языки между этими крайними точками, нет надежных объективных данных.

Два замечания по отдельным языкам.

В результате сознательной изоляции языка африкаанс от английского в нем значительно меньше активного антианглийского пуризма: примерно в 20 раз меньше английских заимствований, нежели в нидерландском, из которого он развился (примеры приведены в § 70).

Особое место среди германских языков занимает идиш, в котором велика доля слов древнееврейского и славянского происхождения (§ 86). В нем немало случаев дублетных обозначений одного понятия, ср. *krig* (из немецкого) и *milchome* (из древнееврейского) ‘война’, *ente* (из немецкого) и *кашке* ‘утка’ (из украинского).

Каковы причины пуризма?

Пуризм возникает как проявление определенного умонастроения (влиятельных слоев) общества, как реакция на некоторые исторические условия. Шкала таких социопсихологических установок достаточно широка — от шовинизма до комплекса национальной неполноценности. Естественно, возможны и иные причины: так, исландский пуризм был вызван прежде всего стремлением сохранить самобытность и демократичность языка крестьянского общества, имеющего длительную культурную традицию.

Возможны две пересекающиеся классификации пуризма:

1) пуризм глобальный и пуризм избирательный. Глобальный направлен против любых иностранных слов (таков, например, исландский пуризм), избирательный — против слов какого-либо конкретного языка (например, африкаанс в отношении английского);

2) пуризм изменительный и пуризм охранительный. Первый направлен против слов, уже в большей или меньшей степени вошедших в язык (немецкий, фламандский вариант нидерландского), второй — в недопущении в язык прямых заимствований (исландский).

Естественно, отношение к заимствованиям может со временем меняться. Так, в современном немецком языке употребляется немало заимствований из английского.

Много написано о том, что слова — заменители иноязычных должны быть хорошего качества, а не «корявыми», «безобразными» и т. д. Однако сравнение слов-заменителей, вошедших в язык, и слов, им отвергнутых, не всегда убеждает в том, что дело только в качестве заменителя. Так, на наш взгляд, не привившаяся в немецком языке замена *Anderswo*, букв. ‘в другом месте’, вместо *Alibi* (первоначально в латыни с тем же значением) ничуть не хуже (и даже лучше) вошедших в язык заменителей типа *Bürgersteig* ‘тротуар’ (*Bürger* ‘горожанин’, *Steig* ‘тропинка’), *Fahrstuhl* ‘лифт’ (*fahren* ‘ехать’, *Stuhl* ‘стул’) и др. Приходится признать, что судьба того или иного заменителя определяется не поддающимися учету случайными факторами.

Б. Ареальные лексические особенности

§ 42. О лексических особенностях групп германских языков.

Естественно, в каждом из трех рассматриваемых ареалов есть слова, не имеющие этимологических соответствий в других. Так, к примеру, чисто западногерманскими считаются лексемы ‘большой’ — англ. *great*, нем. *groß*, нид. *groot*, фриз. *great* и ‘овца’ — англ. *sheep*, нем. *Schaf*, нид. *schaap*, фриз. *skiep*.

Между тем утверждать о принадлежности той или иной лексемы только к одному ареалу можно только с большой осторожностью и оговорками. Причин этому, по крайней мере, две.

1. Слово могло существовать на ранних этапах развития языка, а затем выпасть, выйти из употребления. Поэтому с сегодняшней точки зрения оно может считаться принадлежащим только к одному ареалу, тогда как на деле оно ранее употреблялось и в другом/других. Проиллюстрируем сказанное примером. Во всех скандинавских языках значение ‘большой’ (а в некоторых из них также ‘великий’) обозначается лексемой норв., датск., шв. *stor*, исл. *stór*, фар. *stóru*. В современных западногерманских языках такое слово с этим значением отсутствует, но в древнеанглийском было слово *stōr* со значением ‘сильный, мощный’, а в древнесаксонском *stōri* означало ‘великий, знаменитый’. (Отметим в скобках, что это слово этимологически то же, что рус. *старый*.) С синхронной же точки зрения данная лексема чисто скандинавская. Далее, это слово не представлено в дошедших до нас готских текстах, но их общий объем недостаточен для того, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что оно в нем отсутствовало.

2. Развитие значений одного корня может идти в разных языках достаточно сложными и несходными путями, что нередко приводит к тому, что с современной точки зрения не видно связей между конечными значениями, и эти связи можно установить только в результате этимологического исследования.

Так, скандинавские обозначения овцы — норв. *sau*, исл. *saudur*, фар. *seudur* (в датском и шведском используется слово другого корня — *får*) этимологически родственны гот. *saufs* ‘жертва’ и в конечном счете связаны с корнем, имеющим значение ‘кипеть, бурлить’ (ср. нем. *sieden* ‘кипеть’). Прослеживается развитие значений ‘вареное мясо; вареная баранина’ → ‘мясо, предназначенное для варки’ → ‘мясо данного животного’ → ‘животное’.

Другой пример. Нем. *viel*, нид. *veel* ‘много’ не имеют соответствия с тем же значением в скандинавских языках, но находятся в этимологическом родстве с лексемой ‘полный’: нем. *voll*, нид. *vol*, соответствия которой есть во всех германских языках, включая готский. (Это последнее слово родственно рус. *полный*, лат. *plenus*.)

Часть 3. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ, ИХ ИСТОРИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКА

Глава 1. ВОСТОЧНОГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

§ 43. Языки восточных германцев.

В эту группу входили языки готов, виндилов (вандалов), бургундов, каринов, варинов, гепидов, герулов и др. О некоторых из них, кроме названия, ничего не известно, из других языков до нас дошли отдельные имена и слова в текстах на иных языках. О некоторых из этих племен коротко рассказывалось выше. Предполагается, что эти племена **вышли из Скандинавии**.

Изучение дошедших до нас слов из восточногерманских языков позволило с достоверностью установить лишь одну их особенность — тенденцию к **сужению $e > i$, $o > u$** (в остготском и вандалском), однако она осуществилась, насколько позволяет судить крайне скудный материал, последовательно, видимо, лишь в крымско-готском (см. ниже).

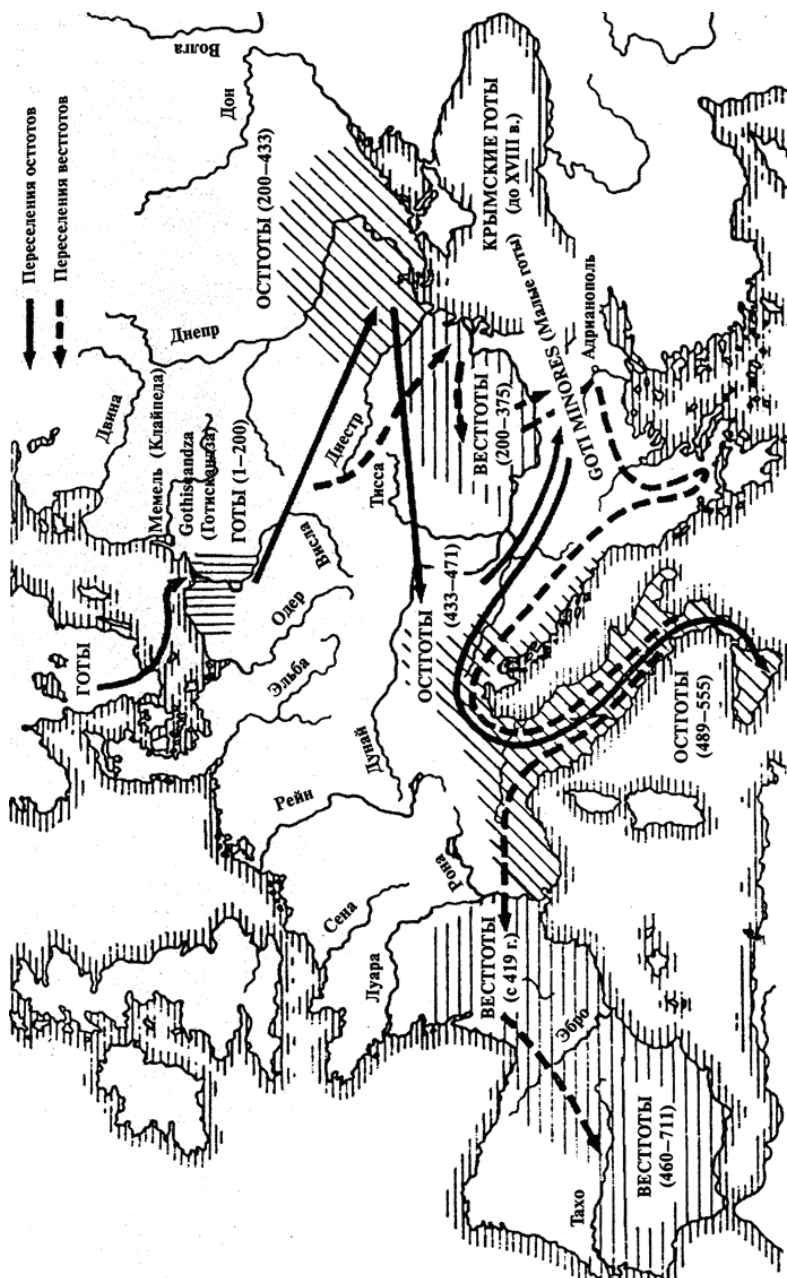
§ 44. Готы и их история.

Коротко о готах говорилось в связи с Великим переселением народов (§ 9). Здесь дается более подробное изложение их истории.

Очень многие данные говорят за то, что готы первоначально жили на территории нынешней Швеции, ср. название острова *Готланд* (Gotland) в Южной Швеции, а также археологические данные. Не вполне ясно, является ли название шведского племени *гаутов* (впоследствии называемых *гётами*) обозначением родственного племени или вариантом названия готов. Последнее название сохранилось в названии шведских областей *Вестергётланд* (Västergötland) и *Эстергётланд* (Östergötland), а также реки *Гётаэльв* (Götaälv).

В конце I в. до н. э. — начале I в. н. э. готы переселяются на южный берег Балтийского моря, в район устья Вислы. Район этот назван готским историком Йорданом (VI в.) *Готискандза*, что трактуется как ‘готский берег’. По-видимому, названия современных польских городов *Гданьск* и *Гдыня* отражают это древнее обозначение.

В начале III в. готы устремляются на юг и вскоре начинают опустошительные набеги на Римскую империю, захватывая, в частности, Дакию (часть территории современной Румынии). Они расселяются на большой территории в причерноморских степях. Здесь они разделяются на два племенных союза: **вестготов** (к западу от Днестра) и **остготов** (к востоку от этой реки). Вестготы носили также название *лесных готов* (tervingi), или *висиготов*, а остготы — *степных готов* (greutungī), или *остроготов*.

Готы (по Эрнсту Шварцу)

В 258 г. готы захватывают Крым. Как будет видно из дальнейшего изложения, основная масса готов (как вестготов, так и остготов) впоследствии покидает причерноморские степи. Однако крымские готы (жители «Таврической Готии») остаются на месте и говорят на своем языке на протяжении почти полутора тысяч лет: полагают, что они окончательно расформировались как народность в XVIII в.

С крымскими готами связан один любопытный момент. В 1562 г. фламандский купец Бусбек встретил в Константинополе двух готов (видимо, этническим готом был лишь один из них, плохо помнивший родной язык, а второй — греком, понимавшим по-готски) и с их слов записал несколько десятков крымско-готских слов. 68-словный список Бусбека имеет для германистики большое значение (хотя транскрипция Бусбека явно неточна, да и его информанты не очень надежны).

Исторические судьбы остготов и вестготов были различны.

Остготы. В IV в. в причерноморских степях образуется очень сильный племенной союз, возглавляемый остготами. Наибольшего могущества он достигает при короле Эрманарихе, но остготское королевство падает под ударами гуннов. Это историческое событие отражено — естественно, в очень сильно трансформированном виде — в древнескандинавском героическом эпосе. К 493 г. остготы вновь усиливаются, под предводительством Теодориха завоевывают Рим и основывают остготское королевство. (Теодорих известен в древнегерманском эпосе под именем Дитриха Бернского; Берн — название итальянского города Верона в немецком в Средние века.) Остготское королевство, занимавшее территорию нынешней Италии, включая Сицилию, а также территорию бывшей Югославии, достигает культурного расцвета, и дошедшие до нас готские рукописи — остготские списки, хотя они были созданы вестготом Вульфиллой веком раньше.

Вестготы. Так же, как и остготы, они под напором гуннов устремляются на запад. В 378 г. они наголову разбивают римскую армию, а в начале V в., предводительствуемые Аларихом, двигаются на юг и в 410 г. захватывают Рим. Однако вскоре они оказываются в Южной Франции (Галлии), где основывают королевство с центром в Тулузе. Тулузское королевство просуществовало с 418 по 507 г. После этого вестготы создают новое королевство к югу от Пиренеев с центром в Толедо. Оно пало в 711 г. под ударами арабов. К тому времени вестготы были давно романизированы.

Из их языка некоторое количество слов вошло в испанский и сохранилось до сих пор, например guerra ‘война’, имя Rodrigo и др.

§ 45. Готский язык.

Возникновение письменности у готов связано с их христианизацией и переводом Библии на готский язык.

Первым готским проповедником христианства был вестгот **Вульфил** (Wulfila, в переводе ‘волчонок’), живший в IV в., предположительно в 311–381 гг. В возрасте 30 лет он становится епископом и сохраняет этот сан до самой смерти. Он был очень образованным человеком, писал трактаты по-гречески и по-латыни.

Вульфил создал готскую письменность, взяв за основу греческий алфавит и добавив несколько букв из других алфавитов, видимо, латинского и рунического; единства среди исследователей в отношении негреческих букв алфавита Вульфила нет.

Вульфил перевел Библию на готский язык. Хотя до нас дошли только отрывки переводов Нового Завета, есть основания полагать, что переведен был и Ветхий Завет. Язык его перевода отличается большим однообразием. Как уже говорилось выше, перевод Вульфила дошел до нас в более поздних списках остготского происхождения времен расцвета остготского королевства, т. е. V–VI вв.

Сохранилось несколько рукописей перевода Библии на готский язык. Важнейшей из них является «**Серебряный кодекс**» («Codex Argenteus») — пурпурный пергамент с серебряными и золотыми буквами. Список этот неполный: из первоначальных 330 листов сохранилось 186. Он содержит отрывки из четырех евангелий — от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна. Хранится этот список в университетской библиотеке г. Упсала (Швеция).

В этом курсе приводится множество готских примеров, и для их правильного прочтения необходимо знать основные особенности вульфилловской орфографии. Поэтому, как указывалось выше, необходимо обратиться к списку «Чтение букв и знаков, использованных в учебнике» в конце данного учебника.

§ 46. Значение готского языка для германистики.

Роль готских текстов для германистики и сравнительно-исторического языкознания трудно переоценить по следующим причинам:

- 1) это единственный восточногерманский язык, на котором сохранились связные — и притом большие — тексты;
- 2) это самые древние большие связные тексты на каком-либо из германских языков.

§ 47. Важнейшие особенности готского языка.

Готский язык входит в программу университетского обучения германистов всех специализаций (англистов, нидерландистов и т. д.). Он изучается обычно сразу за курсом «Введение в германскую филологию» в течение семестра, и читателю предстоит детальное знакомство с готским

языком. По этой причине здесь будут только кратко перечислены важнейшие особенности готского языка:

- 1) сохранность в ряде случаев (не всегда!) трехморфемной структуры слова;
- 2) чередование по аблауту основообразующего суффикса в некоторых типах склонения существительных;
- 3) флективные формы медиопассива (страдательного залога);
- 4) класс редуцирующих глаголов;
- 5) дв. число у местоимения и глагола.

Глава 2. ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

§ 48. Основные особенности подгрупп западногерманских языков.

Современных западногерманских языков шесть: английский, фризский, немецкий, идиш, нидерландский, африкаанс. Их общие черты:

- 1) **отсутствие долгих согласных**;
- 2) **наличие кратких и долгих гласных** (в идише долгих нет);
- 3) **полная редукция** гласных грамматических показателей (возможен только звук [ə]).

Ниже перечисляются некоторые основные особенности подгрупп, на которые распадаются западногерманские языки. Разумеется, перечень этот неполный. Важно иметь в виду, что эти особенности возникли в разные эпохи, но приводятся они здесь не в хронологическом порядке. Например, в немецком языке передвижение согласных началось в V в., а дифтонгизация долгих закрытых монофтонгов — несколькими веками позднее.

§ 49. Особенности англо-фризской, или североморской, подгруппы.

В начале каждого ряда соответствий приводится фонема, представленная в других западногерманских языках:

- 1) **сужение а** (краткого и долгого): нем. Sack ‘мешок’ — англ. sack, фриз. sek, нем. Schaf — англ. sheep, фриз. skiep.
- 2) **делабиализация u, o**: нем. suchen ‘искать’ — англ. seek, фриз. sykje, нем. rot ‘красный’ — англ. red, фриз. read.
- 3) **выпадение n** перед некоторыми щелевыми: нем. fünf ‘пять’ — англ. five, фриз. fiif, нем. ander ‘другой’ — англ. other, фриз. oar.
- 4) **спирантизация g**: нем. gestern — англ. yesterday, фриз. juster.
- 5) **аффрикатизация k**: нем. Kirche ‘церковь’ — англ. church, фриз. tsjerke.
- 6) **выпадение r** в ряде позиций: нем. Erde — англ. earth, фриз. ierde [r̥də].

Английский язык

§ 50. Общие сведения.

Английский язык (English [ɪŋɡlɪʃ]) — государственный язык США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, один из двух государственных языков Ирландии, Канады, один из государственных языков ЮАР. В ряде бывших английских колоний английский язык сохраняется как единственный государственный (Гамбия, Гана, Замбия и др.) либо как один из двух государственных (Индия, Пакистан, Бангладеш, Ботсвана и др.). Общее число лиц, для которых английский язык родной, составляет около 500 млн., т. е. более чем в 2,5 раза превышает число говорящих на всех остальных германских языках, вместе взятых.

Английский язык — важнейший язык межнационального общения.

§ 51. История.

Исторической основой английского языка явились языки древнегерманских племен англосаксов и ютов, которые в V–VI вв. н. э. переселились с континента.

Древнейшие памятники относятся к концу VII — началу VIII в. Начальный период представлен переводами церковной и исторической литературы. Выделяется «Англосаксонская хроника». Наиболее известным памятником древнеанглийского периода является героический эпос «Беовульф» (рукопись конца X в.).

Исторически английский язык разделяют на периоды: древнеанглийский, среднеанглийский, ранненовоанглийский и новоанглийский.

Древнеанглийский период (VII–XI вв.) характеризуется следующими основными признаками:

1) язык существовал в форме **четырёх основных диалектов**: нортумбрийского, мерсийского, уэссекского (ведущего) и кентского;

2) в нём **не было качественной редукции** безударных слогов, что является объяснением большого разнообразия грамматических показателей. Ср.: ед. ч. им., вин. *fisc* ‘рыба’, род. *fiscas*, дат. п. *fisce*; мн. ч. им., вин. *fiscas*, род. *fisca*, дат. п. *fiscum*;

3) благодаря этому древнеанглийский язык обладал достаточно **сложной морфологией**: у существительного было три грамматических рода и четыре падежа (при этом сохранялось склонение по основам), глагол спрягался по лицам (в ед. числе) и т. д.;

4) помимо естественных **заимствований из латыни** (особенно в связи с христианизацией в VI–VII вв.), на древнеанглийский оказал влияние язык скандинавов: их попытки покорить страну, начавшиеся в IX в., привели к захвату значительной территории — так называемой «области датского права», а на период 1018–1042 гг. Англия вообще подпадает под власть

Дании. До сих пор в английском языке сохраняются **скандинавские заимствования**: egg ‘яйцо’, sky ‘небо’, fellow ‘товарищ’, knife ‘нож’, law ‘закон’, wing ‘крыло’, take ‘брать’ и др. В самом конце периода после битвы при Гастингсе в 1066 г. власть в Англии переходит в руки нормандцев — воспринявших французский (точнее, старофранцузский) язык и французскую культуру потомков норманнов, захвативших в 911 г. Нормандию, область на северо-востоке Франции. Французское влияние на язык было огромным, но оно проявляется в последующий период.

Среднеанглийский период (XII–XV вв.) характеризуют следующие черты:

1) значительная **диалектная разобоченность**, особенно в начале периода;

2) **сосуществование** в начале периода **английских диалектов** как языка народных масс и **французского языка** как языка господствующих классов. Лишь начиная с XIII в. французский язык постепенно вытесняется английским;

3) постепенное **возвышение лондонского диалекта**, определяемое возрастающей политической, экономической и культурной ролью страны. Распространению лондонских форм способствовала большая популярность произведений Дж. Чосера (около 1340–1400), писавшего на лондонском диалекте, и введение книгопечатания в 1477 г.;

4) установление **новых количественных отношений в слоге**, прежде всего а) сокращение долгих гласных перед долгими согласными или двумя смычными и б) удлинение кратких гласных в открытом слоге. Ср. др.-англ. *cēpte* ‘держал’, *smoca* ‘дым’ — ср.-англ. *kepte*, *smōke*;

5) монофтонгизация всех **древних дифтонгов** (ср. др.-англ. *heorte* ‘сердце’ — ср.-англ. *herte*) и возникновение новых дифтонгов за счет вокализации **3₁**, [g] и **3₂** [j], а также появления неслогового [u] в сочетаниях **ah**, **oh** (ср. др.-англ. *dæz* ‘день’, *drazan* ‘тянуть’ — ср.-англ. *day*, *drawen*);

6) **редукция безударных гласных** (в окончании стало возможным только [ə]), что привело к радикальному упрощению морфологии. Ср. др.-англ. *stānas* ‘камни’ — ср.-англ. *stones*. К концу периода [ə] подвергается апокопе (отпадению);

7) ассибиляция палатализованных **k', g', sk'**, т. е. превращение их соответственно в аффрикаты [tʃ], [dʒ], и щелевой [ʃ]. Ср. др.-англ. *cild* ‘ребенок’, *brucz* ‘мост’, *scip* ‘корабль’ — ср.-англ. *child* [tʃi:ld], *brigge* [brɪdʒ] *ship* [ʃɪp];

8) **сокращение долгих согласных**;

9) кардинальное **упрощение грамматического строя**: отмирание грамматического рода, слияние форм им., дат. и вин. падежей в ед. и во мн. числе существительных, унификация типов склонения и др.

В ранненовоанглийский период важнейшим изменением в языке был так называемый «великий сдвиг гласных» (the great vowel shift), в результате которого радикально перестроился весь вокализм (система гласных) языка. Он состоял в следующих переходах (указаны только конечные результаты; в скобках приведены среднеанглийские и современные формы):

- **i:** > **ai** (child ‘ребенок’ — child [tʃaɪld]);
- **e:**, **ɛ:** > **i:** (slēpen ‘спать’ — sleep [sli:p], stēlen ‘красть’ — steal [sti:l]);
- **a:** > **ei** (nāme ‘имя’ — name [neɪm]);
- **ɔ:** > **ou** (stōn ‘камень’ — stone [stəʊn]);
- **o:** > **u:** (mōn ‘луна’ — moon [mu:n]);
- **u:** > **au** (hous [hu:s] ‘дом’ — house [haʊs]).

Существенную роль сыграла **вокализация г**, которая привела к возникновению новых дифтонгов, а также новых долгих [a:], [ɔ:] (как только что было показано, в результате сдвига ср.-англ. [a:], [ɔ:] превратились в дифтонги) и фонемы /ə:/. Ср. ср.-англ. here ‘здесь’, bear ‘медведь’, care ‘забота’, pore/poor ‘бедный’, sterre ‘звезда’, short ‘короткий’, brid/bird ‘птица’ и совр. here [hɪə], bear [beə], care [keə], poor [pʊə], star [sta:], short [ʃɔ:t], bird [bɜ:d].

В системе кратких произошли переходы **a** > **æ** и **u** > **ʌ**, например: ср.-англ. hand ‘рука’, sun ‘солнце’ — совр. hand [hænd], sun [sʌn].

Безударные гласные окончаний в ряде случаев (например, в инфинитиве) подверглись апокопе (отпадению), см. примеры выше.

Чтобы запомнить переходы «большого скачка гласных», можно использовать простой прием: во многих случаях достаточно сравнить современное написание слова и его современное произношение, например: take [teɪk].

Произошло дальнейшее упрощение морфологии.

В становлении нормы литературного языка важную роль сыграли многие выдающиеся ученые и писатели XVI–XVII вв., особенно У. Шекспир (1564–1616), а также перевод Библии (1531).

§ 52. Фонетика.

Поскольку подавляющее число студентов — читателей этой книги изучали в школе английский язык, можно ограничиться отдельными замечаниями.

Среди характерных признаков звукового строя английского языка можно отметить: 1) отсутствие оглушения концов слов; 2) отсутствие огубленных гласных переднего ряда; 3) наличие аффрикат /tʃ/, /dʒ/, последняя свойственна из всех современных германских языков еще только фарерскому; 4) наличие переднеязычных плоскощелевых [β], [ð].

Среди гласных фонем специфически английскими являются только две: /ə/ и /ʌ/.

Спорен вопрос о наличии в английском трифтонгов [aɪə] и [aʊə]: с одной стороны, они в поэзии трактуются как один слог, с другой — есть аргументы в пользу рассмотрения их как комбинаций «дифтонг + ə».

Глухие смычные (/p/, /t/, /k/) имеют постаспирацию (придыхание) перед ударным гласным (но не после /s/) и в исходе слова после ударного гласного: take [tʰeɪkʰ].

Для /t/, /d/, /n/ и /l/ характерна апикально-альвеолярная артикуляция (кончик языка касается альвеол).

Сонант /r/ — щелевой (не дрожащий!) согласный.

§ 53. Грамматика.

По соображениям, изложенным в начале предыдущего параграфа, ограничимся отдельными замечаниями.

Морфология английского языка крайне бедна. Среди германских языков более скудный инвентарь граммем (членов грамматических категорий) характерен лишь для языка африкаанс.

Существительное имеет категории числа, падежа и определенности/неопределенности. Категория рода отсутствует. За единичными исключениями число образуется регулярно. Притяжательный падеж употребляется ограниченно, прежде всего у существительных, обозначающих одушевленные существа.

Прилагательное не изменяется по числам и падежам.

В области глагола специфической особенностью является образование отрицательных и вопросительных форм презенса и претерита при помощи глагола do: He waits 'Он ждёт' — He doesn't wait 'Он не ждёт' — Does he wait? 'Ждёт ли он?'. Ср. ниже об императиве.

В английском — единственном из германских языков — существует длительный разряд глагольных форм, или прогрессив (Continuous); им выражается процессуальное действие: He is reading 'Он читает (в данный момент)'. Часто как особый выделяют «перфектно-длительный» разряд: He has been reading.

Отрицательная форма императива образуется с помощью глагола do: Don't talk! 'Не разговаривай(те)!'.

Среди именных глагольных форм особого внимания заслуживает герундий (Gerund) — форма, отсутствующая в других германских языках. Герундий совпадает по форме с причастием I, но, в отличие от последнего, занимает в предложении только субстантивные позиции, например: Being sad will not help 'Нет смысла печалиться'; I regret having done it 'Я раскаиваюсь в том, что сделал это'.

Некоторые черты синтаксиса. Из специфически английских черт отметим две:

1) английский — единственный из германских языков, в котором личная форма глагола не обязательно занимает второе место в предложении, если на первом месте находится не подлежащее: Yesterday I saw her ‘Вчера я видел ее’, ср. нем. Gestern habe ich sie gesehen; норв. I g  r s   jeg henne;

2) существительное может использоваться в функции определения без каких-либо формальных показателей: stone wall ‘каменная стена’, World Health Organization ‘Всемирная организация здравоохранения’.

§ 54. Лексика.

Специфическая черта лексики английского языка, выделяющая его среди других современных германских языков, — это очень большой удельный вес слов романского происхождения. Подчеркнем, что речь здесь идет не о довольно обширном слое лексем типа ‘музыка’, ‘армия’, ‘операция’, ‘телефон’, ‘гараж’ и т. п., в большей или меньшей степени свойственных многим современным германским языкам, а о словах, обозначающих важнейшие понятия, выражаемые в других современных германских языках словами германского происхождения. Заимствования эти восходят к среднеанглийскому периоду. Из огромного числа таких слов приведем лишь несколько примеров достаточно частотных единиц: chair ‘стул’, air ‘воздух’, river ‘река’, money ‘деньги’, city ‘город’, government ‘правительство’, judge ‘судья’, tailor ‘портной’, battle ‘бой, битва’, victory ‘победа’, language ‘язык’, science ‘наука’, dictionary ‘словарь’, matter ‘дело’, travel ‘путешествовать’, contain ‘содержать’, large ‘большой’, different ‘различный’, because ‘потому что’, except ‘за исключением’ и т. д.

О скандинавских заимствованиях см. § 51.

Словосложение, столь характерное для всех современных германских языков, развито в английском значительно слабее. О сочетаниях типа stone wall ‘каменная стена’, passenger train ‘пассажирский поезд’ см. § 53.

Фризский язык

§ 55. Общие сведения. Современное положение.

На фризском языке в настоящее время говорят около 500 тыс. человек. Основная область его распространения (около 380 тыс. говорящих) — нидерландская провинция **Фрисландия** (Фрисланд) на северо-западе страны. Здешние диалекты, легшие в основу литературного языка, объединяются под названием **западнофризского**.

Кроме Нидерландов, фризский язык распространен также в двух районах ФРГ.

Первый из них находится в земле Нижняя Саксония, к юго-востоку от г. Ольденбург. Диалект этой области, носящей название **Затерланд**, называют **восточнофризским**; на нем говорит около 1 тыс. человек.

Второй район распространения фризского языка в ФРГ находится на северо-западе **Шлезвиг-Гольштинии**, к югу от датской границы. Он охватывает как часть материка, так и прилегающие острова, из которых самый крупный — Гельголанд. Диалекты этой местности (около 8 тыс. говорящих) объединяются под названием **северофризского**. Характерно, что в этой небольшой области различия между диалектами, особенно континентальными и островными, столь значительны, что это затрудняет общение.

В то время как количество говорящих на западнофризском понемногу увеличивается, число говорящих на других ветвях фризского неуклонно уменьшается. Еще несколько десятилетий назад в Затерланде по-фризски говорило около 3 тыс. человек, а на северофризском — более 30 тыс. На северофризском существовали печатные издания.

Помимо названных трех групп фризских диалектов, выделяют еще так называемый **«городской фризский»** — обнаруживающий значительное влияние нидерландского языка особый городской говор административного центра Фрисландии, называемого по-нидерландски Лееуварден (Leeuwarden), а по-фризски — Льюот (Ljouwert). Сходные говоры представлены и в некоторых других городах Фрисландии, правда, они меньше подверглись нидерландскому влиянию. На «городском фризском» говорит около 30 тыс. человек.

До сравнительно недавнего времени фризский язык фактически существовал лишь в форме устной речи, в форме языка «бытового общения».

Существенные перемены в положении фризского языка произошли после Второй мировой войны. Расширилась сфера его применения, значительно вырос объем печатной продукции на нем, в том числе стали публиковаться научные труды, ведутся регулярные передачи на фризском языке и т. д. Языком преподавания и сейчас остается нидерландский, но в части школ преподавание в 1–2-м классах ведется на фризском, а с 1980 г. он является обязательным предметом в школах.

Практически все фризы двуязычны, владея, наряду с фризским, нидерландским. Это естественно, поскольку государственным языком, как и языком образования и культуры, является нидерландский. Еще сравнительно недавно по-фризски говорили исключительно в домашнем кругу, с соседями и коллегами-фризами на работе. Существенно и то, что нидерландский язык, на протяжении веков бывший языком администрации, школы, науки, культуры, церкви и т. д., и к тому же государственным, более приспособлен к обслуживанию этих сфер, нежели фризский. Обозначения новых понятий веками попадали во фризский язык через нидерландский.

Фризские лингвисты сами отмечают, что фризу часто не хватает фризских слов из области государственной жизни, науки, техники, культуры, религии, спорта; при анкетировании 42% фризов выразили мнение, что фризский язык не может выполнять роль языка науки и техники.

Примечание. Характерно, что, по свидетельству фризских исследователей, нидерландский в устах фриза почти всегда имеет в большей или меньшей степени специфическую фризскую окраску. Конечно, есть исключения.

Степень владения и пользования фризским языком у жителей Фрисландии различна. Родным языком (т. е. первым усвоенным), включая диалекты, считают фризский 67% населения. Если устную фризскую речь, в общем, понимают все, то пользуются ею в домашнем обиходе 59%. Чем выше уровень образования, тем ниже процент говорящих дома по-фризски. С нидерландским языком дети начинают знакомиться еще в детском саду, и к 11 годам 98% жителей Фрисландии умеют говорить по-нидерландски.

Фризы используют родной язык в зависимости от степени официальности ситуации общения: чем она официальнее, тем больше используется нидерландский. Так, по-фризски говорят: в магазине — 71%, с врачом — 46%, с пастором — 44%, с судьей — 22%. При «неопределенности» ситуации, например при обращении к незнакомому на улице, по-нидерландски обращается 71%. Подавляющему числу фризов (82%) легче читать по-нидерландски. Читают обычно книги по-нидерландски 58%, на обоих языках — 40%, а только по-фризски — 2%. На работе никогда не имеют дела с фризскими текстами 79% фризов.

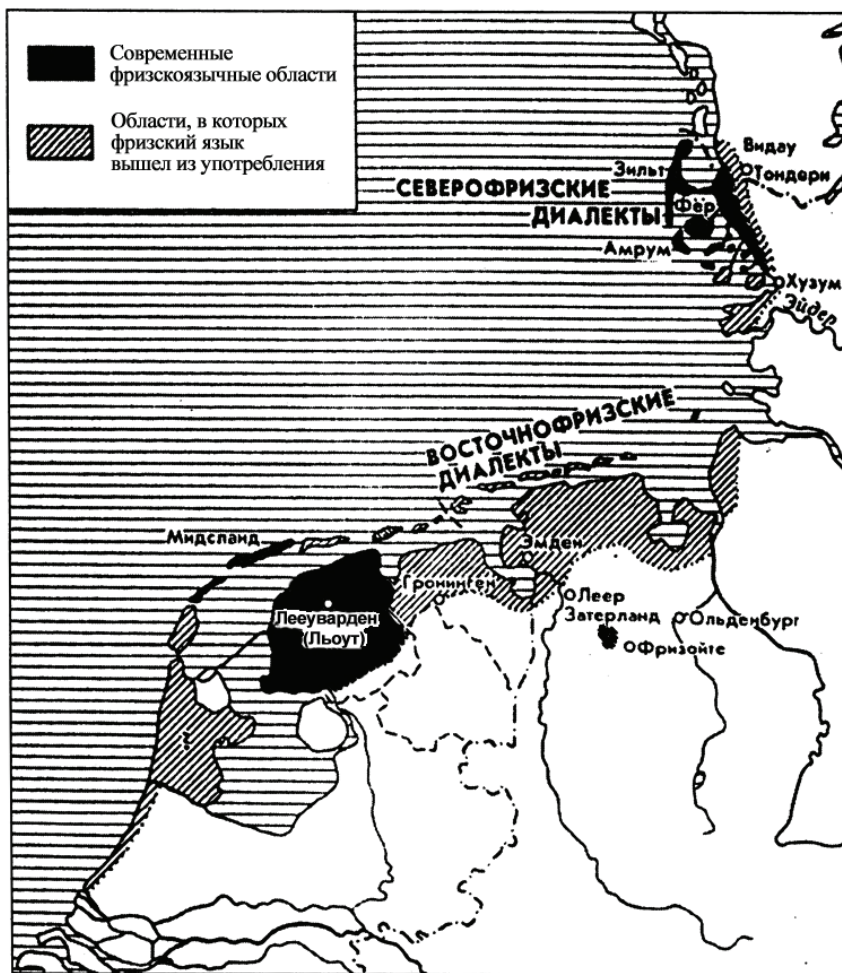
Значительно хуже умеют фризы писать на родном языке. 69% вообще не умеют писать по-фризски. Пишет «совершенно свободно» и «хорошо» всего 1% (!). Причины такого положения: во-первых, сфера применения письменного фризского весьма узка — 70% населения считают, что «им не нужно уметь писать по-фризски»; во-вторых, фризская орфография очень сложна и непоследовательна (см. ниже), и школьных часов недостаточно для овладения ею.

§ 56. История.

Ранее фризский язык был распространен на гораздо более обширной территории. Эта территория, по-видимому, тянулась широкой полосой по всему побережью Северного моря от залива Зейдерзее (теперь Эйселмеер) в Нидерландах до южной Дании. Таким образом, история фризского языка последнего полутысячелетия — это история сокращения области его распространения. Причина его состоит в том, что примерно к началу XVI в. Фрисландия утратила самостоятельность и фризский язык был вытеснен

из официальной сферы нидерландским. Укреплению позиций нидерландского языка способствовала и Реформация, сделавшая его языком церкви.

Таким образом, с XVI в. фризский язык существовал в основном как язык бытового общения. Тем не менее на нем создавалась литература, в которой особое место занимает творчество крупнейшего фризского поэта Гисберта Япикса (XVII в.). Подъем в литературном творчестве на фризском языке приходится на вторую половину XIX в.

Распространение фризского языка

В XIX в. возникает так называемое фризское движение, целью которого было укрепление позиций фризского языка и освоение культурного наследия. Реальные плоды этой деятельности сказались лишь в XX в.: в 1937 г. фризский язык вводится как факультативный предмет в двух старших классах, в 1938 г. основывается Фризская академия — центр изучения языка, литературы и культуры и т. д.

Историю фризского языка принято делить на два периода — древнефризский (примерно до 1550 г.) и новфризский. Некоторые исследователи выделяют также среднефризский период (1550–1800). Древнефризский период представлен рукописями преимущественно юридического характера. Важнейший памятник среднефризского периода — произведения Г. Япикса.

Древнефризский язык очень близок к древнеанглийскому в отношении как звукового состава, так и грамматики и лексики. Он характеризуется довольно богатой морфологией: например, у существительного были три грамматических рода и четыре падежа. Однако уже в этот период заметно упрощение морфологии: например, для всех лиц мн. числа глагола характерна единая форма.

§ 57. Фонетика.

Из особенностей фризской **фонетики** отметим три.

Первая — это **обилие полифтонгов**. Некоторые фонетисты выделяют до 26 дифтонгов и 6 трифтонгов. Фонологическая интерпретация их представляет немалые трудности.

Вторая особенность фризской фонетики — это **назализация** (носовая окраска) гласных и некоторых дифтонгов перед историческим (и орфографическим) **n** + ряд щелевых; при этом в некоторых позициях они удлиняются. Она обозначается в транскрипции надстрочной тильдой (~). Пример: jûns [jũ:s] ‘вечером’. Назализация возникает и на стыке слов в речи.

Третья черта (общая с английским) — **выпадение** исторического **r** в ряде позиций: bern [bɛ:n] ‘ребенок’, ferbiede [fɛbiədə] ‘запрещать’.

Фризская **орфография** очень сложна и непоследовательна, особенно в отношении гласных. Одна и та же буква или одно и то же сочетание букв могут читаться по-разному, и, наоборот, один и тот же звук может обозначаться разными способами, ср. droech [druχ] ‘сухой’ и skoech [sku:x] ‘ботинок’. Как уже говорилось, такая сложная орфография весьма трудна для самих фризов.

§ 58. Грамматика.

Фризская **морфология** довольно проста.

Существительное имеет два рода — общ. и ср. — и два падежа — общ. и род. Последний выступает в двух вариантах. Первый — «обычный» гер-

манский на -s, например: *Fryslâns wâden* ‘леса Фрисландии’, *Sipma’s spraakkeunst* ‘грамматика Сипмы’. Второй, специфически фризский, так называемый слабый, имеет окончание -e или нулевое, например: *memme soargen* ‘заботы матери’ (*mem* ‘мать’), *ûs rake riip* ‘трубка нашего дедушки’ (*rake* ‘дедушка’); он употребляется от небольшого числа существительных. Чаще же отношения притяжательности (в широком смысле) передаются либо конструкцией с предлогом *fan*, например *de spraakkeunst fan Sipma*, либо конструкцией с притяжательным местоимением: *Sipma syn spraakkeunst*, *Anneke har heit* ‘отец Аннеке’, где *syn* ‘свой’, *har* ‘её’.

При образовании мн. числа у ряда существительных имеют место различные орфографические и фонеморфологические изменения, например: *taal* ‘язык’ — *talen* ‘языки’, *doar* [doːər] ‘дверь’ — *doarren* [dɔ̄ərən] ‘двери’ (в последнем примере нисходящий дифтонг чередуется с восходящим).

Глаголы, естественно, делятся на сильные и слабые. В ед. числе окончания у них различные, во мн. числе (уже со времен древнефризского) — одинаковые.

У личных местоимений в некоторых позициях широко употребительны энклитические (особые безударные формы), ср. *Hu kin dwaan, wat er wol* ‘Он может делать, что хочет’, где формы *hu*, *er* ‘он’.

У указательных и вопросительных местоимений, управляемых предлогом, образуются особые формы, которые могут располагаться в предложении дистантно, ср. *Karel de Grute gjochte dêr in kustwacht tsjin op* ‘Карл Великий основал против них [букв. ‘этого’] береговую охрану’ (*tsjin dit* → *dêrtsjin* → *dêr... tsjin*).

Глагол в простом повествовательном предложении и вопросительном с вопросительным словом занимает второе место (общая черта всех современных германских языков, кроме английского). Причастие II и инфинитив занимают, как правило, последнее место: *De Fryske taal hat yn de provinsje Fryslân oant yn de I6e ieu sawol folkstaal as offisjele taal west* ‘Фризский язык был в провинции Фрисландия до XVI в. как народным, так и официальным языком’, где *hat west* ‘был’ (перфект).

Имеются глаголы с отделяемыми — всегда ударными — приставками, например *tanimme* ‘увеличиваться’ — *It nimt ta* ‘Оно увеличивается’. Ср., однако, в придаточном предложении: *...dat it tanimt* ‘...что оно увеличивается’.

Древнесаксонский язык

§ 59. Основные сведения.

Уже упоминалось (§ 9), что англы, юты, саксы в V–VI вв. переселились на Британские острова; при этом часть саксов осталась на континенте. Древнесаксонский — один из племенных диалектов западногерманского ареала.

В силу исторических причин саксы не образовали своего собственно-государства. Они покорились Франкскому государству Каролингов (Карл Великий вел войны с саксами в 772–804 гг.), и в середине IX в. было создано Саксонское герцогство, входившее в Немецкое королевство. Саксонский герцог Генрих I был в X в. избран немецким королем, а его сын Оттон I стал первым императором Священной Римской империи.

Область распространения древнесаксонского — территория между Рейном и Эльбой, Северным морем и Гарцем.

Из сравнительно немногочисленных памятников на древнесаксонском наиболее важные религиозные — анонимная поэма «Хэлианд» ‘спаситель’ (830) и поэма «Генезис».

Язык саксов получает название **нижненемецкого**. Самая характерная его черта — отсутствие второго передвижения согласных (§ 73). По своему строю он особенно близок к древнеанглийскому.

Обширна литература на нижненемецком XIII–XVI вв. Среди ряда произведений можно отметить свод законов «Саксонское зеркало». Самый знаменитый памятник — сатирический эпос о Лисе.

Расцвет Ганзейского союза укрепил позиции нижненемецкого. Очень сильным было влияние нижненемецкого на лексику скандинавских языков.

Упадок Ганзейского союза привел ко все более сильному экономическому и культурному влиянию верхненемецких областей. Нижненемецкий постепенно сдает свои позиции и переходит на положение диалекта в основном сельского населения и городских низов.

Как уже отмечалось немногим выше, наиболее характерная черта нижненемецкого — **отсутствие второго передвижения согласных**. Остальные черты носят более частный характер.

В 1919 г. были выработаны принципы единой орфографии для нижненемецкого, т. е. нижненемецкая наддиалектная норма, которая была окончательно закреплена в 1935 г. Она используется, в частности, в некоторых школьных учебниках, в богослужении и др. На нижненемецком регулярно ставятся спектакли, особенно любительские.

Нидерландский язык

§ 60. Особенности нидерландского языка и развившегося из него языка африкаанс.

1. **Фонемы /æ/, /y:/**, развившиеся соответственно из /u/, /u:/ (на письме этот переход не отразился): нид., афр. *nut* ‘польза’, ср. нем. *Nutzen*; нид., афр. *uur* ‘час’, ср. нем. *Uhr*.

2. **Долгие дифтонги**: нид., афр. *nooit* ‘никогда’.

3. Дифтонг **ou** (нид. [au]) < **al, ol** перед **d, t**: нид. *oud*, афр. *ou* ‘старый’, ср. англ. *old*, нем. *alt*; нид. *zout*, афр. *sout* ‘соль’, ср. англ. *salt*, нем. *Salz*.

4. Щелевой заднеязычный нид. [ʏ], афр. [x] < [g] (на письме эта спирантизация не отразилась): нид., афр. groot ‘большой’, ср. англ. great, нем. groß.

5. Сочетание [xt] (в африкаанс [-x] из-за отпадения конечного t) < [ft]: нид. lucht, афр. lug ‘воздух’, ср. нем. Luft.

6. Глухие смычные **не имеют постаспирации** (придыхания): нид. кое [ku:], афр. коеi [kui] ‘корова’, ср. англ. cow [k^hau], нем. Kuh [k^hu:].

7. Наличие **глаголов с отделяемыми приставками**: нид., афр. opstaan ‘вставать’ — нид. Hij staat vroeg op, афр. Ну staan vroeg op ‘Он рано встаёт’.

8. Возможность **дистантного расположения частей местоименного наречия**: нид. Daar weet ik niets van, афр. Daar weet ek niks van nie ‘Об этом я ничего не знаю’.

§ 61. Общие сведения.

Нидерландский язык (Nederlands) — государственный язык Нидерландов и, наряду с французским, один из двух государственных языков Бельгии. Он также является государственным языком Суринама, бывшей нидерландской колонии, и официальным языком Нидерландских Антильских островов. Всего на нем говорит около 22 млн. человек.

До недавнего времени нидерландский язык в России называли *голландским*. Название это и сейчас употребляется в разговорной речи.

В популярной литературе бельгийский вариант нидерландского языка часто выделяют в особый «фламандский» язык. Это неправомерно по нескольким причинам: 1) официальное название нидерландского языка в Бельгии то же, что и в Нидерландах, — Nederlands; 2) население в обеих странах считает, что, несмотря на некоторые различия, литературный язык у них единый; 3) в бельгийских школах изучается та же норма литературно-го языка, что и в Нидерландах.

§ 62. История.

Историческую основу нидерландского языка составили диалекты племен, населявших территорию нынешних Нидерландов и северной части Бельгии, прежде всего франков (древнезападнонижнефранкские диалекты).

Историю нидерландского языка делят на три периода: древне-, средне- и новонидерландский.

Связных текстов на **древнеидерландском** (до примерно 1100 г.), за исключением одного предложения, до нас не дошло. В нем уже осуществлялась часть изменений, названных выше (**al, ol** > **ou**, смычное **g** перешло в щелевое [ʏ]), и некоторые другие, но главная его черта — **отсутствие редукции** (в безударных слогах были возможны **a, i, o, u**).

Среднидерландский период длился примерно до середины XVI в. Он представлен множеством памятников, в частности сочинениями Хэндрика ван Вёлдеке (вторая половина XII в.), поэмой «О Ли́се Рэйнарде», дидактическими сочинениями Якоба ван Мэрланта, переводами рыцарских романов, религиозной литературой, хрониками, документами и т. д.

В этот период неоднократно менялась диалектная основа языковой нормы. До середины XIV в. в языковом отношении ведущей была **Фландрия** (города Брюгге, Гент и др.).

Примечание. Название *Фландрия* употребляется в двух смыслах: а) как обозначение средневекового графства, которому в наше время приблизительно соответствуют бельгийские провинции Западная и Восточная Фландрия; б) как обозначение всех нидерландскоязычных частей Бельгии. В литературе, посвященной Средним векам, название обычно используется в первом значении, в литературе о Новом времени — во втором. Прилагательное от *Фландрия* — *фламандский*. Житель Фландрии — *фламандец*.

Во второй половине XIV в. и особенно в XV в. гегемония в области экономики, политики и культуры переходит к **Бра́банту** (центры Брюссель, Антверпен). С XVI в. ведущую роль начинает играть **Голландия** (западная часть нынешних Нидерландов).

Эти обстоятельства определили неоднородный (гетерогенный) характер современной литературной нормы нидерландского языка, сочетающей в себе ряд черт названных регионов. Один элементарный пример: в современных словах *deel* ‘часть’ и *klein* ‘маленький’ разные гласные части, хотя они восходят к одному источнику (***ai**).

Важнейшее языковое изменение среднидерландского периода — **редукция** безударных окончаний, где стал возможным лишь звук *e* [э]. Для Брабанта и Голландии было также характерно отпадение конечного **-n**. Эти два обстоятельства привели к радикальной перестройке всей системы словоизменения. Постепенно разрушается падежная система, совпадает ряд форм, в частности устраняются различия между м. и ж. родом.

В этот период произошло еще несколько изменений; некоторые названы выше.

Первая печатная книга вышла в 1476 г.

Нидерландская буржуазная революция (1566–1579) определила дальнейшую судьбу региона.

Северные провинции, освободившись от власти Испании, объединились в единое государство (Республику Соединенных Провинций), и создавалась образцовая капиталистическая страна. XVII век вошел в ее историю как «золотой» (*de gouden eeuw*). В этой сильной морской державе с могучим флотом и обширными колониями расцвели наука, литература и искусство. Произведения Вондела, Хоофта, Брэдеро, Катса и др. способство-

вали тому, что на основе голландского диалекта (см. выше) и под сильным влиянием фламандско-брабантской литературной традиции сложилась основа наддиалектной нормы литературного языка.

Юг же (нынешняя Бельгия) остался под владычеством Испании (о судьбах нидерландского языка в Бельгии см. § 65).

С XVI в. заметна деятельность нормализаторов — грамматистов и лексикографов.

Новые орфографические правила, в основном действующие и по сей день, правда, с модификациями, были созданы в 1865 г. те Винкелом и де Фрисом. В 1891 г. их предложил упростить Коллевейн. Нынешняя орфография (те Винкел — де Фрис — Коллевейн) была принята в Нидерландах в 1947 г., в Бельгии — в 1946 г.

§ 63. Фонетика.

Ряд черт современной нидерландской **фонетики** был назван выше, но для полноты картины они будут упомянуты и здесь.

В составе гласных выделяются фонемы /œ/, /y:/, на письме обозначаемые соответственно как **u** и **uu** (в открытом слоге **u**), например: rust [rœst] ‘отдых’, vuur [vy:ɾ] ‘огонь’, duren [dy:rə(n)] ‘длиться’. Фонема /u:/ (всегда долгая!) обозначается диграфом (сочетанием двух букв) **oe**, ср. doel [du:l] ‘цель’.

Среди фонем-дифтонгов есть и краткие, например /ei/, и длинные, например /e:u/. Ср. ijs [eis] ‘лед’ и eeuw [e:u] ‘век’.

В речи многих нидерландцев (но не фламандцев!) в словах, начинающихся с гласного звука, слышен так называемый «сильный приступ» — мгновенное смыкание и размыкание голосовых связок.

Конечные звонкие согласные оглушаются: laag [la:x] ‘низкий’.

Долгих согласных нет (как и во всех западногерманских языках), нет и аффрикат.

Глухие смычные не аспирированы.

Звонкий заднеязычный звук [g] отсутствует, есть только щелевой заднеязычный /ɣ/, ср. graag [ɣra:x] ‘охотно’.

Конечное **-n** в разговорной речи обычно не произносится: spreken [spre:kə] ‘говорить’.

Частая последовательность фонем в начале слова — /sx/ (на письме **sch**), ср. schaats [sxa:ts] ‘конёк’.

Ударение, как правило, падает на первый слог, но есть много исключений, особенно в сложных, производных и собственных именах, ср. hoogléraar ‘профессор, преподаватель вуза’, arbéidzaam ‘трудолюбивый’, Amsterdám, Rotterdám, Bredá (названия городов) и др.

У нидерландской **орфографии** есть свои специфические особенности. Долгота гласного в открытом слоге специально не обозначается: spelen ‘играть’, horen ‘слушать’, в закрытом слоге она обозначается удвоением буквы: speel ‘играй’, hoor ‘послушай’. Краткость гласного в закрытом слоге не обозначается, а перед гласным в последующем слоге согласная буква удваивается: mus ‘воробей’ — müssen ‘воробьи’. Ср. пары: boom ‘дерево’ — boomen ‘деревья’, bom ‘бомба’ — bommen ‘бомбы’.

Характерным признаком нидерландского текста является обилие двойных букв типа **aa**, **ee**, **oo**, **uu**. Обе буквы диграфа **ij** [ei] в начале слова или собственного имени пишутся прописными: IJsel ‘Эйсел’.

§ 64. Грамматика.

Морфология нидерландского языка сравнительно проста.

Существительное имеет сейчас фактически два грамматических рода — общ. (в котором слились существовавшие ранее м. и ж.) и ср. Словари до сих пор по традиции различают три рода, но в разговорной речи в Нидерландах (о Фландрии см. § 65) различие между м. и ж. родом утрачено (артикль единый): независимо от того, к какому роду слово относилось ранее, существительные конкретные заменяются большей частью местоимением hij (м. р.), абстрактные — чаще местоимением zij (ж. р.).

Склонение существительных в разговорной речи утрачено. В книжном стиле возможно использование форм род. падежа существительных, исторически относившихся к ж. роду или употребленных во мн. числе, ср. de geschiedenis der Nederlandse taal ‘история нидерландского языка’, где der — форма род. падежа определенного артикля ж. рода — наряду с обычным de geschiedenis van de Nederlandse taal. Основной же способ выражения отношения существительного к другим словам — порядок слов и предлоги.

Глаголы есть, естественно, сильные и слабые. В ходе исторического развития у многих высокочастотных сильных глаголов первоначальные чередования сильно затемнены: gaan ‘идти’ — ging — gegaan, zien ‘видеть’ — zag — gezien, slaan ‘бить’ — sloeg — geslagen и др.

Особенность нидерландского языка — глаголы с отделяемыми (всегда ударными) приставками; это же характерно для фризского, африкаанс, немецкого и идиша. В презенсе и претерите в главном предложении приставки отрываются от глагола и помещаются в конец предложения: opstaan ‘вставать’ — Zij staat vroeg op ‘Она встает рано’; то же в императиве: Sta op! В придаточных предложениях, однако, приставка не отделяется: ...dat zij vroeg opstaat ‘...что она рано встает’.

Многие местоимения имеют ударные и безударные формы (последние приводятся после косой черты), например: ik/’k ‘я’, het/’t ‘оно’, wij/we ‘мы’ и др.

Языки в Нидерландах и Бельгии

Если местоимение 3-го лица, обозначающее не-лицо (например, boek ‘книга’), или местоимение 3-го лица ед. числа ср. рода (het) управляются предлогом, то оно заменяется на морфему er(-); предлог при этом, в зависимости от структуры предложения, может употребляться контактно (er-van) или дистантно (er... van). Ср. Waar is mijn krant? ‘Где моя газета?’ — Je zit erop ‘Ты на ней сидишь’; Ik denk er niet aan ‘Я об этом не думаю’; We spraken er gisteren over ‘Мы говорили об этом вчера’.

В простом повествовательном и в вопросительном предложении с вопросительным словом личная форма глагола занимает второе место: Ik heb hem gisteren gezien ‘Я видел его вчера’. Иначе в придаточном предложении: ...dat ik hem gisteren gezien heb ‘...что я видел его вчера’.

§ 65. Нидерландский язык в Бельгии.

Нидерландская буржуазная революция, как уже говорилось выше, потерпела поражение в южных районах (которые мы в этом параграфе будем называть *Фландрией*), и они оставались под властью Испании до 1713 г. Это имело роковые последствия для развития языка. Тогда как на севере (в Нидерландах) создаются предпосылки для создания единого национального языка, во Фландрии нидерландский вскоре низводится до языка устного общения слоев, стоящих на низшей ступени социальной лестницы. В сильной степени этому способствовало и вызванное жестокостями испанцев массовое бегство на север, в Нидерланды, весьма значительных масс интеллигенции и буржуазии. Среди южан в Нидерландах были, в частности, и такие крупные ученые, как Симон Стевин, введший в употребление десятичные дроби и отрицательные корни уравнений, и такие поэты, как Йост Вондел, по сей день считающийся гордостью нидерландской литературы. Обезлюдение деревень и городов на юге, застой в торговле и промышленности привели к упадку некогда цветущих областей. Норма литературного языка быстро утрачивается. Уже в XVII в. значительная часть высших слоев Фландрии была двуязычной, причем отдавала предпочтение французскому языку. Эти высшие слои и администрация были равнодушны к языку жившей в отсталости основной массы фламандского населения. Школ в деревне фактически не было, культурная связь с Нидерландами прервалась. Бедной Фландрии противостояла богатая *Валлония* — область, в которой говорили на французском языке.

Фландрия долго оставалась испанской, затем попеременно принадлежала Австрии, Франции, Нидерландам, и лишь в 1830 г. Бельгия появляется на карте Европы как самостоятельное государство. Единственным государственным языком был провозглашен французский.

Такое положение, естественно, вызвало сопротивление фламандцев, и вскоре после создания независимой Бельгии возникает «фламандское дви-

жение». Поначалу оно носило языковой характер, затем превратилось в движение защиты экономических и культурных прав фламандского населения.

Нидерландский язык был признан вторым государственным языком страны только в **1895 г.**

Подъем фламандской литературы начался лишь во второй половине XIX в. (после почти трехвекового перерыва в литературной традиции). Писателям приходилось создавать заново свою норму. Многие фламандские писатели той поры владели французским языком лучше, чем нидерландским. Их произведения нередко изобиловали галлицизмами — буквальными переводами с французского. Несмотря на лучшие намерения, писатели-фламандцы XIX в. часто нарушали нормы литературного языка.

Противопоставление «фламандец — валлон» долго было противопоставлением не только языковым, но и социальным, ибо Фландрия длительное время оставалась бедной аграрной областью. Характерно, что университет с преподаванием на нидерландском языке (в Генте) был открыт лишь в 1930 г. В общем, полного языкового равноправия в известной мере нет до сих пор: в детских садах по-нидерландски говорит более 60% детей, в университетах — около 40% студентов. Противоречия между фламандцами и валлонами (франкофонами) обусловлены также моментами экономическими и другими. Демократическая общественность Бельгии давно выступала за федерализацию страны.

По конституции **1994 г.** Бельгия стала **федеративным государством**. В ней три федеративных региона: фламандский, валлонский и двуязычный район Брюсселя. Бельгия включает в себя четыре языковые области: нидерландскую, французскую, двуязычную область столицы — Брюсселя и немецкую (около 100 тыс. человек на востоке страны). Официальный язык Фландрии — нидерландский, Валлонии — французский, в Брюсселе, населенном на 80% валлонами, введено полное двуязычие.

У фламандского (бельгийского) варианта нидерландского есть специфические черты.

Особенности произношения: начальные **v**, **z**, **g** звонкие (в Нидерландах полузвонкие или глухие); менее шумное **g**; полностью отсутствует сильный приступ и др. В области грамматики характерная черта — **последовательное разграничение трех грамматических родов** с помощью заменяющих существительное личных местоимений.

Для фламандского варианта типично частое неосознанное использование галлицизмов, особенно калек французских словосочетаний. С другой стороны, фламандцы — большие пуристы, чем нидерландцы, у них в литературном стиле встречаются такие замены иностранных слов, которые неупотребительны в Нидерландах.

Африкаанс

§ 66. Общие сведения.

Язык африкаанс (Afrikaans [afri'kã:s]) был в 1925 г. признан, наряду с английским, одним из государственных языков Южно-Африканской Республики (ЮАР). В настоящее время он один из ряда официальных языков ЮАР, в число которых, помимо двух названных, входят языки зулу, ко́са и др.

Африкаанс, наряду с английским, — один из государственных языков Намибии.

На нем говорит приблизительно 6 млн. человек. В ЮАР он распространен по всей территории республики, но всего более в северной части страны — в Оранжевой Республике и Трансваале.

§ 67. История.

Язык африкаанс (ранее называвшийся *бурским*) — самый «молодой» не только из всех германских, но из всех индоевропейских языков. Его колыбелью явилось поселение на мысе Доброй Надежды, которое было основано нидерландской Ост-Индской компанией в 1652 г.

С момента возникновения этой первоначально очень небольшой колонии население ее было весьма неоднородным по национальному составу. Основным элементом были голландцы (прежде всего выходцы из нидерландской провинции Южная Голландия), но было немало немцев, французов (особенно гугенотов, бежавших из Франции после отмены Нантского эдикта в 1685 г.), скандинавов, англичан и др.

Язык африкаанс формировался как средство общения этих этнически разнородных элементов, получивших впоследствии название *буров* (от нид. *boer* [bu:r] 'крестьянин'); сейчас употребляется слово *африканер* (*afrikaner*). Основу его составил южноголландский диалект нидерландского языка, а развитие шло по линии предельного упрощения морфологии. По мнению некоторых исследователей, основные черты языка африкаанс сложились еще в XVII в., по мнению других, этот процесс произошел позже. Вероятно, далее, что определенное влияние на язык африкаанс оказал креольский малайско-португальский язык, которым пользовались моряки, торговцы и рабы, ввезенные в XVII в. в Капскую колонию. Детали становления языка африкаанс неясны, поскольку письменные памятники той поры отсутствуют.

Язык этот использовался только в быту, а языком администрации, школы, церкви, культуры был нидерландский. Такое положение сохранялось и на протяжении XVIII–XIX вв. Бесспорно, однако, что основные черты языка африкаанс сложились задолго до «великого переселения» (*die grote trek*, 1836–1839) буров на север, за реки Оранжевая и Ваал, и основания в се-

редине 1850-х годов Оранжевого Свободного Государства и Трансвааля. Это переселение явилось реакцией буров на захват Англией Капской колонии в 1806 г.

Движение за официальное признание родного языка и превращение его в литературный возникло в последней трети XIX в. Характерно, что само название Afrikaans появилось лишь в 1875 г.; до этого употреблялись названия Kaaps-Hollands ‘капско-голландский’, Voeren-Hollands ‘бурско-голландский’ и Plat-Hollands ‘вульгарный голландский’. Борьба за утверждение языка африкаанс была направлена против английского (с 1822 г. официального языка Капской колонии), а также против литературного нидерландского. Первые оригинальные произведения на языке африкаанс появились после 1860 г.

Примечание. Любопытный штрих. Первая печатная книга на африкаанс — религиозное сочинение, изданное исламской малайской общиной (для нее африкаанс был родным языком) — была набрана арабским шрифтом и выпущена в 1856 г. Первая оригинальная книга на языке — изданная анонимно политическая брошюра Л. Х. Меранта — была опубликована в 1861 г.

Толчок к активизации издания литературы на африкаанс (так называемое «Второе языковое движение») дала англо-бурская война 1899–1902 гг. В 1914 г. вводится преподавание на языке африкаанс. В 1918 г. в университете Блумфонтейна открывается первая в стране кафедра языка африкаанс и литературы на нем. В 1925 г., как упоминалось, африкаанс становится вторым государственным языком ЮАР (тогда называвшейся Южно-Африканским Союзом).

§ 68. Фонетика.

В основном состав фонем языка африкаанс сходен с составом фонем нидерландского, хотя, конечно, есть некоторые расхождения (например, долгие открытые /ε:/ и /ɔ:/, на письме обозначаемые соответственно как **ê** и **ô**).

Как и в нидерландском, есть краткие и долгие дифтонги.

Важнейшая особенность языка африкаанс — **наличие назализованных** (носовых) **гласных**, образовавшихся из исторического сочетания «гласный + **n** + щелевой (особенно **s**)»: *ons* [ɔns] ‘мы; нас, нам’, *aangelaam* [ˈɑːxə-nɑ:m] ‘приятный’.

Глухие смычные неаспирированы (как в нидерландском).

В исконных словах фонема /x/ представлена в двух вариантах: [x] и [g], ср. *berg* [bɛrx] ‘гора’ — *berge* [berga] ‘горы’; правила распределения вариантов здесь описываться не будут.

При словоизменении и словообразовании характерен ряд чередований. Для краткости будут приведены лишь примеры их типов:

- 1) *graaf* ‘яма’ — *grawe* (мн. ч.);
- 2) *oog* [-x] ‘глаз’ — *oë* (мн. ч.); о значении знака (¨) см. ниже;
- 3) *tyd* [tɛit] ‘время’ — *tye* (мн. ч.);
- 4) *nag* [nax] ‘ночь’ — *nagte* (мн. ч.); *produk* ‘продукт’ — *produkte* (мн. ч.); *deug* ‘добродетель’ — *deugde* (мн. ч.).

Примечание. В сущности, у слов типа *plig* ‘долг’ — *pligte* (мн. ч.) показателем ед. числа является (кроме грамматического контекста) так называемая вычитательная морфема (это значит, что исходная форма лишена некоторого конечного элемента). Характерно, что у некоторых существительных на -s, не имеющих этимологического /t/, по аналогии возникли параллельные нелитературные формы мн. числа на -te: *klas* ‘класс’ — *klasse* и *klaste*, *bos* ‘лес’ — *bosse* и *boste*.

Правила орфографии в основном совпадают с нидерландскими (§ 63), ср. *boom* ‘дерево’ — *bome* ‘деревья’, *groot* [x-] ‘большой’ — *groter* ‘больше’.

Буквы **g**, **v** обозначают глухие — соответственно [x] и [f]. Буква **f** используется только в заимствованиях.

Широко используются диакритические (надстрочные) знаки трема́ (¨) и циркумфлекс (ˆ).

Трема над **e** указывает на то, что эта буква в данном случае произносится как самостоятельный звук (т. е. не является элементом диграфов **ee**, **oe**, **ie**, ср. *geën* [ge:ən] ‘дождь’, *voël* [fö:əl] ‘птица’, *patiënt* ‘пациент’; ср. также *idee* ‘идея’ — *ideë* (мн. ч.).

Циркумфлекс обозначает открытость гласного; о буквах с циркумфлексом (**ê**, **ô**) см. выше в этом параграфе.

Встречается обозначение одной звуковой единицы разными способами (*eis* ‘требовать’ и *us* ‘лед’, *kruid* ‘трава, растение’ и *kruit* ‘порох’).

Неопределенный артикль ’n в начале предложения и в заголовках пишется строчной буквой, а следующее за ним существительное или прилагательное — с прописной: ’n *Goeie boek is die beste vriend* ‘Хорошая книга — лучший друг’.

§ 69. Грамматика.

Африкаанс — самый аналитический не только среди германских, но и среди всех индоевропейских языков. Его **морфология** отличается значительно меньшим количеством грамматических категорий и грамем (членов грамматических категорий), нежели морфология других германских языков.

Существительное обладает только категориями числа и определенности/неопределенности, т. е. отсутствуют категории грамматического рода и падежа. Отношения между существительным и другими словами в предложении выражаются порядком слов и предлогами. Особенности:

1) прямое и косвенное дополнение, выраженное одушевленным существительным, предворяется обычно предлогом *vir*: *Ons wil graag vir hom help* ‘Мы хотели бы помочь ему’; *Moenie vir die kind slaan nie* ‘Не бей ребенка’ (о двойном отрицании см. ниже). Впрочем, часто этот предлог факкультативен: *Ek het (vir) Klaas gesien* ‘Я видел Клааса’;

2) неопределенный артикль: ’n, определенный (для обоих чисел): *die*;

3) у указательных и вопросительных местоимений, управляемых предлогом, образуются особые формы, которые могут располагаться в предложении дистантно, ср. *Daar weet ek niks van nie* ‘Об этом я ничего не знаю’ (**van dit* → *daarvan* → *daar... van*).

Глагол отличается морфологической простотой. Все формы образуются либо одной основой (инфинитив = презенс = императив), либо вспомогательным глаголом и инфинитивом или причастием II. Отсутствует изменение по лицам и числам. Все глаголы слабые, таким образом африкаанс — единственный из германских языков, утративший сильное спряже-

ние глагола (за исключением нескольких изолированных форм типа was ‘был’, wou ‘хотел’ и некоторых других). По этой причине все глагольные парадигмы одинаковы. Ср. Ek het gemerk ‘Я заметил’ (нид. Ik heb gemerkt, где merken — слабый глагол) и Ek het gegryp ‘Я схватил’ (нид. Ik heb gegrepen, где gryp — сильный глагол).

Несмотря на столь радикальное упрощение морфологии, в африкаанс есть отделяемые ударные приставки: terugkeer ‘возвращаться’ — Ons keer terug ‘Мы возвращаемся’, Ons het teruggekeer ‘Мы возвратились’ — ...om terug te keer ‘...чтобы возвратиться’ и т. д.

Основных времен три — презент, перфект и футурум I. Таким образом, претерита (кроме нескольких глаголов) нет, как нет и плюсквамперфекта и футурума II.

Простоту глагольной парадигмы можно проиллюстрировать следующим примером (вместо местоимения ek может быть без изменения глагольной формы употреблено любое другое личное местоимение):

- наст. вр.: ek skryf ‘я пишу’;
- перфект: ek het geskryf ‘я (на)писал’;
- футурум I: ek sal skryf ‘я буду писать’.

Некоторые частности здесь опущены.

Характерной чертой текстов на африкаанс (художественная литература, пресса) является использование **презенса как основного времени повествования**, т. е. в случаях, когда другие германские языки используют претерит. Такое употребление принято называть «историческим презентом» (ср. рус. *Иду я вчера по Невскому и вдруг вижу...*). Однако исторический презент — это стилистический прием, используемый для оживления повествования (события как бы разворачиваются на глазах у читателя), здесь же, в африкаанс, презент в таком употреблении скорее следует назвать «повествовательным временем».

Естественно, что при такой системе грамматических времен важная роль принадлежит временным индикаторам типа toe ‘тогда’, reeds ‘уже’, nou ‘сейчас’ и пр.

В области **синтаксиса** отметим следующие черты.

Для языка африкаанс специфичен весьма жесткий порядок слов.

В простом повествовательном и в вопросительном предложении с вопросительным словом **личная форма** глагола занимает **второе место**: Drie uur duur die vervolging ‘Три часа длится преследование’, Wat sê sy? ‘Что она говорит?’

Для придаточных предложений характерна **рамка** «подлежащее на первом месте — сказуемое на последнем месте»: Ons weet dat sy vroeg-vroeg opstaan ‘Мы знаем, что она встает очень рано’ (о формах типа vroeg-vroeg см. ниже); ...dat hy sy huis verkoop het ‘...что он продал свой дом’.

Специфическая черта языка африкаанс — **двойное** (а иногда и многократное) **отрицание**. Как правило, второе отрицание (**nie**) стоит в конце предложения: Ek kan nie kom nie ‘Я не могу прийти’; Hy kan geen kritiek verdra nie ‘Он не терпит никакой критики’; Moenie jou pêrels vir die swyne werp nie ‘Не мечи бисера перед свиньями’; Alles is nie goud wat blink nie ‘Не все то золото, что блестит’. В целом правила отрицания в африкаанс довольно сложны.

Характерны **удвоения**. Наречные удвоения имеют значение усиления: vroeë-vroeë ‘очень рано’, ср. рус. *рано-рано*. Удвоенные существительные, глаголы и числительные имеют различные обстоятельственные значения: plek-plek ‘местами’, hy loop sing-sing ‘он бежит напевая’, twee-twee ‘по двое’.

§ 70. Лексика.

Лексика языка африкаанс состоит почти исключительно из слов нидерландского происхождения.

Естественно, есть некоторое количество заимствований из языков Африки для обозначения местных реалий: kwagga ‘квагга (вид зебры)’, impi ‘(ист.) зулусское войско’ и т. п.

Из креольского малайско-португальского языка в африкаанс вошел ряд употребительных слов: baie ‘очень; много’, nōi (nooi) ‘хозяйка; девушка’, plesang ‘банан’ и др.

Несмотря на почти двухвековой контакт с английским языком, заимствований из него в африкаанс примерно раз в 20 меньше, чем в нидерландский. Это — результат сознательной изоляции языка от английского, активной борьбы против его влияния, реакции на главенствующую роль (особенно ранее) английского языка, ср. rolprent ‘фильм’ (нид., англ. film), lugwaardin ‘стюардесса’ (нид., англ. stewardess, airhostess), mengelsopie ‘коктейль’ (нид., англ. cocktail) и т. д.

Интересны случаи сдвига значения нидерландских слов в африкаанс типа lemoen ‘апельсин’ (нид. limoen ‘лимон’), plaas ‘ферма’, реже ‘место’ (нид. plaats ‘место’) и т. п.

Немецкий язык

§ 71. Особенности немецкого языка (и развившегося из его диалектов идиша).

1. Широкое распространение и морфологизация **умлаута**: нем. Buch ‘книга’ — Bücher (мн. ч.), ид. bux — bixer (то же).

2. Так называемое (немецкое) **преломление** — переход **e > i** во 2-м и 3-м лице ед. числа наст. времени и императиве сильных глаголов и некоторых словообразовательных типах: geben ‘давать’ — gibt ‘дает’, gib ‘дай’,

Berg ‘гора’ — Gebirge ‘горы (собр.)’ (в идише только один случай: gebn — основа наст. времени gib-).

3. **«Сильный приступ»** (§ 74) перед начальным гласным корня и префикса (в идише в части диалектов): oder [’o:dəŋ] ‘или’.

4. **Второе передвижение согласных** (§ 73): англ. two, нид. twee ‘два’ — нем. zwei, нид. paard ‘лошадь’ — нем. Pferd, англ. make ‘делать’ — нем. machen, англ., нид. water ‘вода’ — нем. Wasser. Аффриката **pf** из всех германских языков есть только в немецком.

5. **Звонкость начального [s-]**, т. е. [z-]: англ. sit ‘сидеть’ — нем. sitzen [z-], ид. zitzen.

6. **Начальные сочетания [sp-], [st-]** (из соответственно **sp-**, **st-**): нид., фриз. spraak ‘язык’ — нем. Sprache, англ. stone, нид. steen ‘камень’ — нем. Stein, ид. stein.

7. **Начальное [ʃ]** (> **sk**): нид. schoen [sx-], фриз. skoech ‘ботинок’ — нем. Schuh, ид. ſux. То же в английском: shoe [ʃ-].

8. **Сохранение** во многих формах **конечного n**: англ. eat, фриз. ite, нид. eten [-n)], шв. äta — нем. essen, ид. esn.

9. **Оглушение конца морфемы** (только в немецком): Wald [-t] ‘лес’, abbauen [-pb-] ‘демонтировать, разбирать’.

10. **Богатая морфология**: четыре падежа у существительного и прилагательного, спряжение глагола по лицам и числам и пр. (в идише морфология несколько беднее).

11. **Обилие рамочных конструкций** (§ 75; только в немецком).

§ 72. Общие сведения.

Немецкий язык (Deutsch [dɔɐ̯tʃ]) — второй среди германских языков по количеству говорящих. В настоящее время он является родным для примерно 110 млн. человек.

Немецкий — государственный язык Федеративной Республики Германия, Австрии, Лихтенштейна, а также один из государственных языков Швейцарии и Люксембурга. Значительные группы немецкоязычного населения проживают в США, Бразилии, Франции, России, Казахстане и других странах.

§ 73. История.

Историческую основу немецкого языка составляют родственные диалекты германских племен (франкский, алеманский, баварский). Древнейшие источники восходят к VIII в.

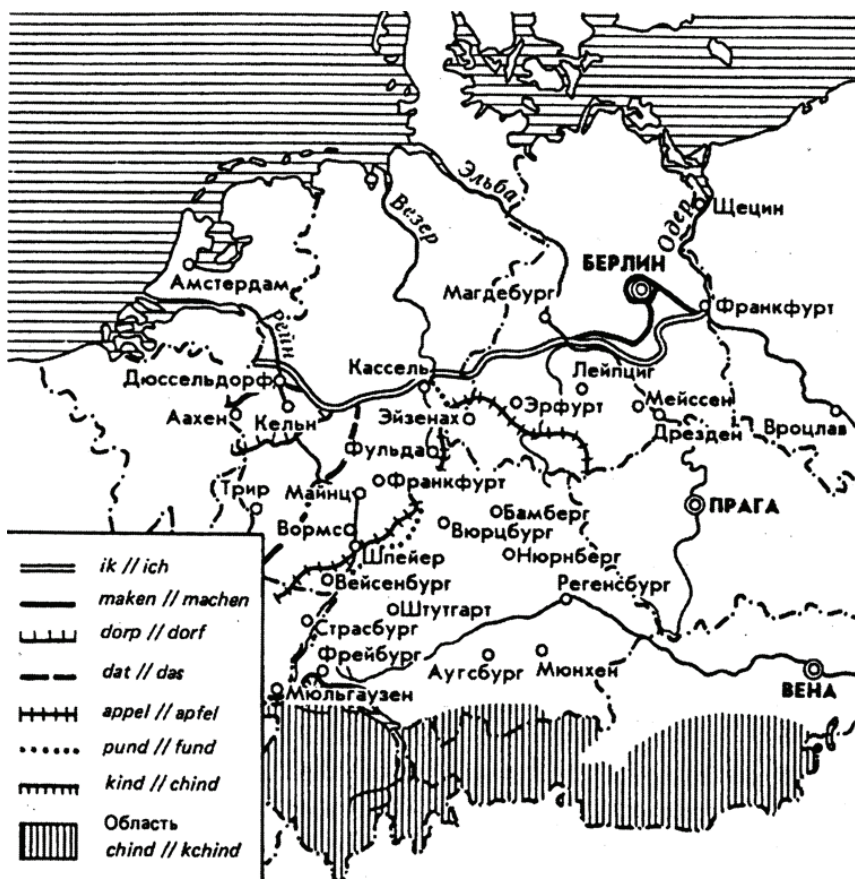
В истории немецкого языка выделяют следующие периоды: древневерхненемецкий, средневерхненемецкий, ранненоверхненемецкий и нововерхненемецкий. О значении термина *верхненемецкий* см. § 77.

I. **Древневерхненемецкий** (VIII–XI вв.) характеризуется следующими основными признаками:

1. В нем осуществился начавшийся еще ранее на юге региона процесс так называемого **второго (верхненемецкого) передвижения**, или перебоя, **согласных**. Процесс этот состоял в следующем.

а. **Глухие смычные (p, t, k) в начале слова, после согласных или в позиции геминации (удвоения) перешли в аффрикаты:**

- **p > pf**, ср. лат. *pipere* 'перец' — др.-в.-нем. *pheffar* [pf-], нем. *Pfeffer*;
- **t > z** [ts-], ср. гот. *twai* 'два' — др.-в.-нем., нем. *zwei*.

Границы распространения второго передвижения согласных

По мере распространения на север передвижение ослабевало. Так, переход **k > kx** осуществился только в южной Германии: ср. гот. *kairn* ‘черно’ — др.-в.-нем. *chorn* [kx-], нем. *Korn*.

б. Глухие смычные (p, t, k) после гласных перешли в глухие щелевые:

- **p > f**, ср. гот. *slēpan* ‘спать’ — др.-в.-нем. *slāfan*, нем. *schlafen*;
- **t > s**, ср. гот. *wato* ‘вода’ — др.-в.-нем. *wazzar* [-s:-], нем. *Wasser*;
- **k > x, ç**, ср. гот. *brikan* ‘ломать’ — др.-в.-нем. *brehhan*, нем. *brechen*.

в. Звонкий смычный d перешел в глухой смычный t: гот. *dags* ‘день’ — др.-в.-нем. *tag*, нем. *Tag*.

Северная граница распространения второго передвижения согласных проходит в настоящее время примерно по линии Дюссельдорф — Магдебург — Франкфурт-на-Одере. Она называется **линией Бэнрата** и является условной границей между верхненемецкой и нижненемецкой областью.

2. В древневерхненемецком **не было редукции** безударных гласных, поэтому, в частности, в окончаниях были возможны самые разнообразные — краткие и долгие — гласные, ср. *erda* ‘земля’, *sunu* ‘сын’, *hōhiro* ‘выше’, *habên* ‘иметь’ и т. п. К концу периода, однако, начинается процесс редукции.

3. Начинается процесс **умлаута** (перегласовки): *gast* ‘гость’ — *gesti* (мн. ч.).

II. **Средневерхненемецкий** (сер. XI в. — сер. XIV в.) характеризуется двумя важнейшими чертами, имевшими следствием значительные изменения в структуре языка, — редукцией безударных гласных и развитием умлаута.

1. **Редукция безударных гласных**, в результате которой все гласные окончаний превратились в [ə] (на письме *e*), а иногда и вовсе отпали, привела к нивелировке многих элементов парадигм, к ликвидации словоизменения по основам.

2. **Завершение процесса умлаута** привело к возникновению новых фонем: редукция безударных гласных вызвала превращение вариантов фонем гласных корня в самостоятельные фонемы, т. е. фонематизацию комбинаторных вариантов, см. пример в § 15.

III. **Ранневерхненемецкий** (сер. XIV в. — сер. XVII в.) — эпоха формирования единого национального немецкого языка. Основную роль в этом сложном процессе сыграла группа диалектов, объединяемая под названием восточносредненемецкого, на основе которых впоследствии сложилась норма национального языка. Особо авторитетным был язык канцелярии курфюрста Саксонского. Важную роль в становлении и распространении нормы сыграло книгопечатание (около 1440 г.) и, особенно, Реформация и деятельность Мартина Лютера (1483–1546), перевод Библии

которого получил широчайшее распространение, равно как и его катехизис, псалмы и др. Лютера по праву считают создателем современной немецкой прозы.

В этот период произошли важнейшие изменения, характерные для современного немецкого языка:

1) **количественный сдвиг** — удлинение кратких гласных в открытом слоге и перед одним (т. е. исторически кратким) согласным и сокращение долгих гласных перед группой согласных: ср.-в.-нем. sagen [sagən] ‘говорить’ — sagen [za:gən], ср.-в.-нем. brächte [bra:xtə] ‘принес’ — brachte [braxtə];

2) **дифтонгизация** долгих закрытых гласных $\hat{i} > ei$ [ae], $\hat{u} > au$ [ao], iu [y:] $> eu$, \hat{au} [œ]: ср.-в.-нем. wîp ‘женщина’ — Weib, ср.-в.-нем. hûs ‘дом’ — Haus, ср.-в.-нем. hiute ‘сегодня’ — heute;

3) **монофтонгизация** узких дифтонгов $ie > ie$ [i:], $uo > u:$, $üe > ü:$, ср. ср.-в.-нем. lîep ‘милый’ — lieb, ср.-в.-нем. kluoc ‘умный’ — klug, ср.-в.-нем. grûen ‘зеленый’ — grün.

Имел место также ряд других процессов.

§ 74. Фонетика и орфография.

Наиболее характерные черты немецкого звукового строя:

1) **«сильный приступ»**, или гортанная смычка (нем. fester Einsatz, Knacklaut). Он представляет собой мгновенное смыкание и размыкание голосовых связок — звук, который слышится, например, в начале второго слога разговорной русской частицы *не-а*. Артикуляционно сильный приступ сходен с датским толчком (§ 95), но в отличие от последнего всегда бывает перед начальным гласным корневой морфемы или префикса. Обозначается фонетическим знаком апострофа ('). Ср. Eiche [ˈaeçə] ‘дуб’, überall [ˈy̯bɐˈʔal] ‘везде’, Unordnung [ˈʊnˈʔɔrdnʊŋ] ‘беспорядок’. Часто иллюстрируется примером, в котором каждое слово имеет сильный приступ: Aber Anna erschien erst am Abend ‘Но Анна появилась только вечером’. Исключений немного;

2) **оглушение концов морфем** (т. е. не только слов!): Tag [ta:k] ‘день’ — täglich [te:kliç] ‘ежедневный’. Характерно, что при этом отсутствует регрессивная ассимиляция по звонкости даже сходно артикулируемых фонем: aussehen [ˈaʊszeːən] ‘выглядеть’.

3) **наличие аффрикат** [pf], [ts], [tʃ]. Первая из них встречается в языках довольно редко; как упоминалось выше, ее нет ни в одном другом германском языке.

Некоторые другие особенности:

- очень частотен звук [ə];
- у дифтонгов [ae], [ao], [œ] второй компонент более открытый, чем у часто встречающихся в других языках их соответствий [ai], [au], [ɔi];

- фонема /x/ представляет собой увулярный (!) глухой щелевой;
- хотя норма рекомендует переднеязычное [ɣ], увулярная артикуляция, т. е. [ʁ], [ɣ], преобладает.

Орфография. Теперь используется практически только обычный латинский алфавит (антиква). Добавочные буквы — **ä, ö, ü, ß** (по самым последним орфографическим правилам вместо последней пишется **ss**).

До начала XX в. широко использовался готический шрифт, ср. Dach ‘крыша’ — *Dach*), Meinung ‘мнение’ — *Meinung*.

Главная особенность немецкой орфографии (это было видно в многочисленных примерах выше) — существительные пишутся с прописной буквы.

§ 75. Грамматика.

Немецкая **морфология** представляет собой в известной мере парадоксальное явление: хотя фонетический инвентарь словоизменительных показателей в языке скуден ([ə], [n], [s], [t], [r], [m]), по сложности немецкая морфология уступает среди всех германских языков лишь исландской.

Существительное имеет три грамматических рода и четыре падежа. Характерно множество парадигм.

Прилагательное имеет краткую (неизменяемую) форму и полную, которая изменяется по трем склонениям — сильному, слабому и смешанному.

Глаголы делятся на сильные и слабые. Есть также разного рода нерегулярные глаголы.

Глагол изменяется по лицам и числам. Естественно, есть все времена, свойственные большинству германских языков. Сосл. наклонение (конъюнктив) имеет полную парадигму, состоящую как из синтетических, так и из аналитических форм. Ср.: ...daß er zu Hause ist ‘...что он дома’ (изъяв. накл., или индикатив) — ...daß er zu Hause sei ‘...что он (якобы) дома’ (сосл. накл., или конъюнктив).

Особенность немецкого языка (как и фризского, нидерландского, африкаанс и идиша) — наличие глаголов с отделяемыми (всегда ударными) приставками. В презенсе и претерите в главном предложении приставки отрываются от глагола и помещаются в конец предложения. Ср. aufstehen ‘вставать’ — Sie steht jeden Morgen sehr früh auf ‘Она встает каждое утро очень рано’. То же в императиве: Steh auf! ‘Вставай!’ Ср. далее aufgestanden (причастие II) и ...um aufzustehen ‘...чтобы встать’.

Некоторые особенности **синтаксиса**.

Для немецкого языка характерны различные рамочные конструкции. Одна из них («личная форма глагола... отделяемая приставка») была только что описана.

В простом повествовательном и в вопросительном предложении с вопросительным словом **личная форма** глагола занимает **второе место**;

именные глагольные формы занимают, как правило, последнее место: *Ich bin in dieser Gegend noch nie gewesen* 'Я в этой местности еще никогда не бывал'.

Книжный характер носит рамочная конструкция «артикль/местоимение и др. ... существительное». Ее срединная часть может заполняться значительным количеством элементов, ср. *ein von uns mit sehr großer Sorgfalt ausgearbeiteter Plan* 'план, разработанный нами с очень большой тщательностью' (выделены артикль и существительное).

Для придаточного предложения (кроме бессоюзного условного) характерна рамка «подлежащее... сказуемое»; у последнего финитная форма следует за именной: *Es ist schneller gegangen, als wir es uns gedacht hatten* 'Это произошло быстрее, чем мы думали'.

§ 76. Лексика.

Как и в других германских языках, в немецком много заимствований из латыни разных периодов, греческого, французского, итальянского и т. д.

Словосложение развито в немецком особенно сильно: оно часто выполняет функции синтаксического основосложения. Иначе говоря, сложные слова разной структуры могут обозначать «разовые комбинации понятий».

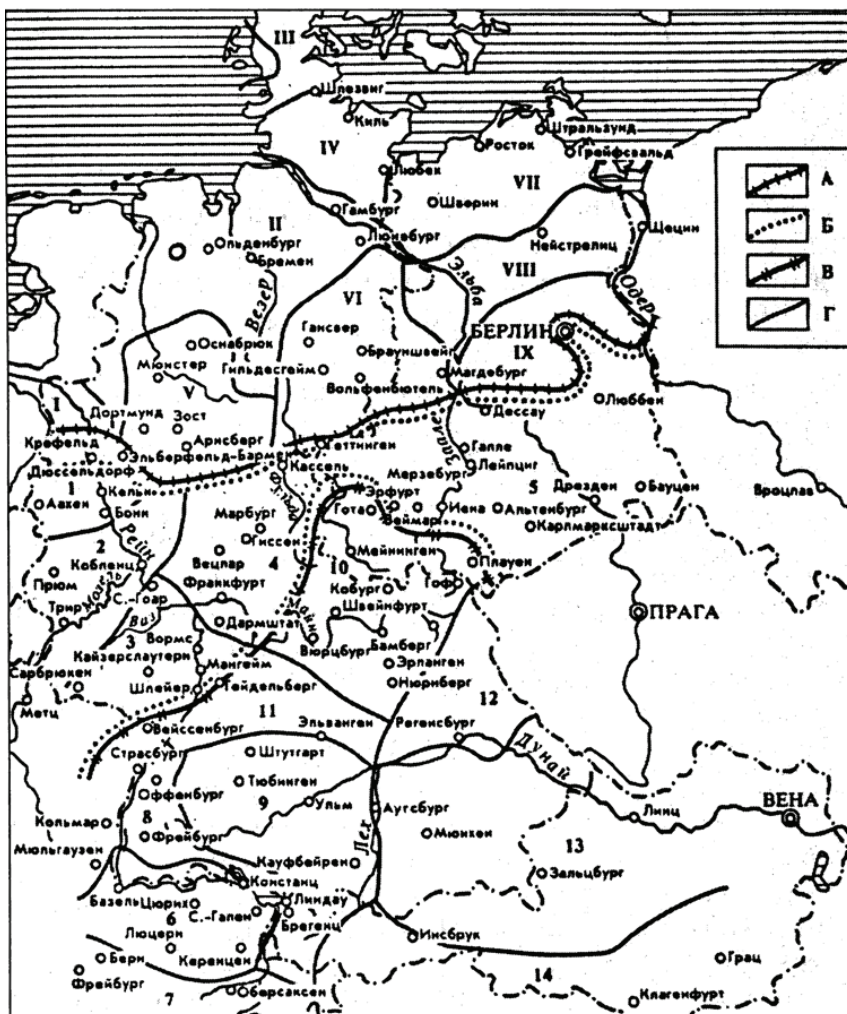
§ 77. Диалекты.

В силу многовековой феодальной раздробленности Германии, сохранявшейся в значительной мере вплоть до последней трети XIX в., немецкие диалекты обнаруживают, с одной стороны, крайнюю пестроту, с другой — порою кардинальные расхождения. Носителям многих диалектов может быть совершенно непонятна речь на других диалектах.

Как уже говорилось выше, немецкие диалекты делятся на две основные группы — **верхненемецкие** (приблизительно южные две трети страны) и **нижненемецкие** (северная треть). Критерием этого разделения служит второе передвижение согласных (§ 73): оно является характерной чертой верхненемецких диалектов и отсутствует в нижненемецких диалектах. Уже сообщалось, что северной границей распространения второго передвижения согласных является так называемая линия Бёнрата, пролегающая примерно по линии Дюссельдорф — Магдебург — Франкфурт-на-Одере.

Верхненемецкие диалекты подразделяют на средненемецкую и южнонемецкую группы.

Для нижненемецких диалектов, помимо отсутствия второго передвижения согласных, характерен ряд других признаков, прежде всего отсутствие дифтонгизации в ряде случаев, ср. н.-нем. *Lüüd* (литер. *Leute*) 'люди', *Huus* (литер. *Haus*) 'дом' и т. д.

Немецкие диалекты

Нижне немецкие: I — нижнефранкский; II — северо-саксонский; III — шлезвигский; IV — голштинский; V — вестфальский; VI — остфальский; VII — мекленбургский; VIII — северо-бранденбургский; IX — южно-бранденбургский.

Средне немецкие: 1 — рипуарский; 2 — мозельский (1–2 — среднефранкские); 3 — пфальцский; 4 — гессенский (3–4 — рейнско-франкские); 5 — восточно-средне немецкий.

Южно-немецкие: 6 — верхнеалеманский (швейцарский); 7 — горноалеманский (южно-швейцарский); 8 — нижнеалеманский; 9 — швабский; 10 — восточно-франкский; 11 — южно-франкский; 12 — северо-баварский; 13 — среднебаварский и среднеавстрийский; 14 — южно-баварский (южно-австрийский).

В Средние века Ганза — союз северонемецких городов — играла большую роль в Северной Европе, и нижненемецкий оказал сильное влияние на лексику языков Скандинавии.

На немецких диалектах создана значительная литература. Особо следует отметить Иоганна Петера Хебеля (1760–1826), писавшего на алеманском диалекте (юг Германии), и Фрица Ройтера (1810–1874), создававшего свои произведения на нижненемецком (мекленбургском) диалекте.

В настоящее время идет процесс постепенной утраты диалектами некоторых наиболее характерных признаков, т. е. образование «полудиалектов», вытесняющих местные диалекты старого типа.

§ 78. Немецкий язык в Австрии.

Говоря о немецком языке в Австрии, следует различать два вопроса: особенности литературного немецкого языка в Австрии и немецкие диалекты в Австрии.

Австрийский вариант немецкого литературного языка отличается, прежде всего, некоторыми особенностями произношения. Отметим лишь некоторые черты, наиболее хорошо слышимые в речи австрийцев. Это — прежде всего переднеязычная артикуляция **r** (как упоминалось, в Германии преобладает увулярное **r**). Очень распространенный формант **-ig** (в словах типа *zwanzig* ‘20’, *vierzig* ‘40’ и т. п.), произносимый в германском литературном варианте как [-iç], звучит в Австрии как [-ik], [-ig]. Специфически артикулируются некоторые дифтонги.

Естественно, имеется ряд различий в лексике.

На деталях немецких диалектов в Австрии здесь нет ни возможности, ни необходимости останавливаться. Отметим лишь, что в этой небольшой стране они обнаруживают значительные расхождения, препятствующие общению.

§ 79. Немецкий язык в Швейцарии.

На немецком языке в Швейцарии говорит около двух третей населения страны. Он представлен в двух видах: в форме местных диалектов и в форме литературного немецкого языка.

По отношению к первой форме используется термин **Schwyzertüütsch** [ʃvi:certy:tʃ], литер. **Schweizerdeutsch** ‘швейцарско-немецкий’. Употребляются и другие варианты, отражающие иное диалектное произношение: *Schwyzerdüütsch*, *Schwyzerdyttsch* и др.

Исследователи единодушно подчеркивают, что **единого швейцарско-немецкого языка нет**, т. е. что название *Schwyzertüütsch* обозначает совокупность достаточно большого количества диалектов, порою значительно отличающихся друг от друга. Отдельные диалекты (например, Валлиса)

плохо понятны говорящим на главных диалектах страны (прежде всего на цюрихском, базельском и бернском). Следует, однако, отметить, что в последнее время понимание разных диалектов стало лучше благодаря СМИ, тому, что люди нередко работают в другом диалектном районе, и т. п.

Швейцарско-немецкий используется в устном общении независимо от социальной принадлежности говорящих. Он звучит также на радио и телевидении, используется на начальном этапе обучения в школах, в богослужении и т. д. На нем имеется богатая литература. Хотя наметились тенденции к сглаживанию некоторых диалектных особенностей (в лексике и синтаксисе), единого наддиалектного варианта нет.

Швейцарско-немецкие диалекты отличаются рядом фонетических черт, перечисление которых здесь невозможно. Приведем лишь несколько примеров, иллюстрирующих различные их особенности (в скобках дается соответствие в литературном немецком): *tüür* (*teuer*) ‘дорогой’, *Bueb* (*Bube*) ‘мальчик’, *bache* (*backen*) ‘печь’, *choo* (*kommen*) ‘приходить’, *Gascht* — *Gescht* (*Gast* — *Gäste*) ‘гость — гости’, *der alt Maa* (*der alte Mann*) ‘старый человек’.

У существительного три падежа: им., дат., вин.; род. падеж сохраняется только в устойчивых сочетаниях, его функции выполняются предложной или местоименной конструкцией.

Как и в других южнонемецких диалектах, перфект вытеснил претерит: например, литературному немецкому *Ich fand* ‘Я нашел’ (претерит) соответствует швейц.-нем. *I han gfunde* (литературный перфект — *Ich habe gefunden*).

Фонетические особенности **литературного немецкого языка в Швейцарии**, в общем, касаются не очень существенных деталей.

Естественно, в литературном немецком языке в Швейцарии немало лексических и семантических гельвицизмов (лексем, не имеющих этимологического соответствия в немецкой норме; от *Helvetia*, латинского названия Швейцарии), например *Ätti* (*Vater*) ‘отец’, *Anken* (*Butter*) ‘масло’. Довольно много заимствований из французского: *Velo* (*Fahrrad*) ‘велосипед’, *Linge* (*Wäsche*) ‘белье’ и др.

В целом языковую ситуацию в немецкоязычной Швейцарии можно кратко охарактеризовать следующим образом: говорят преимущественно на швейцарско-немецком, а пишут преимущественно на литературном немецком языке. В последние десятилетия значительно возросло использование диалектов в официальных ситуациях. Престиж швейцарско-немецкого, по мнению исследователей, выше литературного немецкого. Неоднократно отмечалось, что средний швейцарец говорит на литературном немецком скованно, только по необходимости и по возможности уклоняется от этого: для него это «выученный» язык. Выпускники школ нередко не-

уверенно владеют литературным немецким языком, например ошибаются в выборе падежей, неправильно образуют формы претерита и т. д.

§ 80. Немецкий язык в Люксембурге.

В Люксембурге необычная языковая ситуация: используются три языка — люксембургский, немецкий и французский.

Люксембургский, или летцебургский (Letzeburgisch), — родной язык населения страны (около 400 тыс. человек). Он представляет собой средненемецкий диалект, распадающийся на четыре поддиалекта. Конечно, языком он может быть назван условно — как в силу своего специфического статуса (о чем ниже), так и в силу того, что носители его осознают, что он является диалектом немецкого языка.

На люксембургском происходит повседневное общение независимо от социального положения, возраста и т. д. Помимо бытового общения, сфера использования люксембургского ограничена устными выступлениями, в том числе в парламенте, муниципальных органах и т. д., он используется на радио, на сцене, в церкви (в последнем случае с ним конкурирует немецкий). На нем начинается обучение в школе. Публикации на люксембургском ограничиваются объявлениями и краткими сообщениями в газетах, издающихся на немецком языке.

Государственными языками являются французский и немецкий. Естественно, что в силу близости немецкого к люксембургскому жители страны овладевают им лучше. Более 90% выпускников средних школ знают немецкий лучше французского, остальные владеют обоими языками одинаково. Еще в 1-м классе преподавание переводится на немецкий и ведется на нем до конца обязательной школы. Со второго полугодия 2-го класса французский преподается как обязательный предмет, а в средней школе (гимназия, лицей) он единственный язык преподавания.

Таким образом, по крайней мере теоретически, **все жители Люксембурга трехязычны.**

Распределение сфер использования французского и немецкого языков схематично выглядит так.

Французский, первый государственный язык, используется в официальной документации (правительственные и административные распоряжения), в коммерции, в деловой переписке, в надписях и на этикетках, на нем выходят толстые журналы.

На немецком публикуется основная масса периодики (около 80%), он преобладает в кино, у него прочные позиции на телевидении.

В качестве языка «высокого стиля» используется французский. Таким образом, степень его распространенности не соответствует его значимости.

Изменение сложившейся сложной ситуации потребовало бы радикальной ломки устоев, освященных многолетней традицией. К тому же нет бес-

спорной альтернативы: французский язык — иностранный, немецкий не пользуется достаточным престижем, чтобы стать единственным языком общества, а превращение люксембургского в национальный язык и тем самым устранение французского и немецкого привело бы страну к культурной изоляции.

У люксембургского варианта немецкого литературного языка есть определенные лексические и (незначительные) грамматические особенности.

Идиш

§ 81. Общие сведения.

Язык идиш (װײַז, jidiš) — родной язык части еврейского населения ряда стран — бывшего СССР, США, Израиля и др. Точными данными о количестве говорящих на нем в настоящее время мы не располагаем: дело в том, что для младшего и среднего поколения евреев в Европе (в том числе и бывшем СССР) и Америке, как правило, родным языком является язык страны, в которой они живут. Крайне приблизительно число носителей идиша может быть оценено в 0,5 млн. человек.

Примечания. 1. Государственный язык Израиля — иврит, в основе которого лежит древнееврейский. Он относится к совсем другой языковой семье — к семитской ветви (наряду с арабским) афроазиатской семьи языков. Естественно, в Израиле проживает немало носителей идиша. 2. В данном учебнике описывается литературный вариант идиша, принятый в свое время в СССР. В общем, орфография его отражает преимущественно произношение литовско-белорусского диалекта и морфологию украинского диалекта.

§ 82. История.

Идиш возник в XI–XII вв. в Германии, где местное еврейское население в это время начало пользоваться в обиходе немецким языком, точнее — **средневерхнемецкими диалектами**. Поначалу он назывался «йидиш-тайч» ‘еврейско-немецкий’ (> ср.-в.-нем. jüdisch-tiutsch, ср. совр. нем. Jüdisch-Deutsch). В силу ряда причин диалектные различия в нем сравнительно быстро сглаживались, и расхождения между ним и немецкими диалектами постепенно увеличивались.

Существенно, что на средневековый идиш большое влияние оказывал древнееврейский язык — язык культа, делопроизводства и общения евреев разных стран.

Миграция значительной части евреев из Германии на восток (особенно с XVI в.) — в Польшу, Литву, в Белоруссию и на Украину — привела, в частности, к возникновению новых территориальных диалектов, на лексику которых значительное влияние оказали славянские языки.

Со второй половины XVIII в. идиш начинает сдавать позиции в Западной Европе. В Восточной же Европе, напротив, в конце XVIII — начале XIX в. возникает современная литература. Большую роль в ее создании сыграли писатели второй половины XIX — начала XX в.; наиболее известен из них Шолом-Алейхем (Ш. Рабинович, 1859–1916).

Периодизация истории: до XIV в. — «пред-идиш», или «до-идиш», XVI–XVII вв. — «старый идиш», с XVIII в. — «новый идиш».

Уже к XIV в. идиш приобретает специфические, по сравнению с немецким, черты — прежде всего в области гласных. Для краткости некоторые из этих расхождений будут указаны ниже в виде примеров (слева литературный немецкий, справа идиш). Примеры на идише даются в транскрипции (о ней см. § 83): sagen ‘сказать’ — zogn; Brot ‘хлеб’ — broit; Rede ‘речь’ — reid; dünn ‘тонкий’ — din; hören ‘слушать’ — hern; Haus ‘дом’ — hoiz; Häuser ‘дома’ — haizer.

§ 83. Графика.

Используется древнееврейский алфавит, приспособленный к особенностям идиша. Направление письма справа налево. Прописных букв нет.

Есть рукописный вариант алфавита.

Чтобы составить представление о том, как выглядит этот алфавит, см. первую строку в § 81. Дополнительные примеры (в скобках дана транскрипция): צוויי [cvei] ‘два’; לֹשֶׁן [lošn] ‘язык, речь’; רוּם [rum] ‘слава’; דִּירֵעַ [dire] ‘квартира’; פֶּאַרקױפֶער [farkóifer] ‘продавец’.

По определенным соображениям в очерке об идише использованы некоторые транскрипционные знаки, отличные от тех, что приняты в этом учебнике, а именно: š = [ʃ], č = [tʃ], ž = [ʒ]. Вместо редуцированного [ə] используется e.

§ 84. Фонетика.

Основные особенности звукового строя идиша: 1) нет фонематического противопоставления долгих и кратких гласных (в этом отношении идиш отличается от всех германских языков); 2) нет оглушения концов.

В славянизмах и уменьшительных спорадически встречаются палатализованные согласные, например: hód'e ‘довольно’ (> укр. *godí* ‘довольно, хватит’), z'áme ‘Зяма (имя собственное)’.

Исторические чередования идиша целесообразно разделить по происхождению на германские и древнееврейские.

1. Германские исторические чередования.

а. **Умлаут**, или **перегласовка**. Широко представлен в формах мн. числа существительных, в уменьшительных существительных, в степенях сравнения прилагательных, а также в словообразовании: folk ‘народ’ — felker

(мн. ч.), bux 'книга' — bixl 'книжечка', alt 'старый' — elter (сравнительная степень), lang 'длинный' — leng 'длина', folk — bafélkem 'населять'.

б. **Аблаут.** Отчетливее всего проявляется в формах сильных глаголов (например, helfn 'помогать' — geholfen (причастие II), frign 'мерзнуть' — gefroirn (причастие II)) и в словообразовании (например, bindn 'связывать' — bund 'союз').

2. Древнееврейские исторические чередования.

Древнееврейские исторические чередования представлены в формах мн. числа существительных и в словообразовании. Это требует пояснения.

Как уже говорилось, в идише немало слов древнееврейского происхождения (семитизмов). Древнееврейский корень, как это характерно для семитских языков, представляет собою прерывистую морфему, обычно состоящую из трех (реже двух) согласных. Эта прерывистая морфема получает конкретные лексические и грамматические значения при помощи тоже прерывистых аффиксальных морфем — так называемых **трансфиксов**. Картина еще более осложняется тем, что с трансфиксами могут сочетаться префиксы, суффиксы и циркумфиксы (прерывистые морфемы, охватывающие корень с двух сторон, т. е. «префикс... суффикс», ср. рус. *о-грыз-ок*). К тому же, при этом возможны определенные чередования согласных. Ср. примеры из современного идиша: ...x...s...n... — xosn 'жених' — xasánim (мн. ч.) — xásene 'свадьба' — mexútn 'сват' — mexutónim 'сваты'; ...m...l...x... — méilex 'царь' — melóxim (мн. ч.) — melúxe 'царство; государство' — melúxes (мн. ч.) — malke 'царица' — málkes (мн. ч.).

Подобных примеров множество.

§ 85. Грамматика.

Существительное характеризуется категориями рода, числа, падежа и определенности/неопределенности.

Грамматических родов три (м., ж. и ср.). (В белорусском диалекте ср. род отсутствует.)

Мн. число образуется двояким способом.

Слова немецкого происхождения образуют его при помощи показателей -(e)n (наиболее продуктивный), -(e)s, -er, -Ø (нуль), а уменьшительные также с помощью окончания -(e)x: ber 'медведь' — bern; tate 'отец' — tates; lailex 'простыня' — lailexer; lerer 'учитель' — lerer; bixl 'книжечка' — bixlex. Ряд существительных имеет перегласовку: folk 'народ' — félker, naxt 'ночь' — next и др.

Семитизмы образуют мн. число с древнееврейскими показателями -im, -(e)s (последний, таким образом, совпадает с германским окончанием -(e)s, названным выше), например, xoiv 'долг' — xoives. Во многих случаях при этом происходит изменение основы и сдвиг ударения: xóideš 'месяц' — ха-

dóšim, kórev ‘родственник’ — króivim, xólem ‘сон, сновидение; мечта’ — xalóimes.

Глаголы делятся на сильные, слабые и нерегулярные.

Поскольку в идише нет претерита (!), разница между первыми и вторыми состоит в способе образования причастия II: raibn ‘тереть’ — geríbn (сильный глагол), hern ‘слушать’ — gehért (слабый глагол).

Есть глаголы с отделяемыми (всегда ударными) приставками: úfštein ‘вставать’ — ix štei uf ‘Я встаю’.

Глагол спрягается по лицам и числам.

В отличие от других германских языков, возвратная конструкция, явно под славянским влиянием, во всех лицах и числах образуется с помощью возвратного местоимения zix: ix gefín zix ‘Я нахожусь’, du gefínst zix ‘Ты находишься’ и т. д.

Некоторые черты **синтаксиса**.

Возможен групповой род. падеж: šloime hamélexs mišpet ‘суд (решение) царя Соломона’.

В простом повествовательном и в вопросительном предложении с вопросительным словом личная форма глагола занимает второе место: der motor hot ufgeherht (cu) arbeth ‘Мотор перестал работать’.

Характерно двойное отрицание: er hot dos keinem nit gezogt ‘Он этого никому не говорил’, где keiner ‘никто’, nit ‘не’.

§ 86. Лексика.

Большая часть лексики идиша — **германского (немецкого) происхождения**. Велика в ней также доля слов древнееврейского и славянского происхождения.

Древнееврейские слова (семитизмы) встречаются в самых разных пластах лексики: это термины родства и семейных отношений, судопроизводства, торговли, общественной жизни, морали, религии и др.: mišróxe ‘семья’, xáver ‘товарищ’, milxóme ‘война’, šólem ‘мир’, goirl ‘судьба’ и др.

Славянизмы также встречаются в самых разных пластах лексики, например среди слов, обозначающих родственные отношения, профессии, должности, части тела, орудия труда и т. д.: táte ‘отец’, pliménik ‘племянник’, rástex ‘пастух’, načálnik ‘начальник’, pléice ‘плечо’, lópete ‘лопата’, véčere ‘ужин’. Немало славянизмов среди частиц и союзов (že ‘же’, sí ‘или’ и др.) и суффиксов: -ke (lererke ‘учительница’), -nik (rexílesnik ‘клеветник’), -ixe (vólfixe ‘волчица’) и др.

§ 87. Диалекты.

Диалекты идиша делятся на две большие группы — западные и восточные. Число говорящих на западных диалектах невелико, и они здесь рассматриваться не будут.

Восточные диалекты делятся на северные (литовско-белорусские) и южные (украинские).

Эти диалекты отличаются рядом фонетических черт, прежде всего в области гласных. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих эти различия (слева даются литовско-белорусские диалекты, справа украинские): *zogn* ‘говорить’ — *zugn*, *šul* ‘школа’ — *šil*, *breit* ‘хлеб’ — *broit* (как в литературном идише), *hun* ‘курица’ — *in/hin*.

В области морфологии основное различие состоит в том, что литовско-белорусские диалекты, как сказано выше, утратили ср. род.

Глава 3. СКАНДИНАВСКИЕ ЯЗЫКИ

§ 88. Древнескандинавские племена.

Когда в Скандинавии появились племена, говорившие на германских языках, точно неизвестно. Древнейшие сведения о Скандинавии относятся к первым векам до нашей эры. Видимо, к этому времени уже вся Дания и значительная часть Скандинавского полуострова были заселены германцами. Однако сведения о них, сообщаемые античными историками и географами, довольно скудны и нередко противоречат друг другу, так что воссоздать картину расселения германских племен в Скандинавии в начале нашей эры можно только приблизительно. К более поздним источникам относятся написанные на латинском языке труды готского историка Иордана (VI в.), немецкого историка Адама Бременского (XII в.) и датского историка Саксона Грамматика (около 1150 — около 1220), автора «Деяний датчан».

Ряд племен, первоначально живших на территории Скандинавии, покидает свою родину и устремляется за тысячи километров в Центральную и Южную Европу.

Так, *кимвры* и *тевтоны*, жившие на севере Ютландского полуострова, сталкиваются с Римом во II в. до н. э. (§ 3). Проживавшие к югу от них *англы* и *юты* и отчасти *саксы* переселяются на Британские острова (§ 9). Племенное название *данов* впервые упоминается лишь в VI в.; согласно Иордану, они пришли в III–IV вв. из Швеции и поселились на датских островах, изгнав живших там *герулов*, и в Ютландии. Герулы ушли в Центральную Европу, но в VI в. вернулись на юг Швеции. На острове Зеландия, очевидно, жило племя *силингов*, от самоназвания которых и произошло название острова (датск. Sjælland, др.-датск. Selund). В Ютландии жили также *харуды*, которые впоследствии оказываются в Западной Норвегии, в области, и поныне носящей название *Хордаланд* (Hordaland, др.-норв. Hordaland).

На территории Норвегии южнее упомянутых выше харудов жили *руги*, откуда сохраняющееся до сих пор название *Ругаланн* (Rogaland). Из

других племен, живших на территории Норвегии, следует назвать *трёндов* (откуда название области *Трёнделаг* и города *Тронхейм*).

Название *Норвегия* (норв. Norge) возникло, видимо, позже. В источниках IX в. встречаются формы, представляющие собой искаженное *Norgþveg, т. е. ‘северный путь, северная местность’. Оно возникло у более южных племен и первоначально, по-видимому, обозначало морской путь вдоль побережья Норвегии, а затем было распространено на области, к нему прилегающие.

В нынешней Центральной Швеции жило крупное племя *свионов*, или *свеев*. От их названия произошло слово Sverige ‘Швеция’ (др.-шв. Svearike ‘страна свеев’). К юго-западу от свионов жили *гауты*, или *гёты*, в этимологическом родстве с этим племенным названием, видимо, находится самоназвание *готов*, см. § 44.

Название *Скандинавия* (Scandinavia из более старого — у Плиния — Scadinavia) — латинизированная форма германского названия, которое сохранилось в современном названии области *Сконе* (Skåne, ср. др.-исл. Skáney) в Южной Швеции. Первый член этого сложного существительного — очевидно, прасканд. *skadīn ‘вред, опасность’, второй — прасканд. *aijō ‘остров’, т. е. слово, надо полагать, значило ‘опасный остров’ (создавшие его не знали, что Скандинавия — полуостров). У ряда авторов встречается и краткая форма этого названия — Scandia (< *Skaðnia).

В первые века нашей эры скандинавские племена жили в условиях первобытно-общинного строя, примерно так, как описано в § 4.

В ряде мест начинают складываться племенные союзы, объединяющие мелкие разрозненные племена. Такими племенными объединениями, по всей видимости, были даны и свионы.

Мореплавание было развито в Скандинавии задолго до нашей эры: наскальные изображения кораблей, которые сохранились в ряде мест в Скандинавии и возраст которых насчитывает около трех тысячелетий, по своим контурам сходны с формой кораблей эпохи викингов (§ 89).

Уже в первые века нашей эры у скандинавских племен были интенсивные торговые связи с Римской империей. Один из торговых путей из Скандинавии в Рим пролегал через остров Готланд, по Балтийскому морю и по Висле, другой — через южную Ютландию и вверх по Рейну. Позднее (в VII–VIII вв.) усилились торговые связи скандинавских племен с германскими племенами, жившими на континенте (особенно с франками), в VI–VIII вв. существовали оживленные связи с фризами.

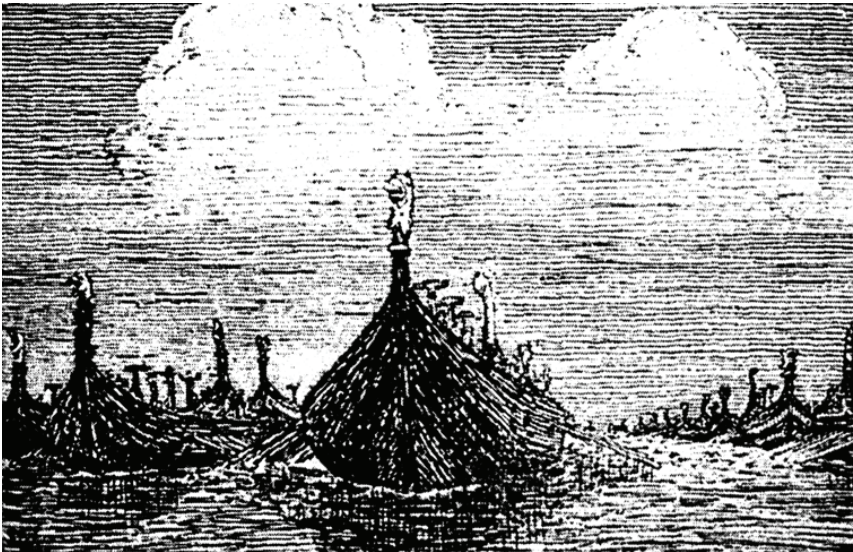
§ 89. Эпоха викингов.

Период истории скандинавских стран с конца VIII до примерно середины XI в. носит название «эпохи викингов». Эта эпоха характеризу-

ется двумя основными признаками: мощной и широкой экспансией скандинавов и разложением родового строя, приведшим к образованию государств.

Походы викингов в течение более двух с половиной веков наводили ужас на население прибрежных районов Европы. Они привели к захвату скандинавами ряда территорий и образованию нескольких государств за пределами Скандинавии.

Походы викингов начались в самом конце VIII в. Их началом считается нападение морских разбойников из Скандинавии на английский монастырь Линдисфарн в 793 г. Вскоре подобным набегам подвергаются многие районы Англии, Шотландии, Ирландии, Уэльса. Викинги, известные в Западной Европе под названием **норманнов** (> *noгdмаdг* ‘северный человек’), устремляются также на берега Франции и других континентальных стран, на побережье Балтийского моря. Местами их нападений становится вся Европа — от Белого моря до Сицилии. Викинги колонизируют Оркнейские, Гебридские и Шетландские, а затем и Фарерские острова. В период между 874 и 930 гг. выходцы из Скандинавии, преимущественно из Норвегии, заселяют все побережье Исландии. Позже они основывают поселения и в Гренландии. Около 1000 г., почти за полтысячелетия до Колумба,

Корабли викингов

они, судя по всему, достигают Северной Америки. В конце IX в. английский король Альфред оказывается вынужденным отдать викингам северо-восточную часть страны; эта область получила название *Данелаг* ‘область датского права’ (в Англии викингов называли данами). В 911 г. норманны, предводительствуемые Хрольвом (Роллоном), захватывают область на северном побережье Франции и вынуждают французского короля Карла Простоватого уступить ее им. Так возникло герцогство Нормандия. Скандинавы быстро ассимилировались, и уже полтора века спустя (1066) они пришли в Англию как носители французского языка и французской культуры (см. § 51). Викинги совершают набеги также на побережье Испании и Южной Италии. Нормандцы (т. е. потомки поселившихся в Нормандии скандинавов) захватили в XI в. Сицилию и Южную Италию, основав там свое королевство.

Норманны были главным образом выходцами из Норвегии и Дании.

Слово *викинг* (др.-норв. *víkingr*) не получило в науке бесспорного толкования. Его связывают и с др.-исл. *vik* ‘залив, бухта’ (т. е. ‘скрывающийся в заливах’), и с собственным именем *Vík* — названием области, прилегающей к Осло-фьорду. Связывают это слово и с древнеисландским глаголом *víkja* ‘поворачивать, отклоняться’ и трактуют значение как ‘человек, покинувший дом, уплывший вдаль от родины’. Против каждого из этих объяснений можно выдвинуть серьезные возражения, так что этимология этого слова остается неясной.

Викинги, устремившиеся из Швеции в Восточную Европу, известны там под именем *варягов*. Название *варяг* принято связывать с др.-норв. *vágar* ‘клятва, обет’ и *ganga* ‘идти’.

На Руси варяги появляются в IX в. Это были морские разбойники, торговцы («гости») и воины-наемники. Легенда об основании Русского государства (так называемая норманнская теория) находится в противоречии с историческими фактами. В рассматриваемый период Русь находилась на более высокой ступени исторического развития: здесь уже существовали города, а в Скандинавии они возникли позднее (скандинавы называли Русь *Garðaríki* ‘страна городов’); на Руси начали раньше складываться феодальные отношения; христианизация Руси произошла раньше, чем христианизация скандинавских стран.

По системе речных путей, связывавшей Балтийское море с Черным и известной под названием «путь из варяг в греки», викинги добирались до Константинополя (Царьграда, др.-исл. *Miklagarðr* ‘Большой город’). Здесь они нередко поступали наемниками к византийским царям.

Набеги викингов на территорию нынешней Финляндии привели к образованию здесь шведских поселений.

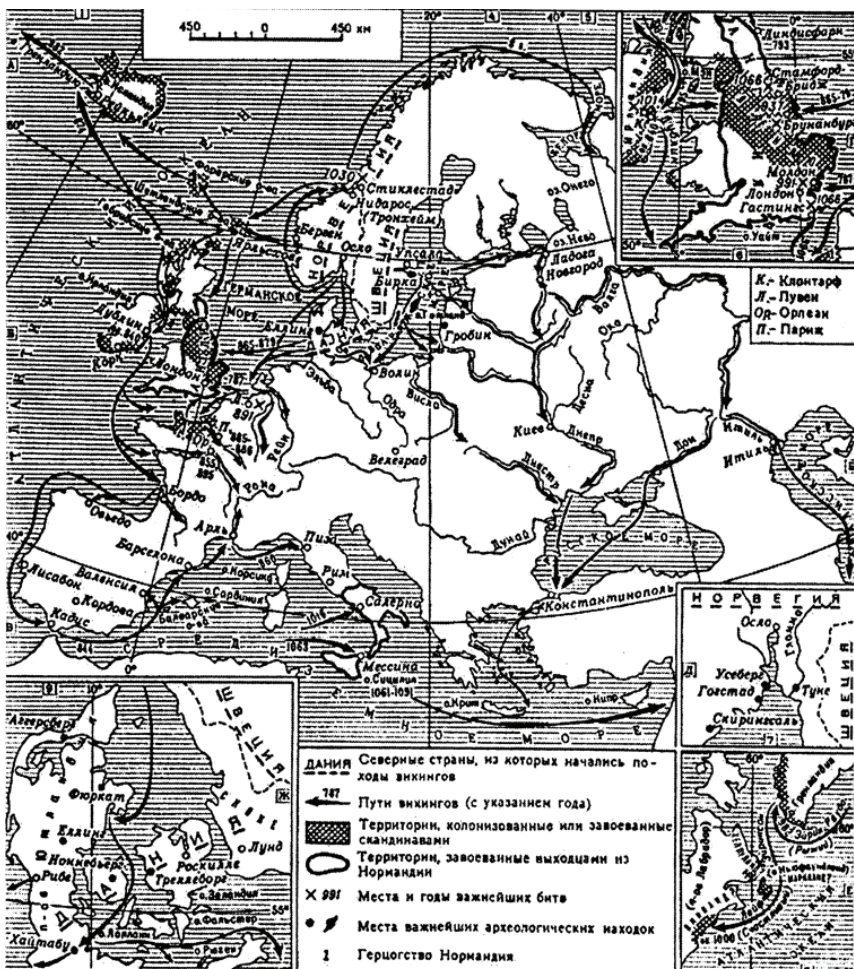
В середине XI в. походы викингов прекращаются.

Каковы причины походов викингов?

Причины эти были экономического и политического характера.

Одной экономической причиной была нехватка земли, пригодной для земледелия и скотоводства.

Другая экономическая причина: развитие торговли привело скандинавов в соприкосновение с другими народами, особенно теми, которые опережали их в экономическом и культурном развитии, и стимулировало по-

Походы викингов

ходы в дальние страны. Предпосылкой этих дальних морских походов была длительная традиция мореплавания в Скандинавии.

Третья причина — разбой сделался выгодным промыслом. Не случайно викингов часто характеризовали как морских разбойников. Страны, на которые они нападали, были слабы политически, в них зачастую царили междоусобицы, и поэтому они становились легкой добычей викингов.

Политическая причина походов викингов заключалась в том, что в скандинавских странах в это время начинает складываться централизованная королевская власть, и те, кто не желал подчиниться королю, предпочли покинуть родину и отправиться на чужбину.

Походы викингов принимали разные формы. Очень часто это были пиратские нападения, когда вырезалась значительная часть населения, захватывалась добыча и уводились в рабство пленные. Нередко, с другой стороны, это были торговые путешествия, которые могли и не сопровождаться разбоем. Викинги часто селились в захваченных ими местах, причем колонизация могла быть совершенно мирной (как на Фарерских островах и в Исландии), но могла также сопровождаться завоеваниями.

Нередко разбой, торговля и колонизация сочетались в одном походе.

Походы викингов имели разные последствия в разных местах.

Там, где местное население стояло на более высокой ступени культурного развития и было многочисленным (как, например, в Нормандии), викинги быстро ассимилировались. Напротив, колонизируя пустынные земли, скандинавы создавали поселения, где сохранялись их язык и культура. Самое яркое свидетельство тому — Фарерские острова и Исландия. Во многих областях, колонизованных в эпоху викингов, скандинавская речь сохранялась длительное время — в северо-восточной Англии до конца XI в., в Ирландии до середины XIII в., на Гебридских островах до XIV в., на Оркнейских островах до конца XVII в., а на Шетландских островах и на острове Мэн даже до середины XVIII в. До середины XV в. существовали скандинавские поселения в Гренландии.

Считается, как уже упоминалось, что в 1000 г. скандинавы достигли Северной Америки, Винланда ('страны винограда' или 'страны вина'), как назвал новую страну ее первооткрыватель Лейф Счастливый, сын гренландского первопоселенца Эйрика Рыжего. По мнению большинства ученых, скандинавы высадились на побережье Ньюфаундленда. Неясно, сколько времени просуществовало это поселение.

В 1965 г. была опубликована так называемая Йейльская карта, которую относят к первой половине XV в., т. е. ко времени более чем за полтысячелетия до Колумба. На ней изображены, в частности, два глубоких залива, вдающихся в изображенный в виде острова Североамериканский континент. Не вдаваясь в обширную полемику относительно подлинности

карты (или подлинности нанесенной на нее североамериканской части), отметим лишь, что сомнения в этом вопросе остаются.

В эпоху викингов складываются древние скандинавские государства. Начало объединения Норвегии связывается с именем Харальда Прекрасноволосого (конец IX в.). Единое датское государство было создано при Горме Старом (ум. около 940 г.). Создание государства в Швеции произошло много позже.

Созданию государства обычно сопутствовала христианизация. В Дании король Харальд Синезубый крестился в 960 г., в Норвегии христианизация произошла в XI в., в Швеции она завершилась лишь в XII в.

Христианская религия — орудие королевской власти — преследовала в континентальных скандинавских странах языческую культуру. В Исландии же христианство не было силой, при помощи которой феодализм пытался укрепить свою власть: в силу особых исторических условий (сохранение народовластия) христианство в Исландии было принято мирно — решением альтинга (≈ всеисландского веча) в 1000 г.; при этом было разрешено сохранять в быту верность языческим богам. Вследствие этого основные памятники эпохи викингов — древнескандинавские мифы и героические сказания, а также поэзия скальдов (§ 114) — сохранились полнее всего в Исландии, правда, в поздних записях XIII в.

§ 90. Младшие руны.

В § 8 говорилось, что на смену старшим — общегерманским — рунам пришли младшие. **Младшие руны — явление чисто скандинавское.**

Они возникли примерно **на рубеже VIII–IX вв.** Характерная особенность младших рун — их алфавит состоял только из **16 знаков**, тогда как старших рун, как сообщалось, было **24**. Причина такого резкого, на одну треть, сокращения рунического алфавита неизвестна, тем более что количество фонем в языке к тому времени увеличилось. Младшими рунами одинаково обозначались, например, глухие и звонкие, одна и та же руна была знаком нескольких разных гласных (неперегласованных и перегласованных) и т. д. Характерно, однако, что **г** и **Р** обозначались разными рунами.

У младшего рунического алфавита было два варианта — «норвежско-шведский» (так называемые короткохвостые руны), использовавшийся в Норвегии и Швеции до конца X в., и «датский» (так называемые длиннохвостые руны), которым пользовались сначала в Дании, а с X в. по всей Скандинавии.

Всего надписей младшими рунами найдено около **5 тыс.** Из них больше всего (около двух третей) обнаружено в Швеции, меньше в Норвегии (несколько менее тысячи) и Дании (около 400). В Исландии найдено всего

45 надписей младшими рунами. Характерно, что, хотя, как сказано, младший рунический алфавит весьма неточно передавал реальное звучание, надписи на нем, как правило, понятны, поскольку они в основной своей массе не носят магического характера, а сообщают факты (например, есть очень много надписей типа «я, такой-то, поставил этот камень в память о таком-то»).

«Датские» руны легли в основу так называемых **пунктированных рун**. Для более точной передачи звучания некоторые руны стали снабжать точками: таким способом стали различать, например, звонкие и глухие согласные. Пунктированные руны использовались даже в рукописях («Сконское право» XIII в.). Однако большого распространения они не получили, так как к тому времени уже распространилось латинское письмо.

§ 91. Латинская письменность.

С латинским письмом скандинавы впервые познакомились во времена походов викингов. В Англии они видели, как оно используется для записи германской речи. По всей вероятности, латинское письмо пришло в Скандинавию именно оттуда. Бесспорно, что **латинский алфавит стал применяться в Скандинавии с приходом христианства**. В Норвегии и Исландии это происходит приблизительно во второй половине XI в., в Дании и Швеции несколько позже. Однако древнейшие дошедшие до нас норвежские рукописи датируются серединой XII в.; это отрывки законов, земельных книг и религиозных текстов. Приблизительно к этому же времени относятся и самые старые из сохранившихся исландских рукописей. Древнейшая шведская рукопись, дошедшая до нас (отрывок «Вестгётского права») датируется серединой XIII в. Древнейшая сохранившаяся датская рукопись («Сконское право»), однако, написана не латинским алфавитом, а пунктированными рунами (см. предыдущий параграф).

§ 92. Классификация скандинавских языков.

Современных скандинавских языков пять: шведский, датский, норвежский (существующий в двух вариантах — букмол и «новононорвежском»), фарерский и исландский. Возможны несколько классификаций скандинавских языков.

Традиционная классификация: **восточноскандинавские языки** — шведский и датский, **западноскандинавские языки** — исландский, фарерский и «новононорвежский» (§ 104), а букмол (§ 104) занимает в этой классификации промежуточное положение. Важнейший критерий такого разделения — судьба древних дифтонгов, которые монофтонгизовались (превратились в обычные гласные) в восточноскандинавских языках, но сохранились в западноскандинавских, ср. шв., датск. *sten*, норв. *stein*, исл. *steinn*,

фар. steinur. Есть еще несколько признаков, по которым западноскандинавские и восточноскандинавские языки противопоставляются друг другу.

Однако с современной точки зрения более оправдано деление скандинавских языков на **островные** (исландский, фарерский) и **континентальные** (шведский, норвежский, датский). Основная черта первых — богатая морфология, а также сложная морфонология.

Возможны и иные классификации современных скандинавских языков, например **по просодическим признакам**: в норвежском и шведском есть тоническое ударение, а в датском — «толчок», тогда как в исландском и фарерском подобных явлений нет.

§ 93. Основные особенности скандинавских языков.

Ниже перечисляется ряд признаков, которые отличают современные скандинавские языки от современных западногерманских языков. Список этот, конечно, неполный. Следует иметь в виду, что перечень включает в себя **признаки, возникшие в разные эпохи**: так, признак (6) восходит к периоду гото-скандинавской общности (т. е. к эпохе до н. э.), а признак (1) датируется по крайней мере двенадцатью веками позже.

1. **ЛабIALIZАЦИЯ** (огубление) исторически долгого **а** (в отличие от исторически краткого **а**, впоследствии удлинившегося в некоторых позициях), т. е. превращение его в континентальных скандинавских языках в долгое [а:] и в дифтонги в островных языках: шв., норв., датск. hår, исл. hárf [hau:r], фар. hárf [hʌrf], ср. нем. Naar, нид. haar.

2. **Скандинавское преломление**. Это явление заключалось в следующем. Если за звуком **е** следовал звук **а**, то происходил переход **е > ja**, а если за ним следовал звук **и**, то происходил переход **е > jɑ > jö/jø** (впоследствии звуки **а**, **и**, вызвавшие переход, во многих случаях отпали или редуцировались), ср. исл. фар. hjarta ‘сердце’ и нем. Herz; исл. jörð, фар. jörð ‘земля’ и гот. airþa, нем. Erde. В шведском, норвежском (букмолле) и датском конечными результатами преломления стали **jä/je/jæ** и **jo** (так называемая прогрессивная перегласовка на **j**): шв. hjärta, норв. hjerte, датск. hjærte; шв., норв., датск. jord.

3. **Отпадение v** (древнего **w**) перед огубленными гласными: ср. исл., фар. orð, шв., норв., датск. ord ‘слово’ и англ. word, нем. Wort.

4. **Отпадение начального j** (в современных незаимствованных скандинавских словах начальный **j**, как правило, — результат преломления, см. п. 2): исл., фар. ár, шв., норв., датск. år ‘год’ и англ. year, нем. Jahr.

5. **Отпадение** в большинстве позиций **конечного -n** после безударных гласных, ср. исл., фар. koma, шв. komma, норв., датск. komme ‘приходить’ и нем. kommen; исл., фар. í, шв., норв., датск. í ‘в’ и англ., нем., нид. in.

6. **Гуттурализация**, см. § 18.

7. **Ряд ассимиляций**, в частности **nk > kk** (не всегда), **ht > tt** и др.: исл., фар. *drekka*, шв. *dricka*, норв., датск. *drikke* ‘пить’ и англ. *drink*, нем. *trinken*; исл. *nótt*, фар. *nátt*, шв., норв. *natt*, датск. *nat* ‘ночь’ и англ. *night*, нем. *Nacht*.

8. **Отсутствие** во всех скандинавских языках звука [z].

9. **Наличие** во всех скандинавских языках, кроме датского, **долгих согласных** (примеры см. выше).

10. Как правило, **долгота ударного слога**, так называемое **слоговое равновесие**, во всех скандинавских языках, кроме датского. Суть слогового равновесия в следующем. Если в ударном слоге гласный краткий, то за ним следует долгий согласный (или группа согласных); если же в ударном слоге гласный долгий, то согласный за ним краткий. Такие слоги («краткий гласный + долгий согласный» или «долгий гласный + краткий согласный») называются долгими. Пример: норв. *hat* [ha:t] ‘ненависть’ и *hatt* [hat:] ‘шляпа’.

При этом передняя периферия слога (согласные до ударного гласного) роли не играет: число согласных в ней может варьироваться от нуля до трех (в исландском даже четырех).

11. Специфические **просодические особенности**: тоническое ударение в шведском и норвежском (в фарерском оно, видимо, утрачено недавно), «толчок» в датском. Некоторые исследователи относят сюда же исландскую преаспирацию (§ 115).

12. **Постпозитивный**, или **суффигированный, артикль**, т. е. определенный артикль, присоединяемый к существительному сзади: ср. исл., фар. *húsið*, шв., норв., датск. *huset* ‘дом’ и англ. *the house*, нем. *das Haus*.

Примечание. Постпозитивный артикль — явление не столь уж редкое, он характерен, например, для балканских языков, ср. болг. *маса* ‘стол’ — *масата* (форма с артиклем, или членная форма). Он встречается в севернорусских говорах: *дом-тот, река-та, село-то*.

13. **Суффигированные рефлексивные**, или возвратные, **формы**. Они возникли, как и русские глаголы на *-ся*, в результате суффиксации возвратного местоимения, ср. исл., фар. *opnast*, шв. *öppnas*, норв. *åpnes*, датск. *åbnes* ‘открываться’. Эти формы выражают целый ряд значений, вплоть до пассивных.

Датский язык

§ 94. Общие сведения.

Датский язык (*dansk*) — государственный язык Дании (5,7 млн. человек). Административно в состав Дании входят также обладающие значительной автономией Фарерские острова, где датский язык широко используется, и Гренландия, основную массу населения которой составляют гренландцы (эскимосы) и в которой датский язык изучается в школе и может

использоваться официально. Около 50 тыс. датчан проживает в ФРГ, в земле Шлезвиг-Гольштейн.

§ 95. История.

Историю датского языка принято делить на два периода: древнедатский (до эпохи Реформации, т. е. по первую треть XVI в. включительно) и новодатский. Используется и более дробная периодизация.

Древнейшие памятники — надписи младшими рунами (IX–XII вв.). Их в датской языковой области, которая в то время включала в себя часть Южной Швеции, обнаружено около 400.

Древнейшая дошедшая до нас датская рукопись — «Сконское право» — датируется примерно 1300 г. и выполнена пунктированными рунами (§ 90). Древнейшие рукописи, написанные латиницей (с XIV в.), — преимущественно юридического и религиозного характера, в ряде случаев переводные. Выделяется «Датская рифмованная хроника» — старейшая печатная книга (1495).

В древнедатский период происходит ряд фонетических процессов, в частности монофтонгизация дифтонгов и переход **a**: > **o**: (§ 93).

Главным же звуковым изменением был так называемый **датский перебой**, или **датское передвижение согласных** (XII–XIII вв.). Процесс заключался в следующем: глухие смычные (**p**, **t**, **k**) после долгих гласных озвончились, а затем превратились в щелевые, т. е. имели место переходы:

<p>p > b > v; t > d > ð; k > g > ɣ</p>

На письме отразился только первый этап перехода (в звонкие смычные). Отметим, что в современном литературном датском языке **b** после гласного произносится как смычный (в большинстве диалектов здесь **v**).

Это передвижение согласных резко отличает датский язык от других скандинавских (как и от прочих германских языков). Ср.:

- норв. gate, шв., исл. gata, фар. gøta — датск. gade [ga:ðə] ‘улица’;
- норв. ape, шв., фар. ara, исл. api — датск. abe ‘обезьяна’;
- норв. søke, шв. söka, исл. sækja, фар. sækja — датск. søge [sø:ɣə] ‘искать’.

Перебой возник на датских островах (Зеландия, Фюн и др.).

С перебоем связано другое специфически датское явление — **«ослабление»** (вокализация) **старых звонких щелевых** после гласных. Это объясняется тем, что в результате перебоя возникли новые звонкие щелевые, и старые слились бы с ними, если бы не изменились. На письме это отразилось не во всех случаях. Ср.:

- норв., шв., фар. hav, исл. haf — датск. hav [hau] ‘море’;
- шв. möda, исл. mæða, фар. mǫði — датск. møje [moie] ‘труд’;
- норв., шв. skog, исл., фар. skógur — датск. skov [skou] ‘лес’ (о значке [ʰ] см. ниже).

В результате этого процесса в датском **возникли новые дифтонги** (старые, восходящие к скандинавскому языку-основе, как уже отмечалось, монофтонгизировались): **ai, au, ou, oi** и др.

В это же время возникла специфическая особенность датского языка — **«толчок»**, или **стёд** (stød). Толчок представляет собою гортанную смычку, т. е. мгновенное смыкание голосовых связок при произнесении звука, так что слышится слабый щелчок. Артикуляционно датский толчок сходен с немецким «сильным приступом» (§ 74), однако в отличие от последнего датский толчок имеет место не перед гласным или дифтонгом, а после них, а также после некоторых согласных. (Звук, сходный с толчком, слышится в русском разговорном слове *не-а* ‘нет’ между гласными.) В транскрипции толчок, как и немецкий «сильный приступ», обозначается апострофом (’); на письме он никак не обозначается, и овладение им — одна из основных трудностей при изучении датского языка.

С толчком произносятся, например, следующие слова: ni [ni] ‘9’, by [by] ‘город’, bog [bɔ’ɥ] ‘книга’, vild [vil] ‘дикий’, ånd [ɔn] ‘дух’, seng [sɛŋ] ‘кровать’, ørn [øɾ’n] ‘орел’.

Толчок имеет **фонематическое значение**. Некоторые пары слов с одинаковым звуковым составом различаются наличием/отсутствием толчка, например: læser [’lɛ’sɔl] ‘читает’ и læser [’lɛ:sɔl] ‘читатель’.

Толчок имеет место примерно в тех словах и их формах, где в норвежском и шведском представлен первый тон (§ 100, § 105). Это говорит в пользу того, что толчок по своему происхождению связан с тоническим ударением.

К концу древнедатского периода датский язык **был распространен на более обширной территории**, нежели теперь. Датскими были **южношведские области** Сконе, Халланд, Блекинге. В XV в. датский стал **государственным языком Норвегии**.

Датская нация начала формироваться в XVI в. Столица страны Копенгаген постепенно занимает все более ведущее положение, и столичный говор, зelandский диалект, становится основой складывающейся общенациональной нормы.

Особую роль в становлении нормы сыграла **Реформация** и связанное с ней издание в 1550 г. датского перевода Библии (по имени короля, при котором вышел этот перевод, она называется «Библией Кристиана III»).

В XVII в. по так называемому Роскильдскому миру Дания уступает Швеции названные выше южношведские области. Здесь шведский язык в течение одного поколения вытеснил датский.

Языком науки, как это было обычно в Европе того времени, оставалась латынь. Лишь в XVIII в., в эпоху Просвещения, датский язык оттесняет латынь как язык науки.

Другой язык, имевший в Дании сильные позиции, был немецкий.

В XIII–XV вв. датский язык испытывает **сильное влияние средненижнемецкого**. Северонемецкие города в ту эпоху в ряде областей опережали Скандинавию. Значительную роль играл Ганзейский союз, в руках которого находилась большая часть торговли на Балтийском море и который имел конторы и фактории в ряде скандинавских городов. В этот период в датский язык, как и в шведский и норвежский, вошло множество слов нижнемецкого происхождения, например: værksted ‘мастерская’, mester ‘мастер’, snedker ‘столяр’, skrædder ‘портной’, skomager ‘сапожник’, grube ‘шахта’, krudt ‘порох’, krig ‘война’, bomuld ‘хлопок’, borger ‘горожанин; гражданин’, adel ‘дворянство, знать’ и др.

Нижнемецкий язык долгое время господствовал при королевском дворе, многие короли говорили только по-немецки, множество придворных, офицеров, купцов, промышленников были немцы. С XVII в. нижнемецкое влияние уступает место верхнемецкому. Первые датские газеты выходили на немецком языке. Такое положение сохранялось до XVIII в.

Влияние французского языка, усилившееся в XVIII в., ограничивалось в основном дворянством и верхушкой буржуазии.

Огромную роль в становлении нормы литературного датского языка сыграл выдающийся писатель **Людвиг Хольберг** (Ludvig Holberg, 1684–1754). Норвежец родом (он родился в Бергене), Хольберг прожил большую часть жизни в Копенгагене. Широко образованный ученый, профессор, а впоследствии и ректор Копенгагенского университета, автор ряда исторических, географических и философских сочинений, Хольберг был создателем новой датской (и одновременно норвежской) литературы. Его перу принадлежит 35 комедий и ряд других литературных произведений. Многие из его комедий до сих пор не сходят со сцен театров Скандинавии и принадлежат к числу любимых произведений датчан и норвежцев. Впервые в датской литературе хольберговские герои — копенгагенские горожане и зеландские крестьяне — заговорили своим естественным языком.

В более позднее время на развитие датского языка и закрепление его нормы оказали влияние многие датские писатели: Адам Эленшлегер, Ханс Кристиан Андерсен, Сёрен Киркегор, Георг Брандес, Хенрик Понтопидан, Йоханнес В. Енсен и др.

В середине XVII в. зарождается течение, выступающее за очищение языка от иностранных элементов, за более простой и естественный синтаксис. Издаваемый наиболее видными представителями этого течения Фредриком Кристианом Айльскоу и Енсом Снедорфом журнал «Патрио-

тический обозреватель» («Den patriotiske Tilskuer») пользовался очень большой популярностью.

§ 96. Фонетика.

Датское произношение во многом отличается от произношения других скандинавских языков. Для других скандинавов понимание устной датской речи затруднительно.

Основные особенности датского языка — «толчок» (§ 95) и **отсутствие долгих согласных**.

Долгие согласные (двойные согласные буквы обозначают лишь краткость предшествующего гласного) из всех скандинавских языков отсутствуют только в датском. Поэтому в нем отсутствует слоговое равновесие (§ 93).

Датский язык характеризует **богатый вокализм** (система гласных). В нем 20 гласных фонем-монофтонгов и 11 дифтонгов. Характерная черта — наличие фонематически противопоставленных друг другу открытых и закрытых **e, ø, o** (как долгих, так и кратких).

Согласные, кроме упомянутой их краткости, обладают следующей особенностью: смычные **b, d, g** — глухие, т. е. произносятся без участия голоса (как в исландском и фарерском). Таким образом, фонемы /p/ и /b/, /t/ и /d/, /k/ и /g/ противопоставлены друг другу по наличию/отсутствию придыхания и более энергичной/менее энергичной артикуляции.

Как уже говорилось, исторически глухие смычные **p, t, k** озвончились после долгих гласных, а затем превратились в щелевые, а исторически звонкие смычные вокализовались.

§ 97. Грамматика.

Грамматический строй датского языка сравнительно прост.

Существительное характеризуется категориями рода, лица/не-лица, числа, падежа и определенности/неопределенности.

Грамматических родов два — общ. (в нем слились существовавшие ранее м. и ж.). Падежей тоже два — общ. и род. Категория лица/не-лица проявляется в личных местоимениях, заменяющих существительное: en lærer ‘учитель’ — han, en kvinde ‘женщина’ — hun, en sten ‘камень’ — den, et hus ‘дом’ — det.

Как во всех скандинавских языках, определенный артикль в датском суффиксированный, например **bogen** ‘книга’ = англ. the book. Однако если перед существительным стоит определение, то, как правило, используется так называемый свободностоящий артикль: *den nye bog* ‘новая книга’.

Глаголы (сильные, слабые, неправильные) по лицам и числам не изменяются. Система времен — общая с другими германскими языками.

Особого упоминания требуют датские **числительные** ‘50’, ‘60’, ‘70’, ‘80’ и ‘90’: они резко отличаются от соответствующих числительных других скандинавских языков (кроме фарерского, в который они заимствованы из датского).

Они восходят исторически к двадцатиричной системе счисления, что особенно видно в их полной форме. Эта форма представляет собою сложное слово, состоящее из множителя, указывающего, сколько раз берется число 20, слова *sinde* ‘раз’ (в форме *sinds*) и числительного *tyve* ‘20’:

- ‘50’ *halvtredsindstyve* = *halvtredje* (‘2½’)-*sinde*-*tyve*;
- ‘60’ *tresindstyve* = *tre* (‘3’)-*sinde*-*tyve*;
- ‘70’ *halvfjerdsindstyve* = *halvfjerde* (‘3½’)-*sinde*-*tyve*;
- ‘80’ *firsindstyve* = *fire* (‘4’)-*sinde*-*tyve*;
- ‘90’ *halvfemsindstyve* = *halvfemte* (‘4½’)-*sinde*-*tyve*.

Примечание. Числительное *halvtredje* образовано из частей *halv* ‘половина’ и порядкового числительного *tredje* ‘третий’, т. е. буквально ‘половина третьей (единицы)’. Аналогично образованы числительные *halvfjerde* и *halvfemte*.

Более употребительны, однако, краткие формы этих числительных: *halvtreds*, *tres*, *halvfjerds*, *firs*, *halvfems*.

Единицы стоят перед десятками и соединяются союзом *og* ‘и’, например: ‘79’ — *nioghalvfjerds(indstyve)*.

Шведский язык

§ 98. Общие сведения.

Шведский язык (*svenska*) — государственный язык Швеции (около 9 млн. человек) и один из двух государственных языков Финляндии, где на нем говорит примерно 300 тыс. человек.

§ 99. История.

Историю шведского языка делят на два периода: древнешведский (до эпохи Реформации, т. е. по первую треть XVI в. включительно) и новшведский. Шведские историки языка используют и более дробную периодизацию.

Древнейший период представлен примерно **3500 надписей младшими рунами**. Классический древнешведский отражен в сводах местных законов, религиозной литературе, рифмованных хрониках и др. **Древнейшая сохранившаяся рукопись** — два листа записи «Вестьётского права» (1225–1250). Более поздний период отмечен активной литературной деятельностью Биргиттинского монастыря в Вадстене (Эстерьтланд), крупнейшего центра религиозной литературы (преимущественно переводов с латыни); здесь же создавались и светские произведения.

За период от эпохи викингов до XVI в. шведский язык претерпевает ряд значительных изменений.

Устанавливается **слоговое равновесие** (§ 93, п. 10), т. е. все ударные слоги стали долгими (краткие удлинлись, а сверхдолгие сократились).

Редукция безударных гласных затронула большую часть шведских диалектов, но на литературной норме, сложившейся позже, это не отразилось (см. также ниже).

Произошла **лабиализация долгого а**, т. е. переход его в **о** (§ 93, п. 1). Следствием этого процесса в шведском, как и в норвежском, были (не отразившиеся на письме!) переходы **о** [o:] > [u:] (реже **о** [ɔ] > [u]) и [u(:)] > [ʉ(:)]: *bo* [bu:] ‘жить’, *orm* [uɾm] ‘змея’, *upp* [ʉp:] ‘вверх’, *hus* [hʉ:s] ‘дом’.

Старые **дифтонги монофтонгизировались** (черта, общая с датским языком), ср. шв., датск. *sen* ‘поздний’ и исл. *seinn*. Имел место также ряд более частных фонетических процессов.

В Средние века шведский язык (как и датский и норвежский) **заимствует множество слов из средненижнемецкого**. Это было связано с более ранним экономическим и культурным развитием северонемецких городов и огромной ролью Ганзы на Балтике. Заимствования относятся к сфере торговли, ремесел, административного управления и т. п. Например: *skåp* ‘шкаф’, *dräkt* ‘одежда’, *bult* ‘болт’, *redskap* ‘орудие, инструмент’, *timmerman* ‘плотник’, *rådhus* ‘ратуша’, *fråga* ‘спрашивать’ и множество других. Был заимствован также ряд приставок (*be-*, *bi-*, *er-*, *för-* и др.) и суффиксов (*-inna*, *-ska*, *-ande*, *-gi* и др.).

Постепенно происходит **упрощение морфологии**: разрушилось старое четырехпадежное склонение существительных и прилагательных, упростились глагольные парадигмы.

Реформация (1527) оказала сильное влияние на развитие литературного языка, как и получившее распространение еще до нее книгопечатание (1495). Важнейшую роль в становлении национальной нормы сыграл выход переводов Нового Завета (1526) и всей Библии, так называемой Библии Густава Васы (1541). В последнем памятнике превалируют черты свейских говоров (диалектов области Стокгольма и вокруг озера Меларен, ставшей ведущей в экономическом и политическом отношении).

В XVII в. **расширяется область распространения шведского языка**: в середине века к Швеции отходят области Херьедален и Емтланд (с XIII в. норвежские), остров Готланд, датские области Сконе, Халланд, Блекинге (в этих трех областях датский язык, как уже говорилось, был вытеснен шведским в течение одного поколения).

Важной вехой в истории шведского языка явилось начало издания журнала «Шведский Аргус» Ёлуфа Далина (сер. XVIII в.). Язык этого журнала был близок к разговорному. Формированию литературного языка спо-

собствовало творчество ряда писателей XVIII–XIX вв., особенно поэтов К. Бельмана и Э. Тегнёра, а позднее А. Стриндберга и др. Важную роль в становлении нормы сыграли работы шведских лингвистов. Большой вклад в изучение шведского языка внес Ю. Ире, автор этимологического «Свейско-ётского словаря» (1769); в нем Ире в ряде моментов предвосхитил открытия сравнительно-исторического метода. Закреплению нормы способствовала грамматика Шведской академии (1836).

В XVIII в. говор Стокгольма становится доминирующим.

Языком науки в Швеции, как и в других странах Европы, многие века была латынь. Положение начало меняться в период шведской истории, носящей название «великодержавия». Шведский язык впервые прозвучал с университетской кафедры, когда шведский ученый Улуф Рюдбек в 1677 г. произнес на нем в Упсальском университете свою вступительную речь. Однако использование латыни как языка науки продолжалось и в XVIII в. Так, выдающийся шведский естествоиспытатель Карл Линней (1707–1778) писал свои труды на латинском языке.

§ 100. Фонетика.

Основные особенности шведской фонетики таковы.

Выделяется очень заднее произношение долгого **a**: [ɔ:].

Шведский — единственный из скандинавских (и вообще германских) языков, в котором **отсутствуют дифтонги**. Это — результат монофтонгизации старых дифтонгов.

Характерная особенность шведских согласных (свойственная также норвежскому) — так называемые **супрадентальные**, или **постальвеолярные, согласные** [t], [d] и др. Они произносятся при сближении кончика языка с границей альвеол и твердого нёба. Супрадентальные согласные возникли из исторических сочетаний **r + t**, **r + d** и т. д. и так же изображаются на письме (**rt**, **rd** и т. д.), ср. barn [ba:ɳ] ‘ребёнок’, ord [u:ɔ] ‘слово’.

Как и все скандинавские языки, кроме датского, шведский характеризуется **слоговым равновесием** (§ 93, п. 10).

Характерная черта шведской фонетики — **тоническое ударение**: динамическое, или силовое, ударение сочетается с движением тона в слове. Существует два типа тонического ударения (описание упрощено!):

1) первый тон — простое повышение или понижение тона к концу слова (в зависимости от условий в предложении);

2) второй тон, при котором сначала в ударном слоге происходит понижение, а в последующем слоге (последующих слогах) происходит повышение тона.

Первый тон изображается в транскрипции знаком ('): órdet ‘слово’ (с определенным артиклем), второй — знаком (˘) gàta ‘улица’.

Тоническое ударение **может выполнять различительную функцию**, т. е. существуют пары слов с одинаковым фонемным составом, различающиеся тоном, ср. *anden* ‘утка’ и *anden* ‘дух’ (оба с определенным артиклем).

Правила распределения тонов довольно сложны и имеют ряд исключений. Тоны на письме не обозначаются, и овладение ими — одна из основных трудностей для изучающих шведский язык.

Из всех скандинавских (и тем более германских) языков шведский наиболее **богат гласными**, возможными в безударных слогах, в частности **в грамматических показателях**. Поэтому шведская морфология формально (см. следующий параграф) значительно богаче морфологии других континентальных скандинавских языков.

§ 101. Грамматика.

Грамматический строй шведского языка сравнительно прост и, в общем, очень схож с грамматическим строем датского и норвежского (букмола).

Тем не менее имеется одно существенное отличие. Оно заключается в том, что, поскольку в шведском в безударных окончаниях возможны четыре (в разговорном стиле три) различных гласных, набор грамматических показателей в нем шире, чем в названных выше языках. Однако при этом набор самих грамматических категорий и грамем (членов грамматических категорий) в этих трех языках в основном совпадает. Это видно на простом примере мн. числа существительных. Ср. датск. *gade* ‘улица’ — *gader*, шв. *gata* — *gator* [-ur]; датск. *stemning* ‘настроение’ — *stemninger*, шв. *stämning* — *stämmingar*; датск. *student* ‘студент’ — *studenter*, шв. *student* — *studenter*.

Можно различать морфологическое богатство формальное и содержательное (большое количество грамматических категорий и грамем). Шведская морфология относительно богата формально, но относительно бедна содержательно. Немецкая же морфология относительно богата содержательно и относительно бедна формально.

Грамматический строй шведского языка, как сказано выше, сравнительно несложен.

Существительное характеризуется категориями рода, лица/не-лица, числа, падежа и определенности/неопределенности.

Грамматических родов два — **общ.** (в нем слились существовавшие ранее м. и ж.) и **ср.** Падежей два — **общ.** и **род.** Категория лица/не-лица проявляется в личных местоимениях, заменяющих существительное: *en lärare* ‘учитель’ — *han*, *en kvinna* ‘женщина’ — *hon*, *en sten* ‘камень’ — *den*, *ett ord* ‘слово’ — *det*.

Как во всех скандинавских языках, определенный артикль в шведском суффиксированный, например *frun* ‘женщина’ = англ. *the woman*. Однако

если перед существительным стоит определение, то, как правило, используется также так называемый **свободностоящий артикль**: *den gamla frun* ‘старая женщина’ (в разговорной речи свободностоящий артикль может отсутствовать).

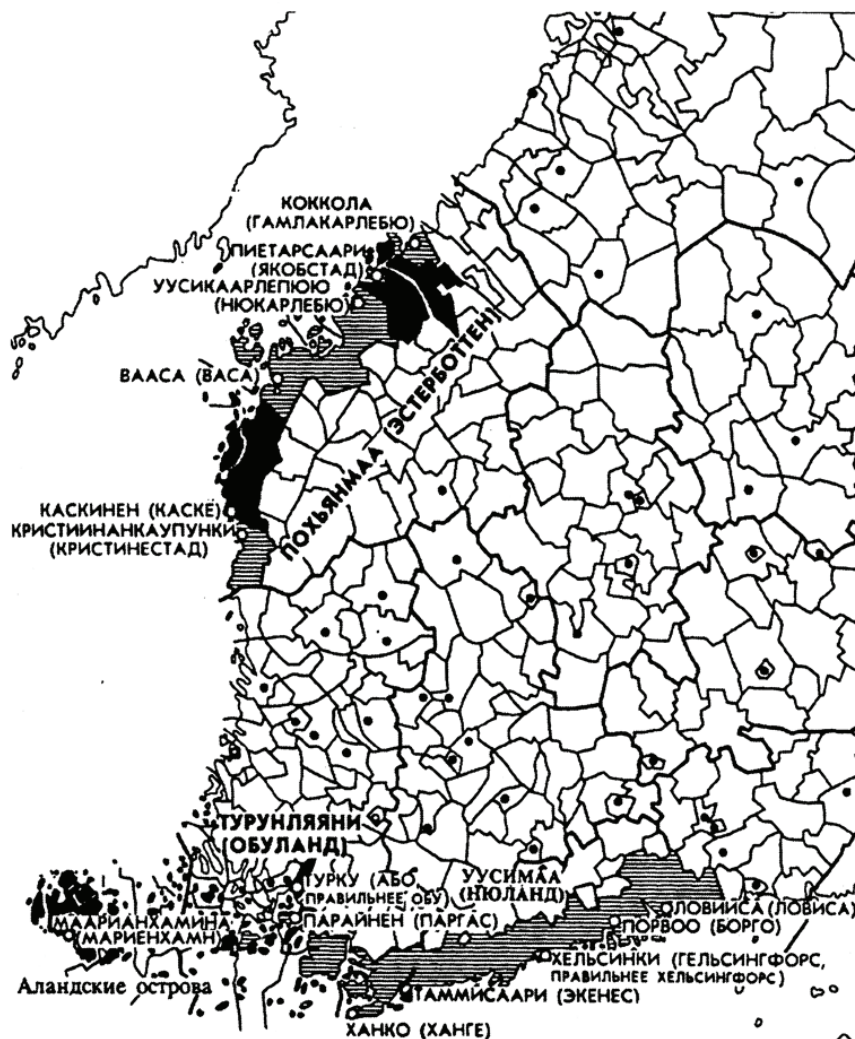
Глаголы (сильные, слабые, неправильные) по лицам и числам не изменяются. Система времен — общая с другими германскими языками.

§ 102. Шведский язык в Финляндии.

Западная Финляндия подвергалась нападениям шведских викингов начиная с IX в. Первый крестовый поход против язычников-финнов был принят в середине XII в. при шведском короле Эрике Святом. В результате этого похода было подчинено и обращено в христианство финское племя *сумь*. Второй крестовый поход в 1249 г. под руководством ярла Биргера привел к завоеванию и крещению финского племени *емь* и основанию Та́вастехуса (теперь Хяменлинна). **В 1284 г. Финляндия стала герцогством, находящимся в подчинении Швеции.** В начале XIV в. к Швеции отходят также западные карельские земли. Финские крестьяне неоднократно поднимали восстания против шведских феодалов; особенно мощным восстанием была так называемая «дубинная война» в самом конце XVI в.

Долгое время **государственным языком**, языком средней и высшей школы, языком культуры **был шведский**. Положение не изменилось и после 1809 г., когда в результате русско-шведской войны Финляндия отошла к России (в качестве «Великого княжества Финляндского»). **Финский был признан государственным языком Финляндии наравне со шведским лишь в 1863 г.**; этому предшествовала длительная борьба финнов за свою культурную независимость. На шведском языке в Финляндии говорит, как отмечалось, **около 300 тыс. человек**, или 6% населения. Компактные группы шведского населения проживают в основном в трех районах — **на Аландских островах, на южном побережье страны** (на северном берегу Финского залива) и **по побережью Ботнического залива** (к югу и северу от города Вааса). Лишь треть финских шведов проживает в коммунах, чисто шведских с точки зрения языка. Примерно для четверти шведов родным является диалект.

На шведском языке ведется обучение в ряде школ, издаются газеты (полтора десятка ежедневных), журналы и книги (до 600 названий ежегодно), ведутся радио- и телепередачи, есть четыре театра. В Турку есть шведский университет (*Åbo akademi*). Имеется шведская политическая партия. Характерно, однако, что **количество шведов** (точнее, лиц, для которых шведский — родной язык) **в стране неуклонно сокращается**: в XVIII в. их было 20%, в середине XIX в. — 15%, сейчас, как упоминалось, они составляют около 6%. Шведский язык в Финляндии, или финляндско-швед-

Шведский язык в Финляндии

После финских названий населенных пунктов и провинций в скобках приведены шведские названия. Участки карты, закрашенные черным, обозначают районы, где распространен только шведский язык; заштрихованные участки — смешанные шведско-финские коммуны; белые участки — чисто финскоязычные коммуны.

ский (finlandssvenska) — вариант литературного шведского языка, характеризующийся рядом особенностей (финляндизмов).

Основные отличия финляндско-шведского варианта от шведского в Швеции (шв. rikssvenska) лежат в области произношения.

Главная черта — отсутствие тонического ударения (за исключением крайних юго-западных диалектов; характерно, что тоническое ударение в этих говорах рассматривается как диалектная черта).

В большинстве финляндско-шведских говоров, далее, есть краткие слоги, в том числе открытые (диал. gräs [græs] ‘трава’, liva [liva] ‘жить’, äta [eta] ‘есть’). Такие слоги характерны, в частности, для ряда топонимов (например, Tavastland, Vågaskär); так они произносятся и в официальном стиле.

Остальные черты носят частный характер.

Сохранилось некоторое количество заимствований из русского, восходящих к периоду, когда Финляндия входила в состав России. Ограничимся двумя примерами: remont ‘ремонт’ — шв. reparation; prenika (< рус. *пряник*) ‘(шутл.) орден, медаль’.

Диалектные различия значительны и препятствуют порою взаимопониманию.

Норвежский язык

§ 103. Общие сведения.

Норвежский язык (norsk [noʃk]) — государственный язык Норвегии (4,7 млн. человек). Административно в состав Норвегии входит также архипелаг Шпицберген (по-норвежски Svalbard) и остров Ян-Майен. Кроме того, Норвегии принадлежат два ненаселенных острова в южном полушарии.

Языковая ситуация в Норвегии необычна: единого литературного языка нет. **Норвежский язык представлен двумя юридически равноправными вариантами — букмолем (bokmål) и «новонорвежским» (nynorsk).** Подробнее об этом см. следующий параграф.

§ 104. История.

Историю норвежского языка делят на периоды древненорвежский (до 1525 г.) и новонорвежский (после 1525 г.). Нередко выделяют средненорвежский (1370–1525).

Примечание. Поскольку древненорвежский и древнеисландский очень близки, в Норвегии оба языка называют древненорвежским. Поэтому вся богатейшая литература на древнеисландском (§ 114) считается норвежцами древненорвежской (gammelnorsk).

В XIV в. Норвегия подпадает под власть Дании, и норвежский язык постепенно вытесняется из всех официальных сфер. Кроме политических

причин вытеснению норвежского языка способствовала «черная смерть» — катастрофическая по своим последствиям эпидемия чумы, которая поразила Европу в середине XIV в. и в результате которой, в частности, вымерло почти все грамотное население Норвегии.

В городах образуются смешанные говоры преимущественно с датскими лексикой и морфологией и норвежскими фонетикой и синтаксисом. В сельской же местности народ говорит на диалектах, являющихся результатом развития древненорвежских говоров.

Такое положение сохраняется до второй половины XIX в., когда начинается борьба за создание норвежского литературного языка. Эта борьба идет в двух направлениях.

Первое направление — **«норвегизация» литературного языка**, т. е. приведение письменной (датской!) нормы в соответствие с речевой практикой образованного норвежского населения. (Характерно, что язык, на котором писали Хенрик Ибсен и другие выдающиеся писатели XIX в., назывался тогда **датско-норвежским**.) В 1890 г. эта форма литературного языка получила название **«риксмол»** (в современной орфографии riksmål, букв. ‘государственный язык’).

Второе направление — **создание литературного языка на основе сельских говоров** — связано с именем талантливого филолога-самоучки и поэта Йвара Осена (Ivar Aasen, 1813–1896). Исследовав множество диалектов, Осен опубликовал в 1853 г. работу «Образцы народного языка в Норвегии» (в современной орфографии «Prøver av landsmålet i Norge»), где в приложении были приведены образчики текстов, написанных им на языке, который он сам синтезировал из различных диалектных форм, отдавая при этом предпочтение, в общем, архаичным чертам. Таким образом, Осен употребил слово **«ләннсмол»** (landsmål) и как обозначение диалектов сельской речи, и как название созданной им искусственной нормы. Название закрепилось за этим вторым значением. Ләннсмол отвечал определенной общественной потребности, и ряд благоприятных обстоятельств предопределил его успех. В 1885 г. ләннсмол уравнивается в правах с риксмолем в качестве официального языка и языка обучения в школе.

Таким образом, к началу XX в. сложились два варианта литературного языка — риксмол, продукт длительного развития датского языка в Норвегии, пользующийся датской орфографией, **и ләннсмол**, синтезированный из архаичных элементов различных, преимущественно западнонорвежских, говоров, существенно отличавшийся от диалектов восточной, наиболее населенной части страны. Оба варианта нуждались в модернизации, что и стало целью ряда орфографических реформ. (Как будет видно из дальнейшего, «орфографические реформы» в Норвегии — это, в сущности, **реформы языка**, поскольку они затрагивают фонетический облик слова и/или его морфологию.)

Четыре реформы ланнсмол (1907, 1910, 1917, 1938) приблизили его норму к специфике Восточной Норвегии.

Реформ риксмол было три — в 1907, 1917 и 1938 гг. Датская орфография была заменена норвежской, т. е. написание было приведено в соответствие с произношением (ср. датск. tag ‘крыша’, tak ‘спасибо’ и норв. соответственно tak, takk). Однако, помимо этого, вторая реформа ввела как факультативные, а третья как обязательные ряд сугубо разговорных форм, которые многими считались и считаются сейчас нелитературными и даже просторечными. Цель нормализаторов была благая — сблизить оба варианта с перспективой их слияния в будущем в единый норвежский язык, но созданная норма (не считая чисто орфографических моментов), при всей ее кажущейся демократичности, была искусственной и непрестижной и, в общем, большинством населения игнорировалась. В 1981 г. (т. е. через 43 года после третьей реформы!) в «Изменениях орфографии» были восстановлены в правах почти все «традиционные» (т. е. литературные) формы, но при этом были сохранены и «радикальные» (т. е. разговорные) формы. Так, лексема ‘рука’ с определенным артиклем может, согласно последнему орфографическому словарю, иметь в букмоле форму: hånden, hånda, handa и handen (последняя форма, правда, не допускается в официальные тексты и школьные учебники).

В 1929 г. названия вариантов норвежского языка были изменены. Риксмол получил официальное название **букмол** (букв. ‘книжный язык’), а ланнсмол — **«новонорвежский»**. Названия эти, конечно, не отражают их специфики: оба варианта новонорвежские (в смысле ‘современные норвежские’), а «новонорвежский» — более книжный вариант, чем букмол, поскольку в быту им пользуются немногие (те, кто пишет на нем, в быту обычно говорит на диалекте).

Сегодняшнее распределение вариантов таково. **Преобладает букмол:** на нем публикуется **около 90% печатной продукции**, он является **основным языком обучения для примерно 84% школьников**. Позиции «новонорвежского» сильнее всего на юго-западе страны — в фюльках (провинциях) Сонгн-о-Фьюране (основной язык более чем 94% учащихся), Мёре-о-Румсдал (около 58%), Хордаланн (47%, в сельской местности 89%).

§ 105. Фонетика.

Основные особенности норвежской фонетики таковы. (Описывается вариант букмола, характерный для юго-востока страны, особенно Осло.)

Из гласных специфически норвежским, отсутствующим в других скандинавских языках, является очень открытое æ (краткое и долгое), встречающееся перед **r**: væg [væ:ɾ] ‘погода’, verk [værk] ‘произведение’ и «толстым **l**» (см. ниже).

Среди согласных выделяются (свойственные также шведскому) так называемые **супрадентальные**, или **постальвеолярные, согласные** [t̪], [d̪] и др. Они артикулируются сближением кончика языка с границей альвеол и твердого нёба. Супрадентальные согласные возникли из исторических сочетаний **r + t**, **r + d** и т. д. и так же изображаются на письме (**rt**, **rd** и т. д.), ср. *vert* [væt̪:] ‘хозяин’, *horn* [hu:ŋ] ‘рог’, *dårlig* [ˈdɔ:l̪i] ‘плохой’.

Историческое **rs** перешло в восточнорвежских говорах в [ʃ]: *norsk* [noʃk] ‘норвежский’.

Своеобразным звуком является так называемое «толстое l» [L]. Оно встречается только в Восточной Норвегии и только в разговорной речи. Артикулируется оно касанием кончика языка твердого нёба и быстрым движением его в сторону нижних зубов.

Как и все скандинавские языки, кроме датского, норвежский характеризуется **слоговым равновесием** (§ 93, п. 10).

Характерная черта норвежской фонетики — **тоническое ударение**: динамическое, или силовое, ударение сочетается с движением тона в слове. Существует два типа тонического ударения (описание упрощено!):

1) первый тон — это простое повышение или понижение тона к концу слова (в зависимости от условий в предложении);

2) второй тон — это понижение тона в ударном слоге и его повышение в последующем слоге (последующих слогах) до уровня выше исходного.

Первый тон изображается в транскрипции знаком (ˊ): *været* [ˈvæ:ɾə] ‘погода’ (с определенным артиклем), второй — знаком (ˋ): *være* [ˋvæ:ɾə] ‘быть’.

Тоническое ударение **может выполнять различительную функцию**, т. е. существуют пары слов с одинаковым фонемным составом, различающиеся тоном (ср. пример, приведенный в предшествующем абзаце). Таких пар в норвежском несколько тысяч.

Правила распределения тонов довольно сложны и имеют ряд исключений и исключений из исключений. Тоны на письме не обозначаются, и овладение ими — одна из основных трудностей для изучающих норвежский язык.

§ 106. Грамматика.

Грамматический строй норвежского языка сравнительно прост и, в общем, очень схож с грамматическим строем датского и шведского.

Существительное характеризуется категориями рода (в букмоле также категории лица/не-лица), числа, падежа и определенности/неопределенности.

Три грамматических рода четко различаются в «новонорвежском». В букмоле, согласно официальной норме, также действует трехродовая сис-

тема, но фактически формы ж. рода (артикли) употребляются ограниченно, будучи характерными для разговорного стиля и, в меньшей степени, для нейтрального; вместо них употребляются формы м. рода. Последовательно используется с показателями ж. рода лишь небольшое количество существительных; при этом особый неопределенный артикль употребляется меньше определенного. Слова более разговорные, естественно, чаще употребляются с артиклем ж. рода, чем слова книжные (исторически относившиеся к ж. роду). Таким образом, можно считать, что в норвежском есть роды: **общ.**, **ср.** и **ж.** (употребляемый ограниченно). В использовании специфических показателей ж. рода важную роль играют факторы индивидуальные (возраст, социальное происхождение, место рождения, пол и т. п.). Многие до сих пор считают формы ж. рода просторечными и избегают использовать их — во всяком случае в официальной обстановке. Один лишь пример: в консервативной газете «Афтенпостен» слово bok 'книга' с определенным артиклем используется в форме boken, в демократической газете «Дагбладет» — в форме boka.

В норвежском используется так называемое **двойное определение**, т. е. суффицированный артикль при наличии так называемого **свободностоящего артикля** или указательного местоимения (**det store landet** 'большая страна', **dette landet** 'эта страна'), при постпозиции притяжательного местоимения (**sykkelen din** 'твой велосипед'). Многие различают сочетания **den ukjente soldat** 'неизвестный солдат' (обобщенное понятие) и **den ukjente soldaten** (о конкретном человеке).

Категория лица/не-лица в букмоле проявляется в личных местоимениях, заменяющих существительное: **en lærer** 'учитель' — **han**, **en kvinne** 'женщина' — **hun**, **en stein** 'камень' — **den**, **et vindu** 'окно' — **det**. (В «новонорвежском» этого явления нет, т. е. **ein stein** — **han**.)

Падежи: общ. и род. Род. падеж в разговорной речи обычно заменяется предложными или другими конструкциями: **Dags sønn** 'сын Дага (род. п.)' — **sønnen til Dag** и т. д.

Правила употребления артиклей (в том числе и его отсутствие) в основном сходны с правилами других германских языков.

Глаголы (сильные, слабые, неправильные) по лицам и числам не изменяются. Система времен — общая с другими германскими языками.

Необычное положение в норвежском с числительными. Ранее они имели ту же структуру, что и в датском (она характерна также для немецкого, нидерландского и некоторых других германских языков), где единицы идут перед десятками, например '52' — **toogfemti**, букв. 'два-и-пятьдесят'. В 1951 г. был введен «новый способ счета»: десятки стали предшествовать единицам: '52' — **femtito**. С тех пор прошло более полувека. До сих пор около половины норвежцев пользуется «старым способом счета». Харак-

терно также, что один и тот же человек нередко пользуется обоими способами счета: например, диктуя телефонный номер, может сказать ‘52–34...’ *toogfenti — trettifire...* Это еще одна иллюстрация того, как трудно постановлениями изменить речевую практику людей.

§ 107. Лексика.

Поскольку уже в XV в. письменным языком в Норвегии был датский, то до начала XX в. основная масса заимствований входила в норвежский через датский.

С середины XX в. в норвежский входит множество английских заимствований.

Многие изначально датские лексемы, особенно с заимствованными (нижненемецкими) префиксами и суффиксами, были постепенно заменены норвежскими: *ansøkning* ‘заявление’ → *søknad*, *unntagelse* ‘исключение’ → *unntak* и т. п.

Фарерский язык

§ 108. Общие сведения.

На фарерском языке (*føroyskt* [fø:rɪskt]) говорит население Фарерских островов (1400 км²), расположенных в северной части Атлантического океана, примерно посередине между Исландией и юго-западной Норвегией. На 17 обитаемых островах в 80 селениях проживает около 45 тыс. человек; примерно 5 тыс. фарерцев живет в других странах, преимущественно в Дании. Таким образом, по числу говорящих — **50 тыс. человек** — фарерский язык занимает последнее место среди германских языков.

По «Закону о самоуправлении» (1948) Фарерские острова входят в состав Датского королевства на правах автономной его части и обладают самостоятельностью в решении собственных дел (так, в отличие от Дании, Фарерские острова не вступили в Европейское экономическое сообщество). У Фарер есть собственный флаг и своя валюта (бумажные деньги, мелочь — датская).

По упомянутому выше закону 1948 г. **фарерский** — **главный язык островов**, однако датский основательно изучается в школе и наравне с фарерским используется в официальной сфере общения. На практике это, в частности, означает, что все законы, принимаемые лагтингом (парламентом), публикуются с параллельным датским текстом, а распоряжения властей — как правило, только по-датски. Подавляющее большинство фарерцев очень хорошо владеет датским.

С 1938 г. фарерский язык допущен как язык преподавания в школе.

Небольшое количество жителей естественным образом ограничивает возможности публикации печатных изданий на фарерском языке. Однако

в последние десятилетия количество таких публикаций резко возросло. На фарерский язык, в частности, переведены произведения Шекспира, Вольтера, Достоевского, Стриндберга, Камю, «Илиада» Гомера и др. **В год выпускается более ста названий книг.** Выходит шесть газет, из которых пять печатают материалы только на фарерском языке. С 1957 г. функционирует фарерское радио (передачи только на фарерском языке). С 1984 г. работает фарерское телевидение.

Пример Фарерских островов, таким образом, поучителен в отношении языка. За исторически короткий срок он развился из языка устного, бытового общения в литературный язык, успешно обслуживающий все сферы современного развитого общества.

Фарерский язык ближе всего к исландскому, с которым у него много общего в грамматическом строе и словарном составе. С другой стороны, в процессе своего исторического развития он претерпел ряд значительных изменений (особенно в звуковом составе), ставящих его в особое положение среди скандинавских языков. Показательно, что устную исландскую речь фарерцы понимают хуже, чем речь на других скандинавских языках, а исландцы плохо или вовсе не понимают устную фарерскую речь.

§ 109. История.

Фарерские острова были **заселены в первой половине IX в.** выходцами преимущественно из Норвегии, а также из занятых скандинавами областей Англии, Ирландии и близлежащих островов.

Наиболее значительный **памятник** фарерского языка — богатейшая народная поэзия, а именно — передававшиеся изустно **народные баллады** (kvæði [kvæjɹi]). Этот жанр очень популярен на Фарерских островах и по сей день. Баллады исполняются хором с запевалой, и пение сопровождается хороводными плясками. Старейшие баллады возникли в XIV в. Сюжеты баллад весьма разнообразны: это и эпизоды из саг, и исторические темы (например, о Карле Великом), и евангелические мотивы, и сказки, но наиболее видное место занимает цикл баллад о Сигурде («Sjúrdag kvæði» [ʃjuɹɹag kvæjɹi]), одним из главных героев древнегерманской эпической поэзии, и др. На основе первого рукописного собрания баллад выдающийся датский лингвист Расмус Раск составил первую грамматику фарерского языка.

До середины XIX в. фарерский язык, существовавший лишь в устной форме (во всех сферах безраздельно господствовал датский язык), не имел орфографической нормы. Она была создана **в 1846 г. В. У. Хаммерсхайм-бом.** С небольшими модификациями она действует и по сей день. В основу своей системы Хаммерсхаймб положил нормализованную древнеисландскую орфографию.

Основанное на сугубо этимологическом принципе, **фарерское написание весьма неточно отражает реальное звучание слов.** Так, например, пары букв **a** и **æ**, **i** и **y**, **í** и **ý** читаются одинаково. Буква **ð** вообще не имеет собственного фонетического значения. На письме различаются, например, слова *veður* ‘погода’, *vevur* ‘ткань’ и *vegur* ‘дорога’, хотя все они произносятся одинаково — [ve:vur], и т. д.

§ 110. Фонетика.

Звуковой строй фарерского языка обладает рядом особенностей. Кроме общескандинавских черт (слоговое равновесие и др.), можно отметить немалое количество специфически фарерских особенностей (приводимый ниже перечень неполон!).

Гласные существенно различаются а) в «долгом чтении» (т. е. когда гласный по условиям окружения должен быть долгим — в открытом слоге или перед одним согласным) и б) в «кратком чтении» (когда он должен быть кратким), ср. *maður* [mɛavur] ‘человек’ — *manns* [mans] (род. п.), *ráð* [rɔa] ‘совет’ — *kálvur* [kɔlvur] ‘теленок’, *ljós* [ljous] ‘свет’ — *fólk* [fœlk] ‘народ’ и т. д.

Смычные, на письме обозначающиеся звонкими (**b**, **d**, **g**), — глухие непридыхательные (как в датском и исландском).

Есть «глухие сонанты» (т. е. глухие корреляты сонантов), например [ŋ], [ʎ].

В фарерском имеется две аффрикаты — [tʃ], [dʒ]; последняя из всех германских языков есть еще только в английском.

Чисто фарерское явление — «**усиление**» исторических стыков слогов: дифтонг с **i**/гласный с **j** > **ggj** [dʒ], дифтонг с **u** > **gv** [gv]: *oyggj* [ɔdʒ] ‘остров’ (ср. исл. *eyja*), *sjógvur* [ʃɛgvur] ‘море’ (> *sjóur*). Это явление является полным аналогом гуттурализации, описываемой законом Хольцмана (§ 18).

Для фарерского языка характерна **сложная морфонология** (изменение звукового состава корня при словоизменении). Пример: *lakur* [lɛakur] ‘плохой’, *lakir* [lɛatʃir] ‘плохие’ (м. п.), *lakt* [lakt] ‘плохое’.

§ 111. Грамматика.

Среди скандинавских языков фарерский занимает по сложности второе место. По сравнению с исландским в нем меньше типов словоизменения, довольно много аналогических выравниваний: например, у глаголов во мн. числе для всех лиц используется одна форма.

Существительное характеризуется наличием трех грамматических родов, двух чисел, четырех падежей и категории определенности/неопределенности. В отношении падежей требуется уточнение. Дело в том, что род. падеж употребляется очень ограниченно и, в общем, за небольшими

исключениями свойствен лишь книжному стилю. Различаются сильное и слабое склонение.

Прилагательные тоже изменяются по родам, числам и падежам, причем во мн. числе имеются, как в исландском, особые формы для каждого рода.

Глаголы — сильные, слабые, неправильные — изменяются по числам, лицам (в ед. числе). Система времен та же, что и в других германских языках.

Исландский язык

§ 112. Общие сведения.

Исландский язык — язык населения Исландии (306 тыс. человек).

Исландский язык в большей степени, нежели какой-либо другой германский язык, сохранил древнюю систему словоизменения и древний словарный состав. Наибольшие изменения по сравнению с древнеисландским произошли в звуковом составе языка, но они лишь незначительно отразились на письме. Морфология отличается от древнеисландской только в несущественных деталях.

С точки зрения лексики, исландский — самый «чистый» из германских языков: заимствований в нем меньше, чем в каком-либо другом германском языке (см. § 117).

Язык имеет четко регламентированную норму. Нет разрыва между письменно-литературным языком и разговорным языком населения.

§ 113. История.

Остров Исландия начал заселяться скандинавами, преимущественно выходцами из Западной Норвегии, с 874 г. Заселение в основном закончилось к 930 г. На протяжении без малого четырех столетий Исландия была независимой страной, высшая власть в которой принадлежала народному собранию — альтингу (alþingi), основанному в 930 г. В 1262 г. страна попала под власть Норвегии, а в 1380 г., вместе с Норвегией, — под власть Дании. Лишь в 1918 г., после пяти с половиной веков датского владычества, Исландия была провозглашена самостоятельным государством, находящимся в личной унии с Данией. Полную независимость страна обрела 17 июня 1944 г. Таким образом, Республика Исландия — **одно из самых молодых государств современной Европы.**

Период в истории языка примерно до середины XVI в. называется древнеисландским, последующий — новоисландским. Это деление условно и спорно, поскольку исландский язык со времени первых дошедших до нас памятников изменился настолько незначительно, что современный исландец без труда читает, например, издания саг в средневековой орфогра-

фии. На древнеисландском языке сохранилась очень богатая и самобытная литература (см. следующий параграф).

Книгопечатание — с 1530 г.

Исландия на протяжении многих веков — страна сплошной грамотности, а древняя литература, особенно родовые саги, или «саги об исландцах», — до сих пор излюбленное чтение исландского народа. Благодаря практически всеобщему знанию, по крайней мере, наиболее значительных образцов древней литературы, в языке сохраняется множество устарелых слов.

Первые поселенцы говорили на западном варианте древнорвежского языка. Вообще различия в области языка в пределах всей Скандинавии в то время, как уже говорилось, еще не ощущались, языки всех скандинавских народностей носили тогда и еще долго название «датского языка» (др.-исл. *ḍǫnsk tunga*). Естественно, со временем язык жителей Исландии стал обнаруживать некоторые отличия от языка жителей Норвегии, но еще в XIII–XIV вв. язык исландцев и норвежцев носил общее название «северного языка» (*norðrœnt mál*). Обозначение «исландский язык» (*íslenskt mál*) возникло только в XV в.

§ 114. Древнеисландская литература.

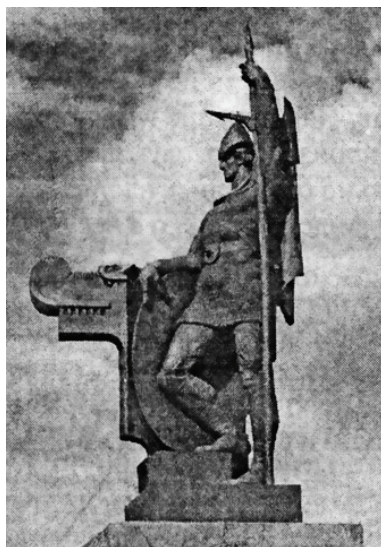
Древнеисландская литература — богатейшая литература европейского средневековья. Ниже будут названы и кратко охарактеризованы основные ее жанры.

Основная масса произведений древнеисландской литературы была записана или написана в XIII в. Среди них выделяются следующие жанры.

1. Эддические песни.

Всего их 29 — распадаются на мифологические и героические.

В первой группе рассказывается о языческих богах древних скандинавов — верховном боге Óдине, о Торе, о коварном боге Лóки и др. Одна из наиболее известных песен этой группы — «Прорицание вёльвы» (прорицательницы, колдуньи). В ней рассказывается о сотворении и устрой-

Викинг.

*Памятник Ингольвуру Арнарсону,
первому поселенцу в Исландии
(г. Рейкьявик)*

стве мира и о «гибели богов» (конце мира). Но после гибели мира все возрождается снова. Выделяется также песня «Речи высокого», т. е. Одина. В ней сообщается жизненная мудрость, причем даются поучения вполне практические, отражающие мораль средневекового человека. Вот один образец:

«Прежде чем в дом / войдешь, все входы / ты осмотри / ты огляди, — / ибо как знать, / в этом жилище недругов нет ли».

Героические песни «Эдды» очень архаичны по форме и содержанию. Большинство их южногерманского происхождения. Историческая основа у этих сказаний та же, что и у немецкого героического эпоса «Песнь о Нибелунгах», — события Великого переселения народов. Несколько героических песен (песни о Хельги) — скандинавского происхождения.

Для стиля «Эдды», как и для поэзии скальдов (об этом ниже), было характерно применение кеннингов. **Кеннинг** — перифрастическое (описательное) выражение, которым в поэзии заменялось существительное, например вместо слова «воин» мог использоваться кеннинг «яшень сражения», вместо слова «бой» — «тинг [т. е. вече] кольчуг» и т. д. Для многих понятий существовало по множеству кеннингов. Эддические кеннинги в основном двучленные.

Эддические песни были сложены аллитерационным стихом, т. е. стихом, где начальный звук повторяется в строго определенных местах. Рифм не было. Таким образом, аллитерация — это то, что организует эддический (и вообще древнегерманский) стих. Пример: *hverfa af himni / heidar stjörnu* «исчезают с неба / ясные звезды».

2. Скальдическая поэзия.

Скальдами назывались норвежские и, особенно, исландские поэты IX–XIII вв. Всего до нас дошли стихи около 250 скальдов (в виде фрагментов в других произведениях).

Скальдические стихи всегда посвящены каким-либо конкретным событиям. Очень распространенный жанр — хвалебная песнь в честь какого-либо правителя или вождя. За такие стихи скальды получали щедрое вознаграждение. Широко распространены были «стихи на случай» (*leysavísur*), посвященные какому-либо конкретному происшествию. Были и другие скальдические жанры, например хулительные стихи.

Для скальдической поэзии была характерна крайне усложненная форма: строгая аллитерация, сложная система внутренних рифм, переплетение предложений в строфе, хейти (поэтические синонимы) и изощренная система кеннингов, состоящих из нескольких членов. Относительно простой пример — кеннинг ворона: «лебедь пота шипа ран», ибо «шип ран» — меч, «пот меча» — кровь, «лебедь крови» — ворон.

Долгое время считалось, что поэзия скальдов вообще непереводаима на другие языки. Приятно отметить, что это мнение опровергнуто в нашей стране. Из замечательных переводчиков скальдических стихов особо отметим проф. О. А. Смирницкую и ныне покойного С. В. Петрова. Вот его перевод строфы из «Выкупа головы» самого знаменитого скальда Эгиля, сына Грима Лысого:

Серп в жатве сеч —
 Сек вежи с плеч.
 А ран рогач
 Лил красный плач.
 И стали рдяны
 От стали лдяной
 Доспехи в рьяной
 Потехе бранной.

3. Саги.

Саги — наиболее известные произведения древнеисландской литературы, выдающиеся памятники средневековой культуры. Среди разных жанров саг наиболее значительные — «**саги об исландцах**», или **родовые саги**, рассказывающие о драматических событиях в жизни исландцев, живших в X–XI вв. Наиболее известные из них — «Сага о Ньяле», «Сага об Эгиле», «Сага о Грёттире», «Сага о людях из Лососьей долины» и др. Всего «саг об исландцах» около шестидесяти. Реализм, яркость и драматичность повествования, точный и немногословный стиль, гордые и мужественные герои — благодаря всему этому саги сохраняют до наших дней свою литературную ценность. Далее, это так называемые **королевские саги**, исторические рассказы о норвежских королях и Норвегии. Среди них самое видное место занимает «Круг земной», написанный Снорри Стурлусоном (1178–1241) около 1230 г. Были и другие виды саг.

4. «Младшая Эдда» Снорри Стурлусона.

Особое место в древнеисландской литературе занимает «**Младшая Эдда**» Снорри Стурлусона, представляющая собой одновременно учебник скальдического искусства и богатейшее описание древнескандинавской мифологии.

§ 115. Фонетика.

Основные особенности исландской фонетики таковы. Помимо общего для всех скандинавских языков, кроме датского, **слогового равновесия** (§ 93, п. 10), а также характерной и для датского и фарерского глухоты **p, t, k**, отметим некоторые особенности.

Важно! Гласные буквы со знаком ударения, например **á** (в древнеисландском знак (´) означал долготу), обозначают в современном исланд-

ском иные звуки, нежели эти же буквы без знака ударения, например: *bara* [ba:ra] ‘только’ и *bára* [bau:ra] ‘волна’, *lif* [li:v] ‘жизнь’ и *lífa* [li:va] ‘жить’ и т. д.

1. Есть **палатализованные глухие смычные k', g'**, например *kýr* [k'i:r] ‘корова’.

2. Сохранился древний звук **ʀ** и его звонкий вариант **ð**, например *rað* ‘это; оно’.

3. Есть **«глухие сонанты»** (правильнее: глухие корреляты сонантов): *hljóð* [ljou:ð] ‘звук’ (ср. *ljóð* [ljou:ð] ‘стихотворение’).

Примечание. Представление о звучании глухих сонантов можно получить, произнося шепотом звуки [l], [r], [n], [m]. В русском языке глухо произносятся сонанты после глухого согласного в конце слова, например *театр*, *вошь*.

4. **Ряд исторических диссимиляций** (разуподоблений): *steinn* [steiɳn] ‘камень’ (им. п. ед. ч.), *allur* [aðlʏr] ‘весь’ (м. р. им. п. ед. ч.), *barn* [baɳn] ‘ребёнок’ и т. д. Они не отразились на письме.

5. Важной чертой исландской фонетики является так называемая **преаспирация**, т. е. придыхание перед согласным звуком: *vatn* [vahtɳ] ‘вода’, *ekki* [ɛhk'i] ‘не’, *nótt* [noɳht] ‘ночь’. (Напротив, постаспирация, т. е. придыхание после согласного звука, ср. англ. *tree* [tʰri:] ‘дерево’, широко распространена в германских языках и, естественно, в исландском.)

6. Важная черта — **отсутствие редукции безударных окончаний**: в них возможны звуки [a], [i], [ʏ] (любопытно, что нет характерного почти для всех германских языков звука [ə]). Благодаря этому набор грамматических показателей в исландском очень богат.

7. Во всех исландских словах без исключения, включая заимствованные, **ударение падает на первый слог**.

§ 116. Грамматика.

Исландская грамматика — морфология и синтаксис — **самая сложная из всех грамматик германских языков**. В ряде случаев имеют место различные сложные фonomорфологические чередования, унаследованные от древнеисландского.

Проиллюстрируем сказанное парадигмой склонения слова м. рода *fjörður* ‘фьорд’, правда, относящегося к сравнительно малочисленному (и сложному!) так называемому склонению на **u** (слов с историческим основообразующим суффиксом -u-), но охватывающему, однако, ряд весьма употребительных слов:

• ед. ч. им. *fjörður* (преломление на **u**, § 93); род. *fjarðar* (преломление на **a**, § 93); дат. *fjörði* (перегласовка на **i**, § 15); вин. п. *fjörð* (преломление на **u**);

• мн. ч. им. *fiḡḡir* (перегласовка на **i**); род. *fjarða* (преломление на **a**); дат. *fjörðum* (преломление на **u**); вин. п. *fiḡḡi* (перегласовка на **i**).

Существительное имеет четыре падежа, два числа и три грамматических рода. Существуют сильное и слабое склонение, многочисленные типы словоизменения. Общее число их можно определить в несколько десятков.

Артикль есть только определенный. Исландский — единственный германский язык, в котором **нет неопределенного артикля**. Использование определенного артикля обнаруживает некоторые отличия от других германских языков.

Прилагательные изменяются по родам (также во мн. числе!), падежам, числам и степеням сравнения. Есть несколько типов склонения прилагательных.

Глаголы есть сильные, слабые, претерито-презентные и неправильные. Сильных глаголов в исландском раза в два больше, чем в каком-либо другом германском языке.

Глагол спрягается по лицам и числам.

Есть полная парадигма флективного сосл. наклонения.

§ 117. Лексика.

Лексика исландского языка примечательна, по меньшей мере, в двух отношениях.

Во-первых, — это ее **исключительное богатство**. Исландцы, видимо, — самый читающий народ в мире и один из «наиболее поэтических»: стихи здесь сочиняет множество людей, и средний исландец помнит тысячи стихотворных строк. Благодаря этому в памяти народа сохраняется богатейшая поэтическая лексика древнего периода.

Во-вторых, — это **крайне низкий удельный вес заимствований** в языке. Из всех германских языков исландский — «наиболее германский» по своей лексике.

Причины этого положения таковы. Поскольку Исландия всегда была страной, в которой много читали, но при этом до сравнительно недавнего времени была страной крестьянской, книги предназначались для широкой, но не очень образованной, особенно в области иностранных языков, аудитории. За образец, далее, бралась чистота языка древнеисландской литературы. Наконец, и это, видимо, главное, сам исландский язык всегда был для исландцев не просто средством общения, но и культурной ценностью, национальным достоянием, «священным огнем в очаге народном», как сказал один исландский поэт. Борьба за сохранение чистоты языка была для исландцев в то же время борьбой за сохранение культурного наследия древней свободной Исландии, борьбой против датского господства.

Так сложилась традиция не допускать в исландский язык иностранные слова, рассматривать их как порчу языка, как уродство.

При создании *þúugði*, букв. ‘новословий’, т. е. неологизмов, исландцы проявляют большую изобретательность.

Для начала рассмотрим группу, в которой слова, наряду с первичным, конкретным, бытовым значением, приобрели метафорическое, абстрактное. Показательный пример: *kerfi* изначально означало ‘сноп’, затем приобрело **дополнительное** значение ‘система’. Ср. далее: *orka* ‘сила, мощь’ + ‘энергия’, *lest* ‘караван лошадей’ + ‘поезд’, *sía* ‘решето, сито’ + ‘фильтр’ и т. д.

Во многих случаях используется внутренняя форма заимствования. Ср. *хлорофилл* (> гр. *chlōros* ‘зеленоватый’, *phyllon* ‘лист’) и исл. *blaðgræna* (*blað* ‘лист’, *græna* ‘зелень’, т. е. ‘листозелень’), *радиоактивный* (< лат. *radius* ‘луч’, *activus* ‘деятельный, действующий’) и исл. *geislavirkur* (*geisli* ‘луч’, *virkur* ‘действующий, активный’) и т. д.

Очень много некалькированных неологизмов, ср. датск. *homøopat* (< гр. *homoios* ‘подобный’, *pathos* ‘страдание’, т. е. ‘лечащий заболевание теми веществами, которые его вызывают’) и исландский эквивалент *smáskammtalæknaði* (*smá-* ‘мало’, *skammtur* ‘доза, порция’, *læknaði* ‘врач’, букв. ‘малодозо-врач’, т. е. ‘врач, лечащий малыми дозами’). Ср. далее: лат. *dictatura* (> *dictare* ‘повелевать’) и исл. *einræði* (‘единоличное правление’), лат. *mutatio* (‘изменение, перемена’) и исл. *stökkþróun* (*stökkur* ‘скачок’, *þróun* ‘развитие’, т. е. ‘скачкообразное развитие’).

Иногда в качестве мотивирующего берется второстепенный признак, не раскрывающий сущности значения слова, например *þota* ‘реактивный самолет’ (от *þjóta* ‘выть, проноситься с ревом’).

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Английский язык

Some languages are remarkably rich in words with specific meanings, while others utilize general terms and neglect unnecessary details. French is usually regarded as a highly ‘abstract’ language, whereas German is fond of ‘concrete’, particular terms. It may be noted that ‘concrete’ and ‘abstract’ are used in this context not in their usual senses, but as synonyms of ‘particular’ and ‘general’.

(Ullmann, Stephen. Semantic Universals (Universals of Language),
цит. по кн.: Хидекель С. С. и др. Английская лексикология
в выдержках и извлечениях. Л., 1969)

Глоссарий

some ‘некоторые’	a — <i>неопределенный артикль</i>
language ‘язык’	highly ‘высоко, в высокой степени’
are — 1–3-е лицо мн. ч. наст. вр. от be ‘быть’	abstract ‘абстрактный’
remarkably ‘удивительно, крайне’	whereas ‘в то время как... (напротив)’
rich in... ‘богатый чем-л.’	German ‘немецкий язык’
word ‘слово’	be fond of... ‘любить’
with ‘с’	concrete ‘конкретный’
specific ‘специфичный, специальный’	particular ‘частный, специфичный’
meaning ‘значение’	it may be noted ‘можно отметить’ (it — <i>формальное подлежащее</i> ; may ‘мо- жет’; be noted — <i>пассив от note</i> ‘заме- чать’)
while ‘в то время как, тогда как’	that ‘что’ (<i>союз</i>)
other ‘другой’	use ‘использовать’
utilize ‘пользоваться чем-л., использовать что-л.’	in ‘в’
general ‘общий’	this ‘этот’
term ‘слово, выражение’	context ‘контекст’
and ‘и’	not ‘не’
neglect ‘пренебрегать чем-л., оставлять что-л. без внимания’	their ‘их’
unnecessary ‘несущественный’	usual ‘обычный’
detail ‘деталь, частность’	sense ‘смысл, значение’
French ‘французский язык’	but ‘но’
is regarded ‘рассматривается’ (is — 3-е лицо ед. ч. наст. вр. от be)	synonym ‘синоним’
usually ‘обычно’	of — <i>предлог, обозначающий принадлеж- ность в широком смысле</i>
as ‘как’	

Фризский язык

Yn Fryslân is it foar in mearderheid fan de befolking hiel gewoan om Frysk prate (en ferstean) te kinnen. It Frysk is foar har de ‘memmetaal’ of in taal dy’t se út har omjouwing meikrije. De oerhearskjende taal fan it ûnderwiis yn Fryslân is lykwols it Nederlânsk. Dat wol sizze dat alle bern as se op de leger skoalle komme der it lêzen en skriuwen fia it Nederlânsk leare. Útsein as se nei in saneamde twatalige skoalle gean.

(Taal yn Fryslân: Ûndersyk nei taalgedrach en taalhâlding yn Fryslân. Ljouwert, 1984)

Глоссарий

yn ‘в’	it — 1) <i>формальное подлежащее</i> ; 2) <i>определенный артикль ср. р.</i>
Fryslân ‘Фрисландия’	foar ‘для’
is — 3-е лицо ед. ч. наст. вр. от wêze ‘быть’	

- in** — неопределенный артикль
mearderheid ‘большинство’
fan — предлог, обозначающий принадлежность
de — определенный артикль общ. р. и мн. ч.
befolking ‘население’
hiel ‘совсем, полностью’
gewoan ‘обычный’
Frysk ‘фризский (язык)’
om... te... — оформление инфинитивного оборота
prate ‘говорить’
en ‘и’
ferstean ‘понимать’
kinne ‘мочь’
har — 1) объектн. п. от **hja** ‘они’; 2) ‘их’
memmetaal ‘родной язык’ (**mem** ‘мать’)
of ‘или’
dy’t ‘который, -ая и т. д.’
se — энклитическая форма от **hja** ‘они’
út ‘из’
omjouwing ‘окружение’
meikrije ‘приобретать’ (букв. ‘получать с собой’)
oerhearskjende ‘преобладающий, доминирующий’
taal ‘язык’
ûnderwiis ‘преподавание, обучение’
lykwols ‘однако, всё же’
Nederlânsk ‘нидерландский’
dat wol sizze ‘это значит’ (**sizze** ‘сказать’)
dat ‘что’ (*союз*)
alle ‘все’
bern ‘ребёнок’
as ‘когда’
op ‘на, в’
legere ‘начальный’ (*от leech* ‘низкий’)
skoalle ‘школа’
komme ‘приходить, поступать’
dêr ‘там’
lêze ‘читать’
skriuwe ‘писать’
fia (< *lat. via*) ‘через (посредство)’
leare ‘учить’
útsein ‘за исключением (тех случаев)’
nei ‘после’
saneamd ‘так называемый’ (**sa** ‘так’, **neame** ‘называть’)
twatalich ‘двуязычный’
gean ‘идти, поступать’

Нидерландский язык

Er bestaat een Surinaams-Nederlands. Dat betekent niet, dat alle Surinamers eenzelfde Nederlands spreken en schrijven en dat dit Surinaams-Nederlands duidelijk omschrijfbaar van het algemeen beschaafd Nederlands verschilt. Integendeel, het Surinaams-Nederlands bestaat uit twee uiterste vormen met daartussen een scala van overgangen.

(D o n s e l a a r J. v a n. Woordenboek van het Surinaams-Nederlands. Utrecht, 1976)

Глоссарий

- er** — мнимое подлежащее при рематическом подлежащем
bestaan 1) ‘существовать, иметься’;
 2) ‘состоять’
een — неопределенный артикль
Surinaams-Nederlands ‘суринамско-нидерландский (диалект)’
dat 1) ‘это’; 2) ‘что’ (*союз*)
betekenen ‘означать’
niet ‘не’

alle 'все'
Surinamer 'суринамец'
eenzelfde 'один и тот же'
spreken 'говорить'
en 'и'
schrijven 'писать'
dit 'этот' (ср. р.)
duidelijk 'четко'
omschrijfbaar 'так, что это можно описать'
van 1) 'от'; 2) *выражает отношение принадлежности в широком смысле (переводится русским род. п.)*

het — *определенный артикль ср. р.*
algemeen beschaafd Nederlands (ABN)
 'литературный нидерландский язык'
verschillen 'отличаться'
integendeel 'напротив'
uit 'из'
twee 'два'
uiterst 'крайний'
vorm 'форма'
met 'с'
daartussen 'между ними'
scala 'шкала'
overgang 'переход'

Африкаанс

Die eienaardige karakter van Afrikaans is vir 'n groot deel te danke aan die omstandigheid dat Suid-Afrika so ver van die moederland gelee is. Die betrekkinge wat die ou koloniste met die moederland onderhou het, moes noodwendig deur die betreklik geringe verkeer verslap. Die onderwys in die Nederlandse taal kon weens allerlei omstandighede hier nooit so doeltreffend wees as daar nie.

(Breyne M. R. Lehrbuch des Afrikaans. München, s. a.)

Глоссарий

die — *определенный артикль*
eienaardig 'своеобразный'
karakter 'характер'
van — 1) *предлог, обозначающий принадлежность в широком смысле*; 2) 'от'
is te danke aan... 'вызван..., обусловлен..., объясняется...' (**is** — *наст. вр. от wees* 'быть'; **te** — *инфинитивная частица*; **dank** 'благодарить')
vir 'n groot deel 'большой частью, в основном, преимущественно'
omstandigheid (мн. ч. ...**hede**) 'обстоятельство'
dat 'что' (союз)
Suid-Afrika 'Южная Африка'
so 'так'
ver 'далеко'
moederland зд. 'метрополия'

is gelee 'расположена' (**lê** 'класть')
betrekking 'отношение, связь'
wat — *относительное местоимение*
ou 'старый'
kolonis (мн. ч. ...**iste**) 'колонист, поселенец'
met 'с'
onderhou 'поддерживать'
het — *наст. вр. вспомогательного глагола hê, служащего для образования перфекта*
moes — *претерит модального глагола moet* 'долженствовать'
noodwendig 'по необходимости, неизбежно'
deur 'вследствие, из-за'
betreklik 'сравнительно, относительно, довольно'

gering 'незначительный'
verkeer 'связь, сообщение, отношение'
verslap 'ослабевать'
onderwys in... 'преподавание чего-л.,
 обучение чему-л.'
Nederlands 'нидерландский'
taal 'язык'
kon — *претерит от kan* 'мочь'

weens 'из-за, по причине'
allerlei 'всякого рода'
hier 'здесь'
nooit 'никогда'
doeltreffend 'эффективный'
as 'как'
daar 'там'
nie 'не'

Немецкий язык

1. Литературный немецкий

Neben der mundartlich geprägten Alltagssprache beherrscht und benutzt der Schweizer ein der hochdeutschen Schriftsprache angenähertes sogenanntes Schweizer Hochdeutsch (A. Bach). Es ist die Sprache der volkstümlichen Literatur, vieler Behörden, des Militärs und in begrenztem Sinne der Zeitungen, der Schule und des Rundfunks, geprägt durch einen bodenständigen Wortschatz und eigene syntaktische Fügungen.

(Die deutsche Sprache: Kleine Enzyklopädie in zwei Bänden.
 Erster Band. Leipzig, 1969)

Глоссарий

neben 'наряду' (*основное значение* 'рядом')
der — *определенный артикль* 1) *дат.*,
род. п. ж. р.; 2) *им. п. м. р.*; 3) *род. п.*
мн. ч.
mundartlich geprägt 'диалектно окра-
 шенный, являющийся диалектным'
(prägen 'накладывать отпечаток')
Alltagssprache 'язык повседневного об-
 щения' (**Alltag** 'будни'; **Sprache** 'язык')
beherrschen 'владеть чем-л.'
und 'и'
benutzen 'пользоваться чем-л.'
Schweizer 1) 'швейцарец'; 2) 'швейцар-
 ский'
ein... Hochdeutsch 'неким приближен-
 ным к литературному немецкому
 письменному языку так называемым
 швейцарским литературным немецким'
(ein — *неопределенный артикль вин.*,

им. п. ср. р.; **hochdeutsch** 'верхне-
 немецкий, литературный немецкий')
Schriftsprache 'литературный (письмен-
 ный) язык'
angenähert 'приближенный' (**annähern**
 'приближать')
sogenannt 'так называемый' (**so** 'так';
nennen 'называть')
es — *личное местоимение 3-го лица ед. ч.*
ср. р.
die — *определенный артикль им., вин. п.*
ж. р.
ist — *3-е лицо ед. ч. от sein* 'быть'
volkstümlich 'народный'
Literatur 'литература'
viele 'многие'
Behörde 'учреждение'
des — *определенный артикль род. п. м.,*
ср. р.
Militär 'армия, военные'

in 'в'
begrenzt 'ограниченный'
Sinn 'смысл'
Zeitung 'газета'
Schule 'школа'
Rundfunk 'радио'
durch — *предлог, зд. переводимый при помощи тв. п. (основное значение 'через')*

einen — *неопределенный артикль вин. п. м. р.*
bodenständig 'местный'
Wortschatz 'лексика, словарный состав'
eigen 'собственный; своеобразный'
syntaktisch 'синтаксический'
Fügung *зд. 'конструкция' (основное значение 'соединение, сочетание')*

2. Швейцарско-немецкий (Цюрих)

De Stadtraat hät er mit groossem Erfolg presidiert, und won er aline für ire Aarbet tanket ghaa hat, hat er en Taxi gnaa und isch uf de Baan-hoof gfaare. Im Baanhoofbüffee hat er sym Fründ agglüüet. Na vor er uf de Perrong ggangen isch, hat er es Retuurbileet glööst und hat mit Schwyzerfranke zalt.

(Keller R. E. Diglossia in German-speaking Switzerland // Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester. 1973. Vol. 56. Nr. 1)

Глоссарий

(в скобках приводятся соответствия в литературном немецком языке)

de — *определенный артикль м. р. вин. п. (den)*
Stadtraat 'магистрат'; *зд. 'заседание магистрата' (Magistrat, швейц.-нем. Stadtrat)*
hät — *3-е лицо ед. ч. наст. вр. вспомогательного глагола haa, образующего с причастием II перфект (hat — haben)*
er 'он' (**er**)
mit 'с' (**mit**)
grooss 'большой' (**groß**)
Erfolg 'успех' (**Erfolg**)
presidiere (+ *вин. п.*) 'председательствовать' (**den Vorsitz führen, швейц.-нем. präsidieren**)
und 'и' (**und**)
won 'когда, после того как' (**nachdem**)
aline — *дат. п. мн. ч. от all, букв. 'всем; всех' (allen)*
für 'за' (**für**)
ire — *вин. п. ж. р. от ire 'их' (ihre)*
Aarbet 'работа' (**Arbeit**)

tanket ghaa hat 'поблагодарил' (**gedankt hatte** — *плюсквамперфект*): **tanket** — *причастие II от tanke (+ дат. п.) 'благодарить' (danken); ghaa* — *причастие II от haa*
en — *неопределенный артикль м. р. вин. п. (einen); в литературном Taxi* — *существительное ср. р.)*
gnaa — *причастие II от nää 'брать' (genommen — nehmen)*
isch — *3-е лицо ед. ч. наст. вр. вспомогательного глагола sy, образующего с причастием II перфект ряда глаголов, в том числе движения (ist — sein)*
uf 'na' (auf, зд. в литер. языке zu)
Baanhoof 'вокзал' (**Bahnhof**)
gfaare — *причастие II от faare 'ехать' (gefahren — fahren)*
im — *предлог i(n) + определенный артикль ср. р. дат. п. em (im)*
Büffee 'буфет' (**Gaststätte, швейц.-нем. Buffet**)

sym — *дат. п. ед. ч. м. р. от syn* ‘свой’
(**seinem** — **sein**)
Fründ ‘друг’ (**Freund**)
aaglüütet — *причастие II от aaglüüte*
(+ *дат. п.*) ‘звонить (по телефону)’ (**an-**
rufen + *вин. п., швейц.-нем. anläuten*)
na vor ‘до того как’ (**bevor**)
Perrong ‘перрон’ (**Bahnsteig**, *швейц.-нем.*
Perron)
ggange(n) — *причастие II от gaa* ‘идти’
(**gegangen** — **gehen**)
es — *неопределенный артикль ср. р. им.*

и вин. п. (ein)
Retourbileet ‘обратный билет’
(**Rückfahrkarte**, *швейц.-нем.*
Retourbillet)
glööst — *причастие II от lööse* ‘покупать’
(**gelöst** — **lösen**)
Schwyzzerfranke ‘швейцарские франки’
(**Schweizer Franken**, *швейц.-нем.*
Schwyzzerfranken)
zalt — *причастие II от zale* ‘платить’
(**bezahlt** — **bezahlen**)

3. Люксембургский

Mär hun déi traureg Flicht, den Doud vun eiser léiwer Mamm, Schwéiermamm, Borni, Schwester a Schwéiesch, dem Josephine Backes, Wittfrô vun Paul Urbany, matzedeele. Si as no langer Krankheet den 3. Dezember 1985 zu Esch am Spidol am Alter vu 76 Joer gestuerwen...

(Zeitung vum Lëtzebuurger Vollek. 6.12.1985)

Глоссарий

(в скобках приводятся соответствия в литературном немецком языке)

mär ‘мы’ (**wir**)
hun ‘имеем’ (**haben**)
déi — *определенный артикль ж. р. вин. п.*
(**die**)
traureg ‘печальный’ (**traurig**, *зд. форма*
traurige)
Flicht ‘долг’ (**Pflicht**)
den — *определенный артикль м. р. вин. п.*
(**den**)
Doud ‘смерть’ (**Tod**)
vun — *предлог, выражающий отношение*
принадлежности в широком смысле
(**von**)
eiser ‘наш’ (**unser**, *зд. форма* **unserer**)
léiwer — *дат. п. ед. ч. ж. р.* ‘любимой’
(**lieber**)
Mamm ‘мать’ (**Mutter**)
Schwéiermamm ‘свекровь, теща’
(**Schwiegermutter**)
Borni ‘бабушка’ (**Großmutter, Oma**)

Schwester ‘сестра’ (**Schwester**)
a ‘и’ (**und**)
Schwéiesch ‘невестка’ (**Schwägerin**)
Wittfrô ‘вдова’ (**Witwe**)
matdeelen ‘сообщить’ (**mitteilen**); *форма*
matzedeele *содержит инфинитивную*
частицу ze (zu)
si ‘она’ (**sie**)
as... gestuerwen ‘умерла’ (**ist gestorben**)
no ‘после’ (**nach**)
langer — *дат. п. ед. ч. ж. р.* ‘долгой’
(**langer**)
Krankheet ‘болезнь’ (**Krankheit**)
Dezember ‘декабрь’ (**Dezember**)
zu *зд.* ‘в’
am ‘в’ + *артикль*
Spidol ‘больница’ (**Hospital**)
Alter ‘возраст’ (**Alter**)
vu = vun
Joer ‘год’ (**Jahr**)

Идиш

Вариант 1. Еврейский шрифт

יידיש איז דאך אומעטומו געווען א שפראך אין קאָנטאט, בשכנות מיט אַן אַנדער לשון בני יעדן יינציקן פונקט פון זיין היסטאָרישער שפראך-טעריטאָריע, און אהוצ דעם האָט די מאסן-עמיגראציע געבראכט יידישרעדןדיקע פון פֿארשיידענע דיאלעקטן אין קאָנטאט יינער מיטן אנדערן, ווי אויך מיט נייע לשונות: ענגליש אין צפון-אמעריקע, שפאניש אין לאטיין-אמעריקע, אראביש און עברית אין טערקיש פאלעסטינע און דערנאָך אין ישראל

Вариант 2. Транскрипция

Jidiš iz dox umetum geven a šprax in kontakt, bišxaines mit an ander lošn bai jedn ejncikn punkt fun zain historišer šprax-teritorie, un axuc dem hot di masn-emigracie gebraxt jidišredndike fun faršeidene dialektn in kontakt einer mitn andern, vi oix mit naje lešojnes: engliš in cofn-amerike, španiš in latain-amerike, arabiš un ivrit in terkiš palestine un dernox in jisroel.

(The Language and Culture Atlas of Ashkenazic Jewry.
Vol. 1. Tübingen, 1992, p. 1)

Глоссарий

Jidiš 'идиш'

iz — 3-е лицо ед. ч. наст. вр. глагола **zain**

'быть', **iz geven** — форма прош. вр.

этого глагола

dox 'ведь'

umetum 'повсюду, везде'

a, an — неопределенный артикль

šprax 'язык'

in 'в'

kontakt 'контакт'

bišxaines 'рядом, по соседству'

mit 'с'

an — см. выше

ander 'другой'

lošn (мн. ч. **lešóines**) 'язык; речь'

bai (ba) 'у, при, в'

jeder einciker 'любой, всякий' (**jeder**

'каждый', **einciker** 'единственный')

punkt 'пункт, точка'

fün — предлог, выражающий значение принадлежности в широком смысле (переводится при помощи род. п.)

zainer 'его, свой'

historišer 'исторический'

šprax-teritorie 'языковая территория, область распространения языка'

un 'и'

axuc dem 'кроме того'

hot — 3-е лицо ед. ч. наст. вр. вспомогательного глагола **hobn, hot gebráxt** — форма прош. вр. глагола **brenge** 'приносить; приводить'

di — определенный артикль им. и вин. п. ж. р., а также всех надежд мн. ч.

masn-emigracie 'массовая эмиграция'

jidišredndike 'говорящий на идише'

faršeidener 'различный, разный'

dialekt 'диалект'

einer mitn andern 'друг с другом'

vi oix 'также, равно как'

naier 'новый'

lešojnes — см. выше **lošn**

engliš 'английский (язык)'

Cofn-Amerike 'Северная Америка'

španiš 'испанский (язык)'

Latain-Amerike 'Латинская Америка'

arabiš 'арабский (язык)'

ivrit 'иврит'

terkišer 'турецкий'

Palestine 'Палестина'

dernóx 'затем'

Jisróel 'Израиль'

Датский язык

Udbredelsen af et rigstalesprog skyldes naturligvis til dels den mindst syv-årige skoleundervisning som har været påbudt siden 1814. Men vigtigere er den tiltagende mobilitet i samfundet i de sidste hundrede år og påvirkningen fra massemedier som radio og fjernsyn. De fleste forskydninger i udtalen af rigsmålet synes at have deres udspring i København hvorfra de breder sig først til de større provinsbyer og senere derfra igen til landdistrikterne.

(Språkene i Norden. Arlöv, 1983)

Глоссарий

udbredelse 'распространение'

af — *предлог, выражающий принадлежность (в широком смысле слова)*

et — *неопределенный артикль ср. р.*

rigstalesprog 'кодифицированный разговорный язык' (**rige** 'королевство, государство')

skyldes 'объясняться, вызываться'

naturaligvis 'естественно'

til dels 'частично' (**del** 'часть')

den — *определенный артикль общ. р.*

mindst 'минимум'

syvårig 'семилетний'

skoleundervisning 'школьное обучение' (букв. 'преподавание')

som — 1) *неизменяемое относительное местоимение; мн. ч.; 2) 'такие, как'*

har været påbudt 'было обязательным' (*перфект пассива påbyde* 'предписывать, вменять в обязанность')

siden 'с'

men 'но'

vigtigere — *сравнительная степень от vigtig* 'важный'

er — *наст. вр. от være* 'быть'

tiltagende — *причастие I от tiltage* 'увеличиваться'

mobilitet 'подвижность, мобильность'
i 'в'

samfund 'общество'

de — *определенный артикль мн. ч.*

sidst 'последний'

hundrede 'сто'

år 'год'

og 'и'

påvirkning 'воздействие, влияние'

fra 'от, из'

massemedier 'средства массовой информации'

fjernsyn 'телевидение'

flest — *превосходная степень от mange* 'многие'

forskydning 'сдвиг, изменение'

udtale 'произношение'

rigsmål 'литературный язык'

synes at have deres udspring 'видимо, происходят; представляются возникающими' (**synes** 'казаться'; **at** — *инфинитивная частица*; **have** 'иметь'; **deres** — *притяжательное местоимение 3-го лица мн. ч.*; **udspring** 'начало, возникновение')

København 'Копенгаген'

hvorfra 'откуда'

de 'они'
brede sig 'распространяться'
först 'сначала'
til 'к, в'
större 'крупный' (основное значение —
сравнительная степень от stor 'боль-
 шой')
provsby 'провинциальный город'

senere 'позднее' (*сравнительная степень
 от sent* 'поздно')
derfra 'оттуда'
igen *зд.* 'в свою очередь' (*основное значе-
 ние* 'опять, снова')
landdistrikt 'сельский район, сельская
 местность'

Шведский язык

Det finns inga säkra uppgifter om hur länge det har funnits en svensk bosättning i Finland, men de nuvarande bosättningsområdena befolkades av svenskar senast från och med 1200-talet. Områdena med svensk befolkning har tidvis varit något större än nu, men i det stora hela har språkgränserna varit tämligen stabila genom århundradena även om många tidigare enspråkigt svenska områden framför allt under 1900-talet har blivit tvåspråkiga.

(Språkene i Norden. Arlöv, 1983)

Глоссарий

det finns inga... 'отсутствуют, нет' (**det
 finns** 'имеется, имеются'; **inga** — *мн. ч.
 от ingen* 'никакой')
säkra — *мн. ч. от säker* 'надежный, до-
 стоверный'
uppgifter 'данные'
om 'о'
hur 'как'
länge 'долго'
det har funnits — *перфект от det finns*
en — *неопределенный артикль общ. р.*
svensk 1) 'шведский'; 2) 'швед'
bosättning 'поселение'
i 'в'
Finland 'Финляндия'
men 'но'
de — *определенный артикль, мн. ч.*
befolkades — *претерит пассива от
 befolka* 'населять'
av — *предлог, употребляемый, в частно-
 сти, для обозначения агенса*
senast 'самое позднее, не позднее чем'
från och med 'с... включительно'

1200-talet 'XIII век'
med 'с'
befolkning 'население'
har varit — *перфект от vara* 'быть'
tidvis 'временами'
något *зд.* 'несколько'
större — *сравнительная степень от stor*
 'большой'
än 'чем'
nu 'теперь'
i det stora hela 'в общем и целом'
språkgräns 'языковая граница'
tämligen 'сравнительно, относительно'
stabil 'стабильный'
genom 'на протяжении'
århundrade 'столетие'
även om 'хотя... и' (**även** 'также'; **om**
 'если')
många 'многие'
nuvarande 'современный'
område 'область'
tidigare 'ранее'
enspråkigt svenska områden 'области, в

которых распространен только шведский язык’
framför allt ‘прежде всего’
under ‘в, во время’

har blivit — *перфект от bli(va)* ‘становиться’
tvåspråkig ‘двуязычный’

Норвежский язык

Текст № 1. Букмол

Svært mange av de undersøkelene av norske målfører som har blitt foretatt, gir inntrykk av at uttalen ligger fast. Det blir gitt en oversikt over de lydene som fins i dialekten, og over endinger for substantiver og bøyninger av verb. En får lett det inntrykket av dialekten at alt er statisk, at uttalen er den samme for gammel og ung, og at det ikke er vakling i uttalen. Den språklige virkeligheten i et målføre er imidlertid helt ulik dette.

(Språk og samfunn. Oslo, 1979)

Глоссарий

svært ‘очень’
mange ‘многие’
av — *предлог, обозначающий принадлежность (в широком смысле), ‘из’, ‘от’*
de ‘те’
undersøkelse ‘исследование’
norsk ‘норвежский’
målføre ‘диалект, говор’
som — *неизменяемое относительное местоимение*
har blitt foretatt — *перфект пассива от foreta* ‘предпринимать’
gi inntrykk ‘производить впечатление’ (**gi** ‘давать’)
at ‘что’ (*союз*)
uttale ‘произношение’
ligger fast ‘не изменяется’ (**ligge** ‘лежать’, **fast** ‘неизменный’)
det — 1) *формальное подлежащее; 2) ср. р. от den* ‘тот’
blir gitt — *наст. вр. пассива от gi* ‘давать’
en — 1) *неопределенный артикль м. (общ.) р.; 2) неопределенно-личное местоимение*

oversikt over ‘обзор чего-л.’
lyd ‘звук’
fins — *наст. вр. от finnes* ‘иметься’
i ‘в’
og ‘и’
ending ‘окончание’
for *зд. ‘у’ (основное значение ‘для’)*
substantiv ‘существительное’
bøyning *зд. ‘спряжение’*
verb ‘глагол’
få ‘получать’
lett ‘легко’
alt ‘всё’
er — *наст. вр. от være* ‘быть’
statisk ‘статичный’
den samme ‘тот же самый, один и тот же’
gammel ‘старый’
ung ‘молодой’
det er ‘есть, имеется’
ikke ‘не’
vakling ‘колебание’
språklig ‘языковой’
virkelighet ‘действительность’
et — *неопределенный артикль ср. р.*

imidlertid 'между тем'
helt 'совершенно, совсем'

ulik 'непохожий'
dette 'это'

Текст № 2. «Новонорвежский»

Presse er framleis stort sett bokmålsdominert. Nynorsken slepp i dei fleste avisene berre til i innsende artiklar og innlegg — gjerne med unntak av reportasjar som har direkte samanheng med bygdekultur eller målsak. Innanfor det nynorske kjerneområdet er nynorskinnslaget større; aviser som Bergens Tidende, Dagen og Sunnmørsposten har forholdsvis mykje redaksjonelt stoff på nynorsk, og det gjeld og andre dagsaviser på Vestlandet, i Telemark, Valdres og somme andre distrikt.

(Språk og samfunn gjennom tusen er. Oslo; Bergen; Tromsø, 1981)

Глоссарий

presse пресса'
er bokmålsdominert 'характеризуется преобладанием букмола' (**er** — *наст. вр. от vere*¹; **dominert** — *причастие II от dominere*)
framleis 'всё ещё, по-прежнему'
stort sett 'в общем, в основном'
nynorsk — 1) «новонорвежский» (*существительное*); 2) «новонорвежский» (*прилагательное*)
sleppe til 'получать доступ, попасть'
i 'в'
dei — *определенный артикль мн. ч.*
flest — *превосходная степень от mange* 'многие'
avis 'газета'
berre 'только'
innsend 'присланный (*в редакцию*)'
artikkel 'статья'
og 'и'
innlegg *зд.* 'письмо (*читателя в газету*)'
gjærne *зд.* 'обычно, часто' (основное зна-

чение 'охотно')
med unntak av 'за исключением'
reportasje 'репортаж'
som — 1) *неизменяемое относительное местоимение*; 2) 'такие, как'
ha 'иметь'
direkte 'прямой'
samanheng 'связь'
bygdekultur 'сельская культура'
eller 'или'
målsak 'борьба за укрепление позиций «новонорвежского»'
innanfor 'внутри, в пределах'
det — 1) *определенный артикль ср. р.*; 2) *личное местоимение 3-го лица ед. ч. ср. р.*
kjerneområde 'основная область распространения, центральный район'
innslag 'доля'
større — *сравнительная степень от stor* 'большой'
Bergens Tidende, Dagen, Sunnmørsposten — *названия газет*
forholdsvis 'сравнительно, относительно'
mykje 'много' (*о неисчисляемых существительных*)
stoff 'материал'
på 'на'

¹ Инфинитив в «новонорвежском» может иметь показатели -e или -a или -e/-a («расщепленный инфинитив»). Здесь дается только первый вариант, совпадающий с показателем инфинитива в букмоле.

gjelde ‘касаться, относиться, быть верным в отношении’
og ‘также’
andre ‘другие’
dagsavis ‘ежедневная газета’
Vestlandet ‘Западная Норвегия’

Telemark ‘Телемарк’ (фюльке в Норвегии)
Valdres ‘Валдрес’ (долина в Норвегии)
somme ‘некоторые’
distrikt ‘область, район’

Фарерский язык

Tey, ið nú liva, og von eru við at lesa føroyskt og von eru við at síggja mong føroysk bløð, duga neyvan at meta ta ávirkan, hetta lítla «Føringatíðindi» hevði á ung og gomul úti á bygd í Føroyum. Eisini har vóru mong, sum leingi høvdu slotað eftir tí nýggja, sum var í koming. Havnin var longur burtur frá bygdini tá enn nú; tað var ein fyritøka og mikið stríð, at fara til Havnar.

(Rasmussen R. Eitt stutt yvirlit yvir Føroyasøguna 825–1906. Tórshavn, 1951)

Глоссарий

tey — *им. п. мн. ч. ср. р. от tann* ‘тот’
(употреблена форма ср. р., потому что подразумеваются лица обоего пола)
ið — *неизменяемое относительное местоимение*
nú ‘сейчас, в настоящее время’
liva — *3-е лицо мн. ч. наст. вр. от liva*
‘жить’
og ‘и’
eru von við... ‘привыкли к...’ (**von** — *им. п. мн. ч. ср. р. от vanur* ‘привыкший’;
eru — *3-е лицо мн. ч. наст. вр. от vera*
‘быть’)
at — *инфинитивная частица*
lesa ‘читать’
føroyskt эд. ‘по-фарерски’
síggja ‘видеть’
mong — *вин. п. мн. ч. ср. р. от mangur*
‘многий’
bløð — *вин. п. мн. ч. от blað* ‘газета’
duga — *3-е лицо мн. ч. наст. вр. от duga*
‘быть в состоянии’
neyvan ‘с трудом, едва’ (*адвербиализованная форма вин. п. ед. ч. м. р. от neyvur* ‘скудный’)

meta ‘оценить’
ta — *вин. п. ед. ч. ж. р. от tann*
ávirkan ‘влияние’ (*вин. п.*)
hetta — *им. п. ед. ч. ср. р. от hesin* ‘этот’
lítla — *слабая форма ср. р. от lítil* ‘маленький’
«Føringatíðindi» ‘«Фарерские известия»’
(первая газета на фарерском языке, основанная в 1890 г.)
hevði — *3-е лицо ед. ч. претерита от hava* ‘иметь’
á ‘на’
ung og gomul — *формы вин. п. мн. ч. ср. р. от, соответственно, ungur* ‘молодой’ и *gamal* ‘старый’
úti á bygd ‘в сельской местности’
í Føroyum ‘на Фарерских островах’
eisini ‘также’
har ‘там’
vóru — *3-е лицо мн. ч. претерита от vera*
sum — *неизменяемое относительное местоимение*
leingi ‘долго’
høvdu slotað — *3-е лицо мн. ч. плюсквам-*

перфекта от **slota** ‘прислушиваться’
eftir tí nýggja ‘к тому новому’ (**tí** — *дат.*
п. ед. ч. ср. р. от tann; nýggja — *слабая*
форма ср. р. от nýggjur ‘новый’)
var í koming ‘начиналось’ (**var** — *3-е*
лицо ед. ч. претерита от vera)
Havnin ‘Горсхавн’ (*главный город Фа-*
рерских островов)
longur burtur ‘далее, на большем рас-
стоянии’ (longur — *сравнительная*
степень от langt ‘далеко’; **burtur**
‘вдалеке’)
frá ‘от’
bygdini — *дат. п. ед. ч. ж. р. от bygd*

‘селение’
tá ‘тогда’
enn ‘чем’
tað — *формальное подлежащее*
ein — *неопределенный артикль им. п.*
ед. ч. ж. р.
fyrítøka ‘(сложное) предприятие, трудное
дело’
mikið — *им. п. ед. ч. ср. р. от mikil*
‘большой’
strið ‘тяжелый труд’
fara ‘ехать, двигаться’
til ‘в, по направлению’

Исландский язык

Hljóð sérhvers tungumáls mynda *lokað kerfi*. *Lokað* merkir að ekki er unnt að bæta við eða fækka einingum í kerfinu án þess að af því hljótist röskun í jafnvægi eininganna sem kerfið mynda. Hljóðkerfi sérhvers tungumáls leitar alltaf í jafnvægisstöðu, enda þótt kyrrstöðu verði aldrei náð. Sérhvert tungumál hefur því alltaf möguleika á að þróast og breytast.

(Pétursson, Magnús. Drög að almennri
og íslenskri hljóðfræði. Reykjavík, 1976)

Глоссарий

hljóð ‘звук(и)’
sérhver ‘каждый’
tungumál ‘язык’
mynda — *3-е лицо мн. ч. наст. вр. от*
mynda ‘образовывать’
lokaður ‘закрытый’ (*причастие II от loka*
‘закрывать’)
kerfi ‘система’
merkja ‘означать’
að — 1) ‘что’ (*союз*); 2) *инфинитивная*
частица
ekki er unnt ‘невозможно’ (**ekki** ‘не’;
er — *3-е лицо ед. ч. наст. вр. изъяв.*
накл. от vera ‘быть’)
bæta við (+ *дат. п.*) ‘добавить, прибавить’
eða ‘или’
fækka (+ *дат. п.*) ‘уменьшить количество
чего-л.’

eining ‘единица’
í (+ *дат. п.*) ‘в’
án þess ‘без того чтобы’ (**án** + *род. п.*
‘без’, **þess** — *род. п. от það* ‘оно’)
af (+ *дат. п.*) *зд.* ‘от, из-за’
því — 1) *дат. п. от það*; 2) ‘поэтому’
hljótist — *3-е лицо ед. ч. наст. вр. сосл.*
накл. от hljóta ‘получаться, быть
итогом’
röskuná (+ *дат. п.*) ‘нарушение чего-л.’
jafnvægi ‘равновесие’
sem — *неизменяемое относительное*
местоимение
leita í (+ *вин. п.*) ‘стремиться достигнуть
чего-л., стремиться к чему-л.’
alltaf ‘всегда’
staða ‘положение’
enda þótt ‘хотя’

kyrrstaða ‘положение покоя’ (**kyrr** ‘неподвижный, спокойный’)
verði náð ‘будет достигнуто’ (**verði** — 3-е лицо ед. ч. наст. вр. сосл. накл. от **verða** ‘становиться’, употребляющегося также при обозначении страдательного действия в будущем; **náð** — причастие II им. п. ед. ч. ср. р. от **ná** (+ дат. п.) ‘достигать’)

aldrei ‘никогда’
hefur — 3-е лицо ед. ч. наст. вр. изъяв. накл. от **hafa** ‘иметь’
möguleiki á (+ дат. п.) ‘возможность чего-л.’
þróast ‘развиваться’
og ‘и’
breytast ‘изменяться’

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<...>

2. ОБЩИЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННЫХ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

2.1. Фонетика.

2.1.0. Предварительное замечание. В этом разделе, естественно, могут сравниваться лишь типы фонем; артикуляция сопоставляемых фонем разных языков может отличаться в некоторых пределах: так, шведское /ʏ/ артикулируется несколько более открыто, нежели норвежское /y/, и т. п.

2.1.1. Вокализм.

2.1.1.0. Общая характеристика. Инвентарь гласных — монофтонгов и дифтонгов современных германских языков (далее СГЯ) варьируется в весьма широких пределах. Так, в идише всего 5 фонем-монофтонгов, в то время как в датском их 20; в шведском языке вообще нет дифтонгов (и, разумеется, трифтонгов), тогда как во фризском насчитывают 26 дифтонгов и 6 трифтонгов.

Общая черта вокалических систем всех СГЯ (кроме идиша) — фонематическое противопоставление кратких и долгих монофтонгов. Несколько особое положение занимает нидерландский язык. Фонематически долгие в нем, противопоставленные кратким, фонетически — кроме положения перед /r/ — являются полудолгими.

Краткие и долгие гласные наиболее четко противопоставлены, естественно, в слогах, несущих главное ударение, ср. нем. alle [ˈalə] ‘все’ и Aale [ˈa:lə] ‘угри’. Они достаточно хорошо противопоставлены также в тех несущих второстепенное ударение слогах сложных слов, которые отделены от предшествующего ударного слога минимум одним безударным, ср. исл. jarðarber [ˈjarðar,be:r] ‘земляника’ и jarðarverð [ˈjarðar,verð] ‘цена земельного участка’. Напротив, слоги с второстепенным ударением, следующие непосредственно за ударным слогом, имеют более слабое ударение и, соответственно, менее долгий гласный; так, слог, графически обозначаемый **fræ**, имеет более сильное второстепенное ударение и более долгий дифтонг в исландском слове landafræði [ˈlanda,fræ:ði] ‘география’, чем в слове landfræðingur [ˈland,fræiðingʏr] ‘географ’.

В безударных слогах гласный в СГЯ, как правило, краткий. Наибольшие отклонения от этой тенденции обнаруживаются в немецком и английском языках, ср.: нем. also ['alzo:] 'итак', Jena [j'e:na:], Pankow [p'anko:] 'Панков (район Берлина)', Emu ['e:mu:] 'эму', англ. Socrates [s'ɔkrəti:z] 'Сократ', emu ['i:mju:].

В общем, во всех СГЯ представлены следующие типы гласных фонем: /a/ (кроме английского), /ε/, /ɪ/, /ɔ/, /u/ и (кроме идиша) коррелирующие долгие (в фарерском нет /a:/ в исконных словах).

Во многих из рассматриваемых языков некоторая часть пар «краткий/долгий» различается не только количественно, но и качественно. Это особенно характерно для фонем /ɪ/, /ε/, /ɔ/: долгие фонемы нередко закрытые, а краткие открытые, ср. нем. /i:/ — /i/, /o:/ — /ɔ/, /e:/ — /ε/ (есть также фонема /ε:/); сходное положение в нидерландском, африкаанс и др. Правда, различие в степени подъема кратких и долгих может быть и небольшим: так, в норвежском /i/, /u/, /u/ артикулируются лишь немногим более открыто, чем /i:/, /u:/, /u:/, а члены пар /æ/ — /æ:/, /a/ — /a:/ вообще характеризуются одинаковой степенью подъема.

Значительно реже в современных литературных германских языках (далее СЛГЯ) встречаются в качестве дистинктивных признаков противопоставленных фонем различия в степени подъема (как таковые, т. е. не сопровождающие различие в длительности) в пределах одной из трех главных степеней подъема.

Из таких редких случаев отметим исландские пары /i:/ — /i/ и /ɪ:/ — /ɪ/ и фризские пары /o:/ — /o/, /ɔ:/ — /ɔ/ и ряд /i:/ — /i/ — /ɪ/. Совершенно особое место занимает датский язык, в котором есть оппозиции /e:/ — /ε/, /ε:/ — /ε/, /ø:/ — /ø/, /ö:/ — /ö/, /ɔ:/ — /ɔ/, /o:/ — /o/. Во фризском, немецком и африкаанс имеется ряд фонем /e:/ — /ε/ — /ε:/.

Подчеркнем, что в диалектах (например, немецких, нидерландских и др.) фонематические различия типа /o/ — /ɔ/, /e/ — /ε/ встречаются значительно чаще.

Отметим некоторые характерные гласные.

Во всех скандинавских языках (кроме датского), а также в нидерландском, африкаанс и фризском имеется фонема смешанного ряда среднего подъема. Во всех перечисленных языках она развилась из /u/, хотя причины ее возникновения были различными: в норвежском и шведском она появилась в результате сложной перестройки вокализма, толчком к которой явилась лабиализация долгого /a/, в нидерландском этот процесс осуществился еще в древний период¹, возможно под влиянием кельтского субстрата, и т. д.

¹ Миронов С. А. История нидерландского литературного языка (IX–XVI вв.). М., 1986. С. 38.

Неогубленный гласный заднего ряда среднего подъема /ʌ/ в целом не характерен для литературных германских языков. Он представлен лишь в английском.

Гласный /æ/ (переднего ряда нижнего подъема) представлен только в английском (краткий) и норвежском (краткий и долгий), где в норме он встречается, за единичными исключениями, только перед /t(:)/, а также какуминальными и «толстым Ъ» [L] или [ɹ] (см. 2.1.2.2.).

Очень высокой частотой в германских языках обладает неопределенный гласный [ə], трактуемый обычно как вариант фонемы /e/. Это связано с тем, что во всех современных западногерманских языках, а также в датском и букмоле (в основном) во флексиях возможен лишь этот гласный, ср.: англ. shorter, нем. kürzer, нид., афр. korter, фриз. koarter, норв., датск. kortere ‘короче’. Характерно, что в СГЯ с самой богатой морфологией — исландском и фарерском — этот гласный отсутствует.

Вопрос о роли гласного [ə] тесно связан с вопросом о редукации, который рассматривается ниже (2.1.1.2.).

2.1.1.1. Полифтонги. Как уже упоминалось, дифтонги есть во всех СГЯ, за исключением шведского. Однако инвентарь их весьма различен как в количественном, так и в качественном отношении. Если в немецком их насчитывается всего три ([ae], [ao], [ɔø]), то во фризском исследователи насчитывают 26 дифтонгов (не считая назализованных вариантов); богаты дифтонгами английский и датский языки.

Безусловно преобладают нисходящие дифтонги. Обычно вторым элементом их является [i] или [u] (в немецком более открытые гласные [e], [o]), реже [ə] (в английском и фризском). Характерно, что из возможных дифтонгов реализованы далеко не все, а реализованные распространены не в равной мере. Так, широко представлены по языкам дифтонги типов [ai], [ei], [ɔi], [au], реже встречается тип [ui] (нидерландский, африкаанс, фарерский, датский) и совсем редко дифтонги [iu], [eu], [yu], [øu] и [öu] (в датском). Возможны ситуации, когда дифтонг употребляется лишь в очень ограниченном количестве лексем; например, в норвежском дифтонги [ai] и [ɔy], за единичными исключениями, употребляются лишь в иностранных словах, а дифтонг [ɰi] — всего в трех (но норвежских!) лексемах. Из сравнительно редких типов нисходящих дифтонгов отметим норвежский [æɰ] и фарерский [ɰu], а также упомянутые выше датские [yu], [øu] и [öu].

В большинстве рассматриваемых языков не различаются краткие и долгие дифтонги. Такое различие характерно лишь для исландского, нидерландского, африкаанс и фризского, ср. фриз. dei [dai] ‘день’ и daai [da:i] ‘тесто’. Видимо, долгие дифтонги вообще имеют ограниченное распространение: их нет в славянских, романских, тюркских, финно-угорских и

других языках. Можно полагать, что фонотактически «неудобна» слишком продолжительная вокалическая часть ударного слога, равная в этом случае трем морам.

Восходящие дифтонги есть только во фризском, фарерском и в английском. Обычно первым элементом их являются /u/ или /i/.

Равновесные дифтонги из СЛГЯ есть только в фарерском — [ɛa] и [ɔa].

Трифтонги есть только в английском и фризском языках, т. е. характерны только для этой подгруппы. Во фризском представлен тип, в котором вершиной является второй компонент: все трифтонги — [iɔu], [iou], [uaj] и др. — имеют эту структуру. У английских трифтонгов вершину образует первый компонент, например: *tire* [taiə] ‘утомлять’, *flower* [flauə] ‘цветок’.

Анализ истории различных языков показывает, что дифтонги — сравнительно малоустойчивые единицы, они довольно легко возникают (чаще всего из долгих монофтонгов или за счет вокализации согласного, следующего за гласным или предшествующего ему) и столь же легко переходят в монофтонги. Особо неустойчивы дифтонги перед группой согласных: необходимость за короткое время² изменить артикуляцию имеет следствием либо утрату невершинного компонента (ср. разговорное произнесение исландского глагола *ætla* как [ahɔla] вместо [aiɦɔla]), либо «компромиссную» артикуляцию, т. е. произнесение звука, занимающего в ряду промежуточное положение между элементами дифтонга: например, переход **au** > **o(ː)** (этот переход имел место, например, в истории немецкого и нидерландского языков; ср. аналогичное развитие во французском языке). Характерно, и это подтверждает сказанное, что в некоторых языках дифтонг в «долгой» позиции чередуется с монофтонгом в «краткой» позиции, что отчетливо видно в фарерском языке, например: в «долгом» чтении — [ɛa], [ɔa], [ou], [ɯu], в «кратком», соответственно, — [a], [ɔ], [œ], [ʏ] (подробнее см. 1.2.4.3, 1.2.4.4). Сходный механизм имеет и фризское «преломление» дифтонгов, т. е. замена нисходящего дифтонга восходящим перед исторически долгим согласным или группой согласных, см. 1.1.2.4.

Дифтонгоиды по аналогии с дифтонгами можно разделить на восходящие и нисходящие. Примером первых могут служить исландские /ɔ:/ ([^uɔː]) и /ɛ:/ ([ⁱɛː]), последних — норвежские /e:/ ([eː^ɔ]) и /ø:/ ([øː^ɔ]). Широко представлены дифтонгоиды в различных диалектах германских языков. Думается, что четкое разграничение дифтонгоидов и дифтонгов не всегда возможно, поскольку дифтонг, развившийся из монофтонга, непременно

² Это объясняется «количественным законом» О. Есперсена: говорящий ускоряет темп, если ему нужно произнести длинный ряд звуков (З и н д е р Л. П. Общая фонетика. М., 1979. С. 187).

должен был пройти через стадию дифтонгоида, а поскольку такое развитие не могло быть скачкообразным, то несомненно была и стадия промежуточная. Сказанное относится и к обратному развитию — от дифтонга к монофтонгу: дифтонг утрачивал невершинный элемент тоже не сразу, а постепенно, и этот элемент должен был пройти стадию призвука. Естественно, что какие-то элементы вокализма СЛГЯ или диалектов могут находиться сейчас именно на этой стадии — промежуточной между «истинным дифтонгом» и «истинным дифтонгоидом».

2.1.1.2. Процесс редукции — утраты гласным четких отличительных признаков вследствие ослабления мышц произносительного аппарата в процессе артикуляции³ — сыграл в истории германских языков очень важную роль: он был одним из важнейших факторов, обусловивших развитие этих языков в направлении от флексии к анализу. В ряде случаев имело место и его логическое продолжение — апокопа, т. е. отпадение конечного звука (конечных звуков).

Всего более процесс редукции затронул флексию, в меньшей степени — префиксы, еще в меньшей — суффиксы.

Процессу редукции подверглись в той или иной мере все германские языки: так, ни в одном из СГЯ во флексии не подставлены долгие гласные. Вместе с тем они существенно различаются с точки зрения степени редукции — среди них есть языки, где во флексии возможно несколько различных гласных (назовем их языками без редукции), и языки, где во флексии возможен только редуцированный [ə] (языки с редукцией). К первой группе относятся исландский, фарерский, шведский, «новонорвежский», ко второй — все остальные, кроме норвежского (букмола), занимающего промежуточное положение.

Среди языков без редукции самым богатым набором гласных, возможных во флексиях, располагает шведский язык: [i], [u], ([i]), [ə]. В исландском, фарерском и «новонорвежском» их по три — соответственно: [a], [i], [y] — [a], [i], [u] — [a], [i], [ə]; правда, в первых двух ограниченно используется также [ə] (в исландском факультативно), а в последнем — [u].

В норвежском (букмоле) основной гласный флексии — [ə], но используется и [a], причем чем более «радикален» (см. 1.2.3.1) вариант, тем больше роль этого гласного; характерно, что он выступает в роли морфемы, вернее, нескольких омонимичных морфем, только сам по себе, без согласных.

В группу языков с редукцией входят все западногерманские языки и датский.

Апокопа, естественно, имела место во всех этих языках, но всего более она осуществилась в английском и африкаанс. Так, в этих языках нет

³ Там же. С. 181.

исхода [-ə] у основных форм существительных и прилагательных, а также у инфинитивов, ср.: нем. binden ‘связывать’, нид. binden [-ə(n)], датск. binde, фриз. bine и англ. bind [baɪnd], афр. bind. Конечно, не случайность, что именно у этих языков с широко осуществившейся апокопой самая простая морфология.

2.1.1.3. Делабиализация. Целесообразно различать делабиализацию в собственном смысле слова, т. е. утрату признака лабиализованности у определенного звука или ряда звуков, и отсутствие в языке некоторых лабиализованных гласных. Дело в том, что, как будет показано ниже, некоторые германские языки утратили старые умлаутированные гласные **ö, у**, т. е. претерпели делабиализацию, но впоследствии в них как результат иных процессов развились новые лабиализованные. Это может быть проиллюстрировано на примере современного исландского. Др.-исл. **ø, ó** развились в **æ**, которое, в свою очередь, развилось в [ai(:)] (на письме это не отразилось), ср. *bóndr* ‘крестьяне’ > *bændr* > *bændur* [baindʏr], а др.-исл. **у, ý** перешло соответственно в [i(:)], [i(:)] (также с сохранением старого написания), ср. *kúg* ‘корова’ > [k’i:r]. Вместе с тем в исландском развились два новых огубленных: а) гласный переднего ряда среднего подъема [ö] из **ø**, возникшего из [a] в результате лабиальной перегласовки: *lönd* ‘страны’ (< *lǫnd* < **landu*), *köllum* ‘зовем’ (< *kǫllum*), б) новый огубленный смешанного ряда среднего подъема [ʏ(:)] как результат эволюции краткого **u**: *munir* ‘разница’ > [mʏ:nʏr]. Таким образом, современный исландский, с одной стороны, характеризуется делабиализацией старых лабиализованных (входит в скандинавскую «полосу итакизма»), с другой — имеет 8 огубленных гласных фонем: /u/, /u:/, /ɔ/, /ɔ:/, /ʏ/, /ʏ:/, /ö/, /ö:/.

Говоря о лабиализованных гласных, видимо, надо различать два их типа.

Во-первых, это «естественно огубленные» гласные, неогубленные корреляты которых либо вообще невозможны по антропофоническим причинам, либо затруднительны. К ним относятся гласные **o, u**. В общем, эти гласные входят в инвентарь огромного количества языков, в том числе они характерны для всех германских. Если в силу тех или иных причин названные гласные в процессе развития переходят в иные звуки, то «освободившаяся клетка» заполняется результатом эволюции другого звука.

Проиллюстрируем это двумя примерами:

1) англ. /u/ перешло в закрытом слог в /ʌ/, но клетку **u** заполнил продукт развития **ō (oo)**, ср. *nut* /nʌt/ ‘орех’ и *look* /lʊk/ ‘смотреть’;

2) в украинских диалектах идиша /u/ перешло в /i/, но /o/ (из изначального ср.-в.-нем. **a**) перешло в ряде позиций в /u/, заполнив освободившуюся клетку, ср. лит.-бел. и литер. *šul* ‘школа’ — *šil*, лит.-бел. и литер. *zogn* ‘сказать’ — *zugn*.

Во-вторых, это огубленные гласные **ö, y** — корреляты широко употребительных неогубленных **e, i**. Их артикуляция требует больших усилий, нежели артикуляция их коррелятов, поскольку лабиализация — дополнительный артикуляционный признак. Характерно, что эти огубленные редко входят в инвентарь языка, бедный гласными фонемами. Очевидно, эта большая «энергоёмкость» артикуляции этих «дополнительно огубленных» гласных и является причиной того, что они нередко утрачивают лабиализацию — явление, наблюдаемое в разных языках и диалектах (например, в некоторых древнегреческих диалектах).

«Естественно огубленные» **o, u** характерны для всех германских языков, и поэтому на них нет необходимости задерживаться.

Что касается «дополнительно огубленных» **ö, y**, то СГЯ распадаются по этому признаку на две группы.

Первую образуют английский и идиш, полностью лишённые «дополнительно огубленных». В английском лабиализация **e, i** была утрачена еще в древнеанглийский период, ср. *fēt* (< *fē̄t*), совр. *feet* /fi:t/. Поскольку в большинстве верхненемецких диалектов отсутствуют **ö, y (ü)** — вместо них выступают их неогубленные корреляты⁴, то, видимо, еще в пред-идише (см. 1.1.6.2) не было «дополнительно огубленных».

Языки с «дополнительно огубленными» можно разделить на две подгруппы. Первую образуют языки немецкий (литературный), норвежский, шведский и датский, в которых сохранились старые умлаутированные гласные (то обстоятельство, что умлаутированы при словоизменении широко представлено в немецком и лишь очень ограниченно сохранилось в остальных языках подгруппы, в этой связи несущественно). Во вторую подгруппу входят языки исландский, фарерский, нидерландский, африкаанс и фризский. В них есть «дополнительно огубленные», но не старые умлаутированные, а иного происхождения. Фонемы /*ö/*, /*ö:/* в исландском и фарерском возникли из **a** в результате перегласовки на **u** (см. выше). В нидерландском умлаут вообще был представлен слабо и неравномерно, и уже в средненидерландском в фонеме /*ø:/* объединились древнее долгое **ø**; дифтонг **eu** и умлаутированное долгое **o**. В древнефризском, по-видимому, вообще не было умлаутированных гласных **ö, y**, и современные «дополнительно огубленные» имеют иное происхождение. Характерно, что ни в одном языке этой подгруппы, кроме фризского, не развилось огубленное **i (ü, y)**, но во всех есть огубленный смешанного ряда среднего подъема.

2.1.1.4. Назализация. Как известно, перед носовыми согласными частично назализуется любой гласный: переход к основному элементу арти-

⁴ И сейчас в немецкой поэзии можно рифмовать слова с «дополнительно огубленными» и неогубленными (типа *Wesen* ‘существо’ — *erlösen* ‘освободить’). Так рифмовали еще Гёте и Шиллер.

куляции носового согласного — опущение нёбной занавески — с необходимостью начинается еще в процессе артикуляции гласного. Таким образом, разница между «обычными» гласными перед носовыми и назализованными определяется тем, на какой стадии их артикуляции включаются носовые резонаторы: раннее — в начале артикуляции гласного — опущение нёбной занавески приводит к тому, что артикуляция гласного и носового согласного совмещаются и возникает единый звук — полностью назализованный гласный (как правило, такой гласный долгий). Очевидно, что начало этой стадии легко может смещаться в ту или иную сторону — иными словами, степень этой регрессивной аккомодации может быть различной. И действительно, в истории разных германских языков — в ряде случаев независимо друг от друга — имела место назализация, во многих случаях впоследствии исчезающая. Так, **n** перед **h** выпало во всех германских языках, чему не мог не предшествовать этап назализации гласного, ср. др.-англ. *brōhte* ‘нес’ < *brahte* < *brāhte* < **branhto* (инфинитив *bringan*), гот. *brāhta* (то же) < **branhta* (от *briggan* [-ŋ-]). Ср., далее, др.-исл. *í* ‘в’ (< *ĩ* < *in*). *áss* ‘ас (древнескандинавское божество)’ < рун. *ansur*, *Óláfr* ‘Олав’ < **Anulaibar*.

Показательно, что описанный процесс имел место прежде всего перед щелевыми **s**, **f**, **þ**, **h**. Вероятно, слабость артикуляции последних предопределила слабость артикуляции носового согласного. Отметим, что это антропофонически объяснимое явление характерно не только для германских языков. Так, в латыни **n** слабо звучало перед **s**, **f**, а предшествующий гласный при этом удлинялся и, видимо, назализовался⁵.

Сказанное выше касалось сочетаний «гласный + носовой согласный» в ударном слоге. Возможно, что в безударном слоге в германских языках -n отпадало, не вызывая назализации гласного, ср. положение в современном нидерландском, где конечное -n после -e- факультативно: *bomen* [bo-*mə*(n)] ‘деревья’, но не встречается [-ʃ].

Из СЛГЯ назализация характерна лишь для африкаанс и — в большей степени — для фризского. В африкаанс она имеет место перед глухими смычными, прежде всего **s**, в пределах одной морфемы или на стыке префиксальной и корневой морфемы; например, *mens* [mɛ̃:s] ‘человек’, *aange-naam* [‘ā:xəna:m] ‘приятный’. Во фризском назализованные гласные возможны как перед глухими щелевыми (**s**, **f**), так и перед звонкими щелевыми — шумными (**z**, **v**, **w**, **j**) и сонантами (**l**, **r**), ср. *Tongersdei* [tõ:zdi] ‘четверг’, *venje* [vɛ̃ŋjə] ‘проживать’.

Назализованные гласные наблюдаются также в диалектах отдельных СГЯ, в которых они отсутствуют в литературном варианте. Так, например,

⁵ Т р о н с к и й И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960. С. 57.

назализация характерна для ряда нидерландских диалектов, в частности для западнофламандских.

2.1.2. Консонантизм.

2.1.2.0. Общая характеристика. Основной признак консонантизма, по которому СГЯ четко делятся на две группы, — это наличие/отсутствие долгих согласных (разумеется, в рассмотрение не включаются случаи возникновения долгих согласных или геминат на стыке морфем). Долгие согласные характерны для исландского, фарерского, норвежского и шведского и отсутствуют во всех остальных СГЯ. Характерно, что во всех языках первой из этих групп имеется слоговое равновесие, так что долгота согласного никогда сама по себе, т. е. без краткости гласного, не может выполнять дистинктивной функции; не случайно многие фонологи не считают длительность согласного в этих языках фонематически релевантной.

Долгие согласные характеризуются более низкой частотой, чем краткие. Это понятно: у них значительно более узкая дистрибуция — например, они не встречаются в СГЯ в начальной позиции, после других согласных (кратких или долгих) и т. д. Частотность долгих согласных не всегда коррелирована с частотностью соотносительных кратких. Так, в норвежском (букмол) [r:] имеет среди долгих сравнительно низкую частоту, тогда как [r] занимает в списке частотности звуков одно из первых мест; звук [ç:] вообще встречается только в разговорном слове *bikkje* ['biç:ə] 'собака, пес'.

Инвентарь долгих согласных также отличается от инвентаря кратких. Не встречаются в описываемых языках долгие **j, γ, h, x, ŋ**, нет долгих аффрикат. Редко встречаются [f:] и [v:]. Напротив, долгие сонанты довольно частотны. Поэтому примечательным представляется отсутствие (кроме редких случаев) в исландском и фарерском долгого [l:]⁶ и — в ряде позиций — долгого [n:], вместо которых выступают, соответственно, [dl, dl̥] и [dn, dn̥], ср. исл., фар. *allir* [ad̥lir] 'все (м. р.)', исл. *steinn* [sðeiðn̥] 'камень'.

Другой, более частный признак, по которому могут быть разделены СГЯ, — это наличие/отсутствие звонких смычных. В целом эта категория согласных характерна для СГЯ, исключением являются исландский, фарерский и датский. В этих последних языках, как, впрочем, во многих диалектах языков первой группы, например немецких, все смычные — глухие и различаются по наличию/отсутствию придыхания⁷. Возможность та-

⁶ В исландском [l:] встречается только в иностранных словах (*ball* [b̥al:] 'бал') и уменьшительных именах (*Palli* [pal:i] от *Páll* [pau̯dl̥]).

⁷ Придыхательные часто называют сильными, а непридыхательные — слабыми. На деле же придыхательность и напряженность — разные характеристики, и придыхательные со-

кого инвентаря смычных объясняется тем, что для противопоставления фонем достаточно, как известно, различия по одному дифференциальному признаку, тогда как в классических оппозициях германских языков типа /p/ ([p^h]) ~ /b/ различными у их членов являются два дифференциальных признака: аспирированность/неаспирированность и отсутствие/наличие голоса.

В этой связи необходимо остановиться на вопросе аспирации в германских языках. В них представлено два вида аспирации — постаспирация и преаспирация.

Постаспирация глухих смычных свойственна всем СЛГЯ, за исключением нидерландского, африкаанс и идиша (не всех вариантов последнего). Правила, описывающие ее употребление, в общем совпадают по языкам: так, она всего отчетливее слышится у одиночного смычного в позиции перед ударным гласным, ее нет в позиции после **s** и т. д. В большинстве литературных языков она является одним из двух дифференциальных признаков, по которым противопоставляются глухие и звонкие (см. выше), и потому как различительный признак, видимо, играет подчиненную роль, поскольку признак присутствия/отсутствия голоса, надо полагать, является более сильным. Этим и объясняется утрата ее названными выше языками и некоторыми региональными вариантами (например, австрийским вариантом литературного немецкого языка). Исследователи отмечают распространенность аффрицированности придыхательных в различных языках⁸.

Преаспирация — явление значительно более редкое, чем постаспирация, и в языках вообще и в СГЯ в частности. Кроме некоторых норвежских и шведских диалектов, она есть в исландском языке, где выражена очень четко, и в фарерском. Несмотря на обширную литературу, многое в сущности и истории возникновения преаспирации остается неясным. В исландском преаспирация имеет место перед историческими долгими глухими смычными, а также перед глухим смычным + **l, n**: *drekka* [dʁeh̥ga] ‘пить’, *vatn* [vah̥dn̥] ‘вода’. В фарерском у преаспирации дистрибуция сходная, но в некоторых диалектах она также возможна перед кратким глухим смычным в интервокальном положении.

Всем СГЯ свойственны следующие типы звуков: **p, b, t, d, k, g** (или γ), **m, n, ŋ, f, v, j, s, l, r**. Обращают на себя внимание отсутствие звонкого двухфокусного шелевого **ʒ** (кроме английского), отсутствие во всех скандинавских языках звука **z**, слабая распространенность губно-губного **w**.

гласные могут быть и часто бывают слабо артикулированными (Зиндер Л. Р. Указ. соч. С. 124).

⁸ Там же. С. 120.

В большинстве СГЯ звонкий/неаспирированный заднеязычный является смычным, например в немецком, английском, норвежском и др. В нидерландском он, напротив, щелевой (так же, за исключением одной позиции, и в африкаанс, но там он глухой), ср. *gaa*g [ɣaːx] ‘охотно’. В исландском и фризском смычный вариант этой фонемы встречается в начале корневой морфемы, щелевой — в иных положениях, ср.: исл. *gamall* [g̊aːmaðl] ‘старый’, *saga* [saːɣa] ‘история; рассказ’, фриз. *glês* [glɛːs] ‘стекло’, *tige* [tiːɣə] ‘очень’; долгий в исландском всегда смычный: *glöggur* [glögːɣʀ] ‘проницательный’.

Звуки [b], [ð] сохранились лишь в исландском и английском, заменившись в основной массе СГЯ звуками [t] и [d], ср.: исл. *þrír* ‘три (м. р.)’, англ. *three*, норв. *tre*, нем. *drei*, нид. *drie* и т. д. Характерно, что в современном исландском звук ð сменил в некоторых морфемах др.-исл. *t*, ср.: *það* ‘это’, *húsið* ‘дом (форма с определенным артиклем)’ — др.-исл. *þat*, *húsit*. В датском имело место развитие поствокалического *t* > *d* > ð (последний этап на письме не отразился); это стало возможным, поскольку изначальное ð вокализировалось (др.-датск. *mōðe* > *møje*) и имелась «пустая клетка».

Характерен для СГЯ и фарингальный *h* (в африкаанс и идише звонкий), встречающийся, как правило, в начале корневой морфемы. В позиции между гласными (например, в междометиях типа *aha*) он может быть звонким, ср. нем. *Johann* [joˈʰʰan]. В потоке речи в позиции после согласного фарингальный *h* артикулируется слабо и часто вообще исчезает, ср. норв. разг. ⁺*Hva sier han?* [va ˈsiːəran?] ‘Что он говорит?’ В ряде никак между собою не связанных диалектов он подвергся прокопе, например в одном из западно-норвежских диалектов, в нидерландском во Фландрии и Западном Брабанте, в некоторых украинских говорах идиша и др.

Боковой сонант *l* есть во всех СГЯ, но в позиции после *a*, *o* и перед *d*, *t* он подвергся вокализации в нидерландском, африкаанс и фризском, ср., с одной стороны, нем. *halten* ‘держать’, шв. *hålla*, исл. *halda* и, с другой, — нид. *houden*, афр. *hou*, фриз. *hâlde* [hɔːdə]. В английском перед *ld* (как вообще перед группой «сонант + смычный») гласный удлинился, а впоследствии дифтонгизовался: *cold* > [kould] ‘холодный’. Вокализация *l* > *u* — процесс, имевший место в истории многих языков, ср. фр. *aube* [oːb] ‘рассвет’ < лат. *alba*, бел. *знаў* < *знал* и т. п. Скорее всего, промежуточным этапом в нем была веларизация *l*: *l* > *l̥* > *w* > *u*.

Во всех без исключения СГЯ имеется звонкий заднеязычный носовой звук [ŋ], и во всех он является самостоятельной фонемой. Как во всех других индоевропейских языках (а также тюркских, финно-угорских и многих других), эта фонема имеет специфическую дистрибуцию, в частности не встречается в анлауте, после согласного и следует, как правило, только

за кратким гласным. Фонологически /ŋ/ всегда краткий, хотя в языках со слоговым равновесием он должен был бы после краткого гласного быть долгим, но у этой фонемы нет корреляции по долготе/краткости. Встречающиеся варианты, вызванные ассимиляцией или аккомодацией (глухой, палатализованный), являются аллофонами. Далее, после него — ни в ауслауте, ни в интервокальном положении (гласный ... [ə]) — в большинстве СГЯ не произносится неносовой звонкий заднеязычный [g], ср. нем. lang [laŋ] ‘длинный’, Länge [lɛŋə] ‘длина’. Сказанное нуждается в уточнениях.

1. Возможно, что в некоторых скандинавских языках краткость гласного перед /ŋ/ — явление позднее. В пользу этого говорит следующий факт. В исландском языке перед /ŋ/ возможны только так называемые широкие гласные (это название охватывает и дифтонги), развившиеся из древних долгих, а именно /au/, /i/, /ou/, /u/, /ai/, /öy/, /ei/, ср. langur [laun̥gʏr] ‘длинный’, þungur [þuŋgʏr] ‘тяжелый’. (Исключением является исторически долгое /e:/, развившееся в современном языке в сочетание /je(:)/, но давшее перед /ŋ/ дифтонг /ei/: lengi [lɛiŋ'gʏ] ‘долго’; древнее краткое **q** дало в современном языке дифтонг /öy/). Как видно из примеров, на письме эти древние долгие обозначаются древними краткими («узкими гласными»). Отметим, что такое произношение характерно почти для всей Исландии (за исключением района Западных фьордов, где перед /ŋ/ произносится /a/ и, реже, /ɛ/, /ö/).

2. В исландском в интервокальном положении за /ŋ/ следует звонкий заднеязычный: langur [laun̥gʏr] ‘длинный’; перед *i* и *j* (историческим, а теперь орфографическим) оба звука палатализованы: lengi [lɛiŋ'gʏ] ‘долго’, lengja [lɛiŋ'gʏa] ‘удлинять’. В фарерском сходное положение: langur [lɛiŋgʏr] (с переходом **a** > **e**), но палатализация заднеязычных привела к их аффрикатизации: gingin [ʒiŋ'ʒiŋ] ‘ушедший’, teinkja [tɛŋ'ča] ‘думать’.

3. В исландском и фарерском /ŋ/ и /ŋ̥/ — самостоятельные фонемы, ср. исл. ganga [gaun̥gʏa] ‘изнанка’ и ranka (við sér) [raun̥gʏa] ‘прийти в себя’ (заднеязычный неносовой здесь в позиции нейтрализации), а /ŋ/ и /ŋ̥/ — варианты, соответственно, /ŋ/ и /ŋ̥/, поскольку палатализованность их комбинаторно обусловлена последующими согласными (в исландском — палатализованным [g̊]; в фарерском — аффрикатами [ʒ], [č]).

Весь перечисленный выше звуковой инвентарь характерен для корневых, суффиксальных или префиксальных морфем. Репертуар звуков, встречающихся во флексии, значительно более ограничен; он состоит из следующих кратких фонем (долгих здесь не бывает): /s/, /t/, /n/, /m/, /r/, /d/, /z/ (только в английском), /ð/ (только в датском и исландском)⁹.

⁹ В этот перечень не включены звуки **l** и **n** в исландском в словах типа sæll ‘счастливый’, brúnn ‘коричневый’, развившиеся из **R** (< **z**).

Глухие корреляты сонантов («глухие сонанты») как варианты фонем встречаются нередко, но лишь в исландском и фарерском они являются самостоятельными фонемами, при этом в исландском они могут выступать в начальной позиции, ср. *ljóð* [ljo:uð] ‘стихотворение’ — *hljóð* [ljo:uð] ‘звук’.

2.1.2.1. Виды дополнительной артикуляции. Видимо, можно утверждать, что в целом для согласных СГЯ не характерна дополнительная артикуляция. Рассмотрим отдельные ее виды.

Палатализация как дифференциальный признак фонемы характерна среди СЛГЯ только для исландского, в котором фонематически противопоставлены /k/ — /k'/ и /g/ — /g'/, ср. *kör* ‘сосуды’ и *kjör* ‘условия’. Палатализованные варианты фонем распространены больше: например, в фарерском **l, n** палатализируются перед аффрикатами, ср. *fólkið* [fœl'çi] ‘народ (форма с определенным артиклем)’, в африкаанс есть [k'] — вариант фонемы /k/, ср. *sterretjie* [sterək'i] ‘звездочка’. Палатализация дентальных характерна для значительной части норвежских и шведских диалектов. Разумеется, мы здесь не останавливаемся на незначительной палатализации согласных перед **i** — на аккомодации, обусловленной антропофоническими факторами и потому характерной для самых разных языков.

Лабииализация согласных, естественно, распространена как вид аккомодации, обуславливающей аллофоническое варьирование, но ни в одном из СЛГЯ не выполняет различительной функции.

Из веларизованных согласных встречается только **l**, но ограниченно — в английском и норвежском (в восточнорвежском), причем только как вариант фонемы.

2.1.2.2. Дрожащие и их комбинации. Для основной массы СГЯ характерен переднеязычный [ɾ], встречающийся в нескольких вариантах (например, в английском это — звонкий плоскощелевой какуминальный). Широко распространен также его функциональный аналог — щелевой увулярный сонант [ʀ], характерный для датского, для речи многих говорящих на немецком и идише, на некоторых нидерландских и норвежских диалектах и т. д.

Если в начале слова и в положении между гласными дрожащий артикулируется четко, то в исходе слова и в положении перед согласными (особенно переднеязычными) его артикуляция — в разной степени в разных языках — может ослабляться вплоть до его полного исчезновения; при этом может изменяться артикуляция соседних звуков. Это можно проиллюстрировать на примере лексемы ‘сердце’ в СГЯ: нид., афр. *hart* [hart] (четко артикулированное переднеязычное **r**), нем. *Herz* ([hɛrc], либо — чаще — ([hɛrc], ид. [harc] или [harc], датск. *hjerter* [jɛrdə] (щелевой увулярный), исл., фар. *hjarta* — исл. [çarða], фар. [jarða] (глухой переднеязыч-

ный), норв. *hjerte* [ˈjæʔ:ə], шв. *hjärta* [ˈjɛʔ:a] (постальвеолярное **t**), англ. *heart* [ha:t], фриз. *hert(e)* [het(ə)] (полное исчезновение — с компенсаторным удлинением гласного в первом случае).

Особенностью норвежского и шведского являются постальвеолярные согласные [t̪], [d̪], [n̪], [l̪], а также [s̪] (совпавшее в восточнорвежском с [ʃ]). Они развились из исторической комбинации «**r** + соответствующий согласный» и возникают в потоке речи на стыках морфем, ср. норв. *Seɾ du?* [ˈse:ɖʉʔ] ‘Видишь?’ Отмечается, что и перед другими согласными в быстрой речи **r** может исчезать в восточнорвежском¹⁰. Характерно, что в полном стиле речи вместо постальвеолярных произносятся оба элемента (**r** и согласный).

Таким образом, в направлении вокализации **r** всего далее ушли языки англо-фризской подгруппы. За ними идут норвежский и шведский с их рядами постальвеолярных. Отметим, что вокализация **r** и постальвеоляризация последующего согласного — едва ли разные стадии одного процесса. Скорее это — разные пути эволюции ослабленно артикулируемого **r**: нет данных, которые свидетельствовали бы о том, что английский и фризский языки прошли через стадию постальвеоляризации согласных перед **r**. Что касается исландского и фарерского, то оглушение **r** перед историческими глухими (сейчас, как указывалось, все смычные в этих языках глухие) не специфика дрожащего, а одно из проявлений общей закономерности — оглушения сонантов в этой позиции, ср. исл. *salt* [saɫt] ‘соль’.

Тогда как во многих случаях для германских языков характерна ослабленная артикуляция **r** и, как следствие, его частичная или полная ассимиляция, в исландском и фарерском в одной позиции наблюдается обратное явление: диссимилиция **rl** > **ɖl**, **rn** > **ɖn**, ср. исл. *karl* [kaɖɫ] ‘старик’, исл., фар. *barn* [bʌɖn] ‘ребенок’. Видимо, это явление связано с диссимилицией (сегментацией) долгих сонантов **ll** и **nn** (частично), см. 2.1.2.0.

Звуком, который соединяет в своей артикуляции элементы звуков **r** и **l**, является так называемое «толстое **l**» [L], встречающееся в шведских и норвежских диалектах, а также в разговорной речи у жителей Восточной Норвегии. Этот своеобразный звук артикулируется так: передняя часть языка загибается назад, затем резко движется вперед и вниз к нижним альвеолам так, что при этом мгновенно ударяет своей нижней стороной место перехода между альвеолами и твердым нёбом. На слух напоминает одно-раскатное **r**. Характерно, что «толстое **l**» развилось из сочетания **rð** (aǥð ‘соха’ > [a:L]) и лишь потом в ряде позиций стало аллофонемой **l**. В ряде восточнорвежских диалектов, в частности в просторечии Осло, [L] —

¹⁰ V a n v i k A. Norsk fonetikk. Oslo, 1979. P. 38.

особая фонема, ср. *hard* [ha:L] ‘твердый’, *har* [ha:l] ‘имеет’, *hal* [ha:l] ‘тащи’¹¹.

2.1.2.3. Аффрикаты. Сибиллянты. Аффрикаты свойственны лишь части германских языков — немецкому, английскому, фризскому, идишу, фарерскому и шведскому.

Общий инвентарь аффрикат СГЯ сравнительно ограничен (впрочем, инвентарь аффрикат в языках мира вообще небогат). Он включает в себя немецкую губно-губную аффрикату [pf]; однофокусную переднеязычную глухую аффрикату [с], представленную в немецком, фризском, а также в идише (аффриката [с] в этом языке восходит к двум источникам: средневерхненемецкому и древнееврейскому); двухфокусные переднеязычные [č] (английский, фризский, фарерский, идиш) и [ʒ] (английский, фризский, фарерский, ограничено в идише), а также близкую по артикуляции к [č] аффрикату [tʃ] в шведском. Таким образом, в СЛГЯ нет ни заднеязычных, ни увулярных аффрикат (в некоторых верхненемецких диалектах, в частности некоторых швейцарских, есть заднеязычная аффриката [kx]).

Теоретически все смычные могут превращаться в аффрикаты. Однако в реальных языках чаще всего аффрикатируются глухой переднеязычный **t** и глухой и звонкий заднеязычные **k**, **g**; характерно при этом, что заднеязычные превращаются в переднеязычные аффрикаты.

Аффрикатизация **t** > **c**, характерная для немецкого и идиша, не имела места в других германских языках, хотя такое развитие происходит нередко, ср. бел. *цёця* ‘тетя’¹². Следует иметь в виду, что фризское [с] развилось не из [t], а из палатализованного [k]: фриз. *tsiis* [ci:s] ‘сыр’ — нем. *Käse* [ke:zə], нид. *kaas* [ka:s], *sprutsen* — причастие II от *sprekke* ‘говорить’. Ср. аналогичное развитие в латыни: *Cicero* [kikero] ‘Цицерон’ > [‘cicero]; ср. также болг. *внук* — *внуци* (мн. ч.), *рак* — *раци* (мн. ч.) и т. д.

Развитие **č** (**tʃ**) < **k** (перед гласными переднего ряда и **j**) — весьма распространенный тип аффрикатизации в германских языках. Механизм этого процесса близок к механизму аффрикатизации **t**, но здесь в силу антрофонических причин изменяется место смычки нёба: вместо задней части языка нёба касается средняя часть. Такое развитие характерно для многих других языков, ср. рус. *секу* — *сечёшь*, болг. *секá* ‘рублю’ — *сечёш* ‘рубишь’; лат. *centum* [kentum] ‘сто’ — ит. *cento* [čento] (то же); водск. *čēli* ‘язык’, ср. фин. *kieli*, эст. *keel* и др. Всего более этот тип аффрикатизации характерен для фарерского, ибо в этом языке чередование **k** || **č** проходит через ряд парадигм, т. е. является живым, например: *bók* [hɔuk] ‘книга’ — *bókin* [hɔiçin] (то же с определенным артиклем). В идише аффриката **č** встречается в основном в заимствованиях (прежде всего из славянских языков).

¹¹ Ibid. P. 36.

¹² См. также: Зиндер Л. Р. Указ. соч. С. 133–134.

Развитие $\check{c} < t$ — явление в германских языках значительно более редкое. Оно представлено в некоторых фризских словах: например, haatsje [ha:čə] ‘ненавидеть’, претерит hate (ср. англ. hate, шв. hata). Вообще же этот переход известен в ряде языков, ср. рус. *вертеть* — *верчу*.

Аффриката [ʒ] есть в исконных лексемах только в английском, фарерском и фризском, причем в английском она представлена в словах германского происхождения не в начальной позиции, ср.: bridge [brɪʒ] ‘мост’, но yesterday ‘вчера’, ср. нем. gestern, нид. gisteren. В фарерском эта фонема возможна во всех позициях и чередуется с /g/: langur [lɛŋgʊr] ‘длинный’ — langir [lɛŋʒɪr] ‘длинные (м. р.)’. Во фризском она развилась из **d**: arbeidzje ‘работать’, ср. нид. arbeiden.

В общем, **k** (восходящее к общегерманскому **k**) перед гласными переднего ряда представлено лишь в части германских языков (в немецком, нидерландском, африкаанс, идише и датском). В исландском оно палатализовано (см. 2.1.2.1), в норвежском превратилось в щелевой среднеязычный, в шведском — в [(t)ç] (в финско-шведском — в [č]).

Общегерманское **g** перед гласными переднего ряда сохранилось лучше, нежели его глухой коррелят. Из его изменений отметим [gʷ] в исландском, [j] в английском, фризском, шведском и норвежском, [ʒ] в фарерском и английском (не в начале слова). Напомним, что [g] развилось в щелевой [ɣ] в нидерландском и африкаанс.

Процессом, близким к аффрикатизации, является ассибиляция **sk**, т. е. переход в [š]. СГЯ как бы представляют собою различные стадии этого процесса. Незатронутыми этим процессом оказались языки датский, фризский и африкаанс, где во всех позициях сохраняется [sġ], исландский ([sġ], перед гласными переднего ряда [sġʷ]); нидерландский (всюду [sx]) представляет собой начало процесса ассибиляции. Следующая ступень представлена в норвежском, шведском и фарерском, в которых перед гласными переднего ряда и **j** развился сибилант [š], а в иных позициях сохранилась исходная последовательность фонем, ср.: норв. skyte, шв. skjuta, фар. skjóta (всюду [š-]). В английском, немецком и идише во всех позициях развилось [š].

В немецком начальные **st-** и **sp-** развились в [št-], [šp-]. Во многих немецких диалектах сочетания **št**, **šp** встречаются и в иных позициях, ср. нем. диал. Wurscht ‘колбаса’ при литер. Wurst. Те же начала характерны для идиша.

2.1.2.4. Согласные в конце слова. Оглушение конечных согласных слова — явление, связанное с раскрытием голосовой щели, необходимым для физиологического дыхания¹³, — широко распространено в различных

¹³ Зиндер Л. Р. Указ. соч. С. 232.

языках. В этом отношении СГЯ распадаются на две группы. Нет оглушения конечных согласных в английском, фризском, шведском, норвежском, датском и идише. Оглушаются концы слова в немецком, нидерландском, африкаанс и фарерском, отчасти в исландском. Оглушению подвергаются, как правило, лишь шумные — смычные и шелевые, значительно реже — сонанты. Так, из языков второй группы конечные сонанты оглушаются полностью лишь в исландском и фарерском, и то только в положении после согласного, т. е. в случаях типа исл., фар. *fjall* [fjadl] ‘гора’ (ср. аналогичное положение в русском: *вошь* [-lʲ], *вепрь* [-rʲ]). В исландском языке конечный сонант после гласного (т. е. в словах типа *hamar* ‘молоток’) подвергается частичному оглушению.

Среди языков второй группы особое положение занимает немецкий, для которого характерно оглушение не только конечного согласного слова, но и согласного конца морфемы; при этом не имеет места регрессивная ассимиляция даже одинаково артикулируемых фонем, различающихся участием голоса, т. е. в случаях типа *Aussage* [ʼaosza:gə] ‘высказывание’ (см. 1.1.3.4).

2.1.3. Просодика.

2.1.3.1. Слог. Примем, что: а) краткий гласный (V) и краткий согласный (C) каждый имеют длительность в одну мору, б) долгий гласный (\bar{V}) или дифтонг и долгий согласный (\bar{C}) каждый имеют длительность две моры; в) если слоговая граница проходит через согласный, то каждому слогу принадлежит 0,5 моры, г) передняя периферия роли не играет (и потому не обозначается). Тогда теоретически возможны по крайней мере следующие типы ударных слогов: 1) сверхкраткий (V), 2) полукраткий (V + 0,5 C), 3) краткий (VC), 4) долгий: а) $V\bar{C}$, б) VC_1C_2 , в) $\bar{V}C$, 5) сверхдолгий: а) $\bar{V}\bar{C}$, б) $\bar{V}C_1C_2(C_3)$.

С точки зрения структуры слога СГЯ четко распадаются на два типа.

К первому принадлежат языки, имеющие долгие согласные (см. 2.1.2.0) и характеризующиеся слоговым равновесием (шведский, норвежский, исландский и фарерский). Ударный слог в них всегда долгий, ср. норв. *tak* [ta:k] ‘крыша’ и *takk* [tak:] ‘спасибо’. Правда, в этих языках встречаются и сверхдолгие слоги типа 5б, но это только производные формы, в которых сохраняется долготы исходной формы: например, формы ср. рода прилагательных или наречия вроде норв. *hest* [he:st] ‘хрипло’ от *hes* [he:s] ‘хриплый’ (ср. *hest* [hest] ‘лошадь’ по основному правилу), или формы типа норв. *svinsk* [svi:nsk] ‘свинский’ от *svin* [svi:n] ‘свинья’.

Остальные СГЯ, лишенные долгих согласных, имеют более разнообразные структуры слога. В них возможны слоги полукраткие, краткие, дол-

гие (типа 4б, 4с) и сверхдолгие (типа 5б), например, соответственно, нем. Ecke [ˈɛkə] ‘угол’, ich [ˈɪç] ‘я’, Herz [hɛrc] ‘сердце’, rot [ro:t] ‘красный’, Obst [ˈo:pst] ‘овощи’. Сверхкраткие слоги возможны, видимо, только в идише, где нет долгих гласных, например: ku ‘корова’.

Передняя периферия слога в большинстве СГЯ состоит максимум из трех фонем; из трехфонемных начал слогов особенно характерны **str-/štr-, spr-/špr-**, ср. англ. street ‘улица’, нем. Straße (то же), шв. språk ‘язык’ и т. д. Кажется, только исландский имеет четырехфонемную переднюю периферию слова типа strjúka ‘гладить’. Четырехфонемная задняя периферия (в производных формах) встречается чаще, ср. шв. svenskt ‘шведский (ср. р.)’, норв. skjelmsk(t) ‘плутовато’ (в последнем случае возможны пять согласных).

2.1.3.2. Ресиллабация. Сдвиг слоговой границы при сочетании данного слога с другим — явление в целом характерное для СГЯ, ср. (слоговая граница обозначена вертикальной чертой): нем. Tag [ta:k] ‘день’ — Tage [ta:|gə] (мн. ч.), норв. dag [da:g] ‘день’ — †dager [ˈda:|gər] (мн. ч.), исл. hús [hu:s] ‘дом’ — húsið [hu:|sið] (форма с определенным артиклем), англ. nose [nouz] ‘нос’ — noses [nou|zɪz] (мн. ч.).

Разумеется, «направление» ресиллабации может быть обратным, т. е. исходная форма может иметь большее количество слогов, нежели производная, ср. нид. maken [maː|kə(n)] ‘делать’ и maak [maːk] ‘делай’, нем. schreiben [ʃræ|bən] ‘писать’ и schreib [ʃræp] ‘пиши’.

Слоговая граница может смещаться, конечно, не только на целую фонему (как в приведенных выше примерах), но и на ее часть, проходя, таким образом, через согласный звук — краткий в языках без слогового равновесия или долгий в языках со слоговым равновесием, ср.: нем. hell [hɛl] ‘светлый’ — helle [hɛlə] (мн. ч.; граница идет через [l]), нид. zak [zak] ‘карман’ — zakken [zakə(n)] (мн. ч.; граница идет через [k]), норв. sekk [sek:] ‘мешок’ — sekker [ˈsek|kər] (мн. ч.), фар. inn [in:] ‘внутри’ — inni [in|ni] ‘внутри’.

Преаспирация (в исландском языке), насколько можно судить, не препятствует ресиллабации, ср.: vopn [vɔh|n̥] ‘оружие’ — vopna [vɔh|n̥na] (род. п. мн. ч.; ‘вооружать’), átt [auht] ‘направление’ — áttir [auh|d̥ɪr] (им., вин. п. мн. ч.). Как явствует из последнего примера, слог в таких случаях оканчивается фарингальным, что не характерно для германских языков. Особый случай — это возникновение преаспирированного согласного **h̥d̥** при присоединении морфем вида -t(...) к корневой морфеме с исходом на -t ([d̥]), но и здесь основное правило ресиллабации не нарушается: sætur [sa:i|d̥ɪr] ‘сладкий’ — sætt [saiht] ‘сладко’, sæta [sa:i|d̥a] ‘подслащать’ — sætti [saih|d̥ɪ] (претерит).

Препятствует в ряде случаев ресиллабации гортанная смычка — сильный приступ (в немецком) и «толчок», или «стёд» (в датском).

Поскольку в немецком не-постфиксальные морфемы (префиксы, корни), начинающиеся с гласного, обязательно имеют сильный приступ (см. 1.1.2.4), в производных словах с префиксами и сложных, в которых не-первый морфемный компонент (один или более) начинается с гласного, слоговая граница совпадает с морфемным швом, ср.: Ordnung [ˈʔrd|nʊŋ] ‘порядок’ — Unordnung [ˈʔn|ʔrd|nʊŋ] ‘беспорядок’.

Датский толчок препятствует ресиллабации лишь в небольшом числе случаев: он в целом характерен для исходных односложных форм, и при увеличении количества слогов в слове исчезает, ср.: hus [huˈs] ‘дом’ — huse [huː|sə] (мн. ч.), sen [seˈn] ‘поздний’ — senere [seː|nə|rə] ‘позднее’. Основное исключение — односложные существительные с «толчком» на согласном или дифтонге, имеющие суффицированный артикль: land [lanˈ] ‘страна’ — landet [lanˈ|əd] (определенная форма), при толчке на гласном ресиллабация происходит: hus [huˈs] — huset [huˈ|sɛð].

2.1.3.3. Ударение. СЛГЯ по типу ударения делятся на две группы.

Первая, включающая в себя шведский и норвежский, характеризуется комбинированным динамическо-тоническим ударением. Видимо, обладал до сравнительно недавнего времени тем же типом ударения и фарерский язык (1.2.4.4). В шведском и норвежском два вида ударения (две тонемы). В оппозиции «тон I — тон II» маркированным является второй член. Сам характер тонем довольно сильно варьируется от области к области; так, рисунки движения тонов в Осло и Бергене существенно разнятся. В шведском языке тон II имеет место в значительно большем числе морфологических типов, чем в норвежском, ср.: норв. motta ‘принять’, ⁺skogsarbeider ‘лесоруб’, ⁺skiløper ‘лыжник’, sýmaskin ‘швейная машина’, telegrámbyrå ‘телеграфное агентство’ и шв. motta, skogsarbetare, skidlöpare, sýmaskin, telegrámbyrå.

Вторая группа, в которую входят все 9 остальных СЛГЯ, характеризуется только динамическим ударением.

Как известно, еще в общегерманском правилом стала постановка ударения на первый корневой слог или на префикс существительного. С точки зрения отклонения от этого кардинального правила СГЯ являют собою довольно пеструю картину. Полностью сохраняется древнее правило постановки ударения в исландском языке, где практически без исключений ударение падает на первый слог слова, включая иностранные слова (см. 2.2.1.4). Напротив, наибольшие отклонения от этого правила наблюдаются в языках английском, нидерландском и африкаанс. Основные массивы слов с ударением не на первом корневом слоге составляются в СГЯ, как хорошо известно, иностранными заимствованиями и единицами с безударными приставками, но во многих СГЯ есть производные и сложные слова, в которых ударение, вопреки правилу, не падает на первый слог, ср.: нем. le-

béndig ‘живой’, Jahrhundert ‘столетие, век’, luthérisch ‘лютеранский’, berg-áb ‘под горы’, Berlin, норв. bokstáv ‘буква’, almínnelig ‘обыкновенный’, unn-tágen ‘за исключением’, Kristiansánd, нид. hogeschóol ‘университет, вуз’, hoogléraar ‘профессор’, opvliegend ‘вспыльчивый’, levenslústig ‘жизнерадостный’, stroomópwaarts ‘вверх по течению’, Rotterdam. Несмотря на обилие таких отклонений от основного правила, представляется все же преувеличением встречающееся утверждение, что в СГЯ, в общем, ударение свободное.

Второстепенное ударение в сложных словах более сильное на тех слогах, которые отстоят от предшествующего ударного слога как минимум на один безударный слог (см. 2.1.1.0).

2.1.4. Чередования.

2.1.4.0. Звуковые чередования делятся на аллофонемные и фонемные.

Аллофонемные чередования, или чередования вариантов фонем, обусловлены, как известно, окружением фонемы или ее позицией и носят в значительной мере универсальный характер. Такова, например, лабиализация согласного перед огубленными гласными, ср. исл. puqa [ni:ra] ‘почка’ — púgur [ni:r^oʏr] (им., вин. п. мн. ч.). Поэтому нет необходимости держиваться на них.

Чередования фонем принято делить на живые и исторические. Живые определяются как обусловленные действующими в данный период фонетическими правилами определенного языка, исторические — как вызванные фонетическими правилами, которые некогда ранее действовали в данном языке, но уже не действуют в рассматриваемый период. Это деление принято в ч. 1 данной книги.

Однако такое членение фонемных чередований оказывается слишком жестким. В самом деле, наличие хотя бы одного типа исключения из правила чередования, каким бы массовым это правило ни было, требует признать его историческим: раз возможны исключения, следовательно, чередование не обусловлено чисто фонетическими, механически действующими закономерностями. Это хорошо видно на примере исландской перегласовки на /ʏ/, состоящей в переходе корневых /a/, /a:/ соответственно в /ö/, /ø:/ под влиянием фонемы /ʏ/ в постфиксе (окончании, суффиксе), в том числе отпавшей. Это чередование характерно для всей исландской морфологии, например: amma ‘бабушка’ — ömmur (им., вин. п. мн. ч.), taka ‘брать’ — tökum ‘берем’ и т. д. (см. 1.2.5.4). Однако из этого правила есть одно очень важное исключение: окончание им. падежа ед. числа существительных м. рода и прилагательных сильного склонения описанной перегласовки не вызывает (это окончание развилось относительно недавно из -r), ср. dagur ‘день’, sannur ‘истинный’. Таким образом, возможны пары

salur ‘зал’ и sörlur (им., вин. п. мн. ч. от sala ‘продажа’), svalur ‘прохладный’ и svörlur ‘ласточки’ (мн. ч.) и др. Более подходит для классификации чередований в СГЯ деление их на автоматические и неавтоматические; последние подразделяются, в свою очередь, на регулярные и узуальные. К автоматическим относятся как случаи аллофонемного чередования, так и те чередования фонем, которые выше определялись как живые. Регулярные чередования, в сущности, не менее «живые», чем автоматические: они определяются правилами современной морфонологии. Узуальные чередования охватывают лишь отдельные слова, а иногда просто уникальны¹⁴.

2.1.4.1. Автоматические чередования фонем в СГЯ представлены в общем сравнительно ограниченным количеством типов.

Автоматическое чередование гласных фонем в СГЯ — это чередование долгой и краткой фонемы. Оно характерно для тех языков, в которых действует правило слогового равновесия, т. е. для всех скандинавских языков, кроме датского; таким образом, оно, в общем, не характерно для западногерманских языков, например английского и немецкого¹⁵. Наиболее четко и последовательно чередование «долгий гласный || краткий гласный» представлено в исландском языке, ср. ríkjá [-i:-] ‘царить’ — ríkti [-i-] (1-е, 3-е лицо ед. ч. претерита) — с чередованием смычного палатализованного и щелевого, gulur [-y:-] ‘желтый’ — gult [-y-] (им., вин. п. ед. ч. ср. р.); такое же чередование наблюдается в сложных словах, в которых гласный первого, точнее предшествующего, корня остается долгим, когда последующий корень начинается с гласного звука или с «h + гласный», но сокращается в иных случаях, ср. haf [ha:v] ‘море’ — hafis [ha:v-] ‘дрейфующий лед’, но hafgangur [hav-] ‘волнение на море’. Это чередование в норвежском может быть проиллюстрировано примерами типа nå [nɔ:] ‘достигать’ — nådde [nɔd:ə] (претерит), grå [grɔ:] ‘серый’ — grått [grɔt:] (ср. р.).

В исландском языке, в котором противопоставлены также длинные и краткие дифтонги, рассматриваемое чередование характерно и для них, ср. hár [ha:ur]¹⁶ ‘высокий’ — hátt [hauht] (ср. п.), dæma [da:ima] ‘судить’ — dæmdi [daimdi] (1-е, 3-е лицо ед. ч. претерита).

В фарерском языке, где долгим коррелятом некоторых кратких является дифтонг, описываемое чередование может иметь вид «дифтонг || мо-

¹⁴ К а с е в и ч В. Б. Морфонология. Л., 1986. С. 18–23.

¹⁵ Здесь, конечно, речь идет об автоматическом чередовании гласных одного качества, а не об узуальных чередованиях типа англ. feel ‘чувствовать’ — felt (past indefinite) или нем. essen ‘есть’ — aß (имперфект). Впрочем, во множестве случаев противопоставленные фонематически долгий и краткий различаются и чисто фонетически — по степени подъема, что в данном контексте несущественно.

¹⁶ Долготу исландских дифтонгов мы здесь обозначаем после первого элемента.

нофтонг», ср. *lágur* [lɔavur] ‘низкий’ — *lág* [iɔkt] (ср. п.), *spakur* [speakur] ‘спокойный’ — *spakt* [spakt] (ср. п.), *stórir* [stourur] ‘большой’ — *stórt* [stɔɛrt].

В западногерманских языках чередование долгих и кратких гласных фонем носит спорадический характер и потому является неавтоматическим узуальным. Так, у примерно двух с половиной десятков нидерландских существительных краткий гласный в ед. числе чередуется с долгим¹⁷ во мн. числе, ср. *dag* [dax] ‘день’ — *dagen* [da:γə(n)], *schot* [sxɔt] ‘выстрел’ — [sxɔ:tə(n)]; ср. также нем. *Stadt* [ʃtat] ‘город’ — *Städte* [ʃtɛ:tə] ‘города’. Видимо, узуальным является и чередование «долгий || краткий» в некоторых словоизменительных и словообразовательных моделях фризского языка, ср. *faam* ‘девушка’ — *fammen* (мн. ч.) — *famke* (уменьш.) и так называемое преломление у отдельных существительных — альтернатива нисходящих и восходящих дифтонгов, ср. *doar* [do·əɾ] ‘дверь’ — *doarren* [dɔ̄ərən].

Весьма существенно, что во всех СГЯ исходный долгий гласный звук может в определенных условиях подвергаться сокращению, тогда как исходный краткий никогда не подвергается удлинению. (Подчеркнем, что речь идет здесь об автоматических, а не о спорадических чередованиях типа только что названных чередований у нескольких нидерландских и фризских существительных.)

Наиболее распространенное автоматическое чередование согласных фонем в СГЯ — это чередование звонких и глухих. Оно, естественно, всего шире представлено в тех СГЯ, для которых характерно оглушение концов, как, например, в немецком: *graben* ‘копать’ — *grab* /-p/ ‘копай’, *fegen* ‘подметать’ — (er) *feht* /-kt/ ‘(он) подметает’; ср. также нид. *zeggen* /-γ-/ ‘сказать’ — (hij) *zegt* /-xt/ ‘(он) говорит’, *schrijven* /-v-/ ‘писать’ — *schrijf* ‘пиши’. Однако и в тех СГЯ, у которых нет оглушения концов, также наблюдается это чередование; оно возникает в результате регрессивной ассимиляции, ср. шв. *snabb* ‘быстрый’ — *snabbt* /-pt/ (ср. п.), *leda* ‘вести’ — *lett* (супин). В приведенных примерах звонкий характерен для основной формы, а глухой — для неосновной. Очевидно, что во многих случаях имеет место обратное положение: звонкий сохраняется в формах, когда за ним следует гласный или звонкий согласный, но в ауслaute исходной формы выступает глухой; ясно, что такое возможно лишь в языках, характеризующихся оглушением концов: например, нем. *Helden* ‘герои’ — *Held* /-t/ ‘герой’, *Siege* ‘победы (мн. ч.)’ — *Sieg* /-k/ ‘победа’.

Значительно реже в СГЯ наблюдается обратное чередование, т. е. альтернатива исходного глухого согласного звука со звонким. Озвончение изначального глухого, особенно смычного, как следствие регрессивной ас-

¹⁷ Нидерландские фонематически долгие фонетически являются полудолгими во всех позициях, кроме позиции перед *r*.

симиляции в целом для СГЯ не свойственно, ср. норв. oppdage /-pd-/ ‘открывать, обнаруживать’, нем. abbilden /-pb-/ ‘изображать’, англ. upgrowth /-pg-/ ‘развитие’. Случаи типа фриз. woansdei [vã:zdi] ‘среда (день недели)’ достаточно редки, так же как и случаи конкурирования форм с прогрессивной и регрессивной ассимиляцией: например, фриз. orgean [or-xiən, obuɣiən] ‘подниматься, вставать’. Значительно реже в СГЯ имеет место изменение глухости/звонкости согласного вследствие прогрессивной ассимиляции, представленное, например, в англ. boys [bɔiz] ‘мальчики’ — steps [steps] ‘шаги’; ср. также исландский императив с суффицированным личным местоимением 2-го лица ед. ч.: berðu ‘неси’, finndu ‘найди’, но kjóstu ‘выбери’.

Иных автоматических фонемных чередований согласных, которые были бы характерны для всех или, по крайней мере, для большей части СГЯ, видимо нет. Сказанное, разумеется, не означает, что такого рода чередований нет в отдельных СГЯ. Примеров подобных альтернатив можно привести множество, но мы ограничимся несколькими. В африкаанс щелевой /x/, следующий за (долгим) ударным гласным, чередуется с нулем, ср. oog ‘глаз’ — oë (мн. ч.), weg ‘дорога’ — weë (мн. ч.; дополнительное — не автоматическое! — чередование; краткий || долгий гласный). В идише после губно-губных как следствие прогрессивной ассимиляции происходит переход **n** > **m**: [zogn] ‘сказать’, но [ʃraibm] ‘писать’, [ʃspraxn] ‘языки’, но [serpm] ‘серпы’. Переднеязычный дрожащий в норвежском и шведском, оказываясь в позиции перед **t**, **d**, образует с последними постальвеолярный: stor ‘большой’ — stort /-t/ (ср. р.); то же в сандхи (где этот процесс распространяется и на **l**, **n**)¹⁸ ‘видишь?’. Во фризском языке гласный + **n** в некоторых условиях (перед **s**, а в сандхи перед **v**, **z**, **f** и др.) переходит в носовой, обычно удлиняясь: (ik) mien /mi·ən/ ‘(я) полагаю’ — (do) mienst /mi·əst/ ‘(ты) полагаешь’, syn wurk /sīvörk/ ‘его работа’. В исландском /i:/, оказываясь в положении перед гласным, сопровождается /j/ и частично сокращается, т. е. имеет место чередование /i:/ || /ij/, ср. nýr /ni:r/ ‘новый’ — nýjan /nijan/ (вин. п. ед. ч. м. р. сильного склонения); то же возможно на стыках морфем: sí- ‘постоянно, вечно’, ungur ‘молодой’ — síungur /si:unɣur/, /si:unɣur/ ‘вечно молодой’.

Дискуссионным представляется вопрос о возможности отнесения к автоматическим тех фонемных чередований, один из альтернантов которых изредка, например в нескольких лексемах и в заимствованиях, встречается в условиях, характерных для другого. Примером может служить фарерское чередование /k/ || /ç/ (последний альтернант характерен перед гласны-

¹⁸ Это чередование не характерно для торжественного стиля. Его, естественно, нет в областях, где вместо [r] представлен вувулярный [ʀ].

ми переднего ряда), ср. *bók* /bouk/ ‘книга’ — *bókin* /boučín/ (то же с определенным артиклем), *elska* ‘любить’ — *elski* /-či/ ‘я люблю’; ср., однако, исконно фарерские слова с /k/ перед гласным переднего ряда *kis* ‘легкий звук’, *kisk-kisk* ‘кис-кис’, иностранные слова *kilo*, *Kína* и др. Думается, что наличие на периферии лексики всего нескольких исключений среди исконных слов (особенно междометий) и иностранных слов (в условиях практически поголовного двуязычия) не может служить доводом в пользу изъятия таких чередований из разряда автоматических.

2.1.4.2. Неавтоматические чередования. К разряду регулярных неавтоматических фонемных чередований относится широко представленное в большинстве СГЯ чередование безударного гласного (обычно редуцированного звука разной окраски) с нулем, ср. норв., шв., датск. *regel* ‘правило’ — *gegler* (мн. ч.). В исландском языке с нулем чередуются /a/, /i/, /y/, в фарерском — /a/, /i/, /u/: исл. *hamar* ‘скала’ — *hamrag* (им. п. мн. ч.), *lifur* ‘печень’ — *lifrar* (род. п. ед. ч. и им., вин. п. мн. ч.), фар. *vetur* ‘зима’ — *vetrag* (род. п. ед. ч. и им., вин. п. мн. ч.).

То, что подобное чередование не является автоматическим, хотя и обязательным для многих разрядов слов, можно показать на примере норвежских прилагательных с исходом на -er, -en, -el. По не знающему исключений правилу в слабой форме и во мн. числе они утрачивают гласный /ə/ этого исхода, ср. *mager* ‘тощий’, *spretten* ‘подвижный’, *edel* ‘благородный’ — *magre*, *spretne*, *edle*. Вместе с тем в норвежском нет фонетического правила, которое не допускало бы в позиции между первым и последним слогом форм второго ряда наличия /ə/, ср. *magere* ‘астрологи’, *sprettene* ‘личинки’, *edelig* ‘подтверждение клятвой’. В исландском языке форма **hamagar* действительно не представлена, но имеется ряд форм сходной фонетической структуры, ср. *svalara* ‘прохладнее’, *gakarar* ‘парикмахеры’ и т. п.

Перегласовка на **u** в исландском является неавтоматической регулярной. Она же есть в фарерском, где она носит узуальный характер. В силу последнего обстоятельства, а также по композиционным соображениям она рассматривается ниже, среди узуальных чередований.

К регулярным неавтоматическим просодическим чередованиям мы относим разнообразные альтернации тонов в норвежском и шведском, а также чередование форм с толчком с формами без толчка в датском языке. Впрочем, как будет показано ниже, дело обстоит сложнее.

Основное правило дистрибуции тоном в норвежском огрубленно можно сформулировать так: односложные слова всегда имеют I тон, тогда как слова, состоящие из двух и более слогов, по большей части характеризуются II тоном. Если, таким образом, тон в односложных словах определяется самим их односложным характером, то в иных словах правила, опи-

сывающие дистрибуцию I тона ~ II тона, весьма сложны и многоступенчаты: роль играют грамматическая форма слова, его происхождение и ряд других факторов. Из этих правил имеется множество исключений, представляющихся, во всяком случае с современной точки зрения, немотивированными (см. 1.2.3.4). Проиллюстрируем это несколькими примерами (I тон будет обозначаться знаком акута — ´, II тон знаком грависа — `): *dág* ‘день’ — *dágen* (то же с определенным артиклем) — *dàger* ‘дни’; имена собственные норвежские *Èinar* — *Hjálmar*, *Hánsen* — *Làrsen*, иностранные *Vérði* — *Dànte* и т. д. Многоступенчатость правил видна на примере мн. числа односложных существительных с окончанием *-er*: как правило, они имеют II тон (см. выше *dàger*), за исключением форм *érter* ‘горох’, *blómster* ‘цветы’, *gèiter* ‘козы’, а также примерно двух десятков существительных, имеющих во мн. числе перегласовку вроде *netter*, *bøker*, но среди последних есть несколько имеющих II тон: *krèfter* ‘силы’, *fèdre* ‘отцы’ и др.

Весьма существенно, что употребление того или иного тона в том или ином фонетическом типе слова, состоящего из двух и более слогов, определяется моментами грамматическими и историческими. Вследствие этого в норвежском языке насчитывается, по подсчетам М. Клостер Енсена¹⁹, около 3 тыс. пар словоформ, имеющих тождественный звуковой состав, но различающихся тоном (по другим подсчетам около 5 тыс. пар).

Сходное положение в шведском языке. Разница состоит в том, что в этом языке II тон представлен в большем числе типов слов из двух и более слогов.

К рассматриваемому типу чередований относятся альтернации форм с толчком и без толчка в датском. Огрубленно можно сказать, что в датских формах, соответствующих норвежским формам с I тоном, есть толчок, а в формах, соответствующих норвежским со II тоном, толчка нет, ср. норв. *skríver* ‘пишет’, *skríver* ‘принтер’, *skrive* ‘писать’ и датск. (толчок обозначен здесь апострофом; на письме апостроф, конечно, не употребляется), соответственно: *skri`ver*, *skriver*, *skrive*.

Рассмотрим важнейшие типы неавтоматических узуальных чередований в СГЯ.

1. Аблаут. В СГЯ аблаут проявляется всего отчетливее в рядах сильных глаголов и словообразовании.

Сильные глаголы сохранились во всех СГЯ, кроме африкаанс. Это явление представляется на первый взгляд парадоксальным, поскольку далеко не все сильные глаголы высокочастотны, например: нид. *pluizen* ‘ощипывать’, норв. *tyte* ‘сочиться’, исл. *gjóða* ‘окрашивать в красный цвет’. Де-

¹⁹ Kloster Jensen M. Tonemicity. Bergen; Oslo, 1958. P. 1–41.

ло, видимо, в том, что ранее частотность этих глаголов могла быть выше, а кроме того, высокочастотные сильные глаголы как бы удерживают в парадигме аналогичные им менее частотные. Впрочем, в ряде СГЯ многие ранее сильные глаголы перешли в разряд слабых: так, в норвежском букмоле сейчас являются слабыми глаголы *blåse* ‘дуть’, *lese* ‘читать’, *betu* ‘означать’ (форма претерита *betød* встречается); многие глаголы изменяются в этом языке и как сильные и как слабые: *gli* ‘скользить’ — *gled/glidde* (здесь и далее форма претерита), *gni* ‘тереть’ — *gned/gnidde*, *by* ‘предлагать’ — *bød/bydde* и др. Очень редки обратные случаи — переход слабого глагола в класс сильных. Таков, например, глагол со значением ‘писать’ в норвежском, датском (*skrive* — *skrev* — *skrevet*) и шведском (*skriva* — *skrev* — *skrivit*) и др., изначально слабый и сохранившийся слабым в исландском (*skrifa* — *skrifaði* — *skrifað*).

В подавляющем большинстве СГЯ сильные глаголы имеют три основные формы: особая огласовка формы претерита мн. числа оказалась утраченной, ср. англ. *write* ‘писать’ — *wrote* — *written*, нем. *schießen* ‘стрелять’ — *schoß* — *geschossen*, датск. *gribe* ‘хватать’ — *greb* — *grebet*. Четыре основные формы сохранились у сильных глаголов лишь в исландском, например *kjósa* ‘выбирать’ — *kaus* — *kusu* — *kosið*, и фарерском, например *kjósa* (то же) — *keys* — *kusu* — *kosið*. В книжном стиле в шведском возможна особая форма претерита мн. числа, но ее огласовка совпадает либо с огласовкой супина (причастия II), либо претерита ед. числа, ср. *bära* ‘нести’ — *bar* — *buro* — *burit*; *fara* ‘ехать’ — *for* — *foro* — *farit*; исключения (4 разные огласовки): *giva* ‘давать’ — *gav* — *gåvo* — *givit* (теперь обычно *ge* — *gav* — *gett*) и *sitta* ‘сидеть’ — *satt* — *sutto* — *suttit/setat*.

Как неоднократно подчеркивалось в ч. 1 этой книги, первоначальные чередования по аблауту у глаголов в большой мере затемнены последующим звуковым развитием конкретных языков. Так, в связи с удлинением гласного в открытом слоге во всех СГЯ количественный (и качественный) аблаут, характерный для 6 класса, сменился новым качественным, ср. нем. *fahren* ‘ехать’ — *fuhr* — *gefahren*, нид. *slaan* ‘бить’ — *sloeg* — *geslagen*, фриз. *grave* ‘копать’ — *groef* — *graven* (*groeven*), шв. *ta(ga)* ‘брать’ — *tog* — *tagit* и т. д. (Еще более затемнена редупликация у глаголов 7 класса; она наблюдается сейчас, видимо, только у исландского глагола *góa* ‘грести’: претерит *réri* (*reri*, *röri*)).

На ранней стадии развития германских языков аблаут был важным словообразовательным средством, и многие такие производные единицы сохранились в СГЯ, ср. нем. *gießen* ‘лить’ — *Guß* ‘литье’, норв. *°stele* ‘красть’ — *stuld* ‘кража’, исл. *sjóða* ‘варить’ — *soð* ‘отвар’ и т. д. Но он давно перестал быть продуктивным способом создания производных лексических единиц. Единственное исключение — спорадическое использо-

вание чередований по аблауту при создании исландских неологизмов типа *kon* ‘ген’ от *kyn* ‘род’ (см. 1.2.5.6).

2. Умлаут (перегласовка). Перегласовки на **i** и на **u** играют разную роль в СГЯ, и поэтому их целесообразно рассматривать порознь.

Умлаут на **i** представлен в СГЯ очень неравномерно. В нидерландском формы с умлаутом, за ничтожным исключением, не сохранились; естественно, нет умлаутированных форм и в африкаанс. Единичные случаи чередования с умлаутом на **i** сохранились в английском и фризском. Очень немного форм с перегласовкой на **i** в норвежском, шведском и датском: это около двух десятков форм мн. числа существительных и несколько форм сравнительной и превосходной степеней прилагательных и наречий; правда, весьма значительное количество производных слов в этих языках создано с помощью различных суффиксов и умлаута на **i**, ср. норв. *våt* ‘мокрый’ — *væte* ‘влага’, *tråd* ‘нить’ — *træ* ‘нанизывать’, *gro* ‘расти’ — *grøde* ‘урожай’ и т. п. С другой стороны, множество форм с умлаутом на **i** есть в немецком, идише, фарерском и исландском. В немецком, в частности, умлаут характерен для многих форм мн. числа существительных м. рода, сравнительной и превосходной степени прилагательных, некоторых презентных форм сильного глагола, конъюнктива претерита сильного глагола и др., а также широко представлен в словообразовании. Сходная картина в идише (кроме конъюнктива). Перегласовка на **i** проходит через ряд парадигм существительных и глаголов в исландском, она характерна для многих словообразовательных моделей, ср. *taka* ‘брать’ — *tekur* ‘берет’, *tók* ‘взял’ — *tæki* ‘взял бы’, *tækur* ‘который можно взять’, *gúmur* ‘просторный’ — *gumka* ‘расширять’ и т. д. Используется умлаут на **i** и при создании неологизмов (1.2.5.6), например: *frum-* ‘первичный, первоначальный’ — *frúmi* ‘протоплазма’, *gás* ‘бег’ — *gæsir* ‘стартер’, *gæsa* ‘запускать (мотор)’. В фарерском положение похожее, однако в результате аналогических выравниваний некоторые старые перегласованные формы заменились новыми формами без умлаута, где он является неавтоматическим регулярным чередованием.

Умлаут на **u** характерен теперь только для исландского (**a** > **ö**) и фарерского (**a** > **ø**, перед носовыми **a** > **o**)²⁰. Эта перегласовка пронизывает всю исландскую морфологию, она имеет место даже в иностранных именах, например: *skáldsaga eftir Agöthu Christie* ‘роман Агаты Кристи’. В фарерском перегласовка на **u** также представлена весьма широко, однако не так последовательно, как в исландском, ср. *hanum* ‘петухам’, *abbum* ‘де-

²⁰ Умлаут на **u** вообще был значительно более последовательно осуществлен в западно-скандинавских языках. Единственная сохранившаяся в восточноскандинавских языках форма с **u**-умлаутом — словоформа *bøgn* ‘дети’ (мн. ч. от *barn*) в датском языке.

дам' (исл. *hönum, öfum*). Характерно, что в некоторых фарерских парадигмах перегласованные формы определили огласовку форм, где умлаут не мог иметь места. Так, под влиянием форм косвенных падежей *søgu* и других изначальная форма *saga* сменилась формой *søga* 'история', форма *gata* под влиянием форм *gøtu, gøtur* и т. д. — формой *gøta* 'улица' и т. д. (ср. исл. *saga* — *søgu, gata* — *götu* и т. д.).

Чередование **а > ö** широко представлено в исландском словообразовании, ср. исл. *blanda* 'смешивать' — *blöndun* 'смешивание, смесь' — *blöndungur* 'карбюратор'.

3. Преломление²¹. Представлено в исландском и фарерском в ограниченном числе парадигм и довольно широко в словообразовании, например: исл. *fjörðug* 'фиорд' — *fjarðar* (род. п.) — *firði* (дат. п.), то же в фар. *fjörðug* — *fjarðar* — *firði* (разг. часто *fjögði*), исл. *gefa* 'давать' — *gjöf* 'дар'.

4. Чередование согласных. Исторические чередования согласных в СГЯ, с одной стороны, весьма разнообразны, с другой — существенно отличаются от языка к языку, будучи продуктом исторического развития конкретного языка, и потому являют собою весьма пеструю картину, едва ли поддающуюся обобщению. Важно и то, что некоторые чередования представлены в очень небольшом числе связанных друг с другом форм, поскольку многие другие сходные формы подверглись аналогическому выравниванию. В силу этих причин от рассмотрения общих черт узуальных чередований согласных в СГЯ приходится отказываться. Далее, одно и то же чередование может в одном современном языке быть историческим, в другом — живым. Это можно проиллюстрировать на примере немецкого исторического чередования смычного и щелевого — /g/ || /x/, например: *tragen* 'носить' — *Tracht* 'костюм'. Сходное чередование является живым в нидерландском, поскольку звонкий заднеязычный в этом языке щелевой [ɣ], и потому та же альтернатива (*dragen* — *dracht*) — это живое чередование звонкого и глухого. Сходно во фризском: *drage* [-ɣ-] — *dracht*. В английском соответствующие лексемы (*drag* 'тянуть' — *draught* [dra:ft] 'тяга') обнаруживают уже иное чередование. В норвежском данный глагол имеет вид *dra* (< *drage*) и также означает 'тянуть', а слово *drakt* 'одежда' — заимствование из нижненемецкого. Отглагольное существительное от исл. *draga* [-ɣ-] 'тянуть' — *dráttur* [-hd-], причем ассимиляция **tt** < **ht** была пред-

²¹ Термин *преломление* используется в германистике по крайней мере в пяти значениях: 1) общегерманское преломление (распределение **e/i** и **o/u** в корневой морфеме в зависимости от гласного следующего слога); 2) древнеанглийское преломление (дифтонгизация кратких /a/, /æ/, /e/ в определенных условиях); 3) чередование нисходящих дифтонгов с восходящими во фризском; 4) чередование **e** || **i** в немецких сильных глаголах; 5) переходы **e > ja, e > jo** в древнеисландском и других древних скандинавских языках. Это последнее явление и рассматривается здесь.

ставлена уже в др.-исл. dráttir. Ср. фар. draga [dre:a] и dráttur [d̥røhður]. Этот ряд примеров можно продолжить.

В силу этих причин от рассмотрения, по крайней мере в данной работе, общих черт исторических чередований согласных в СГЯ приходится отказаться.

2.1.4.3. Одно и то же чередование в разных условиях в одном и том же языке может быть и **регулярным**, и **узуальным**. Так, умлаут корневого гласного во мн. числе немецкого существительного при окончании -er (типа Wald 'лес' — Wälder, Buch 'книга' — Bücher) обязателен и потому регулярен, но он отнюдь не обязателен и потому узуален в аналогичных формах при окончании -e (ср. Saal 'зал' — Säle и Aal 'угорь' — Aale). В норвежском во мн. числе гласные чередуются лишь в нескольких словах, где это чередование, таким образом, узуально, ср. natt 'ночь' — nётter и — по основному правилу — hatt 'шляпа' — håtter.

Рассмотренные фонемные и просодежные чередования можно классифицировать и по другому основанию: по тому, являются ли они изменениями, сопровождающими определенные грамматические процессы, либо сами являются средством выражения грамматического значения. Первые можно считать морфонологическими, вторые — грамматическими²².

Все автоматические чередования и основная масса регулярных неавтоматических чередований являются морфонологическими. Однако и среди регулярных неавтоматических чередований есть грамматические, примером чему могут служить исландские формы со «старшей» перегласовкой на **u** (т. е. перегласовкой, вызванной отпавшим **u**) типа приведенных выше vötn (мн. ч. от vatn), svart — svört (от svartur) и т. п. Существенно при этом, что все такие формы сопровождаются наличием нулевой морфемы. Сходным примером являются формы (им., род. и вин. п.) мн. числа ряда немецких существительных с исходом на -el и др. типа Apfel 'яблоко' — Äpfel, Ofen 'печь' — Öfen, Bruder 'брат' — Brüder. Ср. также англ. man, норв. mann, датск. mand, шв. man 'человек' и мн. число, соответственно, men, menn, mænd, män. Ср., далее разговорные формы 1-го лица ед. числа наст. времени изъяв. наклонения некоторых немецких сильных глаголов и формы императива: (ich) geb '(я) даю' и gib 'дай', (ich) les '(я) читаю' и lies 'читай'.

2.2. Графика и орфография.

2.2.1. Все СГЯ пользуются латинским алфавитом (кроме идиша, для которого используется древнееврейское письмо). Латинский алфавит в настоящее время представлен почти исключительно антиквой (т. е. «обыч-

²² Ср.: К а с е в и ч В. Б. Указ. соч. С. 23.

ным» латинским алфавитом); готическое письмо, которое еще в XIX в. широко использовалось в Германии и отчасти в Скандинавии, сейчас практически вышло из употребления.

Естественно, что для передачи всего фонемного разнообразия СГЯ «типовой» латинский алфавит недостаточен. Поэтому используются как дополнительные буквы, так и различные диакритические знаки. К первым относятся **å** (шв., норв., датск.), **æ** (норв., датск., исл., фар.), **ø** (норв., датск., фар.), **þ** (исл.), **ð** (исл., фар.), **ß** (нем.). Наиболее употребительные диакритические знаки — умлаут (¨) и акут (´). От умлаута следует отличать омографичный знак «трёма́», означающий, что данный гласный читается самостоятельно (т. е. не образует с предыдущим диграф), и широко используемый в нидерландском и африкаанс, например: нид. *ideeën* ‘идеи’. В африкаанс используются также буквы с циркумфлексом (**ê**, **ô**, **û**); буква **û** есть и во фризском.

2.2.2. С точки зрения орфографических принципов, лежащих в основе правописания СГЯ (идиш нами здесь не рассматривается), картина получается весьма пестрая. Разумеется, основным, ведущим является фонематический принцип²³. Всего последовательнее он осуществлен среди СГЯ в языке африкаанс. Очень важную роль в орфографии СГЯ играет принцип унифицированного написания морфемы (морфологический, морфематический); особенно резко он вступает в противоречие с адекватным обозначением фонем в фарерском языке. Грамматический (символико-морфологический) принцип проявляется в немецком языке, где существительные пишутся с прописной буквы. В большинстве СГЯ широко проводится исторический (этимологический, консервативный) принцип орфографии, т. е. сохраняются написания, не отвечающие современному произношению; всего больше он представлен в английской, фризской и фарерской орфографиях. Этот принцип, в частности, проявляется в сохранении букв, которые либо вообще никак не произносятся (норв. *ord* [u:ɾ] ‘слово’), либо обозначают звуки, подвергшиеся ассимиляции (норв. *land* [lan:] ‘страна’). Принцип гетероорфографический (принцип сохранения орфографии языка-источника в заимствованиях), в общем, свойствен СГЯ; менее всего он соблюдается в норвежском (ср. норв. *sjåfør* ‘шофер’ < фр. *chauffeur*, *roeng* ‘очко’ < фр. *point*) и исландском (ср. *selló* ‘виолончель’ < ит. *cello*). Так называемый «иероглифический» (дифференциальный) принцип орфографии как таковой играет подчиненную роль, и мы на нем не останавливаемся.

²³ Буквенные алфавиты (не только в СГЯ) обозначают фонемы и их сочетания. Обозначение специальными знаками аллофонов встречается очень редко. Примером такого обозначения являются исландские буквы **þ** и **ð**, поскольку [þ] и [ð] — аллофоны, находящиеся в позиции дополнительного распределения (1.2.5.4).

В целом для СГЯ характерна орфографическая синонимия, т. е. обозначение одной фонемы более чем одним способом, ср.: нем. Meer ‘море’ и mehr ‘больше’, норв. hjerne ‘мозг’ и gierne ‘охотно’, англ. sent ‘послал’, scent ‘запах’ и sent ‘цент’, нид. eis ‘требуи’ и ijs ‘лед’ и т. п. Свойственна им в общем и орфографическая омонимия, т. е. разное чтение одной и той же буквы или одного и того же буквосочетания, ср.: нем. Weg [ve:k] ‘путь’ и weg [vek] ‘прочь’, норв. kost [kust] ‘метла’ и kost [kɔst] ‘питание’; англ. sow [sau] ‘свинья’ и sow [sou] ‘сеять’. Особый вид орфографической омонимии характерен для датского языка, в котором немало случаев сходного написания односложных слов с кратким и долгим (обычно с «толчком») гласным в закрытом слове: led [leð] ‘сустав’ и [le’ð] ‘страдал’, lig [lek] ‘лежи’ и [li’ɣ] ‘труп’, brud [bruð] ‘невеста’ и [bruð] ‘перелом’ и т. д.

Важным различием между орфографиями СГЯ является способ обозначения долготы/краткости (ударного) гласного в закрытом слоге. В части СГЯ долгота гласного в этой позиции обозначается тем, что за ним следует один согласный: исл. ís [i:s] ‘лед’, норв. tak [ta:k] ‘крыша’, нем. Hof [ho:f] ‘двор’, ср. исл. íss [is:] ‘льда’, норв. takk [tak:] ‘спасибо’, нем. hoff [hof] ‘надейся’. Другая часть СГЯ — нидерландский и африкаанс — обозначает долготу (полудолготу) гласного в этой позиции удвоением буквы, а отсутствие удвоения сигнализирует о краткости гласного: нид. zoon [zo:n] ‘сын’, zaak [za:k] ‘дело’, афр. kook [ko:k] ‘варить’, ср. нид. zon [zɔn] ‘солнце’, zak [zak] ‘карман’, афр. kok [kɔk] ‘повар’. Правда, в первой из названных групп встречается немало отклонений от этого правила: например, в немецком долгота гласного очень часто дополнительно обозначается при помощи немого **h** (kahl ‘лысый’), удвоением буквы (Saat ‘посев’), в норвежском в ряде слов с кратким гласным пишется один согласный (nok [nɔk:] ‘достаточно’) и т. д. В некоторых СГЯ долгие также обозначаются диграфами.

Различия в пунктуации между СГЯ несущественны. Всего более расхождений в использовании запятой перед придаточными предложениями: она обязательна в немецком, но в большинстве случаев не ставится в норвежском.

Правила переноса также сходны в СГЯ (в последние годы они делают все более свободными). Особое положение в исландском языке, где на нижнюю строку переносится часть слова, начинающаяся с гласного: verslun ‘торговля’, hest-ar ‘лошади’; поскольку одну гласную переносить нельзя, то слова типа koma ‘приходить’ делить не разрешается.

2.3. Грамматика.

2.3.0. Общая характеристика. С точки зрения морфологического строя СГЯ неоднородны. Крайними полюсами являются исландский с его бога-

тейшей морфологией — обилием граммем, множеством типов словоизменения и сложной морфонологией — и африкаанс, самый аналитический из всех современных литературных индоевропейских языков. Большая часть СГЯ характеризуется, в общем, довольно несложным морфологическим строем.

В целом развитие германских языков бесспорно протекало от флексии к анализу, но в одних языках оно зашло очень далеко, тогда как другими языками в этом направлении пройден сравнительно небольшой путь. Но и в отношении этих последних (исландского, фарерского, немецкого) не приходится отрицать общей тенденции к упрощению морфологического строя. Это проявилось уже в том, что ни в одном из СГЯ не сохранилась древняя трехморфемная структура слова; реликты основообразующих суффиксов слились либо с корневой морфемой, либо с окончанием, ср. исл. *trygg(v)|-an* ‘верного (вин. п.)’ (древняя основа на *-va*) и *gat|na* ‘улиц’ (древняя основа на *-ōn*). При всей близости современной исландской морфологии к древнеисландской нельзя не отметить ряда упрощений, отдельных аналогических выравниваний и т. п.

Развитие языка от флексии к анализу означает прежде всего сокращение количества граммем с морфологическими показателями, что, разумеется, не исключает появления новых граммем, выражаемых аналитическими средствами (ср. возникшую сравнительно недавно систему времен *Continuous* в английском, *Kondizionalis* в немецком и ряде других СГЯ и т. д.). Вместе с тем в отдельных очень редких случаях возможно и появление новых морфологически выражаемых граммем, а также появление новых морфологических показателей уже существующих граммем. Видимо, такое увеличение числа граммем и/или их показателей имеет место лишь при нормализации литературного языка. Так, второй орфографической реформой букмола были легализованы отсутствовавшая ранее грамма ж. рода (см. 1.2.3.5) и показатели *-a/-å* для претерита и причастия II слабых глаголов. Характерно, однако, что эти формы издавна существовали в некодифицированной речи и реформой были лишь легализованы.

Широко распространен взгляд, согласно которому упрощение морфологического строя — следствие редукции. Действительно, многие факты могут быть интерпретированы подобным образом: всего менее подвергшиеся редукции СГЯ — исландский и фарерский — обладают самой богатой морфологией и, наоборот, самые аналитические из них — африкаанс и английский — всего больше подверглись редукции. Вместе с тем очевидно, что редукция может иметь место только тогда, когда в результате ее устраняются информационно избыточные граммемы и даже категории целиком, но она невозможна в тех элементах морфологии языка, которые передают необходимую грамматическую информацию. Из этого факта не-

которыми лингвистами делается вывод, что редукция — лишь следствие устранения информационно избыточных элементов морфологического строя. Однако не все факты увязываются с этими подходами. Так, шведский язык претерпел радикальное упрощение морфологического строя, но редукции безударных в нем не было, и он по сей день занимает первое место среди СГЯ по количеству гласных, возможных в грамматических показателях. В фарерском языке, также не подвергшемся редукции, теперь нет изменения по лицам у глагола во мн. числе, совпали формы вин. и им. падежей мн. числа у существительных и т. д. Таким образом, упрощение морфологического строя может иметь место и без редукции. Напротив, радикальная редукция, имеющая следствием кардинальное сокращение инвентаря звуков, возможных в грамматических показателях, не обязательно приводит к столь же кардинальному упрощению морфологического строя: ср. немецкий язык с его относительно сложной (на фоне других СГЯ) морфологией и скудным репертуаром фонем в показателях.

Говоря об упрощении морфологического строя языка, целесообразно различать два типа — упрощение содержательное и упрощение формальное.

Под первым понимается сокращение числа грамматических категорий (например, устранение категории рода в английском и африкаанс) или числа граммем (например, слияние м. и ж. рода в один общ. род в шведском и датском).

Под формальным упрощением понимается сокращение числа показателей какой-либо граммемы (например, древненорвежским показателям мн. числа ж. рода *-ar*, *-er/-ir*, *-or/-ur* в современном букмоле соответствует *-er*). Соответственно, можно различать морфологическое богатство — разумеется, относительное, в пределах данной группы языков — содержательное и формальное. Так, немецкая морфология богата содержательно, но бедна формально, а шведская морфология богата формально, но бедна содержательно.

Таким образом, есть основания признать принципиальную возможность независимого протекания процессов редукции и сокращения количества флексивных форм в языке (упрощения морфологии).

По соотношению этих процессов возможны четыре типа языков, и все эти типы представлены в СГЯ (см. приводимую ниже таблицу). Поясним, что критерием редукции нами считается возможность наличия в грамматическом показателе только звука [-ə-], а критерием упрощения — наличие у существительного не более двух падежей.

Разумеется, таблица несколько огрубляет реальную картину. Фарерская морфология несколько проще исландской; шведская морфология не-

Т а б л и ц а

Типы языков по соотношению редукции и упрощения

Редукция	Упрощение	Язык
–	–	исландский; фарерский
–	+	шведский; норвежский
+	+	датский; нидерландский; африкаанс; английский; фризский
+	–	немецкий; идиш

много богаче (формально) норвежской, но и последняя неоднородна, поскольку «новонорвежский» имеет более сложную морфологическую систему, чем букмол; морфология африкаанс несравненно проще морфологии датского и т. д.

Сказанное выше о принципиальной возможности независимого хода процессов редукции и упрощения морфологического строя языка, естественно, никак не исключает возможности связанного характера этих процессов. Например, отпадение конечного -n в нидерландском (процесс, начавшийся еще в средненидерландский период и, видимо, носивший чисто фонетический характер)²⁴ привело постепенно к радикальнейшему упрощению морфологии этого языка; редукция безударных гласных в древнедатском в [-ə-], орфографически æ (в зеландском диалекте), имела следствием совпадение и слияние ряда форм и т. д.

2.3.1. Существительное.

2.3.1.1. Род. Совершенно неинформативная, чисто классификационная категория грамматического рода оказалась достаточно живучей в СГЯ. Почти в половине рассматриваемых языков сохранилась трехродовая система. М., ж. и ср. род различают языки исландский, фарерский, норвежский («новонорвежский» — полностью, букмол — с оговорками, см. 1.2.3.5), немецкий, фламандский вариант нидерландского языка (1.1.4.8) и идиш. Два грамматических рода характерны для датского, шведского, нидерландского (в Нидерландах) и фризского. Лишь английский и африкаанс полностью утратили эту категорию.

Степень сохранности категории рода в целом хорошо коррелирована со степенью сохранности иных грамматических категорий и, напротив, находится в обратной корреляции со степенью редукции. Так, языки, утратившие категорию рода, утратили также категорию падежа (английский

²⁴ См.: Миронов С. А. Становление литературной нормы современного нидерландского языка. М., 1973. С. 85–90.

частично), лица и числа глагола (в английском есть одно исключение); в них всего далее зашла редуция. Менее четкая картина наблюдается в тех языках, в которых сохранились три грамматических рода. Конечно, исландский, фарерский и немецкий обладают среди СГЯ самой богатой морфологией (первые два и содержательно и формально, последний — только содержательно), морфологический инвентарь идиша беднее, а фламандский вариант нидерландского языка весьма небогат в плане морфологии: он ничем не отличается в этом отношении от северного варианта, и различение грамматического рода осуществляется лишь в заменяющих существительное личных местоимениях.

В отношении распределения существительных по грамматическому роду СГЯ довольно хорошо сохраняют древнее состояние, особенно наиболее частотные, важнейшие лексемы типа 'дом', 'сердце', 'снег', 'погода', 'повозка' и т. п. Сказанное, разумеется, не исключает возможности расхождений и среди подобных лексем: ср. общегерманскую лексему со значением 'селезенка' — ср. рода в исландском, фарерском и «новонорвежском» и ж. рода (общ. рода) в остальных СГЯ; лексему 'лес' в западногерманских языках — м. рода в немецком и идише, ср. рода в нидерландском и фризском и т. д. Встречаются такого рода расхождения даже среди заимствований: так, нижнемецкое заимствование *krig* 'война' — существительное м. (общ.) рода в норвежском и датском, но относится к ср. роду в шведском. Есть, конечно, случаи колебаний и в пределах одного языка: так, норвежское существительное *greip* 'вилы' может употребляться с артиклями всех трех родов (*greira*, *greiren*, *greipet*). Это обусловлено тем, что в СГЯ существительное не имеет внешних признаков принадлежности к тому или иному роду.

Причины сохранения этой информационно несодержательной категории, видимо, лежат прежде всего в области фонетической. В языках с трехграммной категорией рода, кроме того, существенную роль в разграничении родов играли и играют разные словоизменительные парадигмы. Не случайно в языках с двухграммной категорией рода в единый род (общ.) слились именно м. и ж., хотя логически более оправданно различие м. и ж. родов (ср. развитие в романских языках): так, в древнешведском суффиксированный артикль м. и ж. рода в им. падеже ед. числа различался слабо (-in:/-in), но ему четко противостояла форма ср. рода (-it), в средне-нидерландском соответствующие формы определенного — препозитивно-артикля имели вид *die* (de)/*die* (de) и *dat*/t (d)²⁵ и т. д.

²⁵ Нынешняя форма определенного артикля ср. рода *het*/^t возникла вследствие того, что средненидерландская редуцированная форма *t* стала отождествляться с одинаково звучащей редуцированной формой личного местоимения *het*, что привело к их смешению.

2.3.1.2. Другие классификационные категории существительных (лицо/не-лицо, живое/неживое, одушевленное/неодушевленное). Эти категории характерны для тех СГЯ, в которых либо вообще нет категории грамматического рода, либо она двухграммемна; напротив, их нет в языках, в которых три грамматических рода.

Эти классификационные категории проявляются в разных личных местоимениях, заменяющих существительные. В языкознании представлена точка зрения, согласно которой, на этом основании, данную категорию нельзя считать субстантивной. Но ведь именно характер существительного определяет выбор того или иного местоимения (аналогично выбору артикля).

В чистом виде категория лица/не-лица представлена только в английском языке (здесь и далее после существительного будут указываться личные местоимения, его замещающие): smith ‘кузнец’ — he, nursemaid ‘няня’ — she, chair ‘стул’ — it. Отступления составляют прежде всего названия животных, особенно домашних — кошки, коровы и т. п. (о них говорят he, she в соответствии с полом), а также названия стран (England, France — she) и кораблей (тоже she).

В шведском, норвежском (букмоле) и датском категория лица/не-лица пересекается с категорией грамматического рода (в ср. роде различия между лицом/не-лицом нет): датск. smed ‘кузнец’ — han, barnerpige ‘няня’ — hun, stol ‘стул’ — den, år ‘год’ — det (слова ср. рода, обозначающие людей, типа vidne ‘свидетель’ могут заменяться местоимениями han/hun в соответствии с биологическим полом). В этих скандинавских языках также есть варьирование в употреблении местоимений, заменяющих названия животных, особенно домашних. Такое же употребление местоимений лица характерно для народных сказок. В норвежской разговорной, особенно диалектно окрашенной речи han может заменять обозначение ветра: Han er nordlig ‘Дует с севера’²⁶. Ср. также норв. †Skuta er gammel, men hun er god ‘Шхуна старая, но она хорошая’ (как в английском).

Своеобразно маркируется различие лица/не-лица в африкаанс, где перед дополнением, обозначающим лицо, широко используется предлог vir (перед дополнениями, не обозначающими лицо, он не ставится): Klaas sien vir Jan ‘Клаас видит Яна’. Однако в африкаанс есть и другая оппозиция — живое противопоставлено неживому: os ‘бык, вол’ — hy, koei ‘корова’ — sy, boom ‘дерево’ — hy, skip — dit.

²⁶ Это пережиток древнего употребления. В исландском и по сей день местоимение hann выполняет функцию безличного местоимения в предложениях типа Hann snójar ‘Идет снег’, Hann er hvass ‘Дует сильный ветер’. Правда, более литературны варианты с безличным местоимением það: Það snójar; Það er hvasst.

Отлична от других СГЯ классификационная структура существительного во фризском языке: названия лиц мужского и женского пола заменяются соответственно местоимениями (после косой черты дается энклитическая форма) *hy/er* и *hja/sy*, названия животных — местоимением м. рода *hy/er* (независимо от биологического пола!), названия неодушевленных предметов — чаще всего указательным местоимением *dy*, выступающим, таким образом, в функции личного.

Наконец, пересечение нескольких различных классификаций наблюдается в нидерландском языке (но не в бельгийском варианте). Существительные, обозначающие людей и животных, заменяются местоимениями *hij* (м. р.) и *zij* (ж. р.), неодушевленные конкретные — чаще всего местоимением *hij* (но возможно и *zij*), абстрактные — чаще всего *zij*.

2.3.1.3. Число. Во всех СГЯ категория числа двухграммемна: ед. число противопоставлено мн. числу.

Для основной массы СГЯ характерно раздельное выражение категорий числа и падежа. Лишь в исландском и фарерском языках окончания существительных одновременно обозначают и число и падеж: ср. исл. формы от *hús* ‘дом’ — *húsi* ‘дому’, *húsum* ‘домам’. Только эти языки имеют также специфические показатели им. падежа ед. числа (в скобках для сравнения приводится форма им. п. мн. ч.): исл. *hestur* ‘лошадь’ (*hestar*), *bíll* ‘автомашина’ (*bílar*), *kennari* ‘учитель’ (*kennarar*), фар. *gestur* ‘гость’ (*gestir*), *genta* ‘девушка’ (*gentur*). Ср. также шведские существительные на -a: *saga* ‘сказка’ (*sagor*), *gata* ‘улица’ (*gator*) и др. Ряд таких синкретичных форм есть в немецком языке.

В целом же для СГЯ характерен следующий способ выражения числа: форма ед. числа имеет нулевой показатель, а форма мн. числа образована с помощью сегментной морфемы. Таким образом, наиболее типичны случаи: англ. *book* ‘книга’ — *books*, нем. *Tisch* ‘стол’ — *Tische*, нид. *woord* ‘слово’ — *woorden* [-ə(n)], датск. *hund* ‘собака’ — *hunde* и т. п. Однако в части языков имеются разряды существительных, у которых форма мн. числа характеризуется нулевой морфемой. Из них в первую очередь следует назвать существительные ср. рода в скандинавских языках (приводимые ниже формы, таким образом, являются также формами мн. числа): норв., датск., шв. *år*, исл., фар. *ár* ‘год’, норв., датск., шв. *ord*, исл., фар. *orð* ‘слово’ и т. п. Не имеют сегментного показателя мн. числа немецкие существительные м. и ср. рода на -er, -el, -en, например *Lehrer* ‘учитель’, *Wagen* ‘повозка’, некоторые существительные в идише, например *hext* ‘щука’, *štern* ‘звезда’.

Чередование гласных в корне в формах числа представлено в СГЯ очень неравномерно. Всего более оно характерно для исландского и фарерского языков, в которых много форм с перегласовками на *i* и особенно на *u* (при-

водятся формы им. п. ед. и мн. ч.): исл. *bók* ‘книга’ — *bækur*, *nafn* ‘имя’ — *nöfn*, *gata* ‘улица’ — *götur*, фар. *strond* ‘берег’ — *strendur*, *aks* ‘колос’ — *øks*. В некоторых типах существительных ж. рода в этих языках перегласовка на **u** характерна для исходной формы и некоторых других форм, ср.: исл. *höfn* ‘гавань’ — *hafnir* (им., вин. п. мн. ч.), фар. *björk* ‘береза’ — *bjarkir* (им., вин. п. мн. ч.).

Поскольку значение мн. числа, помимо своей морфемы, выражается также особой формой артикля (включая нулевую форму неопределенного артикля во мн. числе), омонимии числа, как правило, в СГЯ не бывает, ср.: нем. *der Gegner* ‘противник’ — *die Gegner*, *ein Gegner* — *Gegner*, норв. *gøret* ‘труба’ — *gørene*, *et gøt* — *gøt*. Характерно, что в тех языках, где либо артикль вообще един для обоих чисел (английский, африкаанс), либо одна из форм ед. числа совпадает с формой мн. числа (немецкий, нидерландский, идиш), омонимия чисел не встречается, ср.: англ. *the girl* ‘девушка’ — *the girls*, афр. *die boek* ‘книга’ — *die boeke*, нем. *die Nummer* ‘номер’ — *die Nummern*, нид. *de boom* ‘дерево’ — *de bomen*, ид. *di caitung* ‘газета’ — *di caitungen*. Таким образом, случаев фактической омонимии форм числа, т. е. случаев, когда число не определено ни морфемой существительного, ни артиклем (ни другими способами, здесь не рассмотренными — личным или иным местоимением), немного, но они есть: ср. датск. *lærerens spørgsmål* ‘вопрос/вопросы учителя’ и некоторые другие. Однако и эта омонимия, как правило, устраняется более широким контекстом.

Конечно, четкая в целом грамматическая дифференциация ед. и мн. числа в СГЯ не случайность. Эта грамматическая категория бесспорно информационно содержательна. Она относится к числу объективных грамматических категорий, т. е. категорий, непосредственно отражающих действительность.

Характерно, что общий инвентарь показателей мн. числа всех СГЯ довольно скромнен. Он может быть сведен к пяти основным типам: а) -е, б) -(е)n, в) -(гласный +) r (-r, -er, -ar, -or, -ur, -ir), г) -s²⁷, д) нуль.

2.3.1.4. Падеж. Ряд исследователей различает понятия «падеж в узком смысле», или «синтетический падеж», и «падеж в широком смысле», или «аналитический падеж». Очевидно, что падеж, независимо от способа выражения, — категория содержательная, а характер его выражения — момент второстепенный. Материал СГЯ, как представляется, подкрепляет это положение.

Система синтетических падежей в СГЯ варьируется от четырех до нуля. Наиболее полна она в языках исландском, немецком и идише, в кото-

²⁷ Таков инвентарь показателей мн. числа СГЯ в чисто синхронном плане, т. е. мы сознательно отвлекаемся от того, что показатель -(гласный +) r восходит к *(гласный +) z и т. д.

рых различаются им., род., дат. и вин. падежи. Сходная картина наблюдается в фарерском, но в этом языке формы род. падежа характерны лишь для книжного стиля; это — случай уникальный для СГЯ, ибо, как будет показано ниже, род. падеж гораздо более «живуч», нежели падежи дат. и вин. В континентальных скандинавских языках — шведском, норвежском, датском — синтетических падежей два: общ. и род. Сходное положение отмечается в английском, фризском и нидерландском, но в этих языках сфера употребления род. падежа уже, чем в скандинавских, особенно в нидерландском, где формы род. падежа от существительных м. и ср. рода употребительны исключительно в устойчивых выражениях, а несколько чаще встречающиеся формы род. падежа существительных ж. рода и мн. числа носят отчетливо книжный характер. Наконец, в африкаанс категории синтетического падежа вообще нет. Таким образом, более чем для половины СГЯ характерна двухграммная категория синтетического падежа, состоящая из общ. падежа, выполняющего разнообразные синтаксические функции, и род. падежа, в большей или меньшей мере ограниченного в своем употреблении.

Разумеется, приведенные выше количественные характеристики синтетических падежных парадигм не раскрывают всех их особенностей. Так, формы род. падежа в исландском отличаются от аналогичных форм в немецком как в формальном отношении, так и в содержательном: исландское существительное имеет девять показателей род. п. ед. ч. (-s, -is, -ar, -jar, -var, -ur, -a, -u, -Ø), тогда как немецкое — пять (-s, -es, -n, -en, -Ø); исландский род. падеж имеет ряд значений, не свойственных немецкому, например партитивное (*þrjú hundruð manna* ‘триста человек’, *snemma dags* ‘рано днем’), меры (*fjöggra vikna leyfi* ‘четырёхнедельный отпуск’), отношения (*góður yfirferðag* ‘который легко переехать’) и т. д. С другой стороны, род. падеж ед. числа в идише и формально, и содержательно значительно беднее немецкого: его единственный показатель — -s, причем артикль не имеет особой формы для род. падежа ед. числа (ср. *dem man* — дат., вин. п. ед. ч., *dem mans* — род. п. ед. ч.); род. падеж ед. числа от неодушевленных существительных не употребляется и т. д.

Не случайно почти во всех СГЯ есть граммема «род. падеж». Факторами, определившими ее сохранение, видимо, были как момент фонетический (окончания типа -s редко подвергаются апокопе), так и момент семантический — важность этого значения. Характерно, что ни в одном СГЯ значение принадлежности не выражается только позицией существительного.

Если обратиться к «падежу в широком смысле», т. е. к категории существительного, выражающей его отношения к другим словам, независимо от способов выражения этого значения, то можно отметить следую-

шее. Во всех СГЯ обстоятельственные — пространственные, временные, причинные и др. — значения выражаются в подавляющем большинстве случаев при помощи предложных сочетаний, ср.: нем. *im Wald(e)* ‘в лесу’, *während der Mahlzeit* ‘во время еды’, *vor Angst* ‘от страха’ и т. п. Однако некоторые виды местного значения могут выражаться формами общ./вин. падежа: ср. норв. *†Han bor et sted i Oppland* ‘Он живет где-то [букв. ‘одно место’] в Оппланне’. Широко используются эти падежные формы в СГЯ для обозначения продолжительности действия или момента его совершения: ср. норв., датск. *Filmen varer to timer* ‘Фильм длится два часа’, нид. *Hij stond daar de hele avond* ‘Он (про)стоял там весь вечер’, исл. *Hún er fædd ellefta ágúst árið níttján hundruð tuttugu og níu* ‘Она родилась 11 августа 1929 г.’.

Самоочевидно, что в языках, в которых различаются дат. и вин. падежи, первый используется преимущественно для косвенного дополнения, а последний — для прямого: нем. *Er gab der Tochter das Buch* ‘Он дал дочери книгу’. Весьма интересное исключение представляет собою исландский язык, в котором обширный ряд глаголов, соответствия которых в других СГЯ, различающих дат. и вин. падежи, управляют вин. падежом, требует дат. падежа; по исландской грамматической традиции эти глаголы тоже считаются переходными. Ср. исландские глаголы, управляющие дат. падежом: *breyta* ‘изменять’, *skipta* ‘делить’, *unna* ‘любить’, *gleyma* ‘забывать’, *lysa* ‘описывать’ (в значении ‘освещать’ + вин. п.) и многие другие. Объединить их с точки зрения современного языка по какому-либо общеграмматическому значению не удастся: видимо, это — унаследованное от древнего состояния отражение какого-то неясного нам членения процессов по признаку степени охвата ими объекта. В исландском есть также «переходные» глаголы, требующие род. падежа: *bíða* ‘ждать’, *hefna* ‘мстить’, *íðrast* ‘раскаиваться’, *vænta* ‘ожидать’ и др. Характерно, что в страдательных конструкциях объекты действия, обозначаемого такими «переходными» глаголами, выражаются существительным в падеже дополнения: ср. *Hann gleymdi bókinni* (дат. п. с определенным артиклем) ‘Он забыл книгу’ — *Bókinni var gleymt* ‘Книгу забыли’; *Hann hefndi þess* ‘Он отомстил за это’ — *Þess var hefnt* ‘Это было отомщено’.

В языках с двухграммемной системой синтетических падежей форма общ. падежа используется во всех функциях, кроме тех, которые характерны для форм род. падежа. Определяющую роль в разграничении этих функций играет порядок слов: ср. фриз. *De heit joech syn soan in fyts*, норв. *†Faren gav sønnen sin en sykkel* ‘Отец подарил своему сыну велосипед’. При постановке прямого дополнения сразу после сказуемого адресат обозначается предложным дополнением: фриз. *De heit joech in fyts oan syn soan*, норв. *†Faren gav en sykkel til sønnen sin*. Как уже упоминалось

(2.2.1.2), в африкаанс дополнение — прямое и косвенное, обозначающее человека, — имеет большей частью предлои vir: *Sê vir die mense...* ‘Скажи (этим) людям...’

В функции определения форма общ. падежа используется в таких языках преимущественно постпозитивно в конструкциях с обозначением количества: норв. *to kilo kjøtt* ‘два кило мяса’, *+et lass høv* ‘воз сена’. В этом отношении всем СГЯ противостоит английский, в котором форма общ. падежа очень широко используется в качестве препозитивного определения: *a stone wall* ‘каменная стена’, *South-East Asia Treaty Organization* ‘Организация договора Юго-Восточной Азии, СЕАТО’.

В большинстве СГЯ формы род. падежа образуются по преимуществу от существительных, обозначающих живых существ, особенно людей. Функции этих форм, в общем, сходны; чаще всего употребляется род. притяжательный. Генитивное определение стоит в препозиции в английском, шведском, норвежском, датском, фризском, в постпозиции — в немецком (как правило), нидерландском, исландском и идише; оба положения встречаются в фарерском.

Отметим весьма частное, но любопытное явление — «род. без окончания» в шведском, норвежском и датском (в официальных названиях учреждений). Определяемое в этой конструкции не может иметь артикля, а эвентуальное прилагательное стоит в слабой форме, т. е. конструкция имеет все признаки генитивного оборота, кроме того, что определение (обычно название города или иной топоним) не имеет показателя род. падежа: норв. *Oslo Nye teater* ‘Новый театр Осло’ (ср. *byens nye teater* ‘новый театр города’).

Отношения принадлежности и аналогичные, т. е. функции определения, во всех СГЯ выполняются также иными конструкциями, прежде всего предложными: ср. нем. *die Werke von Goethe* ‘произведения Гёте’, датск. *kongen af Danmark* ‘король Дании’, нид. *de auteur van het verhaal* ‘автор рассказа’, фриз. *it hûs fen ús bûrman* ‘дом нашего соседа’ и т. д. Другая притяжательная конструкция, из литературных языков представленная во фризском, африкаанс и «новонорвежском», но гораздо шире распространенная в диалектах, представляет собою определение в общ. или дат. падеже + притяжательное местоимение 3-го лица + определяемое: фриз. *Sipma syn wurk* ‘произведение Сипмы’, *it famke hjar jûpe* ‘платье девушки’, афр. *de leerling se boek* ‘книга ученика’, норв. *°skattytarane sine pengar* ‘деньги налогоплательщиков’; ср. нем. разг. *der Mutter ihre Brille* ‘очки матери’, *dem Vater sein Stuhl* ‘стул отца’, нид. разг. *Jan z'n fiets* ‘велосипед Яна’, *zus d'r kamer* ‘комната сестры’ и т. д. Значительно реже встречается конструкция «определяемое + личное местоимение 3-го лица + определение (имя собственное или нарицательное в функции собственного)»: ср.

норв. °garden hans Einar ‘двор Эйнара’, °målet hennar mor ‘родной язык (букв. ‘язык матери)’.

2.3.1.5. Определенность/неопределенность. Эта категория трехграммна (определенный артикль, неопределенный артикль, отсутствие артикля) во всех СГЯ, кроме исландского, где она двухграммна (нет неопределенного артикля).

Типологически артикли в СГЯ довольно разнообразны.

Неопределенный артикль всегда находится в препозиции: нид. een hond, шв. en hund ‘собака’ и т. д. Определенный артикль в западно-германских языках тоже всегда препозитивен: нем. der Hund, фриз. de hûn ‘собака’. В скандинавских языках есть два варианта определенного артикля: постпозитивный (суффигированный) и препозитивный (свободностоящий). Если существительное не имеет адъективного (причастного и т. п.) определения, то используется только постпозитивный артикль: датск., норв., шв. hunden; при наличии же такого определения обычно используется препозитивный артикль (в некоторых языках он факультативен; по-разному комбинируется он в разных языках и с артиклем постпозитивным): датск. den gamle hund, норв. den gamle hunden/den gamle hund²⁸, шв. den gamla hunden, исл. gamli hundurín/книжн. hin gamli hundurín, фар. tan gamli hundurín ‘старая собака’.

Неопределенный артикль в СГЯ употребляется только в ед. числе. Он имеет одну форму в английском (*a*, перед гласными *an*) и африкаанс (‘n), поскольку в этих языках нет категории рода, но также в нидерландском (een), фризском (in) и идише (a/an). В скандинавских языках он дифференцирован по родам (шв.: общ. р. en, ср. р. ett, датск.: общ. р. en, ср. р. et, норв.: м. р. +en, ж. р. +ei/+en, ср. р. et и м. р. °ein, ж. р. °ei, ср. р. °eit, фар.: м. р., ж. р. ein, ср. р. eitt). То же в немецком (м. р., ср. р. ein, ж. р. eine).

По падежам неопределенный артикль склоняется только в немецком и фарерском.

Определенный артикль в СГЯ дифференцирован больше и более богат формами. Одна форма у него только в английском (the) и африкаанс (die). В нидерландском и фризском он имеет разные формы для общ. и ср. рода в ед. числе (соответственно de — het/’t, de — it), а форма мн. числа совпадает с формой ед. числа общ. рода. В скандинавских языках картина сложнее. Постпозитивный артикль дифференцирован по роду и в ед. и во мн. числе в шведском, фарерском, исландском и «новонорвежском», только в ед. числе в датском, в ед. числе и отчасти во мн. числе — в букмоле. Пре-

²⁸ В букмоле второй вариант более книжный. Кроме того, есть тенденция употреблять этот вариант в общей соотнесенности (‘старая собака вообще’), а первый — в частной (‘данная старая собака’). В «новонорвежском» принято одновременное использование обоих артиклей.

позитивный артикль имеет разные родовые формы в ед. числе во всех скандинавских языках (в норвежском формы м. и ж. рода совпадают), а во мн. числе — только в исландском и фарерском.

Изменяется по падежам определенный артикль в языках исландском, фарерском, немецком и идише. В этих языках склоняется и существительное. Отметим при этом два момента. Во-первых, ряд падежных форм и существительного и артикля омонимичны, но омонимия часто устраняется сочетанием этих самих по себе омонимичных форм: ср. нем. *der Tag* ‘день’ (им. п. ед. ч.) — *der Tage* (род. п. мн. ч.), *die Tage* (им. п. мн. ч.) — *dem Tag(e)* (дат. п. ед. ч.) и т. д. Во-вторых, в исландском и фарерском существительное с суффицированным артиклем сохраняет и свои падежные окончания, ср. парадигму исл. *völlur* ‘луг’ в ед. ч.: им. *völlurinn*, род. *vallarins*, дат. *vellinum*, вин. *völlinn*. В нидерландском артикль, как правило, не склоняется, но в книжном стиле возможны формы род. п. ж. р. ед. ч. и род. п. мн. ч. — типа *de statuten der vereniging* ‘устав общества’, *de regering der bovengenoemde landen* ‘правительства вышеназванных стран’.

Таким образом, с точки зрения разнообразия форм между неопределенным и определенным артиклями симметрии не наблюдается: число форм определенного артикля в целом по СГЯ превосходит число форм неопределенного.

Употребление артиклей, в общем, единообразно в СГЯ. Разумеется, от языка к языку есть частные расхождения, но на них мы останавливаться не можем и ограничимся лишь несколькими примерами: англ. *He is a worker* ‘он рабочий’ — нем. *Er ist Arbeiter*; нид. *tekenen naar de natuur*, норв. *tegne etter naturen* ‘рисовать с натуры’ — англ. *draw from nature*; норв. *rektors kontor* ‘кабинет директора (гимназии)’ — нем. *der Dienstrraum des Direktors* и т. д. Из наиболее заметных отклонений от употреблений, типичных для СГЯ в целом, отметим следующие:

1) в исландском языке в ряде случаев существительное, обозначающее предмет, определенный ситуацией (т. е. выступающий как бы в значении ‘данный’, ‘наш’ и т. п.), употребляется без артикля: *Í inngangi segir...* ‘Во введении говорится’, *Alþingi ályktar að fela menntamálaráðherra...* ‘Альтинг принимает решение поручить министру культуры...’;

2) всем скандинавским языкам, кроме датского, в той или иной мере свойственна гипердетерминация, т. е. использование артиклей при наличии иных детерминантов (местоимений, другого — свободностоящего — артикля и т. д.): ср. шв. *den stora skogen* ‘большой лес’, норв. *dette året* ‘этот год’, *huset mitt* ‘мой дом’, исл. *konan mín* ‘моя жена’ (но *móðir mín* ‘моя мать’) и т. д.;

3) в западноскандинавских языках (исландском, фарерском, «новонорвежском») встречается партитивная конструкция «числительное ‘один’ + существительное с определенным артиклем»: исл. *einn daginn*, фар. *ein da-*

gin, норв. °ein dagen ‘однажды (= в один из дней)’, исл. ein stelpan ‘одна из девочек’ и т. п.;

4) в идише дважды употребляется неопределенный артикль, если прилагательное стоит в постпозиции: a froi a šeine ‘красивая женщина’.

2.3.2. Прилагательное.

2.3.2.1. Типы прилагательных. Из традиционно выделяемых типов прилагательных — качественных, относительных и притяжательных — германским языкам всего более свойственны качественные. Большие группировки понятий, обозначаемых в одних языках, например славянских, относительными прилагательными, обозначаются в СГЯ иными способами, чаще всего первым элементом сложного слова либо в составе предложного оборота, ср. рус. *письменный стол* — нем. *Schreibtisch*, датск. *skrivebord*, исл. *skrifborð* и т. д., рус. *дом каменный* — англ. *the house is of stone*, нид. *het huis is van steen*, норв. *huset er av stein* и т. д. Конечно, и сами СГЯ различаются по степени представленности в них относительных прилагательных. Так, к примеру, прилагательных, обозначающих материал, из которого что-либо состоит, изготовлено, в нидерландском больше, чем в других СГЯ: нид. *een gouden horloge* ‘золотые часы’, *een koperen ketel* ‘медный котел’, ср. шв. *guldur, kopparkittel*. Что касается притяжательных прилагательных, то они в общем СГЯ не свойственны. Прилагательные типа норв. *ibsenski* ‘ибсеновский’ имеют чаще значение ‘характерный для...’, такой, как у...’, т. е. не являются чисто притяжательными.

2.3.2.2. Изменение прилагательных. По количеству форм прилагательных (без степени сравнения) СГЯ представляют собою весьма пеструю картину. На одном полюсе находится английский язык, в котором прилагательное вообще не изменяется, т. е. имеет только одну форму, на другом — исландский с его 48 формами прилагательного только в положительной степени, с помощью которых, в частности, различается грамматический род во мн. числе; впрочем, если в немецком считать все формы трех типов склонения прилагательных (т. е. учитывать отдельно все формы смешанного склонения) плюс особую форму предикатива, то число этих форм составит 49. Разумеется, в этих парадигмах множество случаев омонимии форм, так что морфологически различных форм много меньше: в исландском — менее полутора десятков, в немецком — всего 6. В основной массе СГЯ количество форм прилагательного (без степеней сравнения) — 2–3.

Возможность наличия в языке минимального количества форм прилагательного (вплоть до полной его неизменяемости) объясняется тем, что прилагательное выполняет только две функции: а) определения к существительному и б) предикатива. Первое из этих грамматических значений достаточно хорошо маркируется порядком слов, второе — глаголом-связ-

кой. И в том и в другом случае согласование прилагательного с существительным, т. е. дублирование окончанием прилагательного граммем числа, эвентуально рода и падежа, грамматически избыточно именно в силу того, что прилагательное только дублирует уже содержащуюся в предложении грамматическую информацию (вопрос об избыточности категории грамматического рода и «морфологического падежа» рассмотрен выше). В самом деле, в немецком предложении *Ich sehe einen grünen Baum* 'Я вижу зеленое дерево' окончание *-en* у прилагательного указывает на род, число и падеж существительного *Baum*, что уже и так выражено в предложении. В английском эквиваленте этого предложения *I see a green tree* неизменяемое прилагательное не содержит никакой грамматической информации, кроме той, которая маркирована его позицией, а именно, что оно является определением к *tree*. Характерно, что при всем богатстве морфологии прилагательного в немецком языке информативность его окончаний во многом иллюзорна: во-первых, как уже сказано, они характеризуются широкой омонимией (на 49 форм приходится всего 6 разных окончаний, включая нулевой показатель), во-вторых, в функции предикатива немецкое прилагательное не изменяется, в отличие, например, от скандинавских прилагательных: нем. *der Baum/das Feld ist grün* 'Дерево/поле зеленое', *die Bäume/die Felder sind grün* 'Деревья/поля зеленые' и норв. *treet er grønt*, *+marka er grønn*, *+trærne/markene er grønne*.

Неинформативность окончаний прилагательных не означает, разумеется, что они не могут использоваться в отдельных случаях для передачи дополнительной информации. Из ряда возможных иллюстраций ограничимся четырьмя. Предикатив — прилагательное в ср. роде при подлежащем — существительном общ. рода или во мн. числе (без артикля) — имеет в норвежском значение 'нечто, квалифицируемое так-то и так-то', ср.: *ost er godt* 'сыр полезен, сыр — хорошая еда' и *osten er god* '(этот) сыр хороший'. Нид. *een groot schilder* означает 'большой (т. е. значительный) художник', а *een grote schilder* — 'большой (т. е. рослый, высокий) художник'. Обратное положение в африкаанс, где нефлектированная форма прилагательного характерна для прямого значения, а форма на *-e* — для переносного: *'n ryk man* 'богатый человек' — *'n ryke verlede* 'богатое прошлое'. Исландская конструкция *hvíta hárið* 'седые волосы' характеризует и существительное, и прилагательное как уже известные адресату сообщения, а конструкция *hvítt hárið* — как известное адресату существительное, которому предикативуется некий признак, т. е. функционально соответствует существительному с определительным придаточным предложением (*hárið, sem er hvítt*).

Сохранение в СГЯ, за исключением английского, большего или меньшего инвентаря окончаний прилагательных показывает, что далеко не все-

гда из языка в процессе его развития устраняются информационно избыточные элементы.

2.3.2.3. Степени сравнения. Структурно степени сравнения прилагательных в СГЯ довольно единообразны. В сравнительной степени всегда представлен элемент «(гласный +) r», в превосходной — «(гласный +) st». Различия касаются в основном количества форм с изменением корневого гласного (перегласовками) и супплетивных. Естественно, что в таких языках, как исландский, нерегулярных форм больше, чем, например, в английском и африкаанс.

Формы сравнительной и превосходной степени в целом используются в СГЯ сходно. Расхождение наблюдается в одном моменте. Часть языков обозначает признак, представленный у одного из двух объектов в большей степени, при помощи превосходной степени, часть — при помощи сравнительной, ср.: шв. *Vem er äldst* [превосходная степень] *av oss två?* 'Кто из нас двоих старший [букв. 'самый старший']?' и исл. *Hver okkar tveggja er eldri* [сравнительная степень]? Употребление сравнительной степени в подобном контексте — явление более старое, и пережитки его наблюдаются также в языках первого типа, ср. шв.: *Sten Sture den yngre* 'Стен Стюре младший', норв. *nedre veien* 'нижняя дорога (из двух)'.

Абсолютное употребление сравнительной степени в общем свойственно многим СГЯ, хотя количество лексем, используемых таким образом, невелико: это прилагательные со значением 'старый' (в сравнительной степени 'пожилой'), 'большой' ('крупный'), 'длинный' ('довольно длинный') и некоторые другие. Прилагательное в абсолютной сравнительной степени означает, как правило, признак в более слабой степени, чем в положительной степени. Характерно, что такое употребление не свойственно исландскому и фарерскому.

Широко употребителен в СГЯ элатив — абсолютное (т. е. без идеи сравнения) употребление форм превосходной степени для обозначения интенсивности признака: исл. *Það er mesta heimska að halda að...* 'Величайшая глупость считать, что...', норв. *i den skjønneste orden* 'в полнейшем порядке', нид. *met het grootste genoegen* 'с величайшим удовольствием', фриз. *yn de djipste earmoede* 'в страшной бедности'. Часто в конструкциях с элативом отсутствует определенный артикль, что особенно характерно для более или менее лексикализованных сочетаний: шв. *efter bäste förmåga* 'по мере сил', нем. *mit größtem Vergnügen* 'с величайшим удовольствием', нид. *beste vriend* 'дорогой друг'.

2.3.3. Глагол.

2.3.3.1. Морфологическая характеристика. С морфологической точки зрения глаголы в СГЯ делятся на слабые, сильные и разного рода нере-

гулярные. Первые составляют, естественно, основную массу. Сильные глаголы сохранились во всех СГЯ, кроме африкаанс, но число их несколько различно по языкам; всего более их сохранилось в исландском.

Слабые глаголы, как известно, характеризуются наличием в формах претерита и причастия II дентального суффикса, т. е. звуков типа [d], [t], [ð], эвентуально в сочетании с некоторыми гласными; ниже для иллюстрации приводятся формы инфинитива и (1-е лицо ед. ч.) претерита; нем. glauben ‘верить’ — glaubte, датск. kræve ‘требовать’ — krævede, исл. vona ‘надеяться’ — vonaði. Естественно, что в результате фонетического развития отдельных языков некоторые дентальные могли подвергнуться изменениям или выпасть, ср. фар. kastaði [-ajɪ] ‘бросил’, норв. °teikna ‘нарисовал’ (< др.-норв. teiknaði). Такие типы, в остальном соответствующие основной схеме изменения слабых глаголов, закономерно причисляются к ним. Далее, к слабым глаголам справедливо относят и такие, в которых дентальный суффикс ассимилируется с корневым дентальным звуком, т. е. практически выступает в нулевом варианте: исл. birta ‘публиковать’ — birti, нид. landen ‘высаживаться на берег’ — landde [landə]. Конечно, возможны иного типа ассимиляции (ср. исл. eyða ‘тратить’ — eyddi), другие морфологические процессы (ср. исл. synda [sinda] ‘плавать’ — synti [sɪnɔɪ] и т. д.). Заслуживают внимания фризские слабые глаголы II класса, в инфинитиве (и в 1-м лице ед. и во мн. числе презенса) оканчивающиеся на -je, -sje, -zje и теряющие элементы -j-, -sj-, -zj- в претерите и причастии II: kontrolearje ‘контролировать’ — kontroleare, haatsje ‘ненавидеть’ — hate, eidzje ‘боронить’ — eide (при этом имеет место ряд морфонологических процессов).

Особое место среди слабых занимает сравнительно немногочисленная группа достаточно частотных глаголов, у которых имеется перегласовка на *i* в инфинитиве и презенсе, тогда как в претерите и причастии II перегласовки нет: ср. норв. velge ‘выбирать’ — valgte, датск. sælge ‘продавать’ — solgte, исл. segja ‘сказать’ — sagði, фар. berja ‘ударять’ — bardí, нем. brennen ‘гореть’ — brannte. Это явление характерно не для всех СГЯ.

В некоторых случаях изначальное регулярное чередование у слабых глаголов значительного затемнено последующим звуковым развитием: англ. buy ‘покупать’ — bought, нид. zoeken ‘искать’ — zocht, исл. yrkja ‘сочинять (стихи)’ — orti, þiggja ‘принимать’ — þáði, фриз. maitse ‘делать’ — makke и т. д.

Имеются слабые глаголы, у которых причастие II образовано по образцу сильных: нем. mahlen ‘молоть’ — mahlte — gemahlen, salzen — salzte — gesalzen (также gesalzt), spalten ‘раскалывать’ — spaltete — gespalten (также gespaltet); нид. barsten ‘лопаться’ — barstte — gebarsten, braden ‘жарить’ — braadde — gebraden; исл. velja ‘выбирать’ — valinn (им. п. ед. ч. м. р.), но valdir (им. п. мн. ч. м. р.), völdum (дат. п. ед. ч. м. р. и мн. ч.) и др.

Следует иметь в виду, что изредка и у сильных глаголов в претерите и причастии II может иметься дентальный показатель и отсутствовать чередование корневого гласного; в таких случаях признаком принадлежности глагола к сильным является нестандартность показателя претерита: норв. ^hholde ‘держать’ — holdt (ср. показатель претерита слабого глагола -te) — holdt, ^ffalle ‘падать’ — falt — falt.

Сильные глаголы в основной массе СГЯ имеют, как известно, три основные формы: инфинитив, претерит и причастие II, например: англ. write ‘писать’ — wrote — written, датск. synke ‘погружаться’ — sank — sunket, фриз. stelle ‘красть’ — stiel — stellen, нид. zingen ‘петь’ — zong — gezongen. В исландском и фарерском сильный глагол имеет четыре основные формы: инфинитив, претерит ед. числа, претерит мн. числа и причастие II: исл. bjóða ‘предлагать’ — bauð — buðu — boðið, фар. bróta ‘ломать’ — breyt — brutu — brotið. В шведском языке формы претерита ед. и претерита мн. числа (различие, характерное для сугубо книжного стиля!) могут иметь разные огласовки, но общее число огласовок, за двумя исключениями (см. 2.1.4.2), не превышает в современном шведском трех, так что огласовка претерита мн. числа совпадает либо с огласовкой претерита ед. числа, либо с огласовкой причастия II: bära ‘нести’ — bar — buro — burit, frysa ‘мерзнуть’ — frös — fröso — frusit.

До сих пор во многих грамматиках СГЯ сильные глаголы по традиции описываются по семи рядам аблаута. Между тем значительная часть некогда четко наблюдававшихся чередований по аблауту в сильной степени затемнена (иногда уже в древний период), как следствие ассимиляций, диэрез, прокоп и т. д., ср.: исл. vinda ‘выкручивать’ — vatt — undu — undið, фар. siggja ‘видеть’ — sá — sóu — sæð, шв. hålla ‘держаться’ — höll (— höllo) — hållit и т. п. Таким образом, в синхронном описании СГЯ презентация чередований сильных глаголов по древним рядам аблаута едва ли оправдана.

На более ранних стадиях развития германские сильные глаголы характеризовались в ед. числе презенса перегласовкой на *i* (от основы инфинитива). Из СГЯ эта перегласовка характерна для всех лиц ед. числа в исландском (taka ‘брать’ — 1-е лицо tek, 2-е, 3-е лицо tekur) и «новонорвежском» (ta(ke) ‘брать’ — tek, глагол по лицам не изменяется). В немецком и фарерском языках перегласовка имеет место во 2-м и 3-м лице ед. числа презенса: нем. fahren ‘ехать’ — 1-е лицо fahre, 2-е лицо fährst, 3-е лицо fährt, фар. flúgva ‘летать’ — 1-е лицо flúgví, 2-е, 3-е лицо flygur. В немецком языке для рассматриваемых форм характерен также переход *e* > *i* (преломление): nehmen ‘брать’ — 2-е лицо nimmst, 3-е лицо nimmt, geben ‘давать’ — 2-е лицо gibst, 3-е лицо gibt.

От форм претерита сильных глаголов в немецком языке с помощью перегласовки на *i* образованы формы претерита сосл. наклонения: schlug

‘бил’ — *schlüge*, *aß* ‘ел’ — *äße*. То же в исландском (от формы претерита мн. числа): *kusu* ‘(они) выбрали’ — *kysi*, *hlógu* ‘(они) смеялись’ — *hlægi*; аналогично образуется претерит сосл. наклонения у слабых глаголов, не имеющих перегласовки на *i* в претерите (у них огласовка ед. и мн. числа одинаковая): *krafði* ‘требовал’ — *krefði*, *studdi* ‘поддерживал’ — *styddi*.

Из претерито-презентных глаголов в СГЯ всего более распространен глагол ‘знать’: исл. *vita* — *veit*, датск. *vide* — *ved*, нем. *wissen* — *weiß*, нид. *weten* — *weet*, ид. *visn* — *veis* и т. д., а также несколько модальных глаголов вроде нем. *können* ‘мочь’ — *kann*, нид. *zullen* ‘долженствовать’ — *zal*, фар. *mega* ‘быть обязанным’ — *má*. Больше всего претерито-презентных глаголов в исландском; отметим среди них *eiga* ‘владеть’ — *á*, *unna* ‘любить’ — *ann*, *þurfa* ‘быть должным’ — *þarf*.

Значительная пестрота многочисленных нерегулярных глаголов не позволяет сколько-нибудь подробно рассмотреть их в этой работе. Ограничимся поэтому только глаголом со значением ‘быть’.

Во всех СГЯ это — супплетивный глагол. Древние индоевропейские основы **ces-*, **es-* представлены во всех СГЯ, основа **bhu-* — только в западногерманских. Наиболее распространенной является основа *ces-*: она характерна для претерита всех СГЯ, для всех скандинавских инфинитивов, а также для инфинитивов фризского (*wêze*) и африкаанс (*wees*); напротив, ни в одном из СГЯ от нее не образована ни одна презентная индикативная форма. Основа **es-* (и ее вариант с нулевой степенью аблаута **s-*) преобладает в презенсе: только она представлена в скандинавских языках, в остальных языках она господствует во мн. числе и к ней восходят многие формы ед. числа. Всего скромнее место основы **bhu-*: она прежде всего характерна для 1-го лица ед. числа презенса (*bin* — нем., фриз., ид., *ben* — нид.), для 2-го лица ед. числа (*bist* — нем., ид., *bent* — нид.), 2-го лица мн. числа (*bent* — нид.); кроме того, форма *binne* употребляется во всех лицах мн. числа во фризском; в инфинитиве она представлена только в английском (*be*).

Инфинитивы в СГЯ можно свести к двум основным типам — 1) совпадающим с чистой основой и 2) имеющим инфинитивный суффикс. Первый тип представлен двумя подтипами: а) с исходом на согласный и б) с исходом на ударный гласный. Первый подтип встречается только в языках с сильной редукцией — в английском (например, *ask* ‘спрашивать’) и африкаанс (например, *soek* ‘искать’). Второй подтип вообще встречается редко, но он тоже характерен для английского (например, *go* ‘идти’), африкаанс (например, *vra* ‘спрашивать’), а также встречается во всех скандинавских языках, кроме фарерского (ср. шв., норв., датск. *gå* ‘грести’, исл. *sá* ‘сеять’). Второй тип также распадается на два подтипа: а) с показателем на *-n* и б) с показателем на гласный. Инфинитивы первого подтипа представлены в немецком (*-(e)n*) и идише (чаще всего *-n*), а также в нидер-

ландском, где, однако, суффикс *-en* часто произносится [-ə]: нем. *hören*, ид. *hern*, нид. *horen* ‘слышать’. Во фризском односложные глаголы обязательно имеют показатель *-n* (*gean* ‘ходить’, *dwaan* ‘делать’), прочие оканчиваются на *-e*; в ряде позиций к этому исходу присоединяется *-n* (*Hja gung siten* ‘Она села’). Во всех скандинавских языках преобладает второй подтип (в фарерском есть только он). Исландский, фарерский и шведский инфинитивы оканчиваются на *-a*, датский на *-e*, в букмоле также на *-e*, но ограниченно допускается и «расщепленный» инфинитив (1.2.3.7), равно как и в «новонорвежском», где, однако, также допускается инфинитив на *-a*.

Причастие I образуется во всех СГЯ, кроме английского, с помощью форматива *-nd-* (в норвежском и датском произносимого [-n-]), которому могут предшествовать и/или за которым могут следовать некоторые гласные: нем. *gebende* ‘дающий’, фриз. *boartsjende* ‘играющий’, нид. *gaande* ‘идуший’, шв. *läsande* ‘читающий’, исл. *sofandi* ‘спящий’ и т. д. В идише причастие I, называемое герундивом, имеет расширенный показатель *-(e)n-dik* (*zicndik* ‘сидя’) и используется большей частью адвербиально. Лишь в английском языке показатель причастия I *-ing* имеет иной консонантный состав: *sitting* ‘сидящий’.

Причастия II образуются в СГЯ тремя способами: при помощи циркумфикса, при помощи префикса и при помощи суффикса.

С помощью циркумфиксов причастия II образуются в немецком, нидерландском и идише. Слабые глаголы образуют эту форму с помощью циркумфикса *ge...t* (в нидерландском также *-d*), сильные — циркумфикса *ge...(e)n* с чередованием корневого гласного по аблауту: нем. *hören*, нид. *horen*, ид. *hern* ‘слышать’ — соответственно *gehört, gehoord, gehert*, нем., нид. *binden*, ид. *bindn* ‘вязать’ — *gebunden, gebonden, gebundn*. Глаголы с безударными (неотделяемыми) приставками, а также с суффиксом *-ier-* (в немецком) и *-ir-* (в идише) образуют причастие II без элемента *ge-*: нем. *bewáffnen*, нид. *bewápenen*, ид. *bavófenen* ‘вооружать’ — *bewaffnet, bewarpend, bavofenet*, нем. *kontrollieren*, нид. *kontroleren*, ид. *kontrolirn* ‘контролировать’ — *kontroliert, gekontroleerd, kontrolirt*. У глаголов с ударными (отделяемыми) приставками элемент *ge-* циркумфикса вклинивается между приставкой и корневой морфемой: нем. *aufhehmen*, нид. *ornemen*, ид. *ufnemen* ‘принимать’ — *aufgenommen, orgenomen, ufgenumen*.

С помощью префикса *ge-* причастие II образуется в африкаанс: *gaan* ‘идти’ — *gegaan*, *eeg* ‘читать’ — *geëeg*. Для глаголов с приставками действуют те же правила, что описаны в предыдущем абзаце: *herkén* ‘узнавать’ — *herkén* (т. е. причастие II совпадает с инфинитивом и, следовательно, презентом), *méedeel* ‘сообщать’ — *méegedeel*.

В остальных СГЯ причастие II образуется при помощи суффиксов. Все слабые глаголы имеют в этой форме, как правило, дентальный суффикс (о

его вариантах см. выше): англ. knock ‘стучать’ — knocked, фриз. keare ‘поворачивать’ — keard, датск. vise ‘показывать’ — vist. В исландском и фарерском слабые причастия II изменяются по родам: исл. Væginн er kallað-ur... ‘Хутор называется...’, Borgin er kölluð... ‘Город называется...’. Особое положение занимают фризские глаголы на -je, см. выше. Для сильных причастий II характерно чередование гласных по аблауту. В исландском, фарерском, «новононорвежском», шведском и датском они изменяются по родам. Фризское причастие II имеет суффикс -(e)n, английское — -(e)n либо дентальный (иногда нулевой) суффикс.

В скандинавских языках ряд глагольных времен образуется при помощи причастия II ср. рода, а в шведском — при помощи так называемого супина, отличного от названной причастной формы у сильных глаголов: шв. Jag har funnit ‘Я нашел’ (ср. ett funnet brev ‘найденное письмо’).

Для немецкого, нидерландского, фризского, африкаанс и идиша характерны отделяемые глагольные приставки. Эти ударные приставки в главном предложении в презенсе (а в немецком, фризском и нидерландском также и в претерите) отделяются и помещаются после глагола (в немецком и нидерландском — в конец предложения): нид. óndergaan ‘заходить, садиться’ — De zon gaat/ging onder ‘Солнце заходит/зашло’, zonder onder te gaan ‘не заходя’, ср. ...dat de zon ondergaat/onderging ‘...что солнце заходит/зашло’, ср., однако, onndergáan ‘подвергаться’ — ondergáat, onderging.

Что касается изменения глагола по лицам и числам, что особенно характерно для презенса, то СГЯ делятся на три группы. Первую образуют языки африкаанс, норвежский и датский, в которых глагол вообще по лицам и числам не изменяется; то же в шведском, но в архаичном стиле возможна особая форма мн. числа презенса (совпадающая с инфинитивом) и претерита. Во вторую группу входят английский, фризский и фарерский языки, в которых есть — большая или меньшая — дифференциация по лицам форм ед. числа, но для всех лиц мн. числа используется единая форма. В третьей группе, включающей языки исландский, немецкий, нидерландский и идиш, глагол изменяется по лицам и числам, хотя наблюдается значительная омонимия форм.

2.3.3.2. Время. Система глагольных времен СГЯ обнаруживает большое сходство. Она состоит из презенса, претерита, перфекта, футурума I и II. Плюсquamперфект, футурум II, а также представленные в ряде языков футурум I и II в прошедшем, собственно говоря, не чисто временные граммы, но также граммы категории таксиса.

Основные отклонения от этой системы следующие.

В английском языке существует подсистема процессуальных времен Continuous (1.1.1.5), которую более оправданно рассматривать как вид (см. 2.2.3.5).

В африкаанс и идише нет претерита (как в южно-немецких диалектах), а в африкаанс также нет плюсквамперфекта и футурума II.

В целом правила употребления глагольных временных форм в СГЯ совпадают, что, разумеется, не исключает некоторых мелких отличий, ср.: нем. *Ich wohne hier schon zehn Jahre* (презенс) и норв. *†Jeg har bodd her alt (i) ti år* (перфект) ‘Я живу здесь уже десять лет’. Наибольшие различия наблюдаются в разграничении сфер использования претерита и перфекта (конечно, речь здесь идет о языках, в которых есть претерит и перфект) прежде всего в диалогической речи, поскольку в связном повествовании о прошлом (например, в художественном тексте) все СГЯ, имеющие и претерит и перфект, используют первый. В немецком и нидерландском в диалогической речи в общем доминирует перфект, тогда как в скандинавских языках и в английском здесь используются оба времени — в зависимости от характера временного обстоятельства (в том числе имплицитного)²⁹, ср.: нем. *Ich habe ihn gestern gesehen*, нид. *Ik heb hem gisteren gezien* (в обоих случаях перфект) и датск. *Jeg så ham igår*, исл. *Ég sá hann í gær* (в обоих случаях претерит) ‘Я видел его вчера’, ср. датск. *Jeg har set ham i denne uge* (перфект) ‘Я видел его на этой неделе’. Коль скоро выбор претерита/перфекта в СГЯ определяется в общем не какими-либо оттенками грамматического значения, а иными факторами (тип повествования или высказывания, характер обстоятельства и т. д.), то приходится признать, что различия между этими глагольными временами неинформативны. Сохранение этих двух информационно синонимичных времен в основной массе СГЯ — еще одно свидетельство того, что язык далеко не всегда устраняет избыточные граммемы или категории.

2.3.3.3. Таксис. Основная масса СГЯ имеет категорию таксиса: плюсквамперфект обозначает, в общем, предпрошедшее, а футурум II — предбудущее. Существенно, что футурум II в целом используется сравнительно редко; его функция выполняется чаще всего формами перфекта, а также оборотами с различными вспомогательными глаголами, ср. норв. *†Når jeg har lest/får lest boka, skal du få den* ‘Когда я прочитаю книгу, ты ее получишь’.

Таксисом определяется и характерное для ряда СГЯ так называемое «согласование времен», заключающееся в том, что, если в главном предложении глагол высказывания, восприятия или психического процесса

²⁹ Под имплицитным временным обстоятельством понимается в явной форме не выраженное в речи указание на время события, процесса. Это можно проиллюстрировать норвежским примером. Человек, слышащий в соседней комнате звук разбиваемого окна, вбегает и спрашивает: *†Hvem knuste ruta?* ‘Кто разбил окно?’ (претерит, так как подразумевается ‘только что’). Человек, входящий после отсутствия в комнату и обнаруживающий разбитое окно, спрашивает: *†Hvem har knust ruta?* (перфект, так как время события неизвестно).

стоит в претерите (или — гораздо реже — в плюсквамперфекте), глагол в придаточном должен стоять в «согласованном времени», т. е. претерите, плюсквамперфекте или будущем в прошедшем, обозначающих, соответственно, действие, одновременное действию глагола главного предложения, предшествующее ему или следующее за ним, например: датск. Hun sagde, at hun ikke havde været der 'Она сказала, что не бы(ва)ла там', англ. He understood that she would forgive him 'Он понял, что она простит его'. Правило это нередко нарушается, особенно когда придаточное предложение содержит бесспорные истины; напротив, оно соблюдается, когда говорящий подчеркивает, что передает чужое мнение, с которым не согласен. Так, по-норвежски естественно сказать ⁺Han sa at to ganger to er [презент] fire 'Он сказал, что дважды два — четыре', но ⁺Han påsto at to ganger to var [претерит] fem 'Он утверждал, что дважды два — пять'. Особенно характерно использование несогласованных времен в современной прессе. Мы говорим, конечно, только о тенденции, а не о жестких правилах отступления от согласования времен. Отметим, что в немецком языке в рассматриваемых придаточных предложениях возможно употребление как согласованных, так и несогласованных времен (часто в конъюнктиве): Er meinte, daß er recht habe/hätte 'Он считал, что прав'.

2.3.3.4. Залог. Различные залоговые значения выражаются в СГЯ рефлексивами либо аналитическими конструкциями.

В СГЯ есть три вида рефлексивов: 1) рефлексивные конструкции (далее РК), т. е. конструкции «глагол + возвратное местоимение»; 2) рефлексивные формы (далее РФ), т. е. глагол с рефлексивным суффиксом; 3) глагол + объектная форма личного местоимения (эвентуально с суффицированным местоимением 'сам') либо сходные формы.

РК представлены в большинстве СГЯ. В 1-м и 2-м лице (ед. и мн. ч.) вместо возвратного местоимения используется объектная форма личного местоимения: нид. zich kleden 'одеваться' — Hij kleedt zich 'Он одевается', Ik kleed mij 'Я одеваюсь'. Только в идише — явно под влиянием славянских языков — во всех лицах используется возвратное местоимение zix. В исландском возвратное местоимение в РК выступает во всех формах косвенных падежей — в зависимости от управления глагола: исл. hvíla sig (вин. п.) 'отдыхать', þvo sér (дат. п.) 'умываться', hefna sín 'отомстить за себя'; то же в фарерском (кроме род. п.).

РФ характерны только для скандинавских языков, где они возникли в результате суффиксации возвратного местоимения. В шведском, датском и букмоле суффикс имеет форму -s, в «новононорвежском», исландском и фарерском — форму -st: датск. mødes 'встречаться', исл. leggjast 'ложиться'. Следует иметь в виду, что в этих языках есть и РК: шв. tvätta sig 'умываться'. Очень редко и, видимо, только в исландском встречаются гибридные образования типа skammast sín 'стыдиться'.

Нет возвратного местоимения в английском, фризском и африкаанс. В последних двух во всех лицах используются формы объектн. падежа личного местоимения, ср. фриз. *Ny skammet him* ‘Он стыдится’, афр. *Ny het vir hom geskiet* ‘Он застрелился’³⁰. В английском используется особый вид сложного местоимения со вторым элементом *-self* (мн. ч. *-selves*), причем в 1-м и 2-м лице первый элемент — притяжательное местоимение, а в 3-м лице — личное в объектн. падеже, например: *I wash myself* ‘Я умываюсь’, *They wash themselves* ‘Они умываются’.

Аналитические конструкции, передающие залоговые значения, — это прежде всего сочетание глагола ‘быть’ с причастием II, а также представленная во многих СГЯ конструкция «глагол ‘становиться’ + причастие II».

Отметим, что в ряде СГЯ, особенно скандинавских, залоговые формы (флексивные и аналитические) образуются не только от переходных глаголов: норв. *se ned på* ‘смотреть вниз на’, т. е. ‘смотреть свысока на’ — *han ses ned på*, букв. ‘он смотрится свысока на’; *gøyke* ‘курить’ — *gøyke seg kvalm* ‘накуриться до тошноты’.

Спектр залоговых значений, выражаемых различными формами в СГЯ, достаточно широк. Ниже будут названы основные.

1. Собственно возвратное (субъект-лицо направляет на себя действие). Кроме традиционно относимых сюда форм типа датск. *barbere sig* ‘бриться’, сюда следует причислить формы типа ‘обвинять себя’, ‘заставлять себя’ и т. п. Субъект представлен здесь как бы состоящим из двух частей, одна из которых производит некоторое действие над другой: руки надевают на тело одежду, одна часть «я» как бы ведет диалог с другой частью «я», убеждая ее в чем-то, и т. д. В большинстве СГЯ это значение выражается РК; в английском ряд собственно возвратных значений передается непереходными ЛСВ глаголов: *dress* ‘одевать’ и ‘одеваться’.

2. Абсолютное (активно-безобъектное). Это значение не свойственно особым залоговым формам основной массы СЛГЯ, но представлено в диалектах, ср.: шв. диал. *Nässlan bränns* ‘Крапива жжется’, датск. диал. *Hesten bids* ‘Лошадь кусается’. Обычно выражается активным глаголом без объекта, ср. нид. *De hond bijt* ‘Собака кусается’. Лишь в идише возможны формы типа *Der hund baist zix* ‘Собака кусается’ (РК), явно под влиянием славянских языков. Характерно, что такими глаголами обозначаются действия, нежелательные для человека, который и выступает здесь имплицитным объектом.

3. Взаимное. Часто выражается при помощи РК или РФ (ср. нем. *sich schlagen*, исл. *berjast* ‘драться’), но, по-видимому, еще чаще конструкция-

³⁰ Это предложение также может означать ‘Он застрелил его (кого-то другого)’. В случаях, когда возможна двусмысленность, первое значение передается усилительной формой *...homself...* (где *self* ‘сам’).

ми со взаимным местоимением (ср. норв. ⁺De hater hverandre, фриз. Hja haatsje elkoar ‘Они ненавидят друг друга’).

4. **Автокаузативное** (действие одушевленного субъекта, приводящее к изменению его положения или состояния). Выражается РК, РФ или грамматически не маркированными формами: датск. rejse sig ‘вставать’, ид. leign zix ‘ложиться’, исл. setjast ‘сидиться’, норв. stanse ‘останавливать; останавливаться’.

5. **Медиальное** (непроизвольное изменение состояния субъекта). Выражается теми же способами, что и предыдущее: нем. die Tür schloß sich, норв. ⁺Døra lukket seg ‘Дверь закрылась’, исл. Jörðin snyst kringum sólina ‘Земля вращается вокруг солнца’, англ. The weather has deteriorated ‘Погода ухудшилась’, исл. Mér batnaði ‘Мне стало лучше’.

6. **Результативное** (действие имеет результатом достижение некоего предела). Обычно выражается с помощью рефлексивов, причем также от «внешнепереходных»³¹ и непереходных глаголов, а конструкция обязательно содержит некий дополнительный элемент — приглагольную частицу, прилагательное, предложно-субстантивную группу, ср. нем. sich satt essen ‘наестся досыта’, нид. zich moe lopen ‘набегаться (до усталости)’, англ. yell oneself hoarse ‘накричаться до хрипоты’; широко представлены образованные по этой модели окказионализмы, например норв. Hun sang seg inn i våre hjerter ‘Своим пением она проникла [букв. ‘она впелась’] в наши сердца’.

7. **Пассивное**. Здесь выделяется несколько подклассов.

а. **Собственно пассивное значение**. Во всех СГЯ различаются пассив состояния и пассив действия, однако в английском и исландском оба эти страдательных значения выражаются одинаковыми формами, так что решающая роль принадлежит контексту: англ. The book is read, исл. Bókin er lesin ‘Книга читается/прочитана’. В остальных языках пассив состояния и пассив действия выражены разными рядами форм, как, например, в нид.: Het woordenboek is geschreven ‘Словарь составлен’ и Het woordenboek wordt geschreven ‘Словарь составляется’.

В скандинавских языках, помимо названных аналитических пассивных конструкций, есть также флективный пассив действия — РФ со страдательным значением. В букмоле, «новонорвежском» и датском пассивные РФ имеют неполную парадигму, а в исландском и фарерском РФ употребляются от очень ограниченного количества глаголов. Таким образом, флективный пассив всего употребительнее в шведском, где имеет полную парадигму.

³¹ «Внешнепереходным» глаголом (типа ‘курить’, ‘читать’) мы называем действие, которое в силу самого своего характера не может быть направлено субъектом на себя (нельзя ‘курить себя’ и т. д.).

В норвежском и датском языках есть тенденция употреблять флективный пассив (РФ) для обозначения действия абстрактного, совершающегося вообще, либо регулярно повторяющегося, а аналитический пассив — для обозначения действия конкретного, процессного: норв. ⁺Ordet slalåm skrives med **å**, men ikke så sjelden blir det skrevet med **o** ‘Слово slalåm пишется [РФ] через **å**, но нередко его пишут [аналитический пассив] через **o**’.

В единичных случаях в пассивном значении выступают РК, ср. нем. Die Ware verkauft sich gut ‘Этот товар хорошо расходуется’, или ЛСВ активных глаголов, ср. англ. The article sells well, норв. ⁺Varen selger godt (перевод тот же).

б. Потенциально-пассивное, или **качественно-пассивное** (возможность субъекта подвергнуться какому-либо действию). Выражается обычно РК или РФ: нем. Salz löst sich in Wasser, датск. Salt opløses i vand ‘Соль растворяется в воде’, фар. Bókin fæst enn í bókahandlunum ‘Книгу еще можно приобрести в книжных магазинах’.

в. Инструктивно-пассивное (указание, предписание, рекомендация и т. п.). Видимо, это значение свойственно только скандинавским РФ: норв. ⁺Brann meldes på telefonen... ‘О пожаре сообщать по телефону...’, исл. Umsóknir sendist [форма конъюнктива] skrifstofu ríkisspítalanna ‘Заявления направлять в управление государственных больниц’.

г. Адресатно-пассивное (подлежащим в конструкции выступает адресат действия). Характерно для английского, норвежского, шведского и датского, поскольку косвенное и прямое дополнение выражено в этих языках одной и той же формой — общ. падежом, ср. англ. He was told a story ‘Ему рассказали [букв. ‘Он был рассказан’] историю’, шв. Han serverades kaffe ‘Ему [букв. ‘Он’] был подан кофе’, датск. De nægtes adgang ‘Им запрещен вход [букв. ‘Они отказываются во входе’]’.

8. Неопределенно-личное. Использование пассивных форм разного типа для обозначения действия без указания на его производителя широко распространено в СГЯ, причем употребляются в этом значении также переходные глаголы, например: нид. er werd gedanst, нем. es wurde getanzt, датск. der blev danset ‘танцевали’. Субъект действия в таких предложениях может быть любого характера — неизвестный и известный (в том числе сам говорящий или адресат), единичный и множественный: норв. ⁺Om det skal ikke fortelles her ‘Об этом здесь рассказываться не будет [т. е. ‘я не буду’]’, фар. Hvussu livst? ‘Как (тебе, вам) живется?’

На ряде частных залоговых значений и их оттенках мы не имеем возможности остановиться.

2.3.3.5. Вид. Грамматической категории вида, подобной, например, славянской, в СГЯ нет. Однако современным германским глаголам, естественно, свойственны различные аспектуальные значения. Кроме того, в от-

дельных СГЯ есть видовые конструкции различного рода. Лишь в английском есть особая система прогрессива.

Важнейшее членение глаголов СГЯ по аспектуальности — это членение на предельные и неопредельные глаголы. Предельные глаголы — это глаголы, обозначающие действие, имеющее некий предел, по достижении которого действие оказывается исчерпанным, более продолжаться не может. Например, немецкий глагол *finden* ‘найти’ содержит в своей семантике такой предел: когда «акт нахождения» осуществлен, действие далее длиться не может. Аналогично обстоит дело с немецкими глаголами *fallen* ‘упасть’, *kommen* ‘прийти’, *sterben* ‘умереть’ и т. п. Напротив, в семантике немецких глаголов *lachen* ‘смеяться’, *lieben* ‘любить’, *sitzen* ‘сидеть’ такого предела нет, и обозначаемое ими действие может продолжаться — теоретически — сколь угодно долго. Различие между предельными и неопредельными глаголами проявляется, в частности, в значении причастия II переходных глаголов: причастие II предельного переходного глагола означает результат испытанного действия (например, нем. *gefunden* ‘найденный’), а причастие II неопредельного переходного глагола — состояние, испытываемое предметом в ходе совершаемого над ним действия (нем. *geliebt* ‘любимый’).

Существенно, что у значительного числа глаголов одни значения предельные, другие — неопредельные, ср. норв. *gå* ‘уходить’ (предельное) и ‘ходить’ (неопредельное).

Разумеется, во всех СГЯ широко распространены различные фазовые глаголы, т. е. глаголы, обозначающие стадии действия, типа ‘начинать’, ‘кончать’ и т. д., а также различные аффиксальные средства для передачи этих же значений, в большей или меньшей степени грамматикализованные. Видимо, всего важнее для СГЯ оказывается передача значения процессуальности (процессности, длительности). Об этом свидетельствует тот факт, что во многих СГЯ есть особые обороты, передающие это видовое значение, а в английском языке развилась особая система прогрессива — времена *Continuous*.

Процессуальные видовые обороты в СГЯ довольно разнообразны по своей структуре, но могут быть сведены к двум основным типам: чисто глагольным и смешанным, состоящим из глагола + предлог (+ глагол/существительное). Первый из этих типов может быть проиллюстрирован норвежской структурой «глагол *gå* ‘ходить’/*stå* ‘стоять’/*sitte* ‘сидеть’ + союз *og* ‘и’ + спрягаемый глагол, например: *⁺Han går og tenker på henne* ‘Он все время [букв. ‘ходит и’] думает о ней’. Примерами второго типа являются: нид. *Ze stonden te praten* ‘Они (стояли и) разговаривали’, букв. ‘стояли, чтобы разговаривать’; норв. *Han var i ferd med å male huset da...* ‘Он (как раз) красил дом, когда...’ Особо следует выделить грамматикали-

зованную исландскую прогрессивную конструкцию «vera að + инфинитив», где vera ‘быть’, а að может трактоваться либо как инфинитивная частица, либо — что более обоснованно — как предлог со значением ‘за, при’, например: Ég var að lesa, þegar... ‘Я читал (был занят чтением), когда...’; характерно, что в исландском этот прогрессив не образуется от стальных глаголов (т. е. глаголов, обозначающих положение, состояние) типа liggja ‘лежать’, standa ‘стоять’. Английский прогрессив, или длительный разряд, образуется глаголом be и причастием I: He is sleeping ‘Он спит (сейчас)’. Глаголы, обозначающие свойство, отношение и т. п. (типа possess ‘обладать’, hate ‘ненавидеть’ и др.), эту форму не образуют. Выделяется в английском и особый перфектно-длительный разряд: She has been sitting here for two hours ‘Она сидит здесь два часа’. В идише прогрессив образуется сочетанием глагола haltн (основное значение ‘держатъ’) + предлог in + инфинитив: Ich halt in šraibn ‘Я (сейчас) пишу’. Отметим, что прогрессив от предельных глаголов обозначает стадию, предшествующую достижению предела: датск. Han holdt på at forlade værelset, da... ‘Он покидал комнату, когда...’.

2.3.3.6. Наклонение. В СГЯ три наклонения: изъяв., повел. и сосл.³².

Форма повел. наклонения в ед. числе совпадает либо с основой инфинитива (нид. horen ‘слушать’ — hoor, датск. se ‘смотреть’ — se), либо с 1-м лицом ед. ч. презенса (нем. sagen ‘сказать’ — sag(e) ‘скажи’, ср. 1-е лицо ед. ч. презенса sage; фриз. sjen ‘смотреть’ — sjoch, ср. 1-е лицо ед. ч. презенса ik sjoch); в шведском и исландском глаголы, образующие претерит с помощью суффиксов, соответственно, -ade и -að-, совпадают в императиве с формой инфинитива: kasta ‘бросай’. В норвежском, датском, шведском, английском, фризском и африкаанс одна форма используется для ед. и мн. числа: шв. läs ‘читай(те)’. В остальных СГЯ форма мн. числа повел. наклонения совпадает с формой 2-го лица мн. числа презенса: фар. kastið ‘бросайте’, нем. helft ‘помогите’.

Основные отклонения от этой типовой схемы таковы. Немецкие сильные глаголы с корневым e в ед. числе императива имеют i: geben ‘давать’ — gib, nehmen ‘брать’ — nimm. В немецком и нидерландском при «вежливой» форме 2-го лица ед. и мн. числа употребляется местоимение: Gehen Sie doch weg!, Gaat u toch weg! ‘Уходите же!’ В исландском при любой императивной форме обязательно употребляется личное местоимение 2-го лица (обычно в энклитической форме, но на письме это отражается, как правило, только в ед. числе); в конечной части императивной формы ед. числа у ряда глаголов наблюдаются древние ассимиляции (при-

³² Сосл. наклонением здесь для краткости названы различные — преимущественно аналитические — формы, выражающие ряд разных значений несоответствия высказывания действительности с точки зрения говорящего: гипотетичности, желательности, возможности и т. д.

водятся формы ед. и мн. числа): tala ‘говорить’ — talaðu (< tala þú), talið þið [ta:lði(ð)], vera ‘быть’ — vertu, verið þið, standa ‘стоять’ — stattu, standið þið, ganga ‘идти’ — gakktu/gáttu, gangið þið и т. д.

Побуждение, адресованное 1-му лицу ед. числа (в сущности побуждением не являющееся), чаще всего состоит из глагола ‘позволять’, личного местоимения в объектн. (вин.) падеже и инфинитива: норв. La meg gå ‘Дай(те) мне уйти; Дай-ка я уйду’; в идише глагол слился с местоимением: Iomix (< loz mix) gein ‘Дай-ка я уйду’. Форма побуждения 1-го лица мн. числа либо совпадает с 1-м лицом мн. числа презенса (ср. исл. heyrum без местоимения, нем. hören wir ‘послушаем’), либо образуется глаголом ‘позволять’ + личное местоимение (в объектн. падеже) + инфинитив: англ. Let us do it, шв. Låt oss göra det ‘Давайте сделаем это’, ид. Lomir (< lozn mir) gein ‘Пойдем(те)’.

Побуждение, относящееся к 3-му лицу, состоит в СГЯ из глагола ‘позволять’, личного местоимения в объектн. (вин.) падеже и инфинитива: англ. Let him/them read, афр. Laat (vir) hom/hulle lees, датск. Lad ham/dem læse, ид. Loz er/lozn zei leienen ‘Пусть он читает/они читают’.

С императивом конкурируют формы инфинитива (ср. нид. Lopen! ‘Бежать!’) и причастия II (ср. нем. Aufgestanden! ‘Встать!’), а также производимые с определенной интонацией личные формы (ср. норв. Du blir her! ‘Ты останешься здесь!’) и др.

Сослагательное наклонение представлено в СГЯ в двух морфологических вариантах. Флективное сосл. наклонение имеет полную парадигму только в исландском и немецком языках. В остальных СГЯ либо вообще есть лишь единичные лексикализованные формы типа шв. leve ‘да здоровствует’, либо ограниченно употребляются формы 3-го лица ед. числа конъюнктива презенса в значении пожелания, рекомендации, совета и т. п.: нид. Men neme een lepelvol mel, vermeng die met wat water... ‘Взять ложку муки, перемешать ее с небольшим количеством воды...’ Основные способы выражения того или иного несоответствия высказывания действительности, характерные для СГЯ, — это а) использование аналитических конструкций с различными модальными глаголами долженствования или желания или вспомогательными глаголами и б) использование форм, омонимичных претериту и плюсквамперфекту.

Разнообразие аналитических конструкций с модальными и вспомогательными глаголами в СГЯ не позволяет дать здесь сколько-нибудь полный их обзор. Некоторые наиболее типичные аналитические конструкции и омонимичные временным глагольные формы могут быть проиллюстрированы норвежскими примерами: †Hvis jeg var/skulle være yngre, ville jeg gjøre/gjorde jeg det ‘Если бы я был моложе, я бы сделал это’; †Hvis jeg hadde vært/skulle (ha) vært der i går, ville han ikke (ha) gjort/hadde han ikke

gjort det ‘Если бы я был там вчера, он бы этого не сделал’; †Jeg ville at du skulle gjøre det ‘Я хотел бы, чтобы ты это сделал’; †I går kunne jeg (ha) forstått deg ‘Вчера я мог бы тебя понять’ и т. п. Ср. также: нид. *Hij zou gekomen zijn, als hij niet verhinderd was* ‘Он пришел бы, если бы ему не помешали’; фар. *Hevði tú verið her í vetur, so hevði dámt tær her* ‘Если бы ты был здесь зимой, тебе бы здесь понравилось’; англ. *He would not have gone if I could have stopped him* ‘Он бы не ушел, если бы я смог его остановить’ и т. п.

2.3.4. Числительное.

2.3.4.0. Числительные относятся, как известно, к наиболее устойчивым элементам лексики, и поэтому они сравнительно единообразны в СГЯ. Основное структурное расхождение наблюдается в способах обозначения десятков с единицами, т. е. чисел типа ‘21’, ‘36’, ‘79’ и т. п. По этому признаку СГЯ делятся на те, в которых единицы ставятся перед десятками, и те, в которых десятки стоят перед единицами. К первой группе относится большинство СГЯ (в скобках приводится числительное ‘25’): немецкий (*fünfundzwanzig*), нидерландский (*vijfentwintig*), африкаанс (*vyf-en-twintig*), фризский (*fiiif-en-tweintig*), идиш (*finf un cvancik*), датский (*femogtyve*) и фарерский (*fimm og tjúgu*). Вторую группу составляют языки английский (*twenty-five*), шведский (*tjugofem*), исландский (*tuttugu og fimm*) и «новонорвежский» (*tjuefem*). В букмоле с 1951 г. официально действует «новый счет» (десятки перед единицами — *tjuefem*), но до сих пор около половины (!) норвежцев пользуются «старым счетом» (единицы перед десятками, как было в «датско-норвежском» — *femogtyve*).

Особенностью всех СГЯ, кроме идиша, является предпочтительное обозначение чисел ‘1100, 1200... 1900’ числительным ‘11, 12... 19’ + ‘100’, например, ‘1997’ — нем. *neunzehnhundertsiebenundneunzig*, нид. *negentienhondertzevenennegentig*, датск. *nittenhundre-syvoghalvfems* и т. д.

2.3.4.1. Количественные числительные. В общем, они в СГЯ не склоняются и не изменяются по родам. Исключения из этого правила таковы: 1) во всех скандинавских языках числительное ‘один’ изменяется по родам, а в исландском и фарерском также склоняется; 2) в немецком языке числительное ‘один’ изменяется по родам и склоняется, а числительные ‘два’ и ‘три’ имеют формы род. падежа; 3) в идише числительное ‘один’ изменяется по родам и склоняется (только в постпозиции к существительному); 4) в исландском и фарерском числительные ‘два’, ‘три’ и ‘четыре’ изменяются по родам и склоняются. Начиная с ‘5’, количественные числительные не изменяются ни в одном из СГЯ.

Особняком среди этого однотипного разряда слов СГЯ стоят датские обозначения чисел ‘50’ (*halvtreds*), ‘60’ (*tres*), ‘70’ (*halv-fjerds*), ‘80’ (*firs*) и

‘90’ (halvfems) и их полные варианты с элементом -indstýve, восходящие к древней двадцатиричной системе счета (подробнее см. 1.2.1.5). Эти же числительные заимствованы фарерским языком.

2.3.4.2. Порядковые числительные. В целом порядковые числительные в СГЯ единообразны — в той, разумеется, мере, в которой их специфика не определяется спецификой исходной для них формы количественных, ср. датск. halvfems(indstýve) ‘90’ — halvfem-sindstývende. Основные расхождения наблюдаются у первых двух числительных.

Числительное ‘первый’ в СГЯ восходит к двум разным общегерманским адвербиальным основам: *furi (< и.-е. p̄r̄) ‘перед, впереди’ и *airi ‘ранее, прежде’, сопровождаемым суффиксом превосходной степени. Вторая свойственна только части западногерманских языков (нем., ид. erster, нид., афр. eerste), первая — всем остальным (англ. first, исл. fyrsti, датск. første и т. д.). Во фризском earst употребляется о времени, foarst — о месте.

Числительное ‘второй’ в СГЯ также восходит к двум основам: к одной со значением ‘другой’ (*an, ср. рус. он + формант *ʔara, ср. лат. alter) и к количественному числительному ‘два’. Вторая основа представлена в тех же языках, что и названная выше основа *airi у числительного ‘первый’ (нем. zweiter, ид. sveiter, нид., афр. tweede), первая — во всех других (ср. англ. other, исл. annar, датск. anden и т. д.). Во фризском, опять-таки, употребительны две формы: twadde и oarde.

Во всех СГЯ порядковое числительное, кроме названных выше случаев, образуется путем добавления того или иного суффикса к последнему элементу количественного числительного, в том числе и сложного: афр. ses ‘6’ — sesde, ses-en-twintig ‘26’ — ses-en-twintigste. Особняком стоит исландский язык, в котором показатель порядковости получают (последние) два элемента сложного числительного (есть исключения для некоторых типов): tuttugu og fimm ‘25’ — tuttugasti og fimmti, hundrað og fimmtán ‘115’ — hundraðasti og fimmtándi.

2.3.5. Местоимения.

2.3.5.0. Система заместительных частей речи, прежде всего местоимений, в СГЯ значительно дифференцирована и весьма своеобразна. Здесь будут рассмотрены лишь некоторые ее разряды.

2.3.5.1. Личные местоимения. Важнейшие особенности этого архаичного и весьма частотного слоя лексики СГЯ таковы.

1. С точки зрения классификационных категорий рода и лица/нелица система личных местоимений СГЯ несимметрична: эти категории характерны только для 3-го лица.

В языках с трехграммной категорией рода — исландском, фарерском, «ново норвежском», немецком и идише — имеется по три личных ме-

стоимения 3-го лица ед. числа, которые заменяют существительные соответствующего рода; для этих языков, как уже отмечалось, не характерна категория лица/не-лица. В исландском и фарерском, кроме того, есть дифференцированные по роду формы местоимений 3-го лица мн. числа: исл. þeir, фар. teir (м. р.), исл. þær, фар. tær (ж. р.), исл. þau, фар. tey (ср. р.); характерно при этом, что последнее местоимение заменяет не только существительные ср. рода во мн. числе, но и употребленные вместе существительные любых других разных грамматических родов в любом числе, например: исл. karl og kerling ‘старик и старуха’, foreldrar og börn ‘родители и дети’ и т. п.

О соотношении различных классификационных категорий в значении личных местоимений см. 2.3.1.2.

2. Во всех СГЯ, независимо от полноты падежной системы существительных, личные местоимения имеют как минимум две формы — им. и объектн. падежа; даже в африкаанс, в котором полностью отсутствует склонение существительного, есть особые формы объектн. падежа личного местоимения, например: hu ‘он’ — hom. Характерно, что различение этих форм в местоимениях во многих СГЯ не соответствует различению падежных форм существительного; в большинстве СГЯ категория падежа существительного состоит из двух граммем — общ. и род. падежей.

Сказанное, разумеется, не означает, что любое личное местоимение в СГЯ обязательно имеет материально различные формы для каждого падежа; напротив, омонимия форм довольно широко распространена. Прежде всего это относится к местоимению 3-го лица ед. числа ср. рода, у которого во всех СГЯ совпадают формы им. и вин. падежей: ср. нем. es, англ. it, исл. það и т. д. В немецком и исландском омонимичны формы дат. и вин. падежей 1-го и 2-го лица мн. числа: соответственно, uns, euch, okkur, ukkur. Наблюдается совпадение форм им. и вин./объектн. падежей для некоторых форм 3-го лица ед. и мн. числа, а также для 2-го лица мн. числа, ср.: исл. hann ‘он’ (им. и вин. п.), нем. sie ‘она’ и ‘они’ (им. и вин. п.), Sie ‘Вы’ (то же), норв. ⁺dere ‘вы’ (им. и объектн. п.) и т. д. В разговорной речи такая унификация, естественно, развита больше: например, норвежская форма им. падежа han ‘он’ часто употребляется вместо ⁺ham (объектн. п.), вместо противопоставленных литературных ⁺de ‘они’ — ⁺dem (объектн. п.) используется для обоих падежей либо de, либо dem и т. д.

Общей чертой ряда СГЯ является использование формы объектн. падежа в функции предикатива — параллельно с формой им. падежа, считающейся более литературной, ср. ‘Это — он’: англ. It’s him, датск. Det er ham. Объясняется это, видимо, тем, что форма им. падежа закрепляется в функции подлежащего и обращения, а форма объектн. падежа — за всеми остальными функциями. Характерно, что, если при таком предикативе есть

определяющее придаточное предложение, то используется форма им. падежа: датск. *Det er han som har gjort dette* 'Это он сделал это'.

За исключением исландского и, в меньшей степени, фарерского, форма род. падежа личного местоимения не характерна для СГЯ. Даже в немецком языке с его четкой четырехпадежной системой названная форма используется очень ограниченно (в случаях типа *statt deiner* 'вместо тебя', *gedenke meiner* 'помни обо мне'). Это объясняется тем, что по значению эта форма близка к значению притяжательного местоимения (которая и восходит к ней). Некоторые из форм род. падежа в одних языках используются и в функции дополнения и как притяжательные местоимения, ср.: исл. *hans, hennar, þess, þeirga* — от *hann* 'он', *hún* 'она', *það* 'оно', *þeir, þær, þau* 'они'³³, в других — исключительно в последней функции, т. е. как неизменяемые притяжательные местоимения, ср. норв. *hans* 'его' и др.

3. Для личных местоимений СГЯ характерен широкий супплетивизм форм. Он проявляется тройко: в роде, числе и падеже, ср. нем. *er* 'он' — *sie* 'она', *ich* 'я' — *mich* 'меня', *du* 'ты' — *ihr* 'вы'. Супплетивными могут сейчас представляться по внешнему виду и формы, генетически таковыми не являющиеся, например нем. *er* — *ihn* (вин. п.), ср. гот. *is* — *ina*, или норв. *han* 'он' — [†]*hun/ʰo* 'она', восходящие к архетипам соответственно **hānn* и **hānō*.

4. Особые «вежливые» формы отсутствуют для 1-го и 3-го лица. Единственное исключение — местоимение 1-го лица *vér* 'мы' в исландском, используемое вместо *ég* 'я' либо «обычного» *við* 'мы' в официальных документах, научной литературе, деловой переписке и т. п.

Особые «вежливые» формы для 2-го лица ед. числа есть во всех СГЯ, кроме английского, в котором местоимение *you* используется для 2-го лица ед. и мн. числа во всех ситуациях общения³⁴. Часто «вежливая» форма 2-го лица ед. числа восходит либо к «обычному» местоимению 2-го лица мн. числа (шв. *ni*, ид. *ir*), либо к местоимению 3-го лица мн. числа (датск., норв. *De*, нем. *Sie*). Нид., афр. и восходят к *Uw Edelheid* 'ваша милость'. Таким образом, лишь в трех СГЯ есть «вежливые» местоимения 2-го лица ед. числа, не совпадающие по форме с другими: исл. *þér*, фар. *tygum*, фриз. *jō, je*.

Иначе обстоит дело со 2-м лицом мн. числа. Различные местоимения — «обычные» и «вежливые» — имеются теперь всего в четырех языках³⁵ — немецком, нидерландском, африкаанс и датском, и во всех этих языках они

³³ Ср. аналогичное употребление форм *ego, eĭ, ix* в русском языке.

³⁴ В английском есть устарелое «вежливое» местоимение 2-го лица ед. числа *thou* (< др.-англ. *þū* 'ты'), употребляемое в архаизованных, поэтических текстах, в Библии и т. п. Современное *you* восходит к изначальной форме мн. числа (< др.-англ. *zē*).

³⁵ Устарелые и устаревающие формы здесь не рассматриваются.

совпадают с «вежливой» формой 2-го лица ед. числа. Раньше «вежливые» формы 2-го лица мн. числа имелись в большем количестве языков. Среди разных факторов, определивших такое развитие, не последнюю роль сыграла характерная для второй половины XX в. демократизация общества.

Разумеется, дистрибуция «обычных» и «вежливых» форм в общем специфична для каждого языкового коллектива в каждый период его развития: она определяется экстралингвистическими факторами. Например, современное исл. þú ‘ты’, в сущности, нейтрально (так обращаются, скажем, друг к другу незнакомые на улице, студенты к профессору и т. д.), тогда как þér ‘Вы’ употребляется в особо официальных случаях; однако еще 50 лет назад местоимение þér использовалось широко. Фриз. jo/je ‘вы’ употребляется несколько шире, нежели соответствующее ему нид. u³⁶, и т. д.

Как «вежливая» форма для 1-го лица ед. числа (pluralis majestatis) в СГЯ используется местоимение 1-го лица мн. числа. Эта же форма употребляется как множественное скромности (pluralis modestiae).

5. Поскольку личные местоимения в предложении чаще всего не несут на себе ударения, они подвергаются большей или меньшей редукции и выступают как «клитики», но на письме это отражается спорадически или вообще не отражается. Всего последовательнее фиксируются про- и энклитические формы личных местоимений в нидерландском и фризском, ср. нид. Waar-ie [*< waar hij*] nu is, weet’k [*< weet ik*] niet ‘Где он сейчас находится, я не знаю’ (отметим попутно, что форма -ie — единственная из всех нидерландских редуцированных форм — употребляется только энклитически, но не проклитически).

Безударные формы, естественно, представляют собою редуцированный вариант ударных. В этом отношении исключительное положение занимает фризский язык, в котором несколько личных местоимений имеют по два варианта разного корня, причем эти варианты находятся в позиции дополнительного распределения. Так, местоимение 3-го лица ед. числа м. рода представлено вариантами er и hy (hij), первый из которых употребляется после глаголов, союзов, относительных и вопросительных местоимений: Doe gung er fier foart en hy kaam op’t lêst... ‘Тогда он ушел далеко прочь, и он пришел в конце концов...’ (из народной сказки). Аналогично hja и sy (se) ‘она’, ‘они’³⁷.

³⁶ F o k k e m a К. Beknopte Friese Spraakkunst. Groningen; Batavia, 1948. P. 51.

³⁷ В пособиях по фризскому языку (например: S i p m a Р. Phonology and Grammar of Modern West Frisian. Ljouwert, 1966. P. 65; F o k k e m a К. Op. cit. P. 51; Ж л у к т е н к о Ю. А., Д в у х ж и л о в А. В. Фризский язык. Киев, 1984. С. 135) выделяется также энклитическая форма местоимения 2-го лица ед. числа -sto, -ste, -st. Видимо, здесь точнее было бы говорить о двух разных единицах: а) окончании -st глагола с редуцированным do (-sto, -ste, -st < -st + do, ср. нем. разг. haste < hast du) и б) энклитической форме местоимения, которая

6. Личные местоимения 3-го лица согласуются в роде и числе с заменяемыми ими существительными (в языках без грамматического рода или с общ. родом они обозначают биологический пол референта). Отклонения наблюдаются в двух случаях: во-первых, когда лицо обозначено существительным ср. рода, возможно употребление местоимений 'он' или 'она' по реальному полу референта (норв. ⁺Vitnet kan si hva hun vil 'Свидетель может говорить, что она хочет'; ср. также 2.3.1.1); во-вторых, существительные собирательные или обозначающие множество могут заменяться местоимением 3-го лица мн. числа (норв. ⁺Jeg kan ikke fullrost personalet for deres innsats 'Я не могу нахвалиться персоналом за его [букв. 'их'] вклад').

7. В некоторых СГЯ, например в норвежском, местоимение 3-го лица используется в функции указательного местоимения (ср. han med den blå dress 'тот в синем костюме'), а в просторечии или диалектно окрашенной речи также в функции определенного артикля: han Arne ('наш) Арне'.

8. В исландском и фарерском есть конструкция «личное местоимение мн. ч. + существительное (ед. ч. им. п.)»: фар. vit/tit (báðir) Jógvan 'мы/вы с Егваном, я/ты и Егван'. В фарерском она употребляется в 1-м и 2-м лице, в исландском — во всех: например, þeir Jón букв. 'они Йоун', т. е. 'Йоун и он/они, Йоун и его люди'. Кроме того, эта же конструкция в 3-м лице употребляется с собирательными или парными существительными для обозначения друзей, спутников, соратников и т. д.: þeir Njáll og Gunnar 'Ньяудль и Гюннар' (герои саги).

2.3.5.2. Притяжательные местоимения. Этот разряд местоимений представлен в СГЯ двумя морфологическими типами: местоименными прилагательными, ср. датск. 'мой' — min (общ. р.), mit (ср. р.), mine (мн. ч.), и неизменяемыми формами, являющимися по происхождению формами род. падежа личных местоимений, например датск. hendes 'ее'.

Парадигмы притяжательных местоимений СГЯ весьма различны: так, в английском эти местоимения имеют только по две формы — атрибутивную и субстантивированную (my/mine 'мой'), тогда как исландское изменяемое притяжательное местоимение имеет 24 формы (род различается и у форм мн. числа). Любопытная картина наблюдается в идише: в ед. числе притяжательное местоимение не меняется, если непосредственно предшествует существительному (им., дат., вин. п. main haver 'мой товарищ'), но склоняется перед артиклем или в постпозиции (им. п. mainer a haver, der haver mainer, дат., вин. п. mainem a haver, dem haver mainem).

может присоединяться к подчинительному союзу или относительному местоимению: ср. Ik wit datsto/datst thús bist 'Я знаю, что ты дома', где dat 'что', а bist — 2-е лицо ед. числа наст. времени от wêze 'быть'; Dat is de man dy'tst kenst 'Это человек, которого ты знаешь'.

Особые субстантивные формы притяжательных местоимений имеютс­я в английском, фризском, нидерландском и африкаанс — языках, в кото­рых есть только одна неизменяемая адъективная форма. Субстантивные формы морфологически представляют собой адъективные формы, ослож­ненные каким-либо показателем: ср. англ. her ‘ее’ — hers, фриз. ús ‘наш’ — uzes, нид. uw ‘ваш’ — uwe, афр. jou ‘твой’ — jou(n)e. Необычно образуют­ся субстантивные притяжательные местоимения в языке африкаанс во мн. числе: они представляют собою личное (или совпадающее с ним по фор­ме адъективное притяжательное) местоимение + элемент s’n (< нид. zijn ‘свой’). В немецком языке употребляемые субстантивно притяжательные местоимения склоняются как прилагательные: ich und die Meinen ‘я и мои (домашние)’.

В атрибутивной функции притяжательное местоимение находится в СГЯ в препозиции к существительному: англ. my house ‘мой дом’, афр. haar vader ‘ее отец’ и т. д. Исключение составляют исландский, фарерский и норвежский языки, где обычна постпозиция местоимения (кроме эмфа­зы или противопоставления): норв. huset mitt ‘мой дом’, исл. konan mín ‘моя жена’, фар. hús hansara ‘его дом’.

В скандинавских языках есть возвратно-притяжательное местоимение (указывающее на подлежащее в том же предложении): норв. Hun møter sønnen sin ‘Она встречает своего сына’, ср. Hun møter sønnen hennes ‘Она встречает ее сына [т. е. сына другой женщины]’.

В исландском языке это местоимение употребляется и в придаточном предложении, указывая на подлежащее в главном: Hann segir, að bíllinn sinn sé gamall ‘Он говорит, что его [букв. ‘своя’] автомашинa старая’.

В фризском, африкаанс и «новонорвежском», а также в диалектах не­которых других языков притяжательное местоимение 3-го лица входит в притяжательную конструкцию типа афр. ons buurman se dogters ‘дочери нашего соседа’, см. 2.3.1.4.

2.3.5.3. Возвратное местоимение. В большинстве СГЯ есть возврат­ное местоимение. Оно всегда указывает на 3-е лицо; по отношению к дру­гим лицам (также в инфинитиве) используется объектн. или один из кос­венных падежей: датск. Han ser sig i spejlet ‘Он видит себя в зеркале’, Jeg ser mig... ‘Я вижу себя...’. Исключением является идиш, в котором воз­вратное местоимение zix, видимо, под славянским влиянием, употребляет­ся по отношению ко всем лицам, например: Ix bašildik zix alein ‘Я вино только себя’. Возвратное местоимение отсутствует в английском, фриз­ском и африкаанс; в этих языках и в 3-м лице употребляется объектн. па­деж личного местоимения (в английском — отчасти притяжательного — с элементом -self, мн. ч. -selves): афр. die Kind was hom ‘Ребенок умывает­ся’, фриз. Hja wasket har ‘Она умывается’.

Возвратное местоимение в СГЯ не изменяется. Лишь в исландском и фарерском оно имеет особые формы для каждого косвенного падежа: соответственно род. *sín*, дат. *sér*, *sær*, вин. *sig*, *seg*. Например, фар. *Tær biðja börnini koma til sín* ‘Они просят детей прийти к ним [букв. ‘к себе’]’, исл. *Hann verður að flýta sér* ‘Ему придется поторопиться’.

2.3.5.4. Некоторые другие разряды местоимений. Неопределенно-личные местоимения СГЯ восходят к основам со значением ‘человек’ и ‘один’. Первая основа представлена почти во всех СГЯ. Степень редукции этого местоимения различна. Исл. *maðig* полностью соответствует существительному ‘человек’, а афр. *’n mens* даже сохраняет неопределенный артикль. Слабая редукция представлена в нем., норв., шв., датск. *man*, следующая ступень — в нид., фриз., ид. *men* (в последнем языке употребляется также апокопированная форма *me*). Характерно, однако, что во всех этих языках, кроме африкаанс и исландского, в функции дополнения или определения выступает вторая основа: норв. ⁺*slikt gjør inntrykk på en* ‘такое производит впечатление (на человека)’. В ряде языков параллельно с местоимением от первой основы используется местоимение от второй основы; ср. шв. *Man/en skall inte tro allt man/en hör* ‘Не надо верить всему, что слышишь’. Местоимение только от второй основы употребляется в английском (*One can only hope that... ‘Можно только надеяться на то, что...’*), а также в фарерском, где, наряду с бесспорным данизмом *man*, используется и местоимение *ein*, правда, ограниченно. Естественно, неопределенно-личное значение в СГЯ выражается также местоимениями ‘они’, ‘ты’, ‘вы’ и др.

Безличное местоимение во всех СГЯ совпадает по форме с личным местоимением 3-го лица ср. рода, обозначающим не-лицо, ср.: нид. *Het regent* ‘Идет дождь’ и *Het (zijn haar) is lang* ‘Они (его волосы) длинные’; фар. *Tað kvöldsetir* ‘Вечереет’ и *Tað (húsið) er hátt* ‘Он (дом) высокий’. Об употреблении в этой функции личного местоимения 3-го лица ед. числа м. рода в некоторых языках см. 2.3.1.2.

Взаимное местоимение во всех СГЯ — сложное слово/словосочетание со вторым элементом ‘другой’ (иногда сильно редуцированным). Первый элемент — это или местоимение ‘каждый’ (шв. *varandra*, англ. *each other*), или числительное ‘один’ (нем. *einander*, ид. *ainer dem andern*), либо указательное местоимение (датск. *hinanden*). В африкаанс и фризском первый элемент — предлог ‘с’, слившийся с местоимением ‘каждый’: афр. *me-kaar*, фриз. *mekoar*. В исландском *hvor annan* (вин. п.) употребляется при двух актантах (*Jón og Pétur sátu andspænis hvor öðrum* ‘Йоун и Пьетюр сидели напротив друг друга’), *hver annan* (вин. п.) — при большем их числе. В ряде СГЯ взаимное местоимение имеет также форму род. падежа. С этим местоимением широко используются предлоги (чем и объясняются

формы африкаанс и фризского). В исландском и фарерском взаимное местоимение склоняется. В некоторых языках есть по нескольку вариантов: фриз. mekoar, malkoar, elkoar, eltsoar, inoar, нид. elkaar, elkander, mekaar, malkander.

Из значения действительной взаимонаправленности ('друг друга') развилось (не только в СГЯ, но также, например, в русском) значение '(последовательно) один по отношению к предыдущему', ср. в сущности аналогичные примеры: нид. De schilderijtjes hingen boven elkaar, букв. 'Картинки висели одна над другой'; шв. Dom kom efter varandra 'Они пришли один за другим'; фар. Hon var gift við trimum sjómonnum, hvørtjum undan øðgum 'Она была замужем последовательно за тремя моряками [букв. '...за одним перед другим']'.

2.3.6. О синтаксисе СГЯ.

2.3.6.0. Из обширного комплекса вопросов здесь будут рассмотрены только порядок слов и отрицание.

2.3.6.1. Порядок слов. Генитивное определение (в той мере, в какой оно вообще характерно для того или иного языка) в основной массе СГЯ находится в препозиции: англ. Shakespeare's sonnets 'сонеты Шекспира', шв. landets befolkning 'население страны', датск. verbernes bøjning 'спряжение глаголов'. Постпозиция генитивного определения характерна для немецкого (преимущественно) и исландского языков, т. е. для языков с наиболее развитой системой флексий: нем. die Stimme meiner Mutter 'голос моей матери', исл. elsti hluti borgarinnar 'самая старая часть города' (однако род. падеж меры находится в исландском в препозиции: þriggja vikna leuði 'трехнедельный отпуск'). Постпозитивное генитивное определение характерно и для нидерландского (оно носит книжный характер, и в нем употребляются только слова ж. рода или во мн. числе): het orgaan der linkerzijde 'орган левых сил' (полит.). В фарерском генитивное определение бывает в обеих позициях. Характер зависимости между позицией генитивного определения и степенью сохранения системы флексий еще требует изучения.

Для большинства СГЯ характерен групповой родительный. Даже в немецком языке в сочетаниях типа Professor Erich Müllers Buch 'книга профессора Эриха Мюллера' используется групповой родительный. В разговорной речи он может принимать достаточно причудливые формы, ср. норв.okkaзиональное ⁺på alle de som er til stedes vegne 'от имени всех присутствующих' (показатель -s присоединен к наречию til stede 'на месте').

Характернейшей чертой главных повествовательных предложений всех СГЯ является позиция финитного глагола на месте второго члена предложения. Это правило соблюдается и в тех случаях, когда являющиеся те-

мой обстоятельство, дополнение или предикатив занимают первое место: фриз. *Yn Fryslân is it Frysk de meast sprutsen taal yn de húshâlding* ‘Во Фрисландии фризский — наиболее используемый устно язык в семейном кругу’; датск. *Så paiv er han ikke* ‘Не так он наивен’. При рематическом подлежащем, занимающем третье место в предложении, на первое место ставится мнимое подлежащее: нид. *Er heeft iemand de ruit gebroken* ‘Кто-то разбил стекло’, шв. *Det gick en man på gatan* ‘По улице прошел (какой-то) человек’. Лишь в английском языке при вынесении на первое место в предложении названных членов подлежащее остается перед сказуемым: *Yesterday Jones wrote a letter* ‘Вчера Джоунз написал письмо’.

Важнейшие случаи иного порядка слов в СГЯ таковы:

1) финитная форма глагола занимает первое место в общевпросительных предложениях, ср.: афр. *Sal jy dit dadelik doen?* ‘Вы это действительно сделаете?’; исл. *Er hann góður kennari?* ‘Он хороший учитель?’;

2) в бессоюзных условных и уступительных придаточных предложениях, а также в желательных (главных) финитная форма глагола стоит на первом месте: нем. *Hätte ich es früher gewußt, würde ich nicht gekommen sein* ‘Если бы я знал это раньше, я бы не пришел’; норв. *†Hadde han vært dobbelt så sterk, ville han ikke (ha) løftet denne steinen* ‘Если бы он был и вдвое сильнее, он бы не поднял этого камня’; фриз. *Nie ik dat earder witten!* ‘Знал бы я это раньше!’.

Постановка финитной формы глагола на первое место в предложении, кроме названных случаев, для СГЯ не характерна. Лишь в исландском и идише в живом повествовании возможно вынесение глагола на первое место; так обозначается связь данного предложения с предыдущим, при этом подлежащее обычно — тема (и часто выражено личным местоимением): исл. *Á Grímsstöðum hinum eystri bjó ríkur bóndi, sem átti fjölda sauða. Hélt hann sauðamann, sem...* ‘В Восточном Гримсстадире жил богатый крестьянин, у которого было множество овец. И держал он овчара, который...’ (из сказки); ид. *...un fregt zi, vos zi laxt. Laxt zi nox štarker* ‘...и спрашивает ее, над чем она смеется. А она смеется еще громче’. Подобная позиция сказуемого встречается и в других языках, но либо как особый стилистический прием, либо в рамках сложносочиненного предложения, например: фар. *Ein maður var í Viðoy og skuldi hann kunna gand* ‘На острове Вийой жил человек, и умел он, считалось, колдовать’.

Особенностью многих СГЯ является смещение предлога, управляющего вопросительным словом, на место после главных членов предложения: норв. *†Nva tenker du på?* ‘О чем ты думаешь?’; фриз. *Hver moat dat ta brúkt wurde?* ‘Для чего это следует использовать?’; англ. *What are you looking for?* ‘Что ты ищешь/вы ищете?’ В нидерландском и фризском возможно также дистантное расположение элементов местоименных наречий:

нид. Ik ben er niet tevreden over ‘Я этим недоволен’; фриз. Der ferrûn wat tiid oer ‘После этого прошло некоторое время’. Сходно с описанными явлениями и помещение во многих СГЯ предлога, управляющего относительным местоимением, в «правую» часть придаточного предложения; само относительное местоимение при этом может опускаться: англ. The room (which) he lives in is large ‘Комната, в которой он живет, большая’; датск. Byen (som) hun har boet i i alle disse år, er ikke stor ‘Город, в котором она прожила все эти годы, невелик’; фар. Tað lítisverda mál, stríðið stóð um ‘То незначительное дело, из-за которого шел спор’.

Рамочные конструкции различного характера, определяющие схемы порядка слов в словосочетании и предложении, свойственны СГЯ в разной степени. По их обилию первое место занимает немецкий язык, для которого, в частности, характерны следующие рамки: а) «личная форма глагола в презенсе или претерите (в главном предложении) или форма императива — отделяемая приставка» (Er stellt sich ihre Reaktion vor ‘Он представляет себе ее реакцию’); б) «артикуль или иной детерминатив — существительное» (der von ihm vor einigen Jahren geschriebene Aufsatz ‘статья, написанная им несколько лет тому назад’); в) «подлежащее — сказуемое (в придаточном предложении)» (...daß Sie mir alles, was ich getan habe, verzeihen werden ‘...что вы простите мне все, что я сделал’) и др.

Общепринятый взгляд, согласно которому степень свободы порядка слов в языке находится в прямой зависимости от богатства его морфологии, в целом материалом СГЯ подтверждается, однако его не следует абсолютизировать. Конечно, к примеру, исландский язык характеризуется значительно большей вариативностью в линейном развертывании предложения, чем, скажем, африкаанс. Однако факты немецкого языка недостаточно хорошо согласуются с этим тезисом: хотя в этом языке состав граммем близок к исландскому, порядок слов в нем, в общем, сравнительно жесткий: в нем невозможно вынесение на первое место глагола в главном повествовательном предложении (ср. выше об исландском), для него не характерна постпозиция некоторых типов определений (как в исл. bær þessi ‘хутор этот’, næstu sumur þrjú ‘следующие три лета’ наряду с þessi bær, þrjú næstu sumur) и т. д. Даже в развившемся из немецкого и близком к нему идише порядок слов более гибкий. Причина, видимо, кроется в том, что немецкий литературный язык в очень сильной степени кодифицирован, поэтому характерные для него структуры расположения элементов предложения, в том числе рамочные конструкции, допускают очень немного вариантов (в основном эти варианты связаны с различным актуальным членением предложения). Напротив, исландская синтаксическая норма отражает реальную речевую практику с характерным для разговорного стиля более или менее свободным порядком слов.

2.3.6.2. Отрицание. Основная масса СГЯ мононегативна, т. е. для отрицательного предложения характерно одно отрицание, ср. норв. ⁺Aldri har noen hørt noe sånt, букв. 'Никогда кто-нибудь слышал что-нибудь такое', т. е. 'Никогда никто не слышал ничего такого'³⁸. Полинегативизм, т. е. использование в одном отрицательном предложении более одного отрицания, характерен только для африкаанс и идиша.

В африкаанс отрицательная частица *nie*, как правило, должна заканчивать отрицательное предложение и поэтому может повторяться: *Ek het dit nie gesien nie* 'Я этого не видел'. Ср. также: *Nu weet niks nie* 'Он ничего не знает', *Ek hoor nooit geen woord van u nie* 'Я никогда не слышу от вас ни слова'. Если содержащее отрицание главное предложение стоит перед придаточным, в конце последнего ставится *nie*: *Nu het nie gesê dat hy dit sal doen nie* 'Он не сказал, что сделает это'. Ср. также: *As die son nie skyn nie, sal ons nie gaan ry nie* 'Если солнце не будет светить, мы не поедem'. Приведена лишь основная часть весьма сложных правил.

В идише часто используется двойное отрицание: *Ix hob dos keinem nit gezogt* 'Я это никому не говорил', *Er tut gorni(š) nit* 'Он ничего не делает', *Mir zainen keinnmol nit geven dorn* 'Мы никогда там не были', *Dos iz nit kein bux* 'Это не книга'. Факультативно возможно и тройное отрицание: *Nit hobn kein mindste forštelung (nit)* 'Не иметь ни малейшего представления'.

2.4. Лексика.

2.4.0. Предварительные замечания. Описание лексики одного конкретного языка или группы языков сопряжено со значительными трудностями. Эти трудности обусловлены несколькими причинами.

Во-первых, лексический состав какого-либо языка насчитывает многие тысячи единиц. Уже по этой причине его описание в принципе не может быть исчерпывающим (даже в словаре) — таким, как описание фонемного состава или грамматического строя.

Во-вторых, лексика — при всей устойчивости ее основного ядра — наиболее изменчивый уровень языка, в котором непосредственно и «оперативно» отражаются перемены в жизни языкового коллектива.

В-третьих, в словарном составе языка отчетливо проявляется то, что условно можно назвать «капризами» языка, т. е. необъяснимые, по крайней мере с современной точки зрения, различия в «уровне специализации», лексические лакуны и т. д. Это делает весьма уязвимыми рассуждения типа «лексика языка А более абстрактна, чем лексика языка В». Так, русскому слову *рука* в СГЯ соответствуют две лексемы со значением 'часть

³⁸ Мы оставляем в стороне редкие частные отклонения от этого принципа типа норв. ⁺Jeg kan ikke komme verken i dag eller i morgen 'Я не могу прийти ни сегодня, ни завтра' (ikke 'не', verken — eller 'ни — ни').

тела от плеча до запястья (эвентуально включая кисть)’, ср.: нем. Arm, исл., фар. armur, англ. arm и т. д. в других СГЯ, и ‘кисть’, нем. Hand, англ., шв., нид. hand и т. д.; ср. аналогичное положение с русской лексемой *нога* и ее соответствиями в СГЯ. В данном участке лексики русский язык более «абстрактен», чем СГЯ. Сходное соотношение наблюдается между русской лексемой *стена*, англ. wall, с одной стороны, и нем. Wand и Mauer, норв. vegg и mug и т. д., с другой, где второе слово обозначает каменную стену. Обратное положение, однако, наблюдается при сравнении лексемы англ. come, нем. kommen и т. д. с ее русскими соответствиями *прийти*, *приехать*, *прилететь* и т. д. В исландском языке есть лексема skár ‘немного лучший’ (при сравнении плохих объектов), сравнительная степень skágti ‘получше (но все равно неважный)’, не имеющая соответствий в иных СГЯ, хотя само значение, казалось бы, достаточно актуально.

Наконец, в-четвертых, многие закономерности функционирования слов оказываются в значительной мере универсальными для языков самого разного строя и самых разных семей (например, различного типа метонимические и метафорические переносы наименования и т. п.).

Названные обстоятельства заставляют быть весьма осторожным в отношении «глобальных» характеристик лексики того или иного языка или группы языков.

В этой работе сознательно избегается термин «лексическая система языка». По нашему убеждению, лексика какого-либо языка не является системой, если, конечно, использовать слово «система» в его научном смысле, т. е. обозначать им некую совокупность, части которой находятся в зависимости друг от друга, а не вкладывать в это слово некий весьма расплывчатый смысл. Разумеется, лексика языка характеризуется системным характером в отдельных ее участках, но эти микросистемы не образуют в целом единой макросистемы.

2.4.1. Генетическая характеристика лексики СГЯ. В лексике каждого из СГЯ и всех СГЯ вместе взятых можно выделить по крайней мере три различных пласта: общеиндоевропейские лексемы, германские лексемы и заимствования. Рассмотрим их в отдельности.

1. Общиневропейская лексика составляет, естественно, значительную долю в словаре СГЯ. Большая часть лексем этого происхождения — обозначения наиболее важных понятий, например термины родства, некоторые сельскохозяйственные термины, названия ряда животных и растений, небесных тел и метеорологических явлений, частей тела, числительные и т. д., ср. (для краткости приводятся только немецкие примеры и их русские соответствия): Bruder — *брат*, Milch — *молоко*, Maus — *мышь*, Birke — *берёза*, Sonne — *солнце*, Schnee — *снег*, Herz — *сердце*, drei — *три*.

Характерно, однако, что далеко не все важнейшие понятия сохранили во всех СГЯ свои древние названия. Так, понятие ‘есть (принимать пищу)’ (ср. нем. *essen*, англ. *eat*, шв. *äta* и т. д.) в современном норвежском обозначается словом *spise*, восходящим к позднедревненорвежскому *spiza* ‘кормить, угощать’, которое, в свою очередь, через ср.-н.-нем. *spisen* возводится к лат. *expendere* ‘отвешивать, выделять’ (слово *ete* в данном значении устарело; оно употребляется либо в значении ‘жрать’, либо о животных, либо метафорически — о ржавчине и т. п.). В исландском это же понятие обозначается лексемой *borða* (от *borð* ‘стол’), правда, наряду с *eta* (*éta*). В идише слово *tate* ‘отец’ является славянским заимствованием. В языке африкаанс высокочастотное слово *baie* ‘очень’ заимствовано из креольского малайско-португальского.

2. Весьма значителен также пласт **общегерманской лексики**. Слова этого пласта обозначают как важные понятия, так и понятия более периферийные. Примерами первых могут служить следующие единицы (как и выше, приводятся слова немецкого языка): *See* ‘море’, *Haus* ‘дом’, *Winter* ‘зима’, *Beere* ‘ягода’, *Leder* ‘кожа (выделанная шкура)’, *trinken* ‘пить’, *Grund* ‘почва; основание’, *Sache* ‘вещь; дело’, *treiben* ‘гнать’, *Blut* ‘кровь’, *heilig* ‘святой’, *Erbse* ‘горох’, *Woche* ‘неделя’, *Frosch* ‘лягушка’; видимо, *Vogel* ‘птица’ и др. Однако некоторые из этих слов, традиционно приводимых в литературе в качестве собственно германских лексем, возможно, восходят к индоевропейским корням. Так, лексема *Winter*, может быть, связана с корнем, обозначавшим воду (т. е. слово могло иметь значение ‘период дождей’); слово *Beere* некоторые исследователи связывают с санскр. *bhāś-* ‘блеск, свет’, т. е. ‘нечто просвечивающее в зелени’; предложено несколько этимологий, связывающих лексему *Blut* с различными индоевропейскими корнями, и т. д.

Разумеется, далеко не всегда то или иное понятие выражается в СГЯ лексемой одинакового происхождения. Напротив, в этом отношении наблюдается достаточно пестрая картина, осложняемая тем, что некоторые слова в отдельных языках изменили свое значение. Ограничимся несколькими иллюстрациями. Понятие ‘маленький’ в большей части западногерманских языков выражается лексемой, не представленной в других СГЯ: нем., нид., афр., ид. *klein* (этимологически к этому ряду принадлежит и англ. *clean*, означающее в современном языке ‘чистый’)³⁹; ср. англ. *little*, фриз. *lyts*, шв., норв. *liten*, датск. *lille*, исл. *lítill*, фар. *lítill* (а также ср.-в.-нем. *lütze*, нем. диал. *lützel*); оба корня представлены в иных индоевропейских языках. Аналогично обстоит дело с обозначением понятия ‘большой’: нем. *groß*, нид., афр. *groot*, англ. *great* ‘великий’, фриз. *great*, ид. *grois* — шв., норв., датск. *stor*, исл. *stór*, фар. *stórrur*. Ср. также норв. *tre*, датск., фар.

³⁹ Разг. норв. *klein*, шв. *klen* ‘хилый, нездоровый’ — заимствование из нижненемецкого.

træ, шв. träd, исл. tré, англ. tree ‘дерево’, с одной стороны, и нем. Baum, нид., афр. boom, фриз. beam, ид. boim (а также англ. beam ‘балка; луч’) — с другой.

3. Значительный слой лексики СГЯ составляют разного рода **заимствования**. Разумеется, в этой работе нет возможности подробно осветить этот вопрос, поэтому будут рассмотрены лишь некоторые наиболее важные аспекты.

Заимствованные лексемы в СГЯ можно разделить на заимствования из других германских языков и заимствования из негерманских языков.

Среди заимствований из других германских языков наиболее значительны массивы слов нижненемецкого происхождения в континентальных скандинавских языках и слов английского происхождения в большинстве других языков.

Нижненемецкие заимствования в шведском, датском и норвежском восходят к временам расцвета Ганзейского союза (XIV–XVII вв.). В этот период в названные языки вошло множество слов, обозначающих новые тогда понятия из области ремесленного производства, строительства, архитектуры, военного дела, торговли, социальных отношений, названия многих товаров и др., ср. (приводятся норвежские примеры, после чего в скобках даются нижненемецкие исходные слова): redskap ‘орудие, инструмент’ (rêdeschap), verksted ‘мастерская’ (werkstede), mester ‘мастер’ (meister), bøkker ‘бочар, бондарь’ (bodiker), buntmaker ‘меховщик’ (buntmaker), spiker ‘гвоздь’ (spîcher), slott ‘замок’ (slot), peis ‘очаг, камин’ (pîsel, pesel ‘отапливаемая комната’), krig ‘война’ (krîch), feide ‘раздор’ (veide), kamp ‘борьба’ (kamp), krutt ‘порох’ (krût), handel ‘торговля’ (handel), frakt ‘фрахт’ (vracht), regne ‘считать’ (rekenen), papir ‘бумага’ (pappîr, papîr), borger ‘горожанин’ (borgere), ridder ‘рыцарь’ (ridder), undersått ‘подданный’ (undersåte), bomull ‘хлопок’ (bômwulle) и т. д. Множество слов, обозначающих различные новые для скандинавского быта предметы, также вошло в эти языки в рассматриваемый период, например: gaffel ‘вилка’ (gaffel, gaffele), krus ‘кружка’ (krûs, krôs), skap ‘шкаф’ (schap), kurv ‘корзина’ (korf), strømpe ‘чулок’ (strump), støvel ‘сапог’ (stevell) и т. д. Помимо конкретных существительных из средненижненемецкого был заимствован ряд абстрактных имен, ср.: angst ‘страх’ (angest, anxt), fare ‘опасность’ (våre), ære ‘честь’ (êre), makt ‘власть’ (macht), lykke ‘счастье’ (gelucke, lucke), rykte ‘слух’ (gerüchte, güchte), а также ряд прилагательных: tapper ‘смелый’ (tapper), fri ‘свободный’ (vrî), stolt ‘гордый’ (stolt), klok ‘умный’ (klôk), skjønne ‘прекрасный’ (schone), svak ‘слабый’ (swak), ekte ‘настоящий’ (echte, echt) и т. д. Более того, из средненижненемецкого был заимствован ряд префиксов и суффиксов: an-, be-, bi-, for-, ge-, -bar, -else, -eri, -het, -inne, -ske. Слова нижненемецкого происхождения, таким образом, широко представлены в самых разных пластах лексики континентальных скандинавских языков.

Характерно, что влияние немецкого литературного языка (верхненемецкого) на скандинавские было несравненно скромнее, хотя оно также заметно, ср.: норв. stilleben 'натюрморт', sats 'набор; ставка', schäfer 'овчарка', schwung 'подъем', forlibe seg (шутл.) 'влюбитья', nachspiel 'импровизированное продолжение празднества', fein-schmecker 'тонкий ценитель', welt Schmerz 'мировая скорбь' и т. п.

Гораздо больше, нежели прямых заимствований, калек литературного немецкого языка, ср.: норв., датск. varehus, шв. varuhus, исл. vöruhús, нид. warenhuis 'универмаг' (Warenhaus); норв., датск. tidsskrift, шв. tidskrift, исл. tímarit, нид. tijdschrift 'журнал' (Zeitschrift); норв., датск. forord, шв. förord, нид. voorwoord 'предисловие' (Vorwort); норв., датск. skadefryd, шв. skadeglädje, нид. leedvermaak 'злорадство' (Schadenfreude); норв., датск. verdensberømt, шв. världsberömd, нид. wereldberoemd 'всемирно известный' (weltberühmt); норв. planmessig, датск. planmæssig, шв. planmässig, нид. planmatig 'планомерный' (planmässig) и т. д.

Очень велик объем заимствований из английского языка почти во всех СГЯ. Явление это сравнительно новое. До Второй мировой войны английское лексическое влияние в общем было довольно незначительным; оно ограничивалось техническими и спортивными терминами, а также лексемами, обозначающими реалии стран английского языка, прежде всего Англии и США. Это можно проиллюстрировать на примере нидерландского языка. К названным заимствованиям относятся слова: wagon 'вагон', rail 'рельс', voetball 'футбол', goal 'гол', boksen 'бокс', tennis 'теннис', lord 'лорд', grog 'гrog', tory 'тори' и т. д. После Второй мировой войны количество английских заимствований многократно возросло, слова и словосочетания, заимствованные прежде всего из английского языка США, относятся к различным сферам современной жизни, ср.: radar 'радар', laser 'лазер', computer 'компьютер, ЭВМ', combine 'комбайн', service 'сервис', team 'бригада, команда', test 'тест, испытание', bestseller 'бестселлер', survey 'обследование, инспекция', outsider 'аутсайдер', babysit(ter) 'приходящая няня', make-up 'макияж', snackbar 'закусочная', walkie-talkie 'портативный телефон', comeback 'возвращение (на сцену, в спорт и т. п.)', scooter 'мотоцикл' и т. п.

Практически во всех странах, где говорят на СГЯ, делаются попытки в какой-то мере ограничить проникновение такого множества английских заимствований, этой, как ее называют, «английской болезни».

Английское влияние проявляется, конечно, не только в форме прямых заимствований, но и в форме калькирования, ср. примеры из норвежского (в скобках приводится исходная английская форма): kald krig 'холодная война' (cold war), skyggeregjering 'теневое правительство' (shadow cabinet), froskemann 'аквалангист' (frogman), feltarbeid 'полевые работы (сбор ин-

формации) (field work), ferdskriver ‘черный ящик (устройство, регистрирующее параметры полета)’ (flight recorder), het linje ‘горячая линия (прямая телефонная линия между главами государств для использования в критических ситуациях)’ (hot line), kroppsbygging ‘культуризм’ (body-building), opptrapping ‘эскалация’ (escalation) и т. д.; калькируются и разговорные единицы, например: skyte ‘снимать (на пленку)’ (основное значение англ. shoot и норв. skyte — ‘стрелять’), sitte på gjerdet ‘сидеть между двух стульев, занимать выжидательную позицию’ (sit on the fence), det er opp til deg/ham и т. д. ‘это твое/его и т. д. дело’ (it’s up to you/him и т. д.), være på vannvogna ‘не пить спиртного’ (be on the water-wagon) и т. д. Нередки «полукальки», или «гибридные» слова, — сложные слова, в которых одна часть является прямым заимствованием, другая — калькой: норв. supermarked ‘универсам’ (supermarket), sitdownstreik ‘сидячая забастовка’ (sit-down strike) наряду с полной калькой sittnedstreik, boardingkort ‘посадочный талон’ (boardingcard) — теперь чаще ombordstigningskort, gaffeltruck ‘автопогрузчик’ (fork-lift truck) и т. д.

Что касается других, не-германских, источников заимствования, то предварительно отметим следующее.

Во-первых, количество таких языков-источников очень велико. Роль их, конечно, различна. Так, из одних — греческого, латыни, французского и, в несколько меньшей мере, итальянского — в германские языки вошло множество слов, тогда как заимствования из некоторых других языков весьма малочисленны и порой составляют всего несколько лексем, как, например, заимствования из эскимосского: англ., нид., шв., датск. anorak, нем. Anorak, норв. anorakk ‘анорак’; англ. kayak, нем. Kajak, нид., шв., датск., исл. kajak, норв. kajakk ‘каяк’; слово katamaran ‘катамаран’, употребляющееся практически во всех СГЯ, восходит к слову kattumaran ‘связанные бревна’ тамильского языка, из которого, видимо, нет других заимствований.

Во-вторых, целесообразно различать, так сказать, «заимствования для себя» и экзотизмы. Под первыми мы понимаем обозначения понятий из жизни заимствующего языкового коллектива, под вторыми — обозначения понятий (реалий) из жизни описываемого языкового коллектива. С этой точки зрения между употребляемыми в норвежском языке словами anorakk и katamaran, с одной стороны, и словами maharaja ‘магараджа’ и kral ‘крааль’ есть принципиальная разница. Первые обозначают классы предметов также норвежского быта, вторые используются только при описании жизни, соответственно, Индии и Южной Африки. Очевидно, что состав экзотизмов каждого отдельного языка весьма неоднороден с точки зрения степени употребительности: есть достаточно частотные экзотизмы (ср. норв. kopek ‘копейка’, pagode ‘пагода’, rampe(s) ‘пампасы’) и весьма редкие, в сущности окказиональные. Разумеется, в составе экзотизмов

каждого из СГЯ есть своя специфика, поскольку между отдельными языковыми коллективами существуют свои связи, определяемые исторически, географическими и политическими факторами. Например, в нидерландском языке больше экзотизмов индонезийского происхождения (ср. *katriong* ‘двор, обнесенный забором; квартал, населенный местными жителями’, *baboe* ‘няня-туземка’, *sarong* ‘саронг (вид юбки)’ и т. п.), нежели в других СГЯ, поскольку Индонезия до 1949 г. была нидерландской колонией. В норвежском языке есть ряд слов, обозначающих реалии жизни саами, живущих в северных областях страны: *kommager* ‘сапоги из оленьей шкуры’, *pesk* ‘длиннополый кафтан из оленьей шкуры мехом наружу’, *pulk* ‘небольшие сани в форме лодки’, *komse* ‘колыбель (деревянный каркас, обтянутый оленьей шкурой)’ и т. д.; эти лексемы если и употребляются в других СГЯ (кроме шведского), то окказионально.

Очевидно, что грань между экзотизмами и «заимствованиями для себя» в известной мере условна, что можно показать на примере названий блюд, напитков, игр, танцев и т. п. Итальянское блюдо *pizza* ‘пицца’ распространилось во многих странах, и поэтому изначальный экзотизм превратился в обозначение «своего» явления. То же относится к названию первоначально американского напитка *coca-cola* ‘кока-кола’, названию латиноамериканского танца *cha-cha-cha* ‘ча-ча-ча’, обозначению уругвайской по происхождению карточной игры *canasta* ‘канаста’ и т. д.

В-третьих, сказанное выше о влиянии географических, исторических и политических факторов на состав экзотизмов в том или ином из СГЯ полностью относится к заимствованиям вообще. Классический пример — английский язык, который в результате нормандского завоевания Англии вообрал в себя колоссальное количество слов из французского. Нидерландский язык также — хотя и в значительно меньшей мере, чем английский — усвоил много заимствований из французского, поскольку область его распространения непосредственно примыкает к области распространения французского; ср. отсутствующие в других СГЯ лексемы *employé* ‘служащий, работник’, *cadeau* ‘подарок’, *canard* ‘утка, ложный слух’. (Характерно, что в литературе среднидерландского периода, в том числе и в народном эпосе — «О Рейнарде Лисе», — число слов французского происхождения очень велико; многие из слов того периода были впоследствии утрачены.) Помимо прямых заимствований из французского, в нидерландском много семантических заимствований, т. е. калек, ср.: *kleinzoon* ‘внук’ (фр. *petit-fils*), *schoondochter* ‘невестка, сноха’ (*belle fille*), *gevaar lopen* ‘подвергаться риску’, ср. нем. *Gefahr laufen* (*encourir danger*) и др. О галлицизмах в бельгийском варианте нидерландского языка см. 1.1.4.8. В идише, значительная часть носителей которого уже много веков живет в окружении славяноязычного населения, много славянизмов, см. 1.1.6.6.

В-четвертых, говоря о языке, являющемся источником того или иного слова или словосочетания, обычно подразумевают язык, которому они принадлежат, что, однако, не предполагает заимствования непосредственно из данного языка. Так, названное выше слово *katamaran* вошло в нидерландский, датский и другие СГЯ не непосредственно из тамильского, а через посредство английского. Норвежское слово *kybernetikk* ‘кибернетика’, конечно, восходит к гр. *kybernetes* ‘кормчий, рулевой’, но создан этот термин не в Норвегии, а является норвегизированной формой английского слова *cybernetics*, созданного в 1948 г. американским математиком Норбертом Винером. Даже древнейшие заимствования из латыни в германские диалекты едва ли осуществлялись у каждого племени в результате непосредственного общения с римлянами, а, несомненно, во многих случаях передавались от племен, непосредственно контактировавших с римлянами, к более отдаленным соседям. Часто мы просто не знаем, вошла ли данная лексема в данный язык непосредственно из языка-источника или через посредство какого-либо другого языка (или нескольких промежуточных языков).

Итак, в следующем ниже разделе будут рассмотрены только основные языки — источники заимствований в СГЯ. Вне рассмотрения будут оставлены экзотизмы. Не будут учитываться промежуточные звенья заимствований (тем более, что во многих случаях они неизвестны).

Важнейшие не-германские языки — источники заимствований в СГЯ: латынь и греческий, французский, итальянский и древнееврейский. Рассмотрим их подробнее.

1. Классические языки (латынь и греческий). Можно выделить, по крайней мере, четыре пласта заимствований из этих языков, причем первый пласт составляют только латинские заимствования.

а. Древнейший пласт латинских заимствований восходит к эпохе первых контактов германских племен с Римской империей. Знакомая с неизвестными для них ранее элементами культуры Рима — преимущественно материальной, — древние германцы перенимали и их обозначения. Это прежде всего различные сельскохозяйственные термины (в том числе названия неизвестных германцам культурных растений), термины строительного дела, торговые термины, названия предметов утвари и быта, термины, связанные с более развитой римской военной техникой, и т. д., ср. (приводятся немецкие слова, в скобках указана исходная латинская форма): *Sichel* ‘сеп’ (*secula*), *Wein* ‘вино’ (*vinum*), *Käse* ‘сыр’ (*caseus*), *Kohl* ‘капуста’ (*caulis*), *Birne* ‘груша’ (*pirum*), *Mauer* ‘стена (каменная)’ (*murus*), *Keiler* ‘погреб’ (*cellarium*), *Turm* ‘башня’ (*turris*), *Ziegel* ‘кирпич’ (*tegula*), *Fenster* ‘окно’ (*fenestra*), *kaufen* ‘покупать’ (*cauponare* < *caupo* ‘торговец вином’), *Münze* ‘монета’ (*moneta*), *Zoll* ‘пошлина’ (*toloneum*), *Sack* ‘мешок’

(saccus), Kessel ‘котел’ (catillus, уменьш. от catinus), Straße ‘улица’ (strata (via) ‘вымощенная дорога’), Wall ‘вал’ (vallum) и многие другие.

В этот период появляются также кальки. Хрестоматийным примером такого семантического заимствования являются древнегерманские обозначения дней недели: др.-в.-нем. sunnuntag (совр. Sontag) ‘воскресенье’ (dies solis, букв. ‘день солнца’), manintag (совр. Montag) ‘понедельник’ (dies lunae, букв. ‘день луны’), mittwoche (совр. Mittwoch) ‘среда’ (media hebdomas букв. ‘середина недели’); имена древнеримских богов заменены в рассматриваемых названиях именами древнегерманских божеств: др.-в.-нем. donerestag, букв. ‘день Донара’ (совр. Donnerstag) ‘четверг’ (dies Jovis, букв. ‘день Юпитера’) и т. д.

б. Второй пласт заимствований из классических языков связан с христианизацией стран германских языков. К этому слою относятся, например, такие заимствования из греческого, как нид. bijbel ‘Библия’ (biblia — мн. ч. от biblion ‘небольшая книга’), priester ‘священник’ (presbyteros), kerk ‘церковь’ (kyriakon), bisschop ‘епископ’ (episkopos или лат. episcopus), engel ‘ангел’ (aggelos или лат. angelus); из латыни: нид. duivel ‘дьявол’ (diabolus), prediken ‘проповедовать’ (praedicare), non ‘монахиня’ (nonna), klooster ‘монастырь’ (claustrum) и т. д. К этому же пласту относятся и кальки типа dopen ‘крестить’, ср. гот. daupjan (первоначальное значение: ‘погружать в воду’, ср. diups ‘глубокий’) — эквивалент гр. baptizein с тем же изначальным значением.

Следует иметь в виду, что христианизация германских народов длилась много веков, поэтому заимствования этого рода существенно различаются хронологически от языка к языку.

в. Следующий пласт заимствований из латыни и греческого относится к средневековой науке. Здесь следует отметить три момента. Во-первых, немалая доля этого лексического пласта, в сущности, представляет собою часть предыдущего: средневековое образование было церковным, и, обратно, церковь имела свои школы, обычно при монастырях, где изучалась латынь, в монастырях же осуществлялись переводы, писались богословские сочинения и т. д. Во-вторых, часть рассматриваемых лексем этого периода является не прямыми заимствованиями из классических языков, а словами, созданными в ту эпоху из латинских и греческих корней, т. е. лексическими единицами, в данной форме в классических языках не представленными, либо новыми значениями слов классических языков. Наконец, в-третьих, поскольку языком церкви и науки в Средние века была латынь, многие новые слова сначала создавались в латинской форме и лишь потом подвергались изменениям, характерным при заимствовании. Примерами единиц данного пласта могут служить датские слова: skole ‘школа’ (лат. schola < гр. scholé, первоначально ‘свободное время’, т. е. ‘время, которое

можно использовать для ученых занятий', professor 'профессор' (лат. professor 'публично провозглашающий'), student 'студент' (лат. причастие наст. вр. от studere 'изучать', первоначально 'стараться'), grammatik 'грамматика' (от гр. gramma 'буква'). Примерами новых значений слов классических языков могут служить лексемы universitet 'университет' (лат. universitas 'общность' от universus 'целый, общий'), fakultet 'факультет' (лат. facultas первоначально 'способность, возможность' от facere 'делать').

В этот период создается также множество калек, ср.: нем. Gewissen, нид. geweten, фриз. gewisse, норв. samvittighet, датск. samvittighed, шв. samvete, исл. samviska 'совесть' (лат. conscientia), нем. beschreiben, нид. beschrijven, норв., датск. beskrive (из нижненемецкого) 'описывать' (лат. describere), нем. Umstand, нид. omstandigheid, фриз. omstannichheit, норв. omstendighet 'обстоятельство' (лат. circumstantia, в свою очередь из гр. peristasis), нем. Eindruck, нид. indruk, фриз. yndruk, датск. indtryk 'впечатление' (лат. impressio) и т. д.

г. Последний пласт заимствований из классических языков — это научные, технические и др. термины нового и новейшего времени. Они представляют собою, как и упомянутая выше часть слов предшествующего периода, в основном единицы, созданные из корней латинского и греческого языков (приводятся норвежские примеры): teknikk 'техника' (от гр. techne 'ремесло, искусство'), elektrolyse 'электролиз' (от гр. elektron 'янтарь' и lysis 'растворение'), fotografi 'фотография' (от гр. phos, род. п. photos 'свет', и grapho 'пишу'), valens 'валентность' (от лат. valentia 'сила'), leukemi (levkemi) 'лейкемия' (от гр. leukos 'белый' и haima 'кровь'), liberalisme 'либерализм' (от лат. liber 'свободный'), substrat 'субстрат' (от лат. substratum 'основа, подкладка' < sub- 'под', stratum 'слой'), økologi 'экология' (от гр. oikos 'дом; родина' и logos 'речь; разум; учение'). Нередки сочетания в одном слове греческих и латинских элементов, ср. норв. telekommunikasjon 'телекоммуникация' (от гр. tele 'дальний' и лат. communicatio 'связь'), klaustrofobi 'клаустрофобия' (от лат. claustrum 'монастырь' и гр. phobos 'страх').

2. **Французский язык** оказал значительное влияние на лексику германских языков, в особенности в обозначении понятий из области духовной жизни, политики, дипломатии, военного дела, коммерции, кулинарии и т. д., ср. шв. (в скобках французские слова-источники): litteratur 'литература' (littérature), balett 'балет' (ballet), regissör 'режиссер' (régisseur), uvertyr 'увертюра' (ouverture), vernissage 'вернисаж' (vernissage), parti 'партия' (parti), regim 'режим' (régime), chargé d'affaires 'поверенный в делах', doyen 'дуаён' (doyen), aggression 'арессия' (agression), sergeant 'сержант' (sergent), bataljon 'багальон' (bataillon), kasern 'казарма' (caserne), finanser 'финансы' (finances), à jour 'по сегодняшний день' (à jour), sås 'соус' (sauce),

gelé ‘желе’ (gelée), passagerare ‘пассажир’ (passager), elegant ‘элегантный’ (élégant), charmant ‘очаровательный’ (charmant), celebritet ‘знаменитость’ (célébrité), chef ‘шеф’ (chef), nivå ‘уровень’ (niveau), miljö ‘среда’ (milieu) и т. д.

Существенно, что в большом числе случаев заимствования из латыни в СГЯ осуществлялись именно через французский язык. Так, норв., датск., шв. kultur и т. д. ‘культура’ вошло в эти языки из немецкого, в который оно заимствовано из французского (из него же оно заимствовано в нидерландский), а фр. culture восходит к лат. cultura.

Немало в СГЯ и семантических заимствований из французского, например: нем. die öffentliche Meinung, норв., датск. den offentlige mening и т. д. ‘общественное мнение’ (l’opinion publique); нем. Tagesordnung, нид. dagorde, норв., датск. dagsorden, шв. dagordning ‘повестка дня’ (ordre de jour); нем. auf der Höhe sein, норв. være på høyden, датск. være på højden ‘быть на высоте’ (être à la hauteur); нем. einem Mädchen den Hof machen, нид. een meisje het hof maken ‘ухаживать за девушкой’ (faire la cour à qn, ср. рус. устар. *строить куры*, норв. gjøre kur til noen) и т. д.

Особенно велико было влияние старофранцузского на английский язык, явившееся результатом нормандского завоевания. И в современном английском языке многие важнейшие понятия выражены словами романского происхождения: very ‘очень’, large ‘большой’, poor ‘бедный’, lake ‘озеро’, flower ‘цветок’, place ‘место’, doubt ‘сомнение’, fault ‘вина’ и т. д.

3. Довольно многочисленные заимствования из **итальянского языка** относятся прежде всего к сферам искусства, финансов и военного дела. Примерами могут служить следующие лексемы (приводятся немецкие слова): Oper ‘опера’ (opera, сокр. от opera per musica ‘музыкальное сочинение’), Konzert ‘концерт’ (concerto, первонач. ‘созвучие’), Baß ‘бас’ (basso, первонач. ‘низкий’), Allegro ‘аллегро’ (allegro), Aquarell ‘акварель’ (aquarello), Galerie ‘галерея’ (galleria), Bank ‘банк’ (banco, banca, первонач. ‘скамья’, т. е. ‘стол менялы’), Konto ‘счет’ (conto), Saldo ‘сальдо’ (saldo), netto ‘нетто’ (netto), Kasse ‘касса’ (cassa), Soldat ‘солдат’ (soldato, букв. ‘оплачиваемый’), Kavallerie ‘кавалерия’ (cavalleria), Panzer ‘броня; танк’ (pancieria) и др.

Часть этих заимствований пришла в германские языки через посредство французского.

4. Заимствования из **древнееврейского** имеются во всех СГЯ: это ряд слов из Библии, в первую очередь Ветхого Завета. Таковы, например, в шведском языке слова satan ‘сатана’, seraf ‘серафим’, halleluja ‘аллилуйя’, amen ‘аминь’, påsk ‘пасха’, farisé ‘фарисей’ и т. п.

Естественно, что всего более слов древнееврейского происхождения в идише, поскольку древнееврейский язык был и остается культовым язы-

ком всех верующих евреев, независимо от языка, на котором они говорят. Семитизмы характерны для самых разных сфер лексики идиша. (Подробнее см. 1.1.6.6.)

Любопытно, что всего более заимствований из древнееврейского — кроме, разумеется, идиша — в нидерландском языке, в который они вошли через посредство идиша. Правда, эти заимствования характерны преимущественно для разговорной речи и часто имеют пейоративную окраску, например: *bolleboos* ‘знаток, дока’, *goochem* ‘продувной, проницательный’, *karoeses* ‘испорченный; конченный; мертвый’ (*karoeses gaan* ‘приказать долго жить’), *sjofel* ‘обшарпанный; нищенский’, *pleite gaan* ‘смываться; разоряться’, *gozer* ‘парень, малый’; см. также примеры в 1.1.4.6.

Даже оставляя в стороне экзотизмы типа нем. *Sultan, Kakadu, Zebra*, в том числе и те, которые приобрели дополнительные метафорические значения, типа *Bumerang, Oase, Harakiri, Kaste, Bonze* и т. п., нет возможности, как уже отмечалось, перечислить все те языки, заимствования из которых представлены в СГЯ. Ограничимся поэтому небольшим количеством примеров (приводятся немецкие слова; в скобках указывается язык-источник; промежуточные языки, через которые проходило заимствование, не указываются): *Lakai* ‘лакей’ (исп.), *Kiosk* (перс), *Jasmin* ‘жасмин’ (араб. или перс), *Algebra* (араб.), *Ottomane* ‘диван’ (тур.), *Kakao* (из одного из индейских языков Мексики), *Tabu* (язык тонга из полинезийской семьи), *Gong* (малайск.), *Tee* ‘чай’ (китайск.), *Gummi* ‘резина’ (др.-егип.), *Reis* ‘рис’ (санскр.) и т. д.

2.4.2. Характеристика СГЯ с точки зрения удельного веса заимствований. Пуризм. Удельный вес слов иноязычного происхождения существенно варьируется в СГЯ. Крайними полюсами являются исландский, лексика которого является «наиболее германской», т. е. в нем меньше, чем в других СГЯ, слов иноязычного происхождения, и английский, в котором иноязычные элементы составляют весьма значительную часть лексики.

Разумеется, имеются немалые различия между удельным весом иноязычных элементов в языке и в речи. Множество слов иноязычного происхождения, в особенности специальная лексика, обладают очень низкой частотностью, т. е. достаточно редко встречаются в неспециальных текстах, однако эти слова составляют существенную по объему часть словаря современного языка. При этом следует иметь в виду, что в специальных текстах нередко используются термины — синонимы слов обычного языка, причем, как правило, слов незаимствованных, ср.: норв. *pnevmoni* ‘пневмония’ — *lungebetennelse* ‘воспаление легких’, *luksasjon* ‘вывих’ — *forvridning, tremor* ‘тремор’ — *dirring, skjelving* ‘дрожание’, *lumbago* ‘люмбаго’ — *hekseskudd* ‘прострел’, *auskultere* ‘аускультировать’ — *lytte på (hjerte og lunger)* ‘выслушивать’ и т. д.

Существен, далее, и тот общеизвестный факт, что в книжном стиле часто используются иностранные слова, имеющие исконные соответствия: норв. *pittoresk* — *malerisk* ‘живописный’, *massakre* — *blodbad* ‘кровопролитие’, *rural* — *landlig* ‘сельский’, *kongenial* — *ándsbeslektet* ‘конгениальный’ и т. п. Лишь в исландском языке наблюдается обратная картина: иностранные слова возможны в разговорной (точнее: литературно-разговорной) речи, но избегаются в письменной, поскольку считаются несовместимыми с хорошим стилем (см. 1.2.5.6); так, в устной речи возможны слова *próblem*, *akseptera*, *traktór*, но на письме обычно употребляются лексемы *vandamál* ‘проблема’, *fallast á e-ð* ‘принимать что-л.’, *dráttarvél* ‘трактор’. Характерно, что исландский «Словарь сленга»⁴⁰ включает в себя, например, следующие слова (в скобках указаны общепринятые лексемы): *filma* ‘фильм’ (*kvikmynd*), *instrúment* ‘инструмент (музыкальный)’ (*hljóðfæri*), *róbott* (*róbót*) ‘робот (также перен.)’ (*vélmenni*), *sjarmera* ‘очаровывать’ (*töfra*, *heilla*) и т. д. Сходное положение в фарерском.

Как сказано выше, исландский и английский языки являются среди СГЯ крайними полюсами с точки зрения удельного веса иноязычных слов. Ближе всего к исландскому стоит в этом отношении фарерский, который несколько менее пуристичен (если отвлечься от множества калек с датского и исландского, ср. 1.2.4.6). Далее следует немецкий язык с его довольно многочисленными пуристическими заменами. Для того чтобы расположить остальные СГЯ между названными крайними точками, нет надежных объективных данных. В общем, видимо, можно утверждать, что континентальные скандинавские языки и нидерландский приблизительно в одинаковой степени содержат в себе иноязычные элементы, во всяком случае, различия не очень велики. Здесь, впрочем, необходимо сделать два уточнения.

Первое уточнение относится к нидерландскому языку. С одной стороны, как уже отмечалось, в нем немало прямых заимствований из французского языка, отсутствующих в других СГЯ, что находит свое естественное объяснение в том, что области распространения нидерландского и французского языков соприкасаются. С другой стороны, в результате усилий пуристов в нидерландском языке есть значительное количество широко используемых соответствий интернационализмам, ср.: *spraakunst* ‘грамматика’ (наряду с *grammatica*), *wiskunde* ‘математика’ (также *mathematica*), *wijsbegeerte* ‘философия’ (также *filosofie*), *aardrijkskunde* ‘география’ (наряду с *geografie*), *scheikunde* ‘химия’ (чаще *chemie*), *boekerij* ‘библиотека’ (также *bibliotheek*), *redenaar* ‘оратор’ (также *orator*) и т. д.

Второе уточнение касается норвежского языка. В отношении к словам иноязычного происхождения между двумя вариантами норвежского языка

⁴⁰ Árnason M. e. a. *Orðabók um slangur*. Reykjavík, 1982.

существуют значительные различия. Букмол в общем не пуристичен, тогда как «новонорвежскому» свойственно стремление избегать не-норвежских слов. Характерно при этом, что прежде всего избегаются не интернационализмы (напротив, их употребление теперь как бы свидетельствует о том, что «новонорвежский» — полноценный литературный язык, в том числе язык науки), а данизмы, т. е. слова «датско-норвежского» языка (см. 1.2.3.2), особенно нижненемецкого происхождения, которые имеют иные соответствия в норвежских диалектах, ср.: норв. °tørsle ‘движение’ — °bevegelse, °byrja ‘начинать(ся)’ — °begynne, °halda fram med ‘продолжать’ — °fortsette, °vørnad ‘уважение’ — °aktelse, °kjensle ‘чувство’ — °følelse и т. д.

Что касается иных СГЯ, то приходится ограничиться краткими замечаниями.

Складывается впечатление, что во фризском языке иноязычные слова не только не избегаются в книжном стиле, но, напротив, широко используются, возможно с той же целью, что и в «новонорвежском», — для придания ему большего престижа, для демонстрации того, что он, в частности, может быть полноценным языком науки, примеры см. 1.1.2.6.

В результате сознательной изоляции языка африкаанс от английского, активного антианглийского пуризма в нем значительно меньше — примерно в 20 раз — английских заимствований, нежели в нидерландском, из которого он развился; примеры приведены в 1.1.5.6.

Идиш занимает в отношении лексического состава особое место среди СГЯ: в нем велика доля слов древнееврейского и славянского происхождения. Немало случаев дублетных обозначений одного понятия: ср. krig (из нем.) и milchome (из др.-евр.) ‘война’, ente (из нем.) и кацке (из слав.) ‘утка’ и т. д. В общем пуризм этому языку не свойствен.

Как видно из приведенного материала, наиболее пуристическими из СГЯ являются исландский, фарерский и африкаанс, а также — в определенном отношении — «новонорвежский». Возникает вопрос: почему пуризм характерен именно для этих языков?

Соблазнительно увидеть ответ на этот вопрос в количестве говорящих на данных языках. Действительно, исландский и фарерский занимают соответственно предпоследнее и последнее место среди СГЯ по числу их носителей, «новонорвежским» пользуются, по нашим подсчетам, максимум 0,7 млн. человек (реально, видимо, значительно меньше). С другой стороны, наименее пуристичен английский язык, являющийся родным примерно для 500 млн. человек. Однако ряд фактов препятствует признанию числа говорящих на том или ином языке определяющим фактором степени «пуристичности» языка. Так, немецкий язык (около 110 млн. носителей) — при всем значительном количестве заимствований в нем — более пуристичен, чем, к примеру, шведский (около 9 млн.), а фризский (около 0,5 млн.) менее пуристичен, нежели африкаанс (около 6,5 млн.), и т. д.

Главную роль играют здесь различные социоисторические и социально-психологические моменты. Пуризм возникает не сам по себе, а как проявление определенного умонастроения (влиятельных слоев) общества, как реакция на некоторые исторические условия. Разумеется, шкала таких социопсихологических установок достаточно широка. Крайними ее точками являются, с одной стороны, шовинизм, и с другой — комплекс национальной неполноценности (вопрос о частой связи этих крайностей здесь рассматриваться не будет) — с множеством промежуточных ступеней. Так, период нацизма в Германии с его беспримерным шовинизмом ознаменовался активной пуристической деятельностью. Противоположный крайний пример — Фландрия, в которой нидерландский язык, на протяжении длительного времени не имевший официального статуса и престижа, характеризуется рядом пуристических замен прежде всего французских слов, не свойственным нидерландскому языку в Нидерландах (см. 1.1.4.8). Исландский пуризм был вызван прежде всего стремлением сохранить самобытность и демократичность языка крестьянского общества, имеющего длительную культурную традицию.

Пуризм может проявляться по-разному. Возможны две пересекающихся классификации этого явления. С точки зрения охвата слов, подвергающихся замене, пуризм бывает глобальный и избирательный. Глобальный пуризм направлен против любых иностранных слов, независимо от их происхождения. Глобальными пуристами были, например, такие представители немецкого «гиперпуризма» («ультрапуризма»), как Филипп фон Цезен (1619–1689), Й. Г. Кампе (1746–1818) и некоторые другие, «онемечивавшие» заимствования латинского, французского, итальянского, английского и другого происхождения. Глобальную направленность имеет и исландский пуризм. Избирательный пуризм направлен прежде всего против заимствований из какого-либо одного конкретного языка. Так, для «новонорвежского» характерна особая нетерпимость по отношению к словам, общим для букмола и датского (особенно нижненемецкого происхождения), но не свойственным норвежским диалектам; фламандский (бельгийский) вариант нидерландского пуристичен лишь в отношении французского; африкаанс — в отношении английского.

Объектом пуристической деятельности могут быть иностранные слова, уже проникшие в язык, и слова — обозначения понятий, еще не получивших наименования в данном языке. Иначе говоря, один вид пуризма характеризуется тем, что из языка изгоняются слова, уже укоренившиеся в нем в большей или меньшей степени, другой — созданием из средств родного языка новых слов — эквивалентов иностранных, в недопущении прямых иноязычных заимствований. Первый вид пуризма можно назвать изменительным, второй — охранительным. Примером первого вида мо-

жет служить деятельность немецких и фламандских пуристов, примером второго — усилия пуристов Исландии.

Для успешного осуществления пуристической деятельности необходимы, по крайней мере, два условия.

Первое условие состоит в положительной установке общества к широкомасштабной замене иноязычных слов словами родного языка (при изменительном пуризме) или к недопущению иностранных слов в язык (при охранительном пуризме). Очевидно, что такая психологическая установка возможна тогда, когда в обществе достаточно сильны патриотические настроения, что особенно характерно для периодов освободительной борьбы, национального подъема и аналогичных. Важную роль может играть, как в Исландии, сложившаяся традиция недопущения прямых заимствований в язык.

Естественно, что отношение к иноязычным заимствованиям в каком-либо обществе может со временем изменяться. Так, в современном немецком языке употребляется значительное количество иностранных слов типа *Inter-City-Zug* ‘экспресс (останавливающийся только в крупных городах)’, *Walkman* ‘портативный кассетный проигрыватель с наушниками’ и т. п.

Второе условие — это хорошее качество слов-заменителей. Хотя об этом написано много, строго говоря, четких критериев здесь в общем нет. Конечно, громоздкие заменители с неубедительной внутренней формой имеют мало шансов привиться. Примерами подобных неудачных заменителей могут служить сконструированные Ф. фон Цезеном слова и даже словосочетания вроде *Tageleuchter*, букв. ‘дневной осветитель’, вместо *Fenster* ‘окно’, или *Zeugemutter aller Dinge*, букв. ‘праматерь всех вещей’, вместо *Natur* ‘природа’. Вместе с тем сравнение тех предложенных Й. Г. Кампе заменителей, которые получили права гражданства, например *Haft* вместо *Arrest* ‘арест’, *Umschlag* вместо *Kuvert* ‘конверт’, *Stufe* вместо *Grad* ‘степень, ступень’, с теми, которые не привились, например *Erzvatер* вместо *Patriarch* ‘патриарх’, *Anderswo*, букв. ‘в другом месте’, вместо *Alibi* ‘алиби’ (первонач. лат. ‘в другом месте’), *Gevierte* вместо *Quadrat* ‘квадрат’, не всегда приводит к выводу о неудачности последних, хотя их и называют «корявыми», «безобразными», «грубыми». Представляется, что подобные оценки часто возникают уже впоследствии, когда слово-заменитель по не вполне ясным причинам не вошло в язык, и выдвигаются в качестве объяснения этого факта. С нашей точки зрения, слово *Stelldichein* ‘свидание’ (букв. ‘явись’), укоренившееся в немецком языке и вытеснившее бытовавшее ранее французское заимствование *Rendez-vous*, ничуть не лучше отвергнутого языком *Anderswo*; с точки зрения громоздкости и/или странности внутренней формы, на наш взгляд, не слишком удачны и такие вошедшие в употребление пуристические замены, как *Bürgersteig* ‘тротуар’

(Bürger ‘горожанин’, Steig ‘дорожка’), Fahrstuhl ‘лифт’ (fahren ‘ехать’, Stuhl ‘стул’), Kraftwagen ‘автомобиль’ (Kraft ‘сила’, Wagen ‘повозка’), Mundart ‘диалект’ (Mund ‘рот’, Art ‘вид’), Springbrunnen ‘фонтан’ (springen ‘прыгать’, Brunnen ‘колодец’) и многие другие.

В оценке пуризма как явления немало субъективности и нечеткости. С одной стороны, всеми признается, что не следует без нужды засорять язык иностранными словами (на кальки внимания обращается мало), с другой — утверждается, что в замене иноязычных слов не следует заходить слишком далеко. Однако никаких количественных критериев при этом, естественно, не выдвигается, и они едва ли возможны. Не является критерием и важность («частотность») понятия: казалось бы, наиболее важные понятия не должны обозначаться иноязычными словами, но это не так, что может быть проиллюстрировано обозначением понятия ‘газета’: ср., с одной стороны, заимствования — нид. *krant*, фриз. *krante*, афр. *krant* (сокращенная форма слова *courant*, восходящего к возникшему в XVI в. сочетанию *courante nouvelles* ‘текущие новости’ из фр. *nouvelles courantes*), норв., датск. *avis* (от фр. *avis* ‘сообщение’), с другой стороны, — нем. *Zeitung*, шв. *tidning*, ид. *caitung*, исл., фар. *dagblað*, англ. *newspaper*. О сомнительном качестве некоторых укоренившихся слов-заменителей говорилось выше. Таким образом, приходится признать, что, по крайней мере, иногда судьба того или иного заимствования — останется ли оно в языке или будет вытеснено словом-заменителем — определяется не поддающимися учету случайными факторами.

2.5. Социолингвистическая типология.

2.5.0. Социолингвистические характеристики любого языка, в общем, уникальны. По этой причине всякая социолингвистическая классификация является некоторым огрублением реального положения.

2.5.1. Самая естественная и, на первый взгляд, тривиальная классификация СГЯ с демографической точки зрения — по числу говорящих. Очевидно, что для того, чтобы язык мог полноценно функционировать в качестве литературного, говорящие на нем должны составлять количественно некую «необходимую массу», без чего, в частности, невозможно организовать все ступени народного образования, издавать самокупающуюся периодику и прочую литературу, осуществлять телевизионные передачи и т. д. В этом отношении показательны Исландия и Фарерские о-ва. В Исландии с ее 300-тысячным населением есть все ступени образования вплоть до университета (правда, количество специальностей ограничено), издается богатая периодика, выходит несколько сотен названий книг в год, работает телевидение и т. д. Иное положение на Фарерских о-вах, население которых составляет всего 45 тыс. человек. Хотя здесь издается не-

сколько газет, которые публикуют материалы только на фарерском языке, и в год выпускается около сотни названий книг, фаререц — по крайней мере, образованный — больше читает по-датски (датский язык изучается с 3-го класса, и практически все фарерцы двуязычны). В старших классах школы используются датские учебники, развлекательная литература приходит на датском, в «Научном центре» (\approx университете) обучается 60–70 студентов и т. д. Одним из следствий такого положения является недостаточная разработанность фарерской научно-технической терминологии (см. 1.2.4.6).

Однако, разумеется, само по себе количество говорящих еще не определяет разнообразия сфер функционирования языка. Важнейший фактор — это то, является ли данный язык единственным языком определенного социума или нет, и каков сам статус этого социума. Так, число фризов (в Нидерландах) значительно превышает число исландцев, но, тем не менее, роль фризского языка за пределами сферы устного общения достаточно скромна: например, 79% фризов никогда не имеют на работе дела с фризскими текстами, 66% фризов никогда не покупают фризских книг, языком преподавания в школах (за исключением части 1–2-х классов в некоторых школах) является нидерландский и т. д. Существенно, что фризы составляют менее 3% всего населения Нидерландов, а для социального продвижения индивида, естественно, необходимо уверенное владение основным языком страны, в данном случае нидерландским. Фризы же — народ, игравший и играющий заметную роль в политической, научной и культурной жизни Нидерландов. До некоторой степени сходно положение шведского — одного из двух государственных языков — в Финляндии, на котором сейчас говорит около 6% населения страны (ср. 14,3% в 1880 г.). Характерно, что по «оптимистическому» прогнозу количество лиц с родным шведским языком должно уменьшиться на 7%, по «пессимистическому» — на 27%, т. е. будет продолжать сокращаться⁴¹.

Следующий важный демографический фактор, определяющий статус языка в социуме, где главным является другой язык, — это плотность, точнее, компактность проживания носителей данного языка, что, в частности, определяет возможность создания автономных единиц, организации преподавания на языке и т. д. Не случайно, например, количество лиц среднего и младшего возраста, для которых идиш родной язык, сейчас мало; впрочем, в этом случае решающим фактором во многих странах является не распыленность, а сознательная языковая ассимиляция.

Еще одним существенным фактором, определяющим развитие языка, на котором говорит небольшое число людей, является степень билингвиз-

⁴¹ De nordiske språkernes framtid. Lund, 1977. S. 58–80.

ма, точнее, не-монолингвизма говорящих, что, конечно, является следствием статуса данного языка. Так, мы видели, что практически все нидерландские фризы и почти все фарерцы — билингвы; это относится и к подавляющей массе носителей идиша в разных странах. Можно утверждать, что в неизбежной для данной ситуации коллизии между естественным желанием способствовать сохранению родного языка, в частности дать своим детям языковую подготовку в школе, и столь же естественным желанием вооружить их знанием языка, открывающим путь к социальному продвижению, верх одерживает последнее. Явление это, конечно, глобальное, характерное для малых народов в самых разных странах. Овладение более престижным, а главное, более перспективным языком, разумеется, ограничивает сферы применения родного. Исключением являются редкие случаи сознательного культивирования «своего» языка, как, например, обстоит дело с «новонорвежским» (кстати, почти ни для кого не являющегося родным: пользующиеся им говорят обычно в семье на диалекте). Конечно, степень билингвизма, или диглоссии, бывает разной (и, отметим попутно, не столь уж часто стопроцентной по всем параметрам): например, в немецкоязычной Швейцарии, где, как правило, говорят на диалектах, а пишут на литературном немецком языке, средний индивид говорит на литературном языке скованно, часто с ошибками и старается избежать этого (см. 1.1.3.9). Еще более показателен пример Люксембурга. Родной язык населения — люксембургский, или летцебургский (немецкий диалект мозельско-франкской группы), а официальные языки страны — немецкий (литературный) и французский, так что все люксембуржцы, по крайней мере теоретически, трилингвы (о распределении сфер использования этих трех языков см. 1.1.3.10).

2.5.2. С точки зрения функционирования СГЯ, их социолингвистического статуса, можно выделить восемь основных типов. В основу этого членения положена классификация функций идиомов В. Г. Гака⁴², восходящая к классификации Д. Брозовича⁴³, однако видоизмененная и детализированная. При этом следует иметь в виду, что а) в чистом виде эти функции встречаются редко, поскольку обычно к основной функции присоединяются некоторые дополнительные, б) каждый последующий тип включает в себя функции предыдущего.

Тип 1 — функция бытового (неофициального) общения. Собственно языков среди германской группы, принадлежащих к этому типу, видимо, нет. Такая функция характерна лишь для территориальных диалектов или

⁴² Г а к В. Г. Проблема соотношения между родственными языками в функциональном аспекте // Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев, 1976. С. 31–38.

⁴³ Б р о з о в и ч Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод // Вопросы языкознания. 1967. № 1. С. 3–33.

креольских языков, в данной работе не рассматриваемых. Сказанное, разумеется, не исключает спорадического использования диалекта в публичных выступлениях, на радио или по телевидению, публикации текстов (вплоть до книг) на диалекте и т. д. Например, в Северной Норвегии, в Холугаланне, работает театр, где спектакли идут на диалекте (даже ибсеновский «Пер Гюнт» был поставлен в переводе на диалект). Сходно было положение нижненемецкого в ФРГ (см. 1.1.3.7).

Тип 2 — функция официального устного общения. Широко выполняется люксембургским и швейцарско-немецкими диалектами. Характерно, что для обоих названных идиомов нет социальных ограничений и престиж их даже выше литературного немецкого. Эта функция сочетается с функцией ограниченного неофициального письменного общения, куда можно отнести литературу на диалекте, краткие публикации в прессе и т. п.

Тип 3 — функция ограниченного официального — устного и письменного — общения. Характерна для национальной общности, не составляющей какой-либо административной единицы, т. е. для более или менее крупных групп национальных меньшинств, живущих рассеянно в стране.

Тип 4 — функция официального средства общения негосударственно-го, но административно выделенного социума — автономной области, провинции и т. п. Как правило, носители этого типа языков — билингвы, а сам их язык испытывает влияние государственного. К этому типу относятся языки фризский и фарерский.

Тип 5 — функция одного из государственных (официальных) языков страны. Таковы функции нидерландского в Бельгии, африкаанс в ЮАР, немецкого в Швейцарии и Люксембурге и др. Особый случай — букмол и «новонорвежский», результат исключительного развития языковой ситуации в Норвегии, см. 1.2.3.2.

Тип 6 — функция официального языка одной и только одной страны. Таких СГЯ всего два — датский и исландский.

Тип 7 — функция официального языка более чем одной страны. Возможны два варианта такой функции. Во-первых, язык может быть единственным государственным (официальным) языком двух и более стран (как, например, испанский в Испании и ряде стран Латинской Америки). Таких языков среди СГЯ нет. Во-вторых, он может быть единственным государственным (официальным) языком одной или нескольких стран и одновременно одним из двух или более государственных (официальных) языков в другой стране или других странах. Так, английский — единственный государственный язык в Англии, США, Австралии, Новой Зеландии и т. д. и в то же время один из государственных языков в Канаде, ЮАР, ряде бывших английских колоний и др. Немецкий — единственный государственный язык в ФРГ и Австрии, но также один из государственных языков

Швейцарии и Люксембурга. Сходно положение шведского и нидерландского языков. Как явствует из сказанного, этот тип языков включает в себя и те СГЯ, которые были отнесены к типу 5.

Тип 8 — функция языка международного общения. Характерна для английского и, теперь в меньшей степени, немецкого.

2.5.3. Следующая социолингвистическая классификация языков — с точки зрения степени их нормированности. Большинство СГЯ характеризуются четкой кодифицированностью, закрепленной нормой. Таковы английский (с несколькими вариантами нормы), немецкий (то же), шведский (в двух вариантах), датский, исландский, фарерский, африкаанс, нидерландский в Нидерландах, фризский. С остающимися языками и вариантами дело обстоит сложнее. Нормализаторы нидерландского языка в Бельгии выступают за сохранение некоторой фламандской специфики, но четкой программы — за исключением стремления сохранить особенности произношения и трехродовую систему существительного — у них нет. Нет единой четкой нормы у идиша в его разных региональных вариантах: так, идиш в России в ряде отношений, прежде всего в лексике, отличен от идиша, например, в США. Совершенно особое положение у норвежского языка: основной его вариант — букмол — после так называемых «Изменений в орфографии и норме для учебников» 1981 г. стал столь многовариантен, приобрел такой спектр альтернативных форм, что удалился даже от подобия нормы больше, чем когда-либо раньше⁴⁴.

2.5.4. Наконец, возможна еще одна классификация СГЯ — с точки зрения их будущего. Большинство их развивается так, что количество говорящих на них растет. Обратное развитие отмечается для нижеследующих языков (их можно назвать «минус-языками») и их вариантов.

Сопоставление результатов двух социолингвистических обследований во Фрисландии показывает, что количество лиц с родным фризским языком несколько сократилось, ср. данные 1980 г. (в скобках данные 1967 г.): в быту фризским пользуются 59% населения провинции (71%), из них в городах — 41% (49%), в сельской местности — 71% (81%). Характерно, что к 11 годам 98% жителей Фрисландии умеет говорить по-нидерландски. Впрочем, на статистических данных отразился также рост не-фризского населения в провинции. Тем не менее тенденция к отступлению фризского языка явная (существует даже фризское обозначение этого процесса — *ûntfrysking*, букв. ‘дефризация, обесфризование’). Думается, однако, что не следует и переоценивать роль этой тенденции, поскольку есть факторы, прежде всего социально-психологического характера, сдерживаю-

⁴⁴ Берков В. П. Новый этап в норвежском языковом движении // Скандинавская филология. Л., 1985. Т. IV. С. 22–31.

шие ее проявления. В двух других районах бытования фризского языка процесс этот идет интенсивнее: на восточно-фризском сейчас говорит около 1 тыс. человек, на северо-фризском — около 8 тыс. (для начала 1940-х годов эти цифры были соответственно 3 тыс. и 18 тыс.).

Сокращается число говорящих на идише.

Явственно прослеживается тенденция к сокращению количества говорящих по-шведски в Финляндии: за 100 лет их число сократилось более чем в 2,5 раза. Однако до полного его исчезновения далеко, и перспективы развития неясны. Думается, в силу ряда факторов произойдет определенная стабилизация.

Несколько парадоксально стабилизировалось положение «новонорвежского». Количество учащихся с первым языком преподавания «новонорвежским» (единственный показатель, приводимый в статистических ежегодниках) после длительного снижения с 1976 г. удерживается на уровне 16–16,5%. Такое положение определяется как некоторыми административно-политическими, так и социально-психологическими моментами.

Быстро убывает количество переселенцев, говорящих на родном языке. Если в 1910 г. в США суммарный тираж периодики на трех скандинавских языках составлял 922 тыс. экземпляров, то к 1960 г. он снизился до 120 тыс., т. е. более чем в 7,5 раз. Обычно к третьему поколению родной язык переселенцев утрачивается. По прогнозу, в начале XXI в. в США и Канаде скандинавские языки исчезнут в быту.

Таким образом, социолингвистические характеристики языка определяются целым рядом факторов — демографических, социальных, политических, исторических, географических и социально-психологических.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Читатель познакомился с 11 живыми литературными германскими языками и их характерными чертами. Перед ним открылась крайне неоднородная картина: языки эти во многом весьма существенно отличаются друг от друга — по своему звуковому инвентарю и супraseгментным характеристикам, по грамматическому строю, по особенностям функционирования в обществе. Это было показано во второй части книги.

Однако у языков, которые в конечном счете восходят к одному общему источнику, в данном случае — к германскому языку-основе, или к прагерманскому, должно быть нечто общее, некий инвариант, т. е. черты, присутствующие в каждом из них. Такой инвариант у СГЯ есть, но довольно скромный.

Всего отчетливее общность СГЯ проявляется в лексике. При всех многочисленных отличиях у отдельных языков от общегерманского словарно-

го фонда множество понятий в каждом из них обозначается лексемами, восходящими к изначально одной единице, хотя, разумеется, немало отклонений в значениях, и звуковые оболочки этимологически тождественных лексем могут существенно различаться из-за особенностей их звукового развития; ср., например, лексемы ‘хлеб’ и ‘идти’ в СГЯ: англ. bread, go, фриз. brea, gean, нем. Brot, gehen, нид., афр. brood, gaan, ид. broit, gein, датск., норв. brød, gå, шв. bröd, gå, исл. brauð, ganga, фар. breyð, ganga. Однако весьма важно то, что основная масса слов служебных (большинство вспомогательных глаголов, предлогов, союзов и т. д.) и заместительных (личные, притяжательные, указательные и другие местоимения) СГЯ этимологически тождественны.

Менее отчетливо просматривается общность современных германских языков в области грамматики.

Особенно велики различия в отношении морфологии. Это проявляется как в инвентаре грамматических категорий и грамем (членов грамматической категории), очень богатом у одних языков (например, у исландского) и очень бедном у других (например, у африкаанс), так и в звуковом составе показателей этих категорий и грамем. Тем не менее и здесь можно выделить некоторые черты, свойственные всем СГЯ, а также черты, характерные для большей их части.

Общим для всех СГЯ является набор частей речи. Во всех них имя четко делится на существительное и прилагательное, во всех них есть артикль, причем и определенный и неопределенный (последнего нет в исландском). В области глагола у всех них помимо презенса, видимо характерного для основной массы языков мира, есть минимум две общие черты. Футурум во всех СГЯ образуется сочетанием вспомогательного глагола (у большинства модального или альтернативного из двух модальных) и инфинитива I. Во всех литературных СГЯ есть перфект, который является либо одним из (трех) прошедших времен, либо единственным. У числительного порядковые во всех СГЯ формально противопоставлены количественным. Для всех СГЯ характерна довольно дифференцированная система местоимений.

В отношении синтаксиса также можно отметить несколько общих черт. Все СГЯ, как, впрочем, все современные индоевропейские языки, — языки номинативного строя. Все они характеризуются сравнительно регламентированным порядком слов. Всем им, за исключением английского, свойственно положение личной формы глагола на втором месте в главном повествовательном предложении, кроме крайне немногочисленных случаев. Почти все литературные СГЯ мононегативны.

При всем значительном разнообразии звуковых систем СГЯ у них есть некоторые общие черты. Общность эта состоит прежде всего в структуре

слога. Передняя периферия слога лишь в крайне немногочисленных случаях превышает три фонемы, что вообще характерно для языков мира, а большинство трехфонемных передних периферий составляют сочетания *s/š* + глухой смычный + сонант: **str/štr**, **spr/špr**, **skr**, **skl**. Задняя периферия слога тоже сравнительно редко в нефлектированных формах превышает три фонемы, что также типично для языков мира.

Для всех СГЯ, если оставить в стороне идиш, вообще в ряде отношений отклоняющийся от них, характерно наличие фонематически противопоставленных кратких и долгих гласных. В целом СГЯ несвойственны равновесные и, в общем, восходящие дифтонги. Безусловно преобладает динамическое ударение, тонемы (два типа) характерны лишь для шведского и норвежского.

Роль СГЯ в нынешнем мире различна. Ведущее место принадлежит английскому, который в настоящее время — также важнейший язык международного общения.

НОВОЕ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

Общая тема «новое в норвежском языке» охватывает ряд частных вопросов: изменения в социалингвистической ситуации, изменения в узусе, изменения в звуковом строе языка, изменения в грамматике и изменения в лексике. Они будут рассмотрены порознь.

1. Изменение социалингвистической ситуации.

1.1. Социалингвистическая ситуация каждого языка, в общем, уникальна. Языковая ситуация в Норвегии особо специфична. Чтобы понять ее, необходим хотя бы краткий экскурс в историю; он, естественно, будет несколько упрощенным и схематизированным.

В XVI в. Норвегия подпадает под власть Дании, и норвежский язык постепенно вытесняется датским из всех официальных сфер. Такое положение сохраняется до начала XX столетия.

1. Датский язык, хотя и близок к норвежскому, отличается от него в ряде отношений. Особенно велики различия между этими языками в области фонетики. Показательно, что современный норвежец, не имеющий достаточно большого опыта общения с датчанами, понимает датскую устную речь плохо, а иногда и вовсе не понимает. Чтение же датских текстов практически не представляет для норвежца никаких трудностей.

2. Датский язык был в Норвегии языком официальным. Широкие массы (прежде всего крестьянство, составлявшее в XIX в. до 90% населения) говорили на диалектах, развившихся из древненорвежских.

3. Этот датский язык в Норвегии, особенно в устном варианте — даже лиц образованных, характеризовался рядом черт, существенно отличавшим его от норм литературного датского. Наиболее значительные отличия были в фонетике, но они имелись также в грамматике (в морфологии и синтаксисе) и, естественно, в лексике. Даже в произведениях Людвиг Хольберга (1684–1754), норвежца по происхождению, ставшего впоследствии классиком датской (как, впрочем, и норвежской) литературы, профессором и ректором Копенгагенского университета, насчитывается множество так называемых норвегизмов (специфически норвежских черт), особенно в ранних произведениях; по свидетельству современников, он до конца жизни так и не освоил датской фонетики. Язык, которым пользовались в своих произведениях Ибсен, Хьелланн, Ли и другие виднейшие писатели XIX в., называли датско-норвежским (dansk-norsk).

Между тем политической основы датского языка в Норвегии не стало, когда Норвегия в 1814 г. из датской провинции превратилась в самостоятельное государство, правда, находившееся в унии со Швецией. Естественно, встал вопрос о собственном национальном языке. Теоретически были возможны два пути:

- 1) «норвегизация» используемого варианта датского языка;
- 2) создание принципиально нового варианта языка на основе норвежских диалектов.

Опуская подробности, отметим, что были использованы оба пути, что и привело к языковой ситуации, не имеющей параллели в мире.

В результате действий сторонников первого пути — но лишь в XX в. — при помощи орфографических реформ был создан основной вариант норвежского языка — риксмол (riksmål); с 1929 г. официальное название его — букмол (bokmål).

В середине XIX в. талантливый филолог-самоучка Ивар Осен (Ivar Aasen, 1813–1896) синтезировал на основе различных диалектов вариант норвежского языка, названный им ланнсмол (landsmål); при этом Осен отдавал предпочтение архаичным формам. В силу ряда социальных и политических причин ланнсмол получил к концу века относительно широкое распространение. С 1929 г. официальное название этого варианта норвежского языка — «новонорвежский» (nynorsk)¹.

Как упомянуто выше, было проведено несколько орфографических реформ, в результате которых риксмол/букмол стал более или менее адекватно отражать норвежское произношение, ср. датск. gribe ‘хватать’, gade ‘улица’, bog ‘книга’, tak ‘спасибо’, ø ‘остров’, sten ‘камень’ и совр. норв. gripe, gate, bok, takk, øy, stein. Однако реформаторы этим не ограничились. Был введен ряд форм — сначала в качестве факультативных, т. е. параллельных к «традиционным», превращенных затем реформой 1938 г. в обязательные. Последнее требует комментария.

Одной из основных таких форм, которые были легализованы реформой 1917 г., был особый показатель ж. рода — суффицированный артикль -а, например dør ‘дверь’ — døra, bok ‘книга’ — boka. В датском языке только два грамматических рода — общ. (в который слились бывшие м. и ж.) и ср.; то же было характерно для датско-норвежского. Специфическая форма ж. рода была — и в значительной мере остается — формой разговорной и у ряда лексем даже просторечной. Чтобы русскому читателю было более понятно, о чем идет речь, приведем аналогию (хотя, как из-

¹ Названия *букмол* (букв. ‘книжный язык’) и *«новонорвежский»*, конечно, никак не отражают сути явлений. Букмол — совсем не только язык письменных текстов, как раз «новонорвежский» — книжный язык, поскольку на нем пишут те, кто в подавляющем большинстве вне официальной среды говорит на диалекте.

вестно, все сравнения приблизительны). Реакция образованных слоев норвежского населения на формы ж. рода была примерно такой, как мы бы реагировали на официальную и потому обязательную замену форм *ego, eë, ix* в функции притяжательного местоимения на «народные», «демократические», «исконно русские» и т. п. формы *евонный, ейный, ихний*, а формы *класть, начать* на *лôжить, нáчать*; при этом были бы допущены как факультативные формы *таперича, пуццай, мага́зин, сосиськи, у ей, с им, к мамы, у маме* и т. п. Реформой 1938 г. был дан список на 900 с лишним слов, которые обязательно следовало употреблять с артиклем ж. рода, и еще более сотни слов, где он был факультативен (т. е. допускался артикль м. — по существу общ. — рода). Многим школьникам (да и учителям) пришлось зубрить наизусть эти списки, поскольку ни сами они, ни в их семье так не говорили. Реформа затронула и ряд других грамматических показателей, и фонемный состав многих слов. Нереалистичная языковая реформа, не отражавшая речевой практики образованных, наиболее авторитетных слоев населения, вызвала резкую ответную реакцию, выразившуюся прежде всего в том, что эти правила сразу же стали игнорироваться большинством пишущих. В частности, ни одна газета (!) той поры не соблюдала ее в полной мере. Так произошло, на наш взгляд, **самое роковое в норвежской языковой политике — утрата народом уважения к официальной языковой норме**. Укоренилось мнение, что норму эту можно игнорировать.

Реформаторы 1938 г. преследовали в принципе благую цель: сблизить букмол с «новоно́рвежским» для того, чтобы постепенно оба эти варианта слились в единый «общенорвежский». Однако, как показал поучительный опыт Норвегии, такие волевые языковые реформы, «языковое планирование», какими бы благородными ни были мотивы реформаторов, терпят неудачу. Еще один факт. В 1951 г. был официально введен так называемый новый способ счета, при котором десятки предшествуют единицам (как в русском или английском) вместо старого, при котором порядок обратный (как в немецком). Прошло более полувека. Примерно половина норвежцев пользуется новым способом счета, а половина — старым, например одни обозначают число ‘83’ как *åttitre*, другие — как *treogåtti* (ог ‘и’). Нет нужды говорить о том, как это неудобно².

Реформаторы хотели сделать языковую норму «демократией для всех». Но норма — это всегда известное принуждение, она по определению не может быть полностью демократичной. Не учитывали они и того важного момента, что человек не хочет, да и не может резко менять свою языковую практику.

² Askedal J. O. Den «gamle» og den «nye tellemåten» // Ordet. 1997. Nr. 3. S. 29–31; Lauritsen V. Den nye teljemåten — meir forvirring? // Språknytt. 1996. Nr. 3. S. 5–7.

Более успешным было реформирование «новонорвежского». Архаичный осеновский вариант был сильно модернизирован, в значительной степени переориентирован на восточно-норвежские диалекты.

В 1981 г. были приняты «Изменения в орфографии и норме школьных учебников». Они означали, по сути дела, капитуляцию реформаторов букмола. Почти все «радикальные» и «традиционные» формы — это касается прежде всего грамматических показателей, но во многих случаях и фонемного состава слова — уравнины теперь в правах. Например, лексема 'рука (запястье)' (ср. англ. hand, нем. Hand и др.) имеет теперь два варианта: hånd и hand, каждый из которых можно употреблять как с артиклем мужского, так и с артиклем ж. рода, т. е. официально допустимы 4 (!) формы — hånden, hånda, handa и handen (последняя, правда, не должна использоваться в учебниках); ср. «традиционный» букмол — только hånden, «традиционный» «новонорвежский» — только handa.

1.2. Нынешняя языковая ситуация в Норвегии характеризуется следующими чертами.

Неравномерное соотношение букмола и «новонорвежского». Букмолем пользуются более 83% норвежцев, «новонорвежским», следовательно, менее 17%. Последний всего больше представлен на западе страны. Более 90% печатной продукции выходит на букмоле. В школе обучение ведется на одном из вариантов — по желанию большинства родителей учеников данного класса, а это, как понятно, предполагает, что каждый школьный учитель может преподавать как на букмоле, так и на «новонорвежском». Другой вариант также преподается в обязательном порядке, но ученики, обучающиеся на букмоле, овладевают «новонорвежским», как правило, лишь пассивно. На радио и телевидении 25% времени вещание должно вестись на «новонорвежском». Все законы, официальные распоряжения и т. п. издаются в двух вариантах. По действующим правилам лицу, обращающемуся в официальные инстанции, положено отвечать на том варианте, которым это лицо пользуется.

Норма как букмола, так и «новонорвежского» сейчас настолько многовариантна, что, в сущности, может считаться нормой с очень большой натяжкой. Характерно, что в последнем издании орфографического словаря букмола³, в котором зафиксирована официальная норма, не содержится никаких рекомендаций, а различные показатели (суффиксированный артикль, т. е. указание на род существительного, суффиксы претерита и причастия II и т. п.) приведены при лемме в алфавитном порядке, например «**botte**, 'ведро' -a el. ('или') -n», «**dronning**, 'королева' -a el. -en»; меж-

³ Tanums store rettskrivningsordbok: Bokmål. 9. utg. / Revidert av Boye Wangensteen. Oslo, 2005.

ду тем около 80% жителей Осло употребляет разговорное слово *bøtte* с артиклем *-a* (*bøtta*), а 95% слово *dronning* с артиклем *-en* (*dronningen*); слабые глаголы I класса снабжены в этом словаре показателями *-a/-et*, *-a/-et* (суффиксы претерита и причастия II), хотя с книжными глаголами их использует едва ли 5% жителей Осло. Нынешняя установка нормализаторов, стремящихся к «языковому миру», — ничего не навязывать, разрешать (почти) все мыслимые формы.

Все большая роль диалектов. Их использование на радио и телевидении приобретает все более широкие масштабы и, в сущности, поощряется. Это имеет, естественно, как положительные, так и отрицательные стороны. Позитивное состоит, в частности, в том, что благодаря этому норвежец с детства знакомится с разными диалектами (а диалектные различия в Норвегии весьма значительны), учится их понимать. Негативным является еще больший разнобой в речи, расшатывание и без того крайне нечеткой нормы.

2. Изменения в узусе.

2.1. Все названные выше факты привели к несомненной демократизации букмола — если под демократизацией языка понимать использование в официальных ситуациях общения форм, еще сравнительно недавно считавшихся нелитературными, разговорными, просторечными и даже вульгарными. Процесс языковой демократизации затронул, например, даже такую традиционную цитадель консервативного риксмолла⁴, как газета «*Aftenposten*».

Впрочем, как отмечают наиболее здравомыслящие норвежские лингвисты, неясно, является ли эта демократизация букмола следствием долгих усилий нормализаторов, либо же она вызвана общей демократизацией норвежского общества. Скорее всего, верна последняя точка зрения.

Демократизация языка проявляется в нескольких чертах современного языкового узуса.

Прежде всего это постепенное превращение разговорных фонетических и грамматических форм в нейтральные и потому употребительные в официальной речи. Об этом будет сказано ниже в соответствующих разделах.

Далее, она проявляется в нескольких процессах, особенно в двух, на первый взгляд, взаимоисключающих, характеризуемых проф. Э. Люндебу в его интересной работе⁵, интимизацией и брутализацией речи; ниже будут широко использованы результаты этой статьи.

⁴ Термин *риксмол*, как сказано выше, в настоящее время не является официальным. Однако так называют консервативный вариант букмола его приверженцы.

⁵ L u n d e b u E. Intimisering og brutalisering // *Maal og Minne*. 1995. Nr. 1–2. S. 35–44.

2.2. Интимизация (термин был в свое время предложен шведским лингвистом У. Телеманом) находит свое выражение в ряде черт современной норвежской речи.

1. Почти полное вытеснение «вежливого» местоимения De [di:] ‘вы’ (в обращении к одному лицу) местоимением du [du:] ‘ты’. «На ты» теперь обращаются друг к другу незнакомые люди на улице, продавец и покупатель, врач и пациент, студент и профессор, директор и рабочий и т. д. Даже старшее поколение в целом перешло на эту форму обращения.

Характерно, что «вежливое» местоимение De уже давно не используется в обращении к нескольким лицам, его полностью вытеснило местоимение dere. Таким образом, во мн. числе давно нет различия «вежливого» и «невежливого» обращения (как, кстати, нет его и в русском).

2. Широкое использование личных имен в обращении, особенно среди коллег. Это сравнительно недавнее явление: еще лет десять назад наиболее распространенным, нейтральным было обращение по фамилии, например du Olsen ‘ты, Ульсен’, du Berg ‘ты, Берг’.

3. Более интимными, точнее — менее официальными стали в основном формы приветствия. Традиционные god dag ‘добрый день’, god kveld ‘добрый вечер’, på gjensyn ‘до свидания’ и аналогичные употребляются молодым поколением все реже и все больше вытесняются фамильярными hei ‘привет; пока’ (из шведского), ha det — букв. ‘имей это’ (< ha det bra — букв. ‘имей это хорошо’, т. е. ‘всего хорошего’), ≈ ‘будь; всего’. Произносимое при прощании ha det все чаще заменяет даже довольно фамильярное morg’a ‘пока’⁶.

4. Значительно сузился репертуар «формул вежливости». Так, для смягчения побуждения сейчас используются фактически только несколько вариантов значения ‘пожалуйста’: vær så snill, ...er du snill, ...takk букв. ‘спасибо’. Впрочем, это явление интернациональное, ср. вышедшие или выходящие из употребления русские формулы типа *не откажите в любезности...*, *соблаговолите...*, *позвольте попросить вас...*, *не сочтите за труд...* и аналогичные, используемые, правда, порой шутливо, как и их норвежские аналоги.

5. Практически не употребляются в обращении к одному лицу слова типа ærede ‘уважаемый’. Слово høystærede ‘глубокоуважаемый’ вообще используется только иронически или шутливо. В заключении письма формулы типа *с уважением*, *с глубоким уважением* полностью заменены формулами (med) (vennlig) hilsen ‘с (дружеским) приветом’ (и даже сокращение mvh.).

6. Все больше выходят из употребления традиционно использовавшиеся перед фамилиями слова herr ‘господин’, fru ‘госпожа’, frøken ‘барыш-

⁶ Lundebye E. Op. cit. С. 39–40.

ня, мадемуазель' (обращение к незамужней). Кстати, слово *frøken* приобрело специфическое значение — 'учительница младших классов' (независимо от того, замужем она или нет), ставшее теперь наиболее частотным.

2.3. Широкое распространение получило использование эвфемизмов. Оно особенно характерно в двух сферах.

Во-первых, эвфемистические замены используются при обозначении малопрестижных профессий или должностей, ср. (слева от стрелки приводится старое название): *skurekone* 'поломойка', *vaskekone* 'уборщица' → *rengjøringsassistent* букв. 'ассистент по уборке', *søppelkjører* 'мусорщик' → *genovasjonsarbeider* букв. 'рабочий по очистке' и т. п.⁷

Во-вторых, эвфемизмы употребляются вместо слишком прямых и потому «обидных», «ранящих» наименований, ср. *gamlehjem* — букв. 'дом для старых', т. е. 'дом для престарелых' → *aldersheim* — букв. 'возрастной дом', т. е. 'дом для лиц, достигших определенного возраста' (*heim* — более новая форма для *hjem*), *eldresenter* 'центр для пожилых' и т. п.⁸ О человеке с отклонениями в психике говорят, что у него *nerveproblemer* 'проблемы с нервами'. Некоторые из подобных эвфемизмов как бы снимают с обозначаемого ими лица ответственность за его предосудительное поведение или состояние и представляют его жертвой некой внешней силы. Так, слово *alkoholiker* 'алкоголик', которое приобрело резко отрицательную коннотацию, нередко заменяется словом *alkoholskadd* букв. 'поврежденный алкоголем', т. е. ≈ 'жертва алкоголя'; ср. также замену *ungdomsforbrytere* 'молодые преступники' → *miljøskadd ungdom* 'молодежь — жертва среды'⁹. Э. Лундeby называет такое употребление эвфемизмов гуманизацией речи.

2.4. Близко к описанным явлениям и приобретенное в последние годы стремление к речевому укрощательству.

Во-первых, оно проявляется в использовании модных и новых слов как более престижных. Они употребляются говорящим для демонстрации собственной «образованности» или при желании придать более «звучное» название чему-либо, особенно магазину, предприятию и т. п. Последнее можно проиллюстрировать следующим примером из современной норвежской прозы: *Det fantes ikke engang vanlige frisører, nå var det hårolog, hårotek og hairport* (Lars Saabye Christensen) — 'Не было даже обычных парикмахерских, теперь они назывались *hårolog* (от *hår* 'волосы', -olog '-олог'), *hårotek* (ср. *bibliotek*, *videotek*, *diskotek*) и *hairport* (англ.)'.

⁷ Берков В. П. Норвежская лексикология. СПб., 1994. С. 137; Берков В. Norsk ordlære. Oslo, 1997. S. 160.

⁸ Lundeby E. Op. cit. S. 40–41.

⁹ Ibid.

Широко употребляются, нередко без необходимости, такие модные иностранные слова, как, например *ambisjøs* ‘амбициозный’, *evaluere* ‘оценивать’, *fasiliteter* ‘удобства (в квартире и т. п.)’, *image* ‘имидж’, *kommunisere* ‘общаться’, *motivasjon* ‘мотивация’, *nisje* ‘ниша’, *polarisering* ‘поляризация’, *relevant* ‘релевантный’, *stigmatisere* ‘клеить; ставить печать неполноценности’ и множество других. Впрочем, модными становятся, разумеется, не только иностранные слова.

Другой тип речевого украшения заключается в гиперболлизации — использовании неадекватно сильных, «потенцированных» слов. Норвежские лингвисты называют это явление *språklig doping* ‘языковой допинг’ (по-датски его называют *sproglig bodybuilding* ‘языковой культуризм’). К числу таких гиперболических слов и словосочетаний относят, например, употребляемые сверх меры, особенно в средствах массовой информации, единицы типа *katastrofe* ‘катастрофа’, *krise* ‘кризис’, *drama* ‘драма’, *tragedie* ‘трагедия’, *massakre* ‘бойня’, *sjokk* ‘шок’, *heltedåd* ‘героический поступок’, *kjempe en desperat kamp* ‘вести отчаянную борьбу’ и т. п.¹⁰ Э. Лундебу относит такое употребление к брутализации речи¹¹ (см. ниже); мы склонны трактовать это несколько иначе.

2.5. Проф. Лундебу отмечает такую черту современной норвежской речи, как феминизация. В борьбе за равноправие норвежские женщины добились больших успехов (в нынешнем норвежском правительстве больше женщин-министров, чем в какой-либо другой стране). Это нашло свое языковое отражение в нескольких аспектах.

1. Замена полусуффикса *-mann* — букв. ‘мужчина’ в названиях должностей на новый полусуффикс *-kvinne* — букв. ‘женщина’ при обозначении женщин, например: женщина пресс-секретарь — *talskvinne* (ср. мужчина — *talsmann*). Однако неологизм *forkvinne* ‘женщина-председатель’ (ср. *formann* — о мужчине) не прижился.

2. Замена слов с полусуффиксом *-mann* на слова, нейтральные в отношении пола, например: *stortingsmann* ‘депутат стортинга (норвежского парламента)’ → *stortingsrepresentant* (*representant* ‘представитель’).

3. Использование одних фамилий (без слов *fru* или *frøken* и/или имени): *Du må snakke med Hansen* ‘Тебе надо поговорить с Хансен’ (имеется в виду женщина Кари Хансен).

4. Феминистки выступают также за то, чтобы местоимение *han* ‘он’ заменялось на словосочетание *han eller hun* ‘он или она’, когда местоимение м. рода относится к множеству людей разного пола. Пример Э. Лундебу: *Sjåføren må sørge for at han til enhver tid har vekslepenger*¹² ‘Шофер

¹⁰ *Svenkerud H. Språklig doping // Språknytt. 1989. Nr. 3. S. 1–4.*

¹¹ *Lundebø E. Op. cit. S. 43–44.*

¹² *Ibid. S. 42.*

(такси) должен заботиться о том, чтобы у него всегда была сдача'. В такого типа предложениях, настаивают феминистки, должно употребляться словочетание *han eller hun* или мн. число: *Sjåføren... han eller hun..., sjåførene... de...* 'Шоферы... они...'.

К этому пересказу наблюдений Э. Лундебю можно добавить любопытный штрих: распространенное выражение *manne seg opp* 'взять себя в руки, набраться мужества' (от *mann*, см. выше) получило параллельный вариант *kvinne seg opp* (от *kvinne*), употребляемый (преимущественно женщинами) о женщинах; это выражение не зарегистрировано даже в самых последних словарях.

2.6. К брутализации современной норвежской речи Э. Лундебю относит следующие явления.

1. Употребление нецензурных слов в официальных выступлениях. Он приводит, в частности, тот же пример, что запомнился автору этой статьи, когда министр экологии несколько лет назад публично назвал своего британского коллегу *говнюком* (*drittsekk*). Не рискую приводить другие примеры из моей коллекции.

Проф. Лундебю выделяет в особую группу слова, являющиеся грубыми наименованиями понятий сексуальной сферы. Видимо, их правомерно отнести к этому же разряду.

2. Чертыханье. Согласно норвежскому речевому этикету, употребление слов типа *чёрт*, *дьявол* и т. п. примерно столь же предосудительно, как употребление нецензурных слов по-русски. Сейчас чертыханье в публичной речи встречается нередко.

3. Изменения в области фонетики.

3.0. Целесообразно различать — и потому рассматривать порознь — изменение фонемного состава ряда типов слов, связанное с «норвегизацией», и изменение инвентаря фонем.

3.1. Здесь нет ни возможности, ни необходимости вдаваться в детали изменения фонемного состава ряда типов слов, связанного с «норвегизацией». Отметим лишь общую тенденцию, заключающуюся в том, что ряд «традиционных» (т. е. общих для датского и норвежского) форм в большей или меньшей степени вытеснен формами специфически норвежскими. Несколько иллюстраций (для *standard østnorsk* — речи образованных слоев населения Восточной Норвегии, прежде всего региона Осло).

1. Монофтонг → дифтонг. Процесс идет медленно и избирательно. Фактически полностью победили только две формы с дифтонгами — *stein* 'камень' и *øy* 'остров' (ср. датск. *sten*, *ø*); нередко встречается вариант *sein* 'поздний' (ср. *sen*). Основная же масса дифтонгических форм, которые в 1981 г. были признаны допустимыми параллельно с монофтонгическими, продолжает оставаться характерной для «радикального» варианта букмо-

ла, например (в скобках приводится распространенный нейтральный вариант): *gaud* ‘красный’ (*rød*), *haust* ‘осень’ (*høst*), *leike* ‘играть’ (*leke*), *løyse* ‘освободить’ (*løse*) и т. п.

2. *v* → *g*. И этот процесс идет медленно и избирательно. По реформе 1981 г. упразднены формы *lave* ‘изготавливать’, *have* ‘сад’, но равно допустимы *mave/mage* ‘живот; желудок’, *krave/krage* ‘воротник’ и др. Однако форма *lave* нередко слышится в речи старшего поколения, а формы *have*, *mave*, *krave* по-прежнему используются довольно многими.

3. *u* [u] → *o* [o]. Несмотря на то, что формы с [o] были легализованы еще реформой 1938 г., ни одна из них не стала единственной. Правда, преобладает вариант *hogge* ‘рубить’ и производные, но форма *hugge* также встречается нередко. Другие (например, *golv* ‘пол’, *dokke* ‘кукла’) остаются характерными для «радикального» варианта букмола.

Конечно, есть немало параллельных форм, различающихся по нескольким характеристикам сразу, например: традиционное *kurv* ‘корзина’ — радикальное *korg*, традиционное *brudd* ‘перелом’ — радикальное *brott* и др.

3.2. Говоря об изменении инвентаря фонем, необходимо сделать предварительное замечание. У норвежского нет единой произносительной нормы, различные региональные варианты считаются равноценными. По этой причине рассмотреть все варианты с точки зрения фонетических изменений невозможно. Ниже будут проанализированы изменения в восточно-норвежском варианте.

1. Еще несколько десятилетий тому назад в речи образованных людей различались фонемы открытое /*oe*:/ и закрытое /*ø*:/, например: *døg* /*dœ*:/ ‘дверь’ и *døg* /*dø*:/ — презенс глагола *dø* ‘умирать’. Теперь фонема /*œ*:/ практически исчезла, слившись с фонемой /*ø*:/.

Объяснение этого явления, видимо, заключается в том, что у данной оппозиции фонем была очень небольшая функциональная нагрузка, поскольку пар с таким противопоставлением фонем в одинаковом контексте практически не было.

2. В разговорной речи (самого) молодого поколения зарегистрирована по всей Норвегии, особенно в городах, замена фонемы /*ç*/ фонемой /*ʃ*¹³, т. е. конвергенция данных фонем. Таким образом, например, слова *kjære* ‘дорогие’ и *skjære* ‘резать’ произносятся детьми и частью молодежи одинаково — [ʃæ:rə]¹⁴. На одном мосту в пригороде Осло несколько лет висел плакат, написанный школьниками фонетически, т. е. с умышленными

¹³ P a r a z i a n E. 1) Skal det være noe vindus-skitt?: Om sammenblanding av sje- og kje-lydene blant barn og ungdom // Språknytt. 1994. Nr. 2. S. 1, 3, 17; 2) Om sje-lyden i norsk, og ombyttinga av den med kje-lyden // Norskrikt. 1994. Nr. 83.

¹⁴ В норвежском языке ударение динамически-тоническое. Тонема 1 обозначается акутом (´) тонема 2 — грависом (˘).

орфографическими ошибками: «Sjør føsiktig» [ˈʃø:r fəˈʃikti] ‘Езди осторожно’ вместо правильного Kjør forsiktig [ˈçø:r fəˈʃikti].

Характерно, что аналогичная конвергенция фонем /ç/ и /ʃ/ уже давно произошла в немецких диалектах Верхней Саксонии, ср. литер. нем. Geschichte [gəˈʃiçtə] ‘история’ и диал. сакс. [gəˈʃiʃtə] В настоящее время подобный процесс наблюдается также в Швеции.

Объяснение этому феномену то же, что и в предыдущем случае. К тому же фонема /ç/ усваивается норвежскими (и шведскими) детьми одной из последних, т. е. является одной из наиболее трудных для артикуляции (некоторые дети не овладевают ею до поступления в школу, т. е. до семилетнего возраста, а 10–15% затрудняются произносить ее до 9-го класса).

3. Еще несколько веков тому назад из древненорвежского сочетания фонем /-rð-/ развился звук, называемый норвежскими фонетистами «толстым Ъ» (tykk Ъ). Фонетически он обозначается как [ɶ] (в нашем «Русско-норвежском словаре»¹⁵ он обозначается с помощью [L]). Этот редко встречающийся в языках звук артикулируется следующим образом: кончик языка поднимается к твердому нёбу, а затем резко опускается вниз. На слух «толстое Ъ» напоминает однораскатное /r/. Впоследствии «толстое Ъ» заменило в ряде позиций обычное /r/, т. е. приобрело достаточно широкую, хотя и специфическую, дистрибуцию.

«Толстое Ъ» распространено только в Восточной Норвегии и Трёнделаге (Средняя Норвегия).

Поскольку в речи жителей названного региона встречаются минимальные пары с оппозицией [ɶ] ~ [l], следует признать этот звук самостоятельной фонемой /ɶ/.

До самого недавнего времени у «толстого Ъ» был весьма своеобразный статус. Этот звук был характерен только для разговорного стиля и просторечия, и стилисты единодушно осуждали его использование в нейтральном — и тем более официальном — стиле. Следует особо подчеркнуть, что такой статус фонемы — явление достаточно редкое. Разумеется, существует корреляция между степенью радикальности формы и употреблением «толстого Ъ». Так, естественно произности [ˈɛlvən] ‘река’ (форма с суффиксированным артиклем общ. рода, см. ниже) и [ˈæɭva] (форма с суффиксированным артиклем ж. рода; /ɛ/, /e:/ перед /ɶ/ расширились в /æ(:)/).

В результате названной выше демократизации современного норвежского языка «толстое Ъ» теперь довольно широко употребляется в речи, также в тех речевых ситуациях, в каких его ранее избегали.

Следует, впрочем, отметить, что «толстое Ъ» и прежде sporadически встречалось в официальной речи, когда говорящий, особенно политиче-

¹⁵ Берков В. П. Большой русско-норвежский словарь. М., 1987; Berkov V. Stor rus-sisk-norsk ordbok. 2. utg. Oslo, 2008.

ский деятель, старался придать своей речи народный характер (у некоторых из них, выходцев из рабочих или крестьянских семей, это, возможно, происходило непреднамеренно: они просто сохраняли свое естественное произношение; определенную аналогию можно усмотреть в окании некоторых русских, образованных и достигших высокой ступени в социальной иерархии, как, к примеру, Максима Горького). Так, весьма популярный в первые послевоенные годы премьер-министр Эйнар Герхардсен, в молодости рабочий коммунального хозяйства, выдвинул нашедший в народе широкий отклик лозунг, который он произнес на ослоском просторечии: [ˈhe:lə ˈfɔlkə i ˈarbə!] = литер. *Hele folket i arbeid!* [ˈhe:lə ˈfɔlkə i ˈarbæi(d)!] — букв. ‘Весь народ в труде!’, т. е. ‘Каждый должен трудиться!’

По нашим наблюдениям, в последнее время «толстое l» звучит — особенно в речи молодежи — значительно чаще.

3.3. Изменение в распространении (факультативного) варианта фонемы. Несколько расширился ареал распространения увулярного /v/, характерного для юго-запада Норвегии¹⁶.

3.4. Изменения в дистрибуции фонем. Еще в начале прошлого столетия произношение [ʃl-] в начале слова считалось нелитературным, а в середине слова просто вульгарным. Сейчас произношение [sl-] в начале слова практически не встречается, ср. *slå* [ʃlɔ:] ‘бить’, *slik* [ʃli:k] ‘такой’. В середине слова произношение исторического -sl- колеблется. В общем, старшее поколение образованных людей произносит [-sl-], например *Oslo* [ˈuslu], тогда как остальные — преимущественно [-ʃl-], например [ˈuʃlu]. Играет роль и характер лексемы. Книжные и нейтральные слова произносятся чаще с [-sl-], разговорные и сниженные — с [-ʃl-], например *veksle* [ˈvekslə] ‘менять’, но *rusle* [ˈrʉʃlə] ‘идти не торопясь’. Однако произношение [-ʃl-] на стыке морфем (*Russland* [ˈrʉʃlan] ‘Россия’, *husleie* [ˈhʉ:ʃlæiə] ‘квартиплата’) и по сей день считается просторечным.

3.5. Изменения в дистрибуции тоном. Заимствования как правило, за исключением некоторых типов, имеют тонему 1. Однако при освоении их они могут приобретать тонему 2. Характерный пример: заимствованное из английского слово *football* ‘футбол’ произносится теперь большинством с тонемой 2.

(Об изменении тоном в сокращениях см. 4.3, п. 3.)

4. Изменения в области грамматики.

4.1. Изменения в морфологии.

1. Важнейшее изменение в этой области — увеличение количества слов, употребляемых со специфическим показателем ж. рода, т. е. суффигиро-

¹⁶ Foldvik A. K. j. Spredning av skarring i Norge i løpet av om lag 70 år // Norsk Lingvistisk Tidsskrift. 1988. Nr. 1–2. S. 55–61.

ванным артиклем -а (см. 1.1.). Если ранее с этим показателем употреблялись преимущественно слова разговорные (типа *jåle* ‘ломака’, *bikkje* ‘пес(ик)’) или обозначающие норвежские реалии либо понятия крестьянского быта (*bygd* ‘селение’, *ku* ‘корова’), то теперь показатель ж. рода употребляется многими (но далеко не всеми!) и в нейтральном стиле, однако не с книжными существительными, генетически относящимися к ж. роду (ср. приведенный в разделе 1.1. пример *bøtta*, но *dronningen*). Характерно, что при этом специфический неопределенный артикль ж. рода (*ei*) употребляется значительно реже, например многие говорят *gata* (форма существительного *gate* ‘улица’ с суффицированным определенным артиклем), но *en* (не *ei*!) *gate* (то же с неопределенным артиклем).

Сходное положение и со специфическими формами ж. рода притяжательных местоимений: в постпозиции они обязательны, если существительное употреблено с артиклем ж. рода (так!), но в препозиции (в этом случае существительное стоит без артикля) большинство использует форму общ./м. рода, например говорят *boka mi* ‘моя книга’, но *min* (не *mi*!) *bok*.

Еще в 1921 г. Эуг. Вестерн писал, что формы ж. рода не являются приобретением для языка, ибо «вне сомнения только два рода предпочтительнее, чем три», но что формы ж. рода закрепятся за некоторым количеством употребительных слов, хотя это и не будет последовательно проведенный грамматический род¹⁷. Действительность подтвердила его прогноз. Формы ж. рода экспандируют, все больше проникая в нейтральный стиль. Это сложный и неравномерно протекающий процесс. Интересующиеся отсылаются к специальной работе¹⁸.

2. Изменение слов ср. рода. Здесь важны два момента.

а. По нынешнему общему правилу, в букмоле все существительные ср. рода (если они не оканчиваются на -е) во мн. числе могут иметь нулевое окончание, или, иными словами, у них в обоих числах может быть одинаковая форма: *hus* ‘дом; домá’, *fakultet* ‘факультет; факультеты’. На деле же значительная (видимо, большая) часть говорящих образует мн. число так же, как и раньше: односложные существительные ср. рода не имеют окончания, существительные ср. рода из двух и более слогов получают, как правило, окончание -er (как существительные м./ж. (общ.) рода: *hus*, но *fakulteter*). Естественно, немало случаев колебаний.

б. По правилам 1981 г. (восходящим еще к реформе 1938 г.) все существительные ср. рода могут иметь во мн. числе суффицированный ар-

¹⁷ Western A. Norsk riksmålsgrammatikk for studerende og lærere. Kristiania, 1921 (факсимильное переиздание: 1975). С. 397.

¹⁸ Берков В. П. О статусе грамматического женского рода в современном букмоле: (К вопросу о языковом планировании) // Скандинавские языки: Актуальные проблемы грамматической теории. М., 1984. С. 43–58.

тибль -а (совпадающий с суффицированным артиклем ед. числа ж. рода): husa, fakulteta. Реально же говорящими на standard østnorsk этот артикль используется без исключений только с двумя существительными ср. рода — barn ‘ребенок’ и be(i)n ‘нога’ (barna, be(i)na); часто так же оформляется существительное år ‘год’. В остальном можно утверждать, что формы типа problema, universiteta — при всех индивидуальных отклонениях — употребляются мало.

3. Заметно увеличилось число случаев, когда употребляется существительное без артикля (по норвежской грамматической терминологии «голое существительное»). Не вдаваясь в детали, приведем примеры на некоторые типы структур, в которых еще несколько десятилетий назад артикль был обычен: Han skriver bok ‘Он пишет книгу’; Han er pasjonert teatergjenger ‘Он — страстный театрал’; Kort stemples i automat ‘Проездные билеты компостировать в автомате’ и др.

4. Относительно глагола можно отметить следующее:

а) факультативные показатели -a/-å претерита и причастия II слабых глаголов I класса, хотя и приводимые в нормативном словаре при каждом из них (см. выше 4.1, п. 4), реально используются мало, преимущественно в сниженном стиле;

б) приглагольная частица opp все больше используется как формальный признак перфектизации; в некоторых случаях она фактически плеонастична, ср. stanse, stoppe ‘останавливаться’ — stanse opp, stoppe opp (значение то же), например trafikken stanset/stoppet opp ‘(уличное) движение остановилось’.

4.2. Изменения в синтаксисе.

1. Важнейшее изменение в синтаксисе за последние десятилетия состоит в глобальном упрощении структуры предложения. Это, конечно, является следствием демократизации речи, приближения письменной речи к устной. Все норвежские пособия по практической стилистике неустанно призывают к максимальному упрощению синтаксических структур, в частности к замене по возможности сложноподчиненных предложений сложносочиненными, разделению длинных предложений на короткие, замене пассивных конструкций активными и т. д.

2. Постепенно проникает в речь на букмолу так называемый gagregetiv (от существительного gagr — клички ганзейских купцов в Бергене в Средние века) — конструкция с возвратно-притяжательным местоимением, эквивалентная по значению род. падежу, например Knut sitt hus — букв. ‘Кнут свой дом’, т. е. ‘дом Кнута’. Конструкция эта широко распространена в западно-норвежских диалектах и, естественно, в «новонорвежском», но в букмолу избегается; впрочем, сочетание hvem sin... ‘чей’ стало в букмолу вполне употребительным за последнее время (форма hvis считается книжной, а форма hvems — просторечной).

Garpegentivn возводят к аналогичной нижненемецкой конструкции (откуда и название). Эта же конструкция представлена в ряде германских языков (например фризском, африкаанс), особенно их диалектов (нидерландских, немецких и др.). Ее аналогом является тюркский изафет.

3. В норвежском языке в последние десятилетия широкое распространение получило явление, которое мы называем «скрытым» род. падежом. Это — первый элемент определительной конструкции, в которой определяющее — топоним — не имеет генитивного показателя (-s), но которая тем не менее обладает всеми остальными признаками генитивной конструкции, а именно: определяемое существительное не имеет артикля, а эвентуальное прилагательное стоит, как в позиции после существительного в род. падеже, в слабой форме, например: Oslo Nye teater ‘Новый театр Осло (название)’, ср. обычную генитивную конструкцию *Oslos nye ordfører* ‘новый мэр Осло’. В названиях современных учреждений, объединений, предприятий, магазинов и т. п. используется только «скрытый» род. падеж. О том, что это относительно новое явление, свидетельствует тот факт, что в старых названиях этого типа по традиции сохраняется обычный род. падеж, ср., например, с одной стороны, современные названия в районе Руделёкка (Осло): *Rodeløkka Fysikalske institutt* ‘Физиотерапевтический центр Р.’, *Rodeløkka Rensesenter* ‘Химчистка Р.’ и аналогичные, а также более старые (с показателем -en общ. рода, см. 4.1.) *Rodeløkken Bil- og Karosseriverksted* ‘Автомобильная и кузовная мастерская Р.’, *Rodeløkken Kafé* ‘Кафе Р.’, с другой — два старых названия: *Rodeløkkens Maskinverksted & Jernstøperi A/S* ‘Механическая мастерская и Плавильня Р.’ и *Rodeløkkens Treskofabrik* ‘Производство деревянных башмаков Р.’

4. Поскольку предлог имеет грамматическое значение, уместно рассмотреть его в разделе о синтаксисе. Заслуживают внимания две детали.

а. Первая касается употребления предлогов *i* ‘в’ / *på* ‘на’ при названиях городов. Согласно правилам, приводить которые полностью нет необходимости, с названиями небольших городов, не расположенных на побережье, употребляется предлог *på*: *på Namar*, *på Røros*, *på Lillestrøm*, *på Kongsvinger* и т. п. Отмечается явная тенденция к замене предлога *på* на предлог *i* с названиями некоторых городов, особенно в речи самих жителей этих городов: предлог *i* как бы престижнее, употребление его словно переводит город из разряда небольших и провинциальных в разряд в более крупных. Так, с названием города *Moss* (Мосс, Юго-Восточная Норвегия) теперь используется (и не только местными жителями) предлог *i*, хотя до сих пор в ходу три фразеологизма, в которых фигурирует сочетание ...*på Moss*. Это же относится к месту проведения последних Зимних Олимпийских игр (*på/i Lillehammer*), названию города *Namar* и др. В «Норвежском топонимическом словаре», где, в частности, указывается предлог,

с которым употребляется то или иное название, о населенном пункте Вого (Vågå, Центральная Норвегия) сказано: «...Предлог *på* (В речи молодого поколения *i*)...»¹⁹.

Это явление представляется связанным с процессом речевого украшения, описанным выше (2.4.).

б. Наблюдается процесс экспансии одних предлогов за счет других. Наиболее экспандирующим предлогом является названный выше предлог *på*, используемый теперь в ряде значений, ранее ему не свойственных (например: *professor på universitetet*, ранее ...*ved*... ‘профессор университета’, *begynnelsen på arbeidet* ‘начало работы’, ранее ...*av*..., *på slutten* ‘в конце’, ранее *i*... и др.)²⁰.

4.3. Изменения в словообразовании.

1. Самая значительная инновация в этой области — это возникшее сравнительно недавно так называемое обратное («ретроградное») словообразование. Под этим термином понимается образование сложных глаголов от сложных существительных путем отсечения у последних субстантивного суффикса (и, естественно, смены парадигмы, а в отдельных случаях и присоединения глагольного суффикса), например: *røntgenbehandling* ‘лечение рентгеном’ → *røntgenbehandle* ‘лечить рентгеном’; *børskrakk* ‘биржевой крах’ → *børskrakke* ‘потерпеть биржевой крах’; *støvsuger* ‘пылесос’ → *støvsuge* ‘обрабатывать пылесосом; разг. пылесосить’; *filmdebut* ‘дебют в кино’ → *filmdebutere* ‘дебютировать в кино’ и т. д. Реже встречаются обратные образования от сочетаний «глагол + предлог + существительное»: *hoppe i plastbakke* ‘прыгать (на лыжах) с трамплина с пластмассовым покрытием’ → *plasthoppe*; *kvalifisere seg til OL* ‘пройти отборочные соревнования для участия в Олимпийских играх’ → *OL-kvalifisere seg*²¹.

2. Расширилось использование конверсии для образования отглагольных существительных (со значением действия или результата), например: *søke* ‘искать’ → *søk* ‘поисковые работы’; *dykke* ‘погружаться в воду, нырять’ → *dykk* ‘погружение в воду (водолаза, аквалангиста)’; *stytte* ‘падать (о самолете и т. п.)’ → *styt* ‘падение’, *skrive* ‘писать’ → *skriv* ‘официальное письмо, документ’ (ср. *gundskriv* ‘циркуляр’) и т. д.

3. Как и во многих языках, очень широкое распространение за последние десятилетия получили в норвежском языке разного рода сокращенные слова.

¹⁹ Sandnes J., Stemshaug O. Norsk stadnamleksikon. Oslo, 1976. S. 349.

²⁰ О расширении употребления предлога *på* см.: Prytz C. F. Voklende preposisjonsbruk // Språknytt. 1994. Nr. 2. S. 16; Svar fra Norsk språkråd // Ibid. S. 17.

²¹ Подробнее см.: Берков В. П. Норвежская лексикология. С. 148–149; Берков В. Norsk ordlære. S. 172–173.

Аббревиатура — достаточно хорошо известное и подробно описанное явление, и поэтому нет нужды долго на нем задерживаться. Отметим лишь норвежскую специфику.

Двусложные алфавитные аббревиатуры (те, в которых звучит алфавитное название буквы) произносятся теперь с тонемой 2: FN [ˈɛf:ɛn] ‘ООН’, UD [ˈɥ:de] ‘МИД’, TV [ˈte:ve] ‘телевидение; телевизор’ и т. п. Впрочем, многие представители старшего поколения продолжают произносить слова подобного рода с ударением на втором слоге и, естественно, тонемой 1²².

Значительно возросло число усеченных слов, усеченный вариант — это чаще всего начальный элемент слова (по-норвежски слова такого типа называются *hodeord* ‘слова-головы’), но нередко и последний (*haleord* ‘слова-хвосты’): *mikrofon* ‘микрофон’ → *mikk*, *temperatur* ‘температура’ → *temp*, *personlig rekord* ‘личный рекорд’ → *pers*, *diskvalifisere* ‘дисквалифицировать’ → *diske*, *deprimert* ‘в депрессии’ → *deppa*, *paranoia* ‘паранойя’ → *poia*, *Vinmonopolet* ‘Винная монополия; винный магазин’ → *Polet* и т. п.²³

В последние десятилетия стали широко использоваться морфемные сокращения, т. е. сочетания усеченных/неусеченных слов с усеченными/неусеченными словами, например: *ellok* (= *elektrisk lokomotiv*) ‘электровоз’, *språklab(b)* (= *språklaboratorium*) ‘лингвфонный кабинет’ и др.

Относительно новое явление — телескопические слова, число которых непрерывно увеличивается. Примеры: *tastafon* (< *tastatur* ‘клавиатура’ + *telefon*) ‘кнопочный телефон’, шуточные *svorsk* (< *svensk* ‘шведский’ + *norsk* ‘норвежский’) ‘норвежский со множеством шведских вкраплений’, *dromedille* (< *dromedar* ‘одногорбый верблюд’ + *krokodille* ‘крокодил’) ≈ ‘неудачный гибрид, помесь кота с велосипедом’ и т. п.²⁴

5. Изменения в лексике.

5.1. Самое значительное изменение в норвежской лексике последних десятилетий — это, конечно, колоссальное обогащение словарного состава, связанное с развитием науки, культуры, изменением социальных отношений и т. д. К примеру, только терминология, связанная с электронно-вычислительной техникой, насчитывает многие сотни единиц. Этот процесс свойствен большинству современных языков, особой норвежской специфики в нем, на наш взгляд, нет, так что можно ограничиться констатацией факта.

²² Берков В. П. Норвежская лексикология. С. 142; Berkov V. Norsk ordlære. S. 170–171.

²³ Берков В. П. Норвежская лексикология. С. 146–148; Berkov V. Norsk ordlære. S. 168–170.

²⁴ Берков В. П. Норвежская лексикология. С. 142–143; Berkov V. Norsk ordlære. S. 165.

5.2. Распространение в букмол «общенорвежских» форм. Последним термином называют лексемы, отсутствовавшие в датско-норвежском и вошедшие в букмол из «новонорвежского». Это — следствие специфического норвежского пуризма (см. 5.3).

5.3. Пуризм. Возможны две пересекающиеся классификации типов пуризма²⁵.

1. По степени охвата языкового материала различаются пуризм глобальный, направленный против иностранных слов любого происхождения, и пуризм избирательный, направленный против какого-либо одного языка.

2. В зависимости от того, направлена ли пуристическая деятельность против единиц, уже укоренившихся в языке, либо на наименование понятий, еще не получивших в языке обозначения, различаются соответственно пуризм изменительный и пуризм охранительный.

Для букмола характерен прежде всего избирательный изменительный пуризм, а именно постепенная замена слов датского происхождения со словообразовательными формативами, не свойственными норвежскому языку. Ср. датско-норвежские формы, вытесненные в последние десятилетия или вытесняемые норвежскими (указаны справа от стрелки): *ansøkelse* ‘заявление’ → *søknad*; *omkostning* ‘расход’ → *kostnad*; *unntagelse/unntakelse* ‘исключение’ → *unntak*; *stavelse* ‘слог’ → *staving*; *skrivelse* ‘официальное письмо, документ’ → *skriv*, *benytte* ‘использовать’ → *nytte* и др.

Как и подавляющее большинство современных европейских языков, норвежский страдает «английской болезнью» — испытывает сильнейшее воздействие английского (американского). В него вошло значительное количество английских заимствований. Изменительный пуризм проявляется в том, что обычно сначала заимствуется английская лексема, а затем она заменяется норвежской, например (слева приведено английское слово): *feedback* ‘обратная связь’ → *tilbakemelding*; *printer* ‘принтер’ → *skriver*; *boardingcard* ‘посадочный талон’ → *ombordstigningskort* и т. п. Впрочем, такой замене подверглась лишь небольшая часть английских заимствований. Очень много также калек с английского, например *skyggeregjering* (англ. *shadow cabinet*) ‘теневое правительство’; *het linje* (*hot line*) ‘горячая линия’; *ferdskriver* (*flight recorder*) ‘черный ящик (авиа)’; немало калек разговорных единиц, например *det er opp til deg* (*it’s up to you*) ‘твое дело, тебе решать’; *sitte på gjerdet* (*sit on the fence*) — букв. ‘сидеть на заборе’, т. е. ‘занимать выжидательную позицию’ и т. п.

Норвежский выделяется среди других европейских языков тем, что многие освоенные иностранные слова со временем начинают писаться в соответствии с норвежской орфографией, т. е. транскрибируются (это в пер-

²⁵ Berkov V. De nordiske språkene og purismen // *Maal og Minne*. 1992. Nr. 1–2. S. 27–36; Берков В. П. Норвежская лексикология. С. 71–73; Berkov V. *Norsk ordlære*. S. 90–92.

вую очередь относится к словам французского происхождения), ср. (в скобках указано написание на языке-источнике, оно же первоначальное норвежское): *sjåfør* (фр. *chauffeur*) ‘шофер’; *sjanger* (фр. *genre*) ‘жанр’; *poeng* (фр. *point*) ‘очко’; *gøff* (англ. *rough*) ‘жесткий; грубый’ и др. В 1996 г. Норвежским языковым советом²⁶ был предложен новый список (несколько десятков) таких орфографических замен, например: *gaid* (вм. *guide*) ‘гид’, *hedde* (вм. *heade*) ‘забивать гол головой’, *sjampanje* (вм. *champange*) ‘шампанское’, *sjåk* (вм. *choke*) ‘воздушная заслонка, подсос (авто)’, *sørvis* (вм. *service*) ‘сервис’ и др. Эти предложения встретили у многих резко негативную реакцию.

5.4. Ряд других лексических процессов — эвфемизация речи, речевое украшательство, употребление модных слов, «языковой допинг» и др. — был описан в разделе 2.2.

6. Заключение.

Многие процессы, которые произошли в норвежском языке за последние десятилетия, характерны и для других языков. Наиболее интересны те изменения, которые специфичны именно для него.

Усилия нормализаторов норвежского языка (повторим, руководствовавшихся благими намерениями) привели фактически к ликвидации сколько-нибудь четкой нормы. Нет европейского языка, который бы характеризовался подобной многовариантностью. Пример Норвегии показывает, к каким результатам может привести языковое планирование.

Но к такому примеру Норвегии можно подойти и с другой стороны и задать еретическим вопросом: а так ли уж необходима четкая языковая норма? Может быть, многовариантность и не столь уж большое зло? А что если допустимость разных вариантов, напротив, благо?

Всякое новшество в языке — нарушение принятой нормы. Мы привыкли считать, что любое отступление от нормы недопустимо, что оно — свидетельство недостаточной грамотности (и следовательно, по мнению многих, ущербности) говорящего/пишущего, и не задумываемся над тем, так ли уж это бесспорно.

Будущее покажет, так ли уж плох пример Норвегии.

V. Berkov

Nytt i norsk

I artikkelen behandles de endringene i norsk som har funnet sted i de siste årene.

Først analyseres dagens språksituasjon i Norge. Forfatteren vurderer resultatene av den norske språkplanleggingen og den «språkfreden» som skal råde i Norge nå for tiden.

²⁶ Норвежский языковой совет (Norsk språkråd, теперь Språkrådet) — учрежденный в 1972 г. консультативный орган. В его задачи входит: нормирование языка, контроль над языком учебников, терминологическая работа, регистрация новых слов и др.

I neste avsnitt behandles forskjellige forandringer i ususen. Det er intimisering, bruk av evfemismer, språkforsiring m. m.

Blant forandringene i fonetikken analyseres særskilt endringene i lydsammensetningen i noen ordtyper og endringene i lydinventaret.

Videre redegjøres det for novasjoner i morfologi og syntaks.

Siste avsnitt er viet endringene i ordforrådet.

НОРВЕЖСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Учебное пособие

<...>

Часть IV. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

А. Наименование

§ 27. Процесс наименования.

Как правило, понятие получает наименование по какому-либо из его признаков. Исключений очень немного, и целесообразно начать именно с них. К таким исключениям относятся следующие две категории слов.

1. **Непроизвольные аффективные восклицания** — междометия типа *akk* ‘ах’, *au* ‘ой’, *fy* ‘фи’, *røh* ‘фу’, *heia* ‘эй (междометие, которым болельщики подбадривают или приветствуют спортсмена)’, *hysj* ‘тсс’ и др.

Здесь не относятся вторичные междометия типа *jøss* (< *Jesus* ‘Иисус’) ‘боже’, *bevares* ‘боже сохрани’, *du verden* ‘надо же, ничего себе’, *søren* ‘черт’ и т. п. Промежуточное положение занимают междометия, содержащие в своем составе аффективные восклицания и знаменательные слова (со сдвигом значения), типа *fy te rakkeren* ‘черт знает что’, где *rakker* ‘живодер’ — эвфемизм (§ 38) со значением ‘черт’.

Изредка от междометий образуются знаменательные слова: *akke seg* ‘ахать’, *en ve* ‘горе’, *hysj-hysj* разг. ‘секретничанье; служба государственной безопасности’.

Для многих междометий (не только в норвежском) характерно, что они содержат в своем звуковом составе нестандартные звуки, т. е. звуки, не входящие в состав фонем (или их вариантов), что весьма несовершенно передается графикой, ср. *mhm* ‘гм’, *ptro* ‘тпру’ (дрожащий звонкий губно-губной) и др.

Норвежские междометия сравнительно хорошо описаны в толковых словарях, но специальных работ по ним нет. Между тем здесь немало интересных проблем. В частности, можно указать на роль пола в предпочтении одного междометия другому; так, отмечено, что для выражения отращения мужчины предпочитают *æsj*, тогда как женщины — *isj*.

2. **Искусственные названия.** Они крайне немногочисленны. Классическими примерами являются слова *kodak* ‘кодак’, *nylon* ‘нейлон’.

Берков П. Н. Норвежская лексикология: Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. С. 88–140; 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Ф-т филологии и искусств С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 88–138; Berkov V. Norsk ordlære. Oslo: Universitetsforlaget, 1997. S. 108–162.

Основная масса слов имеет мотивировку, или мотивирована. Это означает, что в основе наименования лежит название какого-либо признака понятия (слово, обозначающее этот признак, называется м о т и в а т о р о м).

Мотивировка слова может быть двух видов — непосредственная или опосредованная. Подавляющее большинство слов имеет опосредованную мотивировку. Рассмотрим их подробнее.

1. Непосредственная, или изобразительная, мотивировка — признак звукоподражательных (ономатопозитических) слов. Это слова, звуковой состав которых: а) воспроизводит — условно и неточно! — звук, издаваемый объектом, б) имитирует некий звуковой процесс или в) обозначает объект по издаваемому им звуку.

а. Примерами этой группы слов могут служить обозначения звуков, издаваемых различными животными, например: bæ ‘бэ’ (имитация бляения), mø ‘мю’ (имитация мычания), mjau ‘мяу’, vov-vov ‘гав-гав’, gakk-gakk ‘га-га-га’; кря-кря’, kyseliky ‘кукареку’, nøff ‘хрю’ и т. д.

б. Эта обширная группа норвежских звукоподражательных глаголов (и, естественно, образованных от них существительных) включает в себя обозначения процессов артикуляции звуков животными и/или людьми либо процессов порождения звуков какими-либо неодушевленными предметами.

Примерами таких глаголов, обозначающих артикуляцию звуков животными, могут быть mjаue ‘мяукать’, gакke ‘гоготать; крякать’, ср. выше mjаu, gakk-gakk. Заслуживает внимания то обстоятельство, что нередко глаголы этой группы не соотносятся по своему звуковому составу с междометиями первой группы: vov-vov — gjø ‘ляять’, mø — raute ‘мычать’, bæ — breke ‘бляеть’, nøff — grynte ‘хрюкать’ и т. д. Некоторые из таких глаголов используются как в отношении животных, так и — с разной степенью образности — в отношении людей, ср. hvæse ‘шипеть’, bjeffe ‘тявкать (о собаке), рвякать (о человеке)’, knurre ‘рычать’, brøle ‘рычать, реветь’ и т. д. Примеры глаголов, имитирующих разные виды звуков, издаваемых человеком: hviske ‘шептать’, snорke ‘храпеть’, pynne ‘напевать (с закрытым ртом)’ и т. п. Норвежский язык очень богат глаголами, имитирующими звуки, издаваемые неодушевленными предметами (зачастую их значение трудно передать одним русским эквивалентом): skramle ‘гремять’ (например, кастрюлями), skrangle ‘бренчать’ (например, мелочью в кармане), brake ‘трещать, грохотать’, kligte ‘позвякивать’ и др.

в. Наиболее явный случай — детская речь, где междометия группы (а) субстантивируются и используются для обозначения соответствующих животных: vov-vov ‘соба(ч)ка’, gakk-gakk ‘гусь; утка’. Этот способ обозначения объектов очень древен. Например, слово ku ‘корова’ восходит к звукоподражательному индоевропейскому корню, представленному, в част-

ности, в рус. *гов-* (ср. *говядина, говно*). Ср. далее: *kråke* ‘ворона’ (где $\text{å} < \text{a}$, ср. *kra-krå* ‘кар-кар’, датск. *krage* с тем же значением и норвежская фразеологическая единица (далее ФЕ) *krake søker make* — букв. ‘ворона ищет себе подобную’, \approx ‘рыбак рыбака видит издалека’), *hubro* ‘филин’, *siriss* ‘сверчок’.

Условность и неточность звукопередачи объясняются ограниченностью фонемного состава человеческого языка и принципиальной возможностью различной «перекодировки» звуков, издаваемых не людьми. Отсюда расхождения, порой значительные, от языка к языку, ср. рус. *мяукать*, исл. *mjálma*, фр. *miauler*, фин. *naukuu, naukahtaa*, кирг. *мыёолоо* и т. д.

2. **Опосредованная мотивировка** — наименование понятия по одному-двум из признаков. Это предполагает, что сам этот мотивирующий признак (сами эти мотивирующие признаки) уже имеет (имеют) наименование, как, например, слово *regnue* ‘радуга’, которое состоит из элементов *regn* ‘дождь’ и *ue* ‘дуга’ (оба с неясной этимологией). Обычно мотивирующим берется признак наиболее важный, «бросающийся в глаза», но поскольку объект обычно имеет много признаков, поэтому возможны — и часто встречаются — разные мотивировки у эквивалентных по значению слов разных языков и у слов-синонимов одного языка, ср. норв. *isbjørn* (букв. ‘ледовый медведь’), фин. *jääkarhu* (то же) — рус. *белый медведь*, норв. ‘огонь’ — *ild* (индоевропейский корень **aidh-*) и *varme* (от прилагательного *varm* ‘теплый, горячий’, восходящего к индоевропейскому корню **veg-*, представленному, в частности, в рус. *варить*), норвежский синонимический ряд *nevne* ‘называть, упоминать’ (от *navn* ‘имя’), *berøre* ‘касаться’, *omtale* (ср. *tale* ‘говорить’, *om* ‘о’), *komme inn på* ‘вдаваться’ (*komme* ‘приходить’, *inn* ‘в’, *på* ‘на’) и т. д.

Мотивирующие признаки могут быть самыми разнообразными, например:

- функция, действие — *borg* ‘замок’ (< *berge* ‘укрывать, прятать’, ср. *høyberging* ‘уборка сена в сеновал’), *grev* ‘мотыга, кирка’, *grevling* ‘барсук’ (оба < *grave* ‘копать’), *lyspære* ‘лампочка’ (< *lys* ‘свет’, *pære* ‘груша’), *uro* ‘балансир (в часах)’, букв. ‘беспокойство’ (< *u-* отрицательный префикс, *ro* ‘покой’), *ostehøvel* сыropрезка (< *ost* ‘сыр’, *høvel* ‘рубанок’);

- форма — *rundstykke* ‘булочка’ (*rund* ‘круглый’, *stykke* ‘кусоч, штука’), *sirkelsag* ‘циркульная пила’ (< *sirkel* ‘круг’, *sag* ‘пила’), *spissmus* ‘землеройка’ (< *spiss* ‘острый’, *mus* ‘мышь’);

- цвет — *gulrot* ‘морковь’ (*gul* ‘желтый’, *rot* ‘корень’), *rødskrubb* ‘подосиновик, красный гриб’, *brunskrub* ‘подберезовик’ (< *rød* ‘красный’, *brun* ‘коричневый’, *skrub* ‘гриб семейства *Leccinum*’);

- консистенция — *steinsopp* ‘белый гриб’ (< *stein* ‘камень’, *sopp* ‘гриб’), *leirveiling* ‘жидкая глина’ (< *leir* глина, *velling* ‘густой суп, жидкая каша’);

• местонахождение — hussopp ‘грибок (в доме)’ (< hus ‘дом’, sopp ‘гриб’), kornblomst ‘василек’ (korn ‘зерно’, blomst ‘цветок’) и т. д.

При этом весьма существенны два момента.

1. Мотивировка обычно уже значения, поскольку она выделяет лишь один или два признака, ср. teskje ‘чайная ложка’ (используется не только при питье чая), Stortinget ‘стортинг (правильнее: стуртинг), норвежский парламент’ (букв. ‘Большой тинг, Большое вече’), grønn saker ‘овощи’ (букв. ‘зеленые вещи’), ordbok ‘словарь’ (ord ‘слово’, bok ‘книга’), rørlegger ‘водопроводчик’ (rør ‘труба’, -legger ‘кладущий, укладчик’), fjernsyn ‘телевидение’ (fjern ‘далекий’, syn ‘видение’) и т. д.

2. Сходная мотивировка возможна у слов со значительно расходящимися значениями. Так, как уже говорилось выше (§ 5), считается, что слова skog ‘лес’, skjegg ‘борода’ (также takskjegg ‘стреха’ от tak ‘крыша’), skje ‘происходить’, skikk ‘порядок; обычай’, др.-норв. skagi ‘полуостров’ и некоторые другие образованы от индоевропейского корня *skek-/*skak- со значением ‘выделяться, выдаваться, отходить от поверхности’, представленного, в частности, в рус. *скакать*. Ср. также приведенные выше примеры grev ‘мотыга, кирка’ и grevling ‘барсук’.

От наименования признака новые обозначения понятий создаются различными способами, о чем ниже.

Целесообразно различать слова с мотиватором данного языка и слова с иноязычным мотиватором. Примерами первых могут служить слова pile ‘мчаться (стрелой)’ (pil ‘стрела’), herje ‘опустошать’ (от hær ‘войско’, собств. ‘проходить, действовать как войско’), fødselsdag ‘день рождения’ (fødsel ‘рождение’, dag ‘день’), вторых — слова buss ‘автобус’ (< лат. viator omnibus — букв. ‘экипаж всем, т. е. для всех’; затем стала употребляться только вторая часть словосочетания — omnibus ‘всем’, дат. п. мн. ч. от omnis ‘весь’, которая, в свою очередь, потом сократилась до -bus (> buss), что представляет собой часть окончания -ibus), konkurs ‘банкротство’ (< лат. concursus creditorum — букв. ‘сбегание (в одно место) кредиторов’), eksekusjon ‘казнь, расстрел’ (< лат. executio ‘приведение в исполнение’).

§ 28. Дезтимологизация.

Мотивировка по-разному ощущается в разных словах.

У одних слов она живая, т. е. вполне прозрачная, и любой носитель языка может объяснить происхождение этого слова. Это, в основном, относится к сложным словам, например: utstillingsvindu ‘витрина’ (< utstilling ‘выставка’, vindu ‘окно’), jernbane ‘железная дорога’ (< jern ‘железо’, bane ‘дорога’), reiseleder ‘руководитель туристской группы’ (< reise ‘путешествие’, leder ‘руководитель’) и т. п.

Мотивировка может быть затемненной, т. е. изначальное значение может быть установлено только этимологическим анализом состава слова. Несколько примеров. Прилагательное *fattig* ‘бедный’ восходит к др.-норв. *fátcekr* (< *få-* ‘мало’ и *taka* ‘брать’), т. е. ‘которому мало есть откуда брать’. Существительное *legeme* ‘тело’ развилось из др.-норв. *lík(h)amr*, *lík(h)ami* (< *lík* ‘тело’, ср. совр. *lik* ‘труп’, и *hamr* ‘оболочка, обличье, шкура и т. п.’). Слово *stakkar* ‘бедняга’ произошло от др.-норв. *stafkarl*, букв. ‘человек с посохом’ т. е. ‘нищий’. Прилагательное *skinnsyk* ‘испытывающий ревность, ревнующий’ (ср. *skinn* ‘шкура’ и *syk* ‘больной’) обязано своим происхождением старинному обычаю, когда девушка, отказывающая жениху, посылала или давала ему кусочек шкуры (впрочем, существует и иное объяснение происхождения этого слова).

Наконец, у очень многих слов мотивировка (этимология) мертвая, т. е. происхождение слова прослеживается лишь до определенного этапа (ср., например, выше слова *skog*, *skjegg* и др.).

С современной точки зрения непроезводимые незвукоподражательные слова являются немотивированными.

Разумеется, данное деление слов с точки зрения ясности их мотивировки условно. Многие затемненные этимологии могут быть известными значительному числу говорящих (например, сообщаться в школе). Мертвые этимологии могут в результате исследований проясняться и т. д.

Мотивировка имеет тенденцию переставать ощущаться, «уходить в тень»¹, ср. *torsdag* ‘четверг’, собств. ‘день Тора’, и даже забываться. Этот процесс утраты мотивировки носит название *деэтимологизации*.

Причин деэтимологизации несколько.

1. Утрата связи данного слова со словом-мотиватором в результате фонетических процессов. Так, слова *gjø* ‘откармливать’, *gjødsel* ‘удобрение’ и их производные были в свое время образованы от прилагательного *god* ‘хороший’. Наречие *fremdeles* ‘все еще’ утратило в результате метатезы (-deles < -ledes от др.-норв. *leið* ‘путь’, ср. совр. *lei* или *led* ‘фарватер’) связь с другими наречиями на -ledes, ср. *således* ‘так, таким образом’, *anperledes* ‘иначе, по-другому’ и т. д.; ср., впрочем, «радикальную», или «новонорвежскую», форму *framleis* без метатезы.

2. Выпадение из языка слова-мотиватора (слов-мотиваторов). Существительное *verden* ‘мир, свет’ по происхождению трехморфемное слово: др.-норв. *ver(r)* ‘муж, мужчина’, ср. лат. *vir* с тем же значением, *öld* ‘век’, -in (определенный артикль), т. е. первоначально ‘век человеческий, поколение’. Существительное *kylling* ‘цыпленок’ образовано с помощью уменьшительного суффикса -ling от неупотребительного теперь слова *kokk* ‘пе-

¹ М а с л о в Ю. С. Введение в языкознание. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1987. С. 114.

тух'. Слово *agn* 'наживка, приманка', по-видимому, восходит к и.-е. корню *ac- 'есть'.

3. Утрата признака, по которому дается наименование. Выражение *få kirven*, букв. 'получить корзину', т. е. 'получить отказ при сватовстве', восходит к старинному обычаю, когда отвергнутому жениху посылалась корзина без дна. Ср. также приведенное выше в этом параграфе объяснение происхождения слова *skinnsyk*.

4. Разрыв семантических связей со словом-мотиватором; этот разрыв может усиливаться сопровождающими семантическое развитие слова фонетическими процессами. Название денежной единицы *øre* 'эре' (др.-норв. *eugir*) произошло от лат. *augus* 'позолоченный' (< *augum* 'золото'). Слово *krabat* 'головорез, разбойник, башибузук' представляет собой искаженное *kroat* 'хорват': во время Тридцатилетней войны в Германии хорваты проявляли крайнюю жестокость.

Поскольку, как сказано выше, мотивировка со временем перестает ощущаться, отходит на задний план, оказывается возможным образовывать сочетания слов, мотивировки которых противоречат друг другу. Такое словоупотребление называется к а т а х р é з о й (гр. *katákhresis* — букв. 'неправильное употребление'). Примерами катахрезы могут служить следующие словосочетания: *brun skosverte* 'коричневый гуталин' (*sverte* 'черная краска'), *gammel ungkar* 'старый холостяк' (*ung* 'молодой', *kar* 'человек'), «Aftenpostens» *morgenutgave* 'утренний выпуск «Афтенпостен»' («Aftenposten» '«Вечерняя газета»'), *halsbrekkende fingerøvelser* 'головоломные упражнения для пальцев'. Катахреза легко возникает при словах иноязычного происхождения, мотивировка которых, естественно, плохо ощущается или не ощущается вовсе, ср. *rødt blekk* 'красные чернила' (*blekk* — заимствование из англосаксонского, ср. англ. *black* 'чернила').

Катахреза сходна, на первый взгляд, с оксюмороном (см. § 13), однако между ними имеется существенное различие. Оксюмoron — стилистический прием, заключающийся в том, что умышленно соединяются слова, в основном значении противоречащие друг другу, исключаящие друг друга (*et levende lik* 'живой труп'), вследствие чего достигается особая выразительность словосочетания, тогда как катахреза основана на том, что мотивировка слова или ФЕ перестает ощущаться, отчего катахретические словосочетания не воспринимаются говорящими как неправильные или необычные.

Особо следует остановиться на нередких случаях катахрезы в первоначальном значении этого термина (напомним: 'неправильное употребление') при образном использовании слов и/или ФЕ. Мотивировка, хоть и отходит в тень, все же как бы присутствует на заднем плане и потому может вступать в противоречие с другим словом (другими словами или ФЕ).

Так, во встретившемся нам в прессе предложении *La oss klippe klørne på børshaiene* ‘Обрежем когти биржевым акулам’ мотивировка выражения *klippe klørne, på noen* ‘обезвредить кого-л., вырвать жало у кого-л.’ вступает в противоречие с мотивировкой слова *børshai*. Множество примеров такого столкновения образов приводил Одд Эйдем в своих выборках языковых ляпсусов в прессе (Odd Eidem. «Det norske språk fra uke til uke», ряд выпусков). Вот некоторые из них: ...de [= forfatterne] salte sine pegasuser og sprengrodde til unnsetning («Nå») ‘...они [= писатели] оседлали своих пегасов и из всех сил принялись грести на помощь’; Han ble utdannet som smed og burde kanskje blitt ved sin lest («Dagbladet») ‘он получил подготовку как кузнец, и, возможно, ему следовало бы остаться при своей сапожной колодке’ (ср. «крылатое слово» *skomaker, bli ved din lest* ‘сапожник, останься при своей колодке’, ≈ ‘суди не выше сапога’), ...så forsåvidt kan det banke et godt sosialistisk hjerte i et par stripete sjakettbenklær («Bergens Arbeiderblad») ‘...так что, пожалуй, в полосатых штанах от визитки может биться доброе социалистическое сердце’, Hadde den stakkars oppfinner levet i dag, hadde han vel snudd seg i graven («Fredrikstad Blad») ‘Если бы бедный изобретатель был сегодня жив, он бы перевернулся в гробу’, Nå får en håpe at verden kommer ned på jorden igjen ‘Надо надеяться, что мир [т. е. вселенная] вновь опустится на землю’ и т. д.

В результате деэтимологизации может иметь место опрощение — явление, заключающееся в том, что две или более изначально самостоятельные морфемы начинают восприниматься как одна, см. пример *verden*, приведенный выше. Ср. далее: *hustru* ‘супруга’ (< *husfrue*, где *hus* ‘дом’, *frue* ‘госпожа’), *orlogs-* ‘военно-морской’, например *orlogsskip* ‘военный корабль’, *orlogskaptein* ‘капитан 3-го ранга’ (< ср.-н.-нем. *orlog* ‘война’, ср. др.-норв. *orlygi* < *or* *lögum*, букв. ‘из закона, из соглашения’). Другой вид опрощения — слияние у заимствуемых слов морфологического показателя (особенно окончания мн. числа) с корневой морфемой или основой, ср. *shorts* ‘шорты’, *knickers* ‘гольфы (брюки)’, *østers* ‘устрица’ (< н.-нем. *öster* + окончание мн. числа) и т. д. (Ср. рус. *эскимос*, *пампасы*, *рельс* и другие аналогичные заимствования с показателем мн. числа *-с* в других языках.)

§ 29. Реэтимологизация, или народная этимология.

В предыдущем параграфе говорилось, что слово вполне может нормально функционировать и при неясности его мотивировки. Однако люди довольно часто стремятся найти мотивировку как рациональное объяснение значения слова, для чего изменяют его звуковой состав (реже — только написание). Таким образом, слово приобретает иной — неверный! — этимологический состав. Это явление называется реэтимологизацией, или народной этимологией (далее НЭ).

Часть таких рэтимологизированных слов входит в литературный язык, часть — бóльшая — оказывается за его пределами, оставаясь характерной для речи малообразованных слоев населения или детей. Поэтому целесообразно различать кодифицированные (т. е. признанные литературными) и некодифицированные НЭ.

К кодифицированным НЭ норвежского языка относятся, например, следующие случаи: *plassere* ‘помещать’ (< фр. *placer* с тем же значением, слово пишется с недавнего времени в соответствии с написанием слова *plass* ‘место’), *håndtere* ‘обращаться с’ (< фр. *hanter* с тем же значением; слово связывается с *hånd* ‘рука’), *innkassere* ‘инкассировать’ (< ит. *incasso* ‘инкассо’, итальянская приставка *in-* заменена норвежской *inn-*), *syndflod* ‘всемирный потоп’ (< ср.-в.-нем. *sintfluo* ‘мощный поток, потоп’, *sint-* переосмыслено как *synd* ‘грех’), *jorde* ‘земельный участок’ (< *gjorde* с тем же значением, возникшее в результате смешения слов *jord* ‘земля’ и *gjerde* ‘ограда, изгородь’), *jernnetter* «железные ночи» (морозные ночи в конце августа) (*jern* ‘железо’ вместо *hjarn* диал. ‘смерзшийся снег, мерзлая земля’), *skjørnbuk* ‘цинга’, букв. ‘хрупкий живот’ (< лат. *scorbutus*) и т. д.

Рэтимологизация характерна и для некоторых ФЕ, в которых редкое или устаревшее слово заменяется сходно звучащим отрезком, ср. *Her hjelper ingen kjæge mor*, букв. ‘Здесь не поможет никакая дорогая мать’, т. е. ‘Здесь не помогут никакие просьбы или извинения’ (*kjæge mor* < *kjæremål* ‘жалоба, жалобы’), *enn si* ‘не говоря уже о’ (< др.-норв. *enn síðr* ‘еще менее’; второе слово осмыслено как *si* ‘говорить’), *gjøre svenske av seg*, букв. ‘сделать из себя шведа’, т. е. ‘не явиться, скрыться’ (либо от нем. *schwänzen* ‘прогуливать’, либо от ФЕ *bli borte som en sviske* букв. ‘исчезнуть как черносливина’, т. е. ‘бесследно пропасть’; есть и другие объяснения происхождения этого выражения).

Нередкое явление и рэтимологизация собственных имен. Так, в Осло название *Makrellbekken* ‘Макрелевый ручей’ представляет собой народную этимологию *Marksjellbekken* ‘Межевой ручей’; топоним *Skarpsno*, букв. ‘Резкий северный ветер’, — оноевженное фр. *Escarpe du nord* ‘Северный эскарп’; название ворот во Фредрикстаде *Svarte porten* ‘Черные ворота’ восходит к фр. *Porte à Sortie* ‘Выходные ворота’ (> *Sorte-porten* > *Svarteporten*). ФЕ *fra Arilds tid*, букв. ‘со времен Арильда’, т. е. ‘с незапамятных времен’, произошло от др.-норв. *ár alda* ‘начало времен’, *alda* — род. п. мн. ч. от *öld* ‘век’). Такая рэтимологизация собственных имен — явление древнее, еще у Снорри Стурлусона в «Круге земном» *Ásia* ‘Азия’ объясняется как *Ásaland*, *Ásaheimr* ‘страна, обитель асов (древнескандинавских богов)’; у него же вместо *Venetia* находим *Feneujar*, вместо *Jerusalem* — *Jórsalir*, вместо *York* — *Jórvík* и т. д.

На последних примерах стоит задержаться. Народная этимология далеко не всегда бывает стопроцентно убедительна: подходит новая мотиви-

ровка в данном конкретном случае — хорошо, нет — тоже не беда, главное, что она есть. В последних примерах как раз видны оба случая. *Feneysjag* означает ‘Болотистые острова’, что, в общем, соответствует географической характеристике Венеции, но *Jórsalir* значит ‘Конские залы’, а *Jórvík* — ‘Конский залив’, и смысл мотивировки этих НЭ, можно полагать, был неясен и тем или тому, кто ее предложил.

Любопытна НЭ сокращенного французского словосочетания *café avec*, букв. ‘кофе с’ (подразумевается: ‘с коньяком’) > *kaffe med avec* ‘кофе с *avec*’ (например, у Элиаса Креммера: *Elias Kræmmer*. «*Glade borgerer*»).

Примерами некодифицированных НЭ могут служить следующие: *dynamitt* ‘динамит’ > *dundramitt* (*dundre* ‘грохотать’), *universitet* ‘университет’ > *undervisitet* (*undervise* ‘преподавать’), *telefon* ‘телефон’ > *talefon* (*tale* ‘разговаривать’), *revmatisme* ‘ревматизм’ > *ryggmatisme* (*rygg* ‘спина’), *bas-seng* ‘бассейн’ > *badeseng* (*bade* ‘купаться’, *seng* ‘кровать’), *manuskript* ‘рукопись’ > *manuskrift* (*skrift* ‘писание, написанное’), *eau de cologne* ‘одеколон’ > *hodekolonje* (*hode* ‘голова’, слова *kolonje* в норвежском нет), *mustasje* ‘усы’ > *munnstaser* (*munn* ‘рот’, *stas* украшение), *labyrint* ‘лабиринт’ > *labberundt* (*labbe* ‘бродить’, *rundt* ‘кругом, вокруг’) и т. д. Ср. также детские НЭ *sjokolade* ‘шоколад’ > *suttelade*, *sukkerlade* (*sutte* ‘сосать’, *sukker* ‘сахар’), *tidssignal* ‘сигнал точного времени’ > *tikksignal* (*tikke* ‘тикать’) и др.

Как известно, использование НЭ как средства речевой характеристики — распространенный литературный прием (см. «Сказ о тульском комсом левше и о стальной блохе» Н. Лескова). В норвежской литературе к таким произведениям относится, в частности, книга: *Gabriel Scott*. «*Pider Ro's fortellinger*», где, помимо некоторых приведенных выше, есть целый ряд НЭ, например: *albatross* ‘альбатрос’ > *albatrost* (*trost* ‘дрозд’), *kannibaler* ‘каннибалы’ > *kaninbaler* (*kanin* ‘кролик’), *saltomortale* > *santemortale* (исп. *santo* ‘святой’) и др.

Конечно, немало НЭ — результат сознательной языковой игры, например, когда *paregøye* ‘попугай’ заменяется на *tamegøye* (ср. *pappa* ‘папа’ и *amma* ‘мама’), *konferansier* ‘конферансье’ — на *kom-fram-og-sier* (*komme fram* ‘выходить (вперед)’, *og* ‘и’, *sier* ‘говорит’), жена библейского персонажа по имени *Potifar* получает имя *Potimor* (*far* ‘отец’, *mor* ‘мать’) и т. д. Еще в конце прошлого века слово *velociped* (теперь: *sykkel*) было шутливо интерпретировано как *Veltepetter* (*velte* ‘опрокидывать(ся)’, *Petter* — мужское имя).

Б. Изменение значения слова

Целесообразно различать несколько типов изменения значения слова: а) изменение объема значения слова; б) увеличение количества значений слова, т. е. приобретение им новых значений при сохранении исходного;

в) изменение значения слова с точки зрения оценки обозначаемого им понятия; г) изменение значения слова с точки зрения соответствия действительности. Этим изменениям и будут посвящены следующие параграфы.

§ 30. Изменение объема значения слова.

Этот тип изменения значения слова представлен двумя подтипами.

1. **Сужение значения**, или **специализация**. Процесс заключается в том, что наименование от общего — гиперонима (§ 11), охватывающего ряд частных понятий — гипонимов, развивается к частному, к обозначению части общего. Так, архаизм *frende*, означающий в современном норвежском языке ‘родич’, происходит от причастия I глагола, представленного в гот. *frijon* ‘любить’, и первоначально имел значение ‘любящий’. В древнеисландском *frendi* значило ‘близкий родственник (сын, брат)’, но также и ‘друг’. Из этого общего значения в восточно- и западногерманских языках развилось значение ‘друг’, ср. гот. *frijonds*, англ. *friend*, нем. *Freund*, нид. *viend*, фриз. *freon*; к этому же корню восходит норвежский глагол *fri* ‘свататься’ и производные от него. Аналогично, существительное *fiende* ‘враг’ восходит к древнему глаголу со значением ‘ненавидеть’, ср. гот. *fijan*. Слово *gjest*, теперь означающее ‘гость’, имеет своим истоком индоевропейское слово со значением ‘пришелец, чужак’, откуда старое русское *гость* ‘странствующий купец’ (ср. *Гостиный двор* в С.-Петербурге), лат. *hostis* ‘враг’. Современное норвежское существительное *lei* (книжная форма *led*) ‘фарватер’ восходит к др.-норв. *leið* ‘путь, дорога’; это общее значение сохраняется в современном исландском языке. Др.-норв. *búg* (от *búa* ‘жить’, тот же корень, что в рус. *бы-ть*, лат. *fui* ‘был’) употреблялось как обозначение любого населенного пункта, ср. множество названий хуторов с элементом *-by*, *-bø*; в настоящее же время норв., датск. *by* значит ‘город’, шв. *by* — ‘деревня’, исл. *bær* — и ‘город’, и ‘хутор’ (т. е. любой населенный пункт).

Специфический вид сужения (специализации) значения, являющийся переходным ко второму типу изменения значения слова — приобретению им дополнительных значений (см. ниже), — это сохранение словом общего (родового) значения и приобретение им при этом особого суженного значения. Так, слово *maskin* ‘машина’ в норвежском относится к любой машине (однако не автомашине), но также приобрело профессиональное значение ‘самолет’ (употребляемое примерно как рус. *борт* в этом значении).

От языкового сужения значения следует отличать явление, очень характерное для языков типа норвежского, в которых сильно развито основосложение (§ 39). В речи сплошь и рядом, если достаточен контекст или достаточна конситуация, сложное слово заменяется последним элемен-

том, имеющим обычно родовое значение. Например, слово *tollekniv* ‘финский нож’ первый раз может быть употреблено в тексте полностью, а затем — только в форме *kniv* ‘нож’. Упомянутое выше слово *maskin* в сочетании *skrive på maskin*, букв. ‘писать на машине’, означает ‘пишущая машинка’ (*skrivemaskin*), в сочетании *sy på maskin*, букв. ‘шить на машине’, означает ‘швейная машина’ (*symaskin*) и т. д. Распространенный случай — использование вместо слова *Stortinget* ‘стортинг, парламент Норвегии’ формы *Tinget*.

2. Расширение значения слова — процесс, обратный только что описанному; наименование переносится с частного на общее, с более конкретного на более абстрактное, с гипонимического понятия на гиперонимическое. Например, слово *bit* ‘кусочек’ изначально обозначало ‘то, что откушено’, ср. такое же развитие у его русского соответствия. Заимствованное из средненижнемецкого слово *ferdig* ‘готовый’ первоначально значило ‘готовый к путешествию, поездке’: оно было образовано от существительного со значением ‘поездка’ (ср. совр. норв. *ferd*), которое, в свою очередь, было образовано от глагола со значением ‘ехать’ (у современного норвежского глагола *fare* это значение стало периферийным, оказавшись вытесненным глаголами *reise*, *kjøre*, *dra* и др.). Сходное развитие значения наблюдается у слов *rede* ‘готовый’, *beredt* (то же), *forberede* ‘готовить’: они связаны с корнем, представленным в глаголе *ri* (< *ride*) ‘ехать верхом’, т. е. означали готовность к верховой езде. Глагол *ledsage* ‘сопровождать’ восходит к древнорвежским словам *leið* ‘путь’ и *segja* ‘говорить’, *saga* ‘рассказ, история’, и в древности слова *leiðsagi*, *leiðsagari* и *leiðsögumaðr* означали ‘сообщающий о дороге, проводник’; в современном исландском *leiðsögumaður* имеет значение ‘лоцман’.

Не всегда представляется возможным определить направление развития значения слова. Так, в древнорвежском (древнеисландском) слово *heimr* означало ‘мир, обиталище’ (ср. «*Kringla heimsins*» — «Круг земной», название произведения Снорри Стурлусона, XIII в.), но в готском (IV в.) оно значило ‘селение, деревня’. К нашему времени это слово сузило свое значение и теперь значит прежде всего ‘дом’ (ср. «*Et dukkehjem*» — «Кукольный дом» Хенрика Ибсена). Слову *heimr* ‘мир, обиталище’, видимо, этимологически соответствует рус. *семья* — слово, как полагают, раньше обозначавшее территорию, на которой проживала какая-либо общность людей, ср. также лат. *civis* ‘гражданин’. Относительно развития значений этого индоевропейского корня единства среди исследователей нет.

§ 31. Изменение значения слова в результате эллипсиса.

Если в предыдущем параграфе рассматривалось изменение объема значения слова — его расширение или сужение, а в последующем будет

рассмотрен процесс приобретения словом дополнительных значений, то в этом параграфе речь идет о приобретении словом значения более сложной единицы — словосочетания или сложного слова. Эти два варианта рассматриваемого процесса имеют разные терминологические обозначения.

Семантическая конденсация на базе эллипсиса — явление, заключающееся в том, что один элемент устойчивого сочетания становится обозначением всего сочетания, т. е. сочетание как бы конденсируется в одном слове. Это хорошо иллюстрируется примерами заимствований из латыни. Так, слово *stredē* ‘переулок, узкая улица’, как уже говорилось, восходит к *via strata* ‘мощная (*strata*) дорога (*via*)’ (аналогично развились обозначения понятия ‘улица’ в ряде других германских языков: англ. *street*, нем. *Straße*, нид., афр. *straat* и др.). Слово *kvorum* ‘кворум’ развилось из словосочетания *quorum maxima pars* ‘большая часть которых’; слово *kvorum* этимологически значит ‘которых’. Ср., далее, названные выше в другой связи существительные *konkurs* ‘банкротство’ — часть латинского словосочетания *concursum creditorum*, букв. ‘сбегание (в одно место) кредиторов’, *buss* ‘автобус’ < *omnibus* < *viatur omnibus*, букв. ‘экипаж всем, т. е. для всех’. Это — примеры исторической семантической конденсации: строго говоря, здесь конденсация происходила не в норвежском языке, а заимствовались уже «сконденсированные» единицы. Но процесс этот характерен и для живой современной речи. Так, употребительные в современном языке собственные имена *Meteorologiske* и *Det nye* используются вместо соответственно *Den meteorologiske stasjon* ‘Метеорологическая станция’ и *Det nye teatret* ‘Новый театр’.

Часто подвергаются семантической конденсации адекватные словосочетания, обозначающие размеры, протяженность, масштаб: устраняется адекватный элемент со значением ‘большой, крупный, значительный’ и т. п., в результате чего существительное, само по себе лишь обозначающее какую-либо размерную характеристику, приобретает значение всего словосочетания, например: *Han er en komponist av format* ‘Он значительный композитор’; *Det er dimensjoner over den nye ovenn* («*Teknisk ukeblad*») ‘Новая печь характеризуется большими размерами’.

Семантическая конденсация может сопровождаться сужением (специализацией) значения: слово *brev* ‘письмо’ восходит к латинскому словосочетанию *breve scriptum* ‘коротко написанное’ и ранее обозначало любой документ; это старое значение прослеживается в лексеме *gjeldsbrev* ‘долговая расписка’, во ФЕ *ha brev på noe* ‘иметь право на что-л., возможность пользоваться чем-л.’.

Видимо, сюда же следует отнести многочисленные случаи субстантивации типа *norsk* ‘норвежский язык’ < *norsk språk*.

Понятие, выражаемое сложным словом, может обозначаться, особенно в разговорной речи, также одной его частью. Такой вид семантической

конденсации иногда называют семантической конвергенцией², хотя термин этот скорее обозначает результат, чем сам процесс; возможно, термин **семантическая компрессия** точнее отражает суть дела. Так, слово *hekkeløp* ‘барьерный бег, бег с барьерами’ заменяется первым элементом *hekk*, букв. ‘барьер’, ср. *400 meter hekk* ‘400 метров с барьерами’ и *korthekk*, букв. ‘короткий барьер’, т. е. ‘барьерный бег на 110 метров для мужчин и 100 метров для женщин’. Аналогично: *100 meter rygg/bryst* ‘100 метров на спине/брассом’, букв. ‘100 метров спина/грудь’. Ср., далее: *Anders Wilhelmssen-gruppen går inn i offshore* («*Aftenposten*») ‘Группа Аннерса Вильгельмссена начинает заниматься добычей нефти в открытом море’ (*offshore* < англ. ‘в открытом море’ употреблено в значении *offshorevirksomhet* ‘добыча нефти в открытом море’); *stikke bort på kolonialen og kjøpe kaffe* ‘сбежать в колониальную лавку за кофе’ (разг. *kolonial* — *kolonialforretning* ‘колониальная лавка’); *Det høres helt Vestkant ut* ‘Это звучит совсем по-весткантски’ (*Vestkant* — *Vestkantuttale* ‘произношение, характерное для Вестканта’); *Vestkant(en)* — западная часть Осло, в прошлом фешенебельный район, жителей которого характеризовала (и, в общем, характеризует) «аристократическая» форма языка). В отличие от распространенного случая, рассмотренного в предыдущем параграфе в разделе о сужении значения слова, когда вместо сложного слова употребляется лишь его последняя часть (*Tinget* < *Stortinget*), здесь представителем сложного слова выступает его первая (определяющая) часть (*kolonialforretning* > *kolonial*). В результате этого, как сказано, у слова часто возникают два значения, т. е. происходит семантическая конвергенция.

§ 32. Типы переноса наименования.

Перенос наименования — один из важнейших способов обогащения словарного состава языка. Он заключается в том, что слово, сохраняя свое исходное значение, становится также обозначением другого понятия или других понятий, определенным образом связанного (связанных) с исходным. Иными словами, в этих случаях происходит увеличение количества лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ) слова.

Естественно задаться вопросом, почему это происходит. Рассмотрим два конкретных примера.

В какой-то момент развития языка оказывается необходимым дать обозначение понятию, которое до этого не имело своего собственного наименования, например понятию ‘рукав (реки)’. В принципе возможны два пути. Первый путь — создание совершенно нового слова, ранее в языке

² Например: Маслова-Лашанская С. С. Лексикология шведского языка. Л., 1973. С. 151.

не существовавшего, т. е. создание нового звукокомплекса, еще языком не использовавшегося. В каждом языке есть множество таких «неиспользованных» («невытребованных») звукокомплексов, вполне соответствующих его фонемным и фонотактическим правилам; например, в норвежском потенциально словами вполне могли бы быть «незанятые» звукокомплексы *bat, nyl, skra, striv* и т. д. Второй путь — использование слова, уже имеющегося в языке, в этом новом значении (подчеркнем, в дополнение к первому значению). В данном случае таким словом оказалось существительное *arm* ‘рука’, которое и приобрело дополнительное значение ‘рукав (реки)’. Как показывает анализ самых разнообразных языков, второй путь используется человечеством несравненно чаще. Дело, очевидно, в том, что, в силу устройства нашего мозга, человеческой памяти легче хранить многозначные лексемы, нежели значительно большее число однозначных лексем.

Второй пример. Говорящему нужно каким-то образом обозначить сложное понятие *alle som var/satt/befant seg* и т. д. *i salen* ‘все находившиеся/сидевшие в зале’ (например, в предложении *Alle som var i salen, klappet i hendene* ‘Все сидевшие в зале аплодировали’). Словосочетание вполне допустимое, но несколько длинное. Между тем для языка характерно явление, носящее название *экономия языковых средств*, т. е. стремление к выражению значения наиболее кратким способом. По этой причине оказывается целесообразным и возможным использовать обозначение помещения для обозначения лиц, в нем находящихся: *Hele salen klappet i hendene* ‘Весь зал аплодировал’ (ср. то же явление в русском переводе).

Основные типы приобретения словом новых, дополнительных значений — метонимический перенос наименования, метафорический перенос наименования и символизация наименования. Каждый из первых двух типов распадается на множество подтипов, которые, в свою очередь, делятся на более дробные подгруппы. Ниже они будут рассмотрены порознь.

Примечание. Следует предостеречь от довольно частой терминологической неточности. Нередко используется формулировка *перенос значения*. Это неверно: переносится, естественно, не значение, а *наименование*. Экспонент слова, его звуковая оболочка становится названием также для другого понятия, определенным образом связанным с тем понятием, которое обозначалось словом до переноса.

§ 33. Метонимия

Метонимия (гр. *metonymía* ‘переименование’ от *metá* ‘пере-’ и *ónoma/ónyma* ‘имя’) — это перенос наименований, основанный на реальных связях, отношениях между классами объектов и, соответственно, понятиями, их отражающими. Такие реальные связи и отношения весьма разнообразны (например, они могут быть пространственными, временными

и т. д.), их видов и подвидов множество, и вследствие этого их исчерпывающая и непересекающаяся классификация едва ли возможна. Поэтому, при всей подробности приводимой ниже классификации типов метонимического переноса, она охватывает лишь наиболее важные, наиболее распространенные типы.

Метонимия очень широко распространена, она пронизывает наш язык и нашу речь, особенно разговорную, чего говорящие обычно не замечают. Так, самые обыденные русские предложения *Чайник кипит* и *Поставь чай* содержат в себе метонимические употребления слов: *чайник* обозначает здесь ‘вода, находящаяся в чайнике’, а *чай* — ‘вода для приготовления напитка из сушеных листьев растения *чай*’. Ср. схожие норвежские примеры: *Under kaffen drøftet de dette problemet* ‘За кофе они обсудили эту проблему’, где *kaffe* означает ‘(совместное) питье кофе’, *Han bestilte to kaffe* ‘Он заказал два кофе [= две порции кофе]’.

Переходим к рассмотрению наиболее важных видов метонимического переноса.

1. Пространственная метонимия. Перенос названия на основе пространственных отношений между объектами широко распространен и представлен рядом частных типов. Основные варианты: *вместилище* → *содержимое*, *место* → *событие*, *место* → *что-либо*, *происходящее из этого места*; реже встречается перенос наименования в обратном направлении: *предмет* → *вместилище*.

1. Тип «*вместилище* → *содержимое*» очень распространен и представлен несколькими подтипами, из которых важнейшие:

а) «*сосуд* → *содержимое*», например: *En halv kopp kaffe til?* ‘Ещё полчашки кофе?’; *Han drakk opp hele flaska* ‘Он выпил всю бутылку’;

б) «*помещение, сооружение* → *те, кто находится в или на нем*»: *Auditoriet var meget fornøyd med foredraget* ‘Аудитория была очень довольна докладом’ (т. е. сидевшие в аудитории, слушатели); *Du vekker hele huset* ‘Ты разбудишь весь дом’ (т. е. всех жильцов, обитателей); *For det er tribunene fotballen lever av («VG»)* ‘Ибо футбол живет трибунами’; возможны разновидности этого подтипа, например название транспортного средства переносится на находящихся в нем, название учебного заведения — на учащихся и/или преподавателей и т. д. и т. п. Ср.: *Skole, Lysaker, gikk fra skolen...* (Jo Benkow) ‘Моя школа, Люсакер, отправлялась из школы...’ (речь идет о демонстрации); *...ropte Kristaver til en båt (Johan Bojer)* ‘...крикнул Криставер одной из лодок’. В профессиональной речи встречаются метонимические переносы, не характерные для обычной речи, например: *2-sengen skal ha tre flasker blod* (Helge Riisøen), букв. ‘Кровать № 2 должна получить три бутылки крови’, т. е. ‘Пациенту на кровати 2 предстоит переливание крови из трёх бутылок’, и т. д.;

(Метонимическое значение может в дальнейшем изменять свой объем. Так, слово *auditorium* (как и его русское соответствие) расширило свое значение и стало обозначать ‘слушатели вообще, а не только находящиеся в аудитории’.)

в) «место (особенно топоним) → люди, проживающие или пребывающие в нем». Ср.: *Nest etter det å ta imot levende polfarere, er det intet Oslo har større øvelse i enn å feire døde diktere (Sigurd Hoel)* ‘После торжественных встреч живых полярных исследователей Осло ни в чем не имеет большего опыта, чем в чествовании покойных поэтов’; *Hit kom hele byen («A-magasinet») ‘Сюда пришел весь город’*. Возможны и окказиональные метонимические переносы, например обозначение человека через место, где он находится в данный момент: *°Kateteret heldt fram... (Tarjei Vesaas)* ‘Кафедра продолжала...’ (характерно, что страницей выше у автора: *Han på kateteret fortalde... ‘Человек за кафедрой рассказывал...’*);

г) «место (особенно название улицы, района, здания и т. п.) → учреждение, орган и т. п., расположенные там». Так, в Осло *Grønland* (название района) обычно означает ‘полицейское управление’, *Blindern* (район) — ‘университет’, *Løvebakken* (‘Львиный холмик’) — ‘стортинг’, *Marienlyst* — ‘радио- и телецентр’, *Gaustad* — ‘психиатрическая больница’ (ср. шутил. *gaustadkandidat*, букв. ‘кандидат в Гэуста’, т. е. ‘психически ненормальный человек’) и т. д. Употребителен и перенос в обратном направлении, т. е. когда название учреждения и т. п. обозначает здание, помещение, где оно находится: *Han gikk forbi Universitetsforlaget* ‘Он прошел мимо Университетского издательства»; ср. также: *Søndag gikk han ned i avisen* ‘В воскресенье он пошел в газету’ (т. е. в дом, где находится редакция газеты).

2. «Место (чаще всего топоним) → событие, произошедшее, происходящее или ожидаемое здесь, или пребывание в этом месте». Такое употребление особенно характерно для обозначения исторических событий — сражений, войн, конгрессов, встреч политических деятелей, договоров, соглашений и т. п. Ср.: *Dette skjedde etter Stalingrad* ‘Это произошло после Сталинграда’; *Huser [так!] dere Tsjekkoslovakia? (Dag Solstad)* ‘Вы помните Чехословакию?’; *Og da så slutten kom — Versailles — var han opprørt og harm (Maria Hamsun)* ‘А когда наступил конец — Версаль, — он был возмущен и разгневан’; *Det ble holdt høytidelige taler om Eidsvold, grønne bjerker, frihet og fedrelandssinn (Jo Benkow)* ‘Произносились торжественные речи об Эйдсволле [здесь в 1814 г. была принята норвежская конституция], зеленых березах, свободе и патриотизме’; *...mens vi var opptatte med Calgary («Aftenposten») ‘...пока нас занимал Калгари’* (зимние Олимпийские игры); *Det ville vært uforståelig om Mongstad ikke hadde fått følger for A. J. («Aftenposten») ‘Было бы непонятно, если бы Монгста не имел последствий для А. Й.’* (имеется в виду скандал, связанный с колоссальным пре-

вышением сметы при строительстве нефтеперерабатывающего комбината в Монгста). Название места употребляется также для обозначения чьего-либо пребывания там, каких-либо действий, произведенных там, и т. п., например: De Soto ble tatt... fjorten dager etter Råde (Jon Michelet) 'Де Сото взяли через... четырнадцать дней после Роде' (Роде — населенный пункт, где герой романа пытался ограбить банк); Jaggu hadde han mye å takke Ullersmo for (Jon Michelet) 'Ей-богу, он многим был обязан Уллерсму [= пребыванию в тюрьме Уллерсму]'; Året etter ble det mye reservebenk («Aftenposten») 'На следующий год пришлось много сидеть на скамье для запасных игроков [букв. 'было много скамьи для запасных игроков']'.

3. «Место (топоним) → изделие, продукт или иной артефакт из этого места, порода животных, ведущая свое происхождение отсюда, и т. д.». Например, gauda 'гауда (сорт голландского сыра)' (по названию нидерландского города Gouda (нид. [ˈɣɑuda]), название норвежской минеральной воды farris (по названию озера Farris в фюльке Вестфолл), konjakk 'коньяк' (от фр. Cognac [kɔ̃ˈʒak], названия города и местности во Франции), havanna 'гаванская сигара' (от названия столицы Кубы Havanna/Habana), yorkshire 'йоркшир (порода свиней)' (от названия английского графства Yorkshire) и т. д.

4. «Одежда → человек, ее носящий», например skjørt 'юбка', как и его русский эквивалент, может иметь значение 'женщина', ср.: Jamen godt det ikke er et eneste skjørt i kommunestyret (Eva Ramm) 'Ей-богу, хорошо, что в правлении муниципалитета нет ни одной юбки'.

5. Подтип, как бы обратный предыдущему: «часть тела → часть одежды, прикрывающая эту часть тела». Этот весьма употребительный вариант метонимического переноса наименования может быть проиллюстрирован примером Du har et hull på stortåa 'У тебя дырка на большом пальце (ноги)'. Интересен следующий сдвиг значения: knær i bukser, букв. 'колени на брюках', означает 'вытянувшиеся колени (= ткань брюк на коленях)'.

6. «Место → расстояние между двумя такими местами». Наиболее часто встречающийся пример — синонимы holdeplass и stoppested 'остановка', употребляемые (как и их русский эквивалент) для обозначения расстояния между остановками: Vi måtte gå ni holdeplasser 'Нам пришлось идти девять остановок'.

II. Временная метонимия. Этот тип переноса наименования представлен следующими основными подтипами.

1. «Дата (год), период, отрезок времени → событие, имевшее место в это время». Так, (året) 1905 может употребляться в значении 'год обретения Норвегией государственной независимости', 1940 — в значении 'год нападения гитлеровской Германии на Норвегию' и т. п. 17 мая — национальный праздник, День конституции Норвегии, поэтому предложение Jeg

opplevde 17. mai for første gang i Hammerfest ‘Я встречал 17 мая впервые в Хаммерфесте’ означает, что говорящий впервые видел, как в Норвегии празднуется День конституции, в Хаммерфесте. Ср.: Dette er i grunnen en pussig syttende mai (Thor Heyerdahl) ‘Это, в общем-то, довольно забавное 17 мая’ (об этом дне на плоту «Кон-Тики»). Ср. далее: Urolig år i arbeidslivet («Aftenposten») ‘Беспокойный год для экономики’; Var 1. mai-dagen i år et tydelig og betydningsfullt solidaritetshåndslag? («Aftenposten») ‘Был ли день 1 мая в этом году явственным и значительным рукопожатием солидарности?’

С изменением жизни общества время и событие могут перестать совпадать: например, слово middag первоначально означало ‘полдень’, затем приобрело также новое значение ‘обед’ (прием пищи в полдень), однако теперь в Норвегии обычно обедают после работы, а гостей приглашают на обед (til middag) нередко к 7–8 часам вечера. Аналогично: midnatt первоначально означало ‘середина ночи, полночь’, теперь же, когда ложатся спать и встают значительно позднее, это слово означает ‘0 часов’, а реальной ‘серединой ночи’ следует считать примерно 3 часа ночи.

2. «Событие, процесс → время, когда событие, процесс имеют место». Слово høst, в современном языке прежде всего обозначающее ‘осень’, видимо, изначально значило ‘сбор плодов, урожай’ (ср. гр. καρπός ‘плод’), а поскольку урожай убирается осенью, этим словом стало обозначаться данное время года. Ср. также: ...og det varte en hel polka innen han gjenvant sin stemning (Alexander Kielland) ‘...и прошла целая полька, пока к нему вернулось его прежнее настроение’.

Особый вариант этого подвида временной метонимии — обозначение отрезка времени при помощи существительного, обозначающего какой-либо конкретный предмет, для создания, использования, реализации, потребления и т. п. которого требуется то или иное время. Этот тип особенно характерен для литературы и прессы. Например: Terje Stigen — nominert for første gang 36 år og 34 bøker etter debuten («Dagbladet») ‘Терье Стиген выдвинут [на премию] впервые спустя 36 лет и 34 книги после дебюта’; For noen milliarder hamburgere siden, da den verdensomfattende McDonald-kjeden ennå var ung... («Bergens Tidende») ‘Несколько миллиардов гамбургеров тому назад, когда охватывающая весь мир сеть предприятий «Мак-Дональдс» была еще молода...’; Carsten Lunde hadde engang vært en pen mann. Men det måtte ligge en del hundre liter sprit av ymse kvalitet mellom dengang og nå (Ingvar Ambjørnsen) ‘Каштен Люнде когда-то был красивым мужчиной. Однако ту пору от нынешней отделили, должно быть, немало сотен литров спиртного различного качества’.

3. «Отрезок времени → путь, преодолеваемый за это время». Яркий пример такого употребления — слово lysår ‘световой год’, обозначающее,

как и его русский эквивалент, путь, проходимый светом за один год. Ср. далее: *Han bor ti minutter fra universitetet* 'Он живет в десяти минутах от университета', *Nærmeste urmaker er flere måneder unna* («A-magasinet») 'До ближайшего часовщика несколько месяцев'.

4. «Время → люди, живущие в это время, обстоятельства, условия, институты и т. д., характерные для него». Например, *Vår tid liker ikke den slags musikk* 'Наше время не любит музыку такого рода', *Han studerer Norges middelalder* 'Он изучает норвежские Средние века'; *Hårde tider har vi døyet* (Bjørnstjerne Bjørnson) 'Мы испытали тяжелые времена'; *Er det de gode tidene som er gode, eller er det de dårlige?* (Sigurd Hoel) 'Хороши ли хорошие времена или плохие?'

5. «Человек → время встречи, общения с ним п т. д.», например: *Det slår meg igjen hvor lite jeg vet om vårt dramas hovedperson, det vil si Peter Beauvoir før Shoshana* (Jan Kjørstad) 'Я вновь поражаюсь тому, как мало я знаю о главном герое нашей драмы, Петере Бовуаре, до Шошаны [имя одной из героинь романа]'

III. Субъектно-объектная и причинно-следственная метонимия. Здесь также выделяется несколько подтипов, некоторые из которых весьма употребительны.

1. «Создатель → творение». Этот широко распространенный тип метонимического переноса представлен, в частности, случаями обозначения произведений писателей, художников, композиторов и т. д. именами их создателей, например: *Liker du Vigeland?* 'Тебе нравится Вигеланн [известный норвежский скульптор]?'; *Jeg elsker Sartre* (Rie Bistrup) 'Я обожаю Сартра'. Здесь возможно несколько вариантов — может иметься в виду:

а) творчество данного лица вообще (как в только что приведенных примерах);

б) некоторые его произведения, например: *Jeg liker å synge Wagner* («Aftenposten») 'Я люблю петь Вагнера'; *Jeg kom til Halvdan Egedius* (Lars Saaby Christensen) 'Я дошел до Халвдана Эгедиуса' (т. е. до зала в музее, где выставлены картины этого художника);

в) отдельное произведение, например: *Så selg dine gamle hollendere*. *Hva kan du få for din Rubens?* (Stein Riverton) 'Тогда продай своих старых голландцев. Сколько ты можешь получить за своего Рубенса?'; *Du fikk Rembrandt'en?* *grøvde Thygesen* (Jon Michelet) Ты получил Рембрандта? — осведомился Тюгесен'; *Dette er en ekte Munch* 'Это — настоящий Мунк [известный норвежский художник]'. Чьи-либо произведения могут обозначаться, когда контекст достаточен, не собственным именем, а личным местоимением, ср.: *Han er oversatt til mange språk* 'Он переведен на многие языки'.

2. «Источник информации (человек, газета и т. д.) → информация, исходящая из этого источника или содержащаяся в нем»: *Ifølge servitrisa*

skulle den være stor og godt synlig (Jon Michelet) ‘Согласно официантке он [вокзал] должен был быть большим и хорошо видимым’; ...jeg <...> gjengir både ham og meg i direkte tale (Tore Hamsun) ‘...я <...> воспроизведу его и себя в прямой речи’.

3) «Предмет (орган, устройство, учреждение и т. д.) → действие, функция, работа и т. д.». Это хорошо иллюстрируется словом *telefon*, которое может также означать ‘телефонный разговор’: *Telefon til deg*, букв. ‘Тебя к телефону’; *bestille (en) telefon til Moskva* ‘заказать разговор с Москвой’, *sjefen satt i telefonen*, букв. ‘шеф сидел в телефоне’, т. е. ‘шеф (сидел и) говорил по телефону’. Существительное *mage* ‘желудок’ может также означать ‘пищеварение’ (*Han har dårlig mage* ‘У него больной желудок’) и ‘стул’ (*løs mage* ‘жидкий стул’).

Довольно распространенный вариант этого переноса — обозначение заседания, собрания и т. п. названием соответствующего органа, организации и т. д., например: ...gjennomgå regjeringsnotater til morgendagens statsråd på Slottet (Andreas Nordland) ‘...просмотреть замечания правительства к завтрашнему государственному совету [= заседанию государственного совета] во дворце’.

4. Перенос в обратном направлении — «функция → предмет» — встречается реже, но тоже обычен. Так, слово *alarm* означает ‘тревога’ и ‘сигнализация’ (устройство, подающее сигнал при взломе, угоне и т. п.), ср.: *Alarmen var fiksa og skjærebrenneren godt i gang da ei vaskekone oppdaget lysskjæret...* (Jon Michelet) ‘Сигнализация уже была отключена, и горелка вовсю работала, когда уборщица заметила свет...’; *fjernsyn* — и ‘телевидение’, и разг. ‘телевизор’, ср.: ...et lavt bord, fire stoler, en humpete divan, et fargefjernsyn (Gunnar Staalesen) ‘...низкий столик, четыре стула, просиженный диван, цветной телевизор’.

5. «Действие → результат». Этот тип метонимии очень широко распространен как в норвежском, так и во многих других языках. Чаще всего это — отглагольные существительные (в норвежском с суффиксом *-(n)ing* или *-else*), обозначающие действие. Например, *samling* означает и ‘собрание’, и ‘собрание, коллекция’, *strikking* — ‘вязанье’ (процесс и предмет), *oversettelse* — ‘перевод’ (то же) и т. д. Существительным *søm* обозначается и процесс шитья, например: *Hun driver med søm* ‘Она занимается шитьем’, и что-либо шьющееся, например: *Hun la fra seg sømmen* ‘Она отложила шитье в сторону’, или сшитое, например: *Han var antrukket i engelsk skreddersøm*, букв. ‘Он был одет в английское портновское шитье’, т. е. он был в сшитом на заказ английском костюме’.

6. «Действие → объект». Этот также распространенный тип близок к предыдущему: различие состоит в том, что в только что описанном варианте метонимии в результате действия возникает не существовавший до

этого предмет (нечто собранное, связанное, сшитое и т. д.), а в этом случае одно слово обозначает и процесс, и тот уже существующий предмет, на который этот процесс направлен. Так, существительное *vask* наряду со значением ‘мойка’ (откуда развилось новое значение ‘раковина’) имеет значение ‘стирка’, но может также значить ‘белье (предназначенное для стирки, стираемое или выстиранное)’: ср., с одной стороны, *Dette tøyet kryper i vask* ‘Это белье садится при стирке’ и, с другой, *Hun hengte opp vasken* ‘Она развесила белье [для сушки]’. Аналогично, *oppvask* означает ‘мытьё посуды’, например *Jeg tar oppvasken i dag* ‘Сегодня посуду мою я’, и ‘посуда, которую надо мыть или которая вымыта’, например *Vi lot oppvasken stå til dagen etter* ‘Мы оставили грязную посуду на следующий день’. Ср. также *lesning* — ‘чтение’ (процесс и то, что читается): *Under lesningen lo han* ‘При чтении он смеялся’ и *Dette er god lesning for barn* ‘Это — хорошее чтение для детей’; *uttelling* — ‘выплата’ и ‘выплаченная сумма’ (*uttelling* имеет также метафорическое значение ‘результат’) и т. п.

7. «Деятельность, действия → люди, занимающиеся этой деятельностью, осуществляющие эти действия». Примеры: ...*kom skolemusikken og tok oppstilling på dekk. De spilte ikke* (Kjell Arild Pollestad) ‘...пришел школьный оркестр (букв. ‘пришла школьная музыка’) и выстроился на палубе. Они не играли’; ...*en bifallende humring fra næringslivet* («*Aftenposten*») ‘...одобрительное ржание экономики [= представителей деловых кругов]’.

IV. Атрибутивная метонимия. Она представлена несколькими основными подтипами.

1. «Материал → изделие из этого материала». Классическим примером служит слово *glass*, означающее ‘стекло’ и ‘небольшой сосуд из стекла — стакан, рюмка, бокал, фужер и т. д.’. *Olje*, среди прочего, значит ‘масляная краска, масляные краски’ (ср. *male med* или *i olje* ‘писать маслом’), а также ‘картина, написанная маслом’. Широко употребительно использование обозначения металла, из которого изготовлена медаль, для обозначения самой медали, например: *Laget fikk tre sølv og to bronse* ‘Команда выиграла три серебряные и две бронзовые медали (букв. ‘три серебра и две бронзы’)’; с такими ЛСВ могут образовываться сложные слова: *sølvgutten... og bronsevinner...* («*Aftenposten*»), букв. ‘серебряный парень... и выигравший бронзу...’, *I dag spiller... for sølvplass på tabellen* («*VG*»), букв. ‘Сегодня... играют за серебряное место в таблице’, т. е. ‘разыгрывают серебряную медаль’.

Интересно происхождение слова *briller* ‘очки’. Это — первоначально то же слово, что и существительное *beryll* ‘берилл’; из этого минерала в старину изготовлялись очки (норв. *briller* — заимствование из нижненемецкого, так что данный метонимический перенос произошел не непосредственно в норвежском языке).

2. «Предмет → материал». Один из наиболее частых случаев — перенос наименования дерева на древесину, например *hyller av bjørk* ‘полки из березы’, *et bord av furu* ‘стол из сосны’. Ср. также существительное *horn* ‘рог (нарост на голове)’ и ‘рог (вещество)’, например *knapper av horn* ‘роговые пуговицы’.

3. «Признак → носитель данного признака». Этот довольно распространенный вид метонимии может быть проиллюстрирован следующими примерами: *skjønnhet* ‘красота’ и ‘красавица’, *ungdom* ‘молодость’ и ‘молодежь; молодой человек’, *berømthet* ‘известность, знаменитость (признак)’ и ‘знаменитость (о человеке)’. Ср. далее: *De utvekslet banaliteter* ‘Они обменялись банальностями’; *Finnes det ingen vei ut av håpløsheten?* («Friheten») ‘Неужели нет выхода из этого безнадежного положения [букв. ‘из безнадежности’]?’; *Et land som gjorde et uutslettelig inntrykk på vår litterære stolthet* («Aftenposten») ‘Страна [= Италия], которая произвела неизгладимое впечатление на нашу литературную гордость [= Ибсена]’; *Her møtte han det som var av kjente navn i norsk bank- og finansverden* (Andreas Nordland) ‘Здесь он встретил все известные имена [т. е. людей] норвежского банковского и финансового мира’. Одно из самых известных стихотворений Рудольфа Нильсена называется «Nr. 13» ‘«№ 13»’; оно посвящено дому № 13, ср. первую строку: *De spør hvor Nr. 13 er — vår kjære gamle gård?* ‘Вы спрашиваете, где находится № 13 — наш милый, старый двор?’

4. «Отношение → человек, находящийся в данном отношении». Примеры: *Han fikk lån gjennom en av sine forbindelser i banken* ‘Заем он получил благодаря одному из своих знакомых [букв. ‘связей’] в банке’; *Flere av Jonssons bekjenskaper kom og slo seg ned ved bordet* (Gunnar Staalesen) ‘Подшли другие знакомые [букв. ‘знакомства’] Юнссона и подсели к столу’; *Spontane uttalelser fra bekjente og tilfeldige kontakter, leserbrev til avisene er entydige...* (Jahn Otto Johansen) ‘Спонтанные высказывания знакомых и случайно встреченных лиц [букв. ‘контактов’], читательские письма в газеты не оставляют сомнения...’.

5. «Область человеческой деятельности → конкретные предметы, относящиеся к ней». Например: *Rundt på veggene hang tung, dyr kunst...* (Gunnar Staalesen) ‘По всем стенам были развешаны тяжелые, дорогие предметы искусства [букв. ‘искусство’]...’; *Man delte ut valgpropaganda* (Eva Ramm) ‘Раздавали предвыборные пропагандистские материалы [букв. ‘предвыборную пропаганду’]’.

V. Изобразительная метонимия. В этой рубрике объединены различные способы отражения реальных предметов в произведениях искусства, фиксации текстов и т. п.

1. «Человек → его изображение, скульптура и др.». Ср.: *Alexander Kieland våket uforstyrrelig over det hele* (Gunnar Staalesen) ‘Александр Хьелланн

[= статуя Александра Хьелланна] невозмутимо взирал на все'; Han kunne ikke la være å kikke på barskingen som dekket safen (Anker Rogstad) 'Он не мог не бросить взгляда на молодца [= фотографию молодца], прикрывавшую сейф'. Широко употребительны сочетания *grønn/tød mann* 'зеленый/красный человечек' — знаки для пешеходов на светофоре: Laila Olsen fikk grønn mann, og gikk rett fram (Ingvar Ambjørnsen) 'Перед Лайлой Ульсен загорелся зеленый человечек, и она двинулась вперед'.

2. «Человек, событие → сообщение о нем», например: °Hugo kunne ikke kje vera i avisene ennå (K.Villun) 'Хуго [т. е. сообщение о смерти Хуго] в газетах быть еще не могло'.

3. «Подпись → человек». Очень распространена метонимия *signatur* 'подпись' в значении 'человек, пользующийся данной подписью', например: Signaturen MS skriver i lørdagsavisa at... 'Автор за подписью МС [букв. 'Подпись МС'] пишет в субботнем номере газеты, что...'

VI. **Синекдоха.** Этот широко распространенный вид переноса наименования нередко выделяется лексикологами в особый тип (т. е. не причисляется к метонимии), поскольку в этом случае отношения между понятиями представляют собой особый вид смежности: соотношения части и целого, т. е. соотношения количественные.

Существуют два основных вида синекдохи: использование обозначения части для обозначения целого (лат. *pars pro toto* 'часть вместо целого') и использование обозначения целого для обозначения части (лат. *totum pro parte* 'целое вместо части').

1. Перенос «часть → целое» весьма употребителен, но, в отличие от второго вида синекдохи, более «индивидуален», т. е. менее моделирован. Особенно часто он используется для обозначения живых существ, но, конечно, не только их.

Примеры: *landets beste hoder* 'лучшие головы страны'; *pr. hode*, разг. *pr. snute* 'на человека' (букв. 'на голову'), разг. 'на нос (на рыло)'; *ha mange munnar å mette* 'иметь много иждивенцев' (букв. 'иметь много ртов, которые надо насытить'); *Det var bare kjente ansikter til stede* 'Присутствовали только знакомые лица'; *Vår ære og vår makt bar hvite seil oss bragt* (Bjørnstjerne Bjørnson) 'Нашу славу и наше могущество принесли нам белые паруса [т. е. наш флот]'; *Nitten somre var den svenn* (Hans Kinck) 'Было тому юноше 19 лет' (*sommer* 'лето'); *Du vil undre deg når du regner de vintre som er gått* (Sigrid Undset) 'Ты удивишься, когда сосчитаешь, сколько прошло зим'.

В синекдохе этого типа особо выделяют *бахуврихи*. Этим термином, заимствованным из санскрита, называют слова, обычно сложные, обозначающие часть тела или предмет одежды, особенно характерные, приметные для данного класса людей или конкретного человека, и потому

используемые для их обозначения (по части тела иногда обозначаются и животные).

Примечания. 1. Существительное *бахуврихи* не склоняется, и совпадение его с русской формой мн. числа случайное. 2. Термин *бахуврихи* используется некоторыми авторами несколько иначе: им обозначаются также сложные прилагательные типа рус. *синеглазый*.

Как отмечено выше, обычно *бахуврихи* — это сложное слово или (в норвежском значительно реже) сочетание существительного с прилагательным. Это вполне понятно: использовать, например, слово *skjorte* ‘рубашка’ для обозначения класса людей или конкретного лица нельзя, поскольку этот признак характерен для огромного множества людей, но использование слов *svartskjorte* ‘чернорубашечник’ (букв. ‘черная рубашка’) как обозначение итальянских фашистов или *brun skjorte* ‘коричневорубашечник’ (букв. ‘коричневая рубашка’) для обозначения германских нацистов вполне естественно. Аналогично Тур Хейердал, описывая жителей острова Пасхи, употреблял слово *kortører* ‘короткоухие’ (букв. ‘короткие уши’) и *langører* ‘длинноухие’ (букв. ‘длинные уши’), потому что эти обозначения достаточны, но невозможно использовать слово *øre* ‘ухо’ для обозначения человека, ибо уши есть у всех.

Примеры *бахуврихи*, обозначающих классы людей или животных: *blåkrage* ‘матрос’ (букв. ‘синий воротник’), *gultrøjer* ‘игроки команды «Фригг»’ (букв. ‘желтые футболки’), *hvitsnipp* ‘клерк’ (букв. ‘белый воротничок’), *rødhud* ‘краснокожий’ (букв. ‘красная кожа’), *blekasikt* ‘бледнолицый’ (букв. ‘бледное лицо’), *neshorn* ‘носорог’, *gråbein* ‘волк’ (букв. ‘серая нога’).

Бахуврихи часто выступают в роли прозвищ, ср. имена королей древней Скандинавии (приводится современная норвежская форма; перевод дается в соответствии с отечественной исторической традицией, а в скобках приводится точный перевод): *Harald Blåtann* ‘Харальд Синезубый (Синий Зуб)’, *Inge Krokrygg* ‘Инге Горбун (Кривая или Горбатая Спина)’, *Svend Tjugeskjegg* ‘Свенн Вилобородый (Двадцать Бород)’, *Magnus Barfot* ‘Магнус Босой (Босая Нога)’ и др. Ср. также имена известных литературных героев: *Rødhette* ‘Красная Шапочка’, *Pippi Langstrømpe* ‘Пеппи Длинный Чулок’, *Lærstrømpe* ‘Кожаный Чулок’ (герой одного из романов Фенимора Купера) и т. д. *Бахуврихи*, в том числе *бахуврихи* — окказиональные обозначения и *бахуврихи-прозвища*, нередко используются в литературе и прессе: *Knut ga skinnvesten et strupetak (Tore G. Vareksten)* ‘Кнут схватил кожаную куртку за горло’; *Men nå synes lysluggen fra Romsås at...* («Aftenposten») ‘Но теперь светлому чубу из Румсоаса кажется, что...’; *Hverken ekteparet eller Fiskeøye, var å se (Anker Rogstad)* ‘Не было видно ни супружеской четы, ни Рыбьего Глаза’ и т. п.

Весьма распространен подтип, который, видимо, можно назвать метафорическим бахуврихи (о метафоре, переносе наименования на основании общности признака, см. подробнее следующий параграф). В характеризующих индивида сложных словах первый элемент обозначает объект (особенно часто животное), у которого данная часть тела (реально или как принято считать) имеет тот или иной характер. Так, Rikard Løvehjerte ‘Ричард Львиное Сердце’ — это человек, обладающий таким же бесстрашным сердцем, как лев; некто по прозвищу Rottefjes ‘Крысиная Морда’, очевидно, похож на крысу, и т. д. Ср. также Falkeøye ‘Соколиный Глаз’ (у Ф. Купера), Gunnlaug Ormstunge ‘Гуннлауг Змеиный Язык’ (древнеисландский скальд) и др. Иные варианты метафорических бахуврихи: løvetann ‘одуванчик’ (букв. ‘львиный зуб’), pengesekk ‘денежный мешок’, nervebunt ‘комочек нервов’ (например, в предложении Norske nervebunter kjørt ned i 1. omgang («Sunnmørsposten») ‘Норвежские комки нервов разгромлены в 1-м тайме’).

Метафорическими бахуврихи являются, далее, многие ругательные характеристики: fehode ‘болван’ (букв. ‘скотская голова’), treskalle ‘дубина’ (букв. ‘деревянный череп’), kjøthue ‘балда’ (букв. ‘мясная башка’) и аналогичные.

Выше упоминалось, что сочетания «прилагательное + существительное» в норвежском языке выступают в функции бахуврихи реже, нежели сложные существительные. Это не означает, конечно, что они вообще не встречаются, ср.: Allikevel satt der nesten alltid en grå ulltrøye i døren (Hans Kinck) ‘И все же почти всегда в дверях сидела серая шерстяная кофта’; ...blå og røde boblejakker var blandet inn i gjengen (Jon Michelet) ‘...синие и красные пуховки затесались в группу’.

Заканчивая рассмотрение синекдохи *pars pro toto*, отметим особый ее вид: ‘обозначение народа по личному (одному из наиболее типичных) имени: Ola (og Kari) Nordmann ‘Ула (и Кари) Нурманн’ (Ула и Кари считаются «особенно норвежскими» — соответственно мужским и женским — именами, nordmann ‘норвежец’), John Bull ‘Джон Буль’ (т. е. ‘англичанин, англичане’), Over hele Østfronten presset Ivan på (Jon Michelet) ‘По всему Восточному фронту нажимал Иван’. В сущности, это вариант грамматической синекдохи, заключающейся в употреблении ед. числа при обозначении совокупности, в функции мн. числа.

2. Перенос «целое → часть», лат. *totum pro parte*. Этот тип, как правило, моделирован, т. е. осуществляется по определенным продуктивным моделям. Например, географические названия могут обозначать весьма различные группы лиц: собственные имена Norge ‘Норвегия’, Bergen ‘Берген’ и т. д. могут обозначать и делегацию Норвегии (Бергена), и футбольную команду, и туристскую группу, и отдельного делегата, и т. д., и т. п.

Словари, естественно, не регистрируют такие значения, фактически возможные у любого топонима.

Особо отметим характерное для разговорной речи и языка прессы употребление названия органа, организации и т. п. для обозначения представителя, члена и т. п.: Stortinget så på Undheim og han så på Stortinget (Andreas Nordland) ‘Стортинг [т. е. депутат стортинга] смотрел на Уннхейма, а тот на стортинг [т. е. депутата стортинга]’; Da Dagbladet i går fløy over store deler av Østlandet... («Dagbladet») ‘Когда «Дагбладе» [т. е. корреспондент этой газеты] вчера пролетал над большими частями Восточной Норвегии...’; Ola-Petter og Folkebevegelsen møttes på Blom (Rie Bistrup) ‘Ула-Петтер и «Народное движение» [т. е. представитель этого движения] встретились в «Бломме» [ресторан в Осло]’ и т. д.

Специфически норвежский вид этого типа синекдохи — употребление среди моряков названия города, откуда моряк родом, как его прозвища. Например, в пьесе Нурдала Грига «Наша слава и наше могущество» некоторые матросы имеют только такие прозвища: Narvik, Risør, Kristiansund.

К синекдохе иногда относят перенос с общего на частное, с абстрактного на конкретное и обратно. Такие типы изменения значения слова рассматривались выше как расширение и сужение значения (см. § 29).

Выше была дана достаточно подробная и дробная классификация метонимических переносов, однако она не охватывает всех типов. Так, в нее не вошел, например, вид «владелец → владение» и «владение → владелец», ср.: ...utenfor Skipper Worse på hjørnet (Aleksander Kjelland)... ‘перед шкипером Вошше [т. е. домом шкипера Вошше] на углу’, ...datteren til den nye tobaksforretningen (Sigard Undset) ‘...дочка новой табачной лавки [т. е. владельца лавки]’. Не вошел в нее и ряд других частных видов, например случаи типа hånd ‘рука’ и ‘почерк’, skudd ‘выстрел’ и ‘патрон’, distanse ‘дистанция’ и ‘бег на данную дистанцию’ (например, Han vant tre av fire distanser ‘Он выиграл три из четырех дистанций’), leilighet ‘возможность; случай’ и ‘квартира’, firma ‘фирма’ и ‘дела фирмы’ (Farens firma gikk bra ‘Дела в отцовской фирме шли хорошо’, букв. ‘Отцовская фирма шла хорошо’) и др. В речи широко распространены авторские, или индивидуальные, метонимии, ср.: Brasil ligger 11 000 kroner unna («Aftenposten») ‘Бразилия расположена в 11 000 крон [т. е. авиабилет до Бразилии стоит 11 000 крон]’; ...en renholdsarbeider spylte asfalten med en kraftig vannslange (Gunnar Staalesen) ‘...уборщик поливал асфальт из сильного шланга [= сильной струей воды из шланга]’; Vi var vel en sju-åtte flasker (Rudolf Nilsen) ‘Было нас что-нибудь семь-восемь бутылок [т. е. участников выпивки]’; Maratonløpet murret ømt i bena (Gunnar Staalesen) ‘Ноги ныли после марафонского бега’ (букв. ‘марафонский бег болезненно ныл в ногах’: герой бежал накануне марафонскую дистанцию); Thygesen gikk ut i den

lange, lyse kvelden og den alt for velkjente byen (Jon Michelet) ‘Тюгесен вышел в долгий, светлый вечер и слишком хорошо знакомый город’ и т. д.

Множество оттенков метонимии, переходящих друг в друга, отражают практически бесконечное разнообразие типов реальной связи в мире. Поставить перед собой задачу дать исчерпывающую классификацию типов метонимии значит, в сущности, попытаться перечислить все типы реальных связей между понятиями, встречающихся в мышлении человека и находящихся отражение в речи, что, скорее всего, невозможно. Поэтому даже самая подробная классификация в этой области — некое упрощение, огрубление, схематизация этого многообразия, это видно еще и из того, что ряд случаев метонимического переноса допускает различную интерпретацию. Так, skjørt ‘юбка’ в значении ‘женщина’ можно трактовать и как пространственную метонимию, как это сделано выше, и как синекдоху, равно как и топоним Praha ‘Прага’ в значении ‘правительство Чехии’. Приведенные выше в качестве примера на синекдоху прозвища матросов — названия городов, откуда они родом, — могут также трактоваться как случай пространственной метонимии.

Возможны цепочки метонимических переносов, т. е. случаи, когда переносное значение, в свою очередь, становится исходным для последующего переноса и т. д. Рассмотрим пример: Gode gamle Bjørnson og Wergeland blir ugyldig som betalingsmiddel om ett år («Aftenposten») ‘Старые добрые Бьёрнсон и Вергеланн станут через год недействительными как платежное средство’. Имеются в виду банкноты с изображением этих лиц; таким образом, наблюдается цепочка: человек → его изображение → нечто с данным изображением.

Еще чаще встречаются цепочки, образуемые метонимическими и метафорическими переносами. Они будут рассмотрены ниже в конце параграфа, посвященного метафоре.

Возможны, далее, комбинации различных иных типов изменения значения с метонимическим переносом. Слово gass ‘газ’ приобрело, как и его русский эквивалент, дополнительное специализированное (суженное) значение ‘смесь бензина с воздухом (в двигателях внутреннего сгорания)’ (под влиянием англ. gas, сокращенной формы слова gasoline ‘бензин’), откуда развилось метонимическое значение ‘педаль газа, акселератор’ (устройство, регулирующее подачу газа в автомашине), ср. Han tro på gassen ‘Он нажал на газ’.

Исходные значения многозначного слова могут давать несколько различных метонимических переносов, так сказать, веер значений, часто с цепочками дальнейших переносов: olje 1 → ‘oljefarge’ (‘масляная краска’) → ‘oljemaleri’ (‘картина, написанная маслом’), olje 2 → ‘oljevirkosomhet’ (‘добыча нефти’) — ‘oljeaksjer’ (‘нефтяные акции’) и т. д.; ср. также olje (lin-

olje ‘льняное масло’) → ‘oljelerret’ ‘непромокаемая ткань (ранее пропитывавшаяся льняным маслом, теперь покрываемая слоем пластмассы)’ → ‘oljehyre, oljeklær’ (‘непромокаемая рыбацкая одежда’), например: Han var kledd i olje ‘Он был в непромокаемой робе’.

Метонимии в подавляющей своей массе живые. Стершиеся метонимии — это обычно пары «слово норвежского языка — иностранное слово, этимологически ему тождественное», например kaffe ‘кофе’ — kafé ‘кафе’ (из фр. café ‘кофе’, ‘кафе’); см. также приведенный выше (IV.1) пример briller ‘очки’ (< bergyll ‘берилл’). Характерно, что в таких случаях производное слово деформировано по сравнению с исходным.

За исключением двух, все примеры, приведенные в этом параграфе, составляли существительные. Однако метонимический перенос возможен и у местоимений; ср. приведенный выше пример Han er oversatt til mange språk ‘Он [= писатель, т. е. его произведения] переведен на многие языки’; далее: Hun siteres ofte ‘Ее [= ее высказывания, произведения и т. п.] часто цитируют’; Vi har punktert ‘Мы прокололись [= у нас, т. е. у нашей машины, прокололась шина]’. В прессе широко используется формула idet vi går i trykken, букв. ‘когда мы идем в печать’, т. е. ‘перед сдачей номера в набор’.

Еще более велики возможности метонимического переноса у прилагательных. Так, прилагательное norsk ‘норвежский’ означает и ‘свойственный, принадлежащий Норвегии’ (norske elver ‘норвежские реки’), и ‘свойственный норвежцам, характерный для норвежцев’ (den norske individualisme ‘норвежский индивидуализм’), и ‘относящийся к норвежскому языку’ (norske adjektiver ‘норвежские прилагательные’), и ‘описывающий норвежский язык’ (norsk ordbok ‘норвежский словарь’), и ‘относящийся к изучению норвежского языка и литературы’ (den norske avdelingen ved Universitetet i St. Petersburg ‘норвежское отделение С.-Петербургского университета’ и т. д. и т. п. Приведем несколько примеров метонимических значений у прилагательных и причастий: en hvit kirke i Sør-Afrika ‘белая церковь (= церковь для белых) в Южной Африке’, med olympiske muskler ‘с олимпийскими мускулами’: а) ‘с мускулами олимпийца’; б) ‘с мускулами, как у олимпийца’, — в этом последнем случае налицо цепочка «метонимия → метафора»), et nasjonalt øyeblikk ‘национальный момент (= момент, когда присутствующие исполнены патриотических чувств)’, en hastig hånd ‘поспешная рука (= рука, совершающая поспешное движение)’, Hans bleke, uluftede ansikt (Ronald Fange) ‘Его бледное, нездоровое [букв. ‘непроявленное, лишенное прогулок’] лицо’, den ventende bilen (Andreas Nordland) ‘ждущая автомашина’, et stort utstoppet elghode som ga et visst møllspist inntrykk (Gunnar Staalesen) ‘большая лосиная голова, производившая какое-то изъеденное молью впечатление’ и т. д.

Грань между метонимией и семантической компрессией или конденсацией в известной мере условна. В принципе и метонимия, и семантическая конденсация возникают на базе эллипсиса как результат стремления к экономии языковых средств. Так, слово *sølv* ‘серебряная медаль’, букв. ‘серебро’, может рассматриваться как случай атрибутивной метонимии (см. выше, IV.1), но также и как случай семантической компрессии (*sølv-medalje* → *sølv*, см. § 40). Аналогично: *I første etasje (er det) urologi og gastroenterologi* (Helgo Riisøen) ‘На первом этаже (находится) урология и гастроэнтерология [т. е. отделения урологии и гастроэнтерологии]’; *Vi har nettopp fått inn en skade* (Anker Rogstad) ‘К нам только что доставили травму [т. е. пациента с травмой]’; близкие, но все же несколько отличные примеры: *Legene på patologen ville merke...* (Jon Michelet) ‘Врачи на патологии [патолог ‘патолог’] заметили бы...’, *...den nye assistentlegen på kirurgen* (Helgo Riisøen) ‘...новый адъюнкт на хирургии [kirurg ‘хирург’]’.

В заключение этого раздела остановимся на специфическом виде переноса наименования, который условно может быть отнесен к метонимии, — на символе. Символом (гр. *sýmbolon* ‘знак, доказательство’) называют слово, чаще всего существительное с конкретным значением, которое является представителем, выступает заместителем более широкого понятийного поля³. Обычно это — название конкретного предмета, определенным образом связанного с каким-либо процессом, какой-либо деятельностью и т. д. Рассмотрим начальные строки двух первых строф известного стихотворения Арньюльфа Эверланна «Мы выдержим все!» (Arnulf Øverland. «*Vi overlever alt*»), написанного в 1940 г., когда Норвегия подверглась гитлеровской оккупации:

Vi eide ikke sverd!
 Vi trodde mer på freden,
 fornuften, arbeidsgleden,
 på selve livets verd! <...>
 Vi hadde ingen skjold.
 Vi kjente ingen fare;
 vi hadde venner bare.
 Da ble vi tatt med vold!

(‘У нас не было меча! Мы больше верили в мир, разум, радость труда, в саму ценность жизни! <...> У нас не было щита. Мы не чувствовали опасности; у нас были только друзья. И тогда нас взяли силой!’) В этих строках слова *sverd* ‘меч’ и *skjold* ‘щит’ употреблены в символическом значении: они обозначают соответственно ‘оружие, военная сила’ и ‘средства защиты, оборонительные силы’.

³ E i d e T. *Retorisk leksikon*. Oslo, 1990. P. 110.

Другие примеры: *kalk* ‘чаша’ употребляется также в значении ‘страдания’, ср. *La denne kalk gå meg forbi* ‘Да минует меня чаша сия’; *en fjær i hatten*, букв. ‘перо в шляпу’, т. е. ‘триумф’.

Как явствует из приведенных примеров, традиционные символические значения слов часто связаны не с современной ролью обозначаемых ими классов объектов, а с прошлой. Так, *sverd*, *kalk* и т. п. — предметы, не используемые в современном обществе (*skjold* ‘щиты’ у нынешних полицейских появились недавно). Слово *penn* ‘перо’ как символ литературной деятельности употребляется и по сей день, хотя в наше время писатели преимущественно пользуются пишущими машинками или компьютерами.

§ 34. Метафора.

Метафорой называется перенос наименования, основанный на наличии у данных двух понятий общего признака, т. е. на некотором сходстве. Таким образом, в основе метафорического переноса лежит скрытое сравнение: без сравнения не установить наличия общего признака. Вместе с тем метафора — именно скрытое сравнение в отличие от обычного сравнения, например, с союзом *som* ‘как’, ср.: *føle seg som hjemme* ‘чувствовать себя как дома’ (сравнение) и *føle seg hjemme* ‘чувствовать себя дома’ (метафора).

Поскольку понятие — набор ряда признаков, то вполне возможно, что одно и то же наименование может переноситься на несколько различных других понятий, в зависимости от того, какой из этих разных признаков лежит в основе сравнения. Так, понятие, обозначаемое словом *slange* ‘змея’, содержит в себе, в частности, следующие признаки: 1) ‘животное’, 2) ‘нечто длинное, круглое в сечении и гибкое’, 3) ‘нечто коварное и злое’ и др. Отсюда метафорические значения: ‘шланг’, ‘камера (велосипедная, автомобильная)’, ‘шлейф (дыма и т. п.)’, ‘дьявол (по Библии)’, ср. рус. *змея* ‘неискренняя и хитрая женщина’ и т. д.

Метафоры бывают поэтические, т. е. индивидуальные, авторские, не характерные для речевой практики всего языкового коллектива, и языковые, или лексические, широко употребляемые говорящими. Метафора — характернейший признак поэтической речи, индивидуальность поэта проявляется в свежести и яркости метафор. В норвежской литературе использованы, видимо, десятки тысяч индивидуальных метафор, практически почти в каждом стихотворении есть хотя бы одна метафора. Вот несколько взятых наугад примеров: *...mot havet, hvor fjernt det løfter den kolde panne* (Bjørnstjerne Bjørnson) ‘...к морю, где оно вдали вздымает холодный лоб’; *°Jordi søv i sitt vinterlin* (Arne Garborg) ‘Земля спит в своем зимнем льне’; *føttenes vevre tunges* (Olaf Bull) ‘бойкие языки ножек’ и т. д.

Разумеется, есть случаи переходные между поэтическими и языковыми метафорами. Ниже будут рассматриваться только последние.

Языковые метафоры можно разделить на два основных вида — назывные, являющиеся (единственными) наименованиями понятий, и характеризующие, обозначающие понятия, уже имеющие наименование в языке. Примером назывных метафор могут служить слова *slegge* ‘молот (спортивный снаряд)’ — исходное значение ‘молот, кувалда’, *arm* ‘рукав (реки, фьорда)’ — исходное значение ‘рука’, *rygg* ‘корешок (книги)’ — исходное значение ‘спина’, примером характеризующих — *korpi* ‘копия (плагиат, скверное подражание)’, *osean* ‘море, масса’ — исходное значение ‘океан’, *gås* ‘дура’ — исходное значение ‘гусыня’.

Классификация языковых метафор представляет значительные трудности. Полная, четкая и непересекающаяся классификация их едва ли возможна вообще, поскольку вряд ли возможна классификация всех признаков, которыми могут обладать все элементы действительности. По этой причине ниже будут перечислены лишь некоторые наиболее частые типы метафорического переноса, что не может считаться классификацией. Итак, признаки, на основании которых осуществляется метафорический перенос, в частности, таковы (при расхождении перевода в квадратных скобках приводится исходное значение слова):

- сходство формы и структуры: *hode* ‘шляпка [‘голова’] (гвоздя); *kочан* (капусты), *tann* ‘зубец, зубчик’ [‘зуб’], *flaskehals* ‘узкое место’ [‘бутылочное горлышко’], *nett* ‘сеть (например, железных дорог, телефонная и т. п.)’, *kanal* ‘канал (связи, телевизионный и т. д.)’, *batteri* ‘батарея (бутылок)’;

- сходство цвета, расцветки: *blåveis* ‘синяк, «фонарь», «фингал»’ [‘анемон’], *roser* (i kinnene) ‘румянец’ [‘розы’], *sebrafelt* ‘переход «зебра»’ [‘поле зебры’];

- количественное сходство («много — мало»): *et hav av folk* ‘море людей’, *et lass med matvarer* ‘воз продуктов’, *en haug* [‘холм’] *med bøker* ‘груда книг’, *en håndfull* (med) *tilskuere* ‘горстка [‘горсть’] зрителей’, *en dråpe kaffe* ‘капля кофе’, *jeg begriper ikke et fnugg* ‘я ничегошеньки [fnugg ‘пылинка; снежинка’] не понимаю’;

- сходство фазы развития: *en ny tids fødsel* ‘рождение нового времени’, *frihetens morgenrøde* ‘заря свободы’, *livets vår* ‘весна жизни’, *kulturens død* ‘смерть культуры’;

- сходство функции: *ideens far* ‘отец идеи’, *en moralsk støtte* ‘моральная поддержка’ [‘опора’], *oppkaste seg til dommer over noe* ‘брать на себя функцию судьи в чем-либо’, *stå ved roret* (i partiet) ‘стоять у руля (в партии)’, *tidens tann* ‘разрушительное влияние [‘зуб’] времени’;

- сходство вызываемых ощущений (приятных или неприятных): *søte/bitre minner* ‘сладкие/горькие воспоминания’, *en lekker jakke* ‘элегантная [‘аппетитная, вкусная’] куртка’, *krigens mareritt* ‘кошмар войны’, *ord som svir* ‘слова, которые жгут’;

• сходство ведущей черты личности, характера, внешности, поведения (последнее относится и к названиям животных): *huleboer* ‘пещерный житель, троглодит’, *donjuan* ‘донжуан’, *Vør Vørson* ‘Бёр Бёрсон’ (см. § 24), *krøsus* ‘крёз’, *venus* ‘красавица’ [‘Венера’], *xantippe* ‘ксантиппа (сварливая женщина, имя жены Сократа)’, *metusalem* ‘мафусаил’, *esel* ‘осел (дурак)’, *svin* ‘свинья (оценка моральных качеств)’, *gris* ‘свинья (оценка неопрятности)’, *stut* ‘болван’ [‘бык’], *paregøye* ‘попугай’;

• сходство характера протекания процесса: *Folk strømmet ut av salen* ‘Народ устремился [‘потек’] из зала’, *Samarbeidet glir godt* ‘Сотрудничество протекает [‘скользит’] хорошо’, *Samtalen dreide seg om været* ‘Разговор вращался вокруг погоды’, *Han svelget fornærmelsen* ‘Он проглотил оскорбление’.

При метафорическом переносе очень часто имеют место следующие процессы:

• перенос из конкретного в абстрактное, например: *et skritt i riktig retning* ‘шаг в правильном направлении’, *en dyp tanke* ‘глубокая мысль’, *ikke det spor* ‘нисколько’, букв. ‘ни следа’, *en tanke for stor* ‘чутьочку великоватый’ [‘tanke ‘мысль’], *en avgrunn mellom synspunktene* ‘пропасть между взглядами’ и т. п.,

• персонификация, например: *Lykken er blind*, букв. ‘Счастье слепо’, т. е. ‘Фортуна слепа’; *Tilfallet ville at...* ‘Случаю было угодно, чтобы...’, букв. ‘Случай захотел, чтобы...’; *Tiden flyr* ‘Время летит’; *Motoren ville ikke starte* ‘Мотор не хотел заводиться’ и т. п.

Как упоминалось, есть метафорические значения вполне привычные, широко употребляемые, есть и индивидуальные, есть и промежуточные явления. Ср.: *AIDS — Afrikas «svartedauen»* («*Aftenposten*») ‘СПИД — «черная смерть» Африки’ (*svartedauen* — название эпидемии чумы, поразившей Норвегию в середине XIV в.; непривычность метафоры, как видно из примера, отмечается кавычками; отметим попутно «цитатный» характер слова *svartedauen*, употребленного с определенным артиклем после существительного в род. падеже).

Заканчивая рассмотрение переносных значений, отметим, что нередко встречаются цепочки, состоящие из метонимий и метафор. Это можно проиллюстрировать выражением *et steinkast* (*unna* или *borte*). От исходного значения 1) (*enkelt*) *kast med stein* ‘(отдельный) бросок камнем’ метонимически образовано значение 2) *lengde, avstand så lang som en kan kaste en stein* ‘длина, расстояние, на которое можно бросить камень’, а от последнего, в свою очередь, метафорическое значение 3) *ganske kort vei* ‘совсем короткий путь’, например: *Vi bor bare et steinkast fra hverandre* ‘Мы живем в двух шагах друг от друга’. Другие примеры. Изначальное значение имени собственного *Waterloo* — название населенного пункта в Бель-

гии, южнее Брюсселя. Во время «Ста дней» около Ватерлоо англо-голландские войска А. Веллингтона и прусские войска Г. Блюхера 18 июня 1815 г. разгромили армию Наполеона. Отсюда имя Waterloo приобрело метонимическое значение ‘битва при Ватерлоо’, ср. Etter Waterloo kunne Napoleon ikke... ‘После Ватерлоо Наполеон не мог...’. Поскольку в этой битве войска Наполеона были разгромлены, имя Waterloo получило метафорическое значение ‘сокрушительное поражение’, ср. Denne fiaskoen på scenen ble hans Waterloo ‘Это фиаско на сцене стало его Ватерлоо’. Аналогичное развитие значений наблюдается у имени собственного Watergate ‘Уотергейт’: название отеля в Вашингтоне → политический скандал, связанный с противозаконными действиями в период избирательной кампании 1972 г. и приведший в конечном счете к импичменту Р. Никсона → крупный политический скандал вообще, ср. Dette er et nytt Watergate ‘Это новый Уотергейт’. Из первичного значения слова skritt ‘шаг’ (‘движение ног’) развился веер метонимических значений: 1) ‘длина шага’ (på tre skritts avstand ‘на расстоянии трех шагов’), 2) ‘аллюр’ (han red i skritt ‘он ехал шагом’), 2) ‘промежность (и соответствующая часть одежды)’ (buksen er trang i skrittet ‘брюки узки в шагу’). Из значения 1) развилось метафорическое значение ‘небольшое расстояние’ (Han bor ikke mange skrittene herfra ‘Он живет в нескольких шагах отсюда’), из него же — метафорическое значение ‘поступок; мера’ (Det er tatt skritt for å hindre misbruk ‘Предприняты шаги к предотвращению злоупотреблений’). Это примеры узуальных (обычных, принятых) цепочек переносных значений. Естественно, возможны и авторские, индивидуальные цепочки подобного рода, ср.: Dette er Agatha Christie. Ikke virkelighet (Bernhard Borge) ‘Это — Агата Кристи. Не действительность’ (развитие значений: имя автора → произведения этого автора → ситуация, характерная для произведений этого автора); ср. также: ...å prøve å forføre den vesle tøytta, etter den vanlige oppskriften. Mye tid og mye Freud og en dash Hamsun (Jon Michelet) ‘...попытаться соблазнить эту сучку по старинному рецепту. Много времени, много Фрейда и капелька Гамсуна’.

О метафорических бахуврихи см. предыдущий параграф.

§ 35. Гипербола и литота.

Единицы лексики — слова и ФЕ — могут изменять свое значение также с точки зрения соответствия действительности. В большинстве случаев в результате метонимического или метафорического переноса, а также сужения или расширения значения возникают новые значения, соответствующие реальной действительности: (Han drakk) en flaske mineralvann ‘(Он выпил) бутылку минеральной воды’, Forhandlingene er kommet inn i en blindgate ‘Переговоры зашли в тупик’, by ‘город’ (первоначально о лю-

бом населенном пункте, см. § 28), *ferdig* ‘готовый’ (изначально ‘готовый к поездке’). Однако слово или ФЕ могут употребляться в новом значении, которое, если иметь в виду его первоначальное, исходное значение, находится в противоречии, несоответствии с действительностью. Таких типов несоответствия действительности два — гипербола и литота.

Гиперболой (гр. *hyperbolé* ‘преувеличение’) называют преувеличение, т. е. такое употребление слова или словосочетания, которое выражает очень сильную степень признака путем умышленного противоречия между обозначаемым и «буквальным» значением. Обычно гиперболой является метафорическое употребление слова или словосочетания, ср.: *Vi har ikke sett hverandre på en evighet* ‘Мы не виделись целую вечность’, *Salen var et hav av blomster* ‘Зал представлял собой море цветов’, *Koppen gikk i tusen knas* ‘Чашка разлетелась на тысячу осколков’, *Hun var sprekkeferdig av stolthet* ‘Она лопалась от гордости’, *Han kan erte en stein på seg*, букв. ‘Он может раздражить и камень’, т. е. ‘Он кого угодно выведет из себя’, *jobbe 25 timer i døgnet* ‘работать 25 часов в сутки’, *dø av nysgjerrighet* ‘умирать от любопытства’ и т. п.; *Øynene hans var isblå og utstrålte omtrent like mye varme som Jostedalbreen og Svartisen til sammen* (Ingvar Ambjørnsen) ‘Глаза у него были ледяные и излучали примерно столько же тепла, сколько Юстедалсбреэн и Свартисен [крупнейшие ледники Норвегии] вместе взятые’; *Skuldrene under den trange jakken var så smale at de knapt kunne tåle vekten av en sommerfugl* (Lars Saabye Christensen) ‘Плечи под тесной курткой были такие узкие, что едва ли выдержали бы вес бабочки’.

От гиперболы следует отличать усиление значения. Типов и способов усиления значения в норвежском языке множество, например усилительные наречия, приставки, элатив (форма превосходной степени в абсолютном значении) и др., ср. *veldig interessant* ‘крайне интересный’, *fantastisk snill* ‘невероятно добрый’, *overforsiktig* ‘сверхосторожный’, *blånekte* ‘начисто отрицать’, *nistirre* ‘таращиться’, *erkeslyngel* ‘негодяй из негодяев’, *knøttliten* ‘крохотный’, *kritthvit* ‘белый как мел’, *blikkende/musende stille* ‘тихо как в гробу’, *i villeste uorden* ‘в дичайшем беспорядке’.

Со временем гипербола стирается, бледнеет, становится обычным способом выражения усиления значения, например: *Hun var kald som is på føttene* ‘Ноги у нее были как лед’, *Vi sto som sild i (ei) tønne* ‘Мы стояли, как сельди в бочке’, *Han gjør ikke en katt fortred* ‘Он и мухи [букв. ‘кошки’] не обидит’, *Hun sitter i bunnløs gjeld*, букв. ‘Она сидит в бездонном долгу’, т. е. ‘Она по уши в долгах’, *en kopp glohet kaffe* ‘чашка обжигающего [букв. ‘раскаленного’] кофе’. Особенно характерно такое стирание гиперболы для числительных, ср. обычное выражение благодарности *tusen takk*, букв. ‘тысяча спасибо’, т. е. ‘большое спасибо’, *Jeg har sagt det hundre/tusen ganger* ‘Я говорил это сто/тысячу раз’.

Ряд лингвистов выступает против неумеренного использования гипербол и плеонастических усилений, называя такое явление *språklig doping* ‘языковой допинг’ (по-датски его называют *sproglig bodybuilding* ‘языковой культуризм’). К числу таких гиперболических слов и словосочетаний относят, например, сверх меры употребляемые, особенно в прессе, на радио и в телевидении, лексические единицы *drama* ‘драма’, *tragedie* ‘трагедия’, *sjokk* ‘шок’, *heltedåd* ‘героический поступок’, *fullstendig/komplett kaos* ‘полный хаос’, *sviende nederlag* ‘сокрушительное поражение’, *kjempe en desperat kamp* ‘вести отчаянную борьбу’ и т. п.⁴

Гиперболы, естественно, особенно характерны для поэзии, в первую очередь прошлых столетий. Так, живший в XIX в. поэт Магнус Бруструп Ланнста писал в одном из стихотворении: *Å, at jeg hadde tusen munner / Og tusen tunger i hver munn* ‘О, если бы у меня была тысяча ртов / И тысяча языков в каждом рте’; впоследствии он, правда, чувствуя, видимо, некоторую чрезмерность, заменил вторую строку следующей: *Og lovsangtone i hver munn* ‘И способность петь хвалебные гимны в каждом рте’⁵.

Характерна гипербола и для сленга с его стремлением к яркости, обnoxiousности, эмоциональности. Ср.⁶: *Det koster en million* ‘Это сто́ит миллион’ (обратите внимание на просторечное произношение с тонемой 2 на первом слоге вместо литературного *millíon*); *Han var olm som tredve okser* ‘Он был взбешен, как тридцать быков’; *Såne som hun spiser småbarn levende uten gaffel* ‘Такие, как она, пожирают младенцев живьем и без вилок’; *Han spiste sjokolade så øra flagra* ‘Он ел шоколад так, что за ушами трещало’ (букв. ‘так, что уши развевались’) и т. п. Туне Трюти отмечает три особых способа гиперболизации чисел в сленге: 1) используется большое круглое число с добавлением небольшого, например: *Bena hadde en million og fjorten blemmer* ‘На ногах было миллион четырнадцать пузырей’, *Snakka med dama hundreogførti ganger* ‘Разговаривал с этой теткой сто сорок раз’; 2) большое не круглое (точное) число, например: *Der var det firehundreogtreogssytti mennesker* ‘Там было 473 человека’; 3) «бессмысленные» (*betydningstomme*) числительные, образованные на базе существующих числительных второго десятка на *-ten*; наиболее употребительны из них *ørten*, *fnørten* и *fjarten*, например: *ørten desiliter barbiturater* ≈ ‘энное количество литров барбитуратов’ (*desiliter* = 0,1 литра).

Литота (гр. *litotes* ‘малость; простота’) — сознательное преуменьшение по сравнению с действительностью степени, свойства либо количества чего-либо, так сказать, «гипербола со знаком минус».

⁴ S v e n k e r u d H. *Språklig doping* // *Språknytt*. 1989. Nr. 3. S. 1–4.

⁵ B e r u l f s e n B. *Hyperbol* // *Berulfsen B., Djupedal R., Lundeby E., Tylden P. Ordet*. Oslo, 1967. S. 24.

⁶ Примеры взяты из работы: T r y t i T. *Norsk slang*. [Oslo,] 1984. S. 78–79.

Можно выделить, по крайней мере, два типа литоты — литоту небезразную и литоту метафорическую.

Небразная литота — употребление обозначения более слабой степени признака, нежели реальная. Особенно часто употребляются прилагательные, имеющие негативное значение, с отрицанием: *det var ikke dumt* ‘недурно’, *ikke så verst* ‘неплохо’, *det er ikke så farlig* ‘нестрашно’, *ikke helt umulig*, букв. ‘не совсем невозможно’, т. е. ‘вполне возможно’; *Den var ikke dårlig for en gutt på din alder* (Vera Henriksen) ‘Неплохо для парня твоих лет’; *De led sannelig ingen nød* (она же) ‘Они действительно не знали нужды [т. е. жили в полном достатке]’. Вообще отрицание противоположного тому, что говорящий имеет в виду, или использование более слабой степени весьма характерно для этого варианта литоты, ср. ставшие практически клише выражения типа *Dette er ingen spøk* ‘Это не шутка’, *Han er lite tiltalende* ‘Он мало симпатичен’, *Den turen frister meg ikke* ‘Эта поездка меня не соблазняет’, *Jeg tar neppe feil hvis jeg sier...* ‘Я едва ли ошибусь, если скажу...’, *Det er ikke å forakte* ‘Этим не следует пренебрегать’ и т. п. Ср. далее: *Han er ikke mors beste barn*, букв. ‘Он не лучшее дитя матери’, т. е. ‘Он человек весьма сомнительный’, *Hun er ikke overbegavet*, букв. ‘Она не чрезмерно одарена’ ≈ ‘Она не гений’, *Jeg er ikke begeistret for planen* ‘Я не в восторге от этого плана’, *Ingen skal/kan beskyldre ham for å være beskjeden* ‘Его нельзя обвинить в скромности’; *Norske politikere har ikke sin sterkeste side i konstitusjonell tenkning*. *Grunnlov og statsforfatning er visstnok ikke deres kjæreste lesning* («Aftenposten») ‘Конституционное мышление — не самая сильная сторона норвежских политиков. Основной закон и государственная конституция [так в тексте. — В. Б.], по-видимому, не является их излюбленным чтением’.

Другой тип литоты — метафорическое употребление слов, обозначающих малое количество, малое расстояние, что-либо очень небольшого размера и т. п. К этому типу относятся, например, такие словосочетания, как *da jeg var en neve stor* букв. ‘когда я был размером с кулак’, т. е. ‘когда я пешком под стол ходил’, *en håndfull (med) soldater* ‘горстка (букв. ‘пригоршня’) солдат’, *Det er en mikroskopisk sjanse* ‘Шанс здесь микроскопический’, *Kunnskapene hans er forsvinnende små*, букв. ‘Знания у него исчезающе малы’, т. е. ‘Знаний у него никаких (нет)’, *Vi ble ferdige på null komma null* ‘Мы собрались за секунду [букв. ‘за ноль целых ноль десятых]’.

Естественно, литота характерна и для сленга. Так, вместо *Atlantehavet* ‘Атлантический океан’ используется шутовое *dammen* ‘пруд’. О человеке, живущем в маленькой квартире, говорят, что *Han bor på et frimerke/i en sardinboks/i en kuffert* ‘Он живет на почтовой марке/в банке с сардинами/в чемодане’, и т. п.

Подобно гиперболе, литота имеет тенденцию стираться, ослабевать, утрачивать свою яркость; например, вполне нейтральными стали единицы вроде *et par* ‘несколько’ (букв. ‘пара’), *et øyeblikk* ‘момент’, *Det har jeg ingen anelse om* ‘Об этом я и представления [букв. ‘предчувствия’] не имею’ и т. п.

§ 36. Улучшение и ухудшение значения.

Изменение значения слова можно оценивать с еще одной точки зрения — под углом обозначения им чего-либо более/менее ценного, чего-либо полезного/бесполезного, желательного/нежелательного в данном языковом коллективе в данный период его развития. Такие изменения значения слова могут иметь место в результате переноса — метафорического или метонимического — наименования, сужения значения и т. д. Таким образом, эта классификация пересекается с данными выше.

Характерным примером улучшения, или, как еще говорят, облагораживания, значения является слово *arbeid* ‘работа, труд’. Это заимствование из нижненемецкого языка (в древнорвежском современному его значению соответствовало слово *vinna*) изначально обозначало что-либо обременительное, в том числе ‘нужда, забота, горе’. В начале написанной на средневерхненемецком языке «Песни о Нибелунгах» говорится, что в этом произведении будет, на основе древних преданий, рассказываться *von gruozet arebeit*, что в одном из русских переводов передано как ‘об их невзгодах злых’. Одновременно с сужением значения произошло и его улучшение.

Другой пример. Во время оккупации Норвегии гитлеровской Германией, в 1940 г., в Ёссинг-фьорде (*Jøssingfjord*) англичане потопили немецкий крейсер «Альтмарк». Это событие, как и следовало ожидать, вызвало радость патриотически настроенных норвежцев, которых квислингская пропаганда окрестила *jøssinger*, вкладывая в это слово негативный смысл. Однако вскоре сами норвежские патриоты стали называть себя *jøssinger*, считая это название почетным.

Возможна и другая схема развития улучшения значения. Наименование переносится на новое понятие (сохраняясь и как обозначение старого) и при этом получает улучшенное значение. Такое развитие претерпело слово *ridder* ‘рыцарь’ (тот момент, что это слово заимствовано из средненижненемецкого, в данной связи несущественен). Слово это образовано от глагола со значением ‘ездить верхом’ и первоначально обозначало ‘всадник’. Затем оно стало названием дворянина, прошедшего определенную церемонию («посвящение в рыцари») и принятого в круг приближенных феодала. Отсюда развилось переносное значение: ‘благородный человек, самоотверженно и бескорыстно борющийся со злом’.

Немало в норвежском языке и примеров ухудшения значения. Существительное *gift* ‘яд’, заимствованное через датский из немецкого, изначально означало ‘то, что дается, даваемое, дар’, ср. др.-норв. *gipt* ‘дар’ и совр. *medgift* ‘приданое’. (В древненорвежском понятие ‘яд’ обозначалось словом *eitr*; в современном языке это последнее слово существует в формах *eiter* ‘яд (животного: змеи, муравья, а также дракона и т. п.)’ — и *edder*, особенно употребительного в сочетании *sru edder og galle*, букв. ‘извергать яд и желчь’, т. е. ‘злбно, желчно говорить о ком-либо или чем-либо’). Сужение значения сопровождалось его ухудшением. Исходное значение слова *småborger* — ‘мещанин’, переносное — ‘обыватель, мещанин, филистер’. Интересно возникновение последнего слова и его норвежского соответствия — *filister*. Первоначально слово *filistere* (по-русски *филистимляне*) было названием народа, обитавшего в библейские времена в Палестине (сам топоним *Палестина* восходит к этому названию, ср. лат. *Philistaea* ‘Филистия, т. е. страна филистимлян’). Затем в языке немецких студентов словом *Philister* стали обозначаться ‘не-студенты’, а впоследствии оно приобрело значение ‘бюргер, обыватель, мещанин’. Прилагательное *berytet* ‘пользующийся дурной славой’ вначале имело нейтральное значение ‘имеющий ту или иную репутацию’. Исходное значение прилагательного *simpel* — ‘простой’ (оно восходит к латинскому *simplex* с тем же значением и заимствовано в норвежский через немецкий или французский) — сохраняется в основном в устойчивых сочетаниях *simpelt flertall* ‘простое большинство’, *simpelt tyveri* ‘простая кража (т. е. без отягчающих обстоятельств)’, *simpel irettesettelse* ‘простой выговор (не строгий)’, *av den simple grunn* ‘по той простой причине’. Главное же его значение теперь: ‘низкий, подлый; вульгарный’, ср. *Det var simpelt gjort* ‘Это была подлость’, ‘Это был низкий поступок’. Сходное развитие характерно для прилагательного *gemen* (из ср.-н.-нем. *gemēn(e)*, *gemeine*), первоначальные значения которого — ‘общий’ и ‘простой, неаристократический’ — сохраняются в сочетаниях *det gemene beste* ‘общее благо’, *den gemene mann* ‘простой человек’, *den gemene hop* ‘простые массы’; теперь ведущим стало сниженное, «ухудшенное» значение ‘подлый’, ср. *en gemen løgn* ‘подлая ложь’, *oppføre seg gement* ‘вести себя подло’. Современное значение слова *enfoldig* ‘наивный, простодушный’ восходит к изначальному ‘сложенный один раз’. Из устарелого значения ‘девушка’ у существительного *tøs* развилось современное ‘уличная девка’ (исходное значение сохраняется в некоторых диалектах).

В. Причины изменения словарного состава

Словарный состав, как уже отмечалось, наиболее изменчивая часть языка. Причины этих изменений могут огрубленно быть разбиты на несколько групп, которые и описываются в следующих ниже параграфах.

§ 37. Внешние (экстралингвистические) причины изменения лексики.

Главной причиной изменения лексики является изменение общественной практики, условий существования и потребностей языкового коллектива. Остановимся на важнейших случаях.

1. Возникновение в жизни общества новых, ранее не существовавших классов объектов, явлений, процессов, отношений и отражающих их понятий, нуждающихся в наименовании. Это вполне очевидно, и можно ограничиться несколькими примерами: fly ‘самолет’, TV/fjernsyn ‘телевидение’, tennplugg ‘свеча (автомобильная)’, meny ‘меню (набор команд — в электронно-вычислительной технике)’, distriktsutbygging ‘развитие окраинных областей (в Норвегии)’.

2. Замена одних классов объектов и отражающих их понятий другими. Так, существовавшая до 1918 г. единица административного деления Норвегии amt была заменена единицей fylke (в настоящий момент их 19); денежные единицы skilling ‘шиллинг’, ort ‘урт (= 24 шиллинга)’ и spesiedaler ‘спесиедалер (= 5 уртов)’ заменены теперь на øre ‘эре’ и krone ‘крона’ (= 100 эре)’ и т. д.

Существенно, что обозначения очень многих исчезнувших классов объектов не выпадают из языка, а переходят в разряд историзмов, поскольку прошлое является объектом интереса и внимания общества. Поэтому слова типа ort, amt, realskole ‘реальное училище’ (до конца 50-х — начала 60-х годов 3-летняя ступень школы между 7-летней folkeskole ‘народной школой’ и 3-летней gymnas ‘гимназией’), kanselliråd, букв. ‘советник канцелярии (титул чиновников определенного ранга)’, и т. п. сохраняются в языке как лексические единицы, хотя и особого характера. В словарях они снабжаются пометами вроде hist. ‘ист.’, om eldre forhold ‘о прежних условиях жизни’ и т. п.

3. Возникновение новых понятий, связанное с более глубоким познанием действительности, выделением в ней новых черт — ситуаций, объектов, характеров, признаков, процессов, отношений и т. д., например: adferdsmønster ‘тип поведения’, annerledes (определятельное прилагательное) — ‘нетрадиционный, нового типа’ (§ 7, 41), prioritere ‘приоритировать’, størrelsesorden ‘порядок (величины)’, motivasjon ‘мотивация’, pluralisme ‘плюрализм’, polarisering ‘поляризация (в разных значениях)’, opptrapping ‘эскалация’ и т. д.

Многие такие слова имеют тенденцию употребляться излишне часто, становиться модными. В разряд модных слов входят, конечно, и слова новые, но являющиеся синонимами уже имеющиеся в языке, например: seriøs ‘серьезный’ (≈ alvorlig), respons ‘отклик, положительная реакция’ (≈ gjenklang, positiv reaksjon), stigmatisere ‘клеить, ставить печать непол-

ноценности' (\approx brennemerke, sette mindreverdsstempel på), ståsted 'платформа, исходная позиция' (\approx utgangspunkt, plattform), innfallsvinkel 'угол зрения' (\approx synsvinkel, synspunkt) и др. Они, естественно, часто бывают объектом иронии и насмешек. Так, в приводимой ниже «Подушке для бюрократов и иже с ними» говорится, что любое последовательное соединение слов из трех колонок дает сочетание, которое представляется «знакомым и милым» и может быть вставлено в любой отчет, меморандум и т. п., скажем, optimal utviklingseffektivitet 'оптимальная эффективность развития' или integrert planleggingsprodukt 'интегрированный продукт планирования'.

Sovepute for byråkrater og andre likesinnede

Dersom du har vanskeligheter med å finne de rette ordene når du skal forfatte uttalelser om oversendte rapporter, notater og liknende, kan det være greit å ha denne hendige liste for hånden. Velg bare et tall mellom 000 og 999, og du får en ordkonstellasjon som virker kjent og kjær, og som med største sannsynlighet passer i sammenhengen.

0 systemisert	0 administrasjons-	0 fleksibilitet
1 funksjonell	1 differensierings-	1 trend
2 rasjonell	2 struktur-	2 produkt
3 sentralisert	3 forvaltnings-	3 system
4 optimal	4 pedagogisk-	4 policy
5 relativ	5 utdannings-	5 målsetting
6 obligatorisk	6 utviklings-	8 effektivitet
7 balansert	7 desentraliserings-	7 problemstilling
8 integrert	8 planleggings-	8 prognose
9 kvantitativ	9 likestillings-	9 kapasitet

§ 38. Внутриязыковые причины изменения лексики.

В силу определенных внутриязыковых — лингвопсихологических или лингвосоциальных — причин слово меняет свое значение или приобретает новое, а иногда выпадает из языка либо становится ограниченно употребительным (при сохранении у языкового коллектива соответствующего понятия). Среди ряда причин этих явлений особо выделяется несколько.

1. Пуристические замены, т. е. смена иноязычного наименования иным, созданным из средств родного языка; например, английское заимствование feedback 'обратная связь' заменяется словом tilbakemelding. Вопрос рассматривался выше, см. § 21.

2. Приобретение словом нового значения в результате калькирования, например: sterke/svake verb 'сильные/слабые глаголы', venstre/høyre 'правый/левый' (полит.), см. § 19.

3. Стремление к более эмоционально окрашенному выражению, яркости, образности. Это хорошо иллюстрируется усилительными наречиями:

параллельно с бесцветным *meget* ‘очень’ употребляются *veldig* (от прилагательного со значением ‘мощный; огромный’, *svært* (от *svær* ‘огромный’), *overmåte* (первоначальное значение ‘безмерно’), *fryktellig* (‘страшно’), *forferdelig*, *gruelig*, *gresselig* (все три с изначальным значением ‘ужасно’), *fabelaktig* (‘баснословно’), *voldsomt* (‘мощно’), *jævlig*, *innmari* (‘чертовски’), *svinaktig* (‘свински’) и т. д.; ср. также: *korka dum* ‘глупый как пробка’, *luta lei* ‘которому осточертело’, *drita full* ‘пьяный в стельку’, *dønn reaksjonær* ‘архиреакционный’, *kav norsk* ‘истинно норвежский’, *kjempefin* ‘великолепный’, *skråsikker* ‘абсолютно уверенный’, *kisteglad* ‘рад-радешенек’, *superhemmelig* ‘сверхсекретный’, *bunnfordervet* ‘испорченный до мозга костей’ и т. д. Особенно богат такими выражениями степени признака (*gradeingsord*) сленг.

Именно стремлением к экспрессивности объясняется ироническое и шутовское употребление слов и словосочетаний.

Ирония — прием, заключающийся в употреблении слов или словосочетаний в смысле, обратном свойственному им, с целью насмешки, или, иначе, насмешка, выраженная в виде положительной характеристики, восхваления, критика в форме похвалы. Само слово *ирония* восходит к гр. *εἰρωνεία*, лат. *ironia*, что значит ‘притворство’: говорящий как бы притворяется, что имеет в виду одно, тогда как на деле подразумевает другое, противоположное. В норвежском, как в каждом языке, есть ряд устойчивых иронических словосочетаний, например: *Nå sitter vi pent i det*, букв. ‘Теперь мы хорошо сидим в этом’, т. е. ‘В неприятную мы влипли историю’; *Du er meg en fin en* ‘Ну, ты хорош’; *en nydelig historie* ‘хорошенькая история’; *Ja, du er søt/en nydelig nellik* ‘Ты очень мил/симпатичная личность [букв. ‘очаровательная гвоздика’]’ и т. п. Лексическая единица получает, таким образом, новое дополнительное значение, антонимическое по отношению к исходному.

Примером авторской иронии может, в частности, служить отрывок из романа Хьелланна «Яд», где описывается, как старшие школьники воевали во время перемены с младшими и маленький Мариус Готтвалл, низкорослый, тщедушный мальчик, сидел на плечах Абрахама Лёвдала. Школьники были застигнуты директором гимназии, и на вопрос, что Мариус делал на плечах Абрахама, он ответил: *Jeg skulle være den vrede Achilles* ‘Я должен был быть разгневанным Ахиллом’. На это директор ответил: *Nå således — hm! så du skulle være den vrede Achilles; ja du ser meg ut til det; det et just således jeg bestandig har forestilt meg ham* ‘Вот оно что... хм! значит, ты должен был быть разгневанным Ахиллом; по-моему, похоже; именно таким я всегда и представлял себе его’.

Шутовское значение слова или словосочетания, естественно, развивается из его обычного; при этом последнее может становиться периферий-

ным или вообще выпадать из языка. Так, существительное paulun ‘шатер’, особенно характерное для старых переводов Библии (уже в переводе 1930 г. употреблено слово telt), теперь используется только шутливо: Stig inn i mitt enkle paulun, букв. ‘Заходи(те) в мой скромный шатер’, ≈ ‘Прошу пожаловать в мои апартаменты’. Только шутливо употребляется в настоящее время, например, глагол absentere seg ‘откланяться’. Ср., далее, tåredryppende ‘душещипательный’, søtsuppe, букв. ‘сладкий суп’, т. е. ‘что-либо слащавое (фильм, роман и т. п.)’ и аналогичные.

4. Необходимость замены одного (прямого, «грубого») наименования другим — непрямым, смягченным, приукрашивающим и т. п. Такие слова или значения слов (ЛСВ), обозначающие понятия косвенно, называются э в ф е м и з м а м и (гр. eu ‘хорошо’, phēmi ‘говорю’).

Примечание. В норвежской лингвистической литературе, наряду со словом eufemisme/evfemisme, употребляются также термины poaord, poapavn (от полинезийского поа ‘простой, не священный’), а также godnavn ‘хорошее название’.

Явление эвфемизации очень древнее и было связано с табуированием по религиозным соображениям ряда слов. По древним верованиям название прямым именем богов, хищных животных и вообще сил, стоящих над человеком или враждебных ему, могло вызвать их гнев, появление и т. п. Аналогично, упоминание животного, на которого охотились или собирались охотиться, могло отпугнуть его. Христианская религия предостерегает от упоминания всеу имени Господа (ta ikke Guds navn forfengelig), а название черта (дьявола, сатаны) и по сей день считается в Норвегии предосудительным как средство выражения эмоций (как употребление ругательств в русском).

Эвфемистические замены характерны для различных областей лексики, но в трех сферах эвфемизмы особенно многочисленны. Остановимся на них.

1. Религия, верования, предрассудки и т. п. Ср. эвфемистические замены следующих слов:

- Gud ‘Бог’ — Herren ‘Господь’, Vårherre ‘наш Господь’, Skaperen ‘Творец, Создатель’, den høyeste ‘всевышний’, den allmechtige ‘всемогущий’; в восклицаниях: Du store min!, букв. ‘Ты великий мой!’; Guri Malla! (Guri — женское имя, первые две фонемы которого совпадает с начальными звуками слова Gud, в целом же это — бессмысленное словосочетание);

- Jesus ‘Иисус’ — jøss, jøsses, (nei men) i jøsse navn (см. ниже);

- satan (Satan) ‘сатана’ — Søren (мужское имя, сейчас в Норвегии редкое, но распространенное в Дании);

- fanden ‘черт’, djævel ‘дьявол’ — den onde ‘лукавый’, pokker ‘(первичное значение) оспа’, hinmannen — букв. ‘другой человек’, Gamle-Erik ‘Стар-

рый Эрик' (происхождение неясно), *stygge mannen* — букв. 'безобразный человек', *styggen* (то же); в восклицаниях: *fy fagaø*, букв. 'фи, фараон'; *fy te rakkeren* (*rakker* 'живодер'); *det var som bare*, букв. 'это прямо...'; *fanken heller* (*fanken* — форма, видимо, с нижненемецким уменьшительным суффиксом *-ken*) 'черта с два' и др.

Типичными примерами эвфемизмов, связанных с верованиями, являются слова *gråbein* 'волк', букв. 'серая нога/серые ноги', *bamse* 'мишка, т. е. медведь (изначально о чем-либо крупном, толстом)', *Mikkel* 'лис(а) (собственное имя)'. Кроме этих широко известных *noaord* имеется множество локальных эвфемизмов. По свидетельству одного автора XVIII в., норвежские рыбаки раньше никогда не называли в море ни один предмет своим истинным названием⁷. До сих пор вместо пожелания удачи часто говорят *tvi tvi* (что, собственно говоря, является междометием, выражающим отвращение и сопровождавшимся ранее плевком, ср. русское пожелание удачи *ни пуха, ни пера*, т. е. в буквальном смысле пожелание вернуться без добычи). Опасные места в море «задабривались» лстящими названиями типа *Landego* (< *landit góða* 'хорошая земля') или *Jomfruland* 'Земля дев'⁸.

Переходной к следующей группе являются слова, обозначающие смерть, болезнь и т. п. Сама смерть персонифицируется как *mannen med ljaæn* 'человек с косою' (т. е., мужчина, в отличие от русского языка!), вместо глагола *dø* умереть' используются *gå bort* 'уйти', *sovne inn* 'уснуть' и др. (примеры см. § 11). Вместо прямого названия *krefst* 'рак' часто используется латинское название *cancer* или говорится *en alvorlig sykdom* 'серьезная болезнь'; онкологический институт в Осло называется *Radiumhospitalet*, букв. 'Радиевый госпиталь'. Грубое *lik* 'труп, тело' может заменяться эвфемизмом *ens jordiske levninger* 'чьи-либо земные останки'.

2. Понятия, связанные с некоторыми частями тела и прикрывающими их предметами одежды, состояниями и функциями человеческого организма и т. п., из морально-эстетических соображений предпочтительно не называемыми прямо. Так, вместо *bak* 'зад' используются эвфемизмы *sete*, букв. 'седалище', *ende*, букв. 'конец', слово *svanger* 'беременная' часто заменяется на *gravid*, *fruktsommelìg*, *med barn*, *i* (*velsignede*) *omstendigheter* (отсюда *omstendighetsklær* 'одежда для беременных'), грубому *do* 'уборная' обычно предпочитают замены *WC* [*ˈve:se*], *toalett*, *avtrede*, *dass* (< нем. *das Haus*, *das Häuschen* 'дом, домик', т. е. немецкий определенный артикль ср. рода), *klosett*, *privét* (из ст.-фр. *privat* 'личный' через ср.-н.-нем.); *naken*

⁷ H ø d n e b ø F. Tabuord og noaord // Dahl W., Gundersen D., Hødnebo F. En bok om ord. Oslo; Bergen; Tromsø, 1971. S. 35.

⁸ Ibid.

‘голый/голая’ может заменяться на *i Adams/Evas drakt* ‘в костюме Адама/Евы’, *netto*.

3. Ряд эвфемистических замен обусловлен социальными и политическими факторами. Например, названия некоторых «непрестижных» профессий заменяются более «звучными», ср. *søppelkjører* ‘мусорщик’ → *renovasjonsarbeider*; *skurekone, vaskekone* ‘поломойка’ → *rengjøingshjelp, rengjøringsassistent* и т. д.; ср. также: *Det fantes ikke engang vanlige frisører, nå het det hårolog, hårotek og hairport* (Lars Saabye Christensen) ‘Не было даже обычных парикмахерских, теперь они назывались *hårolog* [от *hår* ‘волосы’], *hårotek* и *hairport* [англ.]’. Грубое *gamlehjem* ‘дом для престарелых’ заменено нейтральным *aldershjem* (от *alder* ‘возраст’). Вместо пугающего *krig* ‘война’ порой используются эвфемизмы *åpen/værnet konflikt* ‘открытый/вооруженный конфликт’, *konfrontasjon* ‘конфронтация’.

Эвфемизмы довольно быстро утрачивают свой «сглаживающий» характер и потому нередко заменяются другими. Так, «обидное» *tilbakeliggende land* ‘отсталые страны’ было заменено на *underutviklede land* ‘слаборазвитые [букв. ‘недоразвитые’] страны’, а вскоре на *utviklingsland* (*u-land*) ‘развивающиеся страны’. Ср. также *krøpling* ‘калека’ → *vanføg* ‘инвалид’ → *handikappet* ‘с дефектом (физическим или умственным)’ → *funksjonshemet*, букв. ‘с затрудненными функциями’.

Основные способы создания эвфемизмов таковы:

1) метафора: *gå/fare/vandre heden*, букв. ‘уйти/отправиться отсюда’, т. е. ‘скончаться’; *netto*, букв. ‘нетто, без (веса) тары’, т. е. ‘голый’;

2) метонимия (бахуврихи): *gråbein* (см. выше);

3) литота: *medfører ikke riktighet* ‘не соответствует действительности’, т. е. ‘является ложью’;

4) искажение: *fanken, Søren, Guri Malla* (см. выше); по свидетельству одной немолодой дамы, в школе, где она, училась, вместо недопустимого *faen* было в ходу «эвфемистическое ругательство» *Fa-aber-blyant* ‘фаберовский карандаш’ (такие немецкие карандаши высокого качества были распространены во многих странах, в том числе в России);

5) опущение: *det var som* (опущено *fanden* или более грубое *faen*) ‘черт (знает что)’, *sitte (inne)* ‘сидеть (в тюрьме)’, *du store min* (см. выше);

6) ироническое употребление: *en nett historie* ‘миленькая история’;

7) использование иностранных слов: *cancer* вместо слишком откровенного *kreft* ‘рак’, *perspirere* вместо неэстетичного *svette* ‘потеть’; в некоторых современных романах при описании откровенных сцен используются латинские анатомические термины.

В сленге «эвфемизмы» употребляются в основном в юмористических целях: например, когда вместо грубого *drittsekk* = ‘говнюк (букв. ‘мешок с дерьмом’)’ говорится *avføringspose*, букв. ‘мешочек с испражнениями’,

drittunge ‘паршивец (букв. ‘говенный ребенок’)’ заменяется на ekskrement-unge, букв. ‘эксcrementальный ребенок’, и т. п. Конечно, это не эвфемизмы.

Распространен жанр, который по-норвежски называется *evfemistisk forventningsbrudd* ‘эффект обманутого эвфемистического ожидания’, где табуированное слово «почти называется», так как подсказывается рифмой или иным способом, но заменяется другим (ср. так называемые рифмы-ловушки в русском). Хрестоматийным примером такого «обманутого ожидания» является известная песня «Alexander og Margido», последняя строфа которой такова:

Så satte de for England seil,
men skuten Fido hvelvede,
Alexander kom til himmelen,
Margido kom til England.

(‘Затем они взяли курс на Англию, / но шхуна «Фидо» перевернулась, / Александр попал на небеса, / Маргидо попал в Англию’.) Здесь *hvelvede* подсказывает рифму *helvede* ‘ад’ (современные формы, соответственно, *hvelvet* и *helvete*). Есть ряд детских песенок и стишков, построенных подобным образом, например:

Og faren satt på første benk,
og moren satt på annen,
og Knoll og Tott på galleri’
og lo som bare fa...,
...ren satt på første benk и т. д.

(И отец сидел в первом ряду, / и мать сидела во втором, / и Кнолл и Тотт [комические персонажи] на галерке / и смеялись до у...’) Слово *annen* [ˈa:ən] подсказывает рифму *faen* ‘черт’, но в последний момент — обычно после паузы — эта запретная лексема заменяется словом *faren* [ˈfa:ən] ‘отец’, и начинается «сказка про белого бычка».

Ср. также детскую песенку: *Vi går med barn, vi går med barn, vi går med barnestrømper på* ‘Мы ходим с ребенком [т. е. беременны], мы ходим с ребенком, мы ходим в детских чулках’.

В современном обществе многие слова, ранее считавшиеся «грубыми», предосудительными, теперь вполне нейтральны. К примеру, в прошлом веке считалось грубоватым слово *bukser* ‘штаны’; вместо него часто использовалось слово *benklær* ‘брюки’ (букв. ‘одежда для ног’), в настоящее время практически вышедшее из употребления, а также употреблялся эвфемизм *permisjon*, букв. ‘разрешения’ (из *med permisjon å si* ‘с позволения сказать’), ср.: *Fruen var nettopp blitt ferdig med permisjonene og reiste seg hastig* (Jonas Lie) ‘Хозяйка как раз покончила с заплатой на брюках и

поспешно встала'; нынешние словари это значение слова *permisjon* даже не регистрируют. Вместо слов *bukse* и *underbukse* 'кальсоны' использовалось слово *uvennelige* 'неназываемые' (ср. устар. рус. *невывразимые* с тем же значением), теперь употребляемое только в шутку.

5. Сродни рассмотренным выше в этом параграфе (п. 3) экспрессивным словам и выражениям случаи, обратные эвфемизмам, — так называемые *дисфемизмы*, т. е. лексемы более грубые, нежели нейтральные, умышленно сниженные. Это, естественно, прежде всего характерно для разговорного языка, особенно для сленга. Эта нарочитая грубость и даже цинизм особенно заметны, когда дисфемизмы используются вместо нейтральных слов из особо деликатных или даже табуированных сфер, например: *Grillen* 'Гриль' вместо *Krematoriet* 'Крематорий', *dævve/daue* 'сдохнуть, откинуть копыта' вместо *dø* 'умереть', *kjøttvogna* 'мясной фургон' вместо *ambulanse* 'машина скорой помощи' и т. п.⁹ Ср. далее: *kjerre* 'повозка' вместо *bil* 'автомашина' (ср. рус. сленг *тачка*), *rokk* 'прялка' вместо *sykkel* 'велосипед, = драндулет', *kåk* ≈ 'халупа' вместо *hus*, *leilighet* 'дом, квартира' (метонимически также 'веселая вечеринка'), *ikke en kjeft*, букв. 'ни одной пасти', т. е. 'никого' (ср. рус. *ни одной собаки*). Сюда же можно отнести *fatter* ≈ 'бать', *mutter* ≈ 'мамаша', *gammern* 'старик (= отец; шеф)' и т. п.¹⁰

<...>

⁹ Tryti T. Op. cit. S. 149.

¹⁰ Ibid.

«ДВОЙНАЯ» ПАССИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

В норвежском языке (так же как и в датском и шведском) есть специфическая синтаксическая конструкция, состоящая из глагола в страдательной форме и страдательного причастия II: *Prisene ventes nedsatt* ‘Ожидается, что цены будут снижены’, букв. ‘Цены ожидаются сниженными’; *Endringene ble besluttet gjennomført* ‘Было решено осуществить изменения’, букв. ‘Изменения были решены осуществленными’; *Slike former er ikke tillatt brukt i skolen* ‘Употребление таких форм в школе не разрешено’, букв. ‘Такие формы не разрешены употребленными в школе’.

Как явствует из приведенных примеров, главный глагол (далее ГГ) употребляется как в форме флективного пассива (*ventes*), так и в форме аналитического пассива, причем и пассива действия (*ble besluttet*), и пассива состояния (*er tillatt*). В качестве зависимого глагола (далее ЗГ), используемого, как сказано, в форме причастия II, выступает предельный переходный глагол.

Рассматриваемая конструкция, с одной стороны, сходна с обычной пассивной: в обеих подлежащим в предложении является существительное, обозначающее объект действия — с той, однако, разницей, что если в обычной пассивной конструкции действие, которому подвергается предмет, выражено страдательной формой глагола, то в «двойной» это действие обозначено причастием II. С другой стороны, между обычной страдательной конструкцией и «двойной» есть и существенное различие: если в первой объектом действия, выраженного сказуемым, является предмет, обозначенный подлежащим, то во второй объектом глагольного действия является действие над этим предметом. Таким образом, в предложении *Brua ventes bygd* ‘Ожидается, что мост будет построен’ объектом действия *ventes* является *brua* (*blir*) *bygd*¹. Это хорошо видно при трансформировании «двойной» пассивной конструкции в активную: *Man venter at brua blir bygd* ‘Ожидают, что мост будет построен’ (также *Vi venter...* ‘Мы ожидаем...’ и т. п.). Ср. далее: *Problemet blir forsøkt løst* ‘Пытаются решить проблему’ — *Man forsøker å løse problemet*; *Møtet ble vedtatt sammenkalt* ‘Было постановлено созвать собрание’ — *Man vedtok å sammenkalle (или kalle sammen) møtet*; *Feilen bes unnskyldt* ‘Просим (вас) извинить за ошибку’ — *Vi ber (Dem) unnskyldte feilen*.

Типология конструкций с предикатными актантами / Отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1985. С. 90–92.

¹ Ср.: E n g h J. Enkelte problemer vil bli forsøkt oppstilt // *Sentrale problemer i norsk syntaks* / Red. Th. Fretheim. Oslo: Universitetsforlaget, 1977.

В ситуации, описываемой «двойной» пассивной конструкцией, в принципе три актанта: объект действия, агент I (производитель действия, обозначенного причастием II) и агент II (производитель действия, обозначенного ГГ). Как правило, ни агент I, ни агент II в предложении эксплицитно не обозначены. Изредка бывает обозначен один из агентов, ср.: *Mannen ble begjært fengslet av påtalemyndighetene* ‘Прокуратура потребовала заключить этого человека под стражу’ (обозначен агент II). Агентом II может быть сам говорящий, ср.: *Pakkene bes levert på mitt kontor* ‘Письма сдавать посылки в мой кабинет’. Число актантов, естественно, сокращается до двух, если агент I и агент II — одно лицо; такое положение наблюдается в рассматриваемых конструкциях, когда ГГ обозначает попытку или намерение: *Planen ble forsøkt realisert* ‘Была предпринята попытка осуществить план’, *Huset aktes solgt i neste uke* ‘Предполагается продать дом на следующей неделе’. Между тем велико количество предложений с «двойным» пассивом, которые могут интерпретироваться и как двухактантные, и как трехактантные. Например, в предложении *Huset planlegges oppført neste år* ‘Планируется возвести дом в будущем году’ производитель действия *planlegge* ‘планировать’ (т. е. агент II) может быть как тем же лицом, что и производитель действия *oppføre* (агент I), так и иным².

Предложения с «двойной» пассивной конструкцией никогда не сообщают о факте, достоверном для говорящего: осуществление действия представляется как нечто предположительное, желательное, намечаемое, требуемое, утверждаемое кем-либо и т. п., ср.: *Planen antas iverksatt* ‘Предполагается, что план осуществлен’, *Stillingen ønskes besatt snarest mulig* ‘Желательно скорейшее заполнение вакансии’, *Han påstår drept* ‘Утверждают, что он убит’ и т. п. Вместе с тем нам представляется слишком жестким утверждение норвежского исследователя Я. Энга, что рассматриваемые предложения представляют факт как нечто, не соответствующее действительности³. Во многих случаях ГГ выражает только незнание говорящим того, имел ли действительно место какой-либо факт. Если ГГ стоит в прошедшем времени, предложение, например, может описывать (хотя и не обязательно описывает) реальный факт, например: *Skolen ble besluttet nedlagt for 15 år siden* ‘Школу было решено закрыть 15 лет тому назад’ (весьма вероятно, что она и была закрыта).

ГГ таких предложений образуют закрытый класс, по Энгу, их число равняется 44⁴. Они могут быть разделены на две группы. К первой относятся глаголы, выражающие отношение говорящего к факту с точки зре-

² Eng H. J. Op. cit. S. 55.

³ Ibid. S. 54.

⁴ Ibid. S. 52–53.

ния его достоверности, в том числе а) глаголы предположения (*anta* ‘предполагать’, *vente* ‘ожидать’, *frykte* ‘опасаться’ и др.) и б) глаголы передачи чужого мнения или высказывания (*mene* ‘полагать’, *antydde* ‘намекать’, *påstå* ‘утверждать’, *melde* ‘сообщать’ и др.). Вторую группу составляют глаголы, выражающие стремление к чему-либо, а именно: а) глаголы намерения (*akte* ‘намереваться’, *planlegge* ‘планировать’, *beslutte* ‘решать’, *tenke* ‘думать, собираться’), б) глаголы попытки (*forsøke*, *søke*, *prøve* ‘пытаться, пробовать’ и др.), в) глаголы желания (*ønske* ‘желать’), г) глаголы различного рода каузации (*be* ‘просить’, *kreve* ‘требовать’, *foreslå* ‘предлагать’, *tillate* ‘позволять, разрешать’ и др.)⁵.

«Двойная» пассивная конструкция бесспорно носит книжный характер, это отмечается всеми, кто пишет о ней. Она — не новое явление в языке, предложения с ней встречались еще в прошлом веке, например у Элиаса Креммера (1894): *Borgermiddag agtes afholdt Lørdag* ‘Обед для (именитых) горожан предполагается дать в субботу’. Однако особое развитие она получила в последние десятилетия, так как в силу своей краткости и емкости она особенно удобна для заголовков, объявлений, анкет и т. п.

Происхождение «двойной» пассивной конструкции приписывают латинско-немецкому влиянию. С этим трудно согласиться, поскольку ни в латыни, ни в немецком такой конструкции нет. Скорее всего она развилась из конструкции «пассивная форма глагола + прилагательное», где прилагательное выполняет функцию предикативного члена, ср.: *Bygningen er planlagt ferdig 1. september* ‘Планируется закончить здание к 1 сентября’, букв. ‘Здание планируется законченным к 1 сентября’. Следующей стадией, видимо, было употребление в этой конструкции адъективизированных причастий, например *Huset utleies møblert* ‘Дом сдается меблированным’. «Двойная» пассивная конструкция, очевидно, является последним этапом этого развития.

⁵ Я. Энг предлагает несколько иную классификацию: Ibid. S. 55.

ОБОЗНАЧЕНИЕ НОВЫХ ПОНЯТИЙ В СОВРЕМЕННОМ ИСЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ (Nýyrði)

В настоящей статье рассматриваются способы, при помощи которых в современном исландском языке образуются новые слова для обозначения новых понятий. Вопрос этот, давно уже являвшийся важным для исландского языка, приобрел в последние десятилетия особую актуальность: быстрое развитие науки и техники, характерное для нашего времени, приводит к возникновению тысяч и тысяч новых понятий, которые должны получить в языке свое обозначение. Трудности, связанные с выработкой терминологии для новых научных и технических понятий, усугубляются исключительно пуристическим¹ характером исландского языка.

О том, какого размаха достигает деятельность по выработке исландской терминологии для новых понятий науки и техники, свидетельствует следующий факт. С 1953 по 1956 г. было издано 4 выпуска «Nýyrði», в которых содержится примерно 17 тыс. новых терминов².

Исландия с ее населением менее 200 тыс. человек³ не является страной, ведущей в научном или техническом отношении, и поэтому потребность в создании новой терминологии проявляется прежде всего при переводах научной и технической литературы. Таким образом, задача сводится не к созданию термина для какого-либо ранее не известного человечеству явления, а к переводу уже существующего в других языках слова.

Скандинавская филология = Scandinavica. Вып. 1. Л., 1961. (Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. № 308. Вып. 62.) С. 73–83.

¹ Отметим попутно, что термин *пуризм* употребляется в языковедении в двух несколько различных смыслах. С одной стороны, пуризмом называют «стремление к очищению языка от заимствованных иностранных слов и к замене их словами, образованными средствами родного языка» (Большая советская энциклопедия. Т. 35. М., [б. г.]. С. 38); с другой — стремление к ограждению языка от проникновения в него иностранных слов и созданию для новых понятий обозначений средствами родного языка. Говоря об исландском пуризме, мы имеем в виду последнее значение.

² Nýyrði / Sveinn Bergsveinsson tók saman. Reykjavík, 1953; Nýyrði. II: Sjómennska—landbúnaður / Dr. Halldór Halldórsson tók saman. Reykjavík, 1954; Nýyrði. III: Landbúnaður / Halldór Halldórsson tók saman. Reykjavík, 1955; Nýyrði. IV: Flug / Halldór Halldórsson tók saman. Reykjavík, 1956. — В каждом выпуске «Nýyrði» в алфавитном порядке дается список предлагаемых исландских терминов с указанием их эквивалентов в других языках (одном или нескольких).

³ По данным 2008 г. население Исландии составляет 303 тыс. человек.

Говоря об исландском пуризме, языковеды обычно останавливаются на вопросе о причинах его возникновения, уделяя меньше внимания причинам его сохранения. Йоун Хельгасон указывает на три причины стремления исландцев XVIII в. избегать употребления иностранных слов в своих сочинениях. Во-первых, эти произведения предназначались для аудитории, совершенно незнакомой с иностранными языками. В XVIII в. Исландия оставалась страной крестьянской, общение с иностранцами сводилось к нескольким разговорам в год с датскими купцами при поездках в торговые селения за покупками. Во-вторых, за образец, достойный подражания, бралась чистота языка древней исландской литературы и те примеры создания исландских обозначений для новых понятий, которые в ней имелись. В-третьих, в Дании, с которой исландцы были знакомы лучше, чем с какой-либо другой страной, также были сильны пуристические тенденции⁴. В целом исландский пуризм можно рассматривать как реакцию исландцев на национальное угнетение со стороны Дании, как стремление мобилизовать национальные силы на борьбу за самостоятельность страны⁵. Сам исландский язык для исландцев XVIII в. был не только средством общения, но и культурной ценностью, национальным достоянием, «священным огнем в очаге народном»⁶, и борьба за сохранение его чистоты была в то же время борьбой за отстаивание культурного наследия древней свободной Исландии, борьбой против датского господства. Точка зрения Э. Вессена, видящего причину исландского пуризма в стремлении оградить морфологическую систему исландского языка от гибели, которую может вызвать обилие иностранных слов, не укладывающихся в исландскую систему словоизменения⁷, представляется мало убедительной.

Однако причины, вызывающие сохранение исландского пуризма, иные. Аудитория, к которой обращены книги научного и технического содержания, знакома с иностранными языками. Исландия стала самостоятельным государством. Несомненно, прав проф. Йоун Хельгасон, видящий основную причину сохранения пуристических тенденций при создании новой исландской терминологии в сложившейся традиции избегать иностранных слов, рассматривать их как порчу языка, стиля, как уродство⁸. Впрочем, в последние годы в исландский язык проникло все же немалое коли-

⁴ Helgason J. Ritgerðakorn og gæðustúfar. Reykjavík, 1959. S. 217–218.

⁵ Вессен Э. Скандинавские языки. М., 1949. С. 158 (примечания С. С. Масловой-Лашанской).

⁶ Ольгейссон Э. Из прошлого исландского народа. М., 1957. С. 303.

⁷ Вессен Э. Указ. соч. С. 63 (см. критику этой точки зрения там же: С. 158); Helgason J. Op. cit. S. 221.

⁸ Ibid. S. 221.

чество иностранных слов. В первую очередь это касается одно- и двух-сложных слов, но также и многосложных⁹.

Сейчас в Исландии люди, связанные с наукой и техникой, знают в большей или меньшей степени иностранные языки, поскольку с литературой по своей специальности им приходится знакомиться на других языках. Читающий исландец приучается связывать с новым для него понятием иноязычный звуковой комплекс. Этот иноязычный термин для исландца нередко бывает более естественным, нежели исландский эквивалент этого слова, менее часто или просто редко встречающийся в литературе.

Однако это естественное стремление образованного исландца употреблять в речи иностранные слова сталкивается с привитым ему школой и литературой взглядом на недопустимость употребления варваризмов. Вследствие столкновения этих взаимнопротивоположных тенденций возникает довольно своеобразное положение, когда употребление иностранных слов становится характерным для разговорной речи, тогда как в письменной речи их избегают, т. е. создается положение, обратное тому, что обычно имеет место в большинстве европейских языков. Так, например, слова *gróblem*, *akseptera*, *stúðera*, *antikvariat* и т. п. относятся к разговорному стилю и избегаются в письме. В общем в письменном исландском языке, как правило, иностранных слов мало. Любопытны данные, приводимые проф. Йоуном Хельгасоном, сравнившим две книги — одну исландскую и одну норвежскую — примерно на одну и ту же тему. В исландской книге интернациональных слов оказалось очень немного: *figúra*, *krónika*, *lýrik*, *rómantík*, *Stóicismi* и т. п. В норвежской книге примерно на двух страницах оказалось столько же интернациональных слов, сколько во всей исландской книге¹⁰.

Однако, как уже отмечалось выше, в последние годы сдерживать напор интернационализмов, стремящихся вторгнуться в исландский язык, становится все труднее. Все большее количество *slettur* (иностранных слов, портящих язык) проникает на страницы газет (в первую очередь это, пожалуй, касается рекламы и научных статей) и книг.

Например, в небольшой заметке об открытии советскими физиками новой элементарной частицы (*Þjóðviljinn*. 3.07.1960) встречаются иностранные слова (соблюдена орфография подлинника): *anti-sigmaminus hyperon*, *synkofasotron*, *prótóna*, *nevróna*, *elektróna*, *positróna*, *mesóna*, *hyperóna*, *anti-partiklar*, *antínevtróna*, *pí-mesóna*.

⁹ Ср.: «Мы стали теперь смелее вводить многосложные иностранные слова в исландский язык, чем несколько десятилетий назад» (*Böðvarsson Á. Íslenzk tunga*. 54 // *Þjóðviljinn*. 3.04.1959).

¹⁰ *Helgason J. Op. cit.* S. 220.

Тоурбергюр Тоурдарсон, пионер нового стиля в современной исландской литературе, сравнительно широко использует иностранные слова в своих произведениях, причем употребление их выполняет у него определенные стилистические функции. Вот неполный перечень иностранных слов, использованных им в книге «Í kompanii við allífið» (Reykjavík, 1959): kompaní, sení ‘гений’, praktískur, húmor, bísness (bisness) ‘бизнес’, egósentriskur, konstatara, mórál, kompónera, varíasjón, músíkalskur, trúbadúr, spíritismi, óperetta, rapsódía, spíónera, díalektíker, kalkúlera, afstraktmálari ‘художник-абстракционист’, stúdera, dogma, krítiserá, vandlismi, marséra, materíaliserast ‘материализоваться’, drama, nervös, óestetískur ‘неэстетичный’, teologi, innspírasjón ‘вдохновение’, konsúll, tótalt, dímensjón ‘размер’, spútník, apparat, formúla, barbarismi, músíkant, primitífur, perspektíf, arkítekt, klíka, hysterískur, gangster, sextett, sena ‘сцена’, navigasjón, statískur ‘статический’ и т. п.

Для обозначения нового термина исландцы используют слово *nýugði*, что точнее всего следует переводить по смыслу как ‘новосозданное слово’.

Ниже рассматриваются способы создания *nýugði*, новых терминов, в современном исландском языке¹¹.

Все *nýugði* распадаются на две основные группы: 1) созданные на базе исландского языкового материала и 2) заимствованные в иностранной языковой форме.

Новые термины, созданные на базе исландского языкового материала. Возможны две различные классификации этих терминов: во-первых, с точки зрения их морфологической структуры и, во-вторых, с точки зрения их внутренней формы.

С точки зрения структуры *nýugði* распадаются на две основные группы: а) слова сложные, т. е. многоосновные, и б) слова простые, т. е. одноосновные.

Словосложение, являющееся в исландском, как и в большинстве германских языков, одним из важнейших словообразовательных средств, — один из самых распространенных способов создания *nýugði*. Наиболее обычны в исландском языке сложные *nýugði* из двух-трех компонентов (например, hljóðmæri ‘звуковой барьер’, ríshorn ‘угол атаки’, rafhreyfiafl ‘электродвижущая сила (ЭДС)’, jarðþyngdarmæli ‘гравиметр’). Реже встречаются сложные слова, состоящие из четырех компонентов (rafmagnshljómfræði ‘электроакустика’, miðflottaafldsæla ‘центробежный насос’). Сложные слова, в том числе и *nýugði*, имеющие более-четырёх компонентов, распространены мало (kvikasílfursljósbogaafriðill ‘ртутный дуговой выпрямитель’).

¹¹ Мы не ограничиваемся теми словами, которые являются *nýugði* с точки зрения сегодняшнего дня, но берем и более старые слова.

Одноосновные *þúggð* можно в свою очередь разбить на две подгруппы.

С одной стороны, в исландском языке для обозначения новых понятий иногда используется уже существовавшее ранее в языке слово, но имевшее другое значение (иногда сохранившее его до сих пор), например *lest* ‘поезд’ (‘караван лошадей’), *simi* ‘телеграф’, ‘телефон’ (‘нить, веревка’), *eind* ‘атом’ (‘единица’), *deild* ‘факультет’ (‘отдел, отделение’), *gildi* ‘валентность’ (‘значимость, стоимость’), *skaut* ‘электрод’ (‘угол, уголок’), *spennir* трансформатор’ и т. п. Этот тип *þúggð* распространен сравнительно мало.

С другой стороны, исландский язык очень широко использует свою богатейшую систему словообразовательных средств для создания новых слов. Так, например, от корня *frum-* (‘первичный’, ср. *frum* ‘первенец’) образованы слова *fruma* ‘клетка’ (ранее также *frumla*), *frumi* ‘протоплазма’, *frum* ‘протон’; ср., далее: *spara* ‘индукция’, *spara* ‘индуцировать’, *spari* ‘индуктор’ и *spara* ‘натравливать’, *arf* ‘ген’, *erfdiir* ‘наследственность’ и *arfur* ‘наследство’, *erfd* ‘наследование’; *þota* ‘реактивный самолет’ (*þjóta* ‘выгъ’), *úðir* ‘карбюратор’ (*úða* ‘моросить’), *vindill* ‘сигара’ (*vinda* ‘скручивать’), *gró* ‘спора’ (*gróa* ‘расти’), *líði* ‘реле’ (*líða* ‘делить, расчленять’).

С точки зрения внутренней формы, *þúggð* можно разделить на две основные группы: а) *þúggð*, созданные с использованием (полным или частичным) внутренней формы их иноязычных эквивалентов (кальки), и б) *þúggð*, созданные без использования иноязычной внутренней формы.

Калькирование является одним из весьма употребительных способов создания обозначений для новых понятий в современном исландском языке. Примерами полного калькирования могут служить слова *fjölveri* ‘полиандрия’ (*fjöl-* — гр. *poly-*; *ver* ‘муж’ — гр. *andr-*)¹², *hugklofnun* ‘шизофрения’ (*hugur* ‘ум’, *klofnun* ‘расщепление, раскалывание’ и гр. *schizō* ‘раскалываю, дроблю’ и *phrēn-* ‘ум’), *ritleysa* ‘аграфия’ (*rita* ‘писать’, *leysa* — суффикс, обозначающий отсутствие какого-либо качества, и гр. *a-* — частица отрицания и *graphō* ‘пишу’), *lifsými* ‘жизненное пространство’ (*lif* ‘жизнь’ и *-gými* ‘пространство’), *sambjöppun* ‘компрессия’ (*sam-* ‘с(о)-’ = лат. *con-*, *þjappa* ‘давить, жать’ и лат. *pressare* с тем же значением) и т. п. В ряде слов *-stefna* (‘направление’) соответствует суффиксу *-изм* (англ., фр. *-isme*, нем. *-ismus*); поэтому можно считать полными кальками слова типа *háttærnistefna* ‘бихевиоризм’ (*háttærnir* ‘поведение’ = англ. *behaviour*), *hernaðarstefna* ‘милитаризм’ (*hernaður* ‘ведение войны, война’) и др.

¹² Для краткости изложения мы сопоставляем здесь и ниже исландские *þúggð* с русскими интернационализмами, хотя они, конечно, заимствовались в подавляющей массе из других европейских языков. В некоторых случаях исландские слова сопоставляются также с русскими кальками интернационализмов (об условности термина «интернационализм» см.: М а к о в с к и й М. М. К проблеме так называемой «интернациональной лексики» // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 44–49).

Значительно чаще встречается неполное калькирование. Как правило, в этих случаях берется тот же мотивирующий признак, что и в интернационализмах, которым соответствуют *þúuggði*, но, помимо него, имеются другие компоненты, уточняющие его. Так, если в интернационализме *радикальный* (= англ. radical, нем. radikal) мы имеем только указание на ‘корень’ (лат. radix), то в *róttækur* ‘радикальный’ наличествуют основы *rót* ‘корень’ и *taka* ‘брать’ (ср. *tækur* ‘могущий быть взятым/принятым’). Ср. далее: *rafmagn* ‘электричество’ (*raf* ‘янтарь’, *magn* ‘сила’), *nafngiftumaður* ‘номиналист’ (букв. ‘дающий название’), *mismunadrif* ‘дифференциал (механизм)’ (*mismunur* ‘разница’, *drif* ‘привод’) и др.

При калькировании слов, внутренняя форма которых в других языках не ощущается (в первую очередь это касается интернационализмов греческого происхождения, а также интернационализмов латинского происхождения в нероманских языках), в исландском языке эта внутренняя форма естественно как бы восстанавливается: *meufæðing* ‘партеногенез’ (*meu* ‘дева, девственница’, *fæðing* ‘рождение’ и гр. *parthenos* ‘девственница’, *genesis* ‘рождение’), *safnari* ‘коллектор (в электромоторе)’, ‘собиратель’ и лат. *collector* ‘собирающий’, *öldungadeild* ‘Сенат (США)’ (*öldungur* ‘старец, старейшина’, *deild* ‘отделение’ и лат. *senatus* < *senex* ‘старый, старец’), *geislavirkur* ‘радиоактивный’ (*geisli* ‘луч’, *virkur* ‘действующий, активный’ и лат. *radius* ‘луч’, *activus* ‘деятельный, действующий’) и т. п.

Шире, чем кальки, представлены *þúuggði*, в которых не использована внутренняя форма переводимого термина. Таким образом, у этих *þúuggði* мотивирующий признак иной, чем у их иноязычных эквивалентов. Например, если у слова *гомеопат* (‘лечащий подобным’) мотивирующим признаком взято то, что лечение болезни производится лекарствами, которые в иных дозах вызывают болезнь (подобными вызывающим болезнь), то в исландском эквиваленте *smáskammtalækni* мотивирующим признаком является применение малых доз (т. е. ‘лечащий малыми дозами’). *Мутация* происходит от лат. *mutatio* ‘изменение, перемена’, а исландское слово *stökkþróun*, имеющее то же значение, в буквальном переводе означает ‘развитие скачком’. Другие примеры: *verðbólga* ‘инфляция’ (*verð* ‘цена’, *bólga* ‘распухание’), *vegabréf* ‘паспорт’ (*vegur* ‘дорога’, *bréf* ‘письмо’), *tilraunastofa* ‘лаборатория’ (*tilraun* ‘опыт, эксперимент’, *stofa* ‘комната’), *einræði* ‘диктатура’ (*einn* ‘один’, *-ræði* ‘господство’).

Внутренняя форма *þúuggði*, являющихся сложными словами, обычно основана на главном мотивирующем признаке, и поэтому такой термин, встречающийся человеку впервые, может быть понятен ему без объяснений. Такие новосозданные слова можно назвать *þúuggði* объясняющего типа. *Þúuggði*, которые являются простыми словами, чаще всего имеют менее

ясную внутреннюю форму и менее «понятны»: например, приводившиеся выше *eind* ‘атом’, *frum* ‘протон’, *þota* ‘реактивный самолет’ и т. п.

Нередко интернациональный термин имеет в языках полный семантический эквивалент, но по сфере своего употребления отличный от этого термина, закрепившегося в научном языке. Исландский язык часто в таких случаях использует в науке уже имеющееся в языке слово. Так, например, *гомогенный* передается в исландском языке как *samkynja*, что означает также ‘такого же рода, однородный’, *рецессивный* переводится как *víkjandi* ‘отступающий’, *сепсис* — *blóðeitrun* ‘заражение крови’, *крецендо* — *sterkara* ‘сильнее’¹³, *шоссе* — *þjóðbraut* ‘проезжая дорога’, ‘большая дорога’, и т. п.

Слова, заимствованные в иноязычной звуковой форме. Наибольший интерес в этой связи имеют два вопроса: во-первых, каким звуковым изменениям подвергаются усваиваемые исландским языком иностранные слова и, во-вторых, по каким типам склонения и спряжения они распределяются.

1. Если сравнивать звуки и звукосочетания одного языка со звуками и звукосочетаниями другого языка, то, отвлекаясь от мелких подробностей, можно отметить три основных случая:

а) часть звуков и звукосочетаний одного языка является характерной также и для другого языка. Например, франц. **ch**, нем. **sch**, англ. **sh** приблизительно соответствуют русскому звуку *ш*; английскому глухому **th** соответствует исландский **þ**; немецкому дифтонгу **au** соответствует исландский дифтонг **á**;

б) определенные звуки и звукосочетания другого языка могут быть переданы средствами данного языка, хотя они и не типичны для данного языка. Например, сочетание непалатализованных *д, т* и *н* с *е* для русского языка нехарактерно, но возможно: ср. *денди, инерция, тенденция*; далее, в русском языке возможны в заимствованных словах дифтонг *ау* (*пауза, маузер*), сочетание гласного с нейотированным гласным (*нюанс, пион, маэстро*) и т. д.;

¹³ На неудобства, сопряженные с переводом итальянских музыкальных терминов, когда теряются тонкие различия между ними в силу того, что ряд терминов переводится одним и тем же словом, указывает Аудни Бёдварссон: «Нельзя отрицать, что обычно желательно иметь возможность использовать исландские слова для тех иностранных предметов и понятий, которые попадают к нам. Но эти итальянские музыкальные термины являются в значительной степени скорее знаками для обозначения различных оттенков, чем если бы они использовались в качестве заимствованных слов в обычном понимании. Они в какой-то степени являются как бы знаками метрической системы, а все попытки ввести исландские термины метрической системы оказались неудачными (*stika* — *metri*, *rost* — *kílómetri* и др.)» (Böðvarsson Á. Íslenzk tunga. 9 // Þjóðviljinn. 3.05.1958).

в) звуки и звукосочетания одного языка невозможны в другом языке, например звуки [æ], [ð] или сочетание непалатализованного согласного с *и* в русском языке.

Рассмотрим в этой связи исландские звуки и звукосочетания, возможные в заимствованных словах, но не характерные для исландской фонетики:

- [l:] обычно в исландском языке не встречается, исторически долгое **l** диссимилировалось в [dl]¹⁴. Исключение составляет несколько собственных имен. Однако в заимствованных словах диграфом **ll** обозначается [l:], например *ball* [bal:] ‘бал’, *sella* [sel:a] ‘клетка’, *skrall* [skral:] разг. ‘танцулька’, *mylla* [mi:l:a] ‘мельница’, *trollari* [trɔ:l:ari] ‘траулер’ (сейчас в этом значении обычно употребляется слово *togari*). Такое произношение не распространяется на суффикс *-ill* или окончание *-l* после корневого **l**, например *bíll* [bidl] ‘автомобиль’, *ventill* [ventidl] ‘клапан, вентиль’;

- [g] в исландских словах в интервокальном положении не встречается, и в этом положении выступает щелевой [ɣ], например *saga* [sa:ɣa] ‘сaga’, ‘история’, *fluga* [fly:ɣa] ‘муха’. В заимствованных словах **g** не спирантизуется, и произносится смычный звук: *sagó* [sa:gou] ‘сaго’, *agúrka* [a:gupka] ‘огурец’, *ágúst* [au:gust] ‘август’, *Sígauni* [si:göyni] ‘цыган’, *sígarett* [si:ga:re^h:t:a] ‘сигарета’. Отметим попутно, что **g** в положении между гласным и **i**, переходящее в современном исландском языке в [j] (например, *félagi* [fje:laiji] ‘товарищ’, *dregið* [dreijið] — причастие **II** от *draga* ‘тянуть’), в иноязычных заимствованиях произносится как [g^h], например *registur* [re:g^histyr] ‘регистр’, *magister* [ma:g^hister] ‘магистр’;

- [f] в интервокальном положении в исландских словах не встречается. В этом случае всегда выступает его звонкий вариант [v]. В заимствованиях в этом положении возможно [f], например *safali* [sa:fali, sa:vali] ‘соболь’, *safir* [sa:fi:r] ‘сапфир’, *sófi* [sou:fi] ‘диван’, но ср. *safi* [sa:vi] ‘сок’, *hafa* [ha:va] ‘иметь’.

Далее возможно в иностранных словах появление непалатализованных **k**, **g** перед гласными переднего ряда и дифтонгом æ [ai], например *ókei* [oukei:] (англ. ‘о’кей’)¹⁵, *orgel* [ɔrgel] ‘орган’.

Остальные характерные особенности исландской фонетики сохраняются в заимствованных словах. Это в первую очередь: слоговое равнове-

¹⁴ По техническим причинам транскрипция, применяемая в настоящем сообщении, несколько отличается от обычно используемой в работах по исландской фонетике. Расхождение состоит в следующем: а) не обозначается глухота **b**, **d**, **g**; б) глухие **r**, **l**, **n** обозначаются соответственно через *r*, *λ*, *v*; в) полувзвонки **r**, **l**, **n**, **ð** передаются курсивом, т. е. соответственно *r*, *l*, *n*, *ð*; г) палатализованность **g**, **k** показана при помощи знака (‘).

¹⁵ В *ð v a r s s o n* Á. *Hljóðfræði*. Reykjavík, 1953. S. 69.

сие; аспирированность глухих смычных (преаспирация и постаспирация); глухость **b, d, g**; оглушение сонантов перед глухими смычными; спирализация **p, k** перед **t, s**; йотирование гласного, идущего после **i, í**, и т. д. Например: *vatt* [vaht] ‘ватт’, *sement* [se:mevnt] ‘цемент’, *traktor* [traχtɔr] ‘трактор’, *kopti* [kɔftu] ‘вертолет’ (ныне вытесненное словами *þyrla*, *þyrlivængja*), *bíó* [bijou] ‘кино’, *servíetta* [servijet:a] ‘салфетка’ и т. п.

Важной отличительной чертой слов, заимствованных исландским языком в иноязычной форме, является замена в большинстве случаев долгого и полудолгого **o** [ɔ:], [ɔː] на дифтонг **ó** [ou:], [ouː]. Если появление дифтонга [ou] на месте [ɔ] в безударном слого можно объяснить тем, что [ɔ] не встречается в исконно исландских словах в этом положении, то для причины этой замены в ударном слого следует искать какого-то иного объяснения, поскольку [ɔ:] возможно в исландских словах. Например: *nota* [nɔ:ta] ‘использовать’, *sofa* [sɔ:va] ‘спать’, *þola* [þɔ:la] ‘терпеть’. Примеры замены **o** → **ó** в ударном слого: *módel* [mou:deɫ] ‘модель’, *móral* [mou:raɫ] ‘мораль’, *óríum* [ou:rijum] ‘опиум’, *sónata* [sou:nata] ‘соната’, *tómat(a)* [tou:mat(a)] ‘помидор, томат’, *tópas* [tou:pas] ‘топаз’; в неударном слого: *atóm* [a:toum] ‘атом’, *persóna* [pɛpsouna] ‘лицо, персона’, *sítróna* [si:trouna] ‘лимон’, *demókrati* [dɛ:moukra:ti] ‘демократ’, *óbo* [ou:bou] ‘гобой’. То же самое наблюдается и в иноязычных собственных именах: *Rómeó*, *Óthelló*, *Móhikani*, *Flórida*, *Kórea*, *Evrópa*, *Indónesía*, *Tokió*, *Týról*, *Benóný*, *Leó*, *Frankó*. Впрочем, и именах собственных произношение [ou] часто не отражается на письме, и наряду с формами типа *Marió*, *Colombó*, *Óthelló* встречаются написания *Mario*, *Colombo*, *Othello* и т. п.; так, например, в одной и той же статье встречаются рядом передачи *Kirienkó* и *Dovsjenko* (*Þjóðviljinn*. 27.5.1959. S. 4)¹⁶.

Сказанное выше о переходе **o** → **ó**, как указывалось, относилось к долгому и полудолгому **o**. Краткое **o** [ɔ] может встречаться в заимствованиях в разных положениях. Ср. *Moskva*, *Volga*, *Formósa*, *Marokkó*, *fagott* ‘фагот’. Изредка встречается также и долгое или полудолгое **o** [ɔ:], [ɔː] в ударных или неударных словах. Например, *Lissabon* [lis:abɔ:n], *Sofía* [sɔ:fija], *síkoría* [si:kɔrija] ‘цикорий’, *séfiot* [sje:vijɔ:t] ‘шевиот’ и др. Последовательно сохраняется [ɔ:], [ɔː] в латинском суффиксе **-or** (**-tor** и т. п.), ср. *doktor*, *rektor*, *prófessor*, *ambassador* и т. п.

2. Слова, заимствованные в иноязычной форме, распределяются в основном по следующим типам склонений.

¹⁶ В передаче имен вообще царит значительный разнобой. Так, в печатавшемся в 1959 г. в газете «Þjóðviljinn» комиксе «Þórður sjógarí» встречались формы одного и того же имени: *Lúsía*, *Lucía*, *Lucia*; *Mario*, *Marió*, *Marió* и др.

Существительные м. рода на согласный идут по первому типу сильного склонения (характерные признаки: род. п. ед. ч.: -s, им. п. мн. ч.: -ar). Например, *traktor* — *traktors* — *traktorar*, *stúdent* — *stúdents* — *studentar*, *kandídat* — *kandídat*s — *kandídatar*. Существительные м. рода на -i идут по первому типу слабого склонения (косвенные падежи ед. ч.: -a, им. п. мн. ч.: -ar). Например, *demókrati* — *demókrata* — *demókratar*, *kommúnisti* — *kommúnista* — *kommúnistar*. Существительные ср. рода следуют всегда только сильному склонению (-s, —); при этом сохраняется характерное для этого склонения чередование **a** → **ö**. Например, *form* — *forms* — *form*, *volt* — *volts* — *volt*, *gramm* — *gramms* — *grömm*, *vatt* — *vatts* — *vött*. Существительные ж. рода на -a следуют слабому склонению (-u, -ur) также с чередованием **a** → **ö**. Например, *sígaretta* — *sígarettu* — *sígarettur*, *sítrona* — *sítrónu* — *sítronur*, *sónata* — *sónötu* — *sónötur*, *plata* — *plötu* — *plötur*¹⁷. Существительные ж. рода на согласный склоняются по первому типу сильного склонения (-ar, -ar). Исключение представляют слова латинского происхождения, имеющие в европейских языках суффикс -(t,s)ion, приобретший в исландском языке вид -(s)jón, и идущие по второму типу сильного склонения (-ar, -ir) (по-видимому, по аналогии с исландскими словами типа *sjón* ‘вид’). Например, *miljón* — *miljónar* — *miljónir*, *varíasjón* — *varíasjónar* — *varíasjónir*.

В заключение несколько слов о синонимии в новых исландских терминах. То обстоятельство, что термины вводятся преимущественно переводчиками, т. е. в какой-то степени частными лицами, приводит к тому, что вместо неудачного или кажущегося другому автору неудачным или оставшегося неизвестным термина вводится другой. Таким образом, в исландском языке для многих специальных понятий имеется несколько обозначений (разумеется, не все они одинаково употребительны). Примеры: *карбюратор*: *ýðig*, *blöndungur*; *реактивный самолёт*: *þota*, *þrýstiloftsvél*, *þrýstiloftsflygúél*, *þura*; *шовинизм*: *þjóðardrömb*, *þjóðdrömb*, *þjóðrembingur*; *гидроплан*: *sjóflugúél*, *sjóúél*, *sævúél*, *квант*: *deil*, *orkudeil*, *skammtur*, *orkuskammtur*, *magn*, *mæld*; *атом*: *atóm*, *eind*, *frumeind*; *ген*: *kon*, *erfðavísir*, *arfstofn*, *erfðastofn*, *arfgejafi*, *arfberi*, *arf*. Число подобных примеров может быть легко увеличено. Это свидетельствует о том, что исландская научная терминология еще не полностью отстоялась и что требуется значительная работа по ее упорядочению.

¹⁷ Некоторые исландцы, однако, не склоняют географические названия женского рода на -a, например: *í... hofuðstað Flórida* ‘в главном городе Флориды’ (*Þjóðviljinn*. 13.05.1959. S. 5). Об этом см.: *В öð varsson Á. Íslenzk tunga. 5 // Þjóðviljinn*. 29.05.1958. Ср. также: *Á flugvöllunum við Leningrað (sic!) og Moskva* (*Þ ó g ð a r s o n Þ. Í kompaní við allfið*. Reykjavík, 1959. S. 230).

Пока основными способами обозначения новых понятий в современном исландском языке остаются калькирование и создание *þúgðí* объясняющего типа. Время покажет, окажется ли возможным и целесообразным оградить исландский язык от проникновения в него большого количества иностранных слов.

V. Berkov

Navn for nye begreper i moderne islandsk

I artikkelen analyseres forskjellige måter hvorpå moderne islandsk danner ord for nye begreper. Den rivende utvikling vitenskapen og teknikken har fått i de seneste år, krever dannet massevis av nye spesialord. Det islandske språks puristiske karakter fører til at fremmedord unngås mest mulig skjønt den siste perioden kjennetegnes ved en større bruk av dem. De viktigste problemer som behandles i foreliggende artikkel er: de nye spesialordenes morfologiske og semantiske struktur; fremmedordenes karakteristiske fonetiske trekk; fremmedordenes morfologiske karakteristikk.

ЗАГАДКИ ДРЕВНЕИСЛАНДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Древнескандинавская — в первую очередь древнеисландская — культура занимает особое место в истории духовной жизни не только Европы, но и всего мира. Многие из произведений этого ярчайшего периода истории Скандинавии — в первую очередь «саги об исландцах», или родовые саги — не оставляют равнодушным современного читателя. Иные — прежде всего скальдическая поэзия — поражают своей изощренной формой.

По литературе древней Скандинавии существует огромная, практически необозримая исследовательская литература. Многие поколения исследователей внесли существенный вклад в ее изучение. Прделана колоссальная текстологическая работа, предложены интерпретации всех сколько-нибудь значительных памятников, они снабжены подробнейшими комментариями. Нельзя не упомянуть в этой связи и множество переводчиков в разных странах, воссоздавших эти памятники на многих языках. Благодаря усилиям тысяч ученых и переводчиков — нередко эти качества прекрасно сочетались в одном лице, — этот уникальный культурный мир стал доступен и понятен широкому кругу неспециалистов.

У нашей страны есть все основания гордиться тем, что сделано и делается в области изучения древнескандинавской культуры и ее популяризации. Здесь, прежде всего, следует назвать выдающегося исследователя М. И. Стеблин-Каменского, автора ряда блестящих, новаторских и глубоких работ по древнескандинавской литературе и, шире, культуре и прекрасного переводчика. Превосходные работы по древнескандинавской поэтике принадлежат перу О. А. Смирницкой, которая одновременно является великолепным переводчиком. Серьезные труды в этой области созданы Е. М. Мелетинским, А. Я. Гуревичем, а также учениками О. А. Смирницкой. Среди других переводчиков особо следует назвать покойного С. В. Петрова, пионера в переводе скальдической поэзии, и молодую В. В. Семенову, достигшую виртуозности в переводе скальдической поэзии.

Вместе с тем в культуре древней Скандинавии остается ряд проблем, в том числе крайне важных, которые не нашли — пока? — решения. Разумеется, автор ни в коей мере не претендует на решение даже хотя бы одной из них. В этих заметках он просто перечисляет то, чего мы об этой литературе не знаем.

Может ли вообще наше знание древней культуры быть полным? Видимо, нет. И причин тому несколько.

Во-первых, у нас нет и не может быть уверенности в том, что дошедшие до нас памятники достаточно полно отражают эту культуру. Даже если взять исландские родовые саги («саги об исландцах»), которых до нас дошло около 40 (не считая так называемых «прядей об исландцах», коротких рассказов, находящихся в текстах королевских саг; о королевских сагах см. ниже), мы не знаем, не было ли их больше (возможно, значительно больше). Сохранившиеся песни «Старшей Эдды» явно составляют лишь часть, скорее всего небольшую, всего цикла. До нас полностью дошла «Младшая Эдда» — учебник древнеисландской поэтики, который написан, по всей видимости, Снорри Стурлусоном в 1222–1225 гг. и в котором, в частности, содержится колоссальная информация о древнескандинавской мифологии. Однако обилие имен, упоминаемых в «Младшей Эдде» вскользь, дает основания предполагать, что и она не отразила всех мифов, бытовавших у древних скандинавов. Естественно, что чем дальше от нашего времени отстоит какой-либо период древней культуры, тем хуже сохранились памятники той поры. Это хорошо видно на примере рунических надписей. Надписей так называемыми старшими рунами до нас дошло около полутора сотен (из них около сотни в Скандинавии). Это, за единичными исключениями, лишь те, что выполнены на камне или металле.

Таким образом, мы, можно полагать, знакомы только с частью древнескандинавской культуры.

Во-вторых, нам не хватает знаний о психологии — и, шире, духовном мире — древнего человека. Как отмечалось в литературе, и в особенности в работах М. И. Стеблин-Каменского, нам трудно видеть его мир его глазами, мы невольно подходим к произведениям минувших эпох, руководствуясь нашими современными критериями. Более того, даже читая древние произведения на языке оригинала, мы, в сущности, как справедливо заметил М. И. Стеблин-Каменский, читаем их в переводе: мы в какой-то степени подставляем в слова древнего языка привычные нам значения; особенно велико несоответствие значений древнего и современного языка у самых элементарных слов, относящихся к духовному миру («душа», «правда», «добро» и т. п.)¹. Представления древнего человека о чести и бесчестии, о правде и вымысле, о добре и зле, о трагическом и смешном и т. д. во многом существенно отличаются от наших. Сказанное, разумеется, не противоречит тому, что духовный мир этого человека в известной мере созвучен нам — иначе многое в древнескандинавской культуре имело бы только исторический интерес, и, например, саги читались бы в лучшем случае только современными исландцами, а не множеством людей в самых разных странах.

¹ Стеблин-Каменский М. И. Мир саги // Стеблин-Каменский М. И. Мир саги: Становление литературы. Л., 1984. С. 14.

* * *

Древнеисландская литература представлена, как известно, тремя основными жанрами — скальдической поэзией, эддической поэзией и сагами. Многое в каждом из этих жанров и по сей день представляется загадочным, несмотря на усилия тысяч исследователей в разных странах. К сожалению, здесь нет возможности коснуться эддической поэзии — это очень большая и сложная тема.

Начнем с самого загадочного жанра, не имеющего параллели в мировой литературе, — со **скальдической поэзии**.

Скальдами, как известно, в древней Скандинавии назывались люди, владеющие поэтическим искусством, независимо от того, чем они занимались. Среди скальдов были воины (дружинники), крестьяне (бонды), короли, ярлы (князья) и т. д. Этим искусством владели многие, среди скальдов были и женщины. До нас дошли имена 140 скальдов, из них около сотни — исландцы. Таким образом, можно считать, что скальдическое искусство прежде всего исландское, хотя древнейшие скальды были норвежцами (вспомним, что Исландия была заселена между 874 и 930 гг.).

Скальдическая поэзия делилась на несколько видов, среди которых важнейшими были хвалебная песнь, хулительные стихи и так называемые «отдельные висы» (стихи на случай). Примерно $\frac{5}{6}$ скальдических стихов написаны размером, носящим название *дротткветт*. Ограничимся этим размером и рассмотрением в первую очередь самого, на наш взгляд, загадочного — и самого распространенного, судя по количеству сохранившихся стихов — жанра, а именно «отдельных вис» (виса — обычно 8-строчное стихотворение, распадающееся на две структурно одинаковых полустрофы).

Самой важной чертой скальдической поэзии была невероятно сложная форма. Столь сложной формы не знает ни одна поэзия в истории мировой литературы. Каковы же были ее основные черты? (Детали здесь, разумеется, придется опустить.)

1. **Аллитерация.** Основной вид ее — два слова в нечетной строке (1-й и 3-й) начинались с того же звука, что и первое ударное слово в четной строке (соответственно 2-й и 4-й). Например (Торбьёрн Хорнклови «Глюм-драпа»):

Háði gramr, þars gnúðu
geira hregg við seggi

Аллитерация была, впрочем, характерна для всей древнегерманской поэзии. Конечная рифма в этой поэзии отсутствовала, и именно аллитерация (своего рода начальная рифма) была организующим началом стиха.

2. **Внутренняя рифма** — неполная в нечетной строке, полная в четной строке (тот же пример):

*Háði gramr, þars gníðu
geira hregg við seggi*

Это чисто скальдическое явление.

3. **Кеннинг**. Этим словом обозначалось иносказательное обозначение понятия (т. е. замена обычного слова) словосочетанием или сложным словом: например, слово *корабль* заменялось сочетаниями *вепрь моря*, *скакун бездны* и т. п. *Воин* мог обозначаться как *посох битвы*, *терн боя* и др. Пока были приведены только двухчленные кеннинги, т. е. кеннинги, состоящие из двух элементов. Такие кеннинги встречались в «Старшей Эдде» и древней поэзии других германских народов; есть они даже в надписях старшими рунами. Однако скальды использовали также 3-, 4-, 5-, а иногда даже 6- и 7-членные кеннинги. Классический пример: *лебедь нота шипа ран* = ворон (*шип ран* = меч, *нот меча* = кровь, *лебедь крови* — ворон).

Индивидуальность скальда проявлялась прежде всего в кеннингах. Создание кеннингов требовало, кроме прочего, досконального знания мифологии.

4. **Хейти**. Этим словом обозначались поэтические синонимы обычных слов, т. е. слова, уже в то время не употреблявшиеся в обычной речи, иначе говоря, слова устаревшие. Некоторая параллель может быть усмотрена в русских поэтизмах типа *рамена*, *перси*, *ловитва*, *вежа*, *стогны*, *лепый* и т. п.

5. **Тмезис**. Этим термином греческого происхождения называется характерное для скальдической поэзии переплетение предложений. Оно заключалось в том, что в основной текст стихотворения вставлялось предложение, как бы разрывающее его, например (пер. О. А. Смирницкой):

Нарастила, Гюльви
Обморочив — *бычы*
Вздулись жилы, — Гевьон
Край презнатно датский.

Явление это уникальное в мировой поэзии.

Как сказано, наиболее загадочным явлением представляются «отдельные висы», т. е. стихотворения, сочиненные по какому-либо конкретному поводу. Повод этот мог быть самый разный: бой, буря на море, получение подарка, кража коня, жалоба на непогоду и т. д. и т. п. Как явствует из саг, «отдельные висы» являлись экспромтами. В «Саге о Греттире», например, рассказывается о том, как Греттир украл коня, а хозяин коня гнался за

ним, и во время погони оба сочиняли по этому поводу висы («седёлкины висы»), рассказывая их свидетелям. (Висы эти, кстати, великолепно переведены О. А. Смирницкой.) По свидетельству саг, «отдельные висы» могли даже сочиняться в разгар боя, например во время поединка.

Из сказанного вытекает, что главным в скальдической поэзии было не содержание, а форма. В сущности, в этих стихах сообщалось о вполне конкретных фактах, более того, очень часто, если совлечь со скальдического стихотворения крайне сложную, изошренную, «гипертрофированную», по выражению М. И. Стеблин-Каменского, форму, содержание оказывалось весьма простым и порой даже скудным, типа «свистели стрелы, но ты, князь, смело сражался», «Харальдова кара настигает непокорных» и т. п.

Во всех дошедших до нас произведениях скальдической поэзии (а сохранилась только их часть, возможно, меньшая), загадочно почти все. Вот часть тех вопросов, на которые нет убедительного ответа.

1. Как возникла скальдическая поэзия?

Дело в том, что до нас не дошли те стихотворные формы, которые, как логично было бы предположить, непременно должны были ей предшествовать. За три с половиною века существования скальдической поэзии (первая половина IX — конец XIII в.) ее каноны практически не изменились. Иными словами, все те названные черты поразительно сложной формы присутствуют уже в самых ранних скальдических стихотворениях, скальдическая поэзия явилась нам уже готовой, полностью оформившейся в буквальном и переносном смысле слова. О том, как сложились эти каноны, для чего они были нужны, можно только строить предположения. Самоочевидно лишь то, что чем сложнее была форма, тем большее требовалось мастерство от скальда, тем больше признания и славы скальдические стихотворения приносили автору. Форма эта усложнялось, видимо, до тех пор, пока не был достигнут тот естественный предел, за которым дальнейшее усложнение уже просто невозможно. М. И. Стеблин-Каменский называл скальдическую поэзию «поэзией в кубе».

2. Как сочинялись скальдические стихи?

Сочинение столь сложных по форме стихотворных произведений требовало от их авторов виртуозного владения языком во всем его богатстве, включая знание множества слов, в повседневной речи не используемых, обостренного чувства звука и, как уже упомянуто, досконального знания мифологии. Вместе с тем совершенно точно известно, что скальды в основном были людьми, выражаясь современным языком, необразованными, даже далеко не всегда владели грамотой (т. е. руническим письмом; впрочем, скальдическая поэзия рунами, за единичными исключениями, и не

фиксировалась). Если и позволительно допустить, что хвалебные песни, сочинявшиеся скальдами в честь властителей, могли заготавливаться заранее, впрок, то, по многочисленным свидетельствам саг, не верить которым нет оснований, «отдельные висы» сочинялись экспромтом. Для современного человека это просто непостижимо. Видимо, такое было возможно, когда люди много думали — в свободное время — над стихотворной формой, придумывали — впрок — кеннинги, подобно тому, как современные поэты во время прогулок придумывают метафоры, сравнения, свежие рифмы и т. п. Такое предположение допустимо, но, естественно, не объясняет тайны скальдической поэзии. Для сравнения можно отметить, что наши самые талантливые переводчики скальдической поэзии тратят на воссоздание этих произведений во много раз больше времени, нежели их авторы.

3. Как и почему понимались скальдические стихи?

Этот вопрос представляется самым трудным. В конце концов, можно допустить, что скальды были людьми исключительного дарования, так сказать, отмеченные божьим даром (хотя из многочисленных свидетельств саг этого не следует) и потому могли на месте сочинять стихи столь сложной формы. Но стихи эти были, как правило, адресованы не другим скальдам, а обычным людям и понимались слушателями (не читателями!) тотчас же, на слух. Это не может означать ничего иного, кроме того, что древнеисландская аудитория — любая! — была подготовлена к восприятию этой сложнейшей поэзии. Простые древние исландцы, стало быть, без труда, с ходу, тотчас же расшифровывали трудные многочленные кеннинги, помнили множество поэтических синонимов — хейти, легко вычленили вплетенные предложения. И все это, повторяем, на слух. Более того, стихи эти, как правило, запоминались с первого раза, а потом передавались изустно — из поколения в поколение.

Подобное было возможно, видимо, только в таком обществе, в котором знание поэтического языка во всем его колоссальном богатстве было всеобщим, в котором люди с детских лет знакомились со скальдической поэзией, накапливали опыт восприятия ее. Иначе говоря, это было общество, как мы сказали бы теперь, высочайшей культуры слова.

В значительной мере традиции древней поэзии сохраняются и в современной Исландии, по праву считающейся страной поэтов. Искусство стихосложения — а требования к исландскому стиху и поныне строгие, в частности требуется помимо рифмы соблюдать аллитерацию — развито высоко и, выражаясь современным языком, носит массовый характер. Поражает и легкость восприятия исландцами сложной поэзии на слух.

* * *

Как ни своеобразна и виртуозна поэзия скальдов, центральным жанром древнеисландской литературы являются **саги**. Скальдические стихи удовлетворяли эстетические потребности древних скандинавов, саги отвечали в первую очередь их потребностям в знаниях об их обществе — в настоящем и прошлом.

Сага — это прозаическое повествование, рассказывающее о жизни какого-либо человека и тех людей, с кем он в силу обстоятельств имел дело, его роде, близких, врагах, союзниках и т. д. Существует несколько видов древнеисландских саг. Самые знаменитые и самые значительные из них — это «саги об исландцах», или родовые саги. К ним примыкает, хотя и не причисляется, большая «Сага о Стурлунгах», повествующая о событиях первой половины XIII в. Другие жанры: королевские саги (среди них центральное место занимает «Круг земной» Снорри Стурлусона), в основном рассказывающие об истории Норвегии; «саги о епископах»; «саги о древних временах»; рыцарские саги. В дальнейшем речь пойдет только о «сагах об исландцах» — бесспорно, центральном жанре среди саг.

Саги насыщены фактическим материалом. В них описывается множество событий, называется огромное количество личных имен и географических названий. Подсчитано, что во всем корпусе «саг об исландцах» упоминается около 7000 исландцев, причем многие из них фигурируют в различных сагах. Как пишет М. И. Стеблин-Каменский, «...саги об исландцах» образуют вместе как бы одну „Человеческую комедию“, в которой действуют или упоминаются чуть ли не все „активные граждане“ Исландии первого века „народовластия“, другими словами — все исландцы этой эпохи, кроме рабов, челяди и домочадцев. Таким образом, широта охвата действительности в „сагах об исландцах“ совершенно беспримерна в мировой литературе»².

Популярное издание «саг об исландцах» составляет около 5500 страниц — 12 томов.

Саги были записаны в XIII–XIV вв. Дошли до нас, как правило, более поздние списки.

«Саги об исландцах» хронологически охватывают столетний период, называемый «веком саг» — 930–1030 гг.

Основное содержание «саг об исландцах» — это судьбы людей, живших в «век саг». Точнее — события в их жизни. Событиями же были прежде всего конфликты, распри, тяжбы и, как неизбежное их следствие, — месть. Почему? Потому, что это было самое важное из того, что происхо-

² Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. Л., 1967. С. 124.

дило в стране. Достойным рассказа было то, что отклонялось от спокойного течения жизни, драматическое в ней.

Многое в «сагах об исландцах» удивляет современного читателя, затрудняет, особенно поначалу, их чтение. Это прежде всего обилие генеалогических сведений. Когда в саге появляется новое действующее лицо, сообщаются подробные сведения о его родичах и предках в нескольких коленах. Это, далее, непрямолнейность повествования: в сагах рассказывается множество эпизодов, не имеющих прямого отношения к основному сюжету (выражаясь в современных литературоведческих терминах, их характеризует «рыхлость композиции»). Это также «непропорциональность» повествования: эпизоды, с нашей точки зрения, второстепенные порой рассказываются очень подробно и, напротив, о важнейших событиях может повествоваться довольно немногословно.

Формулируя сказанное иначе, можно утверждать, что в «сагах об исландцах» нет сознательного отбора фактов, «выстраивания» их, подчинения их какой-либо схеме рассказа. Это объясняется пониманием древним человеком правды. Отсюда и иное представление об авторстве саг.

В этой области новаторским был подход М. И. Стеблин-Каменского. Вкратце он сводится к следующему.

Современный человек четко разграничивает правду историческую и правду художественную: например, для него историческое описание восстания Пугачева — одно, а «Капитанская дочка» Пушкина — другое. Для древних же людей существовала одна «синкретическая» правда — результат «гармонического сочетания стремления к точности и к воспроизведению действительности во всей ее живой полноте»³. Основываясь, в частности, на том, что в древнеисландском языке не было выражений для понятий «автор», «авторство», он пришел к выводу, что рассказчик, передавая известное ему, не вносил в свое повествование сознательного вымысла. Индивидуальность «обработчика устной традиции» проявлялась в форме, т. е. в драматизации и конкретизации повествования, в создании живых диалогов, сцен и прочего.

В «сагах об исландцах» совершенно нет словесной орнаментации. Для них характерна естественная, простая речь, близкая к разговорной. В частности, косвенная речь часто переходит в прямую, стиль безыскусен, эпитеты отсутствуют, слова могут повторяться в одном предложении и т. д. Вместе с тем в них есть то, что характеризует хорошего рассказчика, — напряженность фабулы, живость реплик. На последнем стоит задержаться.

На наш взгляд, «обработанность» саг проявляется, как это ни парадоксально, именно в репликах. Представляется, что именно реплики в «са-

³ Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература. М., 1979. С. 98.

гах об исландцах» порой более далеки от естественной разговорной речи, нежели основной текст. Так, в некоторых диалогах наблюдается такая концентрация пословиц и поговорок, которая едва ли характерна для естественной речи. Они часто афористичны (многие из них поэтому стали потом крылатыми словами), емко, сжато дают квинтэссенцию ситуации. А ведь именно реплики — плод домысливания рассказчика, поскольку в «сагах об исландцах» нередко передаются диалоги, свидетелей которых не было. Поэтому здесь индивидуальность рассказчика проявлялась более всего.

Древнее понимание правды проявляется также в том, что в сагах нет идеализации их героев. В них рассказывается не только о том, что представляет героя в выгодном свете, но и о тех его поступках, которые не делают ему чести — по крайней мере, с современной точки зрения. Таким образом, в сагах нет отбора фактов.

Исследователями саг проделана огромная работа, получено много ценных результатов. Вместе с тем остаются загадки — вопросы, на которые нет ответа.

1. Время, охватываемое сагами.

К «сагам об исландцах» примыкают саги, в которых описываются события, хронологически более близкие ко времени их записи/написания. Значительное их количество сведено в огромную (три тома) «Сагу о Стурлунгах», в которой рассказывается о событиях с 1117 по 1266 г. Напомним, что «саги об исландцах» описывают «век саг», период с 930 по 1030 г. Таким образом, период 1030–1117 гг., называемый «мирным временем», как бы выпал из исландской саговой историографии. Принято считать, что этот «перерыв» объясняется тем, что в это мирное время не произошло драматических событий, которые были бы достойным объектом описания в сагах.

Действительно, мирное течение жизни, видимо, мало интересовало древних исландцев или даже вовсе не интересовало их. Отрезки времени, порой годы, когда не совершались убийства, когда не было раздоров и тяжб, конфликтов и актов мести, обычно характеризуются в «сагах об исландцах» краткими формулами типа «и некоторое время все было спокойно» (ok var þá kyrrt um hríð). Однако трудно верится в то, что после бурного и драматичного «века саг» течение жизни в Исландии на протяжении 87 лет не было омрачено никакими конфликтами, что царил полный покой. Конечно, в жизни каждого народа периоды кровавых событий чередуются с временами относительно спокойными, но чтобы в сравнительно небольшом обществе, члены которого и знают очень многих, и живо интересуются друг другом, и хранят в своей памяти огромное количество сведений об истории своей страны, — чтобы в таком обществе вдруг воцарилось

такое спокойствие и такое благолепие, что и рассказывать-то стало бы не о чем, — в такое, повторяем, верится с трудом. Однако причина этого перерыва неясна. Ведь обычное объяснение основано на допущении, что только саги и отражают исторически точно события: коль скоро саги (и только саги) описывают драматические события и коль скоро об этом периоде нет саг, значит не было и событий. А что если события — возможно, не такие значительные, как в предшествующий «век саг», все-таки были, а саг не было? А если так, то почему? М. И. Стеблин-Каменский выдвинул предположение, что, возможно, существовала тенденция к превращению «века саг» в своего рода «эпическую эпоху»⁴.

2. Вопрос о процессе создания саг.

Это центральный вопрос в отношении создания саг. Несомненно прав М. И. Стеблин-Каменский, показавший, что неправомерно ставить вопрос об авторстве саг. Основная его концепция, напомним, состоит в том, что «саги об исландцах» — продукт неосознанного авторства, а правда в них синкретическая — факты точно переданы искусным рассказчиком, вернее, по-видимому, цепью рассказчиков.

Остаются, однако, неясными многие детали самого процесса создания саг. Что знаем мы бесспорно? То, что в основе «саг об исландцах» лежат реальные исторические факты исландской действительности X–XI вв. То, что рассказы об этих реальных событиях передавались изустно из поколения в поколение на протяжении двух-трех веков и были записаны в XIII в. (хотя до нас, повторяем, дошли значительно более поздние списки). Таким образом, нам с достоверностью известны только начало и результат этого долгого процесса. Видимо, это изначально были рассказы очевидцев. Рассказы эти передавались от человека к человеку, от поколения к поколению, рассказчики, в меру своих способностей, постепенно совершенствовали форму повествования, делая его более динамичным, живым, драматичным.

Современному человеку трудно понять, как древние исландцы могли удерживать в памяти такие произведения. Например, «Сага о Ньяле» — это около 400 страниц текста, упоминается в ней около 700 личных имен. (Правда, это самая длинная сага.) А помнили исландцы таких саг немало.

Заканчивая эту очень краткую характеристику «саг об исландцах», необходимо отметить, что и по сей день они — излюбленное чтение исландского народа. Самые известные из них перечитываются исландцами по многу раз. Знают их исландцы так, как в других странах поклонники того или иного писателя или поэта помнят его произведения.

⁴ Стеблин-Каменский М. И. Указ. соч. С. 108.

* * *

В заключение несколько слов о том, чему нас учит древнеисландская литература. Современный человек, ослепленный успехами науки и, особенно, техники, знакомый с выдающимися произведениями литературы Нового времени, склонен считать древнего человека примитивным, невежественным, лишенным эстетического чувства, с убогим внутренним миром. Знакомство с древнеисландской литературой убеждает нас в обратном. Во многом эти простые люди превосходили нас. Об этом прекрасно рассказано в заключительной главе лучшей, на наш взгляд, книги М. М. Стеблин-Каменского «Мир саги». Книга эта переведена на ряд языков, в том числе и на исландский.

БЕЛОЕ ПЯТНО СКАНДИНАВИСТИКИ (Фарерские острова)

В мире немного людей, имеющих представление об интереснейшем мире — миниатюрных Фарерских («Овечьих») островах, затерявшихся в Атлантическом океане примерно на равном расстоянии от Шотландии, Норвегии и Исландии. И хотя на этих островах говорят на совершенно самостоятельном скандинавском языке — фарерском, даже для большинства скандинавистов они *terra incognita*.

Автору этих строк посчастливилось побывать — очень недолго — на Фарерах, и своеобразный мир островов произвел на него такое сильное впечатление, что он счел нужным рассказать об этом крохотном районе Большой Скандинавии.

Создавая Фарерские острова, Творец, похоже, не рассчитывал, что на них когда-нибудь будут жить люди. Во всяком случае, ни молочных рек, ни кисельных берегов там нет.

Всего насчитывается два десятка Фарерских островов, а заселены из них 17. Общая их площадь очень мала — чуть меньше 1400 км². От крайней северной точки островов до самой южной всего-навсего 113 км, а с запада на восток и того меньше — 75 км. Из любого места до океана не более 5 км. Средняя высота над уровнем моря 300 м, высшая точка — гора Слэттаратиндур — 882 м.

Климат — типичный морской: средняя температура в июле всего +11°, а в январе +3°С — благодаря Гольфстриму здесь значительно теплее, чем в других местах, расположенных на этой же широте. Море никогда не замерзает, и даже внутренние части фьордов покрываются льдом лишь в особенно холодные зимы. До 280 дней в году — осадки, а выпадает их 1500 мм (для сравнения — почти в два раза больше, чем в Санкт-Петербурге). Снег бывает, но держится, как правило, лишь несколько дней.

Ветер дует здесь постоянно и порой достигает такой силы, что срывает крыши с домов, опрокидывает машины и лодки, катит валуны и сдувает людей в море.

То и дело острова окутываются густыми туманами.

Море часто и подолгу штормит. В былые дни, случалось, переправлялись люди на лодке на соседний остров и застрянут там из-за бушующего моря на несколько дней, а то и недель.

Такие прибои, как на Фарерских островах, мало где можно увидеть.

В туристских проспектах на английском языке Фарерские острова из-за непредсказуемости погоды называют «The Islands of Maybe» — «Островами Может Быть». Погода меняется много раз на дню. Только что светило яркое солнце, но вот уже хлещет ливень. На одном берегу острова густая пелена тумана, другой залит солнцем. Фарерцы сами говорят, что в один день здесь бывают все времена года.

Значительную часть территории островов занимают горы, и жить людям не слишком просторно. Горы порой так круто обрываются к морю, что между скальным отвесом и водой нет даже узенькой полоски земли. К некоторым хуторам люди веками карабкались от причалов по крутейшим горным тропам.

Естественных лесов нет. Но есть болота.

В этом климате и на этих почвах вырастают только кормовые культуры да ячмень и картофель. Но травы вдоволь, и овцы пасутся круглый год.

За исключением небольшого угольного месторождения, полезных ископаемых на островах нет.

Лишь недавно между некоторыми островами появились мосты или насыпные дороги. С остальными связь, как и в древности, возможна только по воде — в наши дни паромами. В последние годы, правда, еще и вертолетом.

До ближайшей страны несколько сотен километров.

И живут на забытых Богом Фарерских островах 45 тыс. человек.

Как же случилось, что люди поселились на этой не слишком привлекательной земле и живут здесь уже без малого двенадцать веков?

Тысячелетиями Фарерские острова вообще не были заселены. Лишь с середины VII в. кое-где по берегам стали селиться ирландские отшельники-монахи, обретавшие здесь желанное уединение для молитв.

Но вот настала эпоха викингов. Викинги, как известно, занимались не только разбоем и торговлей, они также осваивали новые земли и селились на них. В начале IX в. выходцы из Норвегии высадились на Фарерских островах.

С самого начала основным занятием населения было овцеводство, отсюда и название островов — «Овечьи». Однако площадь пастбищ была (да и остается) ограниченной. Число жителей мало-помалу росло, и появилась необходимость регулировать поголовье овец. «Овечья грамота» 1298 г. определила границы пастбищ и установила предельное количество овец, которых можно держать на островах, — 70 тыс. Характерно, что это ограничение соблюдается по сей день, вот уже более семи веков. В наше время фарерцы сами ввозят эту свою любимую баранину: более 70 тыс. овец островам не прокормить без ущерба для природы. Зато эрозии почвы, этого бича многих стран, где развито овцеводство, на островах нет.

До сих пор овец забивают в определенное время, осенью. Так получилось, что автор этих строк читал лекцию в Фарерском университете (об университете речь впереди) как раз в день массового забоя овец. Накануне один филолог, главный редактор лингвистического журнала на фарерском языке (есть здесь и такой научный орган; с 1991 г. вышло более 20 номеров), высказал опасение, что может не попасть на лекцию, так как будет резать овец. Однако, видимо, приналег, потому что на лекцию пришел.

Шерсть и вязаные изделия веками были важнейшей статьёй экспорта островов.

Другим промыслом фарерцев испокон веку было рыболовство. Еще совсем недавно лов велся в открытых лодках с четырьмя или восемью гребцами. Сколько рыбаков нашло свою смерть в холодных водах Атлантического океана, не знает никто. (До самого недавнего времени — пока на островах не появились плавательные бассейны¹ — фарерцы не умели плавать: слишком холодна вода в океане. Поэтому если лодка переворачивалась, то обычно все гибли.) Широкие масштабы рыболовство приобрело лишь в XIX в. В наши дни фарерцы экспортируют рыбу — особенно мороженую, а также выведенного в садках лосося. Рыболовство и рыбопереработка стали ведущей отраслью фарерской экономики.

В описаниях Фарерских островов непременно рассказывается о специфическом местном промысле — охоте на гринду. Не будем отступать от этой традиции.

Гринда — это вид дельфина (фарерцы называют ее китом), который водится в Северной Атлантике. Отдельные экземпляры достигают восьми метров в длину и весят до двух тонн. Стада гринды, насчитывающие более сотни особей, регулярно заходят в фарерские фьорды.

Мясо гринды считается на Фарерских островах ценным пищевым продуктом. Долгое время оно было важным элементом питания фарерцев. Его ели в свежем виде, соленым или сушеным. Вообще до недавнего времени небогатые фарерцы питались в основном мясом и салом гринды, рыбой, засоленными или вареными морскими птицами (о них чуть позже) и ячменной кашей. Жили при таком рационе долго.

Проходит охота на гринду так.

Первый, увидевший стадо, обычно случайно, сразу же сообщает об этом соседям, те другим и т. д. Известие о гринде — «гриндабо» (grinda-bod)² — мгновенно разносится по округе, и все устремляются к месту на-

¹ Характерный штрих современности: на островке Хестур (Лошадь) площадью 6 км² живет всего 49 человек, но есть плавательный бассейн.

² В фарерском языке даже существует поговорка: «Весть разнеслась по всей стране как „гриндабо“».

хождения стада. Среди множества лодок выделяется несколько с фарерским флагом: это лодки руководителей охоты, избираемых из числа особенно опытных промысловиков. Каждый из них по окончании охоты получит по целой гринде. А первый, кто заметил стадо, награждается головой самого крупного животного.

Главная задача — загнать стадо на мелкое место, где животных можно перебить. Народ опытный, руководителей охоты все понимают с полуслова, действуют слаженно и четко. Гринду пугают — забрасывают камнями, и стадо наконец оказывается на мелководье. Лодки образуют двойную цепь в сотне-другой метров от берега.

Раздается команда: «Стинджи нюу!» («А теперь колите!»), и начинается охота — умерщвление десятков животных. Стадо охватывает паника, некоторые гринды, обезумев от ужаса, устремляются к берегу. Охотники сначала бьют их гарпунами, потом выпрыгивают из лодок и, стоя в резиновых сапогах в гуще стада, наносят животным быстрый удар ножом в позвоночник в области затылка. Вода во фьорде окрашивается в темно-красный цвет. Зрелище, мягко говоря, впечатляющее.

Тела забитых гринд зацепляют специальными крюками и вытягивают на берег. Затем охотники проходят вдоль лежащих туш, вспарывают им брюхо, извлекают внутренности, вырезая из них печень и почки: это у фарерцев особое лакомство, и каждый участник охоты может получить свою долю.

Теперь мужчины, участвовавшие в охоте и насквозь промокшие в холодной воде, исполняют «танец гринды». Наблюдавшие за ними на берегу женщины и дети расходятся по домам. Женщины начинают готовить еду.

А на берегу приступают к замеру туш. Два человека измеряют каждую из них с помощью деревянного шеста и таким способом определяют ее массу в «шиннах» (примерно 10 кг): иначе вес огромной гринды не установить. Затем на каждой туше вырезают номер и вес.

Тем временем руководители охоты начинают подготовку к распределению добычи. По незыблемым древним фарерским правилам, действующим до сих пор, каждый житель острова (или островов, если забой проходил в проливе) получает свою долю; при этом не важно, участвовал ли он лично в охоте или нет. Мясо получают все, включая грудных младенцев, — несколько тысяч человек. Какое-то количество туш отдается в качестве компенсации тем, кому гринды повредили лодку или кто потерял орудие лова. Выделяется мясо и «неизвестным людям» — посторонним, оказавшимся в этот момент на берегу.

Такое распределение, своего рода первобытный коммунизм, свидетельствует о том, как были развиты в древнем обществе чувство социальной справедливости и забота о каждом его члене.

Ежегодно на Фарерских островах забивается в среднем 800–900 гринд. Правда, бывали и «безгриндные годы». Всего за последние лет триста до-быто около четверти миллиона гринд.

Нигде, кроме Фарер, охота на гринду не ведется.

Признаюсь откровенно, что за время моего короткого пребывания на Фарерских островах самому мне охоту на гринду видеть не довелось. Написанное выше составлено на основании нескольких чужих описаний (кстати, совпадавших практически во всех деталях). Ничего своего я, естественно, не добавлял. Когда первый вариант очерка был написан, я попросил знакомого фарерца, хорошо владеющего русским языком, просмотреть его, дабы свести к минимуму количество «развесистой клюквы». Джонни Томсен очень внимательно прочитал очерк и сделал ряд ценных замечаний, которые я полностью учел безо всяких возражений. Пользуюсь случаем, чтобы выразить ему сердечную благодарность.

Что касается его подробных комментариев к моему пассажиру об охоте на гринду, то они настолько интересны и поучительны, что я позволю себе привести их полностью:

Твое описание охоты на гринду больше не соответствует действительности. Копья или гарпуны, о которых ты пишешь, были запрещены лет двадцать назад. В то время когда еще пользовались гарпунами, охота на гринду, если животных не удавалось загнать на берег (мы, фарерцы, говорим, что они «вышли на берег»), действительно была делом жестоким и кровавым. Теперь же гринду разрешается убивать только ножом. Идеальная ситуация — это когда стадо «выходит на берег». Тогда сотню гринд приканчивают за несколько минут. Допускаю, что иностранцам зрелище представляется «жутким». Однако это объясняется отчасти тем, что городские жители позабыли, как выглядит забой скота и что курица, которую они едят, тоже когда-то была живой, а отчасти тем, что гринда очень крупное животное и из нее вытекает много крови. Но если свинью забивать в ванне, то крови тоже будет предостаточно.

К сожалению, должен тебя разочаровать. Рассказ об идущем из глубины веков справедливым распределении гринд — миф. Но это миф, который сами фарерцы любят рассказывать и в который сами верят. В действительности же распределение мяса и сала гринды до 30-х годов XIX в. было в высшей степени несправедливым. Львиная доля отходила крестьянам, обладавшим правом пользования тем участком берега, где стадо было забито, и датской короне, так что на долю простых людей приходились лишь остатки. «Примитивно-коммунистическое» распределение было введено королевским указом где-то в 1830-е годы.

Поедание печени и почек гринды, увы, отошло в область преданий. Загрязнение окружающей среды затронуло и гринду: в ее печени и почках теперь так много ртути и прочей пакости, что есть их категорически не рекомендуется. Да и в мясе гринды, а в особенности в сале, нынче содержится ртуть, так что употреблять их советуют не чаще, чем один раз в месяц. А беременным вообще не следует есть сало гринды.

Следует описать еще одно занятие фарерцев, тоже насчитывающее не один век. На островах водятся миллионы птиц — крачек, чаек, тупиков, кайр, гагарок, буревестников, куликов-сорок, кроншнепов, поморников, золотистых ржанок и др. Гнездятся многие из них на уступах отвесных скальных стен, порой высотой в несколько сотен метров. На этих птичьих базарах фарерцы веками ловят птиц (прежде всего тупиков и кайр), собирают яйца и пух.

Делается это следующим образом. Сборщик-ловец (а иногда и сборщица!) обвязывается толстой веревкой, точнее канатом, и 4–5 крепких мужиков вытравливают этот канат, спуская сборщика по отвесу. В давние времена использовались, естественно, не современные легкие альпинистские веревки, а тяжеленные канаты. Тот, кто ловит птиц особым сачком (ручка у него 3–4 метра) или собирает яйца и пух, должен быть недоужинным скалолазом. Складываются трофеи в специальный четырехугольный деревянный короб за спиной; широкая тесьма от него надевается на лоб. Птицелов должен не бояться высоты, быть сильным и ловким и, конечно, обладать особыми навыками и знаниями.

К птичьим базарам можно подобраться и снизу, но чаще спускаются на веревке. Оба способа одинаково рискованны, и множеству людей этот промысел стоил жизни. Основная опасность — камни, сбиваемые веревкой или падающие сами по себе.

Спустившись на подходящий уступ, ловец-сборщик освобождается от веревки (!), закрепляет ее за выступ и остается, таким образом, на скальной полке над пропастью безо всякой верхней страховки. Орудуя тяжелым сачком, он ловит пролетающих птиц, собирает яйца и пух. Утверждают, что опытному ловцу удастся поймать за день до тысячи (!) птиц. Под скальной стеной часто находится лодка, и добытых птиц просто сбрасывают в море. Если лодки нет, ловца-сборщика и трофеи вытаскивают наверх.

Некоторые птицы — чайки, крачки, клуши — нападают на человека, защищая яйца и птенцов.

Случается, что ловец срывается. Это верная гибель.

Но даже при благоприятном раскладе работа на скальной стене очень тяжела и малоприятна. К середине дня скала сильно нагревается, и человек страдает от невыносимой жары. Ноги скользят в толстом слое пахучих экскрементов. Птичьи паразиты с удовольствием перебираются с хозяина на перемазанного пометом человека.

Птичье мясо и яйца испокон веку разнообразили фарерский стол, а пух использовался в хозяйстве.

Сейчас птичий промысел постепенно отходит в прошлое, но полностью не прекратился. Профессор Йоухан Хендрик Винтер Поульсен, один из ведущих языковедов Фарерских островов, подробно рассказывал мне, как в молодости занимался этим небезопасным делом.

Фарерцев всегда было очень мало. В самом начале XIX в. их насчитывалось всего пять с небольшим тысяч. Но уже через сто лет население островов почти утроилось, а за XX в. еще раз утроилось.

Основная часть — приблизительно две трети — фарерцев живет примерно в 80 небольших селениях, рассеянных по островам. Немало и совсем крошечных, где проживает несколько десятков человек. А на острове Кольгур живет всего одна семья. Самый крупный населенный пункт — это, разумеется, столица Торсхавн (в фарерском произношении Тоушхаун) с ее 15 500 жителей. На втором месте Клаксвуйк (4500 человек).

* * *

Итак, фарерцев насчитывается 45 тыс. человек, и живут они на площади в 1400 км². Плотность населения составляет 32 человека на квадратный километр, однако это, как в очень многих странах, только в среднем. Места, где люди не живут и, видимо, никогда жить не смогут, — крутые горы, части островов без прибрежной полосы, каменистые пустоши, болота и т. д. — составляют львиную долю территории.

За пределами архипелага проживает примерно 5 тыс. фарерцев.

Административно Фарерские острова входят в состав Дании, но с 1948 г. пользуются очень широкой автономией.

Уже упоминалось, что Фарерские острова были заселены в первой половине IX в. выходцами из Норвегии. Язык современных фарерцев — это результат развития древнорвежского, точнее древнескандинавского (в ту пору все скандинавы говорили еще на одном языке), языка в условиях изоляции. За 12 веков язык существенно изменился, и теперь фарерский — совершенно самостоятельный скандинавский язык, непонятный ни норвежцам, ни датчанам, ни шведам. Исландцы, ближайшие соседи фарерцев, устную фарерскую речь понимают неважно или вовсе не понимают, равно как и фарерцы — исландскую.

Жители больших стран редко задумываются над некоторыми проблемами малых народов.

Несколько примеров. Если в России средний тираж понравившегося читателям романа, скажем, 200 тыс., то, учитывая, что фарерцев меньше, чем россиян, примерно в три тысячи раз, на Фарерах подобный роман следовало бы издать тиражом в... 66 экземпляров. Российскому тиражу газеты в 300 тыс. на Фарерских островах пропорционально должен был бы соответствовать тираж в 100 экземпляров. Нет необходимости говорить о том, как сложно и дорого организовать телевидение для 45 тыс. человек, к тому же живущих на 17 островах, чаще всего в крохотных поселках под горами, препятствующими распространению радиоволн.

Между тем приведенные выше гипотетические цифры тиражей совсем не соответствуют реальности. В столице издается пять газет. Самая

крупная — «Диммалаттинг» («Рассвет») — выходит пять раз в неделю, и тираж у нее 11 тыс. (!); вторая по распространенности газета «Сосиалу-рин» (ставшее официальным народное название, которое можно перевести примерно как «Социал») тоже выходит пять раз в неделю тиражом 7 тыс. экземпляров. Стало быть, почти каждая фарерская семья выписывает обе эти газеты. А кроме них издаются и «Оджатуйинди» («Островные вести»), и еще две газеты поменьше плюс две местные.

Регулярные радиопередачи ведутся уже без малого полвека — с 1957 г. Вещание — десять часов в сутки — только по-фарерски.

Государственное телевидение («Шбунварп Фёрья», Телевидение Фарерских островов) существует с 1984 г. Передачи идут шесть дней в неделю.

Фарерцы очень много читают.

До сравнительно недавнего времени художественная литература на фарерском языке была представлена очень скромным числом авторов. Показательно, что самые значительные фарерские писатели писали на языке метрополии — по-датски. Так, по-датски написаны замечательный роман Ёргена-Франца Якобсена (1900–1938) «Бáрбара» (опубликован в 1939 г.; недавно он был превосходно экранизирован) и широко известные романы Виллиама Хайнесена (1900–1991), лучшие из которых («Черный котел», «Пропавшие музыканты») переведены на многие языки, в том числе и на русский. Вместе с тем не менее показательно, что нынешние писатели пишут по-фарерски, хотя прекрасно владеют датским: все фарерцы двуязычны. Это, как нетрудно понять, вопрос принципа. В частности, виднейший современный писатель Енс Паули Хайнесен, племянник Виллиама Хайнесена, пишет по-фарерски³.

Появилась даже своя фарерская детективная литература. На фарерский язык переведены важнейшие произведения мировой литературы, например «Илиада», «Калевала», произведения Шекспира, Вольтера, Достоевского, некоторых современных авторов, например Камю и Ануя. В год сейчас выпускается более ста (!) названий книг на фарерском языке (в 1990 г. — 161 название). Показательно, что переведены и написанные по-датски произведения Ё.-Ф. Якобсена и В. Хайнесена.

Всего на фарерском языке издано более 4 тыс. названий книг, из них 75% после 1975 г.

Письменная литературная традиция на фарерском языке совсем молода: первый роман — «Вавилонская башня» Расмуса Расмуссена⁴, писавшего под псевдонимом Рейин уй Луй, — вышел в 1909 г., меньше века назад.

³ Любопытный штрих. Енс Паули Хайнесен — поклонник творчества Исаака Бабеля. Они с женой даже специально ездили в Одессу и бродили по Молдаванке.

⁴ Читатель, наверное, уже обратил внимание на то, что большинство фарерских фамилий оканчиваются на *-сен*. Этот элемент характерен для датских фамилий, и то, что многие

Зато богатая устная фарерская литературная традиция, напротив, восходит к Средним векам. Это специфическая форма народного творчества, народная баллада («квэайи» по-фарерски), жанр, до сих пор крайне популярный на островах. До наших дней дошло огромное количество баллад — записано 70 тыс. стихотворных строк. И это при том, что, несомненно, много утрачено.

Фарерская народная баллада — синтетический вид искусства, в котором объединены три элемента: стихи, музыка и танец. Исполнение фарерских баллад выглядит следующим образом.

Выходит вперед запевала (шипари) и поет первую строфу баллады. Его берет за руку один из участников танца, того — следующий и т. д. Поначалу они образуют цепь и двигаются боком, потом круг замыкается и получается танцующий хоровод. Или два хоровода — один внутри другого. Припев поют все танцующие. Обычно они одеты в национальные костюмы.

Никакого музыкального сопровождения не бывает.

Некоторые баллады состоят из сотен строф.

Запевала одновременно и хормейстер, и балетмейстер. От его искусства зависит темпераментность и проникновенность исполнения баллады участниками. Искусный запевала помнит огромное количество баллад. Помимо прекрасной памяти и отменного музыкального слуха он должен обладать чистым, громким голосом и чувством ритма. К тому же запевале необходимо быть человеком физически крепким: нагрузка на него огромная.

Танец и пение составляют единое гармоническое целое, участники сопереживают содержанию. Рассказывают, что при исполнении баллад с трагическим содержанием, бывало, слезы катились по лицам как исполнительцев, так и зрителей.

Ранее неукоснительно соблюдалось следующее правило: одна баллада могла исполняться только один раз в течение года. В этом был свой резон: сохранялось богатство репертуара. Но было и другое следствие: знание текстов не передавалось другим, запевала как бы оставался обладателем и хранителем текста. С одной стороны, при редком исполнении баллада сохраняла свою свежесть и притягательность. С другой — нежелание авторов передавать текст кому-либо приводило к тому, что с их смертью некоторые баллады навсегда утрачивались.

При всей популярности баллад в наши дни народ знает их хуже, и случается, что одна и та же баллада исполняется несколько раз в год.

Жанр фарерской баллады возник, как уже было сказано, еще в Средние века. Полагают, что она зародилась в XIV столетии, а расцвета до-

фарерцы носят самые распространенные датские фамилии (*Хансен, Якобсен, Томсен, Поульсен, Расмуссен* и т. д.), — результат датского владычества.

стигла в XVI–XVII вв. Записывать же баллады стали много позже, начиная с 1770-х годов (по этим записям гениальный датский языковед Расмус Раск изучал фарерский язык).

Тематика и источники баллад весьма разнообразны. Есть баллады на сюжеты древнескандинавской мифологии, большой цикл основан на сказаниях о Сигурде (по-фарерски «Шуурур»). Многие баллады пересказывают отдельные эпизоды из саг — родовых и королевских. Есть целый цикл о Карле Великом, в частности баллада о битве Роланда в Ронсевальском ущелье. Много баллад с романтическим сюжетом. Сюжеты большого числа баллад взяты из скандинавских волшебных сказок, в них есть великаны, тролли, прекрасные девы, рыцари и т. п. Есть баллады и на евангельские сюжеты — о деве Марии и Христе, о святом Николае и др.

Основное время исполнения «балладных танцев» — между вторым днем Рождества (26 декабря) и Великим постом. Обычно танцы устраиваются в помещении. Желательно, чтобы оно было просторно, но потолок не должен быть слишком высоким, иначе пение будет недостаточно хорошо слышно. В новое время стали строить специальные дома для балладных танцев.

Особый праздник — День Святого Олафа (по-фарерски Óуласёка, «ночное бдение в память об Олафе», норвежском короле Олафе Святом, павшем в сражении в 1030 г.). Празднование длится два дня — 28–29 июля. День 29 июля — национальный праздник Фарерских островов, в этот день открывается лёгтинг, фарерский парламент (существует со времен заселения). На Оуласёку в Торсхавн съезжается народ со всех островов. В эти дни танцы устраиваются на открытом воздухе.

Празднование Оуласёки открывается в два часа дня. Часом позже начинаются соревнования гребцов на старинных открытых фарерских лодках — копиях лодок эпохи викингов. Балладные танцы длятся всю ночь, с 11 часов вечера и до 4 часов утра. На следующий день, после церковного хода, открытия лёгтинга и различных спортивных мероприятий, танцы возобновляются и заканчиваются лишь утром, нередко часов около шести. Такое исполнение баллад в настоящее время из всех скандинавских народов есть только у фарерцев.

Фарерский язык занимает среди 11 живых германских языков последнее место по количеству говорящих на нем.

Как уже отмечалось, первопоселенцы говорили на древнорвежском языке. Постепенно он изменялся, отдалялся от исходной формы. В первой половине XI в. Фарерские острова подпадают под власть Норвегии, а в XIV в. вместе с Норвегией — под власть Дании. С этого времени датский язык становится на островах языком администрации, а в результате Ре-

формации начиная с 1536 г. — и языком религии. Иными словами, фарерский язык с конца XV в. существовал только как язык устного общения. По этой причине мало известно о том, как он развивался в течение нескольких столетий. Когда в последней трети XVIII в. ученые стали записывать образцы народной речи и баллады, они пользовались каждой своей системой записи, своей транскрипцией. Говоря иначе, фарерской орфографии как таковой не существовало.

Она появилась лишь в 1846 г. Создателем ее стал молодой фарерский теолог В. У. Хаммерсхаймб. В основу орфографии он положил (древне)исландское (оно же древненорвежское) правописание, т. е. его орфография в значительной мере основывалась на историческом принципе — на том, какой вид слова имели много веков назад. Хаммерсхаймб даже ввел одну букву (ð), которая вообще не имеет в фарерском никакого звукового соответствия. Эта орфография используется и по сей день.

Орфография Хаммерсхаймба, таким образом, весьма неточно передает реальное звучание слов⁵. Даже самим фарерцам отнюдь не просто овладеть этими очень сложными правилами правописания.

Впрочем, у этой орфографии есть две положительные стороны. Хотя фарерцев совсем немного, в их языке имеется ряд диалектных различий. Кроме того, при склонении и спряжении звуковой состав фарерских слов порой существенно изменяется (т. е. у фарерского языка, выражаясь научно, очень сложная морфонология), а неточное хаммерсхаймбовское написание показывает связь разных форм.

Благодаря тому что орфография Хаммерсхаймба основана на (древне)исландской, исландцы относительно легко читают по-фарерски, а фарерцы — по-исландски, хотя, как было сказано, устную речь друг друга понимают плохо или вообще не понимают.

Фарерский язык очень интересен.

Весьма своеобразна его фонетика: в ней нет некоторых общераспространенных фонем, но, напротив, есть ряд звуков, отсутствующих в других скандинавских языках. Так, в исконных фарерских (т. е. не заимствованных из датского) словах нет фонемы /a:/; вместо нее выступает дифтонг /ɛa/, ср. таður /tɛaʋur/ ‘человек’. Характерно следующее соотношение: если гласный по условиям окружения должен быть долгим, то он имеет одно качество, при сокращении (например, при склонении или спряжении) — другое. Добавляющиеся к этому живые чередования делают некоторые парадигмы весьма причудливыми, ср. им. падеж прилагательного

⁵ Всего два примера. Звучанию [туй] ‘время’ соответствует написание tíð. Одинаково звучащие слова ‘погода’, ‘дорога’ и ‘ткань’ [вэвур] пишутся в соответствии с древним произношением — veður, vegur и vevur.

‘низкий’: ед. ч. м. р. *lágur* [lɔavur], ж. р. *lág* [lɔa], ср. р. *lágt* [lɔkt], мн. ч. соответственно: *lágir* [lɔajir], *lágur* [lɔavar], *lág* [lɔa]. Ср. далее *fólk* [fœlk] ‘народ’ (глухое **l**) — *fólkið* [fœlʰçi] — то же с определенным артиклем (глухое палатализованное **l**); *sjógvur* [ʃegvur] ‘море’ — *sjóvar* [ʃouvar] — то же в род. п. ед. ч. Есть в фарерском чуждая другим скандинавским языкам аффриката **dʒ** и др.

По богатству морфологии фарерский язык занимает среди скандинавских второе место — после исландского.

У существительного три грамматических рода, четыре падежа и много типов склонения. Впрочем, на фоне скандинавских языков падежная система своеобразна: употребительны им., дат. и вин. падежи, тогда как род. падеж характерен только для письменного стиля; любопытно при этом, что определяющее существительное может употребляться как постпозитивно (как в исландском), так и препозитивно (как в прочих скандинавских языках).

Глагол изменяется по лицам (только в ед. числе) и числам.

Характерно, что названия десятков заимствованы из датского: ‘50’ — *halvtrýss*, ‘60’ — *trýss*, ‘70’ — *halvfjærds* и т. д.

Главная проблема современного фарерского языка лежит в области лексики. Он получил статус официального лишь в 1948 г. До этого таким статусом обладал, как мы знаем, датский. До сих пор на старшей ступени обучения используются датские учебники. Неудивительно, что для многих современных понятий в фарерском языке просто не было и нет обозначений. В этих случаях прибегали (и прибегают) к данизмам, датским словам.

Многие фарерские филологи выступают за очищение родного языка от данизмов. Звучит лозунг «за чистоту родного языка», конечно, красиво и патриотично. Какова же действительность?

Дело в том, что во многих случаях датское название (разумеется, слегка измененное в соответствии с фарерским произношением и фарерской грамматикой) для рядового жителя островов вполне естественно и привычно. Более того, ему нередко просто неизвестно или даже непонятно иное — фарерское — обозначение. Это можно проиллюстрировать одним курьезным примером. Автору данного очерка несколько лет назад попался на глаза томик избранных сочинений Ленина в переводе на фарерский. Переводчик старательно использовал фарерские слова (видимо, им самим придуманные) для обозначения таких понятий, как «империализм», «эксплуатация», «производственные отношения», «диктатура пролетариата» и т. п. Однако, отдавая себе отчет в том, что эти новые термины рядовому фарерцу, скорее всего, будут непонятны, он поместил в конце книжки список этих терминов с датскими (!) переводами.

Создавая новые слова, фарерцы широко используют богатый опыт исландцев, давно и успешно охраняющих свой язык от иноязычного влияния. Кое-кто даже считает, что исландское влияние чрезмерно.

Недавно фарерские филологи издали первый в истории островов толковый словарь. Это очень солидный (без малого 1500 страниц) и хороший словарь. Свою задачу составители видели, естественно, в первую очередь в том, чтобы описать богатый словарный состав фарерского языка, но также и в том, чтобы предложить ряд новых слов, призванных заменить распространённые данизмы. Некоторые из этих новых слов ранее вообще никогда не употреблялись. Правда, как отметил один рецензент, авторы чересчур увлеклись такими новыми словами.

Рецензент этот заслуживает небольшого рассказа. Мой добрый товарищ Джонни Томсен (он уже упоминался выше) превосходно знает русский язык: он учился в Советском Союзе и к тому же женат на русской. Томсен составил очень хороший краткий русско-фарерский словарь (сейчас он его расширяет) и работает над фарерско-русским. Служит он в Фарерском пароходстве.

Рецензия, о которой идет речь, написана им по-русски и опубликована в России. Смысл ее таков. Существуют два варианта фарерского языка: неофициальный (Томсен называет его устным) и официальный (письменный и зачитывание текстов, например на радио и телевидении). В устном варианте множество данизмов, тогда как в официальном их стараются избегать. По мнению Томсена, в названном толковом словаре единицы второго варианта, порой просто неупотребительные, следовало бы каким-то образом отграничить от единиц обычного разговорного языка.

Фарерцы целеустремленно создают свою собственную терминологию. Так, в недавно выпущенной брошюре «Некоторые слова по ЭВМ» (кстати, это второе издание) предложено около 800 слов и словосочетаний.

Создание новых слов — занятие непростое. Слово, которому предстоит либо стать обозначением понятия, до того не имевшего наименования, либо прийти на смену иноязычному, уже прижившемуся в языке, должно быть и понятным, и естественным, и кратким, и благозвучным.

Расскажем об одном таком создателе новых слов. Он уже упоминался выше, но в совершенно другой связи — в рассказе о спуске по скальным стенам к местам гнездовий птиц. Профессор Йоухан Хендрик Винтер Поульсен, главный редактор упомянутого толкового словаря, живет в крохотном селеньице Чирчубёвур (некогда религиозном и культурном центре островов). Это в 14 километрах от Торсхавна, и профессор ездит в университет по горной дороге на велосипеде. По пути он, по его рассказам, крутя педали, придумывает новые фарерские слова — для новых понятий или для старых, но обозначаемых по-датски. Вдоль дороги лежит множество

больших камней, и, по словам профессора, он помнит, у какого камня какое новое слово его осенило.

Разумеется, фарерские филологи заняты не только придумыванием новых слов. Старинный, вековой уклад жизни стремительно меняется, и то, что еще несколько десятилетий было живо, уходит, становится достоянием истории. Все это необходимо зафиксировать сегодня, ибо завтра уже может оказаться поздно. Одной из таких уходящих в прошлое сторон фарерской жизни является спуск к местам гнездовий птиц. Для четкой и безопасной работы на скальных стенах высотой в несколько сот метров надо было в мельчайших деталях знать эти стены, отчего у элементов их были свои названия. Айвинд Вейе, декан факультета фарерской филологии университета, показывал, как ведется работа по установлению этих названий. На больших листах в красках изображены такие скальные стены — птичьи базары, и на основании опроса знающих людей на рисунки наносятся названия деталей микрорельефа — полок, трещин, выступов, уступов, раселин и т. д.

Как известно, количество языков на земле неуклонно сокращается. В первую очередь, естественно, исчезают языки малых народов. В мрачных прогнозах на сей счет нет недостатка. Так, по одному из них к середине XXI столетия мертвыми станет половина всех языков, на которых сейчас говорят на земном шаре. Немало языков уже безвозвратно ушло в прошлое.

Но, как мы видим, такие предсказания не учитывают одного фактора, который в наше время становится все более существенным. Этот фактор — сознательное стремление народа сохранить и развить свой родной язык.

Конечно, судьба языков малочисленных народов драматична. Самой историей они обречены на двуязычие. Когда небольшой народ проживает на территории страны с иным государственным языком, знание этого основного языка является необходимым условием социального прогресса как всего этого народа, так и отдельных его представителей. Саами, живущий на севере Норвегии, но не владеющий норвежским языком, увы, не станет ни врачом, ни инженером. То же относится и к странам с единственным национальным языком, но малонаселенным, например Исландии. Исландцу, не знающему ни одного иностранного языка (впрочем, едва ли такие есть), не стать ни архитектором, ни геологом.

Пример Фарерских островов в отношении языка очень поучителен. За исторически короткий срок он развился из языка устного, бытового общения в литературный язык, успешно обслуживающий все сферы современного развитого общества.

Заслуживает рассказа уже неоднократно упоминавшийся Фарерский университет. Официальное его название — Центр научных знаний Фарерских островов. Он был основан в 1965 г. и первоначально состоял только

из одного факультета — фарерской филологии. Спустя семь лет был открыт естественнонаучный факультет. В 1978 г. к этим двум факультетам добавился теологический, который с 1986 г. входил в историко-социологический факультет. В настоящее время теологическая специализация закрыта.

Университет, разумеется, невелик. В нем всего 15 штатных преподавателей и примерно 70 студентов, т. е. по величине он сопоставим с кафедрой среднего европейского университета. Но следует иметь в виду, что большая часть молодых фарерцев, желающих получить высшее образование, учится в университетах Дании и других стран. Фарерским островам с их немногочисленным населением просто не под силу организовать преподавание по тем специальностям, потребность в которых невысока.

Университет — не только учебное заведение, но и исследовательский центр.

В Торсхавне есть несколько музеев. Прямо напротив университета находится Естественноисторический музей. Очень хорошее представление о жизни на Фарерских островах на протяжении веков дает Исторический музей. В Художественном музее, красиво расположенном в городском парке, собраны произведения старинного и современного фарерского изобразительного искусства, в частности работы самого известного художника островов С. Й. Мичинеса (1906–1979). Есть и художественные галереи.

За пределами столицы находится около десятка небольших музеев. Часть из них — старинные крестьянские дворы. Эти старинные постройки тщательно сохраняются. У них своеобразный вид. Как правило, это одноэтажные дома с просмоленными и потому черными стенами. На крыше растет трава. Таких домов немало и в самом Торсхавне.

Естественно, есть в столице и Национальная библиотека. Она размещается в красивом ультрасовременном здании.

Особо надо упомянуть Северный Дом — центр скандинавской культуры. Здесь проводятся различные мероприятия — выступления приезжих деятелей культуры, выставки и др. Здание это считается шедевром современной архитектуры.

* * *

Первое впечатление от Фарерских островов самое благоприятное. Красивая нетронутая природа. Изумрудно-зеленые склоны там и сям прорезаны синими нитями ручьев. Все, что сотворено руками человека, — новое, современное: добротные свежеекрашенные дома, превосходные дороги, туннели⁶, мосты. Современные магазины, гостиницы. Старинные

⁶ Один из этих туннелей имеет в длину более трех километров, 4 — более двух, 5 — более одного километра. Сеть великолепных дорог имеет общую протяженность более 600 км.

здания отлично отреставрированы. Нарядные поселки с яркими — красными, зелеными — крышами. Напрашивается естественный вывод об экономическом процветании и благополучии.

К сожалению, это не вполне соответствует действительности.

Уже говорилось, что веками основной отраслью фарерской экономики было овцеводство. Но с середины XIX в. главным в жизни островов шаг за шагом становится рыболовство. Постепенно создается большой рыболовецкий флот, и как следствие — усиленно развиваются рыбообрабатывающая промышленность и судостроение. В 1970-е и 1980-е годы конъюнктура в этом секторе экономики была на редкость благоприятной. Особенно удачен был для островов 1987 г. с рекордным уловом в 390 тыс. тонн. Фарерцы вкладывают огромные деньги в строительство новых судов, новых дорог, новых жилищ, туннелей и т. д.

Но вскоре Фортуна отворачивается от островитян. Цены на рыбу на мировом рынке падают, права Фарерских островов на лов в чужих территориальных водах значительно урезаются, уловы резко падают⁷. Острова с их однобокой экономикой, ориентированной почти исключительно на рыболовство и рыбообработку (рыба и рыбопродукты составляют 99% экспорта), охватывает жесточайший кризис. Жертвой его становятся не только рыбаки, но и рабочие, занятые в рыбообрабатывающей промышленности, судостроении и строительстве. Одно за другим следуют банкротства. Безработица принимает катастрофические размеры. Наступает экономический коллапс. Около 10% (!) фарерцев эмигрируют, в основном в Данию.

Не стоит задаваться извечным вопросом «Кто виноват?» Многие фарерцы возлагают вину на Датский Банк. Экономисты других стран, да и немало фарерцев считают, что островитяне виноваты сами, вложив колоссальные средства в очень дорогой рыболовецкий флот, неоправданно большой и слишком современный, и в потребление.

Понемногу фарерцы оправляются от кризиса конца 80-х — начала 90-х годов.

Как уже говорилось, Фарерские острова, оставаясь в составе Дании, пользуются с 1948 г. очень широкой автономией. Самоуправление касается прежде всего внутренней политики, но и во внешнеполитических вопросах, затрагивающих интересы Фарер, острова оказывают значительное влияние на официальную датскую политику. По проблемам, относящимся только к Фарерским островам (т. е. не касающимся самой Дании), они

Практически в любой из поселков Фарерских островов сейчас можно попасть на машине, автобусе, пароме или вертолете. На изолированных островах или в селениях без дорог провозит менее 1% фарерцев.

⁷ В 1985 г. фарерцы выловили 86 тыс. тонн трески, а в 1995 г. — всего 10 тыс. тонн.

имеют право вести прямые переговоры с другими странами. Самостоятельность фарерской политики проявилась, в частности, в том, что Дания вступила в ЕС, а Фарерские острова в него не вошли. У островов собственный флаг (красный крест в синем окаймлении на белом фоне), фарерский язык — основной. Острова являются членом Северного совета. У них свои банкноты (собственно говоря, это датские банкноты с фарерским текстом; впрочем, датские тоже могут использоваться без ограничений), однако мелочь (монеты) — датская.

Большие надежды возлагаются на то, что у берегов Фарерских островов — маленькой страны с большими возможностями — будут обнаружены запасы нефти.

* * *

Виллиам Хайнесен однажды назвал Фарерские острова песчинкой в бальном зале. И действительно, в богатом и многокрасочном зале Европы Фареры — лишь едва заметная частичка. Но этот крохотный мирок населен народом, который вызывает глубокое уважение.

В залах хотя и небольшого, но превосходного Исторического музея показано, в каких тяжелых условиях веками жил этот маленький народ, и нельзя не восхищаться тем колоссальным рывком, который сделали островитяне за последние десятилетия.

Им есть чем гордиться.

Несмотря на трудную, порой драматическую историю, они сохранились как народ, как целое, сберегли свою уникальную культуру, старинные народные традиции, умело сочетая их в последнее время с новейшими достижениями цивилизации⁸, сумели создать полноценный современный литературный язык.

На долю фарерского народа выпало немало испытаний, но он переносил удары судьбы со спокойным достоинством и мужеством. Чтобы жить на этих островах — скудных, открытых всем ветрам, окруженных холодным и своенравным океаном, в неблагоприятном сыром климате, требовались тяжелый повседневный труд, сплошь и рядом сопряженный с риском для жизни, смелость и твердость духа.

Малочисленность народа позволяла сильным государствам чувствовать себя хозяевами на островах. Фареры всегда зависели от внешней торговли. А она-то как раз была многие века полностью в руках иноземных купцов, которые нещадно грабили островитян — скупали у них по дешевке шерсть и втридорога продавали им жизненно необходимые товары. Особенно тяжелым был период этой торговой монополии в XVII в.

⁸ Говорят, что фарерцы одной ногой стоят в эпохе викингов, другой — в XXI в.

Запоминается в этом музее фотография фарерских рыбаков. Открытая лодка со сравнительно невысокими бортами. Крепкие мужики в высоких шерстяных шапках (в них клали табак и пр. — это было самое сухое место, одежда промокала насквозь). Хороший шторм, лодка перевернется, и рыбаки, не умеющие плавать, пойдут на дно.

Символическая картина. Представляется, что так же под дамокловым мечом истории веками жили фарерцы. Истории не стоило бы больших усилий стереть с лица земли этот крохотный народ.

Фарерские острова — это яркий и своеобразный мир не только многих поколений тружеников, достойно живших в труднейших природных и исторических условиях. Это также мир интереснейшей самобытной культуры, любовно сохраняемой много веков. Мир языка, возрожденного для новой полнокровной жизни.

В скором времени будет решаться важнейший вопрос для Фарерских островов — стать ли им самостоятельным государством или продолжать оставаться в составе Дании. Не исключено, что в недалеком будущем острова станут новым государством на политической карте мира.

Фарерская история приближается к переломному моменту.

Как бы там ни было, верится, что история вознаградит фарерцев за их многовековой труд.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРИЗСКОГО ЯЗЫКА

Современный фризский язык — язык западногерманской подгруппы, состоящий в ближайшем родстве с английским, — представляет собой исключительно интересное явление в социолингвистическом отношении.

Фризами считают себя приблизительно 350 тыс. человек, живущих в нидерландской провинции Фрисланд, что составляет около 70% полумиллионного населения этой провинции. Кроме континентальной части Нидерландов, фризский язык распространен также на островах Теркселлинг и Схирмонникоог, административно относящихся к той же провинции Фрисланд¹. Это основная область распространения фризского языка; здешние диалекты, лежащие в основе литературного языка, объединяются под названием западнофризского.

Фризский язык распространен также в двух районах ФРГ. Первый из районов расположен в Нижней Саксонии, к юго-востоку от Ольденбурга, между реками Эмс и Везер, в области, носящей название Затерланд (Saterland). Диалекты этих мест называют восточнофризскими; на них говорит около 3 тыс. человек².

Второй район находится на юго-западе Шлезвиг-Гольштейнии, к югу от датской границы, и охватывает как часть материка, так и острова Зильт, Фёр, Амрум, Нордмарш-Лангенес, Хооге, Аппелланд и Гельголанд. Диалекты данной местности, на которых говорит около 16 тыс. человек, объединяются под названием северофризского³. Диалектные особенности даже в этой ограниченной области довольно значительны, особенно между континентальным и островным фризским: так, жители городка Вик на о-ве Фёр, где до XIX в. был распространен континентальный говор, едва понимали жителей окружающих деревень⁴.

Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1978. С. 62–72.

¹ На о-ве Амеланд (Ameland), расположенном между названными островами, по-фризски не говорят.

² R a m a t P. Il frisione: Introduzione allo studio della filologia frisione. Firenze, 1967. P. 11, 13. (О сглаживании диалектных различий в Затерланде см.: M a t u s z a k H. Einige Mitteilungen über den saterländischen Wortschatz // Fryske studzjes / Oanbean oan prof. dr. J. H. Brouwer. Assen, 1960. S. 369.)

³ Ibid. P. 11–14.

⁴ H o f m a n n D. Der alte friesische Dialekt von Wyk auf Föhr // Fryske studzjes. S. 267. Аналогичные примеры приводятся в работе: J ø r g e n s e n P. Zum Problem der friesischen

На северофризском существует литература⁵.

Для понимания сложной картины распространения фризского языка следует иметь в виду, что в административном центре провинции Фрисланд — городе Лееувардене — давно сложился особый городской говор, обнаруживающий известное влияние нидерландского языка и носящий название «городского фризского» (нид. *stadsfries*, фриз. *stedsfrysk*)⁶. Сходные говоры представлены и в некоторых других городах во Фрисланде, хотя и подверглись меньшему нидерландскому влиянию, нежели говор Лееувардена⁷. На «городском фризском» говорит около 30 тыс. человек.

В настоящей статье речь пойдет только о западнофризском.

Есть весьма веские основания считать, что в Средние века фризский язык был распространен на гораздо более обширной территории, чем теперь. Область, где говорили по-фризски, видимо, тянулась сравнительно широкой полосой по всему побережью Северного моря от залива Зейдерзее (теперь Эйсселмеер) в Нидерландах до южной Дании (заходя немного к северу от нынешней границы ФРГ и Дании). Не случайно северо-западная часть Нижней Саксонии до сих пор сохраняет название *Ostfriesland*, а западное побережье Шлезвиг-Гольштейнии — *Nordfriesland*. Впрочем, часть побережья — участок между устьем Эльбы и Эйдером, — вероятно, фризской не была. Существует также мнение, что фризский язык был распространен в Средние века и на территории нынешней провинции Северная Голландия (т. е. на северо-западе Нидерландов, к северу от р. Эй), но оно гипотетично⁸. Как бы там, однако, ни было, можно бесспорно утверждать, что история фризского языка последнего полутысячелетия — это история сокращения области его распространения, история сокращения числа говорящих на нем (за исключением последних десятилетий, о чем речь пойдет ниже).

Schrift- und Hochsprache // *Studia fristica in memoriam prof. dr. K. Fokkema 1898–1969 scripta*. (Fryske Akademy. Nr. 332.) Grins, 1969. S. 151–152. Причину этого положения П. Ёргенсен справедливо видит в том, что у северных фризов никогда не было единого литературного языка.

⁵ Olsen E. G. Zur Entwicklung der nordfriesischen Literatur nach 1920: (Mooringen und Wiedingharder Mundart) // *Fryske studzjes*. S. 259–263.

⁶ Описанию «городского фризского» посвящена докторская диссертация: F o k k e m a K. *Het stadsfries: Een bijdrage tot de geschiedenis van het dialect van Leeuwarden*. Assen, 1937.

⁷ *Ibid.* P. 3.

⁸ Ср.: F o k k e m a K. *Beknopte Friese Spraakkunst*. Groningen; Batavia, 1948 (карта на вклейке между с. 132–133). Еще проблематичнее вопрос распространения фризского языка в более южных районах — вплоть до провинции Зеланд. Ср.: T o l l e n a e r e F. de. *Een Fries relict in Zeeland?* // *Fryske studzjes*. S. 47–48; V o o y s C. G. N. de. *Geschiedenis van de Nederlandse taal in hoofdtrekken geschetst*. Groningen; Batavia, 1936. Blz. 19.

Причина этого состоит в том, что фризский язык, бывший примерно до 1500 г. во Фрисланде официальным, т. е. языком администрации, суда и т. д., с потерей этой областью самостоятельности был быстро вытеснен из официальной сферы нидерландским языком. Фактически с этого времени он существует в основном в форме устной речи. Правда, в XVII в. на нем пишет родоначальник и один из крупнейших представителей фризской литературы Гисберт Япикс (Gysbert Japiks, в старой орфографии — Gijzbert Japicx), но, даже по свидетельству самих фризских исследователей, о литературе в обычном смысле слова, за исключением Г. Япикса, до XIX в. говорить не приходится: писались в основном стихи на торжественные случаи, пьески и т. п.⁹ В XIX в., в эпоху пробуждения национального самосознания, появляется ряд писателей и поэтов, пишущих преимущественно на темы из жизни народа.

До середины XX в. все преподавание в школах Фрисланда велось исключительно на нидерландском языке. Более того, уроки фризского языка в учебное время были запрещены. С 1907 г. Провинциальные штаты Фрисланда (парламент провинции) стали выделять средства для преподавания фризского языка в школах во внеурочное время. В 1937 г. было разрешено сообщать сведения по фризскому языку на уроках. Лишь в 1955 г. был принят так называемый закон Калса, разрешающий в 1–2-м классах начальной школы вести преподавание на фризском языке (чтение, письмо, арифметика)¹⁰. Сейчас таких двуязычных школ около 70 (из общего числа 500)¹¹. С 1948 г. фризский язык — факультативный предмет в последующих классах (до 4 часов в неделю) в 250 школах и может выноситься на экзамен.

Вообще после Второй мировой войны в статусе фризского языка произошли немалые изменения. С этого времени наблюдается непрерывный рост объема печатной продукции на фризском языке, расширяется сфера его применения. Этому в немалой степени способствуют усилия местной администрации: одна десятая финансовых средств Фрисланда идет на осуществление активной языковой политики¹². Однако прежде, чем перейти к рассмотрению этой языковой политики, остановимся на форме существования фризского языка в настоящее время.

Наиболее характерная черта языкового положения во Фрисланде — это практически полное двуязычие фризского населения (к нидерландскому населению этой области сказанное относится, конечно, в значительно мень-

⁹ De Friese taal. [S. 1., s. a.] Blz. 6.

¹⁰ Ibid. Blz. 9.

¹¹ Standaard. 17.01.1972.

¹² Ibid.

шей степени)¹³. Фризский язык — не государственный, поскольку языком администрации, школы, церкви и (в основном) прессы и суда является нидерландский. Фризский язык — это по преимуществу язык устного общения в домашнем кругу, среди коллег-фризов на работе, отчасти — язык преподавания в начальной школе, в последнее время он также используется в местной администрации. Это в значительной степени, если можно так сказать, домашний, бытовой язык, хотя положение в последнее время несколько меняется. Нидерландский язык имеет значительно более широкую сферу применения; здесь каждый понимает нидерландский, но не все понимают фризский. Существенно и то, что нидерландский язык, на протяжении веков являющийся языком администрации, школы, науки, культуры, церкви и т. д. и к тому же государственным языком, более приспособлен для обслуживания названных сфер, нежели фризский. Обозначения новых понятий веками попадали во фризский язык через нидерландский¹⁴. Фризу часто не хватает фризских слов для выражения понятий из области государственной жизни, науки, техники, культуры, религии, спорта и т. п.¹⁵

В 1969 г. в Нидерландах было выпущено обширное социологическое исследование Л. Питерсена, изучившего особенности функционирования фризского языка в современных условиях¹⁶. Питерсена интересовали в первую очередь роль и удельный вес фризского языка в сферах жизни — в различного типа устном общении, в чтении и т. п. Обследование проводилось методом очень широкого анкетирования. Опрашивались фризы старше 12 лет.

На вопрос «Понимаете ли вы фризский?» были даны следующие ответы (в %): «очень хорошо» — 68, «хорошо» — 21, «неплохо» — 8, «с трудом» — 3, «совсем не понимаю» — 0.

Дома говорят (в %): по-фризски — 71 (в сельской местности — 81, в крупных городах — 49), на диалекте — 8, на «городском фризском» — 8 (1/3 — в Лееувардене), по-нидерландски — 13.

Отмечена следующая закономерность: чем выше уровень образования, тем меньше говорят дома по-фризски.

¹³ Имеются интересные данные о знании фризского языка не-фризами, живущими во Фрисланде, но останавливаться на них здесь нет возможности.

¹⁴ Feitsma A. Onderzoek naar tweetaligheid in Friesland // Feitsma A., Overbeke M. van. Tweetaligheidsproblemen. Amsterdam, 1971. Blz. 7.

¹⁵ Twataligens: Studzjesboek foar de eksamenklassen havo en v. w. o. en foar de oplieding foar underwizers en leararen. Ljouwert, [s. a.]. S. 28. Ср. также: Sipma P. Phonology and Grammar of Modern West Frisian. Ljouwert, 1966. P. 4.

¹⁶ Pietersen L. De Friezen en hun taal. Drachten, 1969. Приводимый ниже цифровой материал взят из этой книги.

Сравним эти данные с другими. На вопрос о том, какой язык используется в разных ситуациях, получены нижеследующие ответы (в %):

	Фризский	Нидерландский
Дома	71	13
«У двери»	68	22
В магазине	62	29
У доктора, нотариуса, директора, пастора и т. д.	42	54

Таким образом, чем «социально выше» ступень общения, тем меньше используется фризский язык. Это несомненно связано с большей престижностью нидерландского языка.

Для языковой ситуации во Фрисланде в общем характерно то обстоятельство, что фризы читают по-фризски меньше и с меньшей легкостью, чем по-нидерландски. На вопрос «Читаете ли вы по-фризски?» были получены ответы (в %): «очень хорошо» — 23, «хорошо» — 22, «неплохо» — 24, «с трудом» — 24, «совсем не читаю» — 7 (ср. с данными о речи: 68–0%).

Читать предпочитают (в %): по-нидерландски — 48, по-фризски — 23, «нейтральные» — 29.

Не случайно совпадение с предыдущей анкетой (23%): менее ¼ фризов старше 12 лет очень хорошо читают по-фризски и предпочитают читать на этом языке.

О том, что чтение по-нидерландски и осуществляется с большей легкостью, и больше распространено, свидетельствуют следующие данные (в %): с большей легкостью читают по-нидерландски, чем по-фризски, — 55; читают с одинаковой легкостью на обоих языках — 44; с большей легкостью читают по-фризски — 1.

Заметим эту последнюю цифру — 1% (!) и сравним ее с цифрой предпочитающих читать по-фризски — 23%.

Характерно, что, по данным социологического обследования, больше всего читают по-фризски крестьянки пожилого возраста (постоянно проживающие в сельской местности). 91% читаемых текстов составляет художественная литература.

Вообще не имеют дома книг 12% фризов. Из 88%, принадлежащих к обладателям книг, 45% не имеют фризских книг и лишь 43% имеют книги как на нидерландском языке, так и на фризском. Таким образом, из числа обладателей книг, принятых за 100%, имеют книги на двух языках 49%, а 51% является обладателями только нидерландских книг. Лиц, которые бы имели дома только фризские книги, видимо, нет.

Регулярно читают по-фризски 53% фризского населения.

Эти цифры, конечно, следовало бы брать не абсолютно, а сопоставляя с соответствующими данными о проценте читающих от населения в аналогичных географических и социальных условиях, например в остальной части Нидерландов, но такими данными мы не располагаем. Так, тиражи фризских книг в среднем примерно в 4–5 раз меньше тиражей книг нидерландских, но если сравнивать численность нидерландского и фризского населения, то они в 8–10 раз выше (350 тыс. фризов и около 13 млн. голландцев, т. е. соотношение примерно 1 : 40).

Посмотрим, как удовлетворяется потребность фризского населения в печатном слове. За 10 лет (1948–1957 гг.) на фризском языке было опубликовано 162 названия (155 издано впервые и 7 повторно). Средний тираж был 1270 экз. (для романов — 1925). Однако в последующее десятилетие (1958–1967 гг.) количество названий возросло вдвое, достигнув цифры 326 (290 новых книг и 36 переизданий). При этом заметно возросли и тиражи (относительно, конечно), составив 1590 экземпляров (для романов эта цифра составляет 2740). Если сравнить эти последние цифры со средними цифрами для Нидерландов, то они составят соответственно 5000–6000 и 11 500. Пока самым большим (суммарным) тиражом (40 тыс.) была издана Библия, на втором месте — роман «De gouden swiwe» («Золотой бич») А. Броузера — 23 тыс. В настоящее время в год выпускается 40–60 новых названий книг на фризском языке¹⁷.

Недавно впервые стала выходить газета на фризском языке (еженедельная). В местных газетах, издающихся на нидерландском языке, регулярно печатаются материалы и по-фризски — статьи, репортажи, объявления, реклама, семейная хроника и т. п. Ежедневно ведется радиопередача по-фризски. Начаты учебные радиопередачи для школьников.

В так называемой Библиотеке провинции Фрисланд в Лееувардене, насчитывающей более 300 тыс. названий, сосредоточены фактически все книги, где собраны материалы, имеющие отношение к фризам, их культуре, истории, языку. Характерен штрих, свидетельствующий об активной языковой политике: читателю могут быть высланы книги на дом, и, если бандероль весит менее 3 кг, библиотека берет на себя почтовые расходы по пересылке. В год выдается более 50 тыс. книг¹⁸. Предполагается, что библиотека послужит основой будущего университета.

В 1959 г. был основан Фризский литературный музей и центр документации (Het Fries Letterkundig Museum en Documentatiecentrum; по-фриз-

¹⁷ Коллективная пропаганда фризской книги ведется организацией «Фризская книга» («It Fryske Boek»), объединяющей издателей, книготорговцев, писателей и читателей. Издания серии дешевых книг в мягкой обложке значительно повысилокупаемость литературы на фризском языке.

¹⁸ De Friese taal. Blz. 20.

ски Frysk Letterkundich Museum en Dokumintaesje-Sintrum), где, в частности, собраны рукописи и письма фризских писателей¹⁹.

Если в общем $\frac{3}{4}$ фризов так или иначе читает на своем родном языке, то с умением писать по-фризски дело обстоит значительно хуже. По данным опроса, 69% (!) фризов вообще не могут писать по-фризски, 20% «немного пишут», и лишь 11% могут писать на своем родном языке. Причины этого положения, видимо, следующие. Во-первых, фризский язык стал языком преподавания (и то в $\frac{1}{7}$ школ) в двух младших классах только с 1955 г., а факультативным предметом — с 1948 г., так что, очевидно, люди старше 35 лет вообще не учились в школе писать по-фризски²⁰. Во-вторых, фризская орфография очень сложна и, главное, непоследовательна (это относится в основном к вокализму)²¹, и двух лет обучения в начальных классах и (или) факультативных уроков для ее успешного усвоения совершенно недостаточно. В-третьих, и это, очевидно, самое важное, сфера применения письменного фризского весьма узка. В деловой переписке фризский язык используется очень мало (между прочим, есть правило, согласно которому администрация обязана отвечать по-фризски на запросы и обращения, написанные по-фризски). Характерно, что из фризов, которые могут писать на родном языке (11% «хорошо», 20% «немного», итого 31% вообще пишущих), 53%, по их сведениям, никогда не пишут по-фризски, 29% иногда пишут письма, 10% иногда пишут кое-что (не уточнено) и лишь 2%, иными словами, чуть больше 0,5% от общего числа фризов (немногим больше 2 тыс. человек), иногда пользуются фризским языком в деловой переписке.

Как мы видели, для развития и распространения фризского языка делается немало. Издается, помимо книг, несколько журналов на фризском языке. В 1938 г. была учреждена Фризская академия (Fryske Akademy), задачей которой является научное изучение Фрисланда и его культуры. Ею опубликовано свыше 400 трудов. Важнейший проект, осуществляемый в ее рамках, — создание большого словаря фризского языка, в котором будут учтены все письменные источники после 1800 г.

Различные организации, ставящие целью сохранение и развитие фризского языка (самая старая из них — Общество фризского языка и литературы (Selskip foar Fryske Tael en Skriftekennisse) — возникла в 1844 г.), объединились в 1945 г. в Совет фризского движения (Ried fan de Fryske Bi-

¹⁹ Ibid. Blz. 21.

²⁰ Поэтому молодежь лучше пишет по-фризски, хотя больше читает и покупает книги как раз старшее поколение (Twataligens... Blz. 25).

²¹ «Фризская звуковая система крайне сложна, а орфография часто нелогична» (S i r - m a P. Op. cit. P. 5).

weging), который, помимо языковых проблем (расширение преподавания языка в школе и усиление его роли в администрации), занимается также экономическими и политическими вопросами.

Фризский совет (Fryske Ried), основанный в 1956 г., занимается связями всех трех областей — нидерландской и двух западногерманских — и распространением фризского языка (культурный обмен и контакты).

Еще один совет — Фризский совет по делам культуры (Fryske Kultuerried), созданный в 1945 г., является консультативным органом, дающим рекомендации администрации и различным культурным организациям и координирующим их работу. А ведь, например, только любительских драмкружков во Фрисланде более 80.

Свойственно ли фризам чувство национальной ущемленности? В общем, видимо, нет. На вопрос, «Ущемляются ли фризы не-фризами?», 81% ответил отрицательно и лишь 15% — утвердительно. Отношение фризов к голландцам в целом доброжелательное: не случайно в анкете «Какие народы вам внушают уважение?» второе место было отдано нидерландцам, равно как и в анкете «Самый красивый язык» (фризский, разумеется, был на первом месте)²².

Современное положение фризского языка определяется действием двух противоположных тенденций.

С одной стороны, в последние десятилетия сфера его применения бесспорно значительно расширилась. Организовано регулярное преподавание языка, резко возросло количество печатной продукции на фризском и т. д. Несомненно выросли престиж фризского языка и его роль в обществе, тяга к нему, интерес к родной культуре. Стремление к сохранению национального своеобразия явно усиливается во Фрисланде.

С другой стороны, ряд процессов объективно препятствует росту удельного веса фризского языка в этой области Нидерландов. Здесь следует назвать движение населения из сельской местности в города, отъезд молодежи в другие области Нидерландов, наплыв туристов и отдыхающих и т. д.

В заключение несколько слов о научном изучении фризского языка. Можно утверждать, что это один из наименее изученных германских языков.

²² Конечно, и среди фризов есть отдельные крайне националистически настроенные элементы. Есть сторонники предоставления Фрисланду самоуправления (еще в 1930 г. вышла poleмическая брошюра Фолкерса «За самоуправление Фрисланда»), есть сторонники собственных границ и паспортов и пр.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Из книги

«Двуязычная лексикография»

•

Двуязычная лексикография
и реальность
(Прозаические соображения
по выходе «Большого
норвежско-русского словаря»)

•

О крылатых словах

•

[Рец.:] Раск, Расмус Кристиан.
Руководство по языку акра.
Перевод с датского. СПб.:
Изд-во С.-Петербургского ун-та,
1999. 132 с.

•

[Рец.:] «Краткий сомали-русский
и русско-сомали словарь».
Сост. Д. И. Степанченко
и Мохамед Хаджи Осман.
М., «Советская энциклопедия»,
1969, 319 стр.

•

[Рец.:] Переводной словарь
русского жаргона.
Harry Walter/Valerij Mokienko.
Russisch-Deutsches Jargon-Wörterbuch.
Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. 579 S.

ДВУЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Учебник

<Подробно основные понятия двуязычной лексикографии изложены в части I учебника, не вошедшей в этот сборник.>

Часть II. КОРПУС СЛОВАРЯ

<...>

Глава 2. СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ

§ 14. Вводные замечания. Лемма. Тильда. Гнездование.

Как уже говорилось в § 1, словарная статья — это лемма со всей даваемой при ней информацией. Словарные статьи очень существенно различаются по своему объему — от одной строки до нескольких столбцов и даже страниц. Например, в «Большом русско-норвежском словаре»¹:

алгоритм^{1а} *m* *algoritme* -*n*, -*r*;

в предлог ⊕ + *B* I. (*при обозначении направления*) а) (внутри) *i*; *inn i* <...> [всего 3½ столбца, т. е. более 1 страницы очень плотного набора, примерно 0,2 авторского листа].

С л о в а р н а я с т а т ь я всегда — независимо от объема — составляет а б з а ц.

В словарной статье лемма или часть ее, естественно, может многократно повторяться. Значительная экономия места достигается при замене этой формы каким-либо условным знаком. Для этой цели в разных странах пользуются разными обозначениями, например, первой буквой слова с дефисом или точкой, ср. «*Stor norsk-tysk ordbok*»²:

ofte <...> *hvor o-* [Перевод: 'часто' <...> 'как часто'].

Однако чаще всего используется знак ~ (тильда). Тильда принята в ряде стран, в том числе и в России, имеет ряд преимуществ перед другими обозначениями, и мы рекомендуем пользоваться именно ею, например:

Б е р к о в П. Н. Двуязычная лексикография: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М: Астрель, 2002. С. 85–216 (ч. II, гл. 2), 235–264 (ч. IV).

¹ Б е р к о в П. Н. 1) Русско-норвежский словарь. М., 1987 (далее РНС-1987); 2) Большой русско-норвежский словарь 2-е изд. Oslo: Universitetsforlaget, 1994 (далее БРНС-1994); последняя перепечатка: Oslo: Kunnskapsforlaget, 2008 (далее БРНС-2008). При цитировании словарных статей используются сокращения и обозначения, принятые в цитируемых словарях.

² Н u s t a d Т. *Stor norsk-tysk ordbok*. Oslo, 1979; далее SNT0-1979.

пустяк <...> заниматься ~ами <...>; спорить из-за ~ов <...>.

Часто во флективных языках, т. е. языках с развитым словоизменением (склонением, спряжением), в словарной статье приводится форма, частично отличная от формы леммы. В этих случаях удобно в лемме отделить ту часть, которая повторяется в статье, каким-либо знаком (в России для этой цели используется светлая вертикальная черта), и тильда в таком случае заменяет ту часть леммы, которая стоит слева от этой черты, например:

жалк|ий <...> в ~ом состоянии <...>.

Замена тильдой двухбуквенной (части) леммы (не говоря уже, естественно, об однобуквенной) не практикуется.

Отметим одну мелкую, но важную техническую деталь. Следует внимательно следить за тем, заменяет ли тильда в тексте статьи часть слова или представляет собою самостоятельное слово. В первом случае интервала после тильды быть не должно, во втором он обязателен:

колю́ч|ий <...> ~ая про́волока [без интервала!];

воз <...> ~ се́на [с интервалом!].

Начинающие лексикографы нередко не уделяют этому моменту должного внимания.

Выше говорилось, что словарная статья посвящена лемме, т. е. одной лексеме (одному слову) или аффиксу (суффиксу, приставке и др.), и образует абзац. Это в общем верно, но имеется одно важное исключение. Таким исключением является словарное гнездо — статья, в которой объединяется несколько (иногда значительное количество) лемм с общей начальной частью (см. § 1). Использование словарных гнезд (гнездование) — прием, дающий значительную экономию места без ущерба для интересов пользователя.

Гнездование осуществляется двумя способами.

1. Если первая лемма своим буквенным составом полностью входит в последующие, она просто заменяется тильдой (как и лемма, полужирной!):

атлёт <...>; **~ика** <...>; **~ический** <...>.

При этом следует внимательно следить за ударением. Общее правило таково: если ударение падает на тот же слог, что и в первом слове, оно не отмечается (как в слове *атлётика*), в прочих случаях оно обозначается (*атлетический*).

2. Если общей для ряда является только часть первого слова, то после этой части ставится определенный знак (в России в таких случаях используют знак || — светлые вертикальные параллельные линии, «вертикальные

параллельки», а у последующих слов, как и в предыдущем случае, она заменяется тильдой:

туго||плавкий <...>; ~ухий <...>.

При гнездовании необходимо учитывать ряд существенных моментов.

1. Гнездовать допустимо только леммы, связанные в смысловом отношении (см. приведенные выше примеры). Некорректно гнездование слов только по чисто формальному совпадению их начального буквенного состава. Так, ошибочна подача (здесь и далее неверные решения снабжаются спереди знаком звездочки *):

*гáлл||ий <...> ~ицизм <...> ~о́н <...>.

Следует:

гáллий <...>;

гáллицизм <...>;

гáлло́н <...>.

2. Нельзя гнездовать леммы, если при этом окажутся неправильными обозначения их просодических (т. е. связанных с ударением — силовым или тоническим) характеристик. Так, на первый взгляд представляется соблазнительным объединить в одно гнездо слова *гвардеец*, *гвардейский*, *гвардия*, однако это недопустимо, потому что в первых двух словах ударение падает на второй слог, а в слове *гвардия* — на первый. Правильнее:

гва́рд||е́ец <...> ~е́йский <...>;

гва́рд||и́я <...>.

Поясним, почему не предлагается более компактная подача «гва́рдé||е́ец <...> ~е́йский». По сложившейся в русской лексикографии традиции тильду не принято ставить перед буквами *й*, *ь*, *ъ*. Традиция эта не представляется бесспорной — хотя определенные резоны тут есть, — и отступать от нее, на наш взгляд, допустимо, т. е. возможна и подача:

гва́рдé||е́ец <...> ~е́йский <...>.

Неверно было бы, далее, гнездовать норвежскую лемму *brun* ‘коричневый’ и следующую сразу за ней по алфавиту лемму *brunaktig* ‘коричневатый’, поскольку у них разные тоны:

*brun <...>; ~aktig <...>.

Следует (в односложных словах всегда тонама 1, и потому ее обозначать излишне):

brun <...>;

brùnaktig <...>.

3. Гнездование осуществляется для экономии места — и только для этого. Поэтому автору словаря всегла надо задаваться вопросом, даст ли в данном конкретном случае гнездование экономию места или же нет.

§ 15. Общая структура словарной статьи (микроструктура словаря).

Словарная статья разделяется на следующие основные части:

- лемма (вокабула, заглавное, или черное, или реестровое, слово);
- зона фонетической информации;
- зона грамматической информации;
- зона эквивалентов;
- отсылочная зона.

Разумеется, кроме леммы, не в каждой словарной статье обязательно содержатся все перечисленные части, или зоны. Так, во многих случаях не требуется зона фонетической информации, для ряда языков излишней является зона грамматической информации; подробнее о них, а также о зоне эквивалентов будет говориться ниже в соответствующих параграфах.

В отсылочной зоне пользователю сообщается, к каким статьям словаря ему целесообразно обратиться для того, чтобы получить дополнительную информацию о данной лемме. Такие отсылки бывают нескольких видов; некоторые из них уже описывались выше в другой связи и поэтому лишь кратко упоминаются здесь для полноты изложения. Основные виды отсылок в двуязычных словарях таковы.

1. Δ-отсылка. Указывает на словарные статьи, в которых содержатся словосочетания с данным словом, например:

плавать <...> Δ <...> мелко <...>.

Это означает, что словосочетание *мелко плавать*, не включенное в статью *плавать*, следует искать в статье *мелко*.

2. ⇒-отсылка. Указывает на словарные статьи, содержащие конструкции, в которых может использоваться также данная лемма, например:

по-шведски <...> ⇒ по-норвежски.

В статье *по-норвежски* приведено несколько предложений, в которых вместо этого слова может быть использовано *по-шведски*.

3. Отсылка *см(.) также* (в БРНС-2008 сокращение *см.*, как указывалось, дается без точки). Такая отсылка сообщает пользователю, что в статьях, перечисляемых за отсылочным обозначением, содержится информация, которая полезна для более полного уяснения значения и/или употребления рассматриваемого слова. Так, в БРНС-2008 для того, чтобы норвежский пользователь словаря более четко представил себе функции отчества в русском речевом этикете, использована следующая подача:

отчество <...> *см также* имя, фамилия.

Другой пример, из БРНС-2008:

иметься <...> *см также* имеющийся.

Помимо отсылок в статьях в каждом словаре имеется известное (иногда немалое) количество чисто отсылочных статей, т. е. статей, только отсылающих пользователя от данной статьи к другой, например:

коленце <...> *см* колено 5, 6;

подвергать(ся) *нсв см* подвергнуться;

Галя <...> *дериват от* Галина.

По существу, отсылочными являются статьи, посвященные нерегулярным несловарным формам и сообщающие пользователю грамматическую информацию о них, например:

подведи *повел. от* подвести;

разопр.. <разопру́, разопрёт и т. д.> *буд. от* распереть.

4. В принципе возможны отсылки от одного слова к другому — полному или очень близкому синониму. В этом случае избегается повторение в двух статьях одинакового ряда переводящих эквивалентов. Этот прием особенно заслуживает применения, если оба синонима входного языка требуют комментария (например, описание реалии). Помимо этого, таким способом пользователю сообщается, какой из синонимов более употребителен. Пример из «Большого норвежско-русского словаря»³:

фуфайка <...> 2. *см* ватник.

Разумеется, надо следить за тем, чтобы не было «зацикливания», т. е. взаимных отсылок; например, в данном случае ошибки:

***фуфайка** <...> 2. *см* ватник;

***ватник** <...> *см* фуфайка 2.

В процессе работы над рукописью словаря следует педантично фиксировать в особом списке все случаи отсылок.

§ 16. Информация о произношении.

Двуязычный словарь должен давать пользователю информацию, достаточную для правильного произнесения как леммы, так и эквивалентов.

³ Stor norsk-russisk ordbok = Большой норвежско-русский словарь / Отв. ред. В. Берков; ред. Х. Харальдссон, С. Коттум. Осло: Kunnskapsforlaget, 2003; далее БРНС-2003. Этот словарь был признан лучшим норвежским словарем 2003 г.

Решение этой задачи для одних языков не представляет трудностей, для других сопряжено со значительными сложностями.

Информация о произношении слова складывается из двух элементов — информации о его звуковом составе и информации о его просодической характеристике (ударении, тоне). Целесообразно рассмотреть эти элементы информации порознь.

1. Информация о звуковом составе слова. Самоочевидно, что здесь важнейшим моментом является степень соответствия графики/орфографии данного языка его звукам. Как известно, в этом отношении языки существенно различаются. Так, например, финская орфография стопроцентно фонематична, и само написание слова дает полную информацию о его звучании: если при этом учесть, что во всех без исключения финских словах ударение падает на первый слог, то ясно, что никакой дополнительной информации для правильного прочтения любого финского слова не требуется. Если же, напротив, взять такие орфографии, как английская, фризская или фарерская, очень сложные сами по себе и к тому же изобилующие исключениями, то для того, чтобы пользователь мог правильно прочитать многие слова, ему необходимо дать дополнительную — порой значительную — информацию.

Для решения лексикографического аспекта вопроса следует вкратце остановиться на понятии степени сложности орфографии. Что делает орфографию какого-либо языка сложной? Таких моментов несколько.

Во-первых, явление, которое можно назвать орфографической синонимией. Оно заключается в том, что одна и та же фонема может обозначаться двумя или более способами. Например, в норвежском языке фонема /j/ обычно обозначается буквой **j**, но в немалом числе случаев используются исторические написания **gj**, **hj**, ср. *jevn* [jɛvn] ‘ровный’, *gjøre* [ˈjø:rə] ‘делать’, *hjelp* [jɛlp] ‘помощь’. В исландском языке буквы **í**, **ý** всегда обозначают одни и те же фонемы: краткое или долгое закрытое **i** /i/, /i:/, а буквы **i**, **y** — краткое или долгое открытое **i** /i/, /i:/. Ср. также различное обозначение /a:/ в немецком через **a**, **ah**, **aa**: *war* ‘был’, *Jahr* ‘год’, *Naar* ‘волосы’. Орфографическая синонимия не препятствует безошибочному определению звучания слова по его орфографическому облику, но увеличивает количество правил, знание которых необходимо для правильного прочтения. В некоторых языках число таких правил бывает значительным, и хотя орфография их достаточно регулярна, чтение на них представляет немалые трудности, ср. исландское написание *Egill* (собственное имя), соответствующее звучанию [ˈeijdl] (курсивные буквы обозначают глухие звуки).

Во-вторых, правильному прочтению буквы или буквосочетания может препятствовать явление орфографической омонимии, состоящее

в том, что одна и та же буква или одно и то же сочетание букв в одной и той же позиции и при одинаковом окружении могут обозначать разные фонемы или разные сочетания фонем, например англ. row [rou] ‘ряд’ и row [rau] ‘скандал’, норв. kost [kust] ‘метла’ и kost [kɔst] ‘питание’, under [ʔn:əɾ] ‘под’ и under [ʔndəɾ] ‘чудо’.

Наконец, в-третьих, во многих языках есть орфографические и склужения, т. е. написания, не укладывающиеся в действующие правила, ср. рус. *его*, нем. *Arzt* [ʔa:rtst] (долгое **a**!) ‘врач’, англ. *put* [put] ‘класть’, норв. *nok* [nɔk:] ‘достаточно’.

Как правило, в приложении к словарю приводится таблица «от буквы к звуку», сообщающая правила чтения в данном языке. Поэтому в целом вопрос о включении сведений о произношении слова решается в принципе так: то, что подчиняется массовым формальным правилам, в словарную статью не включается, и в корпусе отмечаются только исключения. Такое решение в очень многих случаях верно: в самом деле, абсолютно нерационально давать, например, транскрипции русских слов типа *вода* [va'da], *сад* [sat] и т. п. Однако во многих языках дело обстоит сложнее. Правила имеют много исключений, из которых, в свою очередь, есть исключения. Решение вопроса о том, какие категории написаний следует снабжать указаниями на произношение, означает, в сущности, установление того уровня знаний в области правил чтения, который должен иметь пользователь для успешной работы со словарем.

Сложность этого вопроса можно показать на примере норвежской буквы **o**. Основное правило ее чтения состоит в том, что, когда по условиям окружения она обозначает долгий звук (в открытом слоге или перед кратким согласным), она читается как [u:], например *bo* [bu:] ‘жить’, *bok* ‘книга’, в остальных же случаях — как [ɔ], например *topp* [tɔp:] ‘вершина’, *norsk* [nɔʃk] ‘норвежский’. Это основное правило дополняется рядом добавочных: 1) перед буквами **g**, **v** она обозначает [ɔ:]: *tog* [tɔ:g] ‘поезд’, *lov* [lɔ:v] ‘закон’; 2) перед буквой **m** и буквосочетаниями **nd**, **rt**, **st** она читается как [u]: *lomme* [ʔlum:ə] ‘карман’, *ond* [un:] ‘злой’, *bort* [bu:ʔ] ‘прочь’, *ost* [ust] ‘сыр’; 3) если слово в своей основной (исходной) форме имеет [u:], то в тех формах, в которых происходит сокращение гласного, буква **o** обозначает звук [u], а не [ɔ], как следовало бы из основного правила: *sko* [sku:] ‘подковыгать’ — *skodde* [ʔskud:ə] ‘подковал’ (ср. *skodde* [ʔskɔd:ə] ‘туман’ по основному правилу), *gore* [ʔru:pə] ‘звать’ — *ropte* [ʔruptə] ‘звал’.

Каждое из этих исключений также имеет ряд исключений, т. е. имеются случаи, когда буква **o** читается в соответствии с основным правилом: 1) в ряде весьма употребительных слов **o** перед **g**, **v** обозначает [u]: *skog* [sku:g] ‘лес’, *hoved-* [ʔhu:vəd-] ‘главный’, *behov* [bəʔhu:v] ‘потребность’, *Rogaland* [ʔru:galan:] (топоним) и др.; 2) во многих весьма частотных сло-

вах **o** перед **m, nd, rt, st** обозначает [o]: komme [kɔm:ə], ‘приходить’, som [sɔm(:)] ‘который’, blond [blɔn:] ‘светловолосый’, kort [kɔt:] ‘короткий’, ‘карта’, sort [sɔt:] ‘сорт’, post [pɔst] ‘почта’ и др.; 3) прилагательное god [gu:] ‘хороший’ в ср. роде имеет форму godt [gɔt:].

В этом описании опущен ряд деталей; в одном очерке норвежской фонетики правила чтения буквы **o** занимают 5 страниц.

Определяя границы транскрипции слов с буквой **o** в словаре с норвежским (входным или выходным) языком, автор словаря, по сути дела, определяет, сколько ступеней этих многоступенчатых правил пользователь должен знать для успешной работы с данным словарем. В принципе возможны четыре решения: 1) пользователь вообще не знает правил чтения буквы **o**, и все слова, в которых она употреблена хотя бы один раз, снабжаются транскрипцией; 2) пользователь знает все правила чтения этой буквы, и транскрипция вообще не дается (как это сделано в «Норвежско-русском словаре»⁴); 3) пользователю известно только основное правило чтения **o** («правило *bo/topp*»), и потому все отклонения (т. е. три основных исключения, описанные выше) снабжаются транскрипцией; 4) предполагается, что пользователь знает основное правило и основные исключения из него («правило *bo/topp/tog/lov/lomme/ond/bort/ost*»); транскрипцией снабжаются «исключения из исключений».

Решения 1 и 2 следует сразу отбросить как неприемлемые: в первом случае потребуется очень много места для транскрипции без необходимости, так как достаточно простое правило пользователь запомнить в состоянии, во втором случае к его памяти будут предъявлены завышенные требования. В БРНС-2008 был предпочтен вариант 4 как требующий меньшего числа случаев транскрипции, но в несколько «облегченном» виде («правило *bo/topp/tog/lov*»); вполне возможен и вариант 3.

Для языков со сложными правилами чтения принято давать сквозную транскрипцию всех лемм. Так, сложилась традиция снабжать в англо-иноязычных словарях транскрипцией все черные слова. Между тем, представляется, в этом совершенно нет необходимости. Все те леммы, где буквы читаются в соответствии с основными правилами, на наш взгляд, транскрипции не требуют. Для пользователя излишне обозначение звукового состава, например, таких английских слов, как *cat, set, deer, pig, hot, bus, take, pine, stone, main* и т. п. Также не была нужна сквозная транскрипция в нашем с Аудни Бёдварссоном «Исландско-русском словаре»⁵, поскольку чтение множества исландских слов не представляет трудностей, например, *band, för, lin, skyr, taka, heyta, naust* и т. д.

⁴ Норвежско-русский словарь / Сост. В. Д. Аракин. М., 1963; далее НРС-1963.

⁵ Исландско-русский словарь / Сост. В. П. Берков при участии А. Бёдварссона. М., 1962; далее ИРС-1962.

Однако необходимым условием для выборочной транскрипции является четкое определение основных чтений букв. Можно рекомендовать шрифтовое выделение основных правил (т. е. тех правил, которые пользователь обязан помнить) в таблице «от буквы к звуку», например полужирным шрифтом, как это сделано в БНРС-2008.

Далее, если последовательно осуществлять принцип экономии места, то и выборочную транскрипцию нет необходимости производить в полном объеме для каждого слова, в котором есть отклонения от основных правил чтения. Как правило, **нерегулярным бывает чтение не всего слова, а только его части, очень часто только одной буквы.** В таких случаях вполне достаточно обозначить произношение именно этой части или буквы. Для того чтобы сообщить пользователю, что в норвежском слове *distánse* буквой **n** обозначается звук [ŋ], нет нужды транскрибировать все слово: совершенно достаточно обозначить [-ŋ-]. Транскрипция английского слова *northern* может быть ограничена подачей [-ð-].

При этом следует иметь в виду, что дефис — тоже знак. Поэтому, например, такая транскрипция русского слова *его* как [-в-] никакой экономии места не даст по сравнению с полной транскрипцией [eвó] (об использовании здесь русского алфавита см. ниже).

Строго говоря, дефисы в такого типа усеченной транскрипции не нужны, пользователю словаря в подавляющем числе случаев понятно, о чтении какой буквы/каких букв идет речь (ср. приведенный выше пример *northern* [ð], но написанный без дефисов). Кстати, бездефисная подача используется в русской лексикографии, например в орфоэпических словарях, «Большом толковом словаре»⁶ и др., ср. *тенденция* [тэ́; дэ́]. Дефисы в транскрипции также не используются в БНРС-2003.

Упомянем одну частность. При частичной транскрипции возможны случаи, когда у пользователя может возникнуть неясность в отношении произношения конца слова. Поясним это на примере. Норвежское слово *refüge* ‘островок безопасности’ произносится двояко: а) в полном соответствии с написанием — [re`fʌ:gə] и б) примерно как во французском — [re`fy:ʃ]. В этом последнем случае для пользователя остается неясным, является ли [ʃ] конечным звуком слова или за ним следует [ə], как в первом произносительном варианте. В таких случаях целесообразен знак, сигнализирующий о конце слова. В БНРС-2003 использован для этого знак «\», например в данном случае дана транскрипция [y:ʃ\]; ср. также приведенный выше (§ 10) пример *Marseille* [-séi\].

Очень важным требованием к транскрипции является внимание к долготе/краткости звука. Двухязычные словари, к сожалению, зачастую

⁶ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.

игнорируют существенные моменты в отклонениях от правил долготы или краткости звуков (особенно гласных). Так, в немецко-русских словарях, как правило, не отражена долгота (ударного) гласного в словах Art, Arzt, Buch, düster, Obst, Österreich, suchen, werden и др. и его краткость в таких словах, как ab, an, das, Grammatik, vierzehn, vierzig, Vorteil, Walnuß, was и др. (в первом ряду примеров гласный по основному правилу чтения должен был бы быть кратким, ср. краткий гласный в словах hart, Karzer, Spruch, rüsten и др., во втором — напротив, долгим, ср. долгий гласный в словах Grab, Kran, Glas, Kinematik, vier, Vortrag и др.). В датско-иноязычных словарях также часто не отмечаются долгота/краткость, например случай æg [e'g] (знаком «'» отмечается так называемый толчок, или стёд, — смычка голосовых связок, встречающийся после долгих гласных или сонантов), при ægget ['ægəð] (форма с суффицированным артиклем) и обратные ему stød [sdøð] — stødet ['sdø'ðəð], mad [mað] — maden ['ma'ðən].

Для обозначения произношения (частей) слова, в том числе отдельных букв, в практике мировой двуязычной лексикографии применено и применяется множество приемов, порой весьма удачных и остроумных. Остановимся на некоторых из них, иллюстрирующих возможные принципы решения вопроса.

Один из них — использование орфографических вариантов, возможных в письме на данном языке, но обычно малоупотребительных. Таково, например, использование буквы ё в русской части двуязычных словарей; обычно на письме эта буква, как известно, используется редко. В семитских языках (арабском, иврите) гласные на письме, как правило, не обозначаются (пользователь сам подставляет их); однако в словарях (как и в учебных текстах) они проставляются.

Второй принцип — использование иных начертаний шрифта (например, курсива) или иных литер для обозначения одного из основных чтений буквы. Это может быть проиллюстрировано примером из итальянского языка. В нем буква z может означать [ts] и [dz], а буква s — [s] и [z]. В одном итальянско-русском словаре⁷ для первых значений каждой буквы использован прямой шрифт (z, s), для вторых — курсивный вариант (z, s). В другом итальянско-русском словаре⁸ использован несколько отличный способ: когда итальянская буква z обозначает звонкую аффрикату [dz], вместо обычной литеры используется **z**, для [z] дается литера **S**.

Весьма употребителен в практике двуязычной лексикографии следующий прием — применение различных дополнительных значков

⁷ Итальянско-русский словарь / Сост. И. И. Гливенко. М., 1930.

⁸ Итальянско-русский словарь / Сост. Н. А. Скворцова, Б. Н. Майзель. М., 1963; далее ИтРС-1963.

(звездочек, точек и т. п.). Так, французские слова, начинающиеся с так называемого **h aspirée**, иногда снабжаются в словарях звездочкой (**héros*, **honte*, **huit*). В ИтРС-1963 разные знаки ударения (акут «'», гравис «`») обозначают разное качество гласного: *è, ô* — открытые гласные, *é, ó* — закрытые. В норвежско-английском словаре⁹ и БРНС-2008 непронизносимые норвежские буквы снабжены подстрочной точкой: *ord, hard, derót* (непронизносимая буква **g** в связи с особенностями ее начертания снабжена надстрочной точкой: *haug*); эти компактные подачи эквивалентны транскрипциям [u:r], [ha:r], [de'ru:], [hæʏ] (характерно, что авторы пришли к этому приему независимо друг от друга). На последнем примере целесообразно задержаться, поскольку даже при использовании одного и того же приема возможны отдельные расхождения от автора к автору. Так, в NEO-1965 подстрочная точка ставится под всеми без исключения непронизносимыми буквами, в РНС — в сочетаниях, в которых данная буква никогда не произносится (например, **h** в сочетаниях **hj, hv, g** в сочетании **gj** и в суффиксах **-ig, -lig**), подстрочная (надстрочная) точка не используется. Каждое из этих решений имеет и свои плюсы, и свои минусы.

Наиболее важным способом обозначения произношения в словаре является использование транскрипционных знаков. Переходим к их рассмотрению.

В принципе все транскрипционные системы, используемые для обозначения произношения в двухязычных словарях, распадаются — с возможными модификациями — на три основные группы: 1) алфавит родного языка пользователя; 2) алфавит иностранного языка, слово которого транскрибируется; 3) особый фонетический алфавит.

Транскрипция при помощи алфавита родного языка пользователя (кстати, это — самый старый способ транскрипции) характерна, в первую очередь, для кратких или учебных словарей, т. е. для лексикографических пособий, рассчитанных на лиц с минимальной филологической подготовкой. Особенно часто она применяется в разговорниках, читатели которых большей частью не столько изучают иностранный язык, сколько заучивают отдельные слова или готовые предложения. Примеры из одного краткого норвежско-немецкого словаря¹⁰: *vekt* [wäkt], *ro* [ru], *innkjør* [i'nhöör] и т. п. Естественно, что нередко в родном алфавите пользователя отсутствуют буквы для обозначения отдельных фонем иностранного языка, и для них вводятся дополнительные обозначения. Так, в одном старом англо-исландском словаре¹¹ в транскрипции использован преимущественно исландский

⁹ Norsk-engelsk ordbok / Hovedred. E. Haugen. Oslo; Madison, 1965; далее NEO-1965.

¹⁰ Norsk-tysk ordbok / Rev. utg. ved B. Førsund, N. Balk. Oslo, 1951; далее NTO-1951.

¹¹ Ensk-islenszk orðabók / Eftir G. T. Zoëga. 3. útg. Reykjavík, 1945.

алфавит, но в него добавлены знаки из английской и иных график: through [pɹú], over [óvər], out [át], like [læk], Dutch [dətʃ] и т. д.

Применение алфавита иностранного языка для обозначения произношения также весьма распространено, хотя, по-видимому, встречается реже. Ср. NEO-1965, который рассчитан, в первую очередь, на американцев, изучающих норвежский язык, но в котором норвежские слова тем не менее транскрибируются средствами норвежской графики: konkurranse [kåŋkurrang'se], chinchilla [sjinsjil'la], katalog [-lâ'g], loff [loff], ung [ong], ср. те же транскрипции при помощи алфавита Международной фонетической ассоциации (МФА): [kɔŋkʏ'raŋsə], [ʃn'ʃil:a], [-'l:ɔg], [luf:], [ɯŋ].

Наконец, все более обычным в лексикографической практике разных стран становится использование специального фонетического алфавита.

Из всех этих способов обозначения произношения слов иностранного языка наиболее свободен от недостатков, разумеется, третий.

Транскрипция при помощи алфавита родного языка пользователя имеет то преимущество, что требует от последнего знания минимума сведений по фонетике и графике изучаемого языка и освобождает его от необходимости знакомства с неизвестными ему знаками. Однако принципиальный недостаток ее заключается в следующем: она ориентирует пользователя на то, чтобы он подставлял в слова иностранного языка звуки родного, пренебрегая несовпадением их артикуляции¹². Кроме того, в большинстве случаев последовательно осуществить подобную транскрипцию невозможно без введения в нее дополнительных знаков, которые обозначали бы звуки, отсутствующие в родном языке пользователя. При этом наличие большого числа дополнительных знаков может свести на нет те преимущества в простоте, которые этот способ имеет по сравнению с использованием другого алфавита.

Применение второго способа может быть оправданно, по-видимому, только в тех случаях, когда графические средства иностранного языка указывают особенности произношения в более наглядной форме, нежели применение иных способов (в том числе и специального фонетического алфавита). Так, в издававшихся в СССР и издаваемых в России словарях непалатализованные русские **т**, **д**, **н** и др. перед **е** обозначаются при помощи транскрипций [(-)тэ(-)], [(-)дэ(-)], [(-)нэ(-)] и др. (например, *тенденция* [тэ, дэ]), что явно нагляднее, чем подача [(-)te(-)], [(-)de(-)], [(-)ne(-)] и т. д. Применение русской графики в транскрипции в подобных случаях влечет за собой, естественно, использование ее и в других, ср. *лёгкий* [-хк-], *конечно* [-шн-] и т. п.

¹² Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Л., 1960. С. 4.

Обратим внимание читателя на весьма, к сожалению, распространенную ошибку в двухязычных словарях, объясняемую небрежностью или неквалифицированностью составителей. Нередко автор двухязычного словаря, пользуясь данными толкового словаря входного языка, некритически переносит оттуда информацию о произношении леммы, упуская из виду, что в толковом словаре может использоваться система транскрипции, существенно отличающаяся от привычной для пользователя (например, от алфавита МФА). Особенно неудачно это тогда, когда в корпусе и в фонетическом очерке в приложении к словарю использованы разные транскрипционные системы (включая разные способы обозначения долготы гласного). Пример: в НРС-1963 автор автоматически перенес транскрипцию толкового словаря «Norsk riksmålsordbok»¹³, где, в частности, знаки [o] и [u] обозначают соответственно [u(:)] и [ʏ(:)] — т. е. не как и в алфавите МФА, который, кстати, использован в этом же словаре в фонетическом очерке, написанном М. И. Стеблин-Каменским. Так, вместо приведенных в этом словаре транскрипций pool [pu:l] ‘пул’, depot [de'po:] следовало дать [pʏ:l], [de'pʏ:]. Сходные недочеты характерны для «Шведско-русского словаря»¹⁴.

Для толковых словарей, рассчитанных на массового пользователя, помимо названной черты — преимущественного использования для транскрипции алфавита родного языка пользователя — вообще характерно недостаточное внимание к обозначению произношения. Так, в «Bokmålsordboka»¹⁵, одном из последних толковых словарей норвежского языка, не снабжены никакой транскрипцией, например, слова kort ‘карта’, ‘короткий’ и lort ‘помёт, навоз’, fort ‘быстро’ и sort ‘сорт’, хотя в одних из них содержится фонема /ɔ/, а в других — /u/: [kɔ:t:], [lɔ:t:], [fɔ:t:], [sɔ:t:]. Ср, далее, в этом же словаре отсутствие транскрипции при словах sukke ‘вздохнуть’ и sukker ‘сахар’, также содержащих разные гласные ([ˈsʏk:kə], [ˈsuk:ɛr]). Долгота гласного в толковых словарях норвежского языка специально не обозначается (на нее указывает краткость последующего согласного), а долгота согласного обозначается его двойным написанием и т. д., и т. п. Механическое перенесение такой транскрипции в, скажем, норвежско-русский словарь создает неверное представление о произношении многих норвежских слов.

Отсюда следует важный практический вывод. При транскрибировании на основе толкового словаря следует иметь в виду следующее:

¹³ Norsk riksmålsordbok. Bd 1–4. Oslo, 1927–1957, перепечатка: Bd 1–6. Oslo, 1983–1995; далее NRO-1983.

¹⁴ М и л а н о в а Д. Э. Шведско-русский словарь. 5-е изд. М., 1985; далее ШРС-1985.

¹⁵ Bokmålsordboka / Red. M. I. Landrø, B. Wangensteen. 2. utg. Oslo, 1993; далее BO-1993.

1) как соотносится система транскрипции данного толкового словаря с системой транскрипции, принятой в данном двуязычном словаре;

2) насколько полно и последовательно вообще проведена транскрипция в данном толковом словаре, в частности, как она соотносится с основными правилами чтения, описанными в фонетическом очерке при данном двуязычном словаре.

Разумеется, различие между алфавитом родного языка пользователя словаря, алфавитом иностранного языка и специальным фонетическим алфавитом, используемыми для транскрипции в словарях, не всегда значительно. Поэтому, когда здесь говорится об использовании специального фонетического алфавита, имеется в виду вся совокупность средств обозначения звукового состава слова, а не ее отдельные детали. Эти детали могут быть немногочисленными, но весьма существенными.

Говоря о преимуществах специального фонетического алфавита, следует коснуться вопроса о множественности фонетических алфавитов. К сожалению, чуть ли не в каждом словаре, дающем транскрипцию при помощи специального алфавита, в этом последнем есть свои особенности по сравнению с другими транскрипционными системами. Как заметил Л. Р. Зиндер, «каждый лингвист постоянно испытывает неудобство из-за отсутствия унифицированной транскрипции, вызывающего ненужную затрату времени, чтобы приноровиться к данному автору, а зачастую и препятствующего правильному пониманию фонетических фактов. Вместе с тем почти каждый лингвист мешает унификации, внося кажущиеся ему необходимыми или удобными особенности в отдельные обозначения... Даже у каждого из руководящих членов МФА своя транскрипционная система, в большей или меньшей степени отклоняющаяся от Международного фонетического алфавита»¹⁶. Так, переднеязычный щелевой (типа первого согласного в английском *thin*) транскрибируется в одних словарях как [ʃ], в других — как [θ], щелевой заднеязычный (южнорусское *з*, нидерландское *g* и т. п.) — то как [ɣ], то как [q], глухой двухфокусный щелевой (типа русского *ш*) — как [ʃ] или [š], звонкий двухфокусный щелевой (типа русского *ж*) — как [ʒ] или [ž] и т. д.

Нет общепринятых критериев, при помощи которых можно было бы оценить преимущества одной транскрипционной системы перед другой, одних транскрипционных знаков перед другими. Можно лишь, исходя из задач эффективности практического использования словаря, высказать некоторые общие соображения.

¹⁶ Зиндер Л. Р. Указ. соч. С. 323.

Во-первых, целесообразно **использовать знак в его наиболее часто встречающемся значении**, в первую очередь в стране пользователя. Так, коль скоро знак [o(:)] в России и множестве других стран обозначает (закрытое) **о**, то именно в этом значении и надо его использовать для русских, немецких, французских и др. пользователей. Ведь пользователь, обращающийся к транскрипции, уже привык раньше связывать с той или иной буквой определенное звучание — по своему опыту изучения родного алфавита или алфавитов других языков.

Во-вторых, реально в графике многих языков одна фонема нередко изображается двумя или более буквами, и этот способ обозначения проникает в транскрипцию. Тем не менее следует соблюдать одно из главных правил транскрипции: **«одна фонема — один знак»** (и, разумеется, обратнo: **«один знак — одна фонема»**).

В-третьих, необходимо тщательно следить за тем, чтобы **транскрипционные системы в корпусе словаря и в фонетическом описании языка в приложении полностью совпадали** (лучше всего использовать алфавит МФА).

В-четвертых, следует по возможности **избегать редких знаков**.

Наконец, в-пятых, целесообразно, собираясь ввести новый знак, прикинуть, **действительно ли есть в нем потребность**. Так, выше уже упоминалось, что непроезносимые буквы можно снабжать точкой снизу, как это сделано в некоторых словарях с входным норвежским языком. В принципе этот же прием можно применить и к русскому языку, ср. слова типа *лестница*, *праздник*, *солнце*. Однако случаев таких очень немного, и, на наш взгляд, нет необходимости тратить время и средства на создание специальных знаков «л с точкой снизу» и др., когда в этих немногочисленных случаях можно просто обойтись транскрипцией, например: *солнце* [ón].

Пока говорилось только об обозначении произношения отдельного слова. На деле зачастую встречается ситуация, когда в пределах одной статьи сходной транскрипцией должно быть снабжено несколько частично или полностью совпадающих по своему звуковому составу слов; это имеет место при гнездовании, причем проблема актуальна как для входного, так и для выходного языка. С одной стороны, целесообразно ли повторять несколько раз в пределах одной статьи одну и ту же транскрипцию? С другой стороны, как предупредить пользователя, не читающего всей статьи и сразу отыскивающего нужное ему слово или значение, о том, что последнее имеет особенность в произношении?

Здесь можно рекомендовать прием, использованный в БРНС-2008. Транскрипция в пределах одной словарной статьи дается только один раз, в последующих случаях используется знак [↑], расшифровываемый как «транскрипцию см. выше». Примеры:

глупость <...> 1. (свойство) dumhet ['dum:-] <...> 2. (поступок, слово и т. п.) dumhet [↑] <...>;

отворить <...> âpne¹ ['ɔ:-], lükke¹ ['lu-] opp; ~ся <...> âpne¹ [↑] seg, lükke¹ [↑] seg opp.

Отметим попутно, что знак [↑] является частным случаем употребления знака ↑, вообще широко используемого в комбинации с разными скобками в БРНС-2008; например, во избежание однотипных пояснений (даваемых обычно курсивом в круглых скобках) при словах со сходным значением применяется знак (↑) и т. п.

Теперь нам предстоит рассмотреть вопрос о степени подробности («глубины») транскрипции. Для этого нам придется обратиться к понятию фонемы и ее вариантов (аллофоном). Это необходимо, поскольку в лексикографии широко представлена точка зрения, согласно которой транскрипция в словаре должна быть сугубо фонематической, т. е. отражать только фонемный состав слова.

Рассмотрим два русских слова — *мел* и *мель*. Мы безошибочно различаем их, поскольку в звуковой состав одного из них входит «твердое» (непалатализованное) *л*, а в состав другого — «мягкое» (палатализованное). Таким образом, в русском языке непалатализованное *л* [l] и палатализованное *л* [l'] — звуковые единицы, которые могут различать слова. Такие кратчайшие звуковые единицы какого-либо конкретного языка, способные выступать единственным различителем звуковых оболочек слов, и называются *фо н е м а м и*. Стало быть, **l** и **l'** — разные фонемы в русском языке (равно как и **г** и **г'**, **с** и **с'** и т. д.). Фонемную транскрипцию принято давать в косых скобках (/l/, /l'/), чтобы отличить ее от фонетической, которая обычно дается в квадратных скобках.

Раздел языкознания, изучающий фонемы и фонемный строй языка, носит название *фо н о л о г и и*. Чередования фонем в связи с изменением (склонением, спряжением и т. д.) слов изучаются *фо н о м о р ф о л о г и е й*, или *м о р ф о н о л о г и е й*, — областью лингвистики, пограничной между фонологией и грамматикой (морфологией).

Весьма существенно, что одна и та же пара звуков в одном языке может быть парой фонем, а в другом — вариантами одной фонемы. Так, **l** и **l'** — в русском языке разные фонемы (/l/, /l'/), в других (например, в норвежском) — варианты фонемы /l/ ([l], [l']). Другой пример. В русском языке неогубленные (нелабиализованные) и огубленные (лабиализованные) согласные — варианты одной фонемы, в ряде других языков (например, в абхазском, кабардинском) — разные фонемы. В том, что в русских словах *газ* и *гузь* разные варианты фонемы /g/, можно легко убедиться, заметив положение губ при их произношении (и даже при подготовке к их произношению). Но в русском языке нет ни одной пары слов, члены которой различались бы только огубленностью/неогубленностью согласного. В аб-

хазском же такие пары есть, например *agar* /agar/ ‘колыбель’ и *агуар* /ag^oar/ ‘двор; забор’ (знаком ^o обозначается огубленность предшествующего согласного).

Характерно, что люди обычно не слышат не-фонемных различий в родном языке — например, что у русского /e/ несколько вариантов: перед непалатализованным согласным (скажем, в слове *эта*) оно открытое, перед палатализованным (к примеру, в слове *эти*) — закрытое и т. д. (всего у русской фонемы /e/ 8 вариантов!). Напротив, мы очень хорошо слышим неверное произношение у тех, для кого наш язык не является родным, хотя сплошь и рядом не можем точно сказать, в чем эта неправильность заключается. В принципе ошибки, допускаемые говорящими на иностранном языке, делятся на три группы: а) ведущие к непониманию (неверному или затрудненному пониманию), б) создающие акцент, в) проходящие незамеченными. При всей условности этого деления оно важно для двухязычной лексикографии.

После этого краткою экскурса в теорию фонемы обратимся к интересующему нас вопросу: должна ли транскрипция в словаре (прежде всего двухязычном) быть фонематической или фонетической. Для этого рассмотрим элементарный пример: русское слово *рот*. В фонематической транскрипции оно выглядит просто: /rot/. Фонетическая же транскрипция намного сложнее: [r^{ou}ɔ̣t] (^o означает, как отмечено выше, огубленность согласного; ^u — дифтонгоидный характер русского *o*, т. е. то, что этот гласный имеет у-образное начало; точка после гласного обозначает его полудолготу: все ударные гласные в русском полудолгие).

Читатель может здесь возразить, что слова типа *род* мы вообще в словарях не снабжаем транскрипцией. И, конечно, будет прав. Но дело в том, что иностранному пользователю все эти сведения (о характере русского *o*, о полудолготе ударного гласного и т. д.) знать безусловно надо, если он стремится фонетически правильно говорить на неродном для него языке. Стало быть, вопрос только в том, куда эту информацию поместить, как ее распределить в словаре, как ее подать наиболее удобным для пользователя образом. **Ведь и фонематическая, и фонетическая транскрипции, если их брать не изолированно, а в совокупности с достаточно подробным описанием артикуляции отдельных звуков в определенных позициях, дают пользователю, в конечном счете, одинаковую информацию.** Попросту говоря, при пользовании фонематической транскрипцией пользователь должен помнить много больше, нежели при пользовании транскрипцией фонетической.

Поэтому, исходя из практической целесообразности, в ряде случаев не следует придерживаться строго фонематического подхода, а отражать в транскрипции моменты фонетически важные, но с точки зрения фоноло-

гии несущественные (фонологически иррелевантные). Например, для всех скандинавских языков, кроме датского, характерно явление так называемого слогового равновесия, заключающееся в том, что в ударном слоге гласный долгот, если краток согласный, и наоборот, гласный краток перед долгим согласным или двумя или более согласными (второстепенные детали правила здесь опущены). Фонологически здесь существенна либо долгота гласного, либо долгота согласного, но пользователю словаря, естественно, будет понятнее транскрипция фонетическая, ср. норв. loff ‘белый хлеб; батон’ — фонематически /luf/, фонетически [lu:f:]. Другой пример. В исландском языке звуки [ð] и [p] — варианты одной фонемы, находящиеся в позиции так называемого дополнительного распределения (комплементарной дистрибуции): в начале слова выступает глухой вариант [p], в середине — звонкий вариант [ð], а в конце слова — полувзвонкий, ср. þúða ‘переводить’, фонетически [‘þi:ða], фонематически /‘þi:ða/ или /‘ði:ða/. Последний пример показывает, в частности, и то, что возможны различные фонематические интерпретации фонетических фактов; в отношении ряда языков среди фонологов нет единства.

Следует отметить, что детальность даже самой подробной фонетической транскрипции относительна: она в состоянии отобразить не все возможные оттенки звуков человеческой речи, а лишь все возможные типы таких звуков, так что и подробная фонетическая транскрипция обязательно требует дополнительного словесного описания звуков данного языка. Так, например, немецкое открытое *i* несколько более закрыто, нежели исландское открытое *i*, но оба эти звука обозначаются в фонетической транскрипции одним и тем же знаком — [i]; шведский звук [ɯ(:)] более открыт, чем норвежский [ɯ(:)], и т. д. Более того, даже в пределах одного языка звуки (варианты фонемы), относимые к одному типу и потому обозначаемые одним и тем же транскрипционным знаком, обнаруживают небольшие различия. Так, русский согласный перед /u/ несколько более огублен, чем перед /o/, русский конечный смычный имеет особую артикуляцию и т. д., так что и приведенная выше фонетическая транскрипция [r^{ou}ɔt] является известным огрублением.

Видимо, нельзя дать рецепта относительно того, какой должна быть транскрипция в словаре, пригодного для каждого конкретного языка. Можно лишь, подытоживая изложенное выше, высказать некоторые общие соображения.

а. Нецелесообразно давать строго фонематическую транскрипцию: для правильной фонетической интерпретации ее пользователь должен будет помнить большое количество правил, иногда довольно сложных. Так, в частности, важно в явной форме передавать глухоту/звонкость в положении нейтрализации (т. е. в случаях типа приведенного выше исландского

примера *řůда*), качество гласного (т. е. его открытость/закрытость), когда фонематически существенно (релевантно) его количество (долгота/краткость), и т. п.

б. Столь же нецелесообразна излишне подробная фонетическая транскрипция, избыливающая различными знаками, неизвестными пользователю без лингвистической подготовки, ср. приведенный выше пример *rot* [r^oːt]. Число транскрипционных знаков, по нашим представлениям, не должно в среднем превышать 50–60.

в. Продумывая транскрипционную систему для словаря, следует также иметь в виду те свойственные носителям данного языка речевые навыки, которые особенно часто проявляются в их речи на иностранном языке, и стараться предупредить возможные ошибки. С этой точки зрения, представляется, не вполне удачна принятая в «Датско-русском словаре»¹⁷ транскрипция, в которой датские непридыхательные глухие смычные передаются знаками **b, d, g**, ср. транскрипции *spå* [sbɔː] ‘гадать’, *sky* [sgyː] ‘облако’, *stå* [sdɔː] ‘стоять’: некоторая часть русских пользователей может прочесть такие написания с регрессивной ассимиляцией как [збоː], [згюː], [здоː].

г. Практический момент. Крайне желательно, чтобы фонетический очерк при словаре и транскрипция разрабатывались одним лицом.

Наконец, еще одна проблема в связи с фонетической информацией в двухязычном словаре. Монографическое описание фонетики какого-либо языка нередко занимает много десятков — а иногда и несколько сотен — страниц. Таким образом, проблемой является отбор тех сведений по фонетике данного языка, которые необходимо сообщить пользователю. Вопрос этот весьма непрост и решается по-своему для каждого конкретного языка.

2. Информация о просодической характеристике слова. Выше была рассмотрена проблематика отражения в словаре звукового состава слова, так называемая сегментная фонетика. Но для языков характерны и супraseгментные («надзвуковые»), или просодические, моменты, важнейшим из которых является ударение: силовое, или динамическое; тоническое, или музыкальное; количественное, или квантитативное; тембровое. Часто встречаются комбинации нескольких типов ударения. Так, русское ударение одновременно силовое, количественное и тембровое: ударный гласный в слове *парад* не только произносится с большей силой, чем безударный, но и более протяжён, чем последний, и имеет отличную от последнего тембровую окраску. Норвежское и шведское ударение одновременно динамическое и тоническое.

¹⁷ Датско-русский словарь / Под ред. А. С. Новаковича. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1975; далее ДРС-1975.

К просодике относятся и другие явления, характерные для некоторых языков, в частности слоговой акцент (особенно широко представленный в языках Юго-Восточной Азии — вьетнамском, китайском и др., а также в некоторых языках Африки и Америки), разного рода гортанные смычки (немецкий сильный приступ, датский толчок, или стёд, и др.) и т. п.

Анализ ряда словарей показывает, что просодическим моментам в них не всегда уделяется должное внимание. Между тем, в принципе, отражение этой информации в словаре осуществить относительно несложно, и оно не требует много места.

Рассмотрим важнейшие из затронутых проблем.

Динамическое ударение. В языках со связанным ударением, т. е. в языках, в которых оно всегда падает на определенный слог (например, на первый в финском, чешском, исландском, на последний во французском, киргизском, на предпоследний в польском и т. д.), отмечать его нет нужды. Его, естественно, следует отмечать только для языков, в которых оно свободное (т. е. может падать на разные слоги). Оно, как всем известно, отмечается знаком ударения над соответствующим гласным. В односложных словах его, конечно, ставить излишне. Важно помнить об ударении при гнездовании, о чем говорилось выше (§ 14).

Реально картина в этом отношении более сложная, и лексикографические решения определяются рядом факторов. Остановимся на некоторых из возникающих проблем.

В довольно многих языках ударение в основном связанное, но имеется немало исключений. Так, в немецком и нидерландском ударение, как правило, падает на первый слог, но есть отступления от этого правила, причем как системные, так и изолированные. К системным относятся слова с безударными приставками, к изолированным — слова типа нем. *lebendig* ‘живой’, нид. *voorbéldig* ‘образцовый’. Лексикографически здесь возможны два решения: 1) ударения ставятся в любой лемме; 2) ударения проставляются только в тех случаях, когда ударение падает не на первый слог. В словарях с языками такого типа обычно проводится первое решение (например, в «Нидерландско-русском словаре»¹⁸).

При проставлении динамического ударения возникает несколько практических вопросов.

Во-первых, во многих европейских языках используются буквы с разными знаками ударения (обычно это заимствования из французского языка, сохраняющие орфографию языка-источника), ср. нем. *Coûré* [ku'pɛ:] ‘купе’, нид. *ampère* [am'pɛ:r] ‘ампер’. В таких случаях необходима транскрипция, что и осуществляется в словарях с этими входными языками.

¹⁸ Нидерландско-русский словарь / Под рук. С. А. Миронова. М., 1987; далее НиРС-1987.

Сложнее положение со случаями типа норв. *armé* [aɾ'me:] ‘армия’, где «орфографическое ударение» совпадает с транскрипционным, т. е. случаи, когда надо и воспроизвести орфографическое написание слова, и указать место ударения. Конечно, можно предупредить пользователя о том, что при наличии транскрипции любые знаки ударения над словом являются «орфографическими», но, как будет показано ниже, выход этот не оптимален. Удачнее иной прием: при совпадении «орфографического ударения» с транскрипционным соответствующая буква набирается на один пункт меньше: *armé*, *karé* ‘каре’.

Обычно при наличии транскрипции при лемме ударение над последней не ставят: в противном случае информация о месте ударения дублируется. С нашей точки зрения, в таком дублировании нет греха, и в БРНС-2008 ударение указывалось и в лемме, и в транскрипции.

Тоническое ударение. Оно характерно, в комбинации с динамическим, в частности, для шведского и норвежского языков, в которых различаются две тоны — 1-я и 2-я (в их описание вдаваться здесь нет возможности). Тонему 1 принято обозначать знаком акута «´», тонему 2 — знаком грависа «`»: норв. *vínter* ‘зима’, *sòmmer* ‘лето’. **В обычном письме тоны не обозначаются.**

Поскольку в односложных словах в этих языках возможна только тона 1, ее в словарях не обозначают: например, вместо шв., норв. *skóg* ‘лес’, *hús* ‘дом’ в словарях дается *skog*, *hus*.

Проставление тонического ударения требует от автора словаря предельного внимания, особенно при гнездовании. Дело в том, что в области тоники в языках множество исключений, ср. норв. *blékk* ‘чернила’, *blékkhus* ‘чернильница’ (тона 1), *blékksprut* ‘каракавица; осьминог’ (тона 2).

Говоря о тоническом ударении, следует учитывать, что мы имеем дело с различными случаями:

1) с просодическими особенностями отдельных типов словоформ. Так, норвежские формы мн. числа односложных слов общ. (м. и ж.) рода имеют, в отличие от форм ед. числа, тонему 2: *knív* ‘нож’ — *kníver*, *sák* ‘дело’ — *sàker*; двусложные сильные глаголы — тонему 1 в презенсе, в отличие от тоны 2 в инфинитиве: *skjære* ‘резать’ — *skærer* ‘режет’, *løpe* ‘бежать’ — *løper* ‘бежит»; двусложные слабые глаголы имеют тонему 2 в обеих названных формах: *føre* ‘вести’ — *fører*, *rense* ‘чистить’ — *renser*;

2) с просодическими особенностями некоторых парадигматических характеристик слова (§ 17): *дом* — *úз дому*, *город* — *зá город*. Исключениями из названных в предыдущем абзаце правил для норвежского языка являются существительные с перегласовкой: *bók* ‘книга’ — *bøker*, *strand* ‘берег’ — *stränder* и аналогичные (здесь тоже есть исключения). Последние формы, естественно, попадают в словари. Однако есть три односложных

существительных без перегласовки во мн. числе, имеющих, в виде исключения, тонему 1, что в словарях, к сожалению, не регистрируется: *éit* ‘горошина’ — *érter*, *blómst* ‘цветок’ — *blómster*, *géit* ‘коза’ — *géiter*. Несколько слабых глаголов имеет тонему 1 в презенсе (*léser* ‘читает’, *éier* ‘владеет’, *bláser* ‘дует’ и др.).

Подход здесь может быть различен. Формы типа *érter*, *blómster*, *géiter* целесообразно приводить при соответствующих существительных. Напротив, из-за случаев *léser*, *éier* и др. мы рассматривали в БРНС-2008 слабые глаголы *lèse*, *éie* как нерегулярные и помечали их знаком нерегулярности «*», отсылающим пользователя к списку нерегулярных глаголов в приложении к словарю.

В области регистрации тонического ударения заслуживает внимания прием, используемый в норвежской лексикографии. Помещая определенным образом знак тонического ударения, норвежские лексикографы таким образом обозначают и долготу гласного: если знак ударения ставится непосредственно после гласного, это указывает на долготу последнего, если после следующего за ним согласного — гласный краток, например *o'rdfø-ger* (= [ˈu:ɾføɾɐ]) ‘мэр, бургомистр’, *Sig'urd* (= [ˈsig:ʏr]) ‘Сигурд’ (имя собственное). Этот же прием используется и для случаев, когда слово односложное (и тип тонемы, следовательно, очевиден), для обозначения краткости гласного: *den'* (= [den:]) ‘он; тот’, *nok'* (= [nok:]) ‘достаточно’. Прием этот не лишен и некоторых недостатков. Так, во многих случаях он совершенно не дает никакой дополнительной информации по сравнению с обычным орфографическим написанием слова, ср. *vann'* (= [van:]) ‘вода’, *å'* (= [ɔ:]) ‘речка’. Далее, такая постановка знака ударения отличается от принятой и потому может неверно восприниматься некоторыми пользователями. Наконец, при нем разрывается слитность написания.

Слоговой акцент, характерный, как уже говорилось, для ряда языков Юго-Восточной Азии и некоторых языков Африки и Америки, заключается в особом тоне, с которым произносится слог (односложное слово): ровном, восходящем, нисходящем, восходяще-нисходящем, низком, высоком и т. д. В некоторых языках он обозначается с помощью орфографических диакритических (дополнительных, обычно надстрочных) значков: *má*, *mà*, *mâ*, *mã* и т. п. Используются также надстрочные или подстрочные цифры: *ma¹*, *ma²*... или *ma₁*, *ma₂*...

Заканчивая рассмотрение отражения в двуязычном словаре просодических моментов, остановимся на еще одном важном вопросе. Просодическая характеристика отдельного слова нередко может отличаться от просодической характеристики того же слова в словосочетании. Ср. рус. *дом* — *из дому*, *город* — *за город*, норв. *månge* (тонема 2) ‘многие’ — *for månge* (тонема 1) ‘слишком многие’ (ср. *for månge* ‘для многих’), *drå* ‘тя-

нуть; отправляться' (и еще ряд значений) — *Han dró til Dag* (тонема 1) 'Он поехал к Дагу', но *Han drò til Dag* (тонема 2) 'Он ударил Дага'.

В примерах в двухязычных словарях принято ставить ударение на каждом слове, состоящем из двух и более слогов, но не ставить его на односложных словах, что, конечно, неточно отражает реальную картину, ср. реальные ударения в речи в нормальном темпе (вертикальная черта разделяет синтагмы — группы слов, объединенные ударением и в смысловом отношении) *Она придёт | через час* и «словарные» *Она́ придёт че́рез час*. Делается это потому, что в замедленном темпе речи (а именно он наиболее вероятен у «активного» пользователя словарем) ударения ставятся почти на каждом слове. Представляется оправданным **ставить ударение и на односложных словах, несущих синтагматическое ударение**. Желательно было бы синтагматическое ударение отмечать особым знаком, например полужирным.

§ 17. Грамматическая информация.

Как правило, двухязычный словарь должен давать и активному, и пассивному пользователю (о двух адресатах словаря см. § 1) информацию, позволяющую ему образовать любой элемент парадигмы (т. е. любую форму) слова — леммы и эквивалента — и грамматически правильно употребить это слово в контексте. В соответствии с этими задачами грамматическую характеристику слова в двухязычном словаре можно схематически представить себе в виде суммы двух частных характеристик — парадигматической и синтагматической. Термины эти образованы соответственно от двух слов: *парадигма*, образец изменения (склонения, спряжения и т. д.) какого-либо слова, и *синтагма*, группа слов в предложении, объединенная в смысловом отношении и интонационно, т. е. единым ударением (заметим в скобках, что в русской синтагме ударение, как правило, падает на ее последнее слово; синтагмы разделяются, как указано в предыдущем параграфе, вертикальной чертой: *При всей своей устáлости | он долго рабóтал | вчера ве́чером*).

А. Парадигматическая характеристика — это такая информация о слове, которая позволяет пользователю при наличии у него определенных знаний о морфологии данного языка или при обращении к грамматическому описанию этого языка образовать любой элемент парадигмы этого слова. Очевидно, что объем такой информации, даваемой при слове в статье, определяется тем, какие знания о морфологии данного языка автор словаря предполагает у пользователя. Так, англо-иноязычные словари не приводят при существительных показателя мн. числа -s, подразумевая, что эта информация пользователю известна, но обычно включают в словник нерегулярные формы мн. числа типа *feet, men, women, geese* и т. п., полагая, что пользователь их не знает.

Разумеется, объем необходимой грамматической информации о слове в словарной статье зависит от специфики языка. Когда все слова, относящиеся к одной части речи, имеют только одну парадигму (например, индонезийское или кабардинское существительное), то достаточно лишь указания на часть речи. Более сложный, но тоже довольно ясный случай — когда парадигма стандартна, но показатели имеют варианты, четко определяемые звуковым составом основы слова. Характерным примером в этом отношении может служить киргизский язык, в котором форма показателя (аффикса), присоединяемого к слову, определяется гласным последнего слога основы или предыдущего показателя (правило так называемого сингармонизма) и последним согласным, т. е. выбор того или иного показателя определяется чисто формальными признаками; эти правила охватывают всю морфологию киргизского языка (есть только одна нерегулярно образуемая форма мн. числа). Зная названные выше закономерности, изучающий киргизский язык всегда сможет правильно образовать любую нужную ему форму (справа от стрелки приведены в качестве примера формы им. падежа мн. числа): *ата* ‘отец’ → *аталар*, *тоо* ‘гора’ → *тоолор*, *терезе* ‘окно’ → *терезелер*, *жылдыз* ‘звезда’ → *жылдыздар*, *ит* ‘собака’ → *иттер* и т. д., всего 12 вариантов.

По некоторым элементам парадигмы можно предсказать ее всю. Эти элементы могут поэтому использоваться в словаре в качестве сокращенной записи всей парадигмы. Так, для определения всей парадигмы исландского существительного достаточно, за немногими исключениями, указать его род и окончания род. падежа ед. числа и им. падежа мн. числа, в некоторых случаях достаточно указания на род и на первое из перечисленных окончаний, в других достаточно даже только указания на род. Однако в целях единообразия все исландские существительные снабжаются указанием на род и названными окончаниями, хотя информативность этих сведений, разумеется, различная.

Естественно рассматривать обе части словаря — корпус, где статья содержит грамматическую характеристику слова, и грамматический очерк (грамматические таблицы) — как единый источник информации о грамматических особенностях слова. В самом деле, такая паспортизация исландского существительного, как «*hest|ur m -s, -ag* ‘лошадь’», ценна, в первую очередь, тем, что отсылает нас к определенной парадигме в грамматическом очерке при словаре; в противном случае она ничего нам не сообщала бы, кроме оформления именно этих падежей.

Распределение информации об изменении слова между корпусом и грамматическим очерком (таблицами и т. п.), как и в случае с фонетической характеристикой, определяется тем уровнем знаний пользователя в области морфологии данного языка, который устанавливается автором сло-

варя как необходимый и достаточный для успешного пользования только корпусом — без постоянного обращения к грамматическому очерку.

Словарные грамматические (парадигматические) характеристики слов распадаются на несколько взаимно пересекающихся классов.

I. В зависимости от соотношения с языковым материалом грамматические характеристики, применяемые в словарях, можно разделить на две группы — фактические и символические.

1. **Фактическая грамматическая характеристика** сообщает пользователю языковой материал в его реальном виде: окончание, словоформу, префикс и т. д. Например, подача норв. «**stol** -en, -er» ‘стул’ сообщает реально употребляющиеся в языке словоформы *stolen* (ед. ч. с суффиксированным артиклем) и *stoler* (мн. ч.); исл. «**vörður** varðar, verðir» ‘страж’ — словоформы *varðar* (род. п. ед. ч.) и *verðir* (им. п. мн. ч.); суах. «**mkonga** (mi-)» ‘хобот’ — словоформу *mikonga* (мн. ч.). Этот реальный языковой материал, таким образом, может быть представлен в разной форме: в виде альтернативной словоформы, приводимой полностью (*vörður* — *varðar*), в виде добавляемой части (*stol* — *stol + en*), в виде части, заменяющей часть словарной формы (*mkonga* — *mikonga*) и т. д.

2. **Символическая грамматическая характеристика** сообщает информацию о принадлежности слова к тому или иному разряду, словоизменительному типу и т. п. в условной форме — при помощи неких условных знаков (обычно букв), цифр или комбинаций тех и других. Так, подача «**молодец**^{5*б} м» сообщает пользователю, что данное существительное относится к м. роду, изменяется по парадигме 5 (приведенной в приложении к словарю), по акцентуационному типу *b*, характеризующемуся переносом ударения на окончание, а также содержит беглый гласный. Символическая грамматическая характеристика леммы обычно компактнее фактической; для некоторых типов информации вообще возможна только символическая запись грамматических особенностей слова.

Часто в лексикографической практике оба вида характеристик — фактические и символические — употребляются совместно, ср. исл. «**dekk** n -s, =>» ‘палуба’ (знак равенства означает, что данная форма совпадает с леммой); нидер. «**neus** m neuzen» ‘нос’; хауса «**gab**||o м (мн. *subba*; -oba)» ‘зуб’. Выбор того или иного типа грамматической характеристики определяется в каждом конкретном случае практической целесообразностью. При прочих равных условиях фактическая характеристика предпочтительнее символической, ибо требует от пользователя меньших предварительных знаний и исключает возможные ошибки; однако случаи, когда обе подачи требуют одинакового объема, по-видимому, весьма редки.

II. С точки зрения структуры сообщаемой информации грамматические пометы (характеристики) делятся на простые и сложные.

1. Простые грамматические характеристики относят слово к определенному классу. Примерами таких характеристик являются пометы, обозначающие принадлежность слова к той или иной части речи: *adj*, *a*, *prl* (прилагательное), *v* (глагол) и т. п.

2. Сложные грамматические характеристики относят слово к определенному подклассу и тем самым к определенному классу, в который и только в который входит этот подкласс. Типичный пример такой характеристики — помета, обозначающая род имени существительного. Помета *m* или *м*, например, сообщает, что слово, снабженное ею, во-первых, существительное, во-вторых, м. рода, т. е. дает как некую более общую информацию, так и некую более частную. В общераспространенных пометах *vt* (*verbum transitivum* — переходный глагол) и *vi* (*verbum intransitivum* — непереходный глагол) содержится плеонастический (тавтологический) элемент, а именно часть *v*: (не)переходными могут быть, видимо, только глаголы (и вербоиды — образования, совмещающие в себе признаки глагола и других частей речи). Поэтому, во избежание тавтологии, в БРНС-2008 глаголы паспортизируются только как *sv* (совершенный вид) или *нсв* (несовершенный вид).

Встречаются комбинации простых и сложных грамматических характеристик: например, в НРС-1987 подача «**opgroeien** (d) v (z)» ‘вырастать’ последовательно сообщает пользователю, что: а) данное слово образует основу простого прош. времени и причастия II с помощью данного суффикса (что характерно, естественно, только для глагола), б) это слово — глагол, в) оно образует перфект и плюсквамперфект с помощью вспомогательного глагола *zijn*, а не *hebben* (что, опять-таки, характерно только для глагола), т. е. информация о принадлежности слова *opgroeien* к классу глаголов сообщается трижды.

III. С точки зрения полноты информации, сообщаемой о слове, грамматические характеристики делятся на две подгруппы.

1. Полные, дающие сами по себе всю парадигму слова. Естественно, такая грамматическая паспортизация возможна лишь тогда, когда парадигма невелика. Так, поскольку нидерландские существительные м. и ср. рода теперь не склоняются по падежам, подача «**beeld** n -en» является полной.

2. Частичные, сообщающие пользователю сведения только о части парадигмы, но достаточные для определения всей парадигмы, ср. приведенные выше исландские примеры. По-видимому, частичные характеристики — наиболее распространенный тип грамматической паспортизации слова в словаре.

3. Отсылочные, сами по себе информации не дающие, но отсылающие пользователя к определенной парадигме в очерке или к определенной таблице (пример см. ниже).

IV. С точки зрения типа приписываемых слову парадигматических изменений грамматические характеристики можно разделить на идентифицирующие и ограничительные.

1. Идентифицирующие грамматические характеристики относят слово к той или иной парадигме, т. е. приписывают ему весь набор показателей, присущих данному (под)классу слов. Это достигается различными перечисленными выше способами, ср. фин. «**ranta gannan**» ‘берег’, рус. «**поединок**^{3*а}».

2. Ограничительная грамматическая характеристика указывает на то, какую часть парадигмы, характерной для слов данного разряда, имеет данное слово.

По своему характеру ограничительные пометы могут быть двоякого рода:

1) положительные ограничительные пометы регистрируют ту часть парадигмы, которой обладает данное слово; отсутствие иных форм указывает на их неупотребительность. Например, как уже неоднократно говорилось, исландские существительные обычно снабжаются в словарях указаниями на формы род. падежа ед. числа и им. падежа мн. числа; поэтому подачи типа «**fegurð f -ar**» (т. е. без приведения формы мн. числа) означают, что данное слово во мн. числе не употребляется;

2) отрицательные ограничительные характеристики оговаривают в явной форме ту часть парадигмы, которой слово лишено, например: «*1 л. не употр.*» (т. е. 1-е лицо не употребляется). Ср. также:

разок м <косв. формы не употр.> <...>;

щец уменьш.-ласк. разг. Р мн от щ.

Они используются в лексикографической практике реже, чем положительные.

Следует отметить, что моменту обозначения дефектности парадигмы в двухязычных (как, впрочем, и в толковых) словарях не всегда уделяется должное внимание. Так, в просмотренных нами русско-иноязычных словарях не обозначено, что глаголы *победить* и *убедить* не употребляются в форме 1-го лица буд. времени, а прилагательное *пожилой* не образует краткой формы; норвежские словари не регистрируют того факта, что глаголы *få* и *eiе* не образуют аналитической страдательной конструкции, и т. д.

Особо следует остановиться на проблеме слов *singularia tantum* (существительных, не имеющих формы мн. числа), поскольку именно с этой проблемой составители двухязычных словарей сталкиваются чаще всего. Самое простое решение, казалось бы, последовательно отмечать в словаре все такие случаи, например: «**рассеянность**^{8а} жс тк ед.», «**керосин**^{1а} м тк ед.» и т. п. Вместе с тем очевидно, что случаев, когда слово входного язы-

ка и его эквивалент(ы), в силу своего значения, являются *singularia tantum*, очень много, в большом словаре их несколько сотен, если не тысяч. Педантичное фиксирование отсутствия форм мн. числа у слов с абстрактным значением (типа ‘ненависть’, ‘дороговизна’, ‘ханжество’, ‘демагогия’ и т. п.) или вещественных (например, ‘алюминий’, ‘влага’ и т. д.), эквиваленты которых в выходном языке словаря также не имеют форм мн. числа, приведет к значительной трате места в словаре без должного информационного эффекта. Поэтому, с нашей точки зрения, в отношении *singularia tantum* целесообразно регистрировать только случаи расхождения леммы и эквивалента/эквивалентов, например отмечать, что русские слова *пурга*, *критика* не имеют форм мн. числа, а их, к примеру, норвежские эквиваленты *snøstorm*, *kritikk* такие формы имеют. Не менее важен и обратный случай: слово входного языка имеет полную парадигму, а его эквивалент — дефектную. Так, в русском языке вещественные существительные, обозначающие большие пространства, покрытые данным веществом, а также названия атмосферных процессов, длящихся долгое время, употребляются во мн. числе (*снега*, *льды*, *пески*, *дожди*), тогда как в английском, немецком, норвежском и многих других языках эти существительные — *singularia tantum*. Такое соотношение в словарях отмечать следует непременно. Как быть с только что упомянутыми русскими словами в иноязычно-русских словарях? Возможный выход — показать употребление русских форм мн. числа при помощи примера: скажем, нем. *das endlose Regen* перевести как *бесконечный дождь*; *бесконечные дожди* (*tagelang*).

Особого внимания требуют случаи, когда одни значения слова являются *singularia tantum*, а другие — нет, причем у эквивалентов положение отличное. Так, рус. *долг* в значении ‘обязанность’ — *singularia tantum*, но в значении ‘сумма, взятая взаймы’ имеет полную парадигму; в норвежском языке положение прямо противоположное, что в БРНС-2008 показано следующим образом:

долг <...> 1. *тк ед. (обязанность) plikt -en {-a}, -er <...>* 2. (*взятое взаймы*) *gjeld -en {-a}* (NB *pl* не употр.) <...>

Остановимся особо на одном частном, но очень важном для русско-иноязычной лексикографии вопросе. Речь идет о регистрации видовых пар русских глаголов. Как правило, в российской двуязычной лексикографии за основную (словарную) формулу глагола теперь принимается форма совершенного вида — при ней даются переводы, а от формы несовершенного вида дается отсылка к форме совершенного. От этой схемы есть, разумеется, отклонения, главными из которых являются бесприставочные глаголы несовершенного вида (типа *писать*, *рубить*). Для краткости изло-

жения ограничимся приведением примеров из БРНС-2008, иллюстрирующих различные типовые случаи (примененные сокращения: *св* — совершенный вид, *нсв* — несовершенный вид, *нсв/св* — форма, одинаковая для совершенного и несовершенного вида):

обидеть^{5a} *св* <*нсв* обижать> <...>;

информировать^{2a} *нсв/св* <*св* тж про> <...>;

голосовать^{2a} *нсв* <*св* про> <...>;

проголосовать^{2a} *св* см голосовать;

добреть¹ I *нсв* <*св* по> (становиться добрее) <...>;

добреть¹ II *нсв* <*св* раз> разг. (полнеть) <...>;

писать^{6c} *нсв* <*св* на> <...> **3.** *тк* *нсв* (быть писателем) <...> **4.** *тк* *нсв* (сотрудничать в периодическом издании) <...> **5.** *тк* *нсв* (быть годным для письма) <...>.

Если разные значения глагола образуют форму совершенного вида при помощи разных приставок, такие формы указываются непосредственно при значениях:

колотить^{4c} *нсв* **1.** по Д, в В (ударять, стучать) <...> **2.** *св* по- В (бить) <...> **3.** *св* рас- В разг. (разбивать) <...>.

Отсутствие указания на соотносительную форму совершенного вида в таких случаях означает, что в данном значении глагол употребляется только в несовершенном виде:

душить I *нсв* В **1.** *св* за- <...> **3.** <...>.

Подробнее см. БРНС-2008.

В принципе такой же подход требуется и в иноязычно-русских словарях; конечно, техническое решение вопроса может быть несколько иным. Так, в БРНС-2003 в принципе (но с модификациями) принята следующая видовая паспортизация:

подпи́с|ывать/ -а́ть;

стре|ба́ть/ -сти́;

рисова́ть/ на-.

Сравнивая различные типы грамматической индексации слова в двухязычном словаре и стремясь найти оптимальный способ подачи информации, сформулируем требования к ней. Порой эти требования вступают между собой в противоречие:

- 1) желательно, чтобы грамматическая информация была максимально компактной;
- 2) она должна быть понятной широкому кругу пользователей;
- 3) она должна быть системной;

4) желательно, чтобы ее можно было бы извлекать поступенчато. Последнее требует пояснения. Рассмотрим индексацию в «Русско-исландском словаре»¹⁹ исландского существительного *þrýstingur* ‘давление’ — *m*^{5ab}. Вполне реальна ситуация, когда пользователя интересует только род существительного и он не хочет или у него нет необходимости обращаться к грамматическому очерку, чтобы определить парадигму 5ab. Индекс *m* сообщит ему эту информацию.

Нет возможности рассмотреть разнообразные приемы грамматической индексации слова, оптимальные для различных конкретных языков. Отметим в качестве примера некоторые из них, полагая, что они могут стимулировать поиски лексикографов, занятых этой проблемой.

Очень удачна грамматическая индексация русского слова, предложенная А. А. Зализняком и использованная в ряде изданных в последние годы русско-иноязычных словарей, а также — с некоторыми модификациями — в его «Грамматическом словаре русского языка» (М., 1977). В принципе она состоит из следующих элементов — цифр, указывающих на парадигму как таковую (т. е. только на набор окончаний), и латинских букв, обозначающих акцентуационный тип; при необходимости звездочкой указывается наличие беглого гласного (см. выше пример «**молодец**^{5*b} *м*»).

Х. Харальдссоном, профессором Ослоского университета, предложен упрощенный вариант зализняковской индексации (названный в шутку «мини-Зализняком»).

Сходным образом построена наша с Х. Харальдссоном индексация исландских существительных в РИС-1996, см. приведенный выше пример «**þrýstingur** *m*^{5ab}». В этой индексации заслуживает внимания одна существенная деталь. В надстрочный индекс может быть введена усеченная фактическая индексация — буквы (заглавные, чтобы отличать их от строчных букв индексов), обозначающие, какие звуки добавляются или заменяются в определенных формах. Так, у очень многих исландских существительных ж. рода слабого склонения в форме род. падежа мн. числа есть элемент *-n-* (*gata* ‘улица’ — *gatna*, *saga* ‘история’ — *sagna*, но *amma* ‘бабушка’ — *amma*); поэтому принята индексация «**gata** *f*^{1a^N}». Здесь надстрочное прописное *N* как раз и обозначает элемент показателя род. падежа мн. числа у этого типа склонения.

Приведем пример и неудачной, на наш взгляд, индексации. Так, в целом в очень хорошем шведско-исландском словаре²⁰ в исландской части применена доведенная до крайности символическая паспортизация: исланд-

¹⁹ Харальдссон Х. Русско-исландский словарь / Отв. ред. В. П. Берков. [Б. м.], 1996; далее РИС-1996.

²⁰ Svensk-isländsk ordbok / Huvudred. G. Holm. Lund; Reykjavík, 1982.

ские эквиваленты имеют только надстрочный индекс, отсылающий к соответствующей таблице, ср. *kýr*⁵⁴ ‘корова’, *dagur*²⁰ ‘день’, *hús*⁶⁰ ‘дом’, *lesa*⁶ ‘читать’, *hver*⁹⁶ ‘каждый’. Глаголы в этом словаре имеют индексы 1–6, существительные — 10–68, прилагательные — 70–90, местоимения — 91–96, числительные — 97. Поступенчатое извлечение информации (см. выше) при такой подаче трудноосуществимо.

До сих пор мы рассматривали различные аффиксы (преимущественно окончания), присоединяемые к слову при его изменении (склонении, спряжении и т. д.), сами по себе. Однако нередко при изменении в словах наблюдаются определенные чередования, ср. рус. *сток* /stok/ — (о) *стоге* /'stog'i/ — *стога* /sta'ga/, исл. *armur* ‘рука’ (им. п. ед. ч.) — *örmum* (дат. п. мн. ч.), фарер. *bók* ‘книга’ — *bókin* [‘bouçin] (им. п. ед. ч. с артиклем). В первом из этих примеров имеют место и просодические изменения — перенос ударения. Сложная картина наблюдается в языках с тоническим ударением, ср. приводившиеся выше примеры норв. *lèse* (тонема 2) ‘читать’ — *léser* (тонема 1) ‘читает’ — *lèste* (тонема 2) ‘читал’, *tak* I ‘крыша’ — *tákene* (тонема 2 — мн. ч. с определенным артиклем), *tak* II ‘захват’ — *tákene* (тонема 1 — мн. ч. с определенным артиклем).

В корпусе двухязычного словаря, разумеется, отразить все подобные чередования нет никакой возможности, да и необходимости: массовые регулярные морфонологические правила описываются в грамматическом очерке при словаре. Например, переход **a** > **ö** под воздействием **u** (сохранившегося или отпавшего) в последующем слоге (так называемая перегласовка на **u**) пронизывает всю исландскую морфологию (за одним исключением), ср. *kalla* ‘звать’ — *köllum* ‘зовем’, *gramm* ‘грамм’ — *grömm* (им., вин. п. мн. ч.); см. также выше пример *armur* — *örmum*. Естественно, вводить в словарь в качестве самостоятельных лемм такие формы с **ö** не следует, так как это привело бы к колоссальному увеличению словаря, как, впрочем, и тысячи обратных случаев чередования **ö** > **a**, когда в лемме **ö**, а в несловарных словоформах **a**, например *höfn* ‘гавань’ — *hafnir* (им., вин. п. мн. ч.), *gjöf* ‘дар’ — *gjafir* (им., вин. п. мн. ч.). Еще пример. Для финского языка характерно так называемое чередование ступеней согласных (в открытом слоге, как правило, выступает сильная ступень, в закрытом — как правило, слабая), например (первый член пары — форма им. падежа ед. числа, второй — форма им. падежа мн. числа): *kukka* ‘цветок’ — *kukat*, *ilta* ‘вечер’ — *illat*, *lampi* ‘пруд’ — *lammet*, *ranta* ‘берег’ — *rannat* и т. д., всего 13 типов чередования. Существенно, что **k** в разных лексемах чередуется с разными звуками, включая нуль: *suku* ‘род’ — *suvut*, *olki* ‘солома’ — *oljen* (род. п. ед. ч.), *hauki* ‘щука’ — *hauet*, т. е. если по форме *ranta* мы можем предсказать форму *rannat* и, наоборот, встретив в тексте форму *rannat*, мы можем определить ее словарную форму *ranta*,

то со словами с основой на **k** дело обстоит сложнее. Возникает принципиальный для двуязычной лексикографии вопрос: **какие чередования считать регулярными** и не отражать их в корпусе, **а какие нерегулярными** и, следовательно, в корпус включать? Ведь очевидно, что регулярные чередования в корпусе словаря не отражаются, а, напротив, нерегулярные должны отражаться.

Вопрос непрост. Крайние случаи ясны: чередования, представленные в сотнях слов, регулярны, единичные нерегулярны. Ясно, к примеру, что бесчисленные исландские чередования **a > ö** и **ö > a** регулярны, а изолированные формы *degi* (дат. п. ед. ч. от *dagur* ‘день’) и *kvenna* (род. п. мн. ч. от *kona* ‘женщина’) нерегулярны. Достаточно регулярны русские чередования губного с губным + л, з > ж, с > ш, д > ж и т. д. в 1-м лице ряда глаголов (*ловить* — *ловлю*, *корпеть* — *корплю*, *возить* — *вожу*, *писать* — *пишу*, *водить* — *вожу* и т. д.). Ср., однако: *бить* — *бью*, *петь* — *пою*, *рыть* — *рою* и т. п. Вопрос, стало быть, в том, где проходит количественная граница между массовым (регулярным) и немногочисленным (нерегулярным).

Очевидно, что строго количественный критерий здесь невозможен: например, если будет предложена контрольная цифра 20, всегда можно возразить, почему взята она, а не, скажем, 18 или 27. Руководствоваться здесь приходится такими субъективно определяемыми моментами, как радикальность чередования в парадигме и количество случаев, охватываемых парадигмой.

Проиллюстрируем это на примере сильных исландских существительных так называемого III класса, охватывающего около 20 единиц. Ср. некоторые их парадигмы:

- ед. ч. им. *völlur* ‘луг’, род. *vallar*, дат. *velli*, вин. пад. *völl*, мн. ч. им. *vellir*, род. *valla*, дат. *völlum*, вин. пад. *velli*;
- ед. ч. им. *fjögður* ‘фьорд’, род. *fjarðar*, дат. *firði*, вин. пад. *fjörð*, мн. ч. им. *firðir*, род. *fjarða*, дат. *fjörðum*, вин. пад. *firði*;
- ед. ч. им. *björn* ‘медведь’, род. *bjarnar*, дат. *birni*, вин. пад. *björn*, мн. ч. им. *birnir*, род. *bjarna*, дат. *björnum*, вин. пад. *birni*;
- ед. ч. им. *háttur* ‘образ (действия)’, род. *háttar*, дат. *hætti*, вин. пад. *hátt*, мн. ч. им. *hættir*, род. *háttar*, дат. *háttum*, вин. пад. *hætti*;
- ед. ч. им. *spónn* ‘стружка’, род. *spóns*, дат. *spæni*, вин. пад. *spón*, мн. ч. им. *spæni*, род. *spóna*, дат. *spónum*, вин. пад. *spæni*.

Чтобы определить, какие основы из приведенных выше целесообразно, исходя из интересов пользователя, ввести в корпус словаря в качестве самостоятельных лемм, попробуем стать на его место и представить себе, какую информацию об исландской морфологии он помнит и какую ему необходимо сообщить. Прежде всего он помнит падежные окончания, и поэтому, например, значение окончаний *-i*, *-ir* в формах *firð-i*, *birn-i*, *hætt-i*,

spæn-i и fird-ir, birn-ir, hætt-ir, spæn-ir сообщать ему нет необходимости. Далее, он знаком с переходами **a > ö** и **ö > a**, и формы valla, fjarðar, fjarða, bjarnar, bjarna он «приведет к словарному виду» (vallar, valla > völl..., fjarðar, fjarða > fjörð..., bjarnar, bjarna > björn) самостоятельно. Стало быть, трудность для него представят только случаи, где в основе содержатся чередования **i < jö**, **æ < á**, **æ < ó**. Обратим внимание на тот существенный факт, что формы с рассматриваемыми чередованиями не изолированные, а их по две-три. В принципе здесь возможны два лексикографических решения (ограничимся одним примером — существительным fjörður):

- (а) **firdi** Д ед., В мн. от fjörður;
firdir И мн. от fjörður;
(б) **fird-** см fjörður.

Второе решение, на наш взгляд, предпочтительнее по причине его компактности — без ущерба для интересов пользователя, поскольку, как сказано, информация о падежных окончаниях ему должна быть известна (иначе он вообще не сможет читать текст, и сведения о чередованиях в основах ему просто не нужны).

Такое решение и было использовано в БРНС-2008. Вот несколько примеров, уже приводившихся выше в другой связи:

пъ.. <пью, пьёт и т. д> наст. от пить;

шл.. I I. <шлю, шлешь, шлёт, шлём, шлёте, шлют> наст. от слать **2.** <шли, шлите> повел. от слать;

шл.. II <шла, шло, шли> прои. от идти.

Аналогичная подача целесообразна для словарей с входным немецким языком:

nimm(..) <nimm, nimmst, nimmt> см nehmen.

Особенно помогает пользователю такая подача в тех случаях, когда чередования имеют место в двух морфемах слова, например в русских глаголах с варьирующимися приставками (БРНС-2003):

расстел.. <расстелю, расстелит и т. д.> буд. от разостлать;

изотр.. <изотру, изотрёт и т. д.> буд. от истереть;

обобь.. <обобью, обобьёт и т. д.> буд. от обить;

разочт.. <разочту, разочтёт и т. д.> буд. от расчесть.

В общем, **границей нерегулярности мы предлагаем считать 30–50 случаев.**

Б. Синтагматическая характеристика — это информация о том, с какими грамматическими формами иных слов и с какими служебными сло-

вами сочетается данное слово или словосочетание и в какие грамматические структуры оно может входить. Иными словами, это — информация об управлении данного слова и его валентности (сочетаемости) по отношению к различным грамматическим структурам. Ср. БРНС-2008 (прописными курсивными буквами сокращенно обозначены русские падежи):

интересовать^{2a} *нсв* <св за-> *B* <...>; **~ся** *нсв* <св за-> *T* <...>;
поразмислить^{4a} *св над T, о П* <...>;
развод^{1a} *м* <...> **5.** (*расторжение брака*) <...> (*с T* — <...>);
контроль^{2a} *м* <...> **1.** (*проверка*) <...>; под **~ем** *P* <...>.

ИРС-1962:

skipta <...> **1.** *vi (D)* <...> **2.** *vi (við e-n)* <...>;
geta² <...> **II** <...> **1.** *vi* <...>; **~ til e-s** <...> **2.** *vi (G)* <...>.

Определенную экономию места дает следующий прием, примененный в нескольких русско-иноязычных словарях, в том числе и в БРНС-2008. Когда два эквивалента или более характеризуются одним и тем же управлением (требуют одного и того же предлога и/или падежа), то это управление указывается только после последнего из эквивалентов и предваряется одной (правой) фигурной скобкой, например (БРНС-2008):

жаловаться <...> *klage, beklåge seg*} *over* <...>.

В общем, современные двуязычные словари довольно последовательно показывают «правое» управление слова. Заслуживает обсуждения здесь лишь один принципиальный момент.

До сих пор в двуязычной лексикографии нет четкого взгляда на то, должен ли словарь в отношении показа управления быть полным или «дифференциальным». Имеется в виду следующее. Между грамматическими категориями и, главное, грамеммами (членами грамматической категории) данной пары языков есть наиболее частые, основные соответствия. Например, немецкому дат. падежу в русском чаще всего соответствует тоже дат. падеж. Естественно, что словари данной пары языков фиксируют (или, по крайней мере, должны фиксировать) случаи расхождения в этом моменте — когда немецкое слово управляет дат. падежом, а его русский эквивалент — иным, и наоборот (например, нем. *danke D für A* — *благодарить кого-л. за что-л.*; *stehlen D A* — *красть что-л. у кого-л.*). Однако когда и немецкое, и русское слово управляют дат. падежом (например, нем. *geben D A* — *дать D B*), словари такое управление не показывают, т. е. являются в обозначении управления «дифференциальными».

Подобный дифференциальный подход весьма характерен для показа предложного управления, как «правого», так и, особенно, «левого». Оста-

новимся поэтому на последнем. Для примера возьмем предлоги при названиях городов и их частей, а также некоторых областей в русском и норвежском языках.

В русском языке «левый» предлог при названии города, практически без исключения, — *в*, при названии части города (района и т. п.) — *в* или *на*, причем в последнем случае закономерности во многих случаях неясны, ср. *в Вологде, в Новгороде, во Владивостоке; в Озерках, в Купчине, в Автове, в Дачном, в Ульяновке, на Охте, на Пороховых, на Ржевке, на Удельной, на Ланской* и т. д. (Озерки, Купчино, Автово, Дачное, Ульяновка, Охта, Пороховые, Ржевка, Удельная, Ланская — районы Санкт-Петербурга). Сходное положение наблюдается и в норвежском, но с той существенной разницей, что при названиях сравнительно небольших неприморских городов и — как правило — частей городов употребляется предлог *på*, ср. *i Bergen, i Tromsø, i Fredrikstad, på Røros, på Rjukan, på Notodden, på Kongsberg; på Blindern, på Tøyen, på Romsås* (но *i Homannsbyen*) и т. д. Сходное положение с названиями областей: *в Поволжье, в Сибири, в Хибинах, на Валдае, на Урале* и т. д.; норв.: *i Trøndelag, i Jotunheimen, i Lofoten, på Toten, på Dovre, på Østlandet* и т. д.

В основной массе случаев русскому предлогу *в* соответствует норвежский предлог *i*, русскому предлогу *на* — норв. *på*, ср. *в Москве* — *i Moskva, в Бонне* — *i Bonn, на Кубе* — *på Cuba, на Кольском полуострове* — *på Kolahalvøya*. Разумно ли тратить массу места в словаре на сквозное указание таких пространственных предлогов при всех географических названиях? Думается, нет.

В то же время все отклонения от типового «левого» управления должны быть скрупулезно зафиксированы в двухязычном словаре. Приведем примеры такой регистрации (БНРС-2003):

Крым <...> Krim (*в П* — *på*);

Украина <...> Ukraina (*на П* — *i*);

Хёнефосс <...> Hønefoss (*в П* — *på*);

Довре <...> Dovre [...] (*в П* — *på*).

Попутно отметим одну существенную деталь, строго говоря, к синтагматической характеристике слова не относящуюся. Двухязычные словари довольно бессистемно регистрируют названия жителей городов и областей (патронимы), особенно в отношении жителей страны выходного языка. Между тем хорошо известно, что патронимы часто образованы по разным схемам и что «предугадать» их порой невозможно, ср. *Москва* — *москвич, Иваново* — *ивановец, Псков* — *псковитянин, Архангельск* — *архангелогородец* и т. д., норв. *Oslo* — *Oslo-mann, Bergen* — *bergenser, Tromsø* — *tromsøværing* и т. д. В статье о названиях городов и областей без труда можно добавить патронимы, ср. (БНРС-2003):

Трónхейм <...> житель ~a trøndheimer <...>;

Мосс <...> житель ~a mossing <...>;

Арендал <...> житель ~a arendalitt <...> и т. д.

Возвращаясь к проблеме «левых» предлогов при географических названиях, обратим внимание читателя на один существенный момент. Конечно, в большей части случаев такие предлоги по множеству языков совпадают (точнее, совпадают их основные эквиваленты), ср. в *Стокгольме*, нем., англ. in Stockholm, норв. i Stockholm, исл. í Stokkhólmi и т. д. Однако возможны и индивидуальные отклонения в конкретных языках, например, в *Испании* — нем. in Spanien, англ. in Spain, фр. en Espagne, но исл. á Spáni (вместо «ожидаемого» í Spáni). Этот момент требует от лексикографа повышенного внимания.

Разумным представляется здесь следующее решение. В словарных статьях, посвященных предлогам, в явной форме (например, полужирным шрифтом) **выделяется основной переводящий эквивалент** каждого предлога на выходном языке. Тем самым эксплицитно указывается на то, что в большинстве случаев данный предлог входного языка переводится на выходной язык таким-то предлогом (или иным способом, например таким-то местным падежом, как в финском). Все случаи, когда данный предлог переводится названным способом, в словаре специально не оговариваются. Но необходимым условием такой дифференциальной подачи является полная точность и последовательность в регистрации словарем всех случаев несовпадения предлога входного языка и его основного эквивалента в выходном. Такая подача применена в БНРС-2003:

på предлог <на> <...>.

Гораздо менее разработан в лексикографии более сложный вопрос — показ возможностей слова входить в различные синтаксические модели, без чего не может быть исчерпывающей грамматической характеристики слова. Синтаксические модели обладают различной степенью «открытости», т. е. лексической наполняемости. По-видимому, моделей, «полностью открытых», т. е. допускающих подстановку любого слова данной части речи, вообще не существует, но есть модели, допускающие подстановку очень большого числа (тысяч или десятков тысяч) слов одного ряда, и есть модели, наполняемые единичными словами. Для лексикографа особую важность имеют модели, обладающие высокой степенью «закрытости». Если модель уникальна, лексически невариабельна, она обычно попадает в поле зрения лексикографов и фиксируется в словарях (одноязычных и двуязычных). Если же модель допускает, к примеру, 30 различных подстановок, то лексикографы ее нередко не учитывают, полагая, что ее описание — компетенция грамматистов, а последние не учитывают

ее, считая, что грамматическое описание имеет своим объектом явления массовые, регулярные и что описание таких ограниченных лексико-грамматических структур — дело словаря. Таким образом, значительный массив языковых фактов выпадает из поля зрения как лексикографов, так и грамматистов, оказываясь на практике «ничей землей». В лучшем случае отдельные — случайные — примеры таких имеющих сравнительно широкую лексическую наполнимость моделей могут попадать в словари, но тогда они обычно подаются не как представители некоего класса, а как уникальные.

Примером такого участка «ничьей земли» может служить русская конструкция «личное имя (короля, князя и т. п.) либо титул + прилагательное, образованное с помощью суффикса *-ск-* от географического названия», например, *Александр Македонский, герцог Йоркский*. На норвежский язык они переводятся при помощи предлога *av*: *Aleksander av Makedonia, hertugen av York*. Сведений о переводе такой конструкции в русско-иноязычных словарях нет.

Вообще проблеме перевода грамматических конструкций двухязычные словари пока не уделяют должного внимания. Если грамматическая модель имеет какое-либо слово, присутствующее в ней при всех ее возможных модификациях, то весьма вероятно, что она будет зарегистрирована в словаре под этим словом. Так, например, русскую модель «дат. п. + (*бы*) + (*не*) + инфинитив», означающую пожелание, целесообразность (*Тебе бы отдохнуть; Ей бы поговорить с директором*), естественно поместить в словарь в статье *бы*, а модель «(*а*) + им. п. + *то* + прош. вр. глагола (*А я-то думал; (А) Лена-то ждала тебя к обеду*), выражающую то, что действие было неправильным, напрасным из-за недостаточной информации о ситуации у действующего лица, — в статью *то*. Однако имеется множество грамматических конструкций, обладающих более или менее широкой лексической наполнимостью, где все компоненты переменны, вследствие чего эти конструкции никак не могут быть привязаны к какому-либо конкретному слову и, следовательно, помещены в какую-либо словарную статью. В качестве примера можно привести русскую конструкцию «им. п. существительного + тв. п. того же существительного (+ *а*)», которая имеет несколько значений: а) обозначает сильную степень качества, полное соответствие (отрицательной) характеристике (*дурак дураком, свинья свиньей*); б) (в первой части) ‘как бы ни было важно..., но...’ (*Работа работой, а о здоровье тоже забывать не надо*); в) (во второй части предложения) ‘...еще важнее, ...совсем другое дело’ (...*а служба службой*). Способ перевода таких и множества аналогичных конструкций, как правило, не фиксируется ни в грамматическом очерке при словаре, ни в иных грамматических описаниях языка (кроме некоторых

пособий по сопоставительной/контрастивной грамматике). Обычно изучающий иностранный язык вынужден сам находить переводы подобных чисто грамматических конструкций, лишенных опорных слов. Вопрос об их включении в двуязычный словарь, насколько нам известно, даже не ставился, хотя едва ли следует доказывать, как полезно для изучающего язык иметь в одном месте и в обозримом виде все многообразие грамматических конструкций иностранного языка с апробированными переводами. Первым шагом в этом направлении, видимо, был краткий очерк «Основные морфологические соответствия русского и хауса языков» Ю. Г. Иорданиди в «Русско-хауса словаре» (М., 1967). Первый подробный очерк такого рода — наша «Передача русских грамматических категорий средствами норвежского языка» в РНС-1987.

§ 18. Членение слова на значения, или филиация.

В огромном числе случаев слово многозначно: по нашим наблюдениям, слово входного языка имеет в большом двуязычном словаре в среднем три значения. Смысловые структуры слов различных языков совпадают лишь в ограниченном количестве случаев. Поэтому весь объем всех значений слова входного языка покрывается иногда значительным количеством переводящих эквивалентов выходного языка словаря. Так, одно из значений русского слова *хвост* ‘задняя концевая часть тела животного, составляющая продолжение позвоночного столба от крестцовой кости’²¹ покрывается в исландском языке восемью (!) эквивалентами.

Рассмотрим другой пример. И русское слово *инфляция*, и его норвежский эквивалент *inflasjon* — оба употребляются как в исходном (экономическом) смысле, так и в переносном (‘обесценка от излишне частого употребления’).

Уместно задаться вопросом: следует ли из сказанного выше, что названное значение русского слова *хвост* распадается на значения ‘хвост у коровы’, ‘хвост у лошади’, ‘хвост у рыбы’, ‘хвост у птицы’ и т. д., а русское слово *инфляция* и его норвежский эквивалент *inflasjon* имеют одно значение? Конечно, нет.

Каждое слово в каждом конкретном языке обладает своей самостоятельной смысловой структурой (простой или сложной), независимо от того, каким количеством эквивалентов весь объем его значения может быть передан в каком-либо другом языке.

Из этого общеизвестного элементарного факта лексикографами, тем не менее, делаются принципиально различные практические выводы.

²¹ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965 (далее ССРЛЯ). Т. 17. С. 98.

1. Одни лексикографы считают, что слово должно в двухязычном словаре члениться на значения только в соответствии со своей смысловой структурой — независимо от того, каким количеством переводящих эквивалентов его значения передаются в выходном языке словаря. Иными словами, членение слова выходного языка, леммы, не зависит от языка, с которым проводится сравнение: смысловая структура слова должна в идеале быть одинаковой во всех двухязычных словарях с данным входным языком и совпадать со смысловой структурой этого слова в толковом словаре входного языка.

2. Другая категория лексикографов придерживается иной точки зрения: разграничение значений слова входного языка определяется количеством переводящих эквивалентов, т. е. слово имеет столько «переводных значений», скольким несинонимическим эквивалентам в переводящем языке оно соответствует.

Оба эти направления отчетливо представлены, например, в трудах лексикографов бывшей Чехословакии: представители пражской лексикографической школы выступали за независимость описания семантической структуры слова от переводных эквивалентов, тогда как братиславская лексикографическая школа отстаивала тот взгляд, что определяющим в вычленении значений слова является не его семантическая структура во входном языке, а эквивалент, или «переводное значение».

Предпочтительность первого подхода — членения значений леммы в соответствии с реальным количеством значений у нее — обосновывается нами в другой работе, где также критически анализируются аргументы приверженцев второго подхода²². Желающие ознакомиться с теоретической проблематикой вопроса отсылаются к этой работе.

Отдавая предпочтение членению значений леммы в соответствии с реальным количеством ее значений, необходимо, однако, иметь в виду, что само это «реальное количество значений» — также достаточно спорный вопрос. Внимательный анализ толковых словарей одного и того же языка и одного и того же объема нередко выявляет некоторые расхождения. Например, в слове *отдавать/отдать* словарь «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова²³ выделяет 10 значений и 6 оттенков, «Словарь русского языка»²⁴ — 7 значений и 10 оттенков, ССРЛЯ — 11 значений и 9 оттенков. Пожалуй, еще больший разноречивостью наблюдается в двухязычных словарях, что наглядно видно при сравнении разработки систе-

²² Берков В. П. Слово в двухязычном словаре. Таллинн, 1977. С. 51–55.

²³ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

²⁴ Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984; далее МАС.

мы значений этимологически тождественных слов родственных языков. Например:

«Українсько-російський словник» 1964²⁵:

розум <...> 1) ум, разум; (*способность логически мыслить, рассуждать*) рассудок; <...>;

«Белорусско-русский словарь» 1962²⁶:

розум <...> 1. ум, разум; 2. рассудок; <...>;

НиРС-1987:

helpen <...> помогать (...), способствовать;

ШРС-1985:

hjälp <...> помогать; <...>;

ДРС-1975:

hjälp <...> 1) помогать; <...> 2) способствовать, служить; приносить пользу; 3) уstra-
нять, поправлять; <...>;

«Deutsch-Russisches Wörterbuch» 1984²⁷, Bd 2:

helfen <...> помогать/-мочь <...>; <...>;

«Большой англо-русский словарь» 1977²⁸:

help II v I 1. помогать, оказывать помощь; <...> 2. способствовать, содействовать <...>
II A 1. обслуживать (*за столом*) <...> 2. облегчать (*боль, страдание и т. п.*) <...> II Б <...>.

(Здесь не обсуждается вопрос о том, что некоторые из этих словарей не дают всей требуемой информации.)

Разные подходы к разграничению значений встречаются нередко у одного и того же лексикографа и даже в одном и том же словаре. Часто это связано с явлением, которое можно назвать «величиной разброса» значений слова: чем больше «отстоят» друг от друга крайние значения слова, тем вероятнее, что значения, занимающие, так сказать, промежуточное положение между этими крайними значениями, будут трактоваться как более близкие друг к другу и эвентуально объединяться в одно как оттенки,

²⁵ Українсько-російський словник / За ред. В. С. Ільїна. Київ, 1964.

²⁶ Белорусско-русский словарь / Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962.

²⁷ Deutsch-Russisches Wörterbuch. Bd 1–3. Berlin, 1983–1984; далее DRW-1984.

²⁸ Большой англо-русский словарь: В 2 т. / Под общ. ред. И. Р. Гальперина. 2-е изд., стереотип. М., 1977; далее БАРС-1977.

и наоборот: чем меньше «разброс» между значениями, чем меньше они «отстоят» друг от друга, тем вероятнее, что они будут рассматриваться как самостоятельные.

Следует открыто признать, что объективных методов разграничения значений слова не существует. Нет четко сформулированных правил, руководствуясь которыми можно было бы в каждом конкретном случае безошибочно разбить слово на значения. Более того, едва ли такие правила вообще могут быть созданы. Некоторое время тому назад московским лингвистом профессором В. Г. Гаком, проанализировавшим лучшие образцы французской одноязычной лексикографии, была высказана идея о принципиальной множественности/равноценности лексикографических решений. С этой идеей нельзя не согласиться.

Именно поэтому многие добросовестные лексикографы — авторы двухязычных словарей, беря за основу членение слова на значения в толковом словаре, иногда модифицируют это членение, разбивая некоторые значения на два или, напротив, объединяя некоторые значения в одно. В конечном счете, решающим оказывается здесь чувство языка, интуиция, опыт и здравый смысл составителя. Однако такие случаи, в общем, нечасты: толковые словари в основной своей массе пишутся людьми достаточно высокой квалификации.

Очень важен вопрос о количестве ступеней в шкале членения значений. В СССР/России в основном принята следующая иерархия:

- разные значения леммы отмечаются полужирными арабскими цифрами с точкой;
- оттенки значения отделяются точкой с запятой;
- близкие значения разделяются запятой; например (БРНС-2008):

жѐсткий <...> **1.** (*твёрдый*) <...>; (*негнувшийся*) <...>; (*грубый на ощупь*) <...> **2.** *перен.* <...> (*суровый*); streng, stram (*строгий*) <...>.

(О подаче омонимов, а также групп значений, объединенных общим формальным признаком и/или семантической общностью, см. ниже.)

Разумеется, такая схема отнюдь не может считаться единственно верной. В практике двухязычной лексикографии применяются и более дифференцированные иерархии подачи значений полисемичного слова. Довольно детальная система представлена, например, в БАРС-1977, ср.:

grain I <...> **1.** 1) зерно; <...> 2) хлебные злаки; <...> 3) крупа; <...> **3.** 1) крупинка; песчинка; зѐрнышко; 2) *перен.* мельчайшая частица, крупица; <...> **6.** 1) строение, структура (*деревя и т. п.*), 2) *перен.* склонность; склад характера; <...>.

Еще сложнее разработана в этом словаре смысловая структура слов широкой семантики, например:

- let** II <...> I 1. 1) пускать; <...> 2) (into) впускать; <...> 3) (out, from) выпускать; <...>
 2. 1) сдавать внаём, в аренду; <...> 2) сдаваться внаём, в аренду; <...>
 II Б 1. 1) *to let smb. do smth.* разрешить, позволить кому-л. (сделать) что-л.; <...>
 III А как вспомогательный глагол в повелительном наклонении означает 1) приказание или разрешение и т. п. пусть; <...> 2) долженствование надо, пусть; <...>.

Принципы членения слова на значения в словаре и подача материала в определенной степени разнятся от страны к стране.

Это естественно, и в этом, собственно говоря, беды нет. Важно, однако, придерживаться в одном словаре одной определенной системы. Проиллюстрируем это важное положение на примере БНРС-2003.

В двух последних однотомных толковых словарях норвежского языка («Store norske ordbok»²⁹ и ВО-1993), кстати очень хороших, в области филиации принято следующее правило: примеры в этих словарях приводятся (курсивом) после дефиниции (определения) каждого оттенка (они даются прямым шрифтом), например (для краткости приводятся только русские переводы):

lekker <...> аппетитный, вкусный: *аппетитный бутерброд*; изысканный: *изысканная игра на фортепиано*; элегантный, приятный: *элегантное платье, приятная ванная комната* <...>

Такая подача не принята в российской двуязычной лексикографии, где сначала даются эквиваленты оттенков (естественно, с семантизацией), затем симметрично их последовательности приводятся иллюстрации к ним. Часть авторов БНРС-2003 сразу стала следовать российскому принципу подачи материала, но часть сначала копировала норвежский, что потребовало последующей унификации.

Выше говорилось о том, что в основу разработки системы значений и оттенков лемм в двуязычном словаре должна быть положена филиация в соответствующем толковом словаре (с эвентуальными модификациями). Вместе с тем абсолютизировать это правило нецелесообразно. Отступление от этого правила возможно и оправдано в двух случаях.

1. Смысловая структура слова входного языка полностью совпадает со смысловой структурой эквивалента. Ср. систему значений русского слова *солнце* и его норвежского эквивалента *sol* (трактовка в разных толковых словарях усреднена, несколько упрощена и сокращена; норвежские дефиниции даны для краткости только в русском переводе):

солнце 1. центральное тело Солнечной системы 2. свет, тепло, излучаемые этим телом 3. *перен.* о том, что является источником или основой жизни чего-л. прекрасного || о том,

²⁹ Store norske ordbok: Moderat bokmål og riksmål / Rd. T. Guttu. Oslo, 1991.

кто является предметом поклонения, любви || о том, кто прославился в какой-л. области искусства, науки, в области какой-л. важной деятельности 4. центральная планета других планетных систем;

sol 1. а) небесное тело, вокруг которого вращается Земля б) небесное тело, вокруг которого вращается какое-л. собрание планет, комет и метеоров 2. сияние, излучение свет и тепло солнца 3. *книжн., поэт.* лицо, которое превосходит других своей красотой или иными качествами либо является светлым, согревающим душу центром чьих-л. мыслей и чувств.

Отвлекаясь от второстепенных деталей (и тем более не останавливаясь на достоинствах и недостатках филиации и дефиниций, а также на логике порядка расположения значений в русских и норвежских словарях), отметим главное: смысловые структуры слов *солнце* и *sol* в основном совпадают. Такое соотношение — вещь не очень частая, но в языках одного культурного ареала отнюдь не исключительная.

В подобных случаях было бы педантизмом, а также неоправданной тратой драгоценного места в словаре разбивать слово на значения только для того, чтобы каждому из этих значений затем приписать один и тот же переводящий эквивалент (впрочем, такой подход в двухязычной лексикографии встречается). Здесь уместно использовать следующий прием: слово на значения не разбивается, а перед эквивалентом ставится помета *в разн. знач.* («в разных значениях»), естественно, на требуемом языке.

При использовании данной пометы следует соблюдать одно важное правило: она применяется **только в тех случаях, когда все значения слова входного языка передаются одним и тем же эквивалентом**. Настоятельно не рекомендуется встречающаяся иногда подача:

* 1. *в разн. знач.* <...> 2. (...) <...>

Часто используется особая разновидность этой пометы. Если и слово входного языка, и его эквивалент употребляются как в прямом, так и в переносном смысле (см. выше пример рус. *инфляция* — норв. *inflasjon*), вместо пометы *в разн. знач.* применяется помета *прям., перен.*

Даже при таких сокращенных филиациях (*в разн. знач.*; *прям., перен.*) требуется полная экзemplификация (приведение примеров) — такая же, как при обычной разработке слова с делением на значения. Порядок примеров также весьма важен. Их следует располагать в порядке значений в толковом словаре, который взят за основу: сам этот порядок и отбор дают представление о семантической структуре слова входного языка. Частая ошибка начинающих лексикографов — «перетасованное» расположение примеров, что было проиллюстрировано в § 12.

Сказанное, разумеется, не означает, что в переводах абсолютно всех словосочетаний (примеров) при сокращенных филиациях будет использо-

ваться только рекомендуемый переводящий эквивалент. Он, возможно, не будет использоваться в следующих случаях:

а) при переводе фразеологических единиц (далее ФЕ; о месте их в словарной статье см. ниже). Так, в статье *солнце* ФЕ *до солнца* переведена в БРНС-2008 как *før soloppgang, i otta*;

б) в случае возможного параллельного перевода с другим эквивалентом. Как сказано в § 12, в таких ситуациях поэлементный перевод можно не приводить, а давать только нерегулярный перевод, предваряемый пометой *также*.

2. Смысловая структура переводимого слова может воспроизводиться в двуязычном словаре не в полном объеме, если какие-то значения слова очень редки. Однако этого лучше избегать. Некоторые лексикографы придерживаются следующего правила: отсутствие какого-либо слова в словаре — меньшее зло для пользователя, нежели отсутствие какого-либо значения многозначного слова. Аргументация здесь такова: если пользователь не найдет искомого слова в словаре, он обратится к другому словарю (например, большому толковому словарю входного языка), но если он не найдет нужного ему значения, он не будет предупрежден о необходимости дальнейших поисков. Если же по каким-либо соображениям берется только одно значение многозначного слова, целесообразно дать его семантизацию (курсивом в скобках).

Важный вопрос — порядок расположения значений. Строго говоря, это компетенция составителей толковых словарей входного языка словаря. Поскольку, однако, иногда для ряда языков толковые словари либо еще не созданы, либо несовершенны (неполны, устарели и т. д.), задачу разработки смысловой структуры леммы порой приходится решать автору двуязычного словаря. Поэтому остановимся коротко на этой проблеме.

Возможны три основных принципа расположения значений слова в словаре (как двуязычном, так и толковом): исторический, частотный и «логический». Как подсказывают сами эти названия, в первом случае значения располагаются в хронологической последовательности их возникновения, во втором — от наиболее частых к наиболее редким, в третьем раскрывается логическая структура значений слова. Какой из них следует предпочесть в двуязычном словаре?

Как показывает анализ словарей, исторический порядок расположения значений последовательно проводится только в исторических словарях, создаваемых на основании обширнейших картотек, в которых фиксируются первые появления того или иного значения слова. Такие словари существуют лишь для нескольких языков мира (например, для русского языка такого словаря еще нет). Следовательно, в подавляющем большинстве случаев лексикограф — автор двуязычного словаря попросту не рас-

полагает информацией об исторической филиации (развитии значений) слова. Отметим попутно, что наличие письменного свидетельства об употреблении того или иного значения — критерий не стопроцентно надежный.

Как отмечалось выше (§ 2), лингвостатистика в настоящее время находится еще в таком состоянии, что даже информация о частоте того или иного слова в значительной степени ненадежна. Задача же установления частоты разных значений слова объективными методами пока даже не ставится. Поэтому расположение значений слова по частоте может осуществляться лексикографом только интуитивно.

Итак, какой же порядок расположения значений в двухязычном словаре следует предпочесть?

С точки зрения интересов пользователя предпочтителен порядок частотный. Однако отступления от него возможны и оправданы. Когда это возможно, надо показать пользователю логику структуры значений, их связь.

Некоторые общие рекомендации.

Сначала в словарной статье идут «обычные» значения литературного языка, т. е. значения стилистически нейтральные и не относящиеся к специальным областям науки, техники и т. д. Затем помещаются значения стилистически окрашенные: книжные, торжественные, поэтические, разговорные, просторечные и т. л. Далее следуют специальные термины. После них приводятся редкие или устарелые значения. Пример такой типовой статьи:

<...> 1. <...> 2. <...> 3. <...> 4. *книжн.* <...> 5. *техн.* <...> 6. *редк.* <...>.

Выше были рассмотрены важнейшие вопросы расположения отдельных значений многозначного слова. Обратимся теперь к проблеме места ФЕ в двухязычных словарях.

Наиболее распространена практика помещения ФЕ в конце словарной статьи за особым знаком. В СССР/России таким знаком традиционно является ромб (◊), например:

сорвать <...> ◊ ~ *кого-л.* с места <...>; ~ *голос* <...>; ~ **банк** <...>;
корк|а <...> ◊ *от ~и до ~и* <...>; **ругать** {бранить} *кого-л.* на все ~и <...>.

Ромб, помещенные за ним ФЕ, включая входящую в их состав тильду, желательнo набирать полужирным шрифтом. Исключение делается для переменной (варьируемой) части ФЕ, которую целесообразно набирать светлым шрифтом:

грызть <...> ◊ *его* **грызёт** *совесть* <...>.

Возможны, впрочем, и другие способы облегчения поиска пользователем ФЕ. Так, в БАРС-1977 ромбовая часть набирается светлым шрифтом, но выделяется абзацем:

batch <...>

◇ of the same ~ <...>.

Разумеется, вместо ромба могут использоваться другие знаки или обозначения (к примеру, словесные). Не имея возможности проиллюстрировать разнообразные приемы подачи ФЕ в лексикографической практике разных стран, ограничимся несколькими примерами.

«Robert. Collins. Dictionnaire Français-anglais Anglais-français»³⁰:

cat <...> 1 n (a) <...>

(b) = **cat-o'-nine-tails** <...>

(c) (*phrases*) **to let the ~ out of the bag** <...>.

«Cappelens store Engelsk-norsk ordbok»³¹, где блок ФЕ просто отделен от предыдущей части словарной статьи абзацем:

I cat <...> sb 1. <...> 8. <...>

let the ~ out of the bag <...>.

Преимущество ромба состоит, по нашему мнению, в том, что он наглядно отделяет ФЕ от другого материала и в лексикографической практике «не занят», т. е. не используется в каких-либо других целях.

Выделение ФЕ в отдельный блок, отделенный тем или иным способом от основной части статьи, принято в лексикографии далеко не всех стран или издательств. Во многих словарях ФЕ включаются в то или иное значение слова. Ср. SNT0-1979:

katt <...> (1) <...> **ikke en k-** <...> (= ‘ни одна собака’, букв. ‘ни одна кошка’, т. е. ‘никто’) <...>.

Так же и в NEO-1965.

Применяются в лексикографической практике и иные, компромиссные решения. Так, в большом немецко-английском словаре³² при небольшом количестве ФЕ при одной лемме они включаются в состав того или иного значения, при большом — выделяются в отдельный абзац, предваренный заголовком «*Besondere Redewendungen*» («особые обороты»):

Katze <...> 1. <...>; **die ~ aus dem Sack lassen** <...>

Finger <...> 1. <...> 4. <...>

Besondere Redewendungen:

sich (dat) et. an den (fünf) (od. an drei) ~n abzählen können <...>.

³⁰ Robert. Collins. Dictionnaire Français-anglais Anglais-français. Paris; London e. a., 1988.

³¹ Cappelens store Engelsk-norsk ordbok / Red. B. Berulfsen, H. Svenkerud; Rev. og utv. ved H. Svenkerud. 2. utg., 2. oplag. Oslo, 1988; далее CSENO-1988.

³² Langenscheidts Großwörterbuch der englischen und deutschen Sprache; “Der Kleine Murret-Sanders”: Deutsch-Englisch. 4. Aufl. Berlin; München e. a., 1988; далее LGEDS-1988.

Включение ФЕ в состав того или иного значения слова не может быть признано оптимальным решением. Связь между выделенным цифрой значением и ФЕ может ощущаться слабо или вообще отсутствовать (с современной точки зрения), и помещение идиоматического оборота в состав значения (обычно первого) — прием чисто механический. Так, если обратиться к приведенному выше примеру из SNT0-1979, то включение ФЕ *ikke en katt* ('ни одна собака') в значение 1 слова *katt* 'кошка' не оправдано семантическими соображениями.

Сказанное выше дает, как представляется, основание признать практику выделения ФЕ в особую часть в конце словарной статьи наиболее правильным подходом.

Следующая проблема в связи с ФЕ состоит в том, в какой последовательности их располагать в отведенной им части словарной статьи. Тот, кто много работал с двухязычными словарями, не мог не обратить внимания на то, что эта часть порой структурирована неудовлетворительно.

Причина этого состоит в том, что ФЕ с каким-либо опорным словом не представляют собой системы с четкой структурой. Поэтому вряд ли возможно дать рецепты, позволяющие единственно правильным способом расположить их. Можно лишь высказать некоторые общие рекомендации:

1) ФЕ целесообразно располагать по убывающей их употребительности (оцениваемой, как сказано выше, интуитивно);

2) связанные между собою в смысловом отношении ФЕ приводятся группами;

3) при большом количестве ФЕ для облегчения поиска их пользователем можно рекомендовать располагать их, руководствуясь определенными формальными признаками. Так, можно сначала дать ФЕ с существительными, затем с прилагательными, потом с глаголами и т. д. При наличии большого количества ФЕ с разными предлогами их можно располагать в алфавитном порядке предлогов.

ФЕ иногда имеет несколько значений. Их естественно разделить, но цифры или буквы желательно использовать другого шрифта, чем те, с помощью которых разделяются значения:

нога <...> ◇ <...>; **не чують** {чувствовать, слышать} **под собой ног** 1) (*быстро бежать*) <...>; 2) (*от усталости*) <...>; 3) (*от радости*) <...>.

Особо следует остановиться на проблеме крылатых слов. Как уже отмечалось, они, как правило, включаются в двухязычные словари в недостаточном объеме, их корпус должен быть много больше. В этом случае их целесообразно выделять из массива ФЕ, тем более что не все крылатые слова являются ФЕ в собственном смысле этого слова. В БРНС-2008 они помещены перед собственно ФЕ и предварены особым знаком — кружком (○), например:

полночь <...> О уж ~ близится, а Германа всё нет <...>;

слово <...> О в начале было ~о <...>;

афиша <...> О как на ~у коза <...>.

В БРНС-2008 указывается источник крылатого слова.

Если опорное слово употребляется только в составе данной ФЕ, то использование ромба (или другого знака с той же функцией) излишне:

предержащи|й *прл.* власти ~е <...>;

зги: ни ~ не видно <...>.

Иногда встречается ситуация, когда словосочетание выступает и как свободное, и как ФЕ, т. е. употребляется как в прямом смысле, так и в переносном. В этом случае возможны как минимум два решения:

1) сочетание приводится в той части статьи, к которой относится прямое значение, например в значении 3. Там оно снабжается под цифрой 1) — или буквой а) — переводом прямого значения и под цифрой 2) — или буквой б) — переводом переносного (с пометой *перен.*). При этом в заромбовой части оно повторяется, но вместо перевода делается отсылка см. 3;

2) прямое значение сочетания приводится в той части статьи, к которой оно относится, а переносное — за ромбом. При этом делаются взаимные отсылки. Ср. БАРС-1977:

grain <...> 7. <...>; against the ~ против древесного волокна [*см. тж.* ◇] <...>

◇ against the ~ против шерсти, против желания, не по нутру [*см. тж.* 7].

До сих пор мы рассматривали разделение на значения с чисто семантической точки зрения. Однако этого недостаточно, так как в определенных случаях оно должно сочетаться с грамматической филиацией. Это относится, в первую очередь, к предлогам, глаголам и к существительным, а также к приставкам.

Начнем с предлогов. В языках с развитой падежной системой некоторые предлоги могут управлять двумя и более падежами. Статья становится более обозримой и удобной для пользования, если значения предлогов сгруппированы по управляемым падежам, например:

под предлог ① + В <...> ② + Т <...>;

по предлог ① + Д <...> ② + В <...> ③ + П <...> ④ + Д; + Пуст. <...> ⑤ + Д, + В <...>.

В пределах каждой из выделенных таким образом групп, обозначенных цифрой в кружке, значения выделяются обычным способом — полужирными арабскими цифрами. Так, в БРНС-2008 в группе ① + Д выделено 14 значений.

Большие статьи, посвященные предлогам, для удобства поиска пользователем нужного значения можно разбивать на блоки значений; каждый блок при этом для лучшей обзорности образует абзац. Ср. БНРС-2003:

etter <...> II prep <за; после>

① **ved angivelse av sted** 1 (*bak*) за + T; <...> 2 (*i samme retning som, bortover*) по + Д; <...>

② **ved angivelse av tid** (*senere enn*) после + P; <...>

③ **ved angivelse av ulike abstrakte forhold** 1 (*om stilling, rang o.l.*) после + P; <...> 2 (*som følge av*) после + P, от + P; <...> 3 (*om målet for bevegelse, virksomhet*): lête ~ noe {nn} <...> 4 (*ved hjelp av*): henge ~ årmene <...>

[перевод: ① **при обозначении места** 1 (*позади*) <...> 2 (*в том же направлении, что и*) <...> ② **при обозначении времени** (*позднее, чем*) <...> ③ **при обозначении различных абстрактных отношений** 1 (*о положении, чине*) <...> 2 (*вследствие*) <...> 3 (*о цели движения, действий*) <...> 4 (*при помощи*) <...> и т. д.].

Подобный подход удобен и для многозначных глаголов, которые в части своих значений являются переходными, в части — непереходными, и т. д. Проиллюстрируем это на примере норвежского глагола *skjære*, основное значение которого ‘резать’. Поясним, что для норвежского, как и для ряда других германских языков, характерно сочетание глагола с приглагольной частицей в постпозиции (т. е. стоящей после глагола); такие сочетания удобно отделять от других частей статьи особым знаком (в СССР/России применяется знак □). Под цифрой 3 в кружке даны возвратные конструкции (*seg* — возвратное местоимение). Для удобства поиска пользователем целесообразно каждую такую группу начинать с абзаца:

skjære <...>

① vt 1 <...>

② vi 1 <...>

③ ~ **seg** 1 <...>

□ ~ **av** 1) <...>; ~ **bort** 1) <...>

○ <...>

◇ <...>

С существительными такая разработка статьи встречается реже, но в ряде случаев она тоже удобна, например:

повышение <...> ① **действие** 1. <...> ② (*высокое место*) <...>

Аналогичная подача может быть использована для приставок.

С вопросом разграничения значений тесно связан вопрос разграничения полисемии (многозначности) и омонимии. Этой проблеме посвящена колоссальная литература, но общепризнанного решения она не получила, если, конечно, оставить в стороне бесспорные случаи

исторических омонимов, т. е. слов, которые восходят к единицам разного звукового состава. По существу, если выйти за пределы общих формулировок, каждый исследователь решает конкретные вопросы, руководствуясь только своим ощущением «близости» или «удаленности» двух и более данных смыслов. Это можно проиллюстрировать примером трактовки как одного и того же слова одного языка (нем. Schlag) разными словарями, так и этимологически идентичного слова родственного языка (нид. slag):

- LGEDS-1988: выделено 16 значений с оттенками, фразеология особо не выделена. Слово трактуется как многозначное, т. е. омонимы не выделены;

- DRW-1984, Vd 3: выделено 13 значений с рядом оттенков и фразеологией за ромбом, не выделено ни одного омонима;

- «Немецко-русский словарь» 1958³³: выделено 5 (!) омонимов, первый из которых разделен на 5 значений, четвертый — на 3, пятый — на 2, второй и третий на значения не разбиты;

- НиРС-1987: выделено два омонима, в первом из которых разграничено 14 значений плюс идиоматика за ромбом, во втором — 6.

Положение значительно осложняется еще и тем, что даже значительная «удаленность» смыслов, взятая сама по себе, вне опыта данного языкового коллектива, не является доказательством того, что перед исследователем «разные слова», или омонимы, что эти смыслы «несовместимы в рамках одного слова». Смыслы 'ишак' и 'скорпион', выражаемые узбекским звуко-комплексом *эшак*, с точки зрения говорящих на русском языке не могут быть объединены в одном слове, и лексикограф, не знающий узбекского фольклора, будет склонен признать, что в узбекском языке есть омонимы *эшак* I и *эшак* II. Дело, однако, в том, что на обычное название скорпиона (*чаён*) у узбеков было наложено табу, и, напротив, существовало поверье, что, если скорпиона назвать *эшак*, он якобы не появится из укрытия. Таким образом, *эшак* в значении 'скорпион' является в узбекском языке эвфемизмом³⁴. Аналогично, значение 'медведь' у русского существительного *хозяин* не выделяется в особый омоним русскими лексикографами, поскольку им ясно, что это эвфемизм.

В то же время некоторые русские лексикографы и лексикологи считают, что смыслы 'дробь I' (для стрельбы) и 'дробь II' (барабанная) настолько удалены друг от друга, что слова эти следует толковать как омонимы. Между тем, с нашей точки зрения, «отстояние смыслов» между *дробь* I (для стрельбы) и *дробь* II (барабанная) меньше, чем между взятыми изо-

³³ Немецко-русский словарь / Под ред. А. А. Лепинга, Н. П. Страховой. М., 1958.

³⁴ Шарафутдинова К. А. Раскрытие значений слова в двуязычном словаре. Ташкент, 1968. С. 53.

лированно смыслами 'хозяин' (владелец) и 'медведь': оба смысла 'дробь I' и 'дробь II' имеют общий смысловой элемент 'множество мелких дискретных элементов' (свинцовых шариков, звуков), тогда как общую сему у слов 'хозяин' и 'медведь' выделить сложнее. Таким образом, сама по себе величина «отстояния смыслов», взятая вне «культурных контекстов» языкового коллектива, не может считаться надежным критерием для выделения омонимов.

Это особенно четко видно при рассмотрении языка, культура носителей которого существенно отличается от культуры языкового коллектива исследователя. В одном из языков такие различные с точки зрения европейца понятия, как 'яйцо', 'хлеб' и 'покойник', обозначаются одним звукокомплексом. Это связано с тем, что как хлебу, выпекаемому этим народом, так и телам покойников при погребении придается яйцевидная форма³⁵. Разделение такого слова на три омонима не учитывало бы семантической общности этих смыслов в сознании говорящих на этом языке.

Обратимся теперь к лексикографической проблематике омонимии.

Существует несколько пересекающихся классификаций омонимов. Останемся только на той из них, которая имеет непосредственное отношение к двухязычной лексикографии.

С точки зрения основания, по которому данные слова признаются омонимами, выделяются омонимы лексические, грамматические и лексико-грамматические.

Лексические омонимы — это слова, относящиеся к одной части речи, но никак не связанные своими лексическими значениями (ср., однако, сказанное выше). Классическим примером лексических омонимов в русском языке могут служить существительные *коса* I (сельскохозяйственное орудие), *коса* II (прическа) и *коса* III (вид мыса).

Грамматическими омонимами называются слова, связанные своими лексическими значениями, но либо а) относящиеся к разным частям речи, либо б) являющиеся разными формами одного и того же слова. В русском языке грамматическими омонимами являются: а) *печь* I (существительное) и *печь* II (глагол), б) *новой* I (род. п. ед. ч.), *новой* II (дат. п. ед. ч.), *новой* III (тв. п. ед. ч.), *новой* IV (предл. п. ед. ч.).

Наконец, встречаются, хотя и не так часто, лексико-грамматические омонимы, т. е. слова, и не связанные своими лексическими значениями, и относящиеся к разным частям речи, например рус. *рой* I (существительное) и *рой* II (повел. накл. от *рыть*).

Как явствует из сказанного выше, наибольшие расхождения среди лексикографов касаются лексических омонимов. Можно отметить, что в СССР/

³⁵ Ахманова О. С., Мельчук И. А., Падучева Е. В., Фрумкина Р. М. О точных методах исследования языка. М., 1961. С. 22.

России наблюдалось и отчасти наблюдается по сей день известное увлечение выделением омонимов, ср. приведенное выше деление немецкого существительного Schlag на 5 омонимов в изданном в СССР немецко-русском словаре и невыделение омонимов у этого существительного в немецко-русских словарях, изданных в Германии.

Существует несколько разных способов маркировки лексических омонимов. В СССР/России, как и в ряде других стран, омоним отмечается светлой римской цифрой после леммы:

Schlag I <...>

Schlag II <...>.

В некоторых странах римская цифра ставится перед леммой:

I Schlag <...>

II Schlag <...>.

Применяются, далее, подстрочные или надстрочные индексы:

Schlag¹ <...>

Schlag² <...>;

Schlag₁ <...>

Schlag₂ <...>

Из всех этих способов маркировки лексических омонимов наиболее предпочтительным представляется нам российский.

Лексико-грамматические омонимы обозначаются точно так же, как лексические, например (БНРС-2003):

простой I м (*вынужденное бездействие*) <...>

простой II прл 1 <...>.

Как лексико-грамматические омонимы фиксируются совпадающие основы разных слов, ср. (БНРС-2003):

шл.. I 1. <шлю, шлѐшь, шлѐт, шлѐм, шлѐте, шлют> *наст. вр. от* слать **2.** <шли, шлите> *повел. от* слать

шл.. II <шла, шло, шли> *прош. вр. от* идти.

Грамматические омонимы лексикографируются иначе. В практике советского/российского словарного дела их принято, во-первых, давать в одной статье и, во-вторых, отмечать полужирными римскими цифрами. Последнее делается для того, чтобы пользователю было легче ориентироваться в статье, особенно большой. Примеры:

просто I нарч 1. <...> **2.** <...> **II** *в знач. сказ.* <...> **III** *частица 1.* <...> **2.** <...> ◊ <...>;

максимум I м <...> **II нарч** <...>.

Встречаются у нас и иные способы презентации грамматических омонимов, однако вышеприведенный представляется наиболее удачным.

В заключение этого параграфа кратко остановимся на разделении слова на значения в некоторых особых типах словарей.

В словарях малого объема («карманных») филиация, естественно, менее дробная. Значения малочастотные обычно в такие словари не включаются.

В дифференциальных словарях в принципе возможны следующие основные случаи (в качестве примера взят норвежско-датский словарь³⁶):

1) данная лексема вообще отсутствует в выходном языке. В такой ситуации слово разрабатывается как в обычных словарях, т. е. разные значения его разделяются цифрами и т. д.:

И **orke** <...> 1. <...> 2. <...> 3. <...>;

2) лексема имеет во входном языке дополнительное значение или дополнительные значения по сравнению со значением или значениями той же лексемы в выходном языке. Здесь используется знак равенства и слово ‘также’:

ose <...> = da.; også: (fam., sl.) fare afsted [перевод: = датск.; также: (разг., сленг) нестись, мчаться].

§ 19. Семантизация.

В § 1 говорилось, что разбиение слова на значения непременно должно быть дополнено семантизацией — указанием на выделяемые значения и их оттенки, что особенно важно для активного пользователя словарем. Пример:

пузырь <...> 1. (мыльный и т. п.) <...> 2. (волдырь) <...> 3. анат. <...> 4. (резиновый мешок) <...> 5. разг. (малыш) <...>.

Семантизация дается сразу за цифрой, отграничивающей значение. В России ее принято набирать курсивом и помещать в скобки. Исключение составляют отраслевые пометы, используемые как средство семантизации (см. значение 3 в приведенном выше примере): они даются без скобок.

Функцию, сходную с семантизацией, выполняют уточнения к оттенкам значений эквивалентов, ср. БНПС-2003:

ощутимый, ощутительный прл 1. (чувствительный) kjenneling, følelig, merkbar; håndgripelig, til å ta og føle på (осязаемый) 2. (значительный) merkbar, påtakelig <←-tag->, synlig; følelig (о чём-л. неприятном).

³⁶ Christiansen H., Nielsen N. A. Norsk-dansk ordbog med nynorsk-dansk ordliste. 3. udg. København, 1987.

Семантизация, относящаяся к значению слова входного языка, ставится, таким образом, перед эквивалентом. Пояснения к эквиваленту или эквивалентам ставятся после них. Еще пример:

подостлать <...>; <...> (*солому и т. д.*).

Семантизация необходима также при лексических омонимах, например:

ложа I <...> *театр*. <...>

ложа II <...> (*масонская*)

ложа III <...> (*ружейная*) <...>.

При грамматических омонимах роль семантизации выполняют грамматические пометы:

пора I *ж* 1. (*время*) <...> II *в знач. сказ.* <...>.

Основные правила семантизации.

1. Семантизация, как правило, дается при каждом значении многозначного слова. Если в пределах значения выделяются оттенки, они также требуют семантизации.

В отдельных случаях, когда первое значение является бесспорно доминирующим, а второе низкочастотным, первое может (но не обязательно должно!) даваться без семантизации:

локоть <...> 1. <...> 2. (*старинная мера, ≈ 0,5 м*) <...>.

Если, однако, семантические структуры слов входного и выходного языков совпадают (что отмечается пометами типа *в разн. знач.* или *прям., перен.*), семантизация не нужна.

2. Семантизация дается на языке активного пользователя, например в русско-английском словаре — на русском, в немецко-русском — на немецком. Это понятно: пассивному пользователю (переводящему с иностранного языка на родной) эквивалент, как правило, сообщит значение слова, а активному (переводящему с родного языка на иностранный) — нет.

3. Семантизация, как уже говорилось, должна быть предельно краткой, ко при этом достаточной для идентификации значения пользователем.

4. Если слово в данном значении употребляется только с определенными другими словами, то семантизация не требуется:

слеп|ой II <...> 4.: ~ая *улица* <...>; ~ое *окно* <...>.

5. Семантизация необходима при слове с одним значением в тех случаях, когда не берутся другие (редкие) значения этого слова.

Применяется множество способов семантизации; ниже названы наиболее употребительные.

1. Дефиниция, т. е. словарное определение, или парафраза:

пар I <...> **1.** (вода в газообразном состоянии) <...> **2.** *мн* (испарения) <...>;
иконогас <...> **1.** <...> **2.** *шутл.* (множество орденов и медалей на груди) <...>;
карлик <...> **2.** *перен.* (о ничтожном человеке) <...>.

2. Синоним(ы):

положительно <...> **1.** (утвердительно) <...> **2.** (совершенно) <...>;
менять <...> **1.** <...> (обменивать) <...> **2.** <...> (разменивать) <...> **3.** <...> (переменять) <...>.

3. Указание на общий характер значения:

полоскание <...> **1.** (действие) <...>;
ягодник <...> **1.** (место) <...>;
краска <...> **1.** (вещество) <...>.

4. Определение — адъективное, субстантивное и др.:

шифр <...> **2.** (библиотечный) <...>;
котел <...> **1.** (для варки) <...>;
слёт <...> **1.** (птиц) <...>.

5. Дополнение (прямое, предложное и др.):

лить <...> **1.** *В* (жидкость) <...>;
разомкнуть <...> **1.** (контакт; ток) <...>;
ухаживать <...> **2.** (за женщиной) <...>;
ломка <...> **2.** (камня и т. п.) <...>.

6. Грамматическая помета (без скобок!):

который мест. **1.** *вопр.* <...> **2.** *относ.* <...>;
юность <...> **1.** *собр.* <...>;
котик <...> **1.** *уменьш.* <...>.

7. Отраслевая помета (без скобок!):

макулатура <...> **1.** *полигр.* <...>;
потерпевший <...> **III** <...> **1.** *юр.* <...>.

8. Стилистическая помета (без скобок!):

потоп <...> **2.** *разг., шутл.* <...>;
ложе <...> **1.** *уст.* <...>.

9. Помета *перен.* (= переносно, переносное значение — без скобок!):

макулатура <...> **2.** *перен.* <...>.

10. Указание на производителя действия:

лизать <...> (*тж о пламени и т. д.*) <...> (*о море и т. д. — тж*) <...>.

11. Указание на носителя признака:

немногословный <...> (*о человеке*) <...>;

немалый <...> (*о расстоянии, времени*).

12. Указание на грамматическую функцию:

ли <...> **II союз I.** (*вводит косвенный вопрос*) <...>.

13. Указание на исходную форму при производной:

облегчение <...> **I.** (*к облегчить I*) <...>.

Выбор способа семантизации в каждом конкретном случае диктуется целесообразностью: она, как уже говорилось, должна быть максимально компактна. Не следует, таким образом, во что бы то ни стало стремиться к тому, чтобы в пределах одной статьи использовался только один какой-либо способ, ср. уже приводившийся выше пример статьи *пузырь*. Для одного значения оправдана дефиниция, для другого — пояснение, при третьем может быть использована отраслевая помета (например, *астр.* или *хим.*).

Начинающими лексикографами в отношении семантизации нередко допускаются ошибки и неточности. Назовем наиболее часто встречающиеся.

1. Семантизация дается излишне подробной; часто механически полностью переписывается дефиниция из толкового словаря. Между тем, как сказано, у семантизации в двуязычном словаре задача иная, нежели у толкового словаря: она должна только указать пользователю на значение, а вовсе не обязательно точно определить его. Так, семантизация (часть суток) основного (первого) значения слова *день* вполне достаточна, тогда как дефиниция обязательно должна содержать смысл ‘светлый’.

2. Дается семантизация при словах с одним значением, хотя в этом случае она излишня: она не сообщает пользователю какой-либо информации, дополнительной к той, которую сообщает эквивалент. Исключение, как явствует из изложенного выше, представляют собою два случая:

а) когда семантизация служит для разграничения омонимов;

б) когда берется одно и не берутся другие (редкие) значения слова.

3. Частная, но досадная неточность: вместо дополнения (см. выше, п. 5) используется указание на производителя действия (см. выше, п. 10). Например, при глаголе со значением ‘потрошить’ дается неверное пояснение *(*о рыбе*) вместо правильного (*рыбу*).

§ 20. Эквиваленты.

Словарным эквивалентом, как сказано выше (§ 1), называют слово или словосочетание выходного языка словаря, которое автором/авторами словаря предлагается в качестве перевода единицы (слова или словосочетания) входного языка словаря. В идеале эквивалент должен передавать максимум информации, сообщаемой переводимым словом или словосочетанием. Однако в силу различных причин — как объективных, так и субъективных — это достигается далеко не во всех случаях.

Рассмотрим, какие виды информации может передавать слово, или, иначе, каковы элементы его содержательной структуры. (Говоря здесь для краткости о слове, мы имеем в виду лексему вообще, в том числе ФЕ.) При этом следует учитывать, что часть этих элементов информации есть у каждого слова, часть — лишь у некоторых.

Виды информации, которые может сообщать лексема (одно из ее значений), могут быть подразделены на две основные группы — информация знаковая и информация симптоматическая. Рассмотрим их порознь.

К знаковой информации относятся следующие ее виды: 1) лексическое значение, 2) грамматическое значение, 3) стилистическое значение, 4) оценочное значение, 5) культурный компонент значения слова.

Лексическое значение слова — основное его значение, это обозначение им различных элементов действительности — классов предметов, признаков, процессов, отношений и т. п.

Грамматическое значение складывается из принадлежности единицы к какому-либо грамматическому разряду (к части речи и éventуально к ее подклассу) и актуального грамматического значения, т. е. значения данной формы (числа, падежа, времени и т. п.).

Стилистическое значение — это содержащаяся в слове оценка ситуации общения. Например, употребляя слово высокого стиля, говорящий тем самым выражает свое отношение к ситуации общения как к торжественной, официальной; используя слово разговорное или просторечное — как к неофициальной, непринужденной, дружеской, либо, напротив, выражает свое негативное отношение к данной ситуации, и т. д.

Оценочное значение — в дополнение к лексическому! — выражение отношения говорящего к понятию. *Подручный* — это и ‘помощник’ и ‘плохой человек’, *сборище* — это ‘собрание, к которому говорящий относится с неодобрением’, *старец* — почтительное обозначение старого (и благообразного) человека и т. п.

Культурный компонент значения слова — это дополнительная к лексическому значению информация об особенностях и роли данного понятия в определенном языковом коллективе. Поскольку вопрос культурного компонента очень важен для двухязычной лексикографии, рассмотрим его

подробно. Однако прежде чем перейти к обсуждению теоретической стороны проблемы, приведем несколько примеров, поясняющих, о чем идет речь.

Кивание и покачивание головой у ряда балканских народов, например у болгар, имеет функцию, прямо противоположную русским киванию и покачиванию: первое у них означает ‘нет’, второе — ‘да’³⁷.

Береза в России — символ родной природы и родины вообще, тогда как соответствия этого слова в других языках (например, англ. birch, нем. Birke, норв. bjerk) этого дополнительного значения (созначения, или коннотации) лишены.

Русскому местоимению *ты* в норвежском соответствует местоимение *du*, но последнее употребляется несравненно шире: на «ты» обращаются друг к другу незнакомые на улице, покупатель и продавец, профессор и студент и т. д.

Произносить слово *faen* ‘черт’ в норвежском обществе столь же предосудительно, как в России употреблять нецензурные слова. Напротив, некоторые «грубые» слова более допустимы в «приличном» обществе в Норвегии, нежели их русские эквиваленты в России.

Знания о культуре (в самом широком смысле этого слова, включая материальную культуру и условия существования), или, как их еще называют, фоновые знания (англ. background knowledge), принято делить на три основные группы: знания о вербальном (т. е. словесном) поведении, знания о невербальном (т. е. несловесном) поведении и знания о страноведческих фактах.

Вербальное поведение — это речевой этикет, использование набора реплик-штампов, закрепленных за определенными ситуациями, например: *Попросите, пожалуйста, (к телефону)...*; *(Простите/извините,) Вы не скажете, как пройти к...;* *Вы на следующей выходите?;* *Ни пуха, ни пера;* *Кто там?;* *Заранее благодарю;* *Счастливо оставаться;* *Не сглазить бы* и т. п.

Многие элементы вербального поведения связаны с элементами невербального поведения, т. е. несловесного этикета, например: *С Новым годом;* *Примите мои соболезнования;* *С первым апреля* и т. п.

К невербальному поведению относят элементы этикета, жесты и некоторые движения, имеющие символическое значение.

Собственно страноведческие знания — это информация об истории, географии, этнографии, искусстве, литературе, фольклоре, религии и т. д. данного языкового коллектива. Эти знания отражены прежде всего в культурно-коннотированной лексике, часто в собственных именах: *боярская*

³⁷ Впрочем, есть некоторые различия между этими типами мимических движений, ср.: Якобсон Р. О. Да и нет в мимике // Язык и человек. М., 1970. С. 284–289.

дума, Иван Грозный, Смольный, Колыма, масленица, городки, Алёнушка, Плюшкин, домовый и т. д.

К элементам симптоматической информации относятся такие характеристики слова, из которых адресат сообщения может извлекать информацию, дополнительную по отношению к содержательной, знаковой, в том числе и информацию о говорящем/пишущем. К ним относятся частотная и региональная характеристики слова и его ассоциативные связи.

В принципе, каждое слово языка характеризуется некоей постоянной величиной — встречаемостью в речи, или частотой. Очевидно, что величина эта действительна лишь для определенного этапа в истории языка: язык с течением времени изменяется, и особенно подвержена изменениям лексика. Разумеется, очень важную роль в этом отношении играют экстралингвистические (внеязыковые) факторы, например развитие науки и техники. Так, слово *космос* до начала космической эры было весьма низкочастотным, равно как и слово *карбюратор* до широкого развития автомобилizма; в наши дни они употребляются во много раз чаще. Однако изменения частотных характеристик слов вызываются не только внеязыковыми факторами: лексема *нормальный* сейчас широко используется в русской разговорной речи (особенно среди молодежи) и успешно конкурирует с лексемами *хороший, неплохой*.

Наиболее частотны, разумеется, служебные слова: предлоги, союзы, частицы, артикли, вспомогательные глаголы, а также слова-заместители, прежде всего местоимения. Как правило, высокочастотные слова короткие (ср. 5 наиболее частых слов в русском: *в, и, не, на, я*).

Какую же информацию дает частотная характеристика слова? Следует различать: а) частоту слова, определяемую частотой понятия, и б) частоту слова, обозначающего достаточно высокочастотное понятие, обычно синонима употребительного слова. Примером случая (а) может служить низкочастотное слово *синьга*, примером случая (б) — слова *тороватый, ледащий*. Употребление низкочастотных слов группы (б) дает информацию о самом говорящем — о его владении языком, манере выразиться и т. д. Это — косвенная информация.

Региональная характеристика. Определенное количество лексем ограничено в своем употреблении частью территории страны, точнее — области распространения языка. Такие ареально ограниченные слова бывают двух видов: а) территориальные дублеты и б) собственно диалектизмы (§ 9). Использование регионализмов может определенным образом характеризовать говорящего.

Ассоциативные связи слова. Некоторая часть слов вызывает или может вызывать у большинства членов языкового коллектива определенные

ассоциации с другими словами или с устойчивыми словосочетаниями (в том числе крылатыми словами, пословицами, поговорками, клише и т. д.).

Как сказано выше, в идеале эквивалент должен передавать максимум информации, сообщаемой переводимой лексемой — словом или словосочетанием. Однако это возможно далеко не всегда.

Для каждого значения лексической единицы одного языка, в принципе, может быть подобран оптимальный перевод — либо «готовая» лексическая единица (имеющееся в этом языке слово или словосочетание), либо окказиональное (составленное на данный случай) словосочетание, при использовании которых потери информации, как бы велики они ни были, меньше, чем при прочих переводах. Здесь говорится о потерях информации потому, что в целом при переводе всегда происходит некоторая утрата информации³⁸, и поэтому полная эквивалентность словарного перевода возможна далеко не во всех случаях.

Достаточно часто у слова или значения слова или словосочетания входного языка нет «готового» соответствия в выходном языке. Такая лексика, как уже упоминалось в § 1, носит название *бездэквивалентной*. О ней говорится подробно в следующем параграфе.

После этого краткого теоретического введения обратимся к лексикографическим аспектам проблемы эквивалентов.

Выше был рассмотрен ряд видов информации, которые сообщаются словом или словосочетанием и которые лексикограф не может не учитывать при выборе оптимального переводящего эквивалента. Очевидно, что случаев, когда лексеме одного языка соответствует лексема другого языка, обладающая всеми теми же характеристиками, относительно немного, и автору словаря сплошь и рядом приходится решать задачу, какой информацией в данном конкретном случае целесообразно пожертвовать, а какую необходимо передать и каким образом.

Поэтому четких, конкретных инструкций по подбору эквивалентов, инструкций, пригодных для всех случаев, нет и быть не может. Подбор эквивалентов в работе над двуязычным словарем — это в значительной мере искусство, где очень многое определяется личными качествами лексикографа — его способностями, степенью владения обоими — входным и выходным — языками словаря, начитанностью, общей культурой, требовательностью к себе, самокритичностью и добросовестностью, в частности готовностью, не считаясь со временем, искать нужный оптимальный эквивалент. Можно добавить, что это — тяжелый и зачастую неблагодарный труд.

В значительной мере подбор эквивалентов для двуязычного словаря сродни, как уже говорилось, художественному переводу, который всегда

³⁸ Н а й д а Ю. А. Наука перевода // Вопросы языкознания. 1970. № 4. С. 4.

есть искусство и всегда будет искусством. Вместе с тем между художественным переводом и подбором эквивалентов есть принципиальное различие. Переводчик имеет дело с художественным текстом, который всегда уникален. Лексикограф же стремится отыскать типовое. Переводчик вправе, решая задачу максимально адекватной передачи данного конкретного текста, использовать эквивалент, который до него никем не употреблялся, не зарегистрирован ни одним двуязычным словарем и, возможно, никогда потом в этом значении не будет употреблен. Лексикограф такого права лишен.

Это различие в положении переводчика и лексикографа коренится в том, что они имеют дело с принципиально различными объектами, разницу между которыми впервые сформулировал выдающийся швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр.

Соссюр обосновал различие между речью, т. е. текстом, и языком, т. е. системой знаков и правил их комбинаций. Переводчик имеет дело с речью, лексикограф — с языком. Речь бесконечна, ибо количество комбинаций языковых единиц практически не имеет границ, язык — конечен. Даже если зарегистрировать все те русские эквиваленты английских слов и словосочетаний, которые уже употреблены в лучших переводах с английского на русский (что в принципе едва ли осуществимо), то и такой гипотетический англо-русский словарь отражал бы лишь только то, что уже сделано, и в новых переводах возникли бы новые, не учтенные таким словарем эквивалентные пары. Число задач, которые уже решены при переводах художественных текстов с одного языка на другой и которые предстоит решить в будущем, бесконечно, а словарь, каким бы полным он ни был, может предложить пользователю лишь конечное число решений. Специфические задачи перевода (например, необходимость компенсации чего-либо утрачиваемого в другой части перевода, ритмические и эвфонические соображения, стилистические моменты и т. п.) могут потребовать поисков иного эквивалента, чем предлагаемый словарем. Ряд моментов определяется и типом перевода. Например, точная передача смысла обязательна при переводе научного текста, но в известной мере от этой точности можно отойти при дубляже фильмов, где необходимо добиться зрительного сходства артикуляции актера, говорящего на другом языке. Тем не менее, **в идеале словарь должен сообщать пользователю, в том числе переводчику художественной литературы, эквивалент, который может быть непосредственно использован в тексте перевода.**

Подчеркнем, что речь здесь идет о недостаточности двуязычных словарей именно как источников эквивалентов для художественного перевода. Процесс художественного (да и всякого) перевода состоит, как известно, из двух этапов. Прежде всего переводчик должен уяснить себе перево-

димое, а затем выбрать соответствующие средства выражения на языке перевода. Если словарь в отдельных случаях не может наилучшим образом удовлетворить потребности второго этапа переводческой работы, то первую часть — понимание иноязычного текста — он должен обеспечить всегда (разумеется, здесь — как и всюду в данной работе, за исключением специально оговоренных случаев — речь идет о большом двуязычном словаре).

Отсюда для двуязычной лексикографии следует несколько принципиально важных выводов и требований.

1. Важно в явной (эксплицитной) форме, адекватно и полно **раскрыть смысловую структуру переводимого слова** (§ 18). При этом, как отмечалось, надо исходить не из переводящих эквивалентов, а из самой структуры слова во входном языке словаря.

Рассмотрим типичные ошибки, допускаемые лексикографами в этой области.

1. Наиболее частая ошибка состоит в неоправданном дроблении значения исходного слова. Языки обладают разными «уровнями специализации», в силу чего значение слова одного языка целиком может быть нередко передано только набором частичных эквивалентов. Классическим примером является рус. *рука*, объем первого значения которого в германских языках покрывается двумя словами, например нем. *Arm* и *Hand*. Однако это никак не является основанием для того, чтобы значение ‘каждая из двух верхних конечностей человека от плечевого сустава до кончиков пальцев’ (МАС, т. 3) представлялось в русско-немецком словаре как:

*1. (часть верхней конечности человека от плеча до запястья) <...> 2. (кисть) <...>.

Между тем это элементарное правило двуязычной лексикографии, как сказано, часто нарушается. Приведем пример.

Толковые словари норвежского языка выделяют 4–6 значений у слова *fin*, отмечая, естественно, в отдельных значениях оттенки. В НРС-1963 у этого слова выделено 15 (!) значений, в том числе такие, как ‘вкусный’ и ‘стройный’, хотя это — конечно, возможные частные реализации значения ‘хороший’ (*хороший/вкусный бутерброд, хорошая/стройная фигура*). С таким же успехом можно было бы выделить, к примеру, значения: 16) ‘благоустроенный’ (*хорошая/благоустроенная квартира*); 17) ‘благоприятный’ (*хорошие/благоприятные перспективы*); 18) ‘погожий’ (*хороший/погожий день*) и т. д., и т. п.

Нередки случаи, когда слово входного языка имеет одно не вполне ясное автору двуязычного словаря обобщенное значение, которое передается набором частичных эквивалентов. Ввиду известной отдаленности этих значений друг от друга лексикограф разделяет их цифрами как разные

значения, хотя они являются только частными реализациями одного общего значения. В тех случаях, когда сумма таких частичных эквивалентов не обладает наглядной общностью, необходимо объединительное толкование — прием, используемый в практике двухязычной лексикографии, к сожалению, очень редко. В неопубликованной рецензии на «Индонезийско-русский словарь»³⁹ А. К. Оглоблин приводит следующий пример: существительное *kendaraan* переведено как «1) вьючное животное; 2) транспорт, перевозочное средство», тогда как значение этого слова — ‘то, на чем едут или ездят’, например повозка, автобус, мифический птичеловек Гаруда и т. д. Другой пример, приводимый им же из указанного словаря: *pundjanga* «1) литератор; писатель; поэт; 2) ученый (*лингвист, филолог, философ*) вместо более общего перевода «гуманист, просветитель».

Понятно, как возникает подобное неоправданное дробление. В одноязычных словарях широко применяется перечисление частных значений как способ определения общего значения слова. Автор двухязычного словаря приписывает слову входного языка переводящие эквиваленты, которыми передаются эти частные значения, а затем, упуская из виду, что они — лишь частные реализации общего значения, разделяет их цифрами, исходя из своего восприятия «отстояния смысла» между ними. Приведем еще один пример этой нередкой лексикографической ошибки.

В НРС-1963 прилагательное *unnfallende* переведено как «1) слабый, вялый; 2) уступчивый, сговорчивый; 3) неустойчивый, непостоянный». В толковом словаре норвежского языка NRO-1983 слово *unnfallende* определяется следующим образом: ‘*svak, føyelig, eftergivende*’, т. е. букв. ‘слабый, податливый, уступчивый’ (одно значение!). Очевидно, что прилагательные, которыми определяется значение слова *unnfallende*, употреблены здесь именно как синонимы, т. е. каждое в данном узком значении, и лишены, естественно, в этом контексте всего того спектра значений, который свойствен каждому из них вообще, в полном объеме, например норв. *svak* ‘слабый’ имеет здесь, в частности, не значение ‘недостаточно сильный физически, вялый’, а лишь ‘не отличающийся сильным, волевым характером’.

Так возникает в словарях искусственная многозначность слова входного языка.

2. Другая ошибка, связанная с неверным членением слова входного языка на значения, противоречащим его смысловой структуре, и также довольно распространенная в двухязычной лексикографии, — доведенное *ad absurdum* деление слова на значения по переводным эквивалентам без учета многозначности последних. Особенно часто такой подход практику-

³⁹ Индонезийско-русский словарь / Сост. Р. Н. Коригодский, О. Н. Кондрашкин, А. С. Теселкин; Под ред. Сухадионо и А. С. Теселкина. М., 1961; далее ИнРС-1961.

ется при трактовке служебных слов, в частности предлогов. Так, в некоторых словарях у предлогов выделяется столько значений, сколькими переводными эквивалентами все эти различные значения могут быть переданы; при этом не обращается никакого внимания на то обстоятельство, что несколько самых разнородных значений этого предлога входного языка может быть передано в выходном языке одним и тем же эквивалентом. Пример из норвежско-немецкого словаря NTO-1951 (среднего объема):

om I prep. **1. um:** **gå rundt** — **byen** um die Stadt herum gehen; **bøye** — **hjørnet** um die Ecke biegen; <...>; **be** — **noe** um etw. bitten; <...>; **spille, vedde** — **noe** um etw. spielen, wetten; <...> **5. in:** — **natten** in der Nacht, nachts; **to ganger** — **uken** zweimal in der Woche, zweimal die Woche; — **8 dager** in acht Tagen; — **sommeren** im Sommer; — **vintere** im Winter; — **litt** in kurzem; <...>

[перевод: **1.** ходить по городу; завернуть за угол; просить о чём-л.; играть, спорить на что-л.; <...> **5.** ночью; два раза в неделю; через 8 дней; летом; зимой; вскоре; <...>].

Как явствует из примера, деление проведено в соответствии с «переводными эквивалентами», но отнюдь не в соответствии с «переводными значениями». Так, немецкий предлог *in* как соответствие норвежского предлога *om* имеет два совершенно разных значения: 1) ‘в течение, во время’ (*in der Nacht, im Sommer* и др.) с особым значением ‘на протяжении’ (*zweimal in der Woche*); 2) ‘через, по прошествии’ (*in acht Tagen, in kurzem*). Такая подача имеет два основных недостатка:

а) пользователь должен сам анализировать материал и определять значения слова входного языка, поскольку словарь не сообщает ему их в эксплицитном (явном) виде;

б) одно и то же значение переводимого слова оказывается разнесенным по разным «переводным значениям». Так, предлогу *om* в значении ‘в течение, во время’ (ср. выше *in der Nacht, im Sommer* и др.) в сочетаниях *om mandagen (tirsdagen* и т. д.) ‘по понедельникам (вторникам и т. д.)’, *om morgenen* ‘утром, по утрам’, *tre ganger om dagen* ‘три раза в день’ соответствует немецкий предлог *an* (*am Montag, am Morgen, dreimal am Tage*) или форма род. падежа (*Montags, des Morgens, dreimal des Tages*), а во втором из сочетаний — и наречная форма *morgens*, являющаяся застывшим род. падежом. Таким образом, совершенно однотипные значения (*om natten* — *om morgenen, om vinteren* — *om mandagen, tre ganger om uken* — *tre ganger om dagen*) искусственно разъединяются и трактуются так, что пользователь не получает о них целостного впечатления.

Эта лексикографическая ошибка приводит к перетасовыванию значений.

3. По существу, та же ошибка, но как бы с обратным знаком и в скрытом виде, наблюдается в очень многих словарях, где различные значения не разделяются и не семантизируются. Многочисленному переводимому сло-

ву приписывается многозначный переводящий эквивалент, и в явной форме не оговаривается, все ли — а если не все, то какие — значения передаются этим эквивалентом. Примеры из того же немецко-норвежского словаря:

spekulieren spekulere.

Оба слова — и немецкая лемма, и норвежский эквивалент — имеют два значения: 1) ‘размышлять, раздумывать (над чем-л.)’; 2) ‘спекулировать (чем-л.)’. Некоторые словари даже подают эти значения как омонимичные.

wirksam virksom.

Оба эти слова означают: 1) ‘действенный, эффективный’; 2) ‘деятельный, активный’.

grov grov; -e See høy sjø, svær sjø ‘непокойное море, волнение на море’.

Слова *grob*, *grov* (равно как и рус. *грубый*) имеют несколько значений.

Между тем этого неоговоренного склеивания значений можно было бы легко избежать, применяя там, где это оправданно, упомянутые выше пометы *в разн. знач.* или *прям., перен.*

2. Двухязычный словарь должен, как правило, предлагать пользователю не толкование, а переводящий эквивалент, который можно непосредственно использовать в тексте на выходном языке.

Это положение отнюдь не противоречит сказанному выше о безэквивалентной лексике: во многих таких случаях толкование — единственный способ полной и точной передачи значения переводимой лексемы. (О толковании в двухязычном словаре см. ниже.)

Анализ двухязычных словарей показывает, однако, что встречаются случаи, когда лексикограф предлагает толкование даже там, где вполне возможен эквивалент. В сущности, это означает, что труд по поиску эквивалента лексикограф возлагает на пользователя (что, в общем, не вполне порядочно). Причина этого чаще всего — недостаточно полное знание выходного языка или просто нежелание составить себе труд подыскать адекватный эквивалент (для чего требуется время, напряжение, консультации со специалистами и т. д.). Особенно это относится к переводу специальных терминов, когда лексикограф вместо поиска термина на выходном языке просто переводит дефиницию из толкового словаря входного языка. Примеры (НПС-1963):

mignonpære <...> миниатюрная лампа накаливания (*вытянутой формы для люстры*) [следует: миньон (*лампочка*)];

xantin <...> *текст.* нерастворимый растительный жёлтый пигмент [следует: ксантин];

irr <...> зелёный налёт на медных [латунных, бронзовых] предметах [следует: зелень, патина (*налёт на меди и т. п.*); о смешении перевода и пояснения см. ниже].

3. Нередкая неточность, встречаемая в двуязычных словарях, заключается в несоответствии объема (одного) значения слова входного языка объему значения предлагаемого эквивалента/эквивалентов. При этом возможны два случая:

1) объем значения входного слова шире объема значения эквивалента/эквивалентов ($A_{\text{вх}} > A'_{\text{вых}}$). В сущности, здесь речь идет о достаточно полном подборе частичных эквивалентов $A'(B, C \dots_{\text{вых}})$. Вопрос о частичных эквивалентах уже рассматривался выше. Подчеркнем только лишний раз, что здесь весьма важна семантизация и желательна экзemplификация, т. е. приведение примеров;

2) объем значения входного слова уже объема значения эквивалента ($A_{\text{вх}} > A'_{\text{вых}}$). Этот случай, в отличие от предыдущего, в гораздо меньшей степени привлекал к себе внимание теоретиков лексикографии, хотя в самых разных словарях можно найти множество примеров того, как без каких-либо уточняющих пояснений: а) слово со сравнительно узким значением переведено словом с более широким значением, б) слово однозначное переведено словом многозначным.

4. Информация о стилистической характеристике переводимого слова существенна и не должна быть утрачена при переводе. Поэтому подбираемый эквивалент должен стилистически максимально соответствовать переводимому слову. Лексеме высокого стиля подыскивается эквивалент высокого стиля, лексеме разговорной — разговорного, и даже «непристойные» слова следует переводить словами «непристойными».

Наличие или отсутствие в выходном языке словаря стилистически адекватного эквивалента для каждого конкретного слова входного языка определяется факторами, не поддающимися учету, т. е. может считаться случайным процессом. По этой причине автор двуязычного словаря может столкнуться с различными типами взаимоотношений стилистических характеристик переводимого и переводящего слова.

Таким образом, стилистические пометы имеют большое значение. Исключение делается для слов нейтрального стиля, переводимых словами нейтрального стиля: здесь в мировой лексикографической практике стилистические пометы не используются.

Строго говоря, при полной стилистической адекватности слов входного и выходного языка стилистическая помета избыточна: эквивалент сам по себе сообщает информацию о стилистической характеристике переводимого слова. Однако такая полная стилистическая эквивалентность встречается редко, к тому же нет резона делать исключения для немногочисленных случаев, нарушая тем самым системность.

Говоря об отражении стилистической характеристики переводимого слова, мы пока как бы исходили из того, что она четко определена для каждого слова. На деле положение, к сожалению, более сложное. Анализ толковых словарей (определение стилистической принадлежности слова — задача одноязычной лексикографии), например, русского языка показывает, что лексикографы нередко расходятся — и весьма существенно — в оценках стилистической характеристики слова. Дело здесь отчасти в неизбежном в этом отношении субъективизме, но также и в том, что стилистические координаты многих слов находятся между жестко заданными степенями. Кстати, заслуживает внимания опыт некоторых западных лексикографов, которые при стилистических пометах вводят уточнения типа *скорее, б. ч.* (= большей частью) и аналогичные.

Рассмотрим ситуации, с которыми сталкивается автор двухязычного словаря в области стилистической характеристики слова:

1) переводящий эквивалент имеет ту же стилистическую характеристику. Случай этот самый простой, и здесь достаточно только стилистической пометы (ср. сказанное выше);

2) стилистическая характеристика эквивалента уже стилистической характеристики переводимого слова. Требуется использование частичных стилистических эквивалентов; стилистические пометы ставятся после нейтральных. Примеры (для пары «русский — норвежский»):

вы 1. (в обращении к нескольким лицам) *dere; De [di:] торж. (теперь редко); 1 библи.; поэт., уст.* 2. <...>;

рано <...> *tidlig* <...>; *årle* поэт.;

3) стилистическая характеристика эквивалента шире стилистической характеристики переводимого слова. Стилистическая помета ставится после переводимого слова. Пример (снова для пары «русский — норвежский»):

око <...> *poet. øye -t, øyne;*

чадо <...> *foreld. el. spök. barn -et, = [перевод: уст. или шутл.]*.

В некоторых словарях при стилистическом неравенстве использован специальный знак, например *℞* в «Русско-шведском словаре»⁴⁰.

Рассмотрим ошибки в отношении стилистической характеристики слова, особенно часто встречающиеся в двухязычных словарях.

а. Лексема (слово или словосочетание), принадлежащая к какому-либо специфическому (не-нейтральному) стилю, передается эквивалентом

⁴⁰ Маслова-Лашанская С. С. и др. Русско-шведский словарь / Под ред. К. Давидссон. М., 1976; далее РШС-1976.

нейтрального стиля, снабженным — и то не всегда — стилистической пометой. Между тем очевидно, что слово не-нейтральное чаще всего должно быть передано в переводе тоже словом не-нейтральным. Приписать, скажем, разговорной лексеме нейтральный стилистически эквивалент и снабдить его пометой *разг.*, по существу, означает, что труд по отысканию стилистически адекватного эквивалента автор словаря возлагает на пользователя. В НРС-1963 разговорное выражение *det kan du ta gift på* переведено (без пометы) нейтральным (и несколько неточным) «за это можно поручиться головой», тогда как адекватным эквивалентом был бы «*разг.* уж будь уверен, как пить дать». Ср. также («Большой польско-русский словарь»⁴¹):

dup||а ж. *груб. прост.* 1. задница <...> ◇ **miec coś w ~ie** плевать на что-л. [более адекватно: 1. жопа <...> ◇ <...> срать {класть} на что-л.].

Встречается и такая подача: разговорная лексема переводится нейтральной, а стилистически адекватная стыдливо ставится на второе место, например (см. там же):

to inna para kaloszy *разг.* это другое дело (другой коленкор) [следует: это другой коленкор {другая музыка}].

Конечно, не всегда дело в теоретических установках автора словаря. Нередко приведение стилистически нейтрального эквивалента объясняется, видимо, тем, что автор словаря попросту не знает стилистически адекватного (НРС-1963):

vaskebrett <...> 1) стиральная доска; 2) накатанная волнами дорога [правильная подача значения 2: *разг.* стиральная доска, гребёнка (*о дороге*). Возможна также подача: **vaskebrett** <...> *прям., перен.* стиральная доска];

rokk I <...> 1) прялка; 2) *разг.* старый велосипед [следует: <...> 2) *разг.* драндулет (*велосипед*)].

Иногда стремление лексикографа избежать разговорного/просторечного эквивалента приводит и просто к искажению смысла, например (НРС-1963):

luta lei *разг.* пассивно относящийся к службе.

На деле это сугубо просторечное выражение (которое вообще неуместно в специальном словаре) означает 'к которому (все) обрыдло {осточертело, до смерти/до чертиков надоело}'.

Часть ошибок в рассматриваемой области объясняется свойственным многим лексикографам стремлением привести возможно большее число

⁴¹ Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. М.; Варшава, 1967; далее БПРС-1967.

эквивалентов, независимо от того, насколько они адекватны — как стилистически, так и семантически (подробнее об этом см. следующий раздел). Ср., например, «Русско-датский словарь»⁴²:

нормальный <...>; не совсем ~ ikke helt normal, småtossed [småtosset соответствует рус. прост. *придурковатый*];

срам <...> разг. skam -*ten*, skændsel -*en*, vanære -*n*, blamage -*n* [skændsel — слово книжное, соответствует рус. *позор*; vanære — также слово литературное, примерно соответствующее рус. *бесчестье*, blamage стилистически не эквивалентно рус. *срам*, ибо означает ‘поступок, ставящий кого-л. в нелепое, постыдное положение’].

б. Не учитывается весь стилистический спектр эквивалента. Ср. (НРС-1963):

ete <...> 1) есть (*о животных*); вульг. жрать <...> [на самом деле глагол ete в применении к людям употребляется также как библеизм, ср. Быт., 19, 1: I ditt ansikts sved skal du ete ditt brød <...>; в более новом переводе: Med svette i ansiktet skal du ete ditt brød <...> ‘В поте лица твоего будешь есть хлеб <...>’];

hær <...> 1) сухопутные войска, армия; войско; <...> 2) множество; <...> 3) стая; <...> [в переводе отсутствует эквивалент ‘воинство’ *высок., торж., библ.*, ср. Быт., 2, 1: Så blev himmelen og jorden med hele sin hær fullendt; в более новом переводе: Slik ble himmelen og jorden fullført med hele hær ‘Так совершены небо и земля и все воинство их’].

5. Переводная часть двухязычного словаря не должна быть перегружена синонимами.

В свое время, в начальный период переводной лексикографии, одному слову входного языка обычно приписывался один переводящий эквивалент. Сейчас существенный недостаток многих двухязычных словарей состоит как раз в избытке переводящих эквивалентов, словари перегружены синонимами, различия между которыми не оговорены. В отношении активного пользователя неправильность такого решения очевидна: если, например, русский пользователь русско-немецкого словаря не знает, как перевести на немецкий язык слово *осложнить*, то он тем более не почувствует различий между эквивалентами *verwickeln*, *komplizieren*, *kompliziert machen*, *erschweren*, предлагаемыми ему словарем. Однако и для пассивного пользователя обилие переводящих эквивалентов отнюдь не является благом и, как мы постараемся показать, в большом числе случаев принципиально не оправдано.

Общеизвестно, что полные синонимы — вещь в языке достаточно редкая. Между словами, входящими в какой-либо синонимический ряд, как правило, можно установить некоторые различия либо в значении, либо в

⁴² Русско-датский словарь / Сост. Н. И. Крымова, А. Я. Эмзина. 2-е изд. М., 1968.

сочетаемости, либо в стилистической окраске, либо в оценочной характеристике, либо по нескольким характеристикам сразу. В данной связи важно, что часто в каждой паре языков имеются свои параллельные синонимические ряды. Естественно поэтому попытаться установить соотносительность членов этих синонимических рядов в данной паре языков, при помощи тщательно подобранных переводов подчеркнуть различия между близкими по значению словами, отграничить их друг от друга, а не скрыть, затушевать эти различия. Напротив, существующая практика приведения возможно большего числа переводных эквивалентов приводит лишь к затемнению различий между синонимами входного языка словаря. Зачастую лексикографы, не мудрствуя лукаво, просто подбирают более или менее близкие синонимы к основному переводящему эквиваленту, т. е. действуют по принципу: раз нужно дать перевод *храбрый*, значит надо также добавить эквиваленты *смелый, отважный, бесстрашный, неустрашимый, мужественный* и т. д. Если слово входного языка означает 'диван', то лексикограф, ничтоже сумняшеся, дополняет это соответствие списком *оттоманка, кушетка, софа, канапе, тахта, козетка* и т. д.

Эту болезнь словарей можно назвать синонимитом.

Разумеется, всем понятно, что синонимические ряды какой-либо пары языков далеко не всегда бывают симметричными по отношению друг к другу и установить их, как говорят математики, одно-однозначное соответствие порой очень сложно. Лексикографы сплошь и рядом идут более простым и менее трудоемким путем: приписывают каждому из них множество переводящих эквивалентов, добавляя — из разных соображений — еще ряд просто близких по значению слов. Поэтому слово типа 'безупречный' переводится набором эквивалентов *безупречный, безукоризненный, идеальный, совершенный, образцовый, отменный, превосходный* и т. д.

Характерно, что при этом при близких по значению леммах одни и те же переводящие эквиваленты обычно располагаются в словарях в несколько разном порядке, что создает иллюзию фиксации словарями различий между словами-синонимами входного языка. На самом деле порядок этот очень часто случайный, ср. (РШС-1976):

безукоризненный oklanderlig, klanderfri; otadlig, tadelfri; oförviltig;

безупречный otadlig, tadelfri; oklanderlig, klanderfri; oförviltig.

Приведение большого числа переводов — путь более простой и, так сказать, более безопасный, чем отбор меньшего числа точных эквивалентов. Между тем установилось мнение, что чем больше словарь дает эквивалентов (близких, но не обязательно совпадающих по смыслу), тем он научнее, полнее, тем глубже разработана в нем каждая статья, и, напротив, чем меньше эквивалентов дано при каждой лемме, тем словарь будто бы

беднее, примитивнее, ненаучнее. В действительности дело обстоит, конечно, не так.

Обилие переводящих синонимов иногда стремятся оправдать интересами переводчика художественной литературы: мол, лучше предложить пользователю ряд эквивалентов, а он сам выберет подходящий для данного контекста. Такое рассуждение неверно. Задача двухязычного словаря — дать возможно точную информацию о значении лексемы входного языка средствами выходного языка. Обилие эквивалентов, не являющихся частичными или связанными, способно лишь размыть границы значения переводимой лексемы.

Злоупотребление переводящими эквивалентами проявляется также в двух типичных для двухязычной лексикографии неточностях.

1. Когда переводимое слово имеет несколько значений и переводящий эквивалент также обладает несколькими из этих значений, многие словари избегают повторять переводящий эквивалент. Так, если первое значение русского прилагательного *зелёный* ‘зелёного цвета’ обычно передается на выходном языке словаря соответствующим цветовым прилагательным, то значение ‘незрелый, неспелый’, которое в этом же выходном языке может (и должно!) быть передано тем же цветовым прилагательным, этим прилагательным не передается, а приводятся только соответствия со значением ‘незрелый, неспелый’. Конкретные примеры:

НРС-1963:

professor <...> 1) профессор; <...>; 2) *разг.* отличный специалист [разумеется, слово *professor* в русском языке имеет и переносное значение];

moment <...> 1) мгновение, миг, момент; 2) факт, обстоятельство; фактор; et vesentiig [viktig] — существенный [важный] факт; 3) основное положение (доклада); 4) *физ., тех.* момент [на деле, конечно, норвежскому слову *moment* во всех этих значениях соответствует русское слово *момент*: *В этот момент в дверь постучали; Положительный момент в этой ситуации...; Он пересказал нам основные моменты своего сообщения; момент инерции*];

romantiker <...> 1) романтик, мечтатель; 2) представитель романтизма (*в литературе, искусстве*);

БПРС-1967:

dup||a *ж. груб. прост.* 1. задница 2. (*niedolega*) недотёпа [как и значение 1 (см. выше), так и значение 2 полностью покрываются рус. прост. *жопа*, ср.: *Какую чашку разбил, жопа (с ручкой)!*].

Особенно большой ущерб такая лексикографическая практика наносит активному пользователю словаря: русский пользователь норвежско-русского словаря знает, что «представитель романтизма (*в литературе, искусстве*)»

может быть назван *романтиком*, и употребит это слово в переводе на родной язык, но норвежец будет смотреть в словаре слово *romantiker* именно в том случае, когда он не знает его русского эквивалента, и заключит, что передать значение норвежского *romantiker* по-русски можно только как «представитель романтизма (в литературе, искусстве)».

2. Весьма распространен в переводной лексикографии случай некорректного использования синонимов, когда к точному эквиваленту, имеющему, однако, и иные значения, прибавляются близкие по значению слова, указывающие, какое из значений первого эквивалента имеется в виду (т. е. выполняющие функцию семантизации), но сами по себе не являющиеся точным переводным эквивалентом (они — точный перевод другого слова): ДРС-1975:

let <...> 1) лёгкий, легковесный; <...> 2) лёгкий, слабый; <...> 3) лёгкий, нетрудный <...>.

Сказанное выше, разумеется, вовсе не имело целью призывать лексикографию к давно пройденному ею этапу, когда одно значение слова передавалось одним переводящим эквивалентом. Однако и нанизывание приблизительных синонимов к основному переводящему эквиваленту или основным переводящим эквивалентам тоже не способствует уяснению пользователем точного объема значения переводимого слова и, главное, не предлагает ему в явной форме оптимального перевода, создавая то, что по-французски называется *embarras de richesse* (затруднение из-за излишне богатого выбора).

Двуязычный словарь и узус. Даже говоря совершенно правильно с точки зрения фонетической, грамматической и лексической, иностранец порой допускает ошибки, связанные с узусом — принятыми в другом языке правилами употребления отдельных лексем, или — иначе — способами выражения некоторых понятий. Покажем это на примерах.

Русскому слову *километр* в норвежском полностью соответствует слово *kilometer*, так что *3 километра* совершенно точно переводится как *3 kilometer*. Однако в норвежской речи, особенно неофициальной, широко используется существительное *mil* в значении ‘10 километров’, так что, например, предложение *От моего дома до университета 10 километров* естественно перевести на норвежский как *Det er en mil fra mitt hjem til universitetet* (хотя, конечно, ...10 kilometer... ошибкой не является: просто в разговоре чаще принято выражать подобный смысл иначе).

Русская мера площади *гектар* адекватно передается норв. *hektar*, но мера эта в Норвегии употребляется редко: вместо нее используется другая — *dekar* (или менее официальная *mål*), составляющая $1/10$ гектара (1000 м²).

В России небольшое количество жидкости в быту измеряется в *граммах*, в Норвегии — в децилитрах (desiliter).

В русском обычно употребление инициала (инициалов) с фамилией (например, *Ф. (М.) Достоевский, А. (Д.) Сахаров*), в норвежском, как правило, имя пишется полностью (Fjodor Dostojevskij, Andrej Sakharov).

Подобных примеров можно привести множество.

Грань между узусом и нормой, конечно, условна. Спорно, относить ли употребление местоимения 2-го лица ед. числа 'ты/вы' к норме или узусу.

Так или иначе, двухязычный словарь должен уделять этим моментам надлежащее внимание. Некоторые примеры из БРНС-2008 (с небольшими уточнениями) на приведенные выше случаи:

километр^{1а} *m kilometer -en, = (NB в быту в Норвегии часто употр. 1 mil в значении 10 км); Петродворец находится в 30 ~ах от Петербурга Petrodvoretts ligger tre mil fra Petersburg; он работает в 5 ~ах от дома han jobber en halv mil fra sitt hjem; лыжник пробежал (дистанцию) 50 ~ов за 4 часа skiløperen løp {gikk} femmila på 4 timer;*

гектар^{1а} *m hektar -et, = (NB в Норвегии употр. мало, обычно используется мера dekar {mål} -et, =, что соответствует 1/10 га; т. обр., 5 ~ов следует переводить как 50 dekar {mål});*

грамм^{1а} *m gram -met, =; 100 ~ов {разг. 100 ~} 100 gram, 1 hektogram (о весе); 1 desiliter (об объёме жидкости); 150 ~ов молока 1,5 dl (= desiliter) melk <...>.*

§ 21. Передача безэквивалентной лексики. Толкования. Пояснения.

I. Двухязычный словарь — словарь переводной и потому должен, как уже неоднократно подчеркивалось, давать эквиваленты (переводы) единиц входного языка, а не их толкования или описания.

Однако в силу ряда причин это требование полностью выполнено быть не может, и хорошие современные двухязычные словари являются в значительной степени переводно-толковыми.

Главной из этих причин является *безэквивалентность* — положение, когда у слова или значения слова или словосочетания входного языка нет «готового» соответствия в выходном языке.

Следует различать два вида безэквивалентности.

1. Поскольку мир практически неисчерпаем, его элементы по-разному выделяются и объединяются в более крупные категории сознанием разных языковых коллективов. Это отражается языком: развиваясь стихийно, он не всегда последовательно и полно создает обозначения для всех элементов действительности. Показательный пример: в норвежском языке нет слова, соответствующего русскому слову *гарнир*, а в русском языке нет эквивалента норвежского слова *rålegg*, которым обозначается всё то, с чем делается бутерброд (колбаса, сыр, ветчина и т. д.), хотя гарниры в Норвегии — вещь самая естественная, равно как и бутерброды в России. В скан-

динавских языках есть обозначение для понятия ‘дети одних родителей (брат/братья и сестра/сестры)’, например норв. *søsken*, исл. *systkin* и т. д., не имеющее соответствия в восточнославянских языках. Во многих языках нет слов для понятий ‘брат’ и ‘сестра’, а есть только обозначения понятий ‘старший брат’, ‘младший брат’ и ‘старшая сестра’, ‘младшая сестра’, ср. удм. *сузэр* ‘младшая сестра’, *анай* ‘старшая сестра’. Подобные примеры можно приводить бесконечно.

2. Отсутствие у лексемы входного языка эквивалента в выходном языке может объясняться различиями в культуре (подчеркнем еще раз, в самом широком смысле слова) между данными языковыми коллективами. Если, скажем, в Нидерландах игра «городки» неизвестна, то, естественно, в нидерландском языке отсутствует эквивалент русского слова *городки*, и наоборот. поскольку в России не носили и не носят деревянных башмаков (во всяком случае, выдолбленных из цельного куска дерева), то в русском нет соответствия нидерландскому *klomp*. Хаусанцы едят блюдо под названием *dabmu*, приготовляемое на пару́ из муки с луком или листьями конопли, но в России оно не известно, и потому у этого слова языка хауса в русском нет эквивалента. Чем больше различия в культурах двух данных языковых коллективов, тем больше, разумеется, в каждом из них безэквивалентной лексики такого типа.

Самоочевидно, что говорить о безэквивалентной лексике можно относительно каких-либо двух конкретных языков или групп языков. Для пары «нидерландский — русский» слово *klomp* безэквивалентно, для пары «нидерландский — французский» — нет: ср. фр. *sabot* с тем же значением.

Одни элементы культуры одного народа имеют соответствия в культуре другого народа, другие — нет. Впрочем, соответствия часто относительны. Рус. *деревня* во многом отличается от англ. *village*, которая, в свою очередь, отличается от нем. *Dorf* и т. д., не говоря уже про деревни, например, в Мозамбике или в Бирме.

Для лексикографической практики весьма важна степень знакомства коллектива выходного языка словаря с элементами культуры коллектива входного языка словаря, не имеющими соответствий, которые далее будут называться безэквивалентными элементами культуры (БЭК).

БЭК различны с точки зрения их известности народу — носителю выходного языка словаря. Один полюс образуют элементы, хорошо известные практически каждому представителю коллектива выходного языка, другой — элементы, известные лишь ограниченному кругу специалистов. Между этими полюсами располагаются элементы, известные языковому коллективу в большей или меньшей, иногда в совсем малой степени.

Для двуязычной лексикографии существенно, что для многих БЭК в выходном языке словаря есть обозначения — алиенизмы (§ 11). Для зна-

чительной части БЭЖ входного языка в выходном языке «готовых» обозначений (алиенизмов) нет, и их значение раскрывается при помощи толкования — определения. Рассмотрим эти группы порознь.

1. Алиенизмы можно подразделить на два основных вида — транскрипционные эквиваленты (иностранные слова) и эквиваленты-кальки.

Как транскрипционные эквиваленты, так и эквиваленты-кальки весьма неоднородны, представляя собой две группы.

Первую из них составляют слова, вполне освоенные выходным языком словаря и используемые в текстах на нем без каких-либо пояснений или комментариев. К таким словам/словосочетаниям в русском языке относятся, например, *тори, кронпринц, эль, вендетта, кнессет, намаз, шит, харакири, магараджа, каяк, земля* ‘административная единица в ФРГ’; *орден Почётного легиона, Палата общин, Страна восходящего солнца, лорд — хранитель печати* (комбинация двух видов алиенизмов) и т. п.

Во вторую, весьма многочисленную, группу входят лексемы, с одной стороны, знакомые кругу хорошо образованных и основательно начитанных людей, но, с другой стороны, многим членам языкового коллектива либо не известные вовсе, либо известные приблизительно (они не могут дать более или менее верного их определения). Примером могут служить русские алиенизмы *ликтор, монтаньяры, луддиты, пол(ь)дер, гёзы, хадж, газават, «бессмертный»* ‘член Французской академии’, *Генеральные штаты, неприкасаемые, всадники* ‘сословие в Древнем Риме’ и др.

Четкой грани между первой и второй группами, разумеется, нет и быть не может: лексикограф, в общем, в состоянии лишь приблизительно определить, какие алиенизмы знакомы потенциальному пользователю словаря, а какие — нет. Спор, например, о том, знает ли средний русский пользователь иноязычно-русского словаря русские лексемы *конфедератка* и *гнилое местечко* и нуждаются эти алиенизмы в комментариях или нет, когда они приводятся в данном словаре как эквиваленты, будет бездоказательным. Кроме того, в силу определенных (к примеру, политических) причин алиенизм второй группы может стать широко известен и резко изменить свою частотность, ср. слово *моджахед*, постоянно встречающееся на страницах русской прессы в прошлом десятилетии. Точно так же алиенизмы этой группы могут забываться или попросту быть неизвестными молодому поколению; таковы в настоящее время некогда широко употреблявшиеся в русской прессе единицы *энозис* и *панчашилла*.

Характерно, что авторы словарей не всегда достаточно четко представляют себе уровень знаний пользователя в этом отношении. Так, в «Хауса-русском словаре»⁴³ существительное *masaki* переведено как ‘большая калебаса’, а существительное *alallafa* — как ‘мартингал’ без всяких пояс-

⁴³ Хауса-русский словарь / Под ред. Д. А. Ольдерогге. М., 1963; далее ХРС-1963.

нений: предполагается, видимо, что значение существительных *калебаса* и *мартингал* должно быть известно пользователю этого словаря, что едва ли верно. Ср. также:

ИТРС-1963:

ghibellino <...> *уст.* гибеллин;
duúmviro <...> *уст.* дуумвир⁴⁴;

БАРС-1977:

rotten <...> ◇ ~ *borough* *уст.* «гнилое местечко»⁴⁵.

Очевидно, что лексикографическая обработка алиенизмов каждой из этих групп должна быть различной.

Алиенизмы первой группы не нуждаются в комментариях и просто предлагаются в двуязычном словаре как эквиваленты.

Транскрипционные эквиваленты и эквиваленты-кальки второй группы следует снабжать пояснением (оно дается обычно курсивом и, как правило, в скобках). Пример (ДРС-1975):

folketing <...> фолькетинг (*до июня 1953 г. вторая палата ригсдага — парламента в Дании; с июня 1953 г. название парламента в Дании*).

Особо следует остановиться на многочисленных в словарной практике случаях использования редких ботанических и зоологических названий (не только алиенизмов!). Они употребляются как эквиваленты независимо от их частотности; при этом обязательно приводится также латинское название. Например:

ХРС-1963:

katsari <...> альбиция (*дерево, Albizzia Chevalleri*);
loda <...> *бот.* роджэрия (*Rogeria adenophylla*);

ИРС-1962:

laukasteinbrjótur <...> *бот.* камнеломка поникшая (*Saxifraga cernua*);
mýrafinnungur <...> *бот.* пухонос дернистый (*Scirpus caespitosus*).

⁴⁴ Ср.: «**duumvir** <...> дуумвир, член комиссии двух» (Д в о р е ц к и й И. Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976; далее ЛРС-1976).

⁴⁵ Ср.: «**rotten borough** (*Brit. hist.*) = = [liten, ubetydelig by el. kommune, som ofte eksisterte bare i navnet, men som fram til valgreformen i 1832 likevel hadde rett til å velge medlemmer til Parlamentet]» (CSENO-1988; знак «=» в данном случае означает, что словосочетание английского языка может быть употреблено в норвежском); [перевод: <...> = = 'небольшой, незначительный городок или муниципалитет, часто существовавший лишь номинально, но вплоть до избирательной реформы 1832 года тем не менее имевший право избирать депутатов парламента'].

Желателен, конечно, также страноведческий комментарий, о чем будет сказано ниже.

Разумеется, не для всех названий растений и животных в выходном языке есть «готовые» соответствия, особенно если растительный и животный миры двух данных стран существенно различаются. Выходом в подобных ситуациях является приведение общей характеристики объекта и латинского термина (с помощью последнего интересующийся может найти дополнительную информацию). Например («Суахили-русский словарь»⁴⁶):

kichoma mguu <...> 1) кустарник (*Bidens pilosa* и *Bidens leucantha*); 2) многолетняя трава (*Heteropogon contortus*).

Впрочем, встречается и менее строгая подача — при помощи транскрипции (см. ниже) и без латинского названия, — неоднократно представленная в этом же словаре:

nikwata <...> никвата (*небольшая ящерица, обитающая в домах*);

ng'amba <...> нгамба (*черепаха с ястребовидной головой*).

Применяются и иные способы раскрытия значения полных или измененных транскрипционных эквивалентов, например с помощью синонимов:

ИтРС-1963:

carabinière <...> карабинер, жандарм;

bersaglière <...> берсальер, стрелок;

trecènto <...> треченто, XIII век;

НиРС-1987:

mars III <...> маршевая почва, топь, низменная сырая местность;

ЛРС-1976:

triumvir <...> триумвир, член «тройки».

2. При отсутствии алиенизма, даже низкочастотного, применяется толкование значения переводимого слова (СРС-1961):

usare <...> 1) *этно.* обряд побратимства (*при к-ром братающиеся делают надрезы на коже и обмениваются каплями крови*);

kisarawanda <...> *этно.* белое покрывало (*к-рым покрывают постель новобрачных в первую брачную ночь*);

mwinglizi <...> *этно.* человек, который наследует жену умершего брата (*в силу обычаев левирата*);

⁴⁶ Суахили-русский словарь / Под ред. Д. А. Ольдерогге. М., 1961; далее СРС-1961.

ndonya <...> этн. 1) отверстие в верхней губе (*куда вставляется лёгкий деревянный диск*); 2) лёгкий деревянный диск, вставляемый в отверстие в верхней губе (*женское украшение*).

Об уместности в данных случаях пометы *этно.* (= этнография, этнографический термин) см. следующий параграф.

В некоторых словарях толкования переводимого слова предваряются — не вполне последовательно — транскрипцией последнего, как бы предлагаемой словарем в качестве эквивалента (два таких примера уже приводились выше). Эквивалентами такие транскрипции, конечно, считаться не могут, поскольку не входят даже в периферию словарного состава выходного языка. Примеры таких квазиэквивалентов в только что цитированном СРС-1961:

mbeleko <...> мбелёко (*кусок ткани, к-рым женщины привязывают ребёнка к спине или бедру во время ходьбы или работы*);

mkole I <...> мкóле (*дерево с маленькими красными съедобными плодами, волокнистое вещество к-рого используется для приготовления местного мыла и лекарства от дизентерии*);

kibla <...> 2) кибла (*направление к Мекке — сторона, к которой мусульмане обращаются лицом во время молитвы*);

mchoo <...> мчоо (*период обильных дождей в первой половине сезона юго-западного муссона кúси, соответствует июлю-августу*).

Ср. также ЛРС-1976:

trabea <...> 1) трабея, парадная одежда (*белый плащ с пурпурными полосами, который надевали римск. цари, консулы, а в торжественных случаях тж. всадники и авгуры; при императорах он был пурпурный*);

hordeia <...> гордея, род морской рыбы или моллюска;

ХРС-1963:

gwaisa <...> гвайса (*игра, напоминающая шашки*);

gwanso гвансо (*струнный музыкальный инструмент, напоминающий гитару*).

По сути дела, транскрипционные эквиваленты в таких случаях излишни: при необходимости (например, для использования их в художественном переводе в целях создания местного колорита или в качестве терминов в научном описании) они легко могут быть созданы пользователем словаря. Об их ненужности свидетельствуют бесчисленные случаи передачи БЭК в словарях только при помощи объяснения значения:

БАРС-1977:

dop <...> 2. бренди из виноградной кожуры;

fives <...> игра наподобие ручного мяча для двух или четырёх игроков;

ХРС-1963:

kuf <...> чётки из деревянных бусин;

gungunturi <...> женский пояс (из раковин каури, повязывается вокруг бёдер);

baka <...> плетёный лоток (для сластей, орехов);

«Абазинско-русский словарь»⁴⁷:

гвабанак *верхняя пастушья одежда из валяной грубой шерсти;*

щхъвашларпага *ремешки (для подвязывания задников мягкой обуви);*

льагIвйна *спальня новобрачных (имеющая отдельный ход, если она находится в об-
щем доме);*

«Удмуртско-русский словарь»⁴⁸:

сюлык *старинный женский головной убор.*

Несколько иначе обстоит дело с окказиональными, т. е. создаваемыми автором словаря, эквивалентами-кальками, поскольку они легче могут быть включены в текст на выходном языке (разумеется, с комментарием):

БАРС-1977:

pannierman <...> *ист.* «корзинщик» (*чиновник Лондонской адвокатской корпорации, доставляющий провизию*);

Cliveden set <...> *ист.* *кливденская клика (клика сторонников уступок Гитлеру);*

Flag Day <...> *амер.* «День флага» (*14 июня — национальный праздник США*);

ЛРС-1976:

Trismegistus <...> *Трижды великий, эпитет Гермеса-Меркурия в эллинистическом Египте.*

Однако если автору представляется целесообразным давать такие транскрипционные квазиэквиваленты, то их следует помещать в кавычки: тем самым активный пользователь предупреждается о том, что такого слова-алиенизма в выходном языке нет. Этот прием использован, хотя и непоследовательно, в некоторых словарях:

НРС-1963:

mæle I <...> «мэле» (*мера сыпучих тел = 15,5 л*);

ИРС-1962:

þjóðveldi <...> 2) *ист.* «тьюдвельди» (*период народовластия в Исландии 870–1262 гг.*).

⁴⁷ Абазинско-русский словарь / Под ред. В. Б. Тугова. М., 1967; далее АРС-1967.

⁴⁸ Удмуртско-русский словарь. М., 1948; далее УРС-1948.

Итак, наиболее распространены следующие типы переводов обозначений БЭЖ:

- 1) перевод при помощи готового (т. е. употребляемого в выходном языке) эквивалента — алиенизма (с факультативным пояснением);
- 2) перевод при помощи созданного автором словаря эквивалента (также с факультативным пояснением);
- 3) перевод при помощи описательного эквивалента/толкования (также с факультативным пояснением).

II. Основные случаи применения толкования.

1. Если значение лексемы входного языка может быть в полном объеме передано только суммой частичных эквивалентов, то последние следует предварить объединительным толкованием. Об этом говорилось в другой связи, см. § 20.

2. Толкование требуется в тех случаях, когда элемент культуры народа входного языка хоть и наличествует у народа выходного языка, но, в силу особенностей развития языка, не получил особого наименования (ср. приводившийся пример рус. *гарнир*, норв. *pålegg*). Ср. далее: рус. *поганка* — норв. *uspilelig eller giftig sopp* ‘несъедобный или ядовитый гриб’, хауса *gungama* — рус. *сильный и храбрый мужчина*, хауса *mado* — рус. *изнасилование девственницы*.

3. Толкование необходимо, когда словом обозначается такой элемент культуры народа входного языка, который отсутствует у народа выходного языка, неизвестен ему и поэтому не имеет обозначения на выходном языке.

III. Требования к толкованию в двуязычном словаре.

Проблеме словарного толкования вообще посвящена огромная литература. В логике принято семь основных правил определения понятия⁴⁹:

1) понятие определяется через ближайший род и видовое отличие (например, *Квантовая механика есть раздел физики, изучающий движение микрообъектов*);

2) определение должно быть соразмерным, т. е. объема определяемого понятия и понятия, посредством которого определяется искомое понятие, должны быть одинаковы, соответственны;

3) видовым отличием должен быть признак или группа признаков, свойственных только данному понятию и отсутствующих в других понятиях, относящихся к тому же роду;

4) определение не должно содержать круга, т. е. определяемое понятие не должно определяться посредством такого понятия, которое само становится ясным только посредством определяемого понятия (пример такой ошибки: *Идеалист — последователь идеалистических взглядов*);

⁴⁹ Ниже следует краткий пересказ соответствующей статьи в работе: Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М., 1975. С. 467–468.

- 5) определение не должно быть только отрицательным;
- 6) определение не должно быть логически противоречивым;
- 7) определение должно быть ясным, четким.

В литературе подчеркивается, что определение понятия не может охватить признаки предмета всесторонне и исчерпывающе, оно отображает лишь наиболее общие и отличительные свойства предмета или явления. Между тем для лексикографии признаки второстепенные в ряде случаев также весьма существенны.

Существует ряд приемов, к которым прибегают, когда надо дополнить определение; в настоящей связи для нас особый интерес представляют описание и характеристика.

После этого краткого общего введения остановимся на тех аспектах определения, которые связаны с лексикографированием безэквивалентной лексики в двухязычном словаре.

Характер толкования, естественно, определяется в значительной мере особенностями толкуемого понятия. Поскольку чаще всего лексикографу приходится давать описания реалий, т. е. элементов культуры другого языкового коллектива, рассмотрим их.

Словарное толкование, как правило, должно содержать два основных элемента: описание реалии и описание ее функции. В отдельных случаях описывается также ее символическое значение.

а. **Описание реалии.** Оно должно быть достаточно полным, т. е. учитывать важнейшие признаки описываемого класса объектов. Как раз в этом отношении экономить место в словаре не следует.

Рассмотрим конкретные примеры:

СРС-1961:

kanu <...> дикая кошка (вид *Boleogale puisa*).

Можно априорно утверждать, что для понимания ряда текстов на языке суахили этой информации будет недостаточно: пользователю не сообщается, каких размеров это животное, нападает ли оно на человека, используется ли его шкура, существует ли поверье, по которому встреча с этим животным предвещает беду или, напротив, удачу, и т. д. и т. п.

ИРС-1962:

draga <...>; ~ **sundur** сортировать овец по загонам в соответствии с их клеймами на ушах.

(О некорректности такого перевода с точки зрения смещения собственно перевода и пояснения см. ниже.) Пользователю словаря неясно ни то, почему овец надо сортировать по загонам, ни то, что это за загоны, ни то,

почему у овец на ушах клейма. На этом примере можно показать трудности, с которыми сталкивается лексикограф, дающий культурологический комментарий к лексемам. Дело в том, что в Исландии овец весной выгоняют в горы, где они пасутся без присмотра до осени. Каждый крестьянин (фермер) заранее особым образом клеймит своих овец — отрезает им часть уха (существует несколько десятков способов таких клеймений). Осенью все крестьяне округа под руководством «горного короля» (fjallkóngur) верхом отправляются в горы к сгоняют всех овец в общий для этого района загон, из которого овцы в соответствии с клеймами сортируются и перегоняются в небольшие загончики (по числу дворов), примыкающие к этому общему загону.

Вопрос о том, какие второстепенные признаки реалии должны быть отражены в толковании/пояснении в двуязычном словаре, достаточно сложен, и общего рецепта здесь, конечно, быть не может. С одной стороны, очевидно, что все признаки в двуязычном словаре никак отражены быть не могут, с другой — у нас фактически нет четких критериев, с помощью которых мы могли бы выделить из признаков реалии те, которые существенны, и те, которыми можно пренебречь, так что тут неизбежен известный субъективизм. Как сказано выше, сугубо логический подход при формулировании определения недостаточен, в частности потому, что при нем может оказаться неучтенным культурный компонент значения слова. Приведем несколько примеров.

В странах южного полушария, как известно, времена года календарно отличаются от времен года в северном полушарии. Например, в Аргентине или Мозамбике январь — летний месяц, а июль — зимний.

В России обедают большей частью в середине дня (ср. *закр. обед*; *обед с 13 до 14*) и ужинают вечером. В Норвегии у горожан дневная еда (на работе или на деловой встрече) называется lunsj ‘ленч’; обедают, как правило, дома после работы часа в четыре-пять, а гостей приглашают к обеду на семь-восемь часов вечера, ужинают в российском понимании вообще редко.

В Исландии песок (sandur) лавового происхождения и поэтому темно-коричневый или черный, а не светлый, как в большинстве стран. Со словом sandur по этой причине ассоциируется темный цвет.

Исландские лошади значительно меньше европейских и мохнатые.

Норвежские надгробные камни, как правило, относительно небольшого размера, достаточно скромные и, в общем, однотипные, независимо от состоятельности и/или заслуг умершего, чем они существенно отличаются от российских.

Здороваются и прощаются за руку в Норвегии значительно реже, чем в России; например, коллеги на работе жмут руку друг другу, когда давно

не виделись. Напротив, в Норвегии пожимают руку человеку, сделавшему тебе подарок, что в России распространено меньше. По-русски в конце письма можно написать *жму руку*, точный норвежский эквивалент в такой ситуации невозможен.

Следует ли подобные факты отражать в двухязычных словарях?

Можно возразить, что подобная информация — вообще не задача двухязычного словаря. Бесспорно, однако, что невозможно правильно понять многие иноязычные тексты, не обладая этими фоновыми знаниями (§ 20), и, следовательно, словарь в ряде случаев даст нам только возможность сделать словесный перевод, но не даст возможности понять смысл полученного таким образом текста. Ср.: «Слова не могут быть поняты правильно отдельно от выделенных феноменов культуры, символами которых они являются»⁵⁰. Поэтому ряд лексикографов выступает за то, чтобы двухязычный словарь также был краткой этнографически-культурной энциклопедией.

Учет в двухязычном словаре разнообразной культурной информации сопряжен со значительными трудностями, но они преодолимы. Конечно, двухязычный словарь не может включить в себя такую информацию с достаточной полнотой (как, например, специальный лингвострановедческий словарь), но очень многое может быть отражено. Приведем несколько примеров:

ИнРС-1961:

bemban 1) бембан (*вид кустарника, Donax arumdastrumhour, идущего на покрытие крыши и изготовление плетёных изделий*) <...>;

perawas перавас (*вид дерева, Litaea odorifera, из листьев которого готовят лекарство*);

«Кабардинско-русский словарь»⁵¹:

тхъусе нож (*с изогнутым лезвием для изготовления ложек*);

жещгъуэль человек, приглашаемый на ночлег (*обычно женщиной, испытывающей страх, оставшись одной в доме*).

Особого внимания заслуживает вопрос графических иллюстраций (рисунков) в двухязычных словарях. Доказывать их пользу нет необходимости: при описании некоторых характеристик предмета, прежде всего его вида, словесные формулировки оказываются либо слишком громоздкими, либо вообще недостаточными. Например, практически во всех русско-иноязычных словарях рус. *валенки* переводится как ‘сапоги из вой-

⁵⁰ N i d a E. A. Linguistics and ethnology // Word. 1945. Nr. 1–3. P. 207.

⁵¹ Кабардинско-русский словарь / Под общ. ред. Б. М. Карданова. М., 1957; далее КРС-1957.

лока', но представить себе их внешний вид по этому переводу нельзя. В работах по двуязычной лексикографии неоднократно ставился вопрос о целесообразности введения в словарь в нужных случаях рисунков, изображающих предмет, обозначаемый словом, однако используются они крайне редко. Между тем особых сложностей здесь нет. Полиграфическая сторона задачи значительно упрощается, если рисунки не вводить в корпус словаря (это действительно усложнит набор), а давать приложением в конце словаря (естественно, с отсылками к ним из корпуса). Несколько десятков рисунков едва ли намного удорожат словарь (особенно при современной полиграфической технике), но значительно повысят его ценность. Опыт такой имеется.

В качестве примера можно назвать большой исландско-датский словарь Сигфуса Блэндаля⁵², в приложении к которому дано несколько рисунков: исландской лодки и ее типов, клейм на овечьих ушах, исландской прялки, исландского ткацкого станка и тресковой головы (ее части — мускулы и кости — имеют в исландском языке несколько десятков названий, многие из них разные в различных диалектах). Рисунки помещены на четных страницах, их детали пронумерованы, а на нечетных страницах (напротив рисунков) под соответствующими номерами приведены названия.

Конечно, это только один из возможных типов рисунков в двуязычном словаре. Во многих случаях целесообразно дать изображение предмета.

Рисунки особенно важны для языков, культура говорящих на которых существенно отличается от культуры носителей выходного языка. К примеру, в хауса-русском (-английском, -немецком и т. д.) словаре был бы весьма полезен ряд рисунков — жилищ, утвари, одежды, некоторых животных и пр.

б. Описание функции реалии. Двуязычные словари часто не учитывают функции реалий. Несколько простых примеров.

Пользователь словаря должен знать, что *валенки* — не просто 'сапоги из войлока' и что их надевают в морозную погоду, но также и то, что в городах их теперь носят мало — только старые или больные люди. *Ватник* — рабочая или «демократическая» одежда, и пользователю нынешних русско-иноязычных словарей подтекст предложения *Молодой доцент Х. ходил в университет в ватнике и валенках* не будет понятен.

В Англии яхт-клуб — объединение владельцев яхт (т. е. весьма состоятельных людей), в России — обычное спортивное общество.

В России грибы собирают практически все, в Скандинавии — единицы (преимущественно интеллигенция: у сельского населения против них давнее стойкое предубеждение).

⁵² Blöndal S. Islandsk-dansk ordbog. Reykjavík, 1920–1924.

DRW-1984 переводит существительное Hackepeter как ‘рубленое свиное мясо, свиной фарш’, но пользователю не сообщается, что это блюдо, которым угощают почетного гостя; у русского пользователя перевод *Ego угостили (сырым) свиным фаршем* вызовет в лучшем случае недоумение.

В скандинавских странах портвейн (норв. portvin) — дорогое и часто даже изысканное вино, тогда как в России производится много очень дешевых (и скверных) сортов потвейна, и потому он излюбленный напиток русских алкоголиков.

Особенно важно то, что одинаковые реалии (предметы, действия) могут различаться своими функциями в двух данных языковых коллективах. Выше приводился пример того, как похожие жесты (кивание и покачивание головой) выполняют прямо противоположные функции у разных народов. Грузинский жест «подзывания» («иди сюда») внешне похож на русский жест «отгона» («уйди отсюда»).

Говоря о функции реалий, коснемся смежного вопроса, не связанного с реалиями, а именно — вербального поведения (§ 20). Словарями недостаточно учитываются функциональные соответствия репликштампов, закрепленных за определенными ситуациями.

По-русски на вопросы типа *Как поживаешь? (Как дела? и т. п.)* принято отвечать: *Ничего* (молодежь теперь часто отвечает: *Нормально*), тогда как в Норвегии обычным нейтральным ответом является *Vare bra*, букв. ‘только хорошо’.

Русскому обращению в письме *уважаемый* в ряде языков соответствует не словарный эквивалент, а слово со значением ‘дорогой’, употребление в норвежском письме точного эквивалента русского прилагательного *глубокоуважаемый* в подавляющем большинстве случаев будет воспринято как ирония или насмешка.

Функционально рус. *алло, да, слушаю (Вас)* и т. п. (реплике отвечающего на телефонный звонок) соответствует норвежское название фамилии отвечающего (эвентуально с именем и/или добавлением слова *værstågod* ‘пожалуйста’); таким образом, *алло (да, (я) слушаю Вас* и т. д.) ≈ например, (Per) Olsen (*værstågod*). В самое последнее время многие в такой ситуации используют имя (Per).

Норвежскому выражению *bank i bordet* букв. ‘постучи по столу’ отвечает рус. *не сглазь/не сглазить бы, плюнь через левое плечо, тьфу-тьфу (-тьфу)* и т. п.

Норвежской формуле *Ordet er fritt* букв. ‘Слово свободно’, употребляемой на собраниях, соответствует рус. *Кто хотел бы взять слово?, Прошу высказываться* и др.

Употребляемой во многих языках формуле ‘Простите/извините, вы не скажете, как пройти к...?’ во французском соответствует название нуж-

ного места с добавлением слова ‘пожалуйста’, произносимое с вопросительной интонацией: ..., s’il vous plaît? (например: Champs Elysées, s’il vous plaît?).

Символическое значение лексемы словари отражают еще менее последовательно. Например, НиРС-1987 (как, впрочем, и многие другие словари, изданные в России или в других странах), ничего не сообщает о символических значениях цветов, ср. статьи bruin ‘коричневый’, zwart ‘черный’, wit ‘белый’ и др. (Отметим, например, что у японцев белый цвет символизирует печаль, и траурные одежды у них белого цвета.) Ни русско-иноязычные, ни русские толковые словари не сообщают, что *фикус* и *герань* еще недавно считались атрибутами мещанского уюта. Одно и то же животное в разных языковых коллективах может символизировать разные качества и свойства. Так, бык (stut) в Норвегии символизирует глупость, ср. Nan er en premiestut, букв. ‘Он премированный бык’, т. е. ‘Он полный идиот’, а в России — силу, у ряда народов Африки заяц — символ мудрости, в европейских странах — трусости.

**Словари непременно должны отражать и функциональные соот-
ветствия, и символическое значение лексем.**

**в. Типичные ошибки и неточности, допускаемые в толкованиях в
двуязычных словарях.** Выше были рассмотрены требования, предъявляемые к логически правильным определениям. Анализ словарей показывает, что требования эти нередко не выполняются. Не ставя перед собой задачу проиллюстрировать нарушение каждого из семи правил определения понятия, отметим основные, наиболее частые недостатки.

1. Определения недостаточны, так как не включают в себя существенных признаков понятия:

БАРС-1977:

flaggelant <...> *церк. ист.* флагеллант (член секты 13 века).

Пользователю неясно, что это за секта и в чем заключались ее характерные черты.

НРС-1963:

birkebe(i)n(er) <...> биркебейнер (участник восстания 1174 г. в Норвегии);

bagler <...> *ист.* сторонник группы Николаса Арнесона (эпохи гражданской войны в Норвегии XII–XIII вв.).

Не сказано, за что выступали биркебейнеры и за что выступали баглеры, не указано, что биркебейнеры и баглеры были в этом конфликте враждующими сторонами. Кроме того, русскому пользователю едва ли известно, кто такой Николас Арнесон. (Отметим попутно, что во второй статье есть помета *ист.*, в первой она отсутствует.)

Довольно распространена в двухязычных словарях ошибка следующего рода. Эквивалентом слога входного языка берется этимологически родственное слово выходного языка без каких-либо комментариев, которые разъясняли бы различия в значении. В НРС-1963 слово *gymnasium* переведено безо всяких пояснений как *гимназия*, хотя в этом норвежском трехклассном учебном заведении (теперь вместо *gymnas(ium)* используется другое обозначение — *videregående skole*) учились после окончания девятилетней обязательной школы; есть и еще ряд различий между российской гимназией и норв. *gymnas(ium)*.

2. Определения не включают в себя дифференциального признака понятия, отличающего его от других (НиРС-1987):

geus <...> *ист. гёз (участник Нидерландской революции XVI в.).*

Определение недостаточно, так как оно приложимо и к противникам гёзов, также участвовавших в Нидерландской революции XVI в., но на противоположной стороне, — к сторонникам испанского правительства.

3. Не различаются общепринятые эквиваленты-алиенизмы и квазиэквиваленты — транскрипции переводимого слова, без комментария пользователю непонятные. Примеры приводились выше.

4. Существенной ошибкой многих словарей является смешение эквивалента (слова или словосочетания), предлагаемого в качестве перевода, и пояснения.

Рассмотрим некоторые примеры.

ХРС-1963:

baraya <...> обряд поминовения у хауса-язычников.

Очевидно, что часть определения «у хауса-язычников» — пояснение и в эвентуальный перевод как таковое не войдет.

Аналогичную ошибку допустил и автор этой книги в ИРС-1962 (пример приводился выше в другой связи):

draga <...>; ~ **sundur** сортировать овец по загонам в соответствии с их клеймами на ушах.

Ясно, что части словарной дефиниции «овец» и «в соответствии с их клеймами на ушах» непосредственно в перевод текста включаться не будут.

НРС-1963:

stavkirke <...> старинная деревянная церковь своеобразной архитектуры (*в Норвегии XI–XV вв.*)

Очевидно, что, предлагая такие «эквиваленты», авторы словарей полагаются на интуицию пользователя и надеются, что, например, переводя

норвежское словосочетание *de gamle stavkirkers arkitektur* ‘архитектура старинных деревянных церквей’, пользователь не будет дважды использовать слова *старинная* и *архитектура*.

Особенно частым неразличение переводной (эквивалентной) и поясняющей (метаязыковой) частей в словаре бывает при указании объекта действия, обозначаемого глаголом или отглагольным существительным. Ср. выше пример *draga sundur*: реально в тексте, конечно, может встретиться *draga sundur fê* (*kindur* и т. п.), где *fê* (*kindur*) — ‘овцы’. Далее (НРС-1963):

gane II <...> потрошить сельдь, чистить селедку [следует: потрошить, чистить (*сельдь*); ср. цитату из Александра Хьелланна «...som skulle gane silden» ‘...которые должны были потрошить селедку’];

boning <...> натирка полов [ср. *boning av gulv*, где *guiv* — ‘пол(ы)’].

Нельзя сказать, что шрифтовое разграничение эквивалентов и пояснений — новое требование к двуязычной лексикографии, но, как явствует из примеров, на этот момент часто не обращается достаточное внимание.

Вместе с тем, видимо, нельзя предъявлять и излишне жестких требований к эквиваленту с точки зрения его возможности быть примененным в любом контексте. Японское слово *кая* первый раз в тексте может быть переведено как *сетчатый полог для защиты от москитов*, а затем в этом же тексте только как *полог* (пример Н. И. Фельдман). Возможны и более постепенные сокращения текста.

5. Неоправданной представляется практика комментирования эквивалентов, адекватно передающих значение переводимого слова и обладающих примерно такой же частотностью. Толкование таких слов не входит в задачу двуязычного словаря. В приводимых ниже примерах (НРС-1963) часть, набранная курсивом в скобках, не должна была быть включена в статью:

bernardinerhund <...> сенбернар (*порода длинношерстных собак*);

crawl <...> спорт. кроль (*стиль плавания*);

canotier <...> канотье (*головной убор*);

bergguitt <...> охра (*минеральная краска желтого или красного цвета*);

poker <...> покер (*азартная карточная игра*);

roquefort <...> рокфор (*сорт сыра*) и др.

§ 22. Пометы.

Как отмечалось в § 1, пометой называют слово — реже словосочетание, — которое большей частью приводится в сокращенной или условной (символической) записи и которое дает определенную характеристику: а) слову или словочетанию входного языка либо их значениям, б) его

переводящему эквиваленту, в) отношении между переводимой и переводящей единицами словаря. Примеры (для простоты в группах (а) и (б) приведены преимущественно стилистические пометы):

- а) **чаяние** *книжн.*;
свершение *высок.*;
кручина *нар.-поэт.*;
ледышка *разг.*;
толкануть *прост.*;
рюхи *обл.*;
сука <...> **2.** *бран.*;
Сева *дериват от <...>*;
как только, так сразу *разг., шутил.*;
откинуть копыта {сандалии} *сленг.*;
жевать {пережёвывать} жвачку *прям., перен.*;
- б) **склонность** <...> *hang неодобр.*;
промазать <...> *skødde (в футболе — прост.)*;
склероз <...> *sklerose спец.*;
- в) **отлично** <...> **IV** <...> \approx *соотв.* <...>;
хахаль <...> \approx <...>.

В России, как и во многих других странах, пометы принято давать курсивом и без скобок.

Иногда используются пометы-символы: например, миниатюрное изображение якоря означает ‘относящийся к морскому делу’, изображение весов — ‘относящийся к юриспруденции’, изображение ноты — ‘относящийся к музыке’ и т. п.

При всей своей условности пометы должны быть максимально понятны и недвусмысленны, требуя минимального обращения к списку помет (сокращений и условных знаков), применяемых в словаре.

Введение помет в лексикографическую практику было в свое время большим шагом вперед и сыграло важнейшую роль в развитии словарного дела. Современный словарь немислим без обширного набора разнообразных помет, порой насчитывающего несколько десятков.

Многообразие помет может быть сведено к следующим группам:

- 1) грамматические;
- 2) стилистические;
- 3) оценочные;
- 4) частотные;
- 5) ареальные;
- 6) отраслевые;
- 7) степени соответствия эквивалента;

8) степени охвата значений;

9) отсылочные.

Некоторые из этих помет рассматривались по ходу изложения выше. Так, в разделе о грамматической характеристике слова был рассмотрен ряд грамматических помет, в параграфе о стилистической характеристике слова — некоторые стилистические пометы; затрагивался вопрос об отсылочных пометах и т. д. В данном параграфе мы остановимся на вопросах, не получивших в предшествующем изложении освещения или требующих дальнейшего уточнения.

1. В области употребления стилистических помет следует различать: а) собственно стилистические пометы, б) пометы, характеризующие степень «серьезности», и в) пометы, характеризующие степень «грубости». К первым относятся пометы типа *книжн., разг., нар.-поэт.* (= народно-поэтическое) и аналогичные, ко вторым — *шутл., ирон.* и т. п., к третьим — *груб., вульг., табу.*

В области собственно стилистических помет автор двуязычного словаря в основном полагается на данные толкового словаря входного языка (естественно, когда такой словарь существует), порой корректируя эти данные. Дело в том, что толковые словари в отношении собственно стилистических помет часто допускают некоторые неточности, важнейшие из которых таковы.

а. Авторы их склонны переоценивать разговорный — шире, сниженный — характер ряда лексем, снабжая их стилистическими пометами типа *разг.* и даже *прост.*, тогда как эти единицы вполне употребительны в нейтральном стиле. В целом в настоящее время в мире происходит процесс демократизации литературных языков, и многие слова, ранее воспринимавшиеся как относящиеся к сниженным стилям, ныне являются нейтральными.

б. В одноязычных словарях ряда стран лемма иногда одновременно снабжается несколькими стилистическими пометами (например, *разг., прост., груб.*), что ставит автора двуязычного словаря в затруднительное положение. Подобную практику ни в коем случае не следует поощрять. Разговорная лексика вполне допустима в непринужденном общении образованных людей, в определенной мере она встречается и в официальных выступлениях (часто сопровождаемая словами типа *как говорят, по народному выражению* и т. п.). Просторечная лексика в этих сферах применения языка возможна лишь как сознательный стилистический прием, и в этих контекстах такие единицы носят, как правило, характер умышленной цитации. Иное дело — комбинация помет подгрупп (а) и (б), (а) и (в). Другими словами, одновременное употребление помет типа *разг., прост.* достойно осуждения, тогда как одновременное употребление помет вроде *разг., неодобр.* вполне допустимо.

в. Помета *вульг.* (= вульгарное слово или выражение) используется в словарях (прежде всего одноязычных, в меньшей мере в двухязычных, поскольку вульгаризмы вообще недостаточно включаются в последние) в трех разных значениях. Во-первых, этой пометой снабжаются сугубо неправильные формы, единодушно осуждаемые всеми образованными людьми, например рус. *ейный, они* («почтительно» вместо *он, она*), *ложі́, положь* (вместо *положи*), в том числе и формы, неверные по фонемному составу (*тубаретка, сосиски, мармалад, валасапед*; впрочем, такого типа формы в словари, как правило, вообще не попадают) или с нелитературным ударением (*на́чать, поло́жить*). Во-вторых, ею снабжаются «неприличные» слова (например, рус. *тятьки*, синонимы *мудак, мудила, мудозвон*, частица *бля*), обозначающие, в принципе, понятия, сами по себе нейтральные. Наконец, в-третьих, эта помета ставится при табуированной лексике, как правило, обозначающей «неприличные» наименования неэстетических понятий либо понятий табуированных (названия гениталий и их частей и т. п.). Отметим то важное обстоятельство, что в лексикографической практике многих стран, включая Россию, последние два разряда лексики вообще не включаются в словари (в том числе и одноязычные), так что пассивный пользователь двухязычного словаря лишен возможности узнать значение таких лексем (и при необходимости адекватно перевести их на родной язык); лексемы первой группы также, в общем, в словарях избегаются. Подобная практика представляется в корне неверной — как по существу, так и по форме.

Во-первых, как уже говорилось, пользователь словаря может иметь дело с самыми разными текстами, т. е. отнюдь не только с литературными. Не дело автора словаря определять, какие слова и словосочетания, в том числе «неприличные», пользователю словаря знать положено, а какие нет: лексикограф, как уже говорилось, не дуэнья, в его задачу не входит блюсти лексическую невинность пользователя. Отсутствие в двухязычном словаре употребительных сниженных единиц наносит пользователю словаря немалый ущерб. (Во второе издание своего русско-норвежского словаря (БРНС-1994), выпущенное — что существенно — в Норвегии, автор этой книги внес множество грубых и «неприличных» слов, как русских, так и норвежских (в качестве эквивалентов), что приветствовалось норвежскими русистами.)

Во-вторых, неправильные, осуждаемые формы также желательно включать в двухязычный словарь — разумеется, с соответствующими пометами. Ведь если человек говорит *тубаретка, на́чать, евоный* — это свидетельствует о его уровне владения литературным языком (т. е., в конечном счете, культурном уровне).

В-третьих, целесообразно разделить многозначную, как показано выше, помету *вульг.* на несколько более точных. Можно рекомендовать следующее:

а) при неправильных формах (типа *ейный*) целесообразно ставить помету *неправ.* (в особых случаях *неправ., недопуст.*) и отсылать к правильной. Оправдана также помета *неправ. вместо...*

Можно рекомендовать отмечать случаи, когда та или иная форма хотя и получила распространение, но стилистами осуждается, например (БРНС-2008):

одеть <...> **2. разг. см** надеть (*utbredt bruk som fordømmes av stilister*) [перевод: *распространенное употребление, осуждаемое стилистами*];

б) грубые или вульгарные слова, обозначающие сами по себе нейтральные понятия (хотя иногда и содержащие резко неодобрительные коннотации) и являющиеся синонимами обычных слов, снабжаются пометами *груб.* или *вульг.* — в зависимости от степени «грубости» слова, например:

сопли *груб.* <...>;

говнюк *вульг.* <...>;

в) «неприличные» слова снабжаются пометой *табу* (естественно, на языке активного пользователя). В БРНС-2008 помета *tabu* нередко усиливается одним, двумя и даже тремя восклицательными знаками — в зависимости от степени «неприличности», например:

<...> я **положил на** это *tabu!* <...>.

Как уже говорилось (§ 20), стилистические координаты лексемы или одного из ее значений могут лежать между жестко выделенным для данного языка (для данного словаря) количеством стилей. Здесь полезно было бы вводить уточняющие наречия типа *скорее, слегка, весьма* и аналогичные (по сути дела, аналогичную функцию выполняет количество восклицательных знаков при помете *табу*, см. предыдущий абзац). Это, конечно, в первую очередь задача одноязычной лексикографии, в целом не решенная, за исключением нескольких толковых словарей (например, NRO-1983), где она, впрочем, осуществлена не в полной мере.

Само количество стилей, выделяемых для отдельного языка, также в ряде случаев нуждается в некотором уточнении. Так, представляется оправданным выделение литературно-разговорного стиля — шутивно-иронического стиля, характерного для непринужденной речи образованных людей. К нему относятся, например, рус. *откланяться, словоизвержение, бурный* (в сочетаниях *бурный роман, бурное прошлое* и аналогичных), *апартаменты* ‘квартира, комната’, *моя дражайшая половина, отпрыск* ‘сын’, *чадо,*

великовозрастный, лицезреть, возлияние, седалище 1. 'зад' 2. 'сиденье' и т. п. Кстати, этот стиль особо выделяется в стилистике некоторых стран. Далее, редко и непоследовательно выделяется характерный для многих стран канцелярский, или административный (бюрократический), стиль, для которого свойствен помимо синтаксических особенностей определенный набор лексем, особенно устойчивых словосочетаний типа рус. *Мы, нижеподписавшиеся...*; *во изменение (приказа, распоряжения)...*; *во исполнение...*; *Дана настоящая справка...* и т. п. Оправданным представляется и использование в отдельных случаях пометы *офиц.* (= официальное), когда лексема не употребляется в обычной речи, например рус. *электропоезд* (в неофициальной речи только *электричка*).

С известной условностью к стилистическим пометам могут быть отнесены *детск.* (= детское) и *уст.* (= устарелое).

Строго говоря, помета *детск.* указывает не на стиль, а на возрастной контингент, который использует эту лексему сам и в разговоре с которым она может использоваться. Впрочем, шутливо «детские» лексемы могут употребляться и взрослыми.

Помета *уст.* — в сущности, не стилистическая, а хронологическая. Однако стилистически она в большинстве случаев равна помете *высок.*

В связи со стилистической характеристикой слова в двухязычном словаре надо затронуть еще один вопрос, а именно — об отношении лексикографа к некоторым лексемам. Как известно, в речи некоторых людей используется немало количество пошловатых и просто пошлых лексем, некогда, вначале, возможно, и воспринимавшихся как шутливые, но в настоящее время людьми образованными и обладающими вкусом не употребляемых. К таким лексемам в русском языке относятся, например, на наш взгляд, *наше вам (с кисточкой)*, *зряплата* ('зарплата'), *Кушайте на здоровье* (ответ на благодарность, не связанную с угощением), *Как жизнь молодая?*, *Как тебе не ай-ай-ай!*, *ситуёвина* т. п. Как уже отмечалось, пассивный пользователь словаря многие такие единицы запоминает и нередко стремится потом их использовать, говоря на иностранном языке, с чем лексикограф обязан считаться. Вряд ли будет удачно, если, к примеру, образованный француз или швед, узнавший из словаря, что выражение *наше вам с кисточкой* просто «шутл.», станет сам употреблять его или, подарив российскому коллеге-профессору свою книгу, ответит тому на благодарность словами *Кушайте на здоровье*. Лексикографы остерегаются давать оценки такого рода единицам. Однако, думается, было бы оправданным пользоваться в словарях пометой *не реком.* (= не рекомендуется) не только, как это сейчас делается, в отношении моментов фонетических и грамматических, но и некоторых лексических. Трудности здесь вполне преодолимы, хотя известного субъективизма, видимо, не избежать.

2. Как говорилось выше (§ 20), оценочные пометы используются в словарях (как одноязычных, так и двуязычных) недостаточно. Напомним, что речь здесь идет не о лексемах, обозначающих понятия, к которым говорящие относятся отрицательно или положительно (*измена, нищета, нечистоты; верность, достаток, обязательность*), или о тех, что сами по себе выражают оценку (*скверный, подлость, дальше ехать некуда; превосходно, выше всяких похвал*), а о лексемах, обозначающих понятия, сами по себе нейтральные, но в дополнение содержащие оценку (*молодчик, скопище, вояж, крепьши*).

В сущности, из оценочных характеристик в практике двуязычной лексикографии используются почти исключительно отрицательные — *неодобр., пренебр., презр., уничиж.* и т. п., грань между которыми, кстати, не всегда достаточно четкая. В просмотренных нами списках сокращений при ряде словарей не встретились положительные оценочные пометы типа *почт.* (= почтительное), *полож.* (= положительное) или аналогичные. В тексте словарей оценочная коннотация в лучшем случае дается описательно. Например, в мусульманских странах слово со значением 'учитель' используется как почтительное обращение. Ср. подачу в ХРС-1963:

малам <...> 2) *малам (форма вежливого или официального обращения к человеку).*

3. Частотных помет обычно используется обычно всего две — *редк.* (= редкое) и *малоупотр.* (= малоупотребительное); они комментари-ев не требуют. Пометы эти, впрочем, мало используются при леммах в целом: редкие и малоупотребительные слова обычно просто не попадают в словник. Чаше они используются при отдельных значениях переводимого слова.

Фактически функцию этих помет выполняют толкования при эквивалентах: автор словаря, давая толкование, исходит из того, что данная лексема в выходном языке столь редкая, что пассивный пользователь может ее не знать, а активный предупреждается о том, что этот эквивалент может быть непонятен говорящим на выходном языке. Например:

НиРС-1987:

de Staten-Generaal Генеральные штаты (*парламент Нидерландов*);

АРС-1967:

нарт фольк. *нарт (в народных преданиях — человек, принадлежащий к богатырскому племени нартов)* [попутно отметим небезупречность определения: *нарт... нартов*].

Сказанное относится не только к эквивалентам-алиенизмам. Иногда в качестве эквивалентов предлагаются (и оправданно) областные и/или

устарелые слова, и автор словаря, резонно полагая, что это редкое слово неизвестно пользователю, дает к нему комментарий. Ср.:

АРС-1967:

шапкыга ярлыга (длинная палка с наконечником в форме крючка для захвата задней ноги у овец при их ловле);

КРС-1957:

жэндаур подвязка барка (упряжного валька пароконной телеги) к телеге со стороны более сильной лошади (это облегчает более слабую или усталую лошадь)

(на неправильности лексикографического оформления этого перевода мы здесь не останавливаемся, см. § 21);

УРС-1948:

сюлыс лоток, сѣльница (полукруглая вогнутая доска для муки);

сиктан <...> 2) коточник (инструмент для плетения лаптей);

слань обл. стлань (дорога, вымощенная жердями).

Важны с лексикографической точки зрения случаи резкого расхождения в частотных характеристиках эквивалентов. Многие из них пользователь может сам определить, исходя из своих, пусть даже скромных, знаний о жизни другого языкового коллектива. Португалоязычный пользователь «Португальско-русского словаря»⁵³, вероятно, сам сообразит, что эквивалент *испанский дрок* португальского слова *esparto* вряд ли будет понятен русскому. Сложнее случаи, когда для определения такого расхождения требуются специальные страноведческие знания. Так, маловероятно, чтобы русский, нашедший в русско-норвежском словаре норвежский эквивалент слова *судак* (*gjørs*), знал, что слово *gjørs* настолько малоупотребительно в норвежском, что большинство норвежцев его даже не знает, и поэтому он должен быть предупрежден об этом. Аналогично, для исландца *lundí* — обычное, весьма употребительное слово, тогда как его русский эквивалент *тушник* (птица отряда чистиковых) низкочастотен и многим непонятен.

Подобное резкое расхождение частотности переводимой лексики и эквивалента — без предупреждения пользователя об этом — особенно ярко проявляется в области пословиц и поговорок. Нередко авторы словаря стремятся во что бы то ни стало перевести распространенную поговорку или пословицу входного языка пословицей или поговоркой выходного языка, порой с огромным трудом и затратой массы времени находя ее эквива-

⁵³ Португальско-русский словарь / Сост. С. М. Старец, Е. Н. Феерштейн; Под ред. С. Брандао, А. Торреса. М., 1961; далее ПРС-1961.

лент, никому не известный (в том числе и самому автору). Примеры (ИтРС-1963):

in bocca chiusa non c'entran mosche *посл.* ≅ кстати промолчать, что большое слово сказать [здесь, отметим попутно, был бы оправдан перевод *Слово — серебро, а молчанье — золото*];

fame affoga fama *посл.* ≅ голод и лжёт и крадёт;

scherza co' fanti e lascia stare i santi *посл.* ≅ шути, да осторожно, а то в беду попасть можно.

В этом словаре можно найти десятки аналогичных случаев.

Подобное решение представляется неверным: активный пользователь словаря будет употреблять единицу, неизвестную говорящим на выходном языке.

Между тем есть ряд апробированных решений переводов паремиологических единиц (т. е. пословиц, поговорок и т. д.), не имеющих достаточно известных соответствий в выходном языке. Вот некоторые из наиболее распространенных:

а) дается в кавычках дословный перевод пословицы или поговорки, а затем после знака примерного равенства поговорка (БРНС-2008):

курица по зёрнышку клюёт, да сыта бывает *посл.* «høna plukker korn etter korn og blir mett», ≈ mange bekker små gjør en stor å [перевод: много ручейков образуют речку];

конь о четырёх ногах, да (и тот) спотыкается *посл.* «hesten har fire bein, men også den kan snuble», ≈ selv den gode Homer kan sove iblant [перевод: даже славный Гомер иногда засыпает];

б) дается дословный перевод пословицы или поговорки и при необходимости раскрывается смысловое содержание:

АРС-1967 (примеры приводятся в несколько измененном виде; для экономии места абазинский текст не приводится; кавычки в оригинале отсутствуют):

<...> «когда вороне дали глаза, она потребовала и брови»;

<...> «он иглой колодец роет» (о бессмысленном занятии);

<...> «плохому [человеку] отдай и бурку и шапку — и оставь его» (т. е. не общайся с ним);

БРНС-2008:

собака лает, ветер носит *посл.* «hunden bjeffer, og vinden tar lyden», *двс.* sladder, rykter o.l. er ikke noe å bry seg om [перевод: на сплетни, слухи и т. п. не надо обращать внимания];

пеший конному не товарищ *посл.* «den ridende og den gående kan ikke være reisefeller» (om personer med forskjellig stilling el. karakter) [перевод: о людях разного положения или характера];

в) в принципе возможен и диалектный эквивалент (БРНС-2008):

дают — **бери, бьют** — **беги** *посл. ≈ dial. ein skal ta imot når det bydst — d'er 'kje sagt det vert bode tvo gonger* [перевод: бери, когда предлагают — совсем не обязательно предложат еще раз].

4. К числу помет, относительно мало употребляемых в двухязычных словарях, относятся и **ареальные**, т. е. указывающие на территориальное распространение лексемы. Отсутствие такой пометы означает, что лексема употребляется на всей территории, на которой говорят на данном языке.

Как говорилось в § 9, следует различать три вида лексем, ограниченных в своем территориальном распространении в пределах определенной языковой области: региональные дублеты, периферийные термины и собственно диалектизмы. Эти три группы требуют несколько разного лексикографического подхода.

1. **Региональные, или территориальные, дублеты** (регионализмы, региональные варианты) характерны, в первую очередь, для двух видов языков. Они встречаются достаточно широко: а) когда на данном языке говорят в нескольких странах, б) когда язык используется на обширной территории и характеризуется или характеризовался ранее значительной диалектной раздробленностью.

а. Когда язык распространен в нескольких странах, как, например, английский, испанский, немецкий, португальский, лексемы или их значения, употребление которых ограничено одной или несколькими странами, снабжаются пометами, в сокращенном виде обозначающими эти страны или регионы, например:

«Испанско-русский словарь»⁵⁴:

irrire *Бол.* [= Боливия] <...>;

canarreo *Куба* <...>;

campusano <...> *Арг.* [= Аргентина], *Пан.* [= Панама], *Ур.* [= Уругвай], **campuso** <...>

Ц. Ам. [= Центральная Америка] <...>;

manga <...> 9) *Сал.* [= Сальвадор] <...> 10) *М.* [= Мексика] <...>;

ПРС-1961:

nortista *браз.* [= бразилизм] <...>;

mãe-d'agua <...> 3) *браз.* <...>;

raia <...> 5) *браз.* <...> 6) *браз.* <...>;

CSENO-1988:

fat cat <...> *US* [‘США’] <...>;

⁵⁴ Испанско-русский словарь / Под ред. Б. П. Нарумова. М., 1988; далее ИспРС-1988.

baggage <...> 1 (*esp. US*) <...> [‘особ. США’];
kirk <...> (*Scot*) <...> [‘Шотландия’];
kar(r)oo <...> (*S-Afr*) [‘Южная Африка’] <...>;
Alb. <...> (*Can*) <...> [‘Канада’] <...>;
bheesty <...> (*Anglo-Ind*) <...> [‘англо-индийское’] <...>;

НПС-1987:

mishand <...> ю.-нид. [= южонидерландское] <...>;
moefen <...> ю.-нид. <...>;
parlement <...> 2) ю.-нид. *иутл.* <...>.

Многие словари с входным немецким используют пометы *австр.* (= австрийское), *швейц.* (= швейцарское) и др.

б. Региональные дублеты в пределах одной страны обычно затруднительно привязать к какой-либо конкретной административной единице. Действительно, *проездной (билет)* в Петербурге называют *карточкой*, но лексикограф не располагает информацией о том, используется ли слово *карточка* в других северных городах России (например, в Новгороде, Пскове и др.). Поэтому обычно избирается более «осторожный» вариант — указывается регион страны типа *сев.*, *южн.* и др. Нередко пометы в таких случаях вообще не ставятся.

II. П е р и ф е р и й н ы е т е р м и н ы, т. е. слова, обозначающие понятия, не играющие существенной роли в жизни всего языкового коллектива и специфические прежде всего для сельской, негородской жизни и не связанные с какими-либо конкретными диалектами, особой пометы в двуязычной лексикографии не получили. Обычно для них используются — не вполне корректно — те же пометы, что и для собственно диалектизмов, т. е. *обл.*, *диал.* и их аналоги в других языках. Впрочем, ввиду своей низкой частотности они вообще ограниченно включаются в двуязычные словари.

III. С о б с т в е н н о д и а л е к т и з м ы, как отмечалось выше, вводятся в двуязычные словари, в общем, в ограниченном объеме. Как и в случае I.2), их обычно оказывается затруднительным привязать к какой-либо конкретной местности, и в словарях предпочитают простые пометы типа *диал.* (= диалектное). В российской лексикографической традиции по отношению к русским словам, как правило, дается помета *обл.* (= областное); она все шире применяется в российской лексикографии и по отношению к другим языкам.

Для некоторых языков, однако, лексикографы считают возможным дать несколько более точную диалектную привязку, например с помощью пометы указать на диалект или часть страны, где распространена данная лексема.

Например, в ИспРС-1988 отмечаются не только страны, где распространена та или иная лексема (примеры см. выше), но и области Испании:

espartar <...> *Анд.* [= Андалузия], *Ар.* [= Арагон] <...>;

ludio <...> *Эстр.* [= Эстремадура] <...>.

В АРС-1967 при помощи пометы *шкар.* последовательно обозначаются лексемы ашхарского диалекта:

къвдыр *шкар.* <...>;

кваршы *шкар.* <...>.

УРС-1948:

шайкорос *сев.* <...>;

чарнык *сев.* <...>.

5. Особого внимания заслуживает вопрос об отраслевых (специальных, терминологических) пометах.

Отраслевые пометы распадаются на две неравные группы. К первой из них относятся собственно отраслевые пометы (далее в изложении слово «собственно» будет опущено), ко второй — пометы профессиональных жаргонизмов.

а. В практике как двухязычной, так и одноязычной лексикографии принято снабжать многие слова такими пометами. В общем, в каждом словаре можно найти примеры типа:

интермедия *театр.* <...>;

префикс *грам.* <...>;

детерминизм *филол.* <...>;

рота *воен.* <...>;

слепень *зоол.* <...>;

фабула *лит.* <...>;

чеснок *бот.* <...> и т. д.

Как видно из приведенных примеров, отраслевыми пометами снабжаются не только термины в собственном смысле слова, но и обычные, «бытовые» слова типа *слепень*, *чеснок*.

Последовательности в этом отношении, в общем, не наблюдается, примеры чему можно найти почти в каждом словаре. В одном русско-французском словаре⁵⁵ слово *слон* дано с пометой *зоол.*, а слово *жираф* — без пометы, зато в другом словаре, русско-английском⁵⁶, положение обратное:

⁵⁵ Русско-французский словарь. 2-е изд. Л., 1974.

⁵⁶ Русско-английский словарь / Под общ. рук. А. И. Смирницкого. 15-е изд., стереотип. / Под ред. О. С. Ахмановой. М., 1989.

существительное *слон* не имеет пометы, но слово *жираф* дано с пометой *зоол.* Порою совершенно однотипные слова даются то с отраслевой пометой, то без нее. Например, в «Румынско-русском словаре»⁵⁷ с пометами даны слова:

streptococ *мед.* стрептококк;

presbitie *мед.* дальнозоркость;

hidrogen *хим.* водород —

и без помет:

pneumococ пневмококк;

miopie близорукость;

oxigen кислород.

Примеров подобной непоследовательности можно привести тысячи.

Общераспространено мнение, что такие терминологические, или отраслевые, пометы не только целесообразны, но и необходимы. Один известный советский лингвист писал, что ни у кого нет сомнения в том, что названия, например, таких животных, как *зубр*, *як* или *гну* необходимо сопровождать специальной пометой. Представляется, что это общераспространенное мнение ошибочно, и отраслевые пометы употребляются в подавляющем большинстве случаев неоправданно.

Вернемся к одному из приведенных выше примеров из РРС-1953: *presbitie мед.* ‘дальнозоркость’ и *miopie* ‘близорукость’. Дает ли нам помета *мед.* действительно какую-либо информацию, дополнительную по отношению к понятному нам эквиваленту ‘дальнозоркость’? Недостаточна ли информация ‘близорукость’ о слове *miopie* без пометы *мед.*? На оба вопроса напрашивается отрицательный ответ. Ничего не дают нам ни помета *бот.* при слове *сирень*, ни помета *зоол.* при слове *аист*, ни помета *мат.* при слове *слагаемое*, ни помета *авто* при слове *карбюратор*. Особенно наглядно видна неинформативность отраслевых помет в случаях, когда при эквиваленте дано пояснение, раскрывающее значение, вроде (ХРС-1963):

rago *бот.* маниока (*корнеплод*, *Manihot ultissima*).

Отраслевые пометы как таковые при эквивалентах, значение которых известно пользователю, избыточны. Изъятие их из словарей дает значительную экономию места, которое можно использовать для другой, более нужной информации, прежде всего для более полного описания реалий, о чем говорилось в предыдущем параграфе.

⁵⁷ Румынско-русский словарь / Под ред. Б. А. Андрианова, Д. Е. Михальчи. М., 1953; далее РРС-1953.

Дают ли пользователю что-либо отраслевые пометы в тех случаях, когда значение эквивалента ему неизвестно? Очень немного. Предположим, что пользователю ...-русского словаря встретилась подача неизвестного ему термина с пометой *мор.* Помета позволит ему предположить все что угодно, связанное с морским делом, — что это ‘курс судна’, ‘какой-то элемент судна’, ‘вид шлюпки’, ‘снасть’, ‘вид морского узла’ и т. д. У пометы в таком случае два возможных назначения: она либо отошлет пользователя к специальному одноязычному терминологическому словарю (которые, кстати, есть далеко не для всех языков, а если есть, то, как правило, недоступны пользователям в другой стране), либо — что вероятнее — приведет его к мысли, что ему вообще незачем устанавливать значение этого специального термина. Напомним к тому же, что обычно значение низкочастотных эквивалентов в двухязычных словарях раскрывается, примеров чему было приведено достаточно в предыдущем параграфе.

С нашей точки зрения, **отраслевые пометы целесообразно использовать только как средство семантизации** для разграничения значений многозначных слов и для разграничения омонимов. Например:

канал <...> **2.** *тех.* <...> **3.** *анат.* <...> **4.** *ТВ* <...>;
 полоса <...> **6.** *полигр.* <...>;
 гамма <...> **1.** *муз.* <...> **2.** *перен.* <...>;
 диафрагма <...> **1.** *анат.* <...> **2.** *фото, кино* <...>;
 дивизион <...> **1.** *мор.* <...> **2.** *арт.* <...>;
 ферма **I** <...> *с.-х.* <...>;
 ферма **II** <...> *стр.* <...>.

Но и в этом случае нужна известная осмотрительность. Дело в том, что отраслевые пометы прежде всего относятся к терминам. По этой причине использовать их для семантизации «бытовых» слов не рекомендуется. Для разграничения омонимов *язык I* и *II*, на наш взгляд, подачи «**язык I** (*орган*)» или «**язык I** (*часть тела*)» предпочтительнее, нежели «**язык I** *анат.*», а для разграничения значений слова *жар* вариант «**жар** <...> **2.** (*повышенная температура*)» естественнее, чем «**жар** <...> **2.** *мед.*».

Отраслевая помета в некоторых случаях (когда смысл ее не вполне ясен) может требовать дополнения:

сухой <...> **12.** *тех.* (*действующий или производимый при отсутствии влаги*) <...>.

Нынешнее злоупотребление отраслевыми пометами неудачно еще и потому, что ставит на одну доску разные пласты лексики в области какой-либо науки или техники⁵⁸. Для терминов, которые действительно употреб-

⁵⁸ Подробнее об этом см.: Б е р к о в В. П. Указ. соч. С. 135.

ляются только в среде специалистов, в БРНС-2008 и БРНС-2003 использовалась помета *спец.*, ср.:

диабет <...> *sukkersyke* <...>; *diabetes* <...> *спец.*;

ср. также пример «**sklerose** <...>» в начале этого параграфа.

В заключение этого раздела остановимся на одной частности — неточности, связанной с употреблением пометы *этно.* при эквивалентах обычных, «бытовых» слов в языках некоторых народов Африки и Азии. Слово языка суахили *mteja* ‘человек, прошедший церемонию изгнания злых духов’, снабженное в словаре пометой *этно.*, конечно, в этом языке не этнографический термин, хотя сама церемония изгнания злых духов может быть объектом этнографического исследования. Ср. также примеры в § 21. По сути дела, помета *этно.* в таких случаях означает ‘слово, выражающее понятие, которое отражает специфический элемент быта — обычай, ритуал и т. п. — данного народа’. Характерно, что эта помета не ставится в аналогичных случаях в отношении «культурных» народов: строго говоря, русские лексемы типа *новоселье* (‘праздник’), *штрафная*, *последний звонок* (‘торжественное окончание школьных занятий’) — явления того же плана.

б. Профессиональные жаргонизмы вообще вводятся в обычные двуязычные словари весьма ограничено. Для них целесообразно использовать сочетание пометы *разг.* и соответствующей отраслевой пометы, например:

рубка <...> **4.** *разг. спорт.* (*ожесточённая борьба*) <...>.

б. Пометы степени соответствия эквивалента значению переводимой лексемы или какому-либо из ее значений можно разделить на три основные группы — показатели полного соответствия, показатели приблизительного соответствия и показатели несоответствия.

а. Важнейшим, самым употребительным показателем полного соответствия является отсутствие какой-либо пометы, например (БРНС-2008):

жатка <...> *meiemarkin -en, -er.*

В некоторых случаях функционального или этимологического соответствия используется помета *соотв.* (= соответствует). Примером могут служить личные имена, ср. БРНС-2008:

Лидия <...> *Lidija; соотв.* *Lydia;*

Лев <...> *Lev; соотв.* *Leo; <...>.*

Особо следует остановиться на случае (который затрагивался выше в другой связи) дополнительных переводов. Бывает, и нередко, что словосочетанию соответствует в выходном языке дословный (поэлементный) перевод, но кроме этого возможен и иной, «идиоматичный» перевод. В це-

лях экономии места поэлементный перевод может не приводиться, а даваться только второй, предваренный пометой *также*; см. об этом § 12.

Встречается и иной вид дополнительных переводов: когда к точному соответствию со знаком примерного равенства добавляется близкий по значению употребительный эквивалент, например:

завестись с полоборота <...> б) *перен. разг.* <...>; ≈ <...>.

б. Основная помета примерного соответствия — знак приблизительно-го равенства (≈; вариант — ≅); он применяется в ряде стран. В принципе, он нежелателен без комментариев, поскольку не сообщает малоподготовленному пользователю, в чем состоит эта «приблизительность».

Этот знак применяется для показа приблизительно семантического, функционального или стилистического соответствия. Ср. БРНС-2008:

жених <...> 4. *шутл. (о большом мальчике)* ≈ en voksen mann [перевод: взрослый мужчина];

калиф на час ≈ konge for en dag [перевод: король на (один) день].

Этот знак часто используется при сопоставлении не вполне идентичных реалий (обычно в варианте «≈ *соотв.*») и особенно при передаче поговорок (примеры из того же словаря):

doktorant <...> ≈ *соотв.* forskningskandidat, universitetsstipendiat;

кашу маслом не испортишь *посл.* ≈ det er ingen sak med den pølsa som er for lang [перевод: не беда, если колбаса слишком длинная].

Подробнее о передаче поговорок и поговорок говорилось выше в этом параграфе.

Аналогично пословицам и поговоркам переводятся крылатые слова. Проблем не возникает, когда данная цитата восходит к одному источнику, например, к Библии, античной культуре или мировой литературе (ср., однако, § 12). Сложнее обстоит дело с передачей крылатых слов, особенно из поэзии, восходящих к источнику на входном языке (например, к национальной литературе). Здесь автору словаря приходится либо использовать уже существующий художественный перевод, либо самому делать его (в этом случае рекомендуем использовать кавычки), либо находить соответствующую по смыслу цитату из литературы на выходном языке. Например, в БРНС-2008:

уж полночь близится, а Германна всё нет (*опера «Пиковая дама», либретто М. Чайковского*) <...> ≈ hvor bliver Ormen lange? kommer ikke Olav Trygvason? (*Bjørnstjerne Bjørnson*) [перевод: где Длинный змей [название корабля]?, не близится ли Олав Трюгвасон?]; **будет буря, мы поспорим, и поборемся мы с ней** (*Н. Языков*) «blir det storm, så skal vi trosse sjø og vind og holde stand».

Отметим попутно, что крылатые слова на выходном языке можно использовать как эквиваленты ФЕ. Ср. БРНС-2008:

воин <...> ◇ **один в поле не** ~ *носл.* ≈ *håpløs er en ensom kriger* ‘нет надежды у одинокого воина’ (*Ibsen*).

В некоторых словарях для передачи приблизительного стилистического соответствия используется, как отмечалось, вертикальный знак приблизительного неравенства \approx .

в. Показатель несоответствия применяется в двуязычных словарях, к сожалению, очень редко. Его задача состоит в том, чтобы предупредить пользователя либо о различии значений этимологически сходных слов, либо о различии в смысловой структуре (разном количестве значений) таких слов, либо, наконец, в том, чтобы предостеречь его от перевода, кажущегося ему естественным, но имеющего совсем другое значение. Иными словами, задача показателя несоответствия — предостеречь пользователя от ошибок.

Покажем это на примере БРНС-2008, где, чтобы особо обратить внимание пользователя на этот момент, как правило, ставился знак NB:

мезонин <...> *kvist* <...>, *kvistkammers* <...> (NB ≠ *mesanin*).

Норвежское слово *mesanin* означает ‘антресоли’.

интермеццо <...> *intermesso* <...> (*mus.*; NB *ikke ffg.*) [перевод: *не перен.*].

Дело в том, что норвежское слово *intermesso*, как уже упоминалось, имеет переносное значение ‘неприятный эпизод’.

полбутылки <...> *en halv fiaske* (NB ≠ *halvflaske*).

Норв. *halvflaske* вмещает в себя или равно по объему $\frac{3}{8}$ литра, т. е. 0,375 см³.

богема <...> *bohem* <...> (NB *brukes ikke om enkeltperson*) [перевод: не употребляется об отдельном человеке].

Норвежское существительное *bohem* употребляется и как собирательное, и в значении ‘богемная личность’.

фронтвик <...> *frontsoldat* <...> (*солдат*); *frontoffiser* <...> (*офицер*) (NB ≠ *frontkjemper*: *это обозначение норвежцев, воевавших на стороне гитлеровской Германии*).

Пользователю, знакомому в известной степени с норвежским языком, наиболее естественным покажется перевод *frontkjemper*, отрицательной коннотации он может не знать, и в этом случае, скорее всего, заподозрит автора словаря в том, что тот пропустил, не дал ему естественный, «напрягающийся» эквивалент.

7. Пометы степени охвата значений переводимого слова. Как неоднократно подчеркивалось на протяжении книги, в двуязычном словаре раскрывается смысловая структура слова, т. е. у слова выделяется столько значений, сколько выделяется в толковом словаре входного языка (см. § 18). Вместе с тем возможны случаи совпадения смысловых структур слов обоих языков. В таких случаях используются специальные пометы.

Наиболее распространенной из них является помета *в разн. знач.*, например:

сирена <...> *в разн. знач.* <...>;
архив <...> *в разн. знач.* <...>;
политика <...> *в разн. знач.* <...>.

Когда одно из значений явно употребляется меньше и помета может быть непонятна, возможна иная подача:

аптека <...> (*тж в знач. «аптечка»*) <...>.

В случаях, когда один из оттенков значения может переводиться как основным эквивалентом, так и дополнительным, рекомендуется следующая подача:

архитектура <...>; (*строительное искусство — тж*) <...>.

Если лексема употребляется в двух значениях, одно из которых прямое, а другое переносное, используется помета *прям., перен.*, например:

актёр <...> *прям., перен.* <...>;
остановиться на полпути *прям., перен.* <...>;
жевать {пережёвывать} жвачку *прям., перен.* <...>.

Эта помета может предваряться стилистической:

говно *вульг. прям., перен.* <...>.

Иногда переносное значение может быть не вполне очевидно для пользователя, и помете *прям., перен.* могут быть предпочтены иные способы подачи, например:

профессор <...> (*тж разг. в знач. «мастер, знаток»*) <...>;
суфлёр <...> (*тж школ. шутил.*) <...>;
бандит <...> (*тж перен.*); **мой** ~ (*шутил. о своём сыне-сорванце*) <...>.

Когда переносное употребление слова не выделилось в самостоятельное значение, его следует приводить в составе статьи, например:

архитектор <...>; ~ы **новой Европы** *перен.* <...>.

8. Отсылочные пометы. Различные типы отсылочных помет рассмотрены выше, в § 15. Остановимся на некоторых деталях.

а. От областного (диалектного) слова может быть сделана отсылка к литературному (без приведения эквивалента):

гарь <...> **4. обл. см** пожараще.

б. Если от слова или от одного из значений многозначного слова делается отсылка к словосочетанию, то после того слова, под которым помещено данное словосочетание, в скобках ставится сокращение *см* (= смотри), например:

диамат = диалектический (*см*) материализм;

дефицит <...> **3. разг.** = дефицитный (*см*) товар.

Таким образом, словосочетание *диалектический материализм* следует искать в статье *диалектический*, а словосочетание *дефицитный товар* — в статье *дефицитный*.

В языках с развитой флективной системой такой способ отсылки иногда требует дополнительного места. Это бывает в случаях, когда в словосочетание входит форма, не являющаяся леммой:

зарплата <...> = заработная плата, *см* заработный.

Применяются и иные способы отсылок. Так, при трактовке реалий нецелесообразно повторять толкование (объяснение) при производных словах: экономнее сделать от них отсылку к основному; здесь возможны разные приемы. Ср. БРНС-2003:

политинформа|тор <...> *noen som holder* политинформация (*se neste ord*); **~ция** <...> [перевод: <...> кто-л., проводящий <...> (*см следующее слово*)];

бандур|а 1. «bandura» <...> (...); **~ист** <...> «banduraspiller» <...> (†);

(Знак † отсылает пользователя к информации, помещенной выше в данной статье.)

аспирант <...>; **~ура** <...>; *det å være aspirant* (†) [перевод: <...> пребывание в качестве <...>].

9. Номенклатурные термины относятся обычно к собственным именам (в первую очередь, географическим названиям) и ставятся за ними, éventуально после транскрипции, грамматической и стилистической характеристики:

Свалбард^{1а} *м архителаг* <...>;

Питер^{1а} *м разг. г.* <...> [= город].

10. О порядке помет. Применяется описываемый ниже порядок помет и другой информации перед переводящей частью (весь набор помет при одной лемме практически никогда не встречается).

Сразу после леммы дается указание на произношение:

лёгкий [-хк-] <...>.

На втором месте идут грамматические пометы:

мстить^{4b} <I ед мщү> нсв <св ото-> Д <...>;

сад^{1c} м <тж Пз> <...>;

ленивый прл <...>;

и I союз <...>.

Здесь же показывается управление:

якшаться¹ нсв с кем-л. разг. неодобр. <...>

«Левое» управление указывается после эквивалента:

Крым^{1c} м <тж Пз> <...> (в П —рӑ).

Исключение. Надстрочный индекс в применяемой в России системе А. А. Зализняка, отсылающий к определенной парадигме в приложении к словарю, ставится непосредственно (без интервала!) при лемме (до указания на произношение и часть речи или ее подкласс):

Детройт^{1a} [дэ-] м г. <...>;

лёгкий⁴ [-хк-] прл <...>.

Ср., однако, по основному правилу:

де-факто [дэ-] нарч <...>.

После двух названных видов информации следуют стилистические пометы (при необходимости приведения нескольких из них — в следующем порядке: пометы собственно стилистические; пометы, характеризующие степень «серьезности»; пометы, характеризующие степень «грубости»):

отвалить <...> 5. прост., жарг. <...>;

кина не будет! разг., шутил. <...>;

цу [це-ў] ирон., шутил. <...>.

Оценочные пометы следуют за стилистическими:

сборище <...> разг., неодобр. <...>;

холуй <...> разг., презр. <...>.

Остальные пометы (частотные, ареальные, отраслевые, степени охвата значений, степени соответствия) помещаются после перечисленных, например:

рубка <...> 4. разг., спорт. <...>;

темп^{1а} [тэ-] м в разн. знач. <...>.

<...>

Часть IV. НЕКОТОРЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

§ 27. Организация работы над двуязычным словарем.

Эта часть книги адресована тем, кто сам собирается работать над двуязычным словарем.

Прежде всего необходимо решить вопрос о количестве работающих над словарем. В наше время большие двуязычные — и не только двуязычные — словари делаются одним человеком все реже. Это понятно: добросовестный лексикографический труд требует огромного количества времени и сил.

Важнейшую роль в таком коллективе играет его руководитель (он же ответственный редактор). Руководителем, разумеется, должен быть человек, имеющий большой опыт практической словарной работы и очень хорошо владеющий обоими языками — входным и выходным — словаря. Он разрабатывает концепцию словаря, правила подачи материала, он редактирует и — что необходимо при коллективной работе — унифицирует рукопись (об этом ниже). Он же подбирает и отбирает авторов (сотрудников).

Последнее нуждается в пояснении. Не секрет, что не всякий человек, хорошо владеющий двумя данными языками, создан для словарной работы. Она требует ряда специфических качеств, среди которых очень важную роль играют трудолюбие, добросовестность и аккуратность. Далее, как говорилось в предыдущих частях книги, лексикография и наука, и искусство, и одно из требований, предъявляемое к словарнику, заключается в умении находить точные эквиваленты, быть хорошим переводчиком и стилистом. Ведь хорошо известно, что даже люди, в совершенстве владеющие иностранным языком, оказываются нередко неважными переводчиками художественной литературы: их переводы при всей их лексической точности могут грешить буквализмами, корявыми конструкциями и т. д.

Отметим один, возможно, не вполне очевидный момент. Не столь уж редко человек недостаточно хорошо владеет литературным вариантом своего родного языка. Для иллюстрации приведем несколько примеров из первоначальной рукописи БНРС-2003 (у всех авторов этих переводов

родной язык русский!); *Он зарделся как рак; Он ввёл машину задним ходом в стену; Им... туго с деньгами; посмотреть боком на что-л.; Меня чуть не хватил удар, услышав цену; с быстрой скоростью; юбка сморщилась* и т. д. и т. п.

Таким образом, подбор членов коллектива, которые будут работать над словарем, дело весьма ответственное и непростое. Можно дать следующие рекомендации.

Перед началом работы предполагаемым сотрудникам должен быть прочитан курс лекций по двуязычной лексикографии, их надо обучить азам словарного дела. Это естественно сделать руководителю проекта.

Затем руководителю целесообразно предложить предполагаемым участникам проекта выполнить небольшие пробные части и, отредактировав их, разобрать ошибки вместе с авторами. Как показывает опыт, часть сотрудников сама отсеивается уже на этом этапе: люди понимают, какой это большой и нелегкий труд.

Крайне желательно, чтобы в составе коллектива были носители как выходного, так и входного языков словаря. Будет удачно, если коллектив будет разделен на пары («танделы»), состоящие из лиц с разными родными языками. В работе над БНРС-2003 такие «двойки» состояли из норвежца/норвежки и русского/русской.

Впрочем, следует с грустью признать, что такой национальный состав каждой «двойки» сам по себе еще не является гарантией очень высокого качества работы: норвежец не всегда точно чувствует русское слово, а русский — норвежское. Тем не менее, в целом такой опыт представляется положительным.

Число авторов не должно быть слишком велико. Как бы квалифицированно они ни работали, у каждого (у каждой пары) будут свои особенности: одни будут чересчур многословны, другие — слишком лаконичны, одни будут больше тяготеть к книжной речи, другие — к разговорной и т. д. Унификация такого разнородного материала требует от редактора очень больших усилий. Вместе с тем число авторов должно быть и достаточным на случай, если кто-либо из них по тем или иным причинам выйдет из коллектива. Обучение новых людей в процессе работы осуществлять трудно.

Конечно, крайне желательно, чтобы такой коллектив состоял из лексикографов, и к тому же опытных. К сожалению, по крайней мере в отношении многих пар языков, это пожелание утопично. Сплошь и рядом словари пишутся людьми без лексикографического опыта. В таких случаях роль руководителя особенно велика.

Желательно, далее, чтобы к началу работы коллектива руководитель сам написал несколько статей разного характера (по многозначным существительным и глаголам, культурноконнотированным словам, предложениям

и т. д.) с тем, чтобы сотрудники, прежде чем приступать к своим частям, познакомились с образцами статей и увидели, как на практике применяются знания, полученные ими в курсе, прочитанном руководителем.

На начальном этапе непосредственной работы над словарем очень важно, чтобы руководитель оперативно знакомился с частями работы каждой группы/каждого автора (не обязательно целой буквы, достаточно и части ее) и знакомил со своими замечаниями принципиального характера не только данную группу/данного автора, но и весь коллектив: более чем вероятно, что аналогичные ошибки могут допускаться другими. В работе над БНРС-2003 руководитель периодически обобщал свои критические замечания по представленным ему частям и рассылал их всем членам авторского коллектива.

Очень важную роль играет «Инструкция». Она составляется руководителем, и в ней освещаются все основные моменты работы над рукописью.

Инструкция эта должна быть достаточно полной, чтобы отвечать на разнообразные вопросы участников проекта, но вместе с тем не чрезмерно большого объема, чтобы можно было запомнить основные ее положения. «Инструкция» к БНРС-2008 составила около 80 страниц. Она, естественно, имела у каждого участника.

Настоятельнейшим образом рекомендуем, чтобы определенные разряды лемм делались одним человеком. Только так можно будет избежать пропусков в словнике и разнобоя в словарных статьях. Ввиду важности этого положения проиллюстрируем его примерами.

Как уже говорилось в 1-й части книги, имена собственные целесообразно включать в корпус словаря. В частности, так обстоит дело и с библеизмами, и античными именами. Если каждый член авторского коллектива «движется по своему участку алфавита», то неизбежен разнобой, который потом вряд ли возможно устранить. Так, одни участники включают имена *Мафусаил*, *Клеопатра*, но не включают *Ной*, *Софокл*, другие включают, скажем, статью *Авель*, но не возьмут *Адам*. Один возьмет *Аристотель*, другой пропустит *Сократ* и т. д. Если же один человек делает все библеизмы, другой — всю античность, третий — предлоги, четвертый — союзы и т. д., то и полноту списков будет легко проверить, и статьи будут унифицированы.

ДВУЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

(Прозаические соображения по выходе «Большого норвежско-русского словаря»)

В литературе по теории двуязычной лексикографии нет недостатка в перечислении качеств, которыми должен обладать идеальный двуязычный словарь. Эти перечисления обычно предваряются или заключаются словами «словарь должен давать ответ на все возможные вопросы пользователя». На деле же, как всем прекрасно известно, даже самые большие словари нередко не дают ответа на различные вопросы пользователей. В этих заметках мы попытаемся проанализировать причины такого положения.

Словник

Естественно, одной из главных причин неполноты двуязычных (как, впрочем, и одноязычных) словарей является вынужденная ограниченность их объема. Она вызывается прежде всего практическими, земными моментами — коммерческими соображениями издательств (они руководствуются в первую очередь финансовой стороной: очень большие и потому дорогие словари далеко не всем доступны, и спрос на них ограничен), удобством для пользователя (однотомным словарем удобнее пользоваться, нежели пятитомным и даже двухтомным; многим очень большой словарь не нужен, они «тонут» в нем) и т. д. Это достаточно очевидно, и нет необходимости задерживаться на этом. Отметим лишь, что эта неполнота проявляется прежде всего в словнике, но также и в словарной статье.

Конечно, пользователи часто предъявляют к обычному (т. е. не отраслевому, или не специальному) словарю завышенные требования. Например, сразу после выхода «Большого норвежско-русского словаря» (далее БНРС) один норвежский математик поставил авторскому коллективу в вину, что в статье Abel «(1 <...> норвежский математик <...> 2 *bib.* Авель)» отсутствуют словосочетания *abelske ligninger* ‘абелевские уравнения’, *abelsk funksjon* ‘абелевская функция’ и др.; отметим попутно, что статьи Abel (с обоими значениями) вообще нет ни в одном из известных нам норвежско-иноязычных словарей. (Строго говоря, наше решение небезупречно: это омонимы, так что следовало дать: Abel I <...>, Abel II <...>.)

Вторая причина того, что в словниках двуязычных словарей порой встречаются пропуски, объясняется тем, что их составители в подавляю-

шем большинстве случаев используют словники толковых словарей (по возможности самых надежных и самых новых; такие словари, между прочим, есть не для всех языков), аналогичные двуязычные словари с тем же входным языком и, эвентуально, словари новых слов (они имеются далеко не для всех языков). Однако словари эти, естественно, тоже грешат пропусками — по разным причинам, из которых назовем лишь главную: слово (или одно из его значений) возникло относительно недавно и «не успело попасть» в словарь. Частотные словари в работе над двуязычными словарями используются, насколько мы знаем, редко, а кроме того, при нынешнем уровне лингвостатистики они охватывают относительно небольшое количество единиц и в целом малонадежны.

Разумеется, возможны в толковых и двуязычных словарях и необъяснимые пропуски, вызванные «человеческим фактором», например утратой лексикографом внимания в какой-то момент работы. Так, в надежном «Большом толковом словаре русского языка» (СПб., 1998; 446 а. л.) отсутствуют статьи *заковыка* и *заковыристый*, стоящие рядом по алфавиту; видимо, последнее не случайно. Раньше, когда словари писались на карточках, бывали и такие прозаические происшествия, как потеря одной или даже нескольких карточек, что, кстати, при вычитке рукописи обнаружить довольно трудно.

Особенно часто не попадают в двуязычные словари, как, впрочем, и одноязычные, слова разговорные, сниженные, жаргонные. Вернее, такие слова попадают в словари с запозданием, иногда довольно большим. Ограничимся несколькими простыми примерами. В упомянутом выше «Большом толковом словаре русского языка» в статье *пересечься* нет достаточно распространенного значения ‘встретиться, оказаться в одном месте’ (*Завтра мы с вами пересёчемся в университете*). Нет в нем разговорных выражений *приехали* и *проехали*. В статье *запасть* не зарегистрировано недавно возникшее жаргонное выражение *запасть (на кого-л.)* ‘увлечься кем-л., заинтересоваться кем-л.’.

Последний пример приводит нас к вопросу о степени включения в обычный, даже большой, словарь (как двуязычный, так и толковый) жаргона и сленга. Как всем ясно, в этом текучем слое лексики помимо единиц широкоупотребительных есть и масса таких, которые обладают невысокой частотой, ограничены в своем употреблении определенным контингентом говорящих (чаще всего возрастным, но, конечно, не только им). Автору словаря часто сложно самому определить, насколько может быть оправдано включение той или иной сниженной единицы. Нередко он руководствуется крайне простым, но весьма субъективным критерием: «Я этой единицы не знаю, мне она представляется редкой, поэтому ее в словарь включать не следует».

В отношении сниженной лексики есть еще один существенный момент. Авторы словарей, как правило, люди умственного труда и притом обычно среднего или старшего возраста. Они, в основном, общаются с носителями сниженной речи мало и недостаточно хорошо владеют ею. По большей части их сведения о ней черпаются из разговоров со своими детьми или внуками, т. е. на уровне «от сына (внучки) я слышал(а)...». Это им представляется достаточным для того, чтобы ничтоже сумняшеся вставить такую единицу в словарь. Нередко оказывается, что слово (словосочетание) это понято лексикографом лишь приблизительно, да и вообще оно не характерно для основного варианта сленга.

В известной мере знания живой речи в разных ее вариантах, включая сленг и жаргон, можно почерпнуть из современной массовой литературы, особенно детективной, довольно хорошо отражающей ее. Однако у серьезных лексикографов обычно нет времени на чтение такой литературы, да и далеко не все они любят этот жанр. А ведь автор двуязычного словаря должен, в принципе, быть хорошо знаком со сниженной лексикой не только своего родного языка, но и иностранного языка, в частности читать названную литературу на этом языке. Такое в лексикографической среде встречается нечасто.

Есть еще одна проблема, связанная со словником, на которую редко обращают внимание, — проблема «лишних слов». При вынужденной ограниченности объема двуязычного словаря, даже большого, единицы очень низкочастотные, используемые весьма редко, скорее всего, не будут, как сейчас говорят, востребованы пользователем. Зачастую они неизвестны и самому автору словаря, но он включает их, поскольку они есть в других словарях, и он, не полагаясь на свои знания, опасается пропустить нечто, возможно, важное. Включение таких единиц в словарь, естественно, не оправдано.

Заданность объема словаря имеет еще одно следствие. Довольно часто к концу работы, в последний момент, обнаруживается, что рукопись словаря превышает, иногда значительно, договорный объем. Всем ясно, что сокращение рукописи корпуса — огромный дополнительный (и к тому же неоплачиваемый) труд. По этой причине сокращение общего объема словаря происходит за счет различных, порою крайне нужных, дополнений. Так, в самый последний момент из рукописи БНРС издательство «Kunnskapsforlaget» изъяло все графические иллюстрации, нашу «Активную грамматику русского языка» (написанную по-норвежски) и некоторые другие материалы.

Отсутствие информации, необходимой для работы

Автор двуязычного словаря порой сталкивается с проблемой недостаточной разработанности, т. е. отсутствием описаний тех или иных элемен-

тов языка. Это можно показать на примере русских конструкций, которые мы условно назовем *у нас есть.../у нас...* Остановимся на этом подробнее.

Указанные конструкции различаются по своим значениям, что хорошо чувствует каждый русский. Ниже будут приведены некоторые (далеко не все!) примеры; по соображениям места значение их описываться не будет. В случаях, когда возможно как употребление конструкции с *есть*, так и ее отсутствие, но с разными значениями, ставятся две косые черты. Примеры: *У неё голубые глаза; У стола три ноги; У этой машины автоматическая коробка передач // У этой машины есть кондиционер; У него хороший слух // У него есть (музыкальный) слух; У неё хорошее зрение; У меня температура; У сестры большое горе; У отца срочная работа // У отца теперь есть работа; Тебя подвезти? — Нет, спасибо, у меня (сегодня) машина // у меня есть машина; У него есть машина, но У них в семье две машины; У неё есть дети // Она сейчас не работает: У неё грудной ребенок; У меня (есть) вопрос; У кого есть ключ от лаборатории? // У кого ключ от лаборатории?; В нашем доме однокомнатные квартиры // В нашем доме есть однокомнатные квартиры* и т. д. и т. п.

Подчеркнем еще раз, что приведены иллюстрации только части значений этих конструкций. Но даже их достаточно для того, чтобы показать сложность решения этой частной проблемы. Мы сами занимались ею и должны признаться, что нам не удалось найти общих сжатых формулировок, которые бы объясняли все случаи глагольного и безглагольного употребления (и к тому же были инструктивны для пользователя словаря). Даже объяснение отдельных значений требует достаточно многословных формулировок (естественно, на иностранном языке).

Едва ли есть необходимость доказывать важность такой информации в словаре. Все мы сталкивались со случаями, когда иностранцы говорят: *У меня есть температура; Я не тороплюсь: у меня время; Она сейчас не работает: у неё есть грудной ребенок* и т. п.

Как уже сказано, мы специально занимались данным вопросом, и описать результаты оказалось возможным лишь в статье среднего объема, притом в лингвистических терминах. Естественно, в двуязычном словаре это совершенно невозможно.

Другой пример отсутствия необходимой информации для автора двуязычного словаря — дистрибуция вариантов предлога *в/во*. В толковых словарях русского языка таких сведений мы не нашли. Между тем исчерпывающее описание этой дистрибуции требует много места, особенно если учитывать не только начала существительных или прилагательных, но и «идиоматические» случаи типа *во-первых* (ср.: *в-пятых*); *во имя* (ср.: *в имени*); *во исполнение* (ср.: *привести в исполнение*) и т. д. и т. п. Мы по-

пытались описать такую дистрибуцию (хотя это не входит в задачи автора двухязычного словаря), и наше описание получилось довольно сложным и многословным.

Этим проблема не исчерпывается. Откуда автору русско-иноязычного словаря взять всю информацию такого рода? Занимаясь вопросом «конструкция с *есть* / конструкция без *есть*», мы, как сказано, не нашли в литературе нужного нам описания. Но даже если бы оно имелось, было бы утопией надеяться, что автор русско-иноязычного словаря станет ради этих конструкций копаться в лингвистической литературе в поисках такого описания. Строго говоря, это и не его задача: он, в принципе, должен иметь готовый исходный материал, и его задача — адекватная передача его на иностранном языке.

Далее, автор двухязычного словаря, в общем, работает в условиях цейтнота и потому просто не может тратить много времени на такие частные вопросы. Но об этом ниже.

У проблемы *у нас.../у нас есть...* имеется еще одна важная принципиальная сторона. Если конструкции с *есть* можно поместить в определенную статью (*есть* или *быть*), то безглагольные конструкции, т. е. конструкции с нулевой морфемой, ни к какой статье «не привязать», значит, ни в какую статью не поместить. Разумеется, обе конструкции целесообразно дать вместе, но формально конструкциям без *есть* не место в статье *есть*.

(Вообще включение в словарь конструкций с нулевыми морфемами — сложная лексикографическая проблема. Однако на ней мы здесь не имеем возможности останавливаться.)

В отношении конструкций *у нас.../у нас есть...* и сходных случаев возможно одно простое, хотя, видимо, и не оптимальное решение. Их можно приводить в словаре без лингвистического комментария, но с иллюстративными или «объяснительными» переводами, из которых пользователь сам извлечет необходимую информацию. Так, в переводном эквиваленте предложения *В нашем доме однокомнатные квартиры* указывается значение ‘только’ и т. п. При подобном решении, правда, на пользователя возлагается задача самому вывести нужные правила. Существует, конечно, опасение, что не все пользователи обладают достаточными индуктивными лингвистическими способностями.

Строгость описания значения

Автор двухязычного словаря сталкивается далее со следующей дилеммой. Значение ряда разрядов слов (предлогов, вспомогательных и модальных глаголов и т. д.) может быть адекватно описано только в лингвистических терминах. Однако словарем пользуются в основной своей массе не-филологи, которым эти термины неизвестны, и строгие научные фор-

мулировки могут быть им просто непонятны, не говоря уже о том, что такие строгие описания значений зачастую требуют много места.

Это же требование строгости научного изложения и построения статьи приходит не столь уж редко в противоречие с соображениями удобства пользования словарем. Это можно проиллюстрировать примером скандинавских многозначных глаголов (скажем, *slå*), употребляющихся также с приглагольными частицами (*slå an, slå av, slå bort, slå etter* т. д.). С одной стороны, большая часть значений (иногда их довольно много) таких сочетаний глаголов с частицами (но не все!) при строго научном подходе должна быть разнесена по разным значениям глагола без этих частиц, с другой — поиск сочетаний с частицами при таком построении статьи становится крайне трудоемким (статья *slå* в БНРС, написанная нами, занимает три страницы по три столбца плотного набора). Поэтому именно для удобства пользователя, для большей обзорности сочетания с приглагольными частицами признано целесообразным выделять их в особую часть словарной статьи. Практическое требование минимализации времени поиска пользователем оказывается в таких случаях определяющим.

Фактор времени

В общем, каждый лексикограф работает в условиях цейтнота. Издательства по понятным причинам устанавливают автору/авторам словаря жесткие сроки: нам неизвестны словарные издательства, которые бы заключали договор, например, на десять лет. Зачастую сами издательства понимают нереалистичность договорного срока и пролонгируют договор, но сравнительно ненадолго. Нередко срок продлевается несколько раз.

Дамоклов меч срока сдачи висит над авторами и заставляет их работать быстро. Нередко автор рассуждает так: «Я не могу тратить целый час на эту небольшую статью» и делает ее без полной отдачи, в лучшем случае надеясь на ответственного редактора. На долю последнего, если он добросовестно относится к своей задаче, выпадает колоссальная работа: проверка полноты словника и пополнение его в необходимых случаях; контроль за структурой словарных статей, в частности за правильным членением значений и размещением иллюстративного и фразеологического материала; выверка правильности эквивалентов (одна из важнейших задач!), как с точки зрения их адекватности, так и с точки зрения стилистической; обширная техническая правка (шрифтовые выделения, знаки препинания, интервалы, правильное использование условных знаков и сокращений) и многое, многое другое.

Работая в качестве ответственного редактора над БНРС, рукопись которого (естественно, в виде компьютерных распечаток) составила около 5500 страниц, мы вносили в среднем по 50 исправлений, а также до 10 вста-

вок на самоклеящихся листках на страницу. Сотни статей вообще не подавались редактированию в распечатках, и мы сами полностью набирали новый вариант на компьютере. Всего, по нашей оценке, в рукопись БНРС нами внесено более четверти миллиона разного рода исправлений. За хороший полный рабочий день удавалось (правда, далеко не всегда) отредактировать около 12 страниц, иногда значительно меньше. (Добавим, что нами написаны самые сложные статьи — предлоги, вспомогательные глаголы, местоимения, ряд многозначных глаголов и др.) Естественно, эта работа совершалась в условиях жесткого цейтнота.

Лексикографическая квалификация

За единичными исключениями, специализации «лексикография» нет в вузах большинства стран. Это означает, что на практике за лексикографическую работу берутся люди, не имеющие соответствующей подготовки и обучающиеся словарному делу в процессе работы.

Словарная работа, как и всякая другая, предъявляет к исполнителю ряд требований, из которых не последнее место занимают способности, о чем почему-то не принято говорить. Естественно, что в этой ситуации огромная роль принадлежит ответственному редактору (руководителю проекта). В частности, ему необходимо осуществить на начальном этапе работы обучение авторского коллектива началам двуязычной лексикографии, читать первые пробы авторской работы и вносить исправления, а в той мере, в которой ошибки имеют принципиальный характер, знакомить с правильными решениями других членов авторского коллектива. Такую практику мы осуществляли на начальном этапе работы над БНРС. Анализируя и суммируя обнаруженные у одного автора ошибки, мы составляли письма и рассылали их всем авторам.

Автор двуязычного словаря, как всем понятно, имеет дело с самым разнообразным материалом, нередко ему незнакомым, как на входном, так и на выходном языке словаря. В подавляющем большинстве своем лексикографы — филологи, и, разумеется, им не может не хватать знаний в разных областях — технике, науке, медицине, спорте и т. д. Обращаться к специалистам не у всех есть возможность и время. Чаще всего ответа ищут в других словарях, что не всегда эффективно и надежно; есть немало примеров того, как неточности перекочевывают из словаря в словарь.

Поскольку словари теперь в абсолютно преобладающем числе случаев делаются коллективами и статьи по буквам делятся между отдельными авторами, сказанное приводит помимо прочего к одному нежелательному эффекту, а именно — нарушению системности в словнике. Словник, в принципе, должен характеризоваться в низкочастотной своей части примерно одним «уровнем глубины». Если в качестве нижнего предела бе-

ругся, например, лексемы, характеризующиеся частотой $1 : 10^{-x}$, то нежелательно брать лексемы с частотой $1 : 10^{-y}$. И наоборот, лексемы с первой из названных частот следует брать полно. (Конечно, при отсутствии надежных лингвостатистических данных делается это на уровне интуиции.) Системность проявляется в том, что если из какой-либо области берется одна единица, то следует брать и другие единицы того же частотного порядка. Несколько элементарных примеров. При наличии в словаре слова *карбюратор* следует брать слово *инжектор* (современные автомашины обычно имеют инжекторы). Если включается название *Книга Бытия*, то должны быть включены и названия *Книга Исход... Книга Второзаконие*. Неправильно брать, например, из древнескандинавской мифологии имена богов *Один*, *Тор*, *Ньёрд* и не брать *Локи*, *Фрейя* и др. К сожалению, при «побуквенной» работе членов коллектива такое встречается достаточно часто. Конечно, за систематичностью следит ответственный редактор, однако полагаться на это не следует.

В идеале нарушений систематичности можно избежать, если по отдельным областям лексики составлять особые списки. Среди различных списков, составленных для БНРС, назовем составленный нами список имен и слов, связанных с древнескандинавской культурой.

Владение обоими языками словаря

В идеале лексикограф должен в равной степени владеть обоими языками словаря — как своим родным, так и иностранным. Как всем очевидно, такое встречается крайне редко (и, отметим в скобках, не в среде лексикографов). Рассмотрим эти требования порознь.

Безупречное владение своим родным языком, к сожалению, вещь, встречающаяся далеко не всегда. Каждый сталкивался с корявыми переводами художественной литературы, избоблюющими стилистическими ошибками. Естественно, то же наблюдается в двуязычной лексикографии. Для иллюстрации приведем несколько примеров из первоначального варианта рукописи БНРС (у всех авторов этих переводов родной язык — русский!): *Он зарделся как рак; Он ввёл машину задним ходом в стену; Фильм поднял суматоху; Им туго с деньгами; Посмотреть боком на что-л.; Меня чуть не хватил удар, услышав цену; Он шибко задумался; предложение по бросовой цене; с быстрой скоростью; перелом лыж; юбка сморщилась* и т. д. и т. п.

Такие ошибки в двуязычном словаре особенно опасны, поскольку они потом тиражируются пользователями.

Что касается иностранного языка, то владение им на уровне языка родного (а также знание культуры коллектива, говорящего на этом языке) встречается крайне редко. Не будем останавливаться на очевидных причинах такого положения, отметим лишь, что неполное знание иностранного

языка характерно даже для многих лиц, проживших в чужой стране немало лет.

Особенно чувствуется это у лиц, не живших в другой стране в детские годы. Незнание детской литературы, фольклорных произведений, детских кинофильмов и др., с которыми знакомятся в раннем возрасте, — характерный пробел даже у тех взрослых, кто прекрасно владеет иностранным языком. Приведем несколько (из сотен, а скорее и тысяч) русских примеров таких разнообразных «детских лексических единиц»: *Откуда? — От верблюда; Тянут-потянут, вытянуть не могут; В лесу родилась ёлочка...; Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять...; Сорока-ворона кашу варила...; На дворе трава, на траве дрова; Кто сидел на моем стуле и сдвинул его с места?; Чего тебе надобно, старче?; Что такое хорошо и что такое плохо; Ну, погоди!; Ни в сказке сказать, ни пером описать; Мама мыла раму* и т. д. и т. п. Многие из этих примеров, как видно, приведены не полностью. Сюда же относятся «взрослые» популярные цитаты из литературных произведений, кинофильмов, рекламы и т. п., например: *С ним была плутовка такова; Спой, светик, не стыдись; Я пришёл к тебе с приветом; Не делайте из еды культа; Восток — дело тонкое; Надо, Федя, надо; Ребята, давайте жить дружно; сладкая парочка* и т. п.

В этой связи позволим себе небольшое отступление. Уже много лет автор этой статьи высказывал устно и письменно мысль о необходимости издания пособий под условным названием «Строки, которые знает каждый русский (англичанин, немец, француз, чех и т. д.)». Такое пособие, предназначенное для иностранцев, изучающих соответствующий язык, должно включать те широко известные и употребительные цитаты, которые едва ли можно назвать крылатыми словами, поскольку для большинства последних характерна афористичность и глубина мысли. Речь идет, таким образом, не об антологии лучших образцов словесности, а о сборнике популярных цитат (в свое время мы назвали их простыми). Некоторые тексты (например, «Телефон» К. Чуковского) приводятся полностью, некоторые в выдержках. Впрочем, структура такого пособия — особая тема.

* * *

Были рассмотрены некоторые противоречия, связанные с работой в области двухязычной лексикографии. Мы постарались показать, что ряд объективных моментов не позволяет современным двухязычным словарям соответствовать высоким лексикографическим идеалам. В сколь угодно хорошем, сделанном крайне добросовестно словаре всегда можно найти недостатки (многие пользователи с наслаждением выискивают пропуски, не вполне удачные переводы и пр.). Современный словарь фатально не

может быть свободен от недостатков. На нынешнем этапе лексикография остается искусством возможного.

V. Berkov

TOSPRÅKLIG LEKSIKOGRAFI OG VIRKELIGHET

(Prosaiske betraktninger etter at *Stor Norsk-Russisk Ordbok*–2003 er kommet ut)

I artikkelen skrevet av ordbokens hovedredaktør gjøres det rede for hvorfor en aldri så stor tospråklig ordbok ikke kan gi svar på alle mulige spørsmål brukeren måtte ha. Blant de mange faktorene som forårsaker dette, nevnes følgende: lemmalisten har sine begrensninger; i en rekke tilfeller mangler ordboksforfatteren nødvendig informasjon; betydningen av noen lemmaer (f.eks. preposisjoner) krever en strengt vitenskapelig beskrivelse som er alt for vanskelig for den jevne bruker; arbeidet med ordboken foregår under tidspress; noen leksikografer har utilstrekkelige kvalifikasjoner.

Leksikografien er fremdeles det muliges kunst.

О КРЫЛАТЫХ СЛОВАХ

Термин *крылатое слово* (далее КС), восходящий еще к Гомеру (гр. ἔλεα πτερόετα), в современном значении был впервые употреблен немецким филологом Георгом Бюхманом (1822–84), выпустившим в 1864 г. словарь под названием «Geflügelte Worte». Словарь этот сразу же приобрел у себя на родине огромную популярность. Только при жизни Бюхмана, за 20 лет, вышло 13 изданий.

Словарь Г. Бюхмана 1864 г. вызвал появление подобных словарей в других странах. Правда, типы их, как будет показано ниже, весьма существенно варьируются, а сам термин *крылатое слово* употребляется преимущественно в странах немецкого, славянских и скандинавских языков, но существо от этого не меняется. Очевидно, что такие словари отвечают бесспорной общественной потребности.

Эта популярность словарей КС вполне естественна. КС выполняют в речи очень важную и специфическую функцию. Они дают возможность ярко и сжато выразить мысль, метко и кратко охарактеризовать явление, ситуацию, отношение, человека, в превосходной литературной форме высказать свое чувство. Это — «готовые» формулировки человеческого опыта, жизненной мудрости, емкие обозначения типов, характеров и положений, выражение восхищения и иронии, благоговения и насмешки, печали и шутки и т. д. — это облеченные в отточенную языковую форму мысли выдающихся философов, ученых, писателей, государственных деятелей. Это — золотой фонд мировой и национальной культуры. В памяти любого образованного человека хранятся многие сотни КС, которые употребляются в его родном языке, а нередко и многие популярные иноязычные цитаты. Не случайно, что словари КС относятся к числу лексикографических пособий, особенно популярных у читателей, тиражи их обычно оказываются недостаточными, они, как правило, неоднократно переиздаются.

Есть у КС еще один немаловажный аспект. Хотя в фонде КС, используемых каким-либо народом, множество цитат восходит к иноязычным источникам, весь он в совокупности носит отчетливый национальный отпечаток. Этот фонд КС определенным образом отражает национальный характер, культуру народа, историю страны. Действительно, из бесчисленных источников, из необозримого количества потенциальных цитат — будь

Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. 1) Большой словарь крылатых слов русского языка. [1-е изд.] / Около 4000 единиц. М.: Рус. словари; Астрель; АСТ, 2000. С. 3–15; 2) Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. 2-е изд.: В 2 т. / Около 5000 единиц. Магнитогорск; Greifswald, 2008–2009. Т. 1. С. 16–30.

то произведения античных авторов, Библия, отечественная и иностранная литература, высказывания исторических лиц, афоризмы философов, изречения ученых и т. д. — народ отобрал, в ряде случаев видоизменив и придав новое значение, лишь то, что соответствует его представлениям об истине, справедливости, добре, прекрасном, выражает его чаяния, совместимо с его понятием о человеческом достоинстве, удовлетворяет его требованиям выразительности, емкости и, не в последнюю очередь, чувству юмора. Сказанное, разумеется, не исключает того, что народ может использовать для характеристики чуждой идеологии, чуждой системы моральных ценностей такие КС, которые не только не соответствуют его морали, но и в корне противоречат ей: ср., например, русские КС *Человек человеку волк*; *Цель оправдывает средства*; *Разделяй и властвуй*; *Пушки вместо масла* и т. п. Они, конечно, используются особым образом — с осуждением, иронически и т. д., и именно такое отношение к подобным КС, отражающим иную, враждебную идеологию, также хорошо характеризует мораль и этику языкового коллектива. Таким образом, словарь КС — это также правдивый рассказ, источник объективной информации о народе, его культуре, духовном складе.

* * *

Точное определение объема понятия термина *крылатое слово*, установление критериев, позволяющих четко отделить КС от других единиц, описание всех их признаков сопряжено с рядом трудностей.

В литературе, посвященной КС, отмечается, что практически все их определения до некоторой степени отличаются друг от друга¹.

В 1-м издании своих «*Geflügelte Worte*» 1864 г. Георг Бюхман определял КС «как отмеченные в литературе, широко распространенные выражения» (*literarisch belegbare, allgemein geläufige Redensarten*). В последующих изданиях это определение было расширено: под «литературой» понимались уже печатные источники любого характера. К категории КС относят традиционно также высказывания исторических лиц (понимая под последними любого реально существовавшего или существующего человека). В общем, *mutatis mutandis*, те, кто занимался КС, сходятся в том, что под ними понимаются достаточно широко распространенные цитаты из определенного письменного источника или высказывания определенного лица.

Однако даже если принять это строгое и жесткое определение, остаются несколько моментов, требующих существенных уточнений.

Всякий, кто внимательно ознакомился со словарями КС, обнаруживал, что в них включено определенное количество единиц, источник которых

¹ См., например: Evensberget S., Gundersen D. *Bevingede ord*. Oslo, 1967. S. VI.

либо не установлен вообще, либо установлен предположительно. Казалось бы, в этих случаях составитель отходит от основного принципа выделения КС: коль скоро источник неизвестен, мы уже по определению имеем дело не с КС, а с поговоркой, поговоркой или иным фразеологизмом фольклорного происхождения. Однако такой прямолинейный подход был бы неправилен: обычно стилистические, лексические и иные особенности таких единиц указывают на их книжное происхождение. Ср.: лат. *ex Oriente lux* (*ex occidente lex*) ‘с востока свет (с запада закон)’; *Silent musae inter arma* ‘Когда гремит оружие, музы молчат’². Немало случаев, когда не установлено происхождение и сравнительно новых выражений. Так, в общем, неясно возникновение КС *развесистая клюква*, которое устной традицией приписывается Александру Дюма-отцу, но, видимо, безосновательно; оно появилось предположительно в начале 1900-х годов, но получило широкое распространение после 1910 г., когда в петербургском театре «Кривое зеркало» была поставлена пародийная пьеса «Любовь русского казака»³. Из совсем недавно возникших КС, первоисточник которых не установлен, можно назвать, например, такие: *методом проб и ошибок*, *утечка мозгов*, *тактика выжженной земли*. Дорога, проложенная во время Великой Отечественной войны по льду Ладожского озера и связывавшая осажденный Ленинград с «большой землей», была впервые названа *дорогой жизни*, очевидно, в статье в «Правде» 9 мая 1942 г., но вполне возможно, что это название возникло раньше. Число подобных примеров можно было бы увеличить.

Немалое количество КС лишь предположительно может быть приписано тому или иному лицу. Так обстоит дело с рядом устных высказываний исторических лиц: когда отсутствует письменная фиксация современниками, нет уверенности, что эти сведения точны, что, например, авторство не было приписано данному лицу позднее — его приверженцами, подданными и т. п. Формулой *Divide et impera* ‘Разделяй и властвуй’ руководствовался еще римский сенат, но автор ее неизвестен, и ее приписывали и Филиппу Македонскому, и Макиавелли, и Людовику XI. Считается, что выражение *Мир тесен* восходит к Христофору Колумбу — трудно сказать, верно ли это. Историки полагают, что КС *Победителей не судят* приписывается Екатерине II без оснований, точное его происхождение не установлено. Принято считать, что широко известное выражение *O, sancta simplicitas!* ‘О, святая простота!’ было произнесено на костре Яном Гусом

² Впрочем, возможно, что это выражение является переделкой цитаты *Silent leges inter arma* ‘Во время войны законы молчат’ (Цицерон. В защиту Милона, 4, 11), но и в этом случае источник точно не установлен.

³ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. 4-е изд., доп. М., 1987. С. 295–296.

(1415), увидевшим, что какая-то крестьянка (или какой-то крестьянин) в слепом религиозном рвении подбрасывает хворост в костер, на котором он погибал, однако этот факт оспаривается; с другой стороны, согласно церковному историку Руфину, именно при помощи слов *sancta simplicitas* некий богослов победил в споре и обратил в христианскую веру одного философа на первом Никейском соборе в 325 г., т. е. за 11 веков до сожжения Яна Гуса. Выражение *Северная Пальмира* (о Петербурге) впервые употребил, вопреки утверждению писателя Д. В. Григоровича, не Ф. В. Булгарин в 20-е годы XIX в.: оно использовалось (в форме *Пальмира Севера*) с середины XVIII в.⁴ Весьма вероятно, что в ряде таких случаев мы сталкиваемся с ситуацией, когда одна и та же мысль возникала у разных людей в разные периоды и получала независимо более или менее сходное языковое выражение. Распространенность подобных случаев хорошо отражена французским КС *Les beaux esprits se rencontrent* 'Великие умы сходятся'. Что же касается случаев типа *Победителей не судят*, когда можно считать доказанными неправильность принятой атрибуции и тем самым отсутствие атрибуции, нет, представляется, оснований исключать подобные выражения из разряда КС.

Другую обширную группу спорных случаев представляют собой КС, восходящие к мифологии, космогоническим представлениям прошлого, средневековой науке, древнему праву и т. п. Для них источник определяется только приблизительно. Выражение *terra incognita* встречалось на старинных картах и глобусах; более точно определить его возникновение едва ли возможно. К древним космогоническим представлениям восходят КС *пуп земли, три кита, витать в эмпириях* и т. п. Средневековой науке мы обязаны употребляемыми метафорически КС *философский камень* и *эликсир жизни*. В отношении юридического правила *Audiatur et altera pars* 'Следует выслушать и противную сторону' можно с достоверностью утверждать лишь то, что оно — видимо, в различной форме — встречалось в Древней Греции и в Древнем Риме, а в варианте *Audi partem alteram* 'Выслушай противную сторону' употреблено Блаженным Августином (в трактате «О двух душах», 14, 22).

Не укладываются в жесткое определение КС многочисленные метафорические употребления названий исторических событий (типа *Мамаево побоище, Ходынка*), исторических явлений (*крестовый поход, старая гвардия, пятая колонна*), исторических лиц (*Меценат, Крез, Демосфен, Лукулл* — обычно в сочетаниях типа *лукуллов пир* и аналогичных — *серый кардинал* или *серое пресвященство, Ксантиппа*) и т. п. Строго говоря, источником этих КС как таковых являются не сами исторические собы-

⁴ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Указ. соч. С. 312–313.

тия, явления, лица, а люди, впервые использовавшие эти названия метафорически. Однако для большей части КС такого происхождения автор их — в указанном выше смысле — неизвестен. Характерно, что в отношении КС подобного типа словари непоследовательны и не регистрируют многие весьма употребительные имена исторических лиц, названия исторических событий и т. д., используемые переносно. Так, в доступных нам словарях КС нет, к примеру, статей *Наполеон* (о человеке с грандиозными честолюбивыми планами), *Мессалина* (о развратной женщине) и т. д. Между тем, если в словарь КС включаются статьи *старый режим*, *золотая молодёжь*, *лаконизм*, то логично было бы отметить и метафорическое использование, например, таких историзмов, как *плебей*, *спартанец*, *опричник*, *ландскнехт*, *гренадёр*, *иезуит*, *еретик*, *аутодафе*, *инквизиция*, *энциклопедист* и т. п. Такие единицы не укладываются в определение КС, и поэтому нет основания включать их в словари КС.

Особый круг проблем представляет собою включение в словари КС пословиц, поговорок и других фразеологических единиц (далее ФЕ). Здесь можно выделить несколько вопросов.

Во-первых, среди составителей словарей КС нет единства в отношении включения, так сказать, «чистых» пословиц и поговорок, т. е. таких единиц, которые являются результатом народного творчества и определение авторства которых невозможно. Например, норвежский словарь КС⁵ включает множество подобных выражений, в особенности тех, которые зарегистрированы в старинных сборниках пословиц и поговорок. Однако, как правило, «чистые» пословицы и поговорки в словари КС не включаются.

Во-вторых, заслуживает внимания вопрос о включении таких пословиц и поговорок, которые стали известными благодаря популярным литературным произведениям, высказываниям выдающихся лиц и т. п. Мало известные доселе, эти пословицы и поговорки как бы переживают второе рождение, получают широкое хождение и прочно связываются у читателей с определенным литературным произведением или историческим лицом. Ограничимся несколькими примерами. КС *стрелять из пушек по воробьям* получило широкое распространение после того, как Мольер употребил его в «Школе мужей» (1661), но, видимо, это — старое выражение. Английская поговорка *Facts are stubborn things* ‘Факты — упрямая вещь’ приобрела известность после того, как Т. Дж. Смоллет употребил ее в своем переводе «Истории Жиль Блаза» Лесажа. КС *Les beaux esprits se rencontrent* ‘Великие умы сходятся’, встречающееся в переписке Вольтера и обычно ему приписываемое, является французской пословицей. Думается, выражения подобного типа должны рассматриваться как КС.

⁵ Evensberget S., Gundersen D. Op. cit.

Наконец, в-третьих, значительно сложнее вопрос, представляющий собой, так сказать, обратный случай: вопрос о цитатах, потерявших признак цитатности, т. е. переставших восприниматься как цитаты и вошедшие, по выражению С. И. Ожегова, «в ряды „безымянных“ фразеологических единиц языка»⁶. Нередко встречается мнение, что выражения такого рода являются ФЕ, а не КС, и по этой причине не должны включаться в словари КС. Такая точка зрения представляется основанной на недоразумении.

Как известно, основным признаком ФЕ является устойчивость, т. е. заданность состава. Этот признак полностью присущ и КС. Что же касается другого существенного признака ФЕ — сдвига значения, или семантического обособления, то он характерен и для большого количества «бесспорных» КС, т. е. цитат, сохраняющих признак «цитатности»: ср., например, *камень преткновения*; *глас вопиющего в пустыне*; *Возвращается ветер на круги своя*; *Мавр сделал свое дело, мавр может уходить*; *подпоручик Киже*; *царевна Несмеяна*; *летучий голландец* и т. п. Поэтому противопоставление КС фразеологизмам просто некорректно. Не случайность, что в теоретических работах КС рассматриваются как вид ФЕ⁷. В общем, в мире принято включать в словари КС такие цитаты, утратившие для среднего носителя языка печать «авторства». Так, немецкие словари КС содержат статьи *auf Sand bauen* ‘строить на песке’, *mit Füßen treten* ‘попирать ногами’, *wie Ein Mann* ‘как один человек’, *Öl ins Feuer gießen* ‘подливать масло в огонь’, *die Haare stehen zu Berge* ‘волосы встают дыбом’, *goldene Berge versprechen* ‘сулить золотые горы’, *kein Wässerchen trüben* ‘воды не замутить’, *vor Neid Platzen* ‘лопаться от зависти’ и множество подобных. Норвежский словарь КС включает в себя, например, статьи *le poen opp i ansiktet* ‘смеяться кому-либо в лицо’, *som en dråpe i havet* ‘как капля в море’, *en av de mange* (лат. *unus multorum*) ‘один из многих’, *en gang for alle* ‘раз и навсегда’, *med lett hjerte* (фр. *le coeur léger*) ‘с легким сердцем’, *skape seg et navn* ‘создать себе имя’, *skarp som en barberkniv* ‘острый как бритва’ и т. п. Вообще степень ощущения говорящими «цитатности» КС, т. е. их литературного происхождения, весьма различна. Безусловно, очень многие цитаты четко ассоциируются с определенным автором и произведением, говорящие точно помнят, кому принадлежит данное высказывание, ср., к примеру, *А ларчик просто открывался*; *речь не мальчика, но мужа*; *А судьи кто?*; *Я тебя породил, я тебя и убью*; *лишние люди*; *Человек — это звучит гордо!*, и т. д. Однако с очень большим числом КС, широко используемых в речи, дело обстоит иначе: говорящие отчетливо ощу-

⁶ Ожегов С. И. О крылатых словах: (По поводу книги Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова») // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 224.

⁷ Например: Там же. С. 219, 220, 225, 227; Маслов Ю. С. Введение в языкознание. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1987. С. 119–120 и др.

щают, что это выражение — цитата, но источника не помнят или не знают. Так, видимо, мало кто может сказать, что источник КС *Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо* (лат. Homo sum, humani nil a me alienum puto) — комедия Теренция «Самоистязатель». Оценка говорящими «цитатности» какого-либо выражения, вообще, не может не быть субъективной. Если источник данного выражения известен, то нет оснований не считать его КС, как бы ни была стерта его «цитатность».

Важным критерием «крылатости» выражения, восходящим еще к первому изданию словаря Г. Бюхмана, является его употребительность. Теоретически вполне определенный, критерий известности цитаты, ее широкой распространенности оказывается в приложении к конкретному материалу достаточно расплывчатым и субъективным.

Конечно, есть множество цитат, широкая употребительность которых ни у кого из образованных членов данного языкового коллектива не вызывает сомнений. Таковы, например, русские КС (русского и иноязычного происхождения): *Слона-то я и не приметил*; *Есть еще порох в пороховницах*; *времен очаковских и покоренья Крыма*; *без божества, без вдохновенья*; *отцы и дети*; *Из искры возгорится пламя*; *Никто не забыт и ничто не забыто*; *Пришёл, увидел, победил*; *камня на камне не оставить* и множество других. Однако имеется достаточно много случаев, когда решить вопрос об употребительности той или иной цитаты совсем не просто, а этот вопрос, естественно, встает перед каждым составителем словаря КС. Лингвостатистические исследования частоты использования КС в письменной и устной речи отсутствуют, и лексикографу приходится руководствоваться двумя критериями: своим субъективным ощущением употребительности цитаты (возможно, уточненным консультацией с несколькими лицами) и фактом использования данной цитаты в текстах других авторов. Легко показать, что оба эти критерия не вполне надежны.

Совершенно очевидно, что человеческие память и вкус весьма избирательны. Особенно это относится к литературным произведениям. Читая один и тот же текст, разные люди, в зависимости от своих индивидуальных особенностей, в частности от вкуса и памяти, а порой и случайных внешних обстоятельств, запоминают его с разной степенью полноты и обращают внимание на разные детали. У нас, видимо, все читали «Мертвые души», но один может на всю жизнь запомнить слова Чичикова в разговоре с Маниловым *В натуре находится много вещей, неизъяснимых даже для обширного ума*, другой может эту цитату вскоре забыть, а третий и вовсе не заметит ее. Многие у нас в стране используют цитаты *потный вал вдохновения* или *Бензин ваш — идеи наши* И. Ильфа и Е. Петрова, но они известны не всем.

Использование цитаты другими авторами — также, в общем, не вполне надежный критерий. С. И. Ожегов в свое время справедливо упрекал

Н. С. и М. Г. Ашукиных в том, что они включили в свой сборник «Крылатые слова» некоторые, с его точки зрения, малоупотребительные и вовсе неупотребительные цитаты на том основании, что они приводятся у других авторов. Он писал: «Прежде всего надо сказать, что некоторые цитаты, приведенные в книге, вообще сомнительны как „крылатые слова“. Ведь нередко пишущие по ходу своей мысли, чтобы иллюстрировать ее сжатым резюме или яркой характеристикой, приводят цитату. Таковы, напр., цитата из Пушкина *Мечты поэта, историк строгий гонит вас!* в статье Н. Д. Добролюбова, цитата из Жуковского *В боренье с трудностью силач необычайный* в письмах Пушкина, цитата из И. И. Дмитриева *Мышонок, не выдавший света* в статье Н. К. Михайловского. Вряд ли подобные цитаты следует рассматривать как „крылатые слова“, вошедшие или входившие в общий язык»⁸. К этому остается добавить, что далеко не всегда, приводя в подтверждение своей мысли цитату, автор ограничивает себя кругом употребительных цитат, напротив, нередко он как раз стремится дать цитату малоизвестную, ранее не использовавшуюся, яркую именно этой своей новизной. Причины такого отбора цитат бывают разные: начитанный автор может вполне естественно процитировать полюбившееся ему место (ср., например, произведения Ф. Д. Кони), с другой стороны, возможно и просто желание шегольнуть своей эрудицией, произвести впечатление. Тут уместна параллель с использованием цитат в качестве эпиграфов: как правило, используются цитаты малоизвестные.

Существен еще один момент, также отмечаемый С. И. Ожеговым. Корпус цитат, используемых каким-либо языковым коллективом, естественно, не остается неизменным во времени. Меняется круг чтения людей, забываются популярные в свое время второстепенные произведения литературы, популярные некогда цитаты теряют актуальность, уходят в прошлое события и отношения, вызвавшие появление модного для своего времени выражения⁹.

К сказанному выше, впрочем, следует сделать одно дополнение. Встречаются случаи, когда сам факт цитирования — обычно крупным автором — способствует широкому распространению цитаты, как бы дает ей путевку в жизнь. Вряд ли во второй половине XIX в. средний русский читатель был хорошо знаком с творчеством П. А. Вяземского, а уж в наше время его произведения читают, в общем, те, кто занимается историей литературы. Однако цитата из Вяземского *И жить торопится и чувствовать спешит* стала известным КС благодаря тому, что Пушкин использовал ее в качестве эпиграфа к I главе «Евгения Онегина».

⁸ О ж е г о в С. И. Указ. соч. С. 222–223.

⁹ Там же. С. 223.

Рассмотрим еще два вопроса — типы цитации и смысловые особенности КС.

Типология цитации — обширная самостоятельная тема. Ограничимся здесь лишь общими соображениями.

Случаи цитации (не только КС) можно рассматривать с разных сторон, в зависимости от чего возможны разные их классификации. Этих классификаций по крайней мере три.

1. С точки зрения характера использования выделяются случаи эксплицитного и имплицитного цитирования.

Под первым понимаем использование цитаты таким образом, что в тексте отмечается сам факт цитирования, т. е. автор тем или иным способом сигнализирует о том, что данный отрезок текста является цитатой. Естественно, что таких способов несколько: это — прямое указание на автора цитаты, использование слов, указывающих на то, что источник цитаты — иной текст, употребление кавычек и т. д. Ср.: *Словно предвосхищая изречение Станиславского или Немировича-Данченко: «Театр начинается с вешалки», Гёте показал скрытую от зрительских глаз внутреннюю жизнь «Дома Талии»...* (Гинзбург Л. Разбилось лишь сердце мое // Новый мир [далее НМ]. 1981. № 8. С. 136); *«Когда боги хотят покарать человека, они лишают его рассудка» — так, кажется, говорили древние?* (Парнов Е. Ларец Марии Медичи. М., 1982. С. 389); *Хотя «мысль изреченная есть ложь», но в то же время она уже внешняя модель. Изложение — это кристаллизация мыслей* (Амосов Н. Книга о счастье и несчастьях // Наука и жизнь. 1983. № 7. С. 109); *Кузьма Кузьмич собирал монеты «времен очаковских и покоренья Крыма» — монеты старинные, преимущественно золотой и серебряной чеканки* (Неделя. 1983. № 30. С. 2); *Будто <...> он хотел доказать, что всё спокойно в городе Багдаде... Почему-то эта фраза из какого-то кино вспомнилась ему сейчас* (Приставкин А. Городок // НМ. 1983. № 1. С. 161).

Имплицитное цитирование, т. е. цитирование без какой-либо сигнализации о том, что данная единица взята из другого текста, — явление значительно более распространенное, нежели эксплицитное цитирование. Имплицитное цитирование может быть осознанным и неосознанным, последнее обычно характерно для широко употребительных цитат, авторство которых уже перестало или перестает ощущаться, о чем говорилось выше. Часто это — цитаты, синтаксически эквивалентные членам предложения (т. е. не целые предложения), и они «органически входят в синтаксическую структуру речи»¹⁰. Примерами имплицитного цитирования могут служить следующие: *...мы пошлем товарища Потапова в Озерное разби-*

¹⁰ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 223.

ратся в этом вопросе. И пусть он сам себя высечет, как унтер-офицерская вдова. Или наоборот: пусть расскажет нам, что ни в чем не виноват (Иванов С. Из жизни Потапова // НМ. 1983. № 6. С. 64); — Какое, товарищи, будем принимать решение?.. Желает ли кто еще высказаться? — Народ, однако, безмолвствовал (Там же. С. 66); — Жив, курилка? Я-то вчера перепугалась, когда в дверь увидела, что вы весь белый лежите. Думаю: а вдруг не дышит? (Приставкин А. Указ. соч. С. 183); — Резонно, — одобрил Юра. — Продолжим наши игры. — Он опять взял фотографию, молча пробежал строчки и, найдя нужное место, прочел... (Парнов Е. Указ. соч. С. 74)

Как явствует из приведенных примеров употребления цитат, они используются в разных частях текста: в авторской речи, в речи героев и т. д. Есть, однако, один тип элементов текста, где цитаты употребляются особенно широко. Это — заглавия книг, журнальные и особенно газетные заголовки. Почти в каждом номере газеты можно обнаружить заголовки — цитаты из популярных произведений, в первую очередь поэтических. Особенно популярны в качестве заголовков цитаты из широко известных песен. Цитаты приводятся в таких заглавиях и заголовках в усеченном виде. Стоит отметить, что в заглавиях и заголовках очень часто используются цитаты, не являющиеся КС в обычном смысле слова: их употребление ограничено. Вместе с тем вопрос о цитатах — заглавиях и заголовках заслуживает внимания. Членами языкового коллектива они воспринимаются как знакомые цитаты, в большинстве случаев читатель знает их источник, а это означает, что человеку, для которого русский язык не является родным, желательно иметь пособие, которое помогало ему установить «цитатность» такого отрезка речи.

2. Цитаты, в том числе и КС, приводимые в текстах, различаются и по степени точности их воспроизведения. Их можно разделить на цитаты точные и неточные. Неточность цитирования бывает либо неумышленной, либо умышленной.

Неумышленное искажение цитаты, в свою очередь, может быть индивидуальным, объясняющимся тем, что цитирующий помнит цитату неточно (случай наименее интересный, хотя и весьма частый), либо массовым, когда весь языковой коллектив использует цитату в несколько измененном виде, ср. ряд библейских цитат, например: *Не хлебом единым жив человек* (в Библии: *Не о хлебе едином жив будет человек*), или некоторые цитаты из произведений классиков марксизма-ленинизма, например: *Пролетариат — могильщик буржуазии* (*Она [буржуазия. — Авт.] производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны.* — Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. М., [б. г.]. С. 436).

Умышленные изменения цитат бывают грамматические и лексические и преследуют различные цели. Грамматическое изменение осуществляется обычно для того, чтобы цитата могла быть использована в синтаксическом контексте предложения, ср.: *Она [Барбара Пим. — Авт.] не «оглядывалась во гневе», не требовала всеобщего внимания, а просто и спокойно рассказывала о незаметных драмах незаметных людей* (Злобина Л. Рец. на кн.: Барбара Пим. Осенний квартет // НМ. 1983. № 1. С. 285); *Уже слух обо мне прошел по всей Руси великой?* (Иванов С. Указ. соч. С. 84) и т. д. Сознательные лексические и, следовательно, смысловые изменения цитат имеют целью использование знакомой читателю языковой формы для передачи нового содержания. Благодаря «эффекту обманутого ожидания» такие переиначенные цитаты привлекают внимание читателя, производят на него особое впечатление. Ср., например: *Рыцарь сатиры без страха и упрека, рыцарь Светлого образа — так, пожалуй, можно его назвать* (о Маяковском; Крокодил. 1983. № 20. С. 2); *Если бы Тбилиси не существовало, его следовало бы выдумать* (Неделя. 1982. № 19. С. 24); *Об Утесове можно с полным правом сказать — «песней мобилизованный»* (Брудный Дм. Рец. на кн.: Ю. Дмитриев. Леонид Утесов. М., 1982 // НМ. 1983. № 3. С. 270); *По мнению коллег из-за хребта, получается, что все наши козлотуры шагают не в ногу и только единственный северокавказский турокоз шагает в ногу* (Искандер Ф. Созвездие козлотура // НМ. 1966. № 8. С. 14); *Может и совсем не вернуться: дела инфарктные неисповедимы* (Иванов С. Указ. соч. С. 40); в заглавиях: Н. В. Богословский «*Очевидное, но вероятное*» (М., 1981); Н. Черпанова «*Рыцарь нахального образа*» (Чебоксары, 1982); в заголовках: «*Не цветом единым*» (Химия и жизнь. 1979. № 12. С. 54); «*Не техникой единой*» (Ленинградская правда. 1981. 5 нояб.); «*И словом единым*» (Ленинградская правда. 1983. 3 сент.) и др. Как видно из приведенных примеров, слова-заменители нередко имеют звуковое сходство с заменяемыми словами. В отдельных случаях звуковым подобием исходной цитате сходство и исчерпывается, так как никакой смысловой связи замены и источника может и не быть, здесь только элемент языковой игры. Ср. заголовок «*Миньон дерзаний*» (Комсомольская правда. 1981. 5 нояб.), никак не соотносящийся в смысловом плане с исходной цитатой *мильон терзаний*.

3. В текстах цитаты-КС используются в нескольких функциях.

Наиболее частое их употребление — в функции номинационных единиц: для обозначения явлений, ситуаций, типов, отношений и т. п., например: *...о проблемах молодых безработных, которых уже не первый год называют на Западе новым «потерянным поколением»* (За рубежом. 1983. № 29. С. 16); *В прокрустово ложе ритма ты должен вместишь без остатка себя и плюс еще кое-что очень важное — народную, национальную ин-*

тонацию (Сельская молодежь. 1983. № 5. С. 42); *Многие из эстрадных певцов могут сказать о себе: «Утром проснулся знаменитым»* (Неделя. 1983. № 30. С. 5).

Несколько реже КС используются в качестве аргумента в пользу развиваемой автором мысли, либо в качестве формулировки в большей или меньшей степени распространенного взгляда: *Правильно говорят: новое — хорошо забытое старое* (Книжное обозрение [далее КО]. 1983. № 28); ...«кандиды», которые, подобно герою Вольтера, верят, что все идет к лучшему в этом лучшем из миров (Сельская молодежь. 1983. № 5. С. 48). Вариантом такого употребления, впрочем, не слишком частым, является характеристика какого-либо исторического лица принадлежащими ему же цитатами, ср.: *«Революцией мобилизованный и призванный», Маяковский «всю свою звонкую силу поэта» отдал борьбе за утверждение нового строя, нового искусства высокой идейности* (КО. 1983. № 28); *Когда, красивый, двадцатидвухлетний, / Идешь, / и полководец / и солдат* (Абашидзе И. Твои часы идут / Пер. Д. Межирова // НМ. 1983. № 7. С. 89).

Третий тип использования цитат-КС состоит в «отталкивании» от них, когда выражаемая ими идея ставится под сомнение или опровергается. Например: *«Все ли бумага терпит»* (заголовок; КО. 1983. № 33); *Лицом к лицу лица не увидать — неправда это, еще как увидать!* (Иванов С. Указ. соч. С. 10).

Наконец, КС и вообще цитаты широко используются для оживления речи и перевода ее в шутливую тональность, цитация является часто своего рода языковой игрой¹¹. Такое употребление цитат характерно для юмористической литературы. Ср., например, И. Ильф и Е. Петров, «Двенадцать стульев», гл. 12: *Остан наклонился к замочной скважине, приставил ко рту ладонь трубой и внятно сказал: — Почем опиум для народа?; — И враг бежит, бежит, бежит! — пропел Остан; Будем работать по-марксистски. Предоставим небо птицам, а сами обратимся к стульям; Клопы умирали, но не сдавались*. Особенно типично подобное использование цитат для разговорной речи. Частным случаем здесь является ассоциативное присоединение цитаты к слову-стимулу, входящему в текст сообщения; при этом она не несет смысловой нагрузки¹². Исследователи особенностей цитирования в разговорной речи отмечают частое изменение цитаты, ее «переименование», выделяя несколько типов (в частности, ситуативное

¹¹ Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 204.

¹² Там же. С. 205; ср. некоторые приводимые авторами примеры: А. *Так где мы встретимся?* Б. *Давай прям около касс // Если ты первая придешь / становись прямо в кассу / и покупай бутылку квасу //* (ср. в стихотворении С. Маршак: *А потом помчался в кассу покупать бутылку квасу*); А. *А летом куда?* Б. *В деревню // Б. (подхватывает) К тетке / в глушь / в Саратов //*.

переосмысление; замену одного из слов ситуативно актуальным; преднамеренный обрыв, порождающий новый смысл), а также прием псевдоцитации, т. е. шутовское приписывание какого-либо выражения лицу, не имеющему к нему никакого отношения¹³.

К характерным чертам КС принято относить афористичность, глубину сообщаемой ими мысли, особую выразительность, свежесть, образность. Действительно, эти черты характерны для множества КС, ср., например: *Кто не работает, тот не ест; Ищите и обряцете; В карете прошлого далеко не уедешь; Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь; А ларчик просто открывался; становиться на горло собственной песне* и т. п. Такого рода цитаты образуют как бы один полюс массива КС. На другом полюсе находятся многочисленные цитаты, широко используемые и порой весьма выразительные, но не несущие какой-либо глубокой мысли, не передающие жизненной мудрости, человеческого опыта, а описывающие простые бытовые ситуации. Таковы, например, русские цитаты: *Спой, светик, не стыдись; Я пришёл к тебе с приветом; Давненько не брал я в руки шашек; Не делайте из еды культа; Откуда? — От верблюда!* и т. д. и т. п. Такого рода цитаты, в отличие от крылатых слов в собственном смысле слова, можно назвать разговорными. Видимо, основной источник разговорных цитат — это тот обязательный литературный минимум, который осваивается в школе, в особенности тексты, в обязательном порядке заучиваемые наизусть. Другие их источники в современном обществе — это популярные литературные произведения (в том числе и детские), кинофильмы, песни, эстрадные представления¹⁴, анекдоты, считалки, в последние годы — реклама и т. п. Разговорные цитаты по преимуществу используются в речи для достижения комического эффекта. Разумеется, состав их весьма текуч, очень многое быстро уходит и забывается, но многое, с другой стороны, обнаруживает поразительную устойчивость. Описание корпуса разговорных цитат современного русского языка впервые осуществлено в данном словаре.

Между этими крайними полюсами — КС, выражающими глубокие мысли, и разговорными цитатами, не имеющими серьезного содержания, — располагается широкий спектр промежуточных слоев. Среди них следует особо выделить обширнейшую группу таких цитат из литературных произведений, которые отличаются отточенностью языковой формы, свежестью и красотой образа, но лишены философски-обобщающего смысла. Они либо описывают, подобно разговорным цитатам, несложные, житейские ситуации и имеют, в общем, довольно обычный смысл, либо дают

¹³ Там же. С. 205.

¹⁴ Ряд примеров такого использования цитат приведен в работе: Там же... С. 206.

образное, поэтическое изображение какого-либо единичного явления, скажем, какого-то момента в истории и т. п. Пушкинское *Я помню чудное мгновенье* запоминается именно благодаря своей поэтичности. Массив подобных цитат в каждой литературе велик, а в таких богатых, как русская, — огромен, и достаточно полный их учет — задача очень сложная. Эта категория цитат особенно трудна для лексикографирования, поскольку здесь возможность субъективности отбора всегда будет значительной. Словарь Н. С. и М. Г. Ашукиных включает около двух десятков цитат из «Евгения Онегина», но можно привести еще множество отрывков, которые не только прекрасно известны всем, окончившим русскую школу, но и нередко используются в речи, например: *пора надежд и грусти нежной; учёный малый, но педант; Не мог он ямба от хорея, как мы ни бились, отличить; и был глубокий эkonom; наука страсти нежной; всегда довольный сам собой, своим обедом и женой* и т. д. Фактически чуть ли не каждая строка вступления к «Медному всаднику» — широко известная цитата, ср. на выбор: *На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн; Здесь будет город заложен назло надменному соседу; Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно; Все флаги в гости будут к нам; Юный град, полночных стран краса и диво, из тьмы лесов, из топи блат вознесся пышно, горделиво; печальный пасынок природы; Мосты повисли над водами и др.* Миллионы людей помнят наизусть весь отрывок от слов *Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгий, стройный вид* до слов *спешит, дав ночи полчаса*.

Ср. далее: *шипенье пенистых бокалов и пушица пламень голубой* (школьный пример аллитерации); *Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, Россия*. В словарь Н. С. и М. Г. Ашукиных из всего вступления к «Медному всаднику» включена только цитата *окно в Европу*¹⁵.

КС различаются по видам сообщаемой ими информации.

Важнейший вид информации, заключенной в КС, — обобщение человеческого опыта, выражение жизненной мудрости, передача философского смысла. Таковы, например, КС *Нет пророка в своём отечестве; Рождённый ползать летать не может; Наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни; Услужливый дурак опаснее врага* и т. д. Существенно, что, возникая в разных исторических условиях, у разных народов, стоящих на различных ступенях развития, у разных классов, такие КС, естественно, отражают разный социальный опыт, разное мировоззрение. Поэтому некоторые КС, употребительные сейчас в русском языке, выражают идеи, не только чуждые нашему обществу, но и в корне противоречащие

¹⁵ Недавно издан словарь: Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 1999. В нем 747 страниц.

его морали: они используются для характеристики чуждой идеологии, чуждой системы моральных ценностей. Об этом уже говорилось выше в другой связи. С языковой точки зрения КС этого рода в основном представляют собою законченные предложения; реже встречаются предложения-призывы, т. е. предложения с глаголом в повел. наклонении или с инфинитивом в той же функции. КС данного типа можно назвать гномическими.

Видимо, еще более распространен тип КС, функцией которых является выражение в образной форме сущности какого-либо явления, характера, ситуации, отношения. Так, например, цитата *А Васька слушает да ест* метафорически обозначает ситуацию, когда, не прибегая к решительным действиям, лишь взывают к совести виновного, что позволяет тому безнаказанно продолжать свое дело. *Ноздрёвым* называют шумного и бесцеремонного хвастуна, пустого болтуна, жулика и сплетника. Ср. далее: *луч света в тёмном царстве; собака на сене; делать из мухи слона; пиррова победа; добру и злу внимая равнодушно; серый кардинал; Здравствуй, племя младое, незнакомое; Тайна сия велика есть; сюжет для небольшого рассказа* и т. д. Нередко такие КС употребляются в ироническом смысле, ср.: *Свежо предание, а верится с трудом; фельдфебеля в Вольтеры дам; Не хочу учиться, хочу жениться; А подать сюда Ляпкина-Тяпкина; отличная штучка; А в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хорошо* и др. Обычно такие цитаты типизируют, т. е. обозначают явления, характеры, ситуации, отношения, более или менее часто повторяющиеся. Значительно реже КС могут относиться к единичным, уникальным явлениям, ср., например: *Северная Пальмира; Новый свет; великий писатель земли русской*. С языковой точки зрения эта группа весьма разнообразна; она включает в себя и законченные предложения (*А ларчик просто открывался; Иван Александрович, ступайте департаментом управлять; Умри, Денис, лучше не напишешь; Его пример другим наука*), и словосочетания разного типа (*зарыть талант (в землю); демьянова уха; колосс на глиняных ногах; рыльце в пушку; на деревню дедушке; рассудку вопреки, (наперекор стихиям)*), и имена собственные (*Плюшкин; Угрюм-Бурчеев; Квазимодо; Отелло; Личарда*). КС этой группы являются по своей сути характеризующими.

Третий тип цитат — это те, главная ценность которых лежит в эстетической плоскости. Если для описанных выше типов КС характерно обобщение человеческого опыта, либо образное, метафорическое обозначение ситуации, характера, явления, отношения, цитаты этой группы ценятся именно своей языковой стороной и запоминаются именно благодаря яркости и оригинальности их формы. К поэтическим цитатам, ряд примеров которых был приведен выше, относятся также: *Роняет лес багряный*

свой убор; Всё хорошо под сиянием лунным, всюду родимую Русь узнаю; Открылась бездна, звезд полна, звездам числа нет, бездне — дна; Что день грядущий мне готовит?; Не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были; Слушайте, товарищи потомки! и т. д. Каждый образованный человек помнит множество подобных цитат. Вместе с тем в отношении цитат этого рода избирательность человеческого вкуса и человеческой памяти проявляется особенно ярко. В русской поэзии есть тысячи строк, которые являются, так сказать, потенциальными цитатами, потому что их помнят и любят очень многие. Использование цитат этого рода более характерно для устной речи, а сфера их употребления сравнительно узка. Многие помнят великолепную есенинскую строку *Выткнулся на озере алый свет зари*, но едва ли эта цитата часто приводится для характеристики красивого восхода. Впрочем, цитаты такого типа, как было показано выше, охотно используются в качестве заглавий и заголовков.

Наконец, обширную группу составляют юмористические цитаты, используемые для придания речи шуточного характера. Здесь выделяется несколько подтипов. Комический эффект в ряде случаев вызывается противоречием между литературным, книжным, зачастую приподнятым стилем цитаты и прозаичностью ситуации, в которой она используется. Существенно, что собеседники знают изначальную референциальную отнесенность цитаты, и это усиливает комизм. Ср.: *Откуда ты, прекрасное (часто цитируется: прелестное) дитя?* (говорится неожиданно появившемуся взрослому человеку); *Сколько их, куда их гонят?* (о множестве двигающихся в одном направлении людей); *О чём шумите вы, народные витии?* (вопрос, обращаемый к спорщикам); *Не пропадёт ваш скорбный труд (и дум высокое стремленье)* (слова ободрения, обращенные к человеку, занятому тяжелым трудом); *Чего тебе надобно, старче?* (в значении 'Чего ты хочешь?'). В целом можно выделить группу таких по происхождению «серьезных» цитат, которые используются по преимуществу или даже исключительно шуточно или юмористически. Разумеется, нередко, особенно в юмористических произведениях, встречается индивидуальное использование «серьезных» цитат в шуточном контексте, и комический эффект опять же достигается благодаря диссонансу между поэтическим или философским характером цитаты и будничностью ситуации. Ср., например, у И. Ильфа и Е. Петрова: *Молчи, грусть, молчи, Киса!* («Двенадцать стульев», гл. 33); — *С добрым утром, Киса, — сказал он, давясь зевотой. — Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало, что оно горячим светом по чему-то там затрепетало...* (там же, гл. 35); — *Значит, это и есть Зося Синицкая? — с ударением произнес Остап. — Вот уж действительно — среди шумного бала, случайно...* («Золотой теленок», гл. 23). Этим же целям служат индивидуальные переиначивания

цитат, о которых говорилось выше; в отдельных случаях такие переименованные (в том числе и шутливо дополненные) цитаты становятся популярными, ср. у И. Ильфа и Е. Петрова: *Всё учтено могучим ураганом* («Двенадцать стульев», гл. 34); — *Вот, — вымолвил, наконец, Остап, — судьба играет человеком, а человек играет на трубе* («Золотой теленок», гл. 23). Такие шутливо переименованные цитаты могут использоваться в других произведениях, например: *Наследство судеб, мой дорогой, это не наследство крови. Тут уже в полном смысле игра судьбы. Судьба играет человеком, а человек играет на трубе* (Парнов Е. Указ. соч. С. 76). Сюда же относятся цитаты, содержащие сознательные отклонения от нормы, типа *позвольте вам выйти вон; в рассуждении чего бы покушать; для ради важности; будьте перпендикулярны* и т. п. (Конечно, такая неправильность может быть характерна и для цитат, скажем, характеризующих, например: *Они хочут свою образованность показать*.) Наконец, самую обширную группу юмористических цитат составляют те, которые сами взяты из юмористических текстов, и эффект их использования состоит в том, что они актуализируют в сознании слушателя/читателя этот комический контекст. Это, как уже отмечалось в другой связи, цитаты из популярных кинокомедий, песен, эстрадных спектаклей, анекдотов и т. п., т. е. цитаты, названные выше разговорными. Характерные для живой, непринужденной речи, они, естественно, встречаются и в художественной литературе, в особенности в диалогах. Ср., например, использование заключительных реплик из анекдотов в романе Е. Парнова «Ларец Марии Медичи»: — *Благодарю, польщен, — прервал его Юра. — Но не отвлекайтесь, мамочка. Почему на вас так подействовали масоны? (с. 73 — реплика из анекдота об умирающей теще); А что он сделал? В сущности, ничего! Просто прервал люсинскую травлю невинным замечанием: «Дурак ты, боцман, и шутки у тебя дурацкие» (с. 349 — реплика из анекдота о боцмане, пытающемся психологически подготовить пассажиров к гибели парохода) и др.*

Приведенное разделение цитат, разумеется, условно. Характеристика ситуации может содержать в себе ее оценку, и тем самым цитата получает назидательный смысл (ср. *Ты всё пела? это дело: так поди же попляши!*). Характеризующие цитаты, конечно, часто бывают поэтическими по своей форме и т. д.

Иногда проводится разделение употребительных цитат на КС и «популярные цитаты»¹⁶. Под последними понимаются обладающие четким признаком «цитатности» цитаты, не имеющие смыслового сдвига. Они

¹⁶ Например, в словаре: Уолш И. А., Берков В. П. Русско-английский словарь крылатых слов. [2-е изд.]. М., 1984.

вводятся в текст именно как цитаты (т. е. эксплицитно — см. выше), часто с указанием автора и, представляя собою синтаксически законченные предложения, не вплетаются в грамматический контекст высказывания. Примерами таких «популярных цитат» могут служить следующие: *В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам* (К. Маркс); *Где, когда, какой великий выбирал путь, чтобы протоптанней и легче?* (В. Маяковский); *Дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум* (А. Пушкин); *Живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман* (Н. Гоголь); *Их моют дожди, засыпает их пыль, и ветер волнует над ними ковыль* (А. Пушкин) и т. п. Граница между собственно КС и «популярными» цитатами достаточно нечеткая, и их особое выделение едва ли оправдано.

* * *

Словари КС до самого недавнего времени были исключительно одноязычными. Переводные словари КС появились совсем недавно¹⁷. Поэтому рассмотрение их естественно ограничить одноязычными словарями.

Они очень различны как по своему объему, так и по структуре. Словарь Н. С. и М. Г. Ашукиных с дополнениями содержит около 1800 единиц, различные немецкие словари — около 4500 единиц, норвежский словарь КС¹⁸ — около 13 000 единиц, а Оксфордский словарь цитат¹⁹ (quotations) — около 40 000 единиц.

Разумеется, данные цифры ни в коей мере не отражают реального количества КС, бытующих в том или ином языковом коллективе. Расхождения в объеме словников словарей КС или цитат объясняются различиями в установках лексикографов, разными подходами к понятию КС, несходством трактовки критерия употребительности и т. д. Вместе с тем из этих цифр явствует, что задача создания достаточно полного словаря русских КС еще не может считаться окончательно решенной. Добротный и полезный труд супругов Ашукиных, имеющий большую научную и практическую ценность, включает в себя хоть и важнейшую, но все же лишь некоторую часть КС, широко бытующих в русской речи.

Далее, рассчитанный на образованного русского читателя, словарь Н. С. и М. Г. Ашукиных в ряде случаев не объясняет значения и не указывает сферы употребления включенных в него единиц, ср. такие статьи, как

¹⁷ Первым, видимо, был: Берков В. П. Русско-норвежский словарь крылатых слов. М., 1980.

¹⁸ Evensberget S., Gundersen D. Op. cit.

¹⁹ The Oxford Dictionary of Quotations. 2nd ed. London; New York; Toronto, 1966.

А судьи кто?; Лёгкость необыкновенная в мыслях; О честности высокой говорит и др.

В мировой практике лексикографирования КС применяется несколько основных типов расположения материала, которые можно свести к двум основным принципам: «от источника к цитате» и «от цитаты к источнику».

Первый принцип особенно четко представлен в английских словарях цитат типа названного выше Оксфордского. Материал расположен по алфавитному порядку авторов цитат. В алфавитном же порядке, т. е. перемежаясь с фамилиями авторов, помещены такие разделы словника, как Anonymous (автор неизвестен), Ballads (баллады), Holy Bible (Священное писание), Nursery Rhymes (детские стихи), Prayer Book (молитвенник), Scottish Psalter (шотландская псалтирь), Punch (юмористический журнал «Панч»). Цитаты каждого отдельного автора располагаются в алфавитном порядке названий его произведений.

В словарях, выпускаемых в Германии, по традиции, восходящей к первому изданию словаря Г. Бюхмана, материал расположен в хронологическом порядке по отдельным литературам или видам литературных произведений. Так, в современных изданиях бюхмановского словаря в начале идут цитаты из Библии, затем следуют фольклорные цитаты, потом — цитаты из произведений писателей немецких (их, естественно, всего больше), скандинавских, французских, английских и американских, итальянских, испанских, русских, польских, «восточных», греческих, латинских, после чего приводятся цитаты исторического происхождения. В некоторых немецких словарях КС корпус разбит на главы по хронологическому принципу (Древний мир; Средние века; Возрождение, Гуманизм, Реформация; Феодалный абсолютизм; От Французской революции до Октябрьской социалистической революции; XX век), в пределах которых материал разделен по странам. Цитаты и пояснения к ним соединены более или менее связным текстом. Такие словари являются не только справочными пособиями, но и рассчитаны на то, чтобы их читали подряд.

Принцип «от цитаты к источнику» последовательно проведен в словаре Н. С. и М. Г. Ашукиных; все цитаты расположены строго в алфавитном порядке. Встречается модификация этого принципа: КС помещаются под опорными тематическими словами, которые располагаются в алфавитном порядке. Так, в одном Норвежском словаре цитат²⁰ на букву **В** помещены рубрики ...Blod (Кровь), Blomst (Цветок), Blonde piker (Блондинки) и т. д. Используются и комбинации алфавитного и тематически-алфавитного расположения: норвежский словарь «Bevingede ord» дает цитаты, в общем, по алфавиту, но содержит и отдельные тематические гнезда. На-

²⁰ Norsk sitatleksikon: 6000 bevingede ord. 2. reviderte utg. / Ved Fridtjof Foss. Stavanger, 1955.

против, шведский словарь КС²¹ дает цитаты под расположенными по алфавиту опорными словами, но включает отдельными статьями иноязычные цитаты, а также некоторые шведские.

Конечно, каждый из указанных принципов расположения материала имеет свои преимущества. Не вдаваясь в детальное обсуждение достоинств и недостатков разнообразных подач, практикуемых в словарях КС, отметим, что, по нашему мнению, всего предпочтительнее алфавитное расположение цитат. Наличие при организованном таким образом словаре различных указателей — алфавитного (в который, отметим попутно, можно не включать первые слова КС) и списка авторов — с отсылкой к соответствующей статье — позволяют не только с минимальной затратой времени найти нужное КС и уточнить его источник, значение и сферу употребления, но и установить весь комплекс цитат с данным опорным словом (т. е. тематическим стержнем), определить все множество цитат, принадлежащих данному автору, и т. д.

Очень ронзятся словари КС и по структуре статьи. Английские «словари цитат» вообще не содержат никаких пояснений, в них указывается лишь источник цитаты. Другие словари подробно освещают происхождение и судьбу КС, но их общий недостаток заключается в том, что не во всех случаях достаточно полно раскрывается значение и область применения цитаты: они, в общем, рассчитаны на образованного читателя с определенным культурным багажом. Думается, такой подход неправилен, и статья словаря КС должна содержать точную информацию как о происхождении цитаты, так и о ее значении, употреблении, стилистической окраске и т. д., кроме, конечно, тех случаев, когда значение цитаты самоочевидно.

Сказанное, разумеется, не означает, что все статьи словаря КС должны строиться по единому структурному образцу. Сам материал во многих случаях подсказывает целесообразность той или иной подачи. В общем, видимо, все разнообразие трактовок КС можно свести к десятку-полутора типовых схем, которых стоит придерживаться.

Переводная лексикография КС имеет целый круг своих специфических проблем. Хотя жанр переводных словарей очень молод, в этой области уже накоплен определенный опыт. Но это — отдельная тема.

²¹ Holm P. Bevingade ord och andra talesätt. Stockholm, 1972.

**[Рец.:] РАСК, РАСМУС КРИСТИАН.
РУКОВОДСТВО ПО ЯЗЫКУ АКРА.**

Перевод с датского.

СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. 132 с.

Один мой знакомый утверждал, что существует прямая связь между сложностью языка и количеством крупных языковедов, которых соответствующая страна подарила человечеству. Эту теорию можно воспринимать скептически, но, похоже, она совершенно справедлива по отношению к датскому языку и Дании. Дело ли в сложности датского произношения — сказать трудно. Но факт остается фактом: сравнительно небольшая страна Дания подарила миру ряд выдающихся лингвистов, например Отто Есперсена и датских глоссематиков. Однако особое место среди датских языковедов занимает гениальный Расмус Раск.

Нечасто случается, чтобы ученые одновременно были и выдающимися теоретиками, и блестящими практиками в своей области. Великие математики не обязательно быстро считают в уме (однако Карл Фридрих Гаусс обладал этой способностью). Порой замечательные лингвисты-теоретики не могут говорить на иностранных языках без ошибок или/и без акцента. Расмус Раск принадлежит к числу немногих лингвистов, которые оставили глубокий след в исследовании теории языка и в то же время были выдающийся полиглотами. Свое знаменитое «Исследование о происхождении древнесеверного, или исландского языка» он написал в Исландии, где незнакомые с ним люди принимали его за крестьянина с островов Вестманнаэйяр.

Судьба Расмуса Раска была в известной мере драматической. Его эпохальное «Исследование», ознаменовавшее начало эры сравнительного индоевропейского языкознания, было завершено еще в 1814 г., но опубликовано лишь спустя четыре года, т. е. в 1818 — через 2 года после выхода в свет основополагающей книги Франца Боппа «Система спряжения...». Для Расмуса Раска это должно было явиться тяжелым ударом. К тому же его «Исследование» было написано по-датски и потому оказалось недоступным для многих исследователей других стран.

Несмотря на короткую жизнь (он умер, как известно, в возрасте 45 лет), Расмус Раск сделал невероятно много. Он был одним из крупнейших лингвистов-теоретиков, работал профессором в Копенгагенском университе-

те, изучил и описал ряд языков (в частности, первым описал фарерский язык). Большая часть его научной продукции, конечно, опубликована, но — как иногда бывает с наследием великих ученых — кое-что ускользнуло от внимания последующих поколений. Такая судьба постигла небольшую книжку «Руководство по языку акра на берегу Гвинеи» (Rasmus Rask. *Vejledning til Akra-sproget paa Kysten Ginea*).

Книга была опубликована на датском языке в 1818 г. очень маленьким тиражом. Можно утверждать, что это «Руководство» совершенно забыто. Оно не фигурирует ни в его трехтомном полном собрании сочинений (Копенгаген, 1834–38), ни в избранных сочинениях (Копенгаген, 1932–35). Упоминания об этой работе нет даже в библиографиях по африканскому языкознанию, причем в самых подробных.

Между тем эта книга представляет значительный интерес — и как первое описание этого языка, и как пример работы Раска с конкретным языковым материалом. К тому же книга описывает состояние языка акра почти двести лет назад, и лингвисты могут сравнить это состояние с современным.

Немного о том, как возникла книга.

В конце XV в. португальцы обосновались в той части берега Гвинеи, которую они называли Золотой Берег (современная Гана). В XVII в. голландцы завоевали эту португальскую колонию. Там обосновались также шведские, британские, датские и германские торговцы. Около 1660 г. была заложена крепость Кристиансборг. Лишь в середине XIX в. датчан вытеснили англичане.

Таким образом, крепость Кристиансборг была опорным пунктом датчан почти двести лет. Естественно, они были заинтересованы в укреплении своих позиций в этом районе и как звено в этой политике посылали способных молодых людей в Копенгаген, где те могли бы познакомиться с «датской цивилизацией». Это началось в XVIII в.

В 1820 г. юный представитель местного населения, сын вождя из племени га, был послан в Копенгаген, где поступил в университет и, крестившись, получил имя Фредерик Дёвунна. Он жил в датской столице до 1828 г. Там с ним и познакомился Расмус Раск, профессор Копенгагенского университета, и использовал его как информанта. Дёвунна был для Раска единственным живым источником языка (у которого два названия: *акра* и *га*).

Поскольку почти половина «Руководства» (если не считать словарей) посвящена фонетике, можно сделать вывод, что она была наиболее интересна для Раска. Он очень тщательно исследует ее и подробно описывает звуковые единицы, сопоставляя их с множеством звуков в других языках, например в латинском, санскрите, датском, французском, английском, не-

мецком, итальянском, португальском, норвежском, польском, русском и др. Он обнаруживает в языке тоническое ударение.

Вторая часть «Руководства» (с. 16–30) — это, строго говоря, не систематическое описание грамматики языка акра, а скорее заметки о его грамматических категориях, т. е. о том, как в этом языке выражаются грамматические значения. В соответствии с тогдашней традицией за исходную схему принимается латынь или отдельные грамматические значения: например, говорится, что «падеж» выражается предлогами или порядком слов. Как и в первой части, Раск вовлекает в анализ факты других языков — древнееврейского, арабского, персидского, греческого и др.

Последнюю часть книги составляют два небольших словаря: акрийско-датский и датско-акрийский. В рецензируемом издании оба, естественно, расширены за счет русской части, так что теперь это акрийско-датско-русский и датско-акрийско-русский словари. В каждом словаре около 1000 лемм. В большинстве случаев одной лемме соответствует только один эквивалент. Иногда эквивалент, что вполне понятно, скорее напоминает дефиницию, например: «Sikhotomo No <...> Положение с согнутой спиной»; «Cålo No <...> Человек с короткой ногой». Как правило, в словари подобного типа авторами включается немало слов второстепенных, периферийных, поскольку им хочется взять весь наличный материал. Однако в книге Раска таких единиц довольно мало: он явно понимал, что такое частотность.

Совершенно очевидно, что эта маленькая книжка — результат колоссального труда.

Приступая к работе, Раск тщательно изучил всё, что уже имелось по языку акра. Прежде всего это была книжка Кр. Проттена «Полезное грамматическое введение в два доселе совершенно неизвестных языка: фантайский и акрийский на Золотом Берегу в Гвинее» (Копенгаген, 1764). Затем использовались немногочисленные переводы на акрийский: К. Шённинга «Десять заповедей, Апостольский Символ и Отче Наш» (Копенгаген, 1805) и П. В. фон Врисберга «Нагорная проповедь Иисуса, переведенная на акрийский язык, с приложением Малого Катехизиса Лютера» (Копенгаген, 1826). Расмус Раск упоминает также краткий глоссарий повседневных слов в книге «Путешествие П. Э. Исерта в Гвинею» (Копенгаген, 1788).

Несомненно, большие трудности были сопряжены с анализом и передачей на письмо очень сложного звукового инвентаря языка акра. Раск изобрел свою систему знаков, которая дала ему возможность отразить все многочисленные акрийские фонемы (он, естественно, не пользовался этим термином) и, по-видимому, их варианты. Он установил ряд правил чередования звуков. И, как уже говорилось выше, обнаружил тоническое ударение.

Неизвестно, сколько времени Расмус Раск потратил на написание этой небольшой книжки. Мы знаем только, что его информант Дёвунна прибыл в Копенгаген в 1820 г., но неизвестно, когда он и Раск познакомились и когда Раск начал изучать его язык. Можно предполагать, что работа над этой книгой заняла годы.

Из сказанного явствует, что перед русскими издателями стояла весьма непростая задача. Они превосходно справились с ней. Перевод на русский язык, выполненный профессором Б. С. Жаровым и доцентом Е. В. Красновой, очень точен. Переводчики смогли даже воспроизвести особенности стиля, характерного для языковых работ начала прошлого столетия.

Книгу открывают «Несколько слов к читателям» (с переводом на датский язык) профессора Л. А. Вербицкой, ректора Санкт-Петербургского университета, и подробная содержательная статья «Расмус Раск и африканское языкознание» профессора А. А. Жукова. Все трое подготовивших перевод книги — сотрудники С.-Петербургского университета: Б. С. Жаров — зав. кафедрой скандинавской филологии, Е. В. Краснова — доцент этой же кафедры, А. А. Жуков — зав. кафедрой африканистики.

Вряд ли издателям удалось бы точно передать сложную расковскую систему знаков с ее особыми буквами и диакритическими знаками без помощи М. Г. Краснова, специалиста в компьютерной области.

Эту книгу было бы невозможно выпустить без финансовой поддержки со стороны Датского Королевского Общества деятелей науки (Академии наук).

Издание забытой книги Расмуса Раска — важное и отрадное событие.

[Рец.:] «КРАТКИЙ СОМАЛИ-РУССКИЙ И РУССКО-СОМАЛИ СЛОВАРЬ».

**Сост. Д. И. Степанченко и Мохамед Хаджи Осман.
М., «Советская энциклопедия», 1969, 319 стр.**

Пока еще не очень большая семья африканско-русских и русско-африканских словарей пополнилась новым лексикографическим пособием — первым в нашей стране небольшим сомали-русским и русским-сомали словарем.

Рецензируемый словарь содержит в сомали-русской части около 5 тыс., а в русско-сомалийской — около 10 тыс. слов. По замыслу авторов, он «является пособием для перевода несложных текстов» (с. 6). В предисловии сообщается, что при составлении словаря был использован ряд лексикографических изданий, а также записи сомалийского фольклора и лексического материала, проведенные в Сомали Д. И. Степанченко, тексты передач советского радио на сомали и статьи журнала «Ifiinka aqoonta» («Свет знания»). Составителями проделан немалый труд, и их пособием будут пользоваться многие в течение ряда лет, пока не будут созданы более полные русский-сомали и сомали-русский словари. Словарь Д. И. Степанченко и Мохамеда Хаджи Османа целесообразно рассматривать как предварительный этап такой будущей лексикографической работы.

Отдавая должное нелегкому труду составителей и сознавая важность издания такого словаря — и сложности составления словарей, и их значение для общения народов общеизвестны, — мы не можем, однако, не отметить в словаре ряд спорных и просто неудачных моментов. На них мы и намерены сосредоточить внимание, поскольку многие из предлагаемых составителями решений характерны и для иных словарей, и анализ этих решений выходит, следовательно, за рамки сомалийско-русской и русско-сомалийской лексикографии.

Рецензируемый словарь, как отмечалось, пока является единственным практическим пособием по языку сомали, изданным в нашей стране. По мысли составителей, при его помощи должны переводиться, в частности, несложные сомалийские тексты. Однако можно с уверенностью утверждать, что только при помощи этого словаря занимающийся языком сомали не сможет переводить такие тексты. Причина состоит в том, что сомалийская грамматика далеко не проста, а к словарю не приложен даже самый краткий очерк грамматики сомали. Таким образом, изучающий язык со-

мали должен будет обращаться к пособиям, изданным на английском и итальянском языках.

Приступая к работе над словарем, составитель должен полностью отдавать себе отчет в том, на какого читателя его словарь будет рассчитан, т. е. какими знаниями в области грамматики данного языка тот должен обладать для успешного пользования этим словарем. Если, например, англо-русский словарь сообщает читателю, что *men* — форма мн. числа от *man*, то это означает, что составитель считает возможным незнание потенциальным потребителем словаря данного факта. Рецензируемый же словарь, по сути дела, рассчитан на читателя, превосходно ориентирующегося в очень сложной сомалийской грамматике. Впрочем, и в этой — вольной или невольной — установке авторы непоследовательны. В рецензируемом словаре сомалийские существительные не снабжены указаниями на способ образования мн. числа, у глаголов не отмечен тип спряжения и т. п. В то же время существительные, помимо указания на род, имеют указание на форму артикля, хотя разнообразные формы артиклей в языке сомали являются позиционными вариантами (м. р.: *-ka*, *-ga*, *-ha*, *-a*; ж. р.: *-ta*, *-da*, *-sha*).

По общему мнению исследователей языка сомали, наиболее трудны при его изучении и переводе различные частицы, часто объединяемые в сложные комплексы; ср. *Anigu waa isaga kaa war-gamayaa* 'Я рассказываю тебе о себе', букв. 'Я вот себя-для-о (*isaga = is + u + ka*) твою рассказываю'¹; *Wuu ii kaa amtaanaa* 'Он хвалил тебя', букв. 'Вот-он мне-к (*ii = i + u*) твою хвалил'². Недостаточное внимание составителей к частицам, в первую очередь предглагольным, делает словарь совершенно непригодным в качестве самостоятельного инструмента перевода. Как видно из приведенных примеров, различные показатели (например, краткие «объектные местоимения» и предложенные частицы), объединяясь в последовательности, претерпевают известные изменения³, что не может не представлять трудностей и для сравнительно подготовленного читателя. Краткий же словарь, по нашему убеждению, должен быть ориентирован на читателя начинающего. Широкое введение в словник сомали-русской части словаря различных грамматических показателей значительно увеличило бы его ценность как пособия для начинающих изучать язык сомали. На наш взгляд, было

¹ Жолковский А. К. Последовательности предглагольных частиц в языке сомали // Языки Африки: Вопросы структуры, истории и типологии: Сб. М., 1966. С. 157.

² Там же. С. 156.

³ Морфонологические изменения в пределах последовательности предглагольных частиц описаны А. К. Жолковским (Там же. С. 161). Об общих изменениях морфем при соединении их в более сложные единицы см.: Ferrario B. Note di fonologia somala // Rivista degli studi orientali. 1916. T. VII. P. 204–217.

бы целесообразно ввести в качестве самостоятельных словарных статей и те показатели, которые употребляются самостоятельно (например, *i* ‘меня, мне’, *uu* ‘он’), и показатели суффилируемые (типа *-ko-oda* ‘их (м. р.)’ *-kiisa* ‘его (м. р.)’ и т. п.); причем исходя из интересов лиц, только начавших изучать язык, было бы целесообразно указать различные позиционные варианты таких показателей (подобно тому как авторы поступили в отношении артикля). Впрочем, справедливости ради, следует признать, что в нашей лексикографической практике подача различных грамматических показателей в качестве самостоятельных вокабул вообще распространена меньше, чем того требуют, как думается, интересы читателя.

Серьезным упущением составителей словаря является и упрощенный подход к частицам, модифицирующим значение сомалийского глагола. Они ограничиваются лишь несколькими примерами с переводами, не пытаясь дать обобщенного описания значения. Семантика служебного слова при такой подаче остается нераскрытой.

Ср., например, статью: «**soo 1.** (*перед гл.*): ~ *celin* повторять; ~ *baro* заучивать, запоминать; ~ *bixid* всходить (*о солнце*); ~ *gelid a*) вторгаться, б) въезжать; ~ *jeedin* предлагать; ~ *jiidid* втягивать, вовлекать, привлекать; **2.** (*перед суц.*): ~ *bixid-da* восход (*солнца*); ~ *celin-ta* повторение; ~ *gelninka a*) вторжение; б) въезд; **3.** (*перед прил.*): ~ *baxsan* (*buran*) выпуклый». Если, скажем, читателю встретятся в тексте сочетания *soo duulid* ‘влетать’, *soo cararid* ‘вбегать’, *soo gabin* ‘вкратце’, то статья *soo* в ее нынешнем виде не даст ему четкого и однозначного ответа. Попутно отметим, что авторами повторяется характерная ошибка большинства лексикографов: ими одинаково подаются (с двоеточием после заглавного слова) как словосочетания, вне которых данное слово не употребляется, так и словосочетания, которые приводятся в словаре для заглавного слова только потому, что выходной язык словаря не имеет для одного данного слова обобщающего перевода. В отношении цитированной выше статьи *soo* пользующийся словарем не в состоянии узнать без иной информации, употребляется ли частица *soo* только в перечисленных в статье сочетаниях, или же перед ним некие типичные примеры.

В словаре отсутствуют сведения по фонетике языка сомали. Нет даже указаний на основное чтение букв, хотя некоторыми буквами в сомали обозначаются фонемы, отличные от фонем, передаваемых этими буквами в других африканских языках. Кроме того, сомалийские слова не снабжены ударением, несмотря на то что ударение в сомали не всегда падает на один и тот же слог; ср. *adéer* ‘дядя (по отцу)’ и *mágac* ‘имя’⁴.

⁴ Ferrario B. L'accento in Somálo: Luogo, influenza, movimento, enclitiche e proclitiche // Rivista degli studi orientali. 1914. T. VI. P. 961–967.

Сомалиец, изучающий русский язык, также был бы вправе рассчитывать на большую грамматическую информацию, чем та, которую ему дает словарь. Вся сомали-русская часть словаря рассчитана, по существу, только на русского читателя. Это касается как переводов, так и в особенности грамматической характеристики слов. В русско-сомалийской части русские существительные снабжены указанием на их род, которое нужнее было бы в первой части, призванной помочь сомалийцам при переводе со своего языка на иностранный. Родом существительных и отсылками от глаголов совершенного вида к соотносительным с ними глаголам несовершенного вида (в русско-сомалийской части) и исчерпывается вся грамматическая характеристика русских слов. Нигде не показано управление, ср., например, подачу: «**нужно** waa loo baahan yahay»; «**от** ka; я получил письмо от отца...» и др.⁵

Сказанное, думается, подтверждает вывод, что словарем могут успешно пользоваться лишь лица, достаточно хорошо знающие грамматику изучаемого языка, т. е. русские, основательно знакомые с языком сомали, и сомалийцы, уверенно владеющие русским языком. В противном случае они станут в тупик перед переводом даже простых предложений. Характерно, впрочем, что такой «завышенный образовательный ценз» для потенциального потребителя словаря — весьма распространенное явление в лексикографии.

Можно предположить далее, что составители были заранее ограничены заданным объемом словаря, вследствие чего ими не был включен ряд безусловно известных им слов. В русской части словаря помещено немало слов, эквиваленты которых в сомалийской части отсутствуют. Например, в русской части есть словарные статьи *черепаха*, *пулемёт*, *караван*, *езда*, *малагасийский*, *марокканский*, *десятый*, *сегодняшний* и т. д., но в сомалийской части нет соответственно статей *tarniig-ga*, *mishigan-ka*, *gawan-ta*, *gaacid-da*, *malgasieed*, *maraki-shiyeed*, *tobnaad*, *maantey*. Напротив, в сомалийской части есть слова *girgire-ha* ‘сварщик’, *gaq-da* ‘каркас, остов’, *giiga-a* ‘грош’, *guug-ga* ‘коленная чашечка’, *lialqaf-ka* ‘поимка; перехват (самолета, радиопередачи)’, *rif* ‘ощипывать’, *xa-ruudh-ka* ‘сорго’, *lulo-da* ‘дрема’, *san-bar-ka* ‘смарagd’, *ogkob-ka* ‘гепард’ и др., но в русской части словарные статьи *сварщик*, *каркас*, *остов*, *грош* и др. отсутствуют.

Если составители действительно были связаны заранее определенным размером словаря, это требовало особенно тщательного отбора элементов

⁵ Схема подачи русских существительных в русско-сомалийском словаре дана в работе: Ж о л к о в с к и й А. К. К лексикографическому описанию сомалийских существительных // Народы Азии и Африки. 1967. № 1. С. 93–102, особенно: С. 99–102. Эта научно обоснованная и строгая презентация требует углубленного исследования материала и, естественно, по соображениям чисто практическим сложна для краткого словаря.

словника. Вызывает поэтому недоумение обилие словосочетаний, дважды приводящихся в словаре такого малого объема. Например, в русской части дважды помещены словосочетания *подводная лодка* (с. 189, 234), *лунное затмение* (с. 166, 190), *холодная война* (с. 135, 303), *частная собственность* (с. 276, 305), *чайная ложка* (с. 189, 304), *губная помада* (с. 149, 239), *железная дорога* (с. 155, 159), *освободительное движение* (с. 150, 220) и др. Ряд словосочетаний повторяется и в сомалийской части словаря. Против недопустимости столь расточительного использования места в переводном словаре (в особенности небольшого объема) уже давно выступал ряд лексикографов. При этом особенно неудачно, если одно и то же словосочетание получает разные переводы под разными опорными словами. В рецензируемом словаре, к сожалению, таких примеров можно найти немало. Словосочетание *губная помада* в статье *губной* переведено как *ganji-ga bushunta lagu aseysto*, а в статье *помада* — как *ganji-ga bushu-maha ha-weenku marsadan*; ср. далее: *чайная ложка* — *qaaddada shaahha* (под *ложка*); *macalgadda shaahha* (под *чайный*); *гражданская война* — *dagaalka rasi-yadda* (под *война*), *dagaalki raciada* (под *гражданский*); *грудной ребёнок* — *ilmo-ha saano nuugga ah* (с. 148), *ilmo naaso nuug ah* (с. 264); *грузовая машина (грузовик)* — *gaari-da rarka qaada* (с. 148), *baaburka rarka* (с. 192); *газетный киоск* — *meesha lagu iibiyo warsidaha* (с. 143), *madcarka lagu iibiyo warsidayasha* (с. 178) и т. д. Иногда под одним опорным словом дается один перевод, а под другим два: *железная дорога* — *jidka birta* (с. 155), *waddoda rail ku maro, jidka birta* (с. 159); *поставить условие* — *shardi ku xerid* (с. 241), *shardi ku xirid, shardi gelin* (с. 297); *терять сознание* — *miyir beelid* (с. 277), *garaad beelid, miyir beelid* (с. 287) и др. Не всегда унифицировано и грамматическое оформление подаваемого материала (артикли и т. п.); ср.: *частная собственность* — *hantida gaar ah* (с. 276), *hanti gaar ah* (с. 305); *забивать гол* — *gool dhalin* (с. 145), *gool dhalinta* (с. 161); *ядерное оружие* — *hubka halista* (с. 45), *hubka halista ah* (с. 220) и т. п.

Встречая разные варианты перевода, пользующийся словарем, естественно, задает себе вопрос, не является ли один из этих переводов менее точным, чем другой, или, если они равноценны, почему они не даны оба вместе во всех случаях. Имеющийся разнобой свидетельствует о том, что составителями не всегда тщательно подобраны и выверены эквиваленты.

Неверной, с нашей точки зрения, является и такая подача, когда словосочетание, один из элементов которого употребляется только или преимущественно в составе данного словосочетания, помещается под другим словом, употребительным и вне данного сочетания, а это встречающееся только или преимущественно в таких словосочетаниях слово вообще не включается в словарь отдельной статьей. Например, в словаре отсутствует вокабула *прописной*, но в статье *буква* дается: *прописная буква* *haraf weun*;

нет статьи *ядерный*, но под словом *оружие* приведено словосочетание *ядерное оружие* hubka halista ah, а под словом *запрещение* — *запрещение испытаний ядерного оружия* joojinta hubka halista ah и под словом *испытание* — *испытание* (sic!) *ядерного оружия* tijaabinta hubka halista ah; *верительные грамоты* дано в статье *грамота*, но статьи *верительный* в словаре нет и т. д.

Приведение словосочетаний, состоящих из служебного и знаменательного слова, только под служебным также вряд ли целесообразно. Слово-сочетание *к счастью* помещено не в статью *счастье*, а в статью *к*, куда помещено также словосочетание *к несчастью* (также отсутствующее в статье *несчастье*). В ряде случаев составители поместили фразы, место которым не в словаре, а в разговорнике. В статье *такси* читатель неожиданно встречает предложение *Вы можете мне сказать, где стоянка такси?*, в статье *жить* — *Где вы живёте?*, в статье *аптека* — *Где здесь аптека?*, в статье *позвонить* — *Позвоните мне завтра* и т. п. Поскольку принцип включения в словарь фраз, наиболее нужных человеку, не знающему языка, не выдержан, да и не может быть выдержан, подобные изолированные вкрапления практически бесполезны, тем более что не всегда ясно, как они звучат.

В отношении неполноты словника еще отметим лишь один принципиальный момент. Каким бы кратким ни был словарь, он должен в первую очередь учитывать задачи общения двух данных народов, в частности отражать слова, обозначающие наиболее актуальные реалии жизни этих языковых коллективов. Поэтому пропуск в русской части ряда слов для понятий, актуальных с точки зрения политической и экономической жизни Сомали, оправдан быть не может. Следовало включить в словник слова и словосочетания: *кунжут, дурра, шиллинг, джибутийский франк, Национальное собрание, Территориальная ассамблея* (во «Французском» Сомали), *данакиль, кожевенный, хлопкоочистительный, мыловаренный, перламутр* и т. п.

Вызывают возражение также отсутствие опоры на один (ведущий) диалект, несколько пуристическая установка составителей, неточности в переводах и т. п., на чем мы не имеем здесь возможности подробно остановиться.

Вообще, знакомство со словником, особенно его русской частью, невольно наводит на мысль, что авторы, собрав ценный языковой материал, не всегда достаточно критически его профильтровали и классифицировали. Многого должно было быть унифицировано, кое-что без всякого ущерба опущено, и значительное дублирование материала устранено.

Сомали-русская и русско-сомалийская части недостаточно согласованы друг с другом.

Можно отметить ряд неточностей и в орфографии. На с. 177 *квартал* переведено как *kafad-da*, на с. 45 дана форма *hafad-da*. Ср. также: ‘жертва’ *fide-ha* (с. 38) и *fido-ha* (с. 159), ‘взрыв’ *karxasho-da* (с. 60) и *qarxasho-da* (с. 131), ‘секретарь’ *sekreter-ka* (с. 143) и *segreter-ka* (с. 84, 271), ‘затмение’ *madoowbad* (с. 166) и *madoowbaad* (с. 190), ‘ферма’ *xeerada* (с. 197) и *xeroda*, *xerada* (с. 300), ‘певец’ *heesaa-ga* (с. 116) и *heesa-ga* (с. 277), ‘фермент’ *khamiir-ka* (с. 62) и *hamiir-ka* (с. 300) и др. Как видно из этих примеров, особый разнобой наблюдается в словах с **x**, **h**, **kh**, **q**, что вряд ли случайно.

Список географических названий (в русско-сомалийской части), по неизбежности краткий в кратком словаре, все же нужно было бы пополнить следующими названиями: *м. Гвардафуй, п-ов Сомали, Аденский зал., о. Сокопра, м. Рас-Хафун; р. Шебели*, включенная в список, на советских картах обозначается *Веби-Шебели*.

Многие из перечисленных недостатков рецензируемого пособия объясняются как сложностью и новизной задач, стоявших перед составителями, так и отчасти укоренившимися словарными традициями и неразработанностью некоторых общелексикографических вопросов. В то же время многих недостатков составители могли избежать при более внимательном отношении к делу.

**[Рец.:] ПЕРЕВОДНОЙ СЛОВАРЬ
РУССКОГО ЖАРГОНА
Harry Walter/Valerij Mokienko.
Russisch-Deutsches Jargon-Wörterbuch.
Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. 579 S.**

Среди процессов, происходящих в русском языке последних лет, особенно последнего десятилетия, следует, в частности, выделить два — его демократизацию и криминализацию.

Под демократизацией здесь понимается использование форм, которые ранее считались лежащими за пределами кодифицированной речи и потому лишь изредка попадали в письменные тексты. Сейчас положение резко изменилось. На страницы художественных произведений хлынул поток лексем, еще недавно в печатных текстах немислимых. Сленг, разные жаргоны и даже *obscoena* используются очень широко. Конечно, это в известной мере стало модой, но процесс демократизации языка — в хорошем и плохом смысле — едва ли может быть повернут вспять или хотя бы остановлен.

Криминализация современного русского языка — это проникновение в речь людей, к криминальному миру не принадлежащих или не призванных по долгу службы бороться с криминальным миром, лексем из преступного аргю. Скорее всего, эти лексемы получили распространение благодаря современной русской литературе, особенно детективной, и кино. Современная детективная литература кишит словами и выражениями из преступного аргю (о том, что многие авторы перегибают здесь палку, — разговор особый). В речи вполне добропорядочных членов русского языкового коллектива нередко используются — правда, часто как средство «доверительного оживления речи», но не только для этого — такие лексемы, как *мочить*, *наезжать/наезд*, *крыша*, *разборка*, *отморозок*, *колоться* ‘признаваться’, *отмазать* и т. п. Впрочем, некоторые такие единицы используются в речи уже не один десяток лет, например *мент*, *фраер*, *лох*.

Все это, естественно, сделало необходимым создание соответствующих лексикографических пособий. Поскольку, как известно, свято место пусто не бывает, эта ниша стала быстро заполняться множеством работ. С сожалением приходится констатировать, что значительная часть изданных словарей такого рода с лексикографической точки зрения совершенно безграмотна и беспомощна, но тем не менее многие из них перепечатываются, выдерживают не одно издание. Пользы от подобного рода поделок немного, и, что важно, они подрывают престиж русской жаргонологии-

ческой лексикографии. На этом фоне отрядным исключением выглядят работы проф. В. М. Мокиенко — и те, которые он написал один, и те, которые выполнены им в соавторстве¹.

Нет необходимости особенно подчеркивать важность жаргонологических словарей для иностранцев, изучающих русский язык. Конечно, можно рассуждать и так, что пусть они, иностранцы, пользуются толковыми словарями русских жаргонизмов, хотя бы превосходным «Большим словарем жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной. В этом рассуждении, конечно, есть определенный резон, но здесь не учитываются два важных момента. Во-первых, подобные толковые словари могут быть трудными для рядового пользователя-иностранца, поскольку дефиниции в них рассчитаны на русского пользователя. Во-вторых, такие словари, естественно, не дают переводящих эквивалентов, а потребность в них есть во многих случаях.

Представляется, сказанного выше достаточно для того, чтобы сделать следующий вывод: есть насущная потребность в переводных словарях жаргона.

Эта потребность в высшей степени полно удовлетворяется рецензируемым словарем (далее РНСЖ). Он выгодно отличается от известных нам двуязычных словарей жаргона и, в сущности, является новым словом в лексикографии: это — первый большой и научно выполненный двуязычный словарь жаргона.

Х. Вальтер и В. М. Мокиенко проделали гигантскую работу, и нет сомнения, что их словарем будет пользоваться множество благодарных читателей.

Заметим, что РНСЖ будет весьма полезен и тем русским читателям, которые углубленно изучают немецкий язык.

Особо хотелось бы отметить огромный труд проф. Х. Вальтера, снабдившего русские жаргонизмы богатейшей переводной синонимикой. Немецкая часть словаря фантастически богата. Рискнем повториться: появление таких лексикографических работ особенно отрядно на фоне беспомощных поделок и просто откровенной халтуры.

Рецензент достаточно долго работал в области лексикографии — как практической, так и теоретической, чтобы понимать две простых истины.

Во-первых, ни один словарь — будь то одноязычный или двуязычный — не может быть абсолютно полным. Причин этому много, но на них мы здесь останавливаться не имеем возможности; впрочем, причины эти

¹ Прежде всего: Мокиенко В. М. Словарь русской бранной лексики. Berlin: Dieter Lenz Verlag, 1995; Мокиенко В. М., Никитина Г. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000.

достаточно очевидны. Можно это же сказать и иначе: идеальных словарей не бывает и в принципе быть не может.

Позволим себе сделать здесь небольшое отступление. Когда покойный ныне А. Исаченко узнал, что одна его коллега — норвежский славист С. Свердруп Лунден — собирается принять участие в одном русско-норвежском лексикографическом проекте, он написал ей в частном письме (цитирую по памяти): «Заклинаю Вас не связываться со словарями. Поверьте мне, посвятившему этой работе значительную часть жизни. Словарный труд не принесет Вам ни богатства, ни славы. Ученые снобы будут смотреть на Вашу работу как на нечто ненаучное и пожимать плечами. Какой бы полный словарь Вы ни сделали, всегда найдется человек, который с возмущением отметит, что в Вашем нет слова *тарарабумбия*».

Во-вторых, критиковать словари неизмеримо проще, чем писать их (подобное, впрочем, относится ко всем видам человеческой деятельности). Лексикография же, наряду с политикой и искусством — та область, в которой все считают себя специалистами. Отмечено, что наиболее свирепыми и громкогласными критиками словарей являются люди, сами никогда в области практической лексикографии не работавшие.

Самое простое в резензировании любого словаря — это перечисление пропущенных лемм (вокабул). Зачастую рецензии на словарь этим и ограничиваются. Нами тоже отмечены пропуски в РНСЖ. Поскольку авторы намерены продолжать эту работу, им могут быть полезны замечания такого рода.

С нашей точки зрения, стоило бы включить в словарь слова *отмазать* (например, *отмазать от военной службы*; статья *отмазка* есть), *вдрабадан*, *ща/щас* (особенно в ироническом употреблении ‘так я это и сделаю, и не рассчитывай’, (ну) *пряма* ‘вот уж нет’, *выступать* (близкий по значению глагол *возникать* в словаре есть), *распаионка* (о квартире), *навалом*, *ватрушка* (‘площадь с круговым движением’), *раком*, *расколотить* ‘разменять’, *напарить*, *нажечь*, *дрочиться с чем-л.* ‘возиться’ (ср. *Целый час продрочился с замком, пока открыл*), часто употребляемые в печатных текстах эвфемизмы *грёбанный* и *долбанный*, а также *ёксель-моксель*, *лапоть* ‘беспочвенный слух’, *ходок* ‘бабник’ и т. д. Нет фразеологизмов *морда лица*, *встать на рога/стоять на рогах*, *падло в ботах*, *конь в пальто/Иван Пихто* (ответ на вопрос: «Кто?»), *по чуть-чуть*, *как рыбе зонтик/как зайцу триппер*, *под завязку*, *щёлкать клювом*, *целку (из себя) строить*, *по фигу/пофигист/пофигизм* и др. В некоторых случаях учтены не все значения приводимых лемм. *Точило* — это также ‘мотоцикл’ (а *точильщик* — ‘мотоциклист’), *вешалка* означает еще и ‘манекен’, *наказать* в спортивном жаргоне — ‘победить’ (ср. *Если завтра не накажем англичан...* у М. Жванецкого), *колоться* ‘признаваться’ (*колоть* ‘заставлять при-

знаться' в словарь включено). В статье *могила* следовало бы привести употребление *Могила!* 'никому не скажу, буду молчать об этом' (есть еще у И. Ильфа и Е. Петрова), в статье *передок* — фразеологизм *слаба на передок, поджопник* — также 'удар ногой, особенно коленом, под зад' и т. д. В РНСЖ включен ряд шуточно переделанных имен известных лиц, прежде всего артистов; к этой коллекции можно было бы добавить *Чернойцев* 'Шварценеггер'.

Не вполне четка позиция авторов в отношении *obscoena*. С одной стороны, самые табуированные единицы отсутствуют. С другой — среди «допущенных» приводятся явно не все. Принцип, которым руководствовались авторы, неясен. Если есть лемма *блядюга*, то логично было бы включить и леммы *блядь* (тем более что это слово дается *en toutes lettres* при объяснении эвфемизмов *блин, бляха-муха, блядун* и — особенно — *блядство*, слово, выражающее досаду, злость и т. п.; в статье *блядский* дан только фразеологизм *блядские сигареты*).

Едва ли целесообразно оспаривать выбранные в некоторых случаях варианты. Всегда есть угроза, что одному носителю языка известен один вариант, а другому другой. Ограничимся одним примером. В статье *деревянный* дано выражение *по пояс деревянный*, рецензент его никогда не встречал (что, конечно, ничего не значит), но сам много лет использует вариант *до ушей деревянный* (с эвентуальным дополнением *разве что тряпку не сосёт*).

Рецензент далек от мысли ставить под сомнение бесспорные достоинства очень интересного и полезного РНСЖ на основании перечисленных пропусков (видимо, не всех). Пропуски фатальны в любом словаре, особенно в первом издании. Они легко восполняются, если авторы готовы это сделать.

Нам представляются более существенными наши чисто лексикографические соображения по поводу рецензируемого словаря. Некоторые из этих замечаний связаны с тем, что авторами, как представляется, не всегда учитывается, что РНСЖ — двуязычный словарь и что у него своя особая, неоднородная аудитория.

1. В словаре никак не обозначено, является ли данная лемма чисто жаргонной единицей, либо она — одно из значений полисемантической леммы. Между тем такое различие провести было бы целесообразно и полезно для читателя, в первую очередь немецкого. А сделать это очень просто — снабдить слова, используемые и вне жаргона, каким-либо знаком, к примеру звездочкой. Прием этот широко используется в лексикографии в других аналогичных случаях, например в словарях новых слов. В РНСЖ уместна была бы, например, такая подача: **грузить*, **палёный*, **рубильник*, **свинтить*, **абзац* vs. *грызло, сидюшник, катала*.

2. Одним из лексикографических правил, которым, к сожалению, часто пренебрегают, является стремление к минимальной затрате пользователем времени на поиск нужной ему единицы («минимализация открываний словаря»). Это, в частности, означает, что, если лексема имеет варианты, то разрабатывается наиболее частотный вариант (ведь наиболее вероятно, что именно он встретится читателю), а остальные варианты делаются отсылочными. С этой точки зрения представляется спорным решение авторов, когда от *катала* дается отсылка к *катал*, от *отключка* к *отключ*, от *фиговина* к *фигация* и т. п. В словаре есть вариант *везунок*, но нет распространенного *везунчик*.

3. Несколько моментов, касающихся обозначения произношения. Целесообразным было бы отмечать непалатализованность согласного перед *е* в случаях типа *тейбл*, *шанель*, *фазер*, *патер* и аналогичных. В русских орфоэпических словарях использована очень компактная транскрипция — без дефисов и с ударениями на гласном, например *варьете* [тэ́].

Немецкому читателю полезно получить и сведения о произношении сокращений типа *КВН*, *кэбинный*, *АБ* и др.

Можно было бы указать, что в редких случаях в шутку используются просторечные (в исконном понимании этого слова) формы: *могёт* (есть в примере на другое слово), *волокёт*.

Об ударении. Некоторые жаргонные формы отличаются от кодифицированных только ударением, ср. *из горла́*, *стакана́ми*. Такой сдвиг ударения вообще переводит отдельные формы в разряд жаргонных или профессионально-жаргонных, ср. *чинить мерса́/форда́* и употребляемое компьютерщиками *работать в Ворде́* (т. е. с программой Word). О случаях использования форм мн. числа на *-á/-я́* см. ниже.

Безусловно, следовало бы отмечать ударение, падающее на предлог. При подаче *на фиг* (без ударения) велика вероятность, что немецкий пользователь прочитает ее как *на фи́г*. Это же относится к почему-то отсутствующему в РНСЖ выражению *на хрен*.

Как известно, звуковой состав междометий включает себя звуки, отсутствующие в других частях речи. В РНСЖ дано такое слово *ага*, но без транскрипции. Немецкий пользователь вполне может произнести его со смычным, а не щелевым *z*, т. е. может произнести [g] вместо [ɣ].

4. Грамматическая характеристика слова. Нет нужды доказывать, что такая информация в целом нужна немецкому пользователю. На наш взгляд, в РНСЖ она не вполне достаточна. При существительных указан лишь грамматический род (что, кстати, в подавляющем случаев избыточно: по форме слова *музон* пользователь сам определит, что это слово м. рода). А вот указать на парадигму желательно, хотя бы для двух случаев: а) когда ударение переходит на окончание (*мерса́*, *мальши́а*, *мудака́*, *сачка́*); б) ког-

да мн. число существительных м. рода образуется с помощью *-á/-я* (*мусора́, тормоза́*). В профессиональных жаргонах последние формы нередки: *тендера́, срока́, шпателя́, форда́, опеля́*; форма *шофера́* стала фактически общераспространенной.

Очень полезны для немецкого читателя были бы указания при глаголах на другие члены видовой пары. Это можно сделать очень компактно, например *мочить/за-, жарить/от-* и т. п.

5. Некоторое нарушение системности — грех, фатально свойственный словарям. Чаще всего это объясняется тем, что разные части словаря делаются разными людьми, но не только этим. Не избежал в определенной мере этого греха и РНСЖ. Так, *мама* (вид разъема в электроцепи) есть, а *papa* отсутствует. Есть *истфак*, но нет *геофак, физфак, филфак* и т. д.

6. Отсылки. Фразеологизм приводится в словарях обычно в одном месте (при опорном слове). Во многих случаях, однако, оказывается полезным дать при других его элементах отсылку. В нашем «Большом русско-норвежском словаре»² это выглядит так: «**мо́ре**... Δ *ка́пля, коле́но, щу́ка*». Это означает, что ФЕ *капля в море, море по колено, на то и щука в море, чтобы карась не дремал* в статью *море* не включены, а пользователь отсылается к соответствующим статьям. Это часто бывает полезно, поскольку и слово, являющееся опорным, может в речевом тексте отсутствовать, и пользователь может неверно определить опорное слово. Таких отсылок в РНСЖ, на наш взгляд, недостаточно.

Сказанное имело целью не поставить под сомнение высокий лексикографический уровень рецензируемого словаря, а лишь показать, с каким количеством проблем авторам этого труда пришлось иметь дело.

Остается лишь повторить, что этот в целом превосходный словарь принесет большую пользу и найдет множество благодарных пользователей.

² B e r k o v V. Stor russisk-norsk ordbok. 2. utg. Oslo: Universitetsforlaget, 2008; ср. также: Stor norsk-russisk ordbok = Большой норвежско-русский словарь / Отв. ред. В. Берков; ред. Х. Харальдссон, С. Коттум. Осло: Kunnskapsforlaget, 2003.

4

ЛЮДИ

Об отце

•

Несколько штрихов
к портрету
М. И. Стеблин-Каменского

•

О семье Масловых

•

О В. М. Павлове — моем друге

•

О В. С. Булдыреве

•

О Терье Матиассене

ОБ ОТЦЕ

Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава.

Эти знаменитые строки из «Старшей Эдды» говорят о важнейшем предназначении человека — оставить по себе добрый след на земле. Их нам едва ли стоит понимать буквально (слава хорошего человека бессмертна), хотя в том небольшом языковом коллективе, где эти строки были созданы, память о достойных людях хранилась веками. Нам эти строки, видимо, следует интерпретировать несколько иначе: достойно прожитая жизнь оказывает облагораживающее влияние на многие поколения. Зерна разумного, доброго, вечного, посеянные учителем, дают всходы, те, в свою очередь, новые зерна, которые сеют его ученики, потом — ученики учеников и т. д. Конечно, немало теряется на этом долгом пути — и человек неповторим, и обстоятельства меняются, и память наша несовершенна, но каждая достойно прожитая жизнь обогащает человечество и, хочется верить, делает его лучше.

Нам, людям, свойственно искать простые и краткие формулировки для сложных явлений, в частности пытаться немногими словами охарактеризовать человека — со всем его уникальным духовным складом, со всеми его неповторимыми особенностями личности. И хотя такие характеристики — неизбежное упрощение, как раз в данном случае такая краткая формула основной черты личности отца возможна. Это — рыцарское служение Науке и уважение к людям.

Наука была смыслом жизни отца, исследование — открытие нового, доселе неизвестного, и его осмысление, интерпретация — главным. Он был беззаветно предан Науке, любил Знание. Научная работа, однако, состояла для него не только в познании нового и его осмыслении, но и непременно в передаче этих знаний людям. Как-то, примерно за год до его неожиданной кончины (он стал жертвой нашей российской медицинской — впрочем, не только медицинской — комбинации расхлябанности и бедности), я спросил у него, не пора ли ему хотя бы немного снизить темп ра-

боты. Он ответил очень просто и без рисовки: «За жизнь я накопил много знаний, и мой долг — передать их людям». К слову, отцу не было суждено осуществить один из своих интересных замыслов — написать книгу «Культурные будни России XVIII века», т. е. рассказать не о наиболее значительных деятелях культуры, а именно, так сказать, о средней культуре — о рядовых пьесах, о проходных литературных произведениях, о знании иностранных языков, о «домашней» культуре и т. д.

Стремление делиться своими знаниями было органической частью личности отца. В этом не было никакого мессианства, менторства и уж, конечно, любования собой. Это был категорический императив его жизни, проявлявшийся в самых разных — порой экстремальных — условиях.

Находясь в 1938–39 гг. в камере в знаменитых «Крестах», отец организовал «университет», где каждый говорил о том, что знал. Сам он прочитал курс лекций по русской литературе. Изобретатель нового типа телескопа Д. Д. Максутов (с которым отец подружился) читал лекции по астрономии. Еще один сокамерник — З. Г. Френкель, впоследствии главный гигиенист города (безусловно, отличный специалист: он умер в возрасте 102 лет) — говорил о своем предмете. Отец рассказывал мне и про одного рабочего, родители которого в свое время эмигрировали в США, а он, движимый благородным стремлением внести свою лепту в строительство светлого будущего, приехал в СССР и, естественно, был репрессирован как американский шпион. Этот американец прочитал в своей жизни только одну книгу — «Американскую трагедию» Т. Драйзера, но, как всякие мало читавшие люди, помнил ее чуть ли наизусть и много вечеров пересказывал ее. Когда отец умер, З. Г. Френкель позвонил мне и долго говорил о том, какой колоссальной моральной поддержкой для заключенных был этот университет.

Я помню, как в эвакуации, во Фрунзе (ныне Бишкек), отец с утра до вечера (кроме времени, когда у него были лекции) сидел в библиотеке и готовил свой первый тогда в стране курс литературы народов СССР, невзирая на исключительно плохое состояние здоровья. И к этому подвижническому труду его побуждало не честолюбие — эта черта была ему не свойственна — и, разумеется, не материальные соображения (какие блага могут сулить новый вузовский курс?), а лишь жажда новых знаний, стремление ввести в научный оборот огромный массив новых фактов, дать им новую интерпретацию в контексте развития мировой литературы и, главное, передать эти свои новые знания своим ученикам.

Владея методами литературоведческого исследования, не чураясь черновой работы — поисков в архивах, библиографических разысканий (он был признанным авторитетом в области библиографии и источниковедения, у него, как известно, есть ряд книг по этим проблемам), отец часто

выходил за пределы своей основной специальности — истории русской литературы XVIII в. Так, ему принадлежат работы о Козьме Пруткове, книга о Куприне, статьи по армянской и грузинской литературам, по творчеству В. Брюсова, по киргизскому эпосу «Манас», о разнообразных литературных связях и многое, многое другое.

Он всю жизнь стремился к новым знаниям. Он бесконечно много читал — и, обладая феноменальной памятью, запоминал. Еще до войны он пользовался славой энциклопедически образованного человека, к нему обращались самые разные люди с самыми разными вопросами. И если порой случалось, что он не мог ответить сразу, то всегда наводил требуемую справку: он, как никто, знал где что следует искать. И, что важно, ему самому это всегда было интересно. Пытливость была неотъемлемой частью его натуры.

Он владел многими языками: например, читал и по-итальянски, и по-испански, и по-украински и др. Даже на склоне лет он превосходно помнил латынь, у него есть и текстологическая статья по Библии — по спорному месту в одном из псалмов Давида. Как-то летом, почувствовав, что ему необходима хотя бы небольшая передышка, отец избрал следующий вариант отдыха: лежа (в этом и состоял отдых) прочитал по-немецки толстенную книгу Курциуса о средневековой литературе на латыни.

Он благоговейно относился к величайшему достижению человечества — к Книге. Ее он любил беззаветно. Огорчала его краткость человеческой жизни, невозможность прочитать все, что хочется. Ряд его книг, как известно, посвящен проблемам библиофильства. У него была огромная библиотека.

У тех, кто не знал отца лично, из сказанного может сложиться впечатление, что отец был только университетским профессором и кабинетным ученым. Однако это не так. Он всю жизнь занимался и тем, что называется общественной работой. Всего несколько примеров. Во время обучения в Венском университете он был активным членом Австрийской компартии. В 20-е годы, работая директором школы, он был членом городской комиссии исполкома по делам беспризорных и в этом качестве, кстати, общался с С. М. Кировым, о котором — в тот период его деятельности — отзывался с большим уважением. Ряд лет был заместителем декана филологического факультета Ленинградского университета по аспирантуре. Много лет был председателем городского общества «Знание». Был долгое время председателем городского общества библиофилов. Как забавный штрих отмечу, что лет двадцать мы жили в кооперативном (со времен 20-х годов) деревянном доме на 13-й линии Васильевского острова (изба эта носила скромненькое название «Советский ученый»), и отец был бессменным председателем правления кооператива, вникая во множество практических проблем типа ремонта крыши.

Каким отец был человеком?

На первое место я поставил бы его глубокую порядочность. В те не легкие времена это было совсем непросто. В 1994 г. мне разрешили прочитать протоколы допросов отца во время его заключения в 1938–39 гг. Под воздействием пыток он возвел на себя чудовищную напраслину, порой явно под диктовку полуграмотных следователей (их у него сменилось три): в протоколах и в его собственноручно написанном «признании» были дикие формулировки, которые отец сам никогда бы не употребил. Но на вопросы о коллегах он ни о ком не сказал дурного слова, хотя от него этого несомненно добивались. (Замечу в скобках, что этого нельзя сказать о приобщенных к делу высказываниях некоторых сотрудников Пушкинского дома той поры, которым было велено охарактеризовать отца.)

Порядочность сохраняли в те мрачные годы лучшие представители советской интеллигенции, а для этого требовалось исключительное мужество. Так, в это страшное время за отца поручились проф. Г. А. Гуковский и чл.-корр. Н. К. Пиксанов. Чета Пиксановых помогала нам с матерью и материально: мать работала школьным библиотекарем, половина ее более чем скромного заработка уходила на передачи отцу, ни одна из которых, естественно, до него не дошла.

Необходимо сказать хотя бы несколько слов об отношении отца к Н. К. Пиксанову. Николай Кирьякович очень изменился к концу жизни. Его главной, если не единственной, целью на склоне лет стало сделаться академиком, и он решил использовать кампанию против космополитизма в 1949 г. как демонстрацию своей лояльности властям — в неумной надежде, что это поможет ему достичь вожденной цели. Это позорное поведение Н. К. Пиксанова заставило большинство коллег отвернуться от него. Однако отец, испытывая отвращение к пиксановской метаморфозе, не мог перечеркнуть мужественное и благородное поведение Н. К. в конце 30-х годов.

Раз на заседании Ученого совета, когда, при прекрасных отзывах на диссертацию, диссертант с нерусской фамилией получил множество «черняков», отец встал и, белый как бумага, произнес: «Мне стыдно, что я член совета, в котором так много не порядочных людей». Как-то он сказал мне: «Увы, мне нередко приходится молчать, когда надо протестовать. Я лично не боюсь ничего, но я не хочу навредить маме и тебе». Это молчание стоило ему больших усилий.

Всем понятно, что в те времена быть принципиальным было нелегко. Вспоминается такой эпизод конца 50-х годов. Шла на Ученом совете филологического факультета баллотировка какой-то кандидатуры сомнительных научных и педагогических достоинств, но зато обладавшей достоинствами иного порядка. Отец был председателем счетной комиссии. При

подсчете оказалось, что кандидат не прошел. На следующий день отца вызвал ректор А. Д. Александров и, сказав, что «счетной комиссией была допущена ошибка», предложил переделать протокол. Отец ответил (текстуально): «Ни за что, вплоть до ухода из университета». А любил он университет, надо сказать, от всей души, и, уже будучи членом-корреспондентом АН СССР, считал себя прежде всего университетским профессором. Между прочим, ректор тут же взял свое предложение обратно. Потом он (ректор) мне сам рассказывал, как он был поражен такой реакцией и какое уважение она у него вызвала.

Тем, кто его знал мало, отец казался человеком суховатым и строгим. Вероятно, это проистекало от его строгости к себе и огромной внутренней самодисциплины. Он был требователен — прежде всего к себе самому, и не только в науке и преподавании, но и в точности и пунктуальности. На своем 70-летнем юбилее он, в частности, с гордостью сказал: «За все годы работы в университете я ни разу не опоздал ни на минуту на лекции». В этом проявлялось его уважительное отношение к людям — не только к коллегам, но и к студентам, ко всем. И то, что он обращался к студентам только по имени-отчеству, было не профессорской причудой, а стремлением дать студенту почувствовать себя личностью, показать свое уважение к нему и к его, пусть робким, шагам в науке. А аспирантов отец регулярно приглашал домой на обеды. И не случайность, что с подавляющим большинством аспирантов и многими участниками его семинаров у него до конца жизни сохранялись дружеские контакты.

У отца, конечно, были недоброжелатели, но, думается, врагов не было: он никому не сделал ничего дурного, не перебежал дорогу, никого никогда не оскорбил злым словом. Резкость он сказать мог, но только тогда, когда был стопроцентно уверен в своей правоте. Непорядочности он не прощал никогда. Два примера.

На его 70-летие мать предложила пригласить одного коллегу, не лучшим образом проявившего себя при постыдном обсуждении книги отца «История русской журналистики XVIII века» в 1953 г., т. е. за 13 лет до юбилея. Отец промолчал, а наутро сказал: «Я ночью перечитал стенограмму его тогдашнего выступления. С таким человеком я не могу сидеть за одним столом».

Отец резко порвал с одним близким своим — еще со времен аспирантуры — другом, когда поведение последнего перестало соответствовать представлениям отца о чести и порядочности.

Как и все смертные, он мог делать ошибки и, наверное, делал их, не мне судить об этом. Но я уверен, что он за всю жизнь не сделал ничего такого, за что пришлось бы краснеть.

За суховатой внешностью скрывался человек весьма эмоциональный, тяжело переживавший несправедливости и неудачи, никогда, впрочем, не

выбивавшие его из рабочего настроения: он работал всегда и в любых условиях. (В коммунальной квартире, в которой мы прожили с 1930 по 1949 г., его рабочий стол помещался в проходной комнате, там же на скрипучем диванчике спала его мать; дверь в столовую-гостиную-спальню-детскую всегда была открыта. Мои игры, часто с товарищем-соседом, едва ли были бесшумными, но не помню, чтобы он когда-нибудь призывал нас к тишине. Он много раз впоследствии учил меня: «Умей работать в любой обстановке, при любом шуме».)

Далеко не все знали, что отец был человеком весьма импульсивным, способным порой под настроением минуты на неожиданные поступки. Так, однажды после блестящего концерта в Филармонии (родители были поклонниками и ценителями классической музыки) он позвонил в гостиничный номер дирижеру Курту Зандерлингу — просто поблагодарить его. Как-то мы были в Театре эстрады на выступлении Вольфа Мессинга, в свое время известного своими «психологическими опытами». Один из номеров заключался в том, что Мессинг уходил за сцену, в зале тем временем прятали какой-нибудь предмет, а вернувшись в зал, Мессинг отыскивал его (по только ему заметной реакции зрителей). Когда Мессинг, к опытам которого отец почему-то уже заранее относился скептически, предложил нескольким зрителям для контроля пройти с ним, отец первым сорвался с места и с юношеской легкостью побежал на сцену.

При, повторяю, внешней суховатости отец был человеком общительным, с широким кругом знакомств. Со многими коллегами его связывала давняя крепкая дружба. За нашим большим дубовым столом в разное время, порознь или в разных комбинациях, сидели Д. С. Лихачев, В. М. и Н. А. Жирмунские, Б. М. Эйхенбаум, И. И. Толстой, М. К. Азадовский, И. П. Еремин, И. М. и М. Л. Тронские, Г. П. Макогоненко и многие, многие другие. Застольные беседы бывали интереснейшие.

Перебывало в нашем доме множество коллег отца из союзных республик — грузин, армян, украинцев, белорусов — и иностранных — немцев, англичан, поляков; упомяну в этой связи два несколько необычных эпизода. На 70-летие отца поздравить его из Южной Осетии приехал его бывший докторант литературовед и поэт Нафи Джусойты (отец его очень любил и ценил) — в черкеске, папахе и с кинжалом, что поразило моих дочерей, они весь вечер не сводили с него глаз. (Когда отец умер, Нафи на один день прилетел из Цхинвали — у него только что умерла мать — безотлучно и безмолвно находился при гробе от начала панихиды до предания земле.) Второй эпизод связан с французским академиком Андре Мазоном. Принимали его на даче в Комарове, куда я отвез его на машине. На обратном пути на дороге выбежал лось. У Мазона эта северная экзотика вызвала такую же реакцию, какую у нас вызвал бы лежащий на дороге гиппопотам.

Отец искренне любил и уважал своих коллег, внимательно следил за их работами. И поэтому было естественно, что он написал множество статей, посвященных их юбилеям, и некрологов. В этом он видел свой долг, и получалось это у него очень хорошо.

Он был наделен чувством юмора и талантом версификации. Когда я студентом V курса на самостоятельно заработанные деньги приобрел мотоцикл, отец за какие-нибудь полчаса сочинил по этому поводу длинную оду, великолепно выдержанную в ломоносовском стиле и с комментариями в жанре автопародии. В оде, в частности, была строка «в градском шуму и наедине», снабженная комментарием: «Впоследствии сия цитата была похищена тайным советником Михайлой Васильичем Ломоносовым и вставлена в его известную оду „Царей и царств земных отрада“» (цитирую по памяти, так что возможные ошибки целиком на моей совести).

Естественно, в молодые годы веселья было больше. Отец рассказывал, что как-то после долгого собрания несколько молодых преподавателей университета — он, его ближайший друг Михаил Карлович Клеман (он умер при эвакуации из блокадного Ленинграда по дороге к нам в Киргизию, куда мы были эвакуированы) и, кажется, еще кто-то хорошо посидели в пивной, после чего они направились к дому своего товарища по аспирантуре Б. Г. Реизова, будущего члена-корреспондента АН СССР и декана филологического факультета ЛГУ, и запели у него под окнами на мотив вагнеровского «Полета валькирий»: «Борис Реизов! Вам брошен вызов — на соц-соров-но-ва-ние!» Повторяли куплет, пока из окна не высунулся сонный и чертыхающийся Реизов.

В городской вечерней газете (она, по-моему, называлась «Вечерняя красная газета») отец опубликовал в 20-е годы довольно много заметок, порой очень смешных.

Как известно, в связи с годовщинами выступления бывают трех родов: а) О юбиляре (самый редкий жанр), б) О юбиляре и обо мне (встречается чаще), в) Обо мне и юбиляре (самый популярный). Хотелось бы не выходить особенно за рамки жанра а), но все же один, последний, пример в жанре б). Тем, что я стал лингвистом (неясно, благо ли это для человечества), я всецело обязан отцу. Заметив у меня детский — скорее даже инфантильный — интерес к языкам, отец исключительно тактично и незаметно стимулировал его — увлекательными беседами, принося из библиотеки книги, пригласив, несмотря на достаточно стесненные средства во время войны, учителя немецкого языка, беря меня на некоторые заседания в Киргоспединституте и т. д. Все это я понял и оценил много позже.

Отец не был избалован судьбой. С детства он болел жестокой формой бронхиальной астмы, потом к ней прибавились другие тяжелые болезни. Еще не окончив гимназию, начал работать (табельщиком на железной до-

роге). В студенческие годы зарабатывал на жизнь частными уроками. Из директоров школы ему пришлось уйти из-за доноса коллеги. Все довоенное время и до 1949 г. наша семья жила в «классической» коммунальной квартире. В 1938 г. он был, как известно, арестован. Он пользовался авторитетом и уважением коллег как на родине, так и за ее пределами, но официальное признание его заслуг — избрание его членом-корреспондентом АН СССР — пришло лишь на 64 году жизни, причем не по представлению университета, которому он так много отдал.

Отцу удалось сделать очень многое. Немалую роль в этом сыграла мать, верный его друг и помощник. Она полностью освободила его от всего, что могло отнять у него время от научной работы и преподавания. Она говорила в шутку, что отец за всю жизнь не купил себе пары носков; так оно, скорее всего, и было. Чтобы создать мужу такие условия работы, требовалось самоотречение. В трудные минуты мать всегда находила нужные слова ободрения.

Вполне вероятно, что отец погиб бы в конце 30-х годов, если бы не мать. Так ли это, мы с достоверностью не знаем и едва ли когда-нибудь узнаем. В июне 1939 г. она, повинувшись какому-то порыву, прямо с работы поехала в Москву и подала на имя «всесоюзного старосты» М. И. Калинина заявление, в котором говорилось, что отец невиновен и что если он и признался в чем-либо, то это произошло исключительно в результате «физического воздействия» (читай: пыток; ему втыкали в нос горящую папиросу). Родственники и знакомые расценили ее поступок как самоубийственный: отцу, считали они, это никак помочь не сможет, сама же мать неминуемо угодит в тюрьму, а меня отправят в колонию. Однако порою происходит необъяснимое. В это время кровавого Ежова сменил не менее кровавый Берия, и какое-то количество дел — неизвестно сколько и по какому принципу их отбирали — было отправлено на пересмотр. Возможно, безрассудно-смелое заявление матери сыграло роль в том, что дело отца оказалось в их числе. В августе 1939 г. его выпустили. Отец считал, что спасла его мать.

Отец претерпел в жизни немало страданий и несправедливостей. Но, наверное, он все же был счастливым человеком, у него было любимое дело, и он был Мастером в булгаковском смысле этого слова. И хотя он не был обласкан режимом, не получал орденов и медалей, он получил другие, куда более ценные награды — уважение коллег, авторитет, благодарность и успехи учеников, возможность реализовать в них и в публикациях свои знания.

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКОГО

Для большинства людей, общавшихся с М. И. Стеблин-Каменским, он, естественно, был прежде всего выдающимся ученым, который внес огромный вклад в филологическую науку — и в языкознание, и в литературоведение.

О его работах уже сказано, и немало — и его коллегами, и его учениками. Однако о Михаиле Ивановиче как человеке написано совсем немного, и тем, кто не был близко знаком с ним, возможно, будет небезыntenесно познакомиться с некоторыми сторонами его личности.

Человеческая память, как всем прекрасно известно, весьма несовершенна и причудливо избирательна. О ней М. И. как-то сказал, что она похожа на скверно и своенравно работающий фотоаппарат, который время от времени сам по себе делает снимок, далеко не всегда важный — и притом неточный, пропуская гораздо более значительные сюжеты и моменты. Автор этой заметки знал М. И. тридцать пять лет, но тем не менее берет на себя смелость попытаться привести лишь некоторые из запомнившихся ему эпизодов.

Таким образом, у этой заметки весьма скромная цель: рассказать только о некоторых человеческих штрихах личности М. И., которые, возможно, неизвестны читателям этих строк. Тем более что людей, лично знавших М. И., становится все меньше (он умер в 1981 г.) и скоро совсем не останется.

Как все выдающиеся люди, М. И. был, кроме своего дара ученого, щедро наделен природой разными талантами.

Так, он был великолепным лектором. Он обладал редким даром очень доходчиво, но никогда не впадая в упрощения, излагать весьма сложные проблемы. А связано это было с тем, что он как мало кто другой мог быстро оценить суть теории, мгновенно отшелушить терминологические красоты и показать ее истинную сущность. Студенты не раз изумлялись: как это, оказывается, все просто!

Говоря о его таланте университетского профессора, следует назвать одну из его последних публичных лекций. Этот блестящий доклад состоялся осенью 1979 г. и был посвящен 800-летию со дня рождения Снорри Стурлусона (М. И. называл его самым выдающимся из всех когда-либо живших исландцев).

Кстати, М. И., читая лекции студентам или аспирантам, обычно стоял у доски и держал в руках листок или два. Излишне говорить, что он никогда не зачитывал их, он просто время от времени бросал на них беглый взгляд, чтобы убедиться, что ничего не упустил.

Стоит упомянуть, что в первые годы существования скандинавского отделения на филфаке М. И., помимо чтения лекций (все эти курсы он разработал сам, и впоследствии они были изданы в виде книг), вел и практические занятия по норвежскому языку. И здесь он отходил от шаблонных методов преподавания. Так, вместо не запоминаемых студентами банальных предложений типа «В саду растут высокие деревья» он предложил нам, студентам первого семестра, перевести на норвежский фразу «Большой идиот играет с маленьким зверем».

Хотелось бы начать с некоторых черт М. И., характеризующих его не как кабинетного ученого, погруженного в филологические размышления, а как веселого и остроумного человека. М. И. был щедро наделен природным чувством юмора, был мастером экспромта. Вот несколько запомнившихся примеров.

Как-то в начале 60-х годов мы с М. И. и моей ныне покойной женой решили совершить путешествие на машине по Прибалтике. Конечной целью поездки была Калининградская область: хотелось посмотреть, какой когда-то была Восточная Пруссия. Путь наш лежал через Латвию и затем по Куршской косе. Из проезда по Латвии запомнилось, что, обратив внимание на какой-то убогий домишко, М. И. сказал:

— А вот дом бедного латышского сапожника.

Таких домишек оказалось, естественно, немало, что последовательно отмечалось М. И. Под конец он резюмировал:

— Как много в Латвии бедных сапожников!

Когда мы добрались до косы, выяснилось, что гостиниц на ней нет и единственное место, где теоретически можно остановиться, это бывшая дача Томаса Манна (местные жители называли ее без затей «Томас Манас»). Правда, нас предупредили, что туда могут и не пустить. Чтобы все же переночевать в «Томасе Манасе», я предложил М. И. испробовать проверенный мной однажды способ (ему научил меня один факультетский коллега) — с достоинством произнести:

— Я профессор из Ленинграда.

И с небрежным кивком через плечо в нашу сторону добавить:

— А эти люди со мной.

М. И. это явно было не по душе, но более чем реальная перспектива ночевать в машине (а было довольно прохладно) сыграла свою роль, и он согласился. Как ни странно, сработало. Однако выяснилось, что надо перенести со второго этажа две кровати. М. И. с таким демократическим энтузиазмом участвовал в процессе перемещения кроватей, что на лицах

служительниц Томаса Манаса явно читалось сомнение, действительно ли этот шустрый человек — профессор из Ленинграда.

Место для машины было довольно далеко от самой дачи, и мы с женой отправились перегонять ее туда. Когда мы минут через двадцать вернулись, М. И. сказал:

— Пока вы там ходили, я сочинил роман. А сюжет у него следующий:

Немолодой профессор, уставший от преподавания в университете и научной работы, решает хотя бы на время бросить все это и поселиться где-нибудь в сельской глуши, чтобы осуществить свою заветную мечту — написать роман. И вот он приезжает в небольшую литовскую рыбацкую деревню (естественно, на Куршской косе). Там он встречает очаровательную молодую рыбацкую и сообщает ей, что приехал в эту деревню писать роман, и рассказывает ей его сюжет. А сюжет таков:

Немолодой профессор, уставший от преподавания в университете и научной работы, решает хотя бы на время бросить все и поселиться где-нибудь в сельской глуши, чтобы осуществить свою давнишнюю мечту — написать роман. И вот он приезжает в литовскую рыбацкую деревушку, где встречает очаровательную молодую рыбацкую и сообщает ей, что приехал в эту деревню писать роман, и рассказывает ей его сюжет.

А сюжет таков:

Немолодой профессор... и т. д.

Во время поездки выяснилось, что М. И. коллекционировал города, в которых побывал. Названия их он аккуратно заносил в специальную записную книжечку. Нередко возникала проблема: считать ли данный населенный пункт городом? Чаще всего дискуссии кончались тем, что этот пункт удостаивался почетного статуса города. Насколько помнится, к тому времени число занесенных городов перевалило за двести.

На обратном пути (мы ехали вдвоем: жена моя улетела из Калининграда на похороны) особых событий не было, упомяну лишь два мелких эпизода.

Чтобы не запутаться в расчетах, мы выделили особый кошелек — «касу» (я был кассиром), куда клали равные суммы. Всякий раз, когда нам надо было выложить деньги, М. И. спрашивал меня по-литовски: «Касса дирбас?» («Касса работает?») с вариантами типа «Ну как, наша касса еще дирбас?» и т. п.

В одном сельском литовском ресторане, где меню было напечатано только по-литовски, мы оказались в затруднении. Однако было решено попытаться обойтись без помощи официантки-переводчицы. Хотя М. И., насколько мне известно, никогда литовским специально не занимался, он превосходно справился с задачей, привлекая для расшифровки множество языков, включая, помнится, санскрит. Слушать его трактовки было истин-

ным удовольствием. Правда, официантка не была в восторге от нашего чуть ли не часового изучения меню. (Нам, надо признаться, так и не удалось сообразить, что такое «цеппелинай», кроме того, что это множественное число от «цеппелинас» ‘цеппелин’; мы, конечно, их заказали; оказалось, что это что-то вроде больших клецок.)

Вот еще несколько примеров его экспромтов.

Довольно давно в Москве (кажется, в Институте языкознания) проводилась научная конференция на тему «Грамматикализация и лексикализация». Разумеется, ничего нового никто не сказал и ни в чем не убедил своих противников, да, собственно говоря, на это и расчета не было: главное, что состоялась глубокомысленная конференция по актуальной научной проблеме. М. И. с докладом не выступал (ему давным давно всё было ясно). Время заседания он использовал достаточно необычно. Дело в том, что его многочисленные (лингвистические) поклонницы перед заседанием надели ему ворох сборников, в которых были их статьи (лестно ведь подарить свое произведение самому Михаилу Ивановичу Стеблин-Каменскому). Сидя в первом ряду, М. И. бегло пролистывал эту продукцию и, изредка обнаружив если и не жемчужное зерно, то хотя бы что-то стоящее, с треском выдирали заинтересовавшие его страницы, а сам сборник небрежно кидал под стул. От этого треска докладчики и сидящие в президиуме пугливо вздрагивали. О реакции авторов можно только догадываться. К концу заседания под стулом образовалась внушительная гора сборников.

Казалось, М. И. совершенно не прислушивался к тому, что говорилось с кафедры. Выяснилось, что это не так. Он обладал редким даром, занимаясь каким-либо делом, следить за происходящим вокруг, уже к концу заседания он попросил слова и с убийственной иронией описал всю дискуссию в виде балета. Насколько помнится, там был кордебалет, где две группы балерин — сторонницы лексикализации в белом, а сторонницы грамматикализации в черном (или наоборот, не помню) танцевали на разных этических уровнях. Кончалось все *pas de deux* грамматикализации и лексикализации.

Докладчики и президиум, конечно, не подали виду, что обиделись. А может быть, и впрямь приняли сценарий этого балета за невинную шутку.

Около 1960 г. М. И. наконец получил высочайшее разрешение поехать в Исландию. Поездка была без всякого преувеличения триумфальной: его хорошо знали заочно по его работам и очень высоко ценили. Но это — особый разговор, а сейчас речь идет об экспромтах и юморе М. И.

В Исландии один из излюбленных жанров — рассказы о привидениях. Рассказы эти бывают самые разные, от весьма прозаических до совершенно фантастических. Трудно сказать, верят ли в привидений современ-

ные исландцы. М. И. утверждал, что не верят, но считается хорошим тоном делать вид, что верят: это соответствует национальным традициям.

Раз в одном обществе, естественно, заговорили о привидениях. М. И. тут же рассказал свою историю. Он, поведал М. И., вовсе не профессор Михаил Иванович Стеблин-Каменский, а привидение. Самого М. И., как и следовало ожидать, не выпустили из Ленинграда (по более поздней версии М. И., он умер в Ленинграде). Он брался доказать это. Когда его не видели, он снимал свою голову и брал ее под мышку. Однажды он в таком виде прошествовал по пустынному ночному Рейкьявику до своей гостиницы на окраине. Много лет спустя исландцы с восторгом пересказывали в деталях запомнившуюся им «сагу о привидении М. И.».

Выступая оппонентом по одной фонологической диссертации, где, в частности, на основании сравнения древнего состояния одного языка и его же современного делались выводы о его фонемном составе в Средние века, М. И., отвлекшись от текста своего официального отзыва, сказал:

— Вполне возможно, что это и так. Возьмем, однако, другой случай. Я живу примерно в пяти километрах от университета. От меня туда ходит троллейбус. Я вышел из дому за полтора часа до заседания Ученого совета. Расчет времени, затраченного на путь, должен показать, что я ехал на троллейбусе. На деле же я встретил знакомого, заболтался с ним, а потом, спохватившись, взял такси. Так что скорость моего передвижения по городу была совсем не такая, как можно предполагать, исходя из средней скорости троллейбуса. — Так же обстоит дело с развитием языка: оно не идет равномерно.

Когда в члены-корреспонденты АН СССР одновременно выдвинули М. И. и В. Н. Ярцеву (тогда уже, кажется, директора Института языкознания в Москве), М. И. снял свою кандидатуру. Объяснял он это так (я дословно запомнил):

— Выберут Викторину Николаевну, наступит благоденствие для всей нашей лингвистической науки. А если вдруг выберут меня, станут спрашивать: «Чем подлец взял?» (Конечно, М. И. прекрасно знал цену и себе, и своим конкурентам, но не хотел участием в недостойном фарсе как бы объективного избрания, где все заранее было задано, придавать ему видимость легитимности и отшучивался.)

На юбилее Т. И. Поздранковой, любимой всеми филологами старейшей преподавательницы английского языка, был предложен конкурс на самый короткий тост в честь юбиляра. Его выиграл М. И., провозгласив: «Будьте!»

В 1973 г. у М. И. случился инфаркт. В это время он увлеченно работал над статьей, которую потом считал одной из своих лучших. Рассказывал он об этом так:

— Я работаю, а тут вдруг, видите ли, инфаркт. Но я уже не могу остановиться. Меня кладут в карету скорой помощи, а я пишу, укладывают в палату, а я все пишу. Писал, пока не закончил.

Этот последний эпизод дает повод перейти от юмора М. И. к более серьезным чертам его личности.

Как работал М. И.?

Мало кому довелось видеть сам процесс его работы, разве что членам его семьи. Поэтому то, что излагается ниже, основано на его рассказах. Когда он задумывал очередную работу, он досконально знакомился с литературой вопроса. (Читал он сидя в своей любимой качалке.) Прочитанные работы он кратко конспектировал в больших толстых тетрадах, на полях которых записывал свое мнение. Запомнились несколько таких замечаний. По поводу одной толстой немецкой книги М. И. коротко написал «Туманно!» О другой он отозвался значительно проще: «Чушь!» Еще об одной: «Ну как он не понимает такой простой вещи...?!»

Важным этапом его научной работы были прогулки — обычно двухчасовые — во второй половине дня, когда он обдумывал работу и прочитанное (при этом он замечал, как меняются деревья, и любовался белками). Как правило, он садился писать работу, когда она была полностью продумана и оставалось лишь записать ее и отредактировать. Ср. выше его рассказ о работе, которую он писал со свежим инфарктом.

Читая специальную литературу, М. И. ничего не принимал на веру. Он должен был все продумать сам. Один коллега назвал его (заочно, разумеется) «конструктивным нигилистом». А в сущности, это был очень высокий комплимент. Нигилистом быть не фокус, а вот противопоставить расхожему мнению свое, глубоко продуманное, дано единицам — таким людям, как М. И.

Важной чертой его научных занятий была поразительная способность одновременно работать в нескольких различных областях филологии. Примеров можно привести множество, так что можно ограничиться несколькими первыми его книгами. В 1953 г. вышла его «История скандинавских языков». (Книгу эту М. И. не любил, в частности потому, что она была испорчена открывающей предисловие редакционной вставкой «Основополагающие труды И. В. Сталина по языкознанию впервые поставили науку об истории языка на твердую марксистскую почву. Уже само сталинское определение языка как общественного явления...») В 1955 г. вышел его учебник «Древнеисландский язык» (по его второму изданию студенты занимаются до сих пор). В 1956 г. под его редакцией, с его предисловием и комментариями был издан том переводов «Исландские саги» почти на 800 (!) страниц. Годом позже, в 1957 г., была опубликована его

«Грамматика норвежского языка» (с интереснейшими очерками по общей теории грамматики) и т. д. Оценивая это, надо учитывать, сколько времени в советское время занимала подготовка книги к печати. К тому же у М. И. все время была полная профессорская нагрузка в университете.

Тут, видимо, надо сказать, что М. И., в силу ряда обстоятельств, начал публиковаться довольно поздно: первая его печатная работа увидела свет в 1946 г., когда автору было уже 43 года. Некоторые ученые к этому возрасту снижают свою научную продуктивность. У М. И. дело обстояло совсем наоборот: с годами поток его — серьезнейших — публикаций только возрастал. Характерен даже тот факт, что ему действительно стало плохо (через два дня он скончался), когда он увлеченно работал над изданием «Саги о Сверрире».

К своим аспирантам он относился бережно и вместе с тем требовательно. Существенно, что он всегда читал аспирантские работы очень быстро, доброжелательно и строго. Замечания, как правило, были немногочисленными, но меткими и только по существу.

Как-то он произнес знаменательную фразу: «Я люблю своих учеников».

Он рассказывал, что однажды проводил экзамен двух кандидатов в аспирантуру на одно место. Про первого он сказал, что тот врет, но врет интересно, с оригинальными, хотя порой и вздорными мыслями. Второй отвечал правильно, все добросовестно выучил, но без какого-либо своего мнения о материале. «Я взял, конечно, первого», — сказал М. И.

Много лет М. И. заведовал кафедрой. Благодаря ему все эти годы на кафедре была на редкость благожелательная обстановка. Ни склок, ни интриг. Периодически М. И. приглашал всю кафедру в гости. На одной из таких встреч произошел несколько неприятный инцидент. Один из членов кафедры, искренне желая сделать М. И. приятное, сказал, что кафедра скандинавской филологии — викингский корабль, а М. И. его кормчий. М. И. это неожиданно рассердило. «Я не начальник, — сказал он, — мы вместе делаем общее дело». И привел цитату из одной саги, где герой говорит: «Мы все равны». Возникшую неловкость удалось преодолеть лишь тем, что сразу было рассказано, как некоторые ГДР-овские немцы, читавшие по-русски, перевели «великий кормчий» (о Мао) на немецкий как «Der große Ernährer», дословно ‘великий кормилец’, спутав русские корни *корма* и *кормить*. М. И. это очень позабавило, и инцидент был исчерпан.

Вообще М. И. терпеть не мог лести или даже то, что могло показаться лестью. На одной из конференций скандинавистов в Кяярику (Эстония) один московский профессор произнес тост в честь М. И. — «За патриарха нашей скандинавистики!» Забавно, что на этот тост мгновенно и идентично — «От патриарха и слышу» — прореагировали три человека (один шепотом, другой вполголоса, а М. И. вслух).

На одной из скандинавистских конференций одна средних лет дама, поговорив с М. И., поспешно откланялась, мотивируя это тем, что ей необходимо позвонить сыну в Москву. М. И. сказал:

— Надо же, а я думал, что она девица.

М. И. редко вел разговоры на общеполитические темы, хотя сказать ему, естественно, было что. Запомнилась одна его притча. В некоем государстве человек, чтобы не подвергнуться репрессиям, остаться в живых, должен был представить справку о том, что он лично задушил пятерых своих сограждан.

Выше рассказывалось о некоторых чертах личности М. И. Стоит упомянуть еще несколько, так сказать, более земных.

М. И. невероятно много читал, причем не только литературу по специальности. Можно было поражаться его безупречному вкусу. Возвращая мне «Мастера и Маргариту» (естественно, журнальный вариант, чудом попавший ко мне), М. И. произнес только одно слово: «Гениально!» Зато о данном ему довольно посредственном норвежском романе — а он старался читать как можно больше на всех скандинавских языках — он столь же лаконично отозвался: «Барахло!»

В первые послевоенные годы М. И. регулярно ходил на филармонические концерты. Там он встречал многих коллег по филфаку.

М. И. был страстный — и удачливый — грибник. Как-то раз, когда мы оба одновременно закончили занятия в час дня (тогда «пары» действительно были парами: 9–10.50, 11–12.50 и т. д.), М. И. совершенно неожиданно предложил: «А давайте-ка съездим прямо из университета за грибами!» (я был на машине), что и было сделано. Вообще-то мы ездили с ним за грибами не раз и не два.

Успевал он и смотреть новые фильмы.

Непостижимо, как у него на все это хватало времени.

М. И. отнюдь не чурался застолий, охотно принимал в них участие. Но надо отметить, что он никогда не стремился завладеть разговором, стать центром всеобщего внимания, не витийствовал. Конечно, когда он говорил, все к нему прислушивались, потому что он никогда не произносил тривиальностей и был неизменно остроумен. Но это было естественной его чертой, и он никогда не стремился блеснуть умом, у него это получалось органически.

Еще несколько черт характера М. И.

Он был очень щедрым человеком, который неизменно делился своими огромными знаниями и своими идеями. Он был щедрым и в чисто житейском плане. Упомянем лишь два примера.

Отправляясь с кем-либо на машине в дальнюю поездку, он неизменно брал с собой огромную коробку шоколадных конфет и периодически предлагал всем: «Не угодно ли конфетку?»

На одной из скандинавистских конференций с ее участниками при регистрации по приезду неожиданно взяли очень много денег (за разные экскурсии, за многодневное бронирование номеров и т. д.), так что мы фактически все, включая М. И., оказались почти без средств. (Например, мы с А. С. Либерманом завтракали одной бутылкой кефира на двоих, благо хлеб на столе был бесплатный.) В один из дней М. И. где-то разжился десяткой (тогда это были деньги), на которую он для нас купил бутылку хорошего коньяка.

Он никогда не жаловался — ни на несправедливости, ни на здоровье. Он все сносил достойно.

М. И. принадлежал к уже вымирающему (скорее, увы, вымершему) поколению ярких российских профессоров, которые были и великолепными специалистами, шедшими своим собственным путем и ничего не принимавшими на веру, прекрасными учителями (т. е. не только преподавателями), и были в курсе всего нового в литературе и искусстве. Вместе с тем был также очень земным человеком, что, хочется надеяться, показывает эта заметка.

О СЕМЬЕ МАСЛОВЫХ

Супружеская пара преподавателей в одном вузе — явление, в общем, не очень частое. Супружеская пара выдающихся преподавателей — явление, видимо, весьма редкое. В этой заметке будет сделана попытка рассказать о такой чете, которая бесспорно внесла значительный вклад в отечественную филологическую науку и оставила по себе самую добрую славу, — о Сарре Семеновне Масловой-Лашанской и Юрии Сергеевиче Маслове.

За некоторое время до написания этой заметки автору ее пришла мысль о том, что следовало бы издать сборник статей под условным названием «Академики Ленинградского/Санкт-Петербургского университета без академического титула», т. е. о тех наиболее ярких и значительных преподавателях нашего факультета, — в первую очередь об уже ушедших из жизни профессорах и доцентах, — которые не были удостоены титулов действительного члена или члена-корреспондента Академии наук (по крайней мере, в СССР/России), но которые по своей научной значимости не только не уступали академикам, а по большому (либо, если угодно, «гамбургскому») счету намного превосходили многих из тех, кто эти титулы имел. Среди таких многих «академиков без академического титула» достаточно назвать, к примеру, профессоров М. И. Стеблин-Каменского и Ю. С. Маслова. Не зная, представится ли автору другая возможность немного рассказать о Ю. С. Маслове, он предпочел неясной перспективе такой возможности в будущем сейчас написать о нем в связи с рассказом о его жене — С. С. Масловой-Лашанской.

В заметке не будет подробных и систематических сведений об их биографиях и научных трудах — это уже сделано. Хотелось бы рассказать о них как о людях. В этом есть и особый смысл. Вузовские преподаватели такого типа как личности оказывают большое влияние на слушателей своими колоссальными знаниями, строгой логикой изложения, уважением к слушателю и желанием доступно изложить сложные, а порой и сложнейшие, вопросы, своей увлеченностью предметом. Конечно, студенты бывают разные, это тривиально (подсчитано, что лишь 10% человечества делает свое дело, какое бы оно ни было, хорошо), но действительно хорошие студенты сохраняют о таких преподавателях память на всю жизнь.

Сарра Семеновна, будучи доктором филологических наук, не получила звания профессора и до конца своих дней оставалась доцентом, хотя

она читала множество теоретических курсов, которые обычно ведут профессора, причем профессора старого, к сожалению уходящего, типа, которые (речь идет, естественно, о филологах) преподавали и теоретическую грамматику, и историю языка (с семинарами по различным его периодам), и лексикологию, и теоретическую фонетику, и т. д., причем преподавали все эти дисциплины на самом высоком уровне. Это объясняется как замечательными личными чертами Сарры Семеновны, так и той превосходной филологической школой, которую она прошла в стенах филологического факультета тогда еще Ленинградского университета. А школа эта была выдающейся. Покойный профессор Е. Г. Эткинд, который был вынужден покинуть тогдашний Советский Союз и до конца жизни работал в Париже, незадолго до смерти писал, что он был знаком с преподаванием филологии в десятках зарубежных университетов, но лучше всего она преподавалась в стенах филологического факультета Ленинградского университета до войны (когда сам Е. Г. Эткинд учился на нем).

Разумеется, Сарра Семеновна руководила аспирантами, и многие ее ученики защитили диссертации. О руководстве дипломными и курсовыми работами говорить нет необходимости.

При значительной педагогической нагрузке Сарра Семеновна вела большую научную работу. Ее перу принадлежат и монографии, и значительное число статей. Она принимала активное участие в создании русско-шведского словаря. Следует отметить, что в этом словаре есть новые, оригинальные лексикографические решения, и все они были разработаны Саррой Семеновной.

Говоря о научной работе Сарры Семеновны, хотелось бы привести штрих, который характеризует на редкость дружную чету Масловых. Сарра Семеновна и Юрий Сергеевич работали дома за двумя письменными столами, составленными вместе таким образом, что супруги сидели друг напротив друга. Можно с уверенностью полагать, что они часто советовались друг с другом.

Они полюбили друг друга еще перед войной, будучи аспирантами (а может быть, еще студентами). По рассказам, они были трогательной парой. Это нежное отношение друг к другу Сарра Семеновна и Юрий Сергеевич пронесли через всю жизнь.

Переходя к личным чертам Сарры Семеновны, оказываешься в затруднении — какую из них следует поставить на первое место. Все эти черты представляют собою единое, органичное целое, неповторимый ее облик. Но все же, пожалуй, прежде всего следует назвать ее исключительную порядочность.

Автор этих строк, как, наверное, и все те его коллеги, кто работал вместе с Саррой Семеновной, называли ее про себя совестью нашей ка-

федры. В сложных ситуациях, неизбежно возникающих в коллективе, она всегда предлагала продуманное, здоровое и справедливое решение. Думается, у нее никогда не было повода краснеть за свои поступки или высказывания.

Ее отличало обостренное чувство долга. Это проявлялось во всем — не только в отношении к своим педагогическим обязанностям, но и к общественной работе. А общественной работой она занималась много. Во время войны, находясь в рядах Советской Армии, Сарра Семеновна, как и очень многие, вступила в партию. Вполне естественно, что на факультете ей давали различные партийные поручения. Не берусь перечислять все эти поручения и приведу один небольшой, очень частный пример (теперь уже, можно сказать, экзотический). Когда вышла книга Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (кажется, так она называлась), сотрудникам кафедры надо было ее всю законспектировать, а Сарре Семеновне партбюро поручило проверить все эти конспекты. С того времени прошло более полувека, но до сих пор помню то неловкое чувство, когда Сарра Семеновна, внимательно прочитавшая мой конспект, подробно рассказывала о своих замечаниях. Боже, думалось, чем приходится заниматься такому человеку! А таких конспектов ведь было немало, и это было отнюдь не единственное ее партийное поручение.

Еще один частный пример того, как Сарра Семеновна относилась к своему долгу. 30 декабря 1985 г., т. е. под самый Новый год, было назначено заседание Ученого совета филологического факультета по защите кандидатских диссертаций. Конечно, ожидалось, что будут проблемы с кворумом. Сарра Семеновна незадолго перед этим перенесла тяжелую травму, но, понимая возможные трудности совета, с забинтованной рукой пришла на заседание.

Она была очень скромным человеком, причем, так сказать, органически скромным, т. е. это была естественная черта ее личности. Для Сарры Семеновны были характерны неизменная доброжелательность и желание помочь человеку, будь то студент младших курсов или коллега-преподаватель. Она занималась со студентами, у которых не ладилось с тем или иным предметом, после занятий, в свое свободное время. Очень часто давала студентам свои собственные книги и словари. Дарила она книги и своим коллегам. У автора этой заметки хранится несколько книг по древнескандинавской культуре, которые ему подарила Сарра Семеновна со словами: «Они вам нужнее, чем мне».

Как и у очень многих людей, жизненный путь Сарры Семеновны не был усыпан розами. Однако удар, который супругам Масловым пришлось пережить на склоне лет, — гибель сына Сергея — был самым тяжелым. Они тяжело перенесли этот удар, но держались мужественно.

И под конец рассказа о Сарре Семеновне еще один момент — из категории тех, о которых не очень принято говорить. Она как-то рассказала мне, что когда она назвала свое имя-отчество водопроводчику, тот ответил: «А я думал, что Сарры только в анекдотах бывают». И действительно, очень многие по паспорту Сарры называют себя иначе (например, Софьями). Для Сарры Семеновны это было неприемлемо. В этом, разумеется, не было ничего националистического — национализм был ей абсолютно чужд. Просто она, видимо, считала, что замена своего имени — акт нечестный, это — желание приспособиться, сделать свою жизнь хотя бы отчасти комфортнее.

Увы, мы живем во время, когда перечисленные выше черты замечательного человека Сарры Семеновны Масловой-Лашанской — глубочайшая порядочность, обостренное чувство долга, органическая скромность, активная доброжелательность и т. д. — все вместе не являются, скажем мягко, широко распространенными в обществе. Утешением может быть надежда на то, что такие люди, как Сарра Семеновна, своей личностью делают тех, кого с ними сводит судьба, особенно младшее поколение, лучше, честнее, терпимее.

Начать краткий рассказ о Юрии Сергеевиче Маслове естественно с того, что он был лингвистом Божьей милостью. Во всех тех областях, в которых он трудился, он был Мастером. Центральными областями его занятий, как известно, были аспектология, болгаристика и теория языкознания.

Как аспектолог он входил в число выдающихся теоретиков мира. Возможно, был лучшим из них.

Его замечательная грамматика болгарского языка, вышедшая у нас двумя изданиями, была переведена на болгарский язык, что также говорит о многом.

Автору этой заметки довелось ознакомиться со многими учебниками по введению в языкознание на разных языках. На мой взгляд, учебник Юрия Сергеевича «Введение в языкознание» является лучшим из всех них. Юрий Сергеевич был прежде всего грамматистом, но все части этого учебника написаны на таком высоком уровне, словно он был специалистом и по фонетике и фонологии, и по лексикологии, и по типологии и др. Для создания этого учебника автор освоил колоссальную литературу в различных областях языкознания. Не случайно этот учебник используется и аспирантами, и преподавателями. Вместе с тем учебник вполне доступен студентам I курса, на котором читается этот предмет. Правда, студентам серьезным. Представляется, что некоторые сложности в учебнике объясняются научной честностью Ю. С. Маслова: ради облегчения работы со своим учебником он не мог допустить упрощений, противоречащих истине.

Как сказано выше, по своему вкладу в науку он бесспорно заслуживал избрания в Академию наук.

Юрий Сергеевич успел сделать в науке очень много. Но он, несомненно, успел бы сделать больше, если бы общественная работа не отнимала у него много времени. Например, как член партии (он вступил в нее в армии во время войны) он неоднократно избирался членом факультетского партбюро, а оно подолгу заседало каждый понедельник. Разумеется, ему давались различные другие поручения. Так, он руководил — и прекрасно руководил — факультетским философским семинаром (впоследствии, если память мне не изменяет, семинар стал называться методологическим). В сумме все это составило сотни, если не тысячи часов.

Как настоящий профессор, он читал множество курсов. Нелегко выделить здесь основные, но, пожалуй, стоит особо отметить «Введение в языкознание» (этот курс лежит в основе его замечательного учебника) и «Историю лингвистических учений». Трудно представить себе, какого колоссального труда стоила их подготовка.

До заведования кафедрой общего языкознания он заведовал кафедрой славянской филологии, где читал ряд курсов по славистике, в том числе, естественно, и по болгаристике.

При всей своей огромной эрудиции Юрий Сергеевич внимательно следил за специальной литературой. В частности, он регулярно посещал выставки новых поступлений в библиотеках АН и университетской.

Характеризуя Юрия Сергеевича как человека, следует выделить те же черты, которые были свойственны его жене Сарре Семеновне Масловой-Лашанской и о которых говорилось выше. Это и глубочайшая порядочность, и обостренное чувство долга, и неизменная доброжелательность. Сын русского интеллигента, киевского профессора Сергея Ивановича Маслова, Юрий Сергеевич сам был истинным русским интеллигентом в старом смысле этого слова.

Юрий Сергеевич был человеком мягким и деликатным. От него нельзя было услышать резких и обидных характеристик. Вместе с тем его отличала глубокая принципиальность. Например, экзамены он принимал неизменно доброжелательно, но строго. Он был очень требователен к себе, не прощал себе даже мелких ошибок. Один маленький пример, поразивший меня в свое время. Готовясь читать курс по введению в языкознание (по приглашению Юрия Сергеевича), я ходил к нему на лекции и семинары. Как-то раз он допустил на лекции незначительную неточность, скорее просто оговорку. После лекции он подошел ко мне и выразил сожаление по поводу этой оговорки — в общем-то, как сказано, пустяковой. Такая щепетильность была органической чертой супругов Масловых.

О щепетильности Юрия Сергеевича свидетельствует и следующий факт. В предисловии ко 2-му изданию своего учебника «Введение в язы-

кознание» (1987) он выражает благодарность «всем лицам, которые... в печатных рецензиях, в письмах или в устной форме существенно способствовали улучшению книги». Список таких лиц насчитывает более 20 фамилий. С удивлением и чувством неловкости я обнаружил среди этих фамилий и свою: на мой взгляд, сделанное мной замечание (не считая исправления нескольких опечаток) вовсе не заслуживало включения моей фамилии в этот почетный список.

При всей его мягкости Юрий Сергеевич был человеком большого мужества. Выше уже говорилось, что сын Масловых Сергей Юрьевич, талантливый математик, погиб при невыясненных обстоятельствах в автомобильной катастрофе. Этот удар судьбы супруги перенесли на редкость стойко. Будучи смертельно больным, Юрий Сергеевич до самой кончины держался мужественно.

Супруги Масловы тяжело переживали, что из-за сложных отношений с невесткой (всецело по вине последней) они были лишены возможности общаться с правнуком. Но они мало с кем делились этим.

Юрий Сергеевич всегда был готов выручить, прийти на помощь. Например, если он и коллега принимали экзамены параллельно и у коллеги еще оставались экзаменуемые, он приходил к нему в аудиторию и помогал довести экзамен до конца. Еще один небольшой пример активной доброжелательности Юрия Сергеевича. Как-то, когда в городе исчез из продажи боржоми (а мне было предписано его пить), Юрий Сергеевич принес мне на факультет две бутылки в портфеле и передал их со словами: «Мы с Саррой Семеновной решили поделиться с вами своими четырьмя бутылками».

Он был наделен превосходным чувством юмора, но никогда не злоупотреблял им, и остроумные шутки его всегда были мягкими и необидными.

Не все знали, что Юрий Сергеевич был прекрасным автомобилистом. Свою «Волгу» он водил уверенно и даже не без некоторой лихости. Однажды он предложил одному пожилому факультетскому коллеге подвезти его в Комарово, куда направлялся сам. За городом он развил такую скорость, что коллега забеспокоился. «Не волнуйтесь, — сказал Юрий Сергеевич, — я на таких трассах езжу со скоростью не больше 100–110 километров в час». Сам процесс вождения машины доставлял ему удовольствие.

Я знал Масловых со студенческих лет. Помню и Сарру Семеновну, и Юрия Сергеевича еще в военной форме — многие демобилизовавшиеся в тяжелые первые послевоенные годы донашивали ее (например, Л. Р. Зиндер ходил некоторое время в университет в военно-морском кителе). Впоследствии множество раз бывал в их гостеприимном доме. Так получилось, что мы особенно близко подружились после трагической гибели их

сына. Звучит это, может быть, странно. Дело в том, что, вернувшись в Ленинград с юга, я с запозданием узнал об этой трагедии в их семье. Долго колебался: звонить или не звонить. Думалось, что соболезнования вряд ли Масловым нужны, а лишнее напоминание о случившемся может причинить им дополнительную боль. Все же решился позвонить, и это оказалось правильным. Им нужна была также практическая помощь, что удалось сделать. Тогда мне Сарра Семеновна сказала с горечью: «Мы работаем на факультете не один десяток лет, а ведь вы единственный, кто позвонил нам». Это к тому, что мы часто напрасно стесняемся выразить соболезнование: в таких ситуациях людям очень нужна поддержка, теплота других людей.

В моей библиотеке к числу самых ценных книг с посвящениями наряду с книгами М. И. Стеблин-Каменского относится упомянутое 2-е издание «Введения в языкознание» с надписью Юрия Сергеевича: «Дорогому Валерию Павловичу Беркову с искренней дружбой...»

Говоря о супругах Масловых, необходимо сказать несколько слов и о третьем члене этой семьи — старшей сестре Сарры Семеновны, Марии Семеновне Лев, которая жила вместе с ними. Несколько десятков лет Мария Семеновна проработала на филологическом факультете Ленинградского университета секретарем деканата.

Мария Семеновна была уникальным секретарем. Она обладала совершенно фантастической памятью: знала по имени-отчеству не только всех работающих преподавателей, но и тех, кто работал ранее. Помнила всех аспирантов, да и очень многих студентов.

Никто не умел составлять расписание занятий, как она. Все знают, что труд этот крайне сложен: нужно держать в голове множество самых разных параметров. Она составляла расписание блестяще. Как и Сарра Семеновна, и Юрий Сергеевич, она была очень доброжелательна.

Марию Семеновну с неизменной теплотой вспоминают представители старшего поколения сотрудников и выпускников филологического факультета нашего университета.

Выйдя на пенсию, она всецело посвятила себя обеспечению быта Юрия Сергеевича и Сарры Семеновны. Этой замечательной семье не стало в течение месяца — в августе-сентябре 1990 г. умер от неизлечимой болезни Юрий Сергеевич, через две недели скончалась Сарра Семеновна, а еще через две недели ушла из жизни Мария Семеновна. Едва ли смерть сестер после кончины Юрия Сергеевича случайна: видимо, жизнь потеряла для них смысл.

Так закрылась одна яркая страница истории филологического факультета ЛГУ/СПбГУ.

О В. М. ПАВЛОВЕ — МОЕМ ДРУГЕ

Очевидно, что статьи в сборнике, посвященном чьему-либо юбилею, можно типологически разделить как минимум на четыре жанра.

1. Научная статья. Тема такой статьи, желательно, должна иметь отношение к области исследований юбиляра, но часто такого отношения не имеет. Во введении к такой статье нередко указывается (правда, не всегда достаточно убедительно), что юбиляр внес значительный вклад в изучение данной области и даже высказал ряд идей, имеющих для нее принципиальное значение.

2. Освещение жизненного пути юбиляра, развернутая его биография.

3. Анализ научной продукции юбиляра.

4. Статья о юбиляре как о человеке.

Все эти жанры оправданны. Автору этих строк представилось целесообразным написать заметку в четвертом из перечисленных. Этот выбор основан на следующих соображениях.

Автор этой заметки в последнее время занимался тематикой, в общем, далекой от основных интересов Владимира Михайловича. Конечно, будучи человеком добросовестным и вежливым, юбиляр несомненно прочитал бы и такую, далекую от сферы его занятий статью (и, бесспорно, сделал бы ряд действительно умных замечаний), но вынуждать его вникать в проблемы, скажем, нормирования норвежского языка на современном этапе едва ли гуманно.

К сожалению, несмотря на многолетнюю дружбу — мы подружились в конце 1960-х годов, когда поселились на Большой Охте в одном кооперативном доме и даже на одной лестнице, — я не настолько детально знаком с его биографией, чтобы взять на себя смелость подробно и, главное, точно описать ее.

Не могу я взять на себя и обзор научного творчества В. М. Его продукция столь обширна и многогранна, что я не чувствую себя достаточно квалифицированным для ее полного освещения. Да и есть люди, которые сделают это гораздо лучше меня.

Зато за долгие годы дружбы я, смею думать, хорошо узнал В. М. как прекрасного человека и замечательного ученого. Об этом и хочется написать.

Всегда соблазнительно попытаться дать человеку краткую и вместе с тем достаточно емкую характеристику, которая отражала бы основные его черты, хотя понятно, что дело это трудное, а порою и просто невозможное. Тем не менее попытаюсь — в меру моих сил — сделать это.

Покойный М. И. Стеблин-Каменский, выдающийся ученый и человек острого и парадоксального ума, как-то, еще, кажется, в хрущевские времена, мудро сказал: «Вот нам часто приходится писать и читать длинные характеристики вроде „поступил..., проработал..., проявил себя..., чуткий и отзывчивый товарищ..., политически грамотен..., морально устойчив..., и т. д. и т. п.“». А ведь, в сущности, вполне достаточна трехступенчатая шкала: «1) Хороший человек; 2) Так себе человек; 3) Дрянь человек».

По этой правдивой шкале В. М. можно охарактеризовать просто и коротко: **ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК**.

Такая оценка складывается из многих составляющих. Вряд ли мне удастся отразить все стороны этого замечательного человека.

На первое место следует, на мой взгляд, поставить глубочайшую порядочность В. М. — и как человека, и как ученого.

Как-то В. М. сказал мне, когда его учителя и старшего коллегу В. Г. Адмони вынудили прекратить преподавание в Герценовском институте (теперь университете), что он, В. М., оставил бы его только для того, чтобы тот время от времени ходил по коридорам института, просто создавая своей личностью атмосферу добра, справедливости и честности. Эти слова полностью приложимы к самому В. М.

Порядочность ученого и человека проявляется, как известно, в том числе в его отношении к своим учителям. Трудно подсчитать, сколько труда положил В. М., издавая сочинения В. Г. Адмони, в частности на немецком языке. К своим учителям В. М. неизменно относился с пиететом и чувством глубокой благодарности.

В. М. на редкость благожелательный человек, оказывающий помощь всем, кто обращается к нему. Помощь эта всегда конструктивна. Не случайно, что у него очень много учеников, особенно бывших его аспирантов — не только в России, но и в бывших республиках Советского Союза.

Для работ В. М. характерна глубина, основательность и доказательность. У него есть любимое слово (возможно, придуманное им самим) — *протанцевать*. Этот ироничный и не вполне безобидный глагол он употребляет в случаях, когда какое-либо положение у критикуемого им автора не доказывается серьезно и основательно, а либо выдается за самоочевидное и потому не требующее строгого обоснования, либо вообще замалчивается, хотя на нем, этом положении, могут строиться дальнейшие рассуждения.

Сам В. М. всегда бескомпромиссно строг к себе. Упомянутой выше *протанцовки* в его работах не найти.

Работы В. М. отличаются безупречной логикой. Строгая логичность характерна и для его работ, и в обыденной жизни — в житейских разговорах, в решении обычных прозаических проблем.

Естественно, существуют различные типы лингвистов. Для лингвистов высшего класса характерны как минимум три черты.

Первая черта — это глубокий профессионализм в своей специальной области. Для коллег-лингвистов В. М. прежде всего, конечно, германист, причем германист очень широкого профиля. Вполне закономерно, что множество его работ — книг и статей — по немецкому языку издаются по-немецки. А работы его по становлению сложных существительных и синтаксическому основосложению в немецком давно стали классическими.

Вторая черта настоящего лингвиста — интерес к общетеоретическим проблемам языкознания. В. М. превосходно знает литературу по философским проблемам лингвистики и следит за ней. Его давно и серьезно занимают такие вопросы, как сущность языкового знака, материальность существования языка и аналогичные. Все его работы в этой области — результат длительных размышлений на эти темы, они основаны на капитальном знании огромной специальной литературы, в том числе и сугубо философской. И, конечно, в этом контексте нельзя не упомянуть его вклад в отечественную, и не только отечественную, психолингвистику.

Есть языковеды, для которых исследуемый фактический материал — лишь небольшая площадка для широких теоретических построений, нередко отличающихся от уже давно известного лишь новой терминологией. Есть, напротив, языковеды, досконально описывающие фактический материал и этим описанием ограничивающиеся. Для В. М. характерно органическое сочетание детального исследования языковых фактов и оригинальных общетеоретических выводов.

И, наконец, третья черта. Истинный лингвист, с каким бы языком или с какими бы языками он ни работал, непременно живо интересуется и своим родным языком. У В. М. есть превосходная работа по русской безличности.

Серьезный и тонкий исследователь, В. М. никогда не чурался черновой работы. Так, проследивая становление сложных существительных в немецком, он выписал многие тысячи найденных им самим примеров из преимущественно ранненововерхнемецкой литературы. Выписывались эти примеры методом сплошной выборки. И это в то время, когда в филологических исследованиях еще не применялись ЭВМ, т. е. все это делалось от руки. Феноменальное трудолюбие — одна из отличительных черт исследователя В. М. Павлова.

Порой В. М. упрекают в том, что он пишет сложно. В этом упреке есть известная доля справедливости. (Когда мы с ним в свое время написали вдвоем статью, при ее чтении моя часть показалась мне по характеру изложения чем-то вроде «Мойдодыра», тогда как его часть напоминала гегелевскую «Феноменологию духа».) Сложность павловского научного

стиля, разумеется, не умышленна, не нарочита. Естественно, она не объясняется и воздействием на него достаточно непростого стиля немецкой научной прозы, которой он прочитал столько, сколько мало кто в России. Не является она никоим образом и выражением самолюбования: эта черта характера совершенно чужда В. М. Дело, думается, в другом. Сложность павловского стиля проистекает из его высочайшей требовательности к себе, из стремления к точности и доказательности изложения — и при этом к предельной лаконичности. В конечном счете, из уважения к читателю.

Следует отметить еще одну черту характера В. М. Как всякий глубоко порядочный человек, он совершенно лишен чувства зависти. Напротив, он искренне радуется хорошим работам своих коллег и не скупится на похвалы, когда чужая работа этого достойна. Мало от кого мне приходилось слышать столько уважительных отзывов о своих коллегах. Излишне говорить о его непримиримости к верхоглядству и халтуре.

На людей, не знакомых близко с В. М., он внешне порой производит впечатление человека сурового и суховатого. Но, как известно, внешность часто бывает обманчива. В. М. очень сердечный человек, верный друг, всегда готовый прийти на помощь. Мне в этом неоднократно доводилось убеждаться.

Следует назвать и еще одну черту характера В. М. — он очень контактен.

С одной стороны, В. М. нельзя назвать баловнем судьбы. Его очень короткое пребывание в немецком плену (самолет, на котором он был стрелком-пулеметчиком, был сбит в последние дни войны, когда исход ее полностью был предрешен, а спасшиеся летчики сами вышли к своим) явилось причиной того, что путь его в науку и в преподавание в вузе был не быстрым и не простым: ему немало пришлось поработать учителем немецкого языка в средней школе. В. М. не отличался богатырским здоровьем, немало болел. В самые последние годы перенес несколько серьезных операций.

С другой стороны, судьба дала В. М. основное, главное в жизни: прекрасную семью и любимую работу, а в работе этой он Мастер.

Неважное здоровье, уверен, не помешает В. М. создать еще не одну превосходную работу.

О В. С. БУЛДЫРЕВЕ

Выдающийся математик СПбГУ профессор
Владимир Сергеевич Булдырев — мой самый
старинный друг, мы дружим уже около 75 лет.

На своем юбилейном дне рождения Владимир Сергеевич сказал, что никого из живых не знает дольше, чем меня. Могу сказать, естественно, то же о нем. И поблагодарить судьбу за то, что она так давно свела меня с ним.

Владимира Сергеевича характеризует тот комплекс черт, который можно назвать емким словом *интеллигентность*. Это почти вышедшее из обихода слово вмещает в себя очень много.

Прежде всего — это глубокая и органичная порядочность. За те без малого три четверти века, что я его знаю, не могу припомнить ни одного поступка или даже высказывания В. С., которые можно было бы назвать непорядочными.

Неотъемлемая черта интеллигентного человека — способность к самостоятельному мышлению. Не случайно одно из определений интеллигентного человека таково: это человек, который продумал для себя все основные вопросы. Владимира Сергеевича как раз и характеризует свободный и независимый ум. Бывает, что даже очень умные люди, сами того не замечая, во что бы то ни стало стремятся противопоставить общепринятому мнению свое особое и вследствие этого невольно оказываются в зависимости от других. Такое оригинальничанье абсолютно не свойственно Владимиру Сергеевичу. Он просто по-настоящему умный и честно мыслящий человек.

Прекрасный лектор и крупный ученый, истинный университетский профессор в уходящем смысле этого словосочетания, Владимир Сергеевич — поразительно скромный человек. Лишь один пример. В свое время, когда мы с ним регулярно бегали в Комарове, он ни словом ни обмолвился о том, что получил Ленинскую премию, я узнал об этом только из газет. Отмечу попутно, что лучшего товарища по бегу трудно себе представить: он никогда не стремился демонстрировать свою прекрасную форму, а, напротив, старался бежать так, чтобы партнеру было комфортно.

Только что названная скромность Владимира Сергеевича проистекает, думается, от его уважительного отношения к людям. Как бы его мнение ни расходилось с мнением собеседника, как бы отрицательно он ни относился к чьим-либо поступкам, трудно представить себе Владимира Сергеевича, говорящего другому человеку что-либо грубое или даже обидное.

Не могу вспомнить, чтобы, говоря о ком-либо заглазно, Владимир Сергеевич употреблял грубые слова. Самая резкая характеристика, которую он при мне произнес, было невинное нынче слово *обормот*, хотя можно быть уверенным, что, прожив в России всю жизнь, юбиляр знаком и с другими элементами шкалы оценок человеческих качеств.

Еще одна черта Владимира Сергеевича — доброжелательность, причем доброжелательность не словесная, но действенная, конструктивная. Попросту — готовность помогать другим, притом помогать бескорыстно и незаметно.

И, наконец, огромное трудолюбие.

Мы живем в не лучшие для России времена. Много рухнуло, многое рушится. Но полностью рухнуть Россия не может, потому что в ней достаточно умных, порядочных и работающих людей. На которых все держится.

Таких, как Владимир Сергеевич Булдырев.

О ТЕРЬЕ МАТИАССЕНЕ

Профессор Терье Матиассен (1938–1998) — выдающийся норвежский славист и балтолог, в частности автор большой (612 с.; 2-е изд.) прекрасной грамматики русского языка и один из редакторов моего «Большого русско-норвежского словаря» (вместе с проф. Сири Свердруп Люнден). В 1998 г. был отмечен его 60-летний юбилей, а в скором времени он скончался. Меня связывала с ним многолетняя дружба. В силу обстоятельств я не смог быть на юбилее, но написал ему приводимое ниже письмо — мой долг памяти этого замечательного ученого и человека.

Дорогой Терье!

Очень сожалею, что не могу быть на твоём юбилее и что приходится поздравлять тебя письменно. Но есть в этом и положительная сторона: написать порою бывает проще, нежели говорить, особенно прилюдно.

Мы с тобой знакомы без малого лет сорок, уж больше тридцати пяти во всяком случае. Срок немалый, и узнать друг друга за это время можно было неплохо, что, по-моему, и произошло.

С самого первого момента нашего знакомства я проникся к тебе глубокой симпатией — так сказать, по двум параметрам: как к человеку и как к специалисту.

С ностальгическим удовольствием вспоминаю нашу первую совместную работу: занятия на паритетных началах русским и норвежским — занятия, которые мне очень много дали. Помню твой неиссякающий и живой интерес к русскому языку, желание докопаться до сути самых сложных явлений этого далеко не самого простого в мире языка. Без этого интереса и твоего исследовательского таланта не было бы впоследствии твоей превосходной «Русской грамматики», читая которую — а делаю я это частенько — я всякий раз нахожу не только тонкие и глубокие наблюдения, но и неизменно испытываю весьма редкое при чтении подобного рода работ эстетическое удовольствие от четкости формулировок и педагогического мастерства — умения изложить трудные, порою очень трудные, вопросы просто и понятно, без ненужного блистания эрудицией, самолюбования (смотрите-ка, какой я тонкий лингвист!) и гелертерства. А в основе педагогического мастерства, по моему разумению, лежит прежде всего уважение к читателю и искреннее желание передать ему свои знания, т. е. понимание того, что автор/преподаватель для читателя/студента, а не наоборот.

Много лет мы с тобой и Сири работали вместе над «Русско-норвежским словарем», и временами казалось, что не будет конца этой работе.

Сейчас я понимаю, какое это было прекрасное время (правда, мы были несколько моложе). Твой и Сирий вклад неоценим, и я пользуюсь случаем, чтобы еще раз выразить вам с нею мою глубочайшую благодарность. Потом, как ты помнишь, словарь лет семь провалился в «Русском языке». Надежда увидеть его напечатанным при жизни неуклонно таяла. Но в конце концов справедливость восторжествовала, и запоздалые роды состоялись. Как тут было не вспомнить горькую статистическую закономерность: *leksikografer gjerne dør i S* ‘лексикографы обычно умирают на букве S’, чего мы, слава Богу, тогда избежали. Переношенное дитя увидело свет и даже оказалось, как утверждают, вполне жизнеспособным.

Работать с тобой было исключительно приятно — и благодаря твоим знаниям, и твоей тактичности, и — не в последнюю очередь — твоему отменному чувству юмора.

Твой жизненный путь был усыпан не только розами, но и другими, значительно менее симпатичными представителями флоры. Были и болезни, и операции, и тяжелые травмы, и, полагаю, другие испытания, о которых я не знаю. Я тоже пережил все это, и думаю, как это дико ни звучит, что, наверное, необходимо, чтобы человек испытал в жизни и страдания и глубокие потрясения. Важно при этом не ожесточиться и, если все благополучно проходит, быть благодарным судьбе за все то благое, что она тебе дала и дает. И сохранить оптимизм, волю к труду, благорасположение к людям и, ежели получается, чувство юмора.

Как в твоём случае.

Дорогой Терье! Я благодарю судьбу за то, что наши жизненные пути пересеклись, за дружбу с тобой. Желаю тебе от души всего самого доброго — здоровья, семейных радостей, успехов в виде новых книг и благодарных учеников, и многих иных составных частей (или, как говорит простой народ, ингредиентов или компонентов) счастья.

Валерий

Осло, 8.4.1998

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Заповеди
вузовскому преподавателю

•

2. Заповеди
составителю двуязычного словаря

•

3. О лексикографическом труде

•

4. Hvordan skrive et opp tu deit norsk?
(Пародия на современную научную
норвежскую прозу)

•

5. Об авторе

ЗАПОВЕДИ ВУЗОВСКОМУ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

1. Уважай студента. Никогда не унижай его, даже жестко реагируя на недобросовестность. О неспособности студента говори с сожалением и с сочувствием.
2. Объясняй, пока все не поймут. Ты для студента, а не он для тебя.
3. Соразмеряй задания с возможностями студентов. Заставляй их регулярно работать, но не перегружай их.
4. Поощряй слабых студентов.
5. У тебя не должно быть ни любимчиков, ни нелюбимых.
6. Признавай свои ошибки. И не бойся сказать «не знаю», но добавляй «я выясню».
7. Будь демократичен, но никогда не заигрывай со студентами. Не ищи дешевой популярности.
8. Никогда не опаздывай, но никогда и не задерживай студентов после занятия.
9. Не хвастайся и не любуйся собой.
10. Никогда не обсуждай со студентами своих коллег. Тем более не порочь их.

ЗАПОВЕДИ СОСТАВИТЕЛЮ ДВУЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ

1. **Помни о пользователе (читателе)** — что, где и как он ищет, какие пояснения (и на каком языке) ему нужны. Ты для него, а не он для тебя. Он тебе верит и надеется на тебя.

2. **Не усложняй без нужды словарь**, не переоценивай сообразительности пользователя: он, так же как и ты, не читает предисловий к словарям и правил пользования ими. Не будь высокомерен по отношению к нему.

3. **Не оглушай пользователя длинным рядом синонимов** (как он без твоей помощи определит, какой из них ему нужен?), но и не обкрадывай его, утаивая необходимые эквиваленты. **Будь расчетливо щедр!**

4. **Не пугай пользователя без нужды «ложной межъязыковой идиоматикой»**, т. е. переводами, где не используются предлагаемые тобою эквиваленты. При необходимости давай такие переводы с пометой *также*.

5. **Разгружай большие статьи!** Чем больше статья, тем труднее найти в ней то, что нужно.

В частности, помни о спасительном треугольнике (Δ).

6. **Примеры — твоё оружие.** Каждый пример должен работать, поэтому в словаре не должно быть места «пустым» примерам.

Располагай их по принципу: от простого к сложному, от конкретного к абстрактному.

7. **Не забывай о семантизации** — кратком (!) определении значения многозначного слова (сразу за полужирной арабской цифрой).

8. **Четко разграничивай эквивалент и пояснения.** Всегда задавайся вопросом «Можно ли мой эквивалент вставить в текст на выходном языке словаря?»

9. **Будь до педантизма пунктуален в мелочах** (в употреблении шрифтов, соблюдении интервалов, в записи отсылок и пр.). Не надейся на свою память, скрупулезно записывай, не откладывая, все, что требуется.

Тут не надо жалеть времени: педантизм обернется, в конечном счете, значительной экономией времени.

10. **Каждую серию однотипных статей** (например, предлоги, союзы, местоимения, собственные имена и т. д.) **должен делать один человек**. Если вас несколько, распределите их между собой, если ты один, то делай такие серии разом (например, все предлоги, все союзы и т. д.). Только так можно избежать разнобоя.

Коллега!

Перед тобой долгий, тернистый путь, не ведущий, увы, ни к громкой славе, ни к богатству. Пройди его достойно и терпеливо. Наградой тебе будет благодарность многих людей, но скажут тебе о своей признательности лишь единицы.

О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ТРУДЕ

Тем, кто посвятил или решил посвятить себя лексикографическому труду, полезно знать стихотворение голландца Иосифа Юстуса Скалигера (1540–1609), профессора Лейденского университета, выдающегося специалиста по классическим языкам. Стихотворение это написано Скалигером по-латыни и переведено на русский язык Феофаном Прокоповичем. Оно приводится, в частности, в предисловии ко 2-му изданию «Русско-французского словаря» Л. В. Щербы (цит. по: Щерб а Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 312):

Если в мучительские осужден кто руки,
Ждет бедная голова печали и муки,
Не вели томить его делом кузниц трудных,
Не посылать в тяжкие работы мест рудных;
Пусть лексикон делает — то одно довлеет,
Всех мук роды сей один труд в себе имеет.

HVORDAN SKRIVE ET ØPP TU DEIT NORSK?

(Пародия на современную норвежскую научную прозу)

Undertegnede har lenge villet delta i drøftelsen av de nye rettskrivningsforslagene fra Norsk Språkråd. Men hva han enn skrev, syntes han at det ikke var vitenskapelig nok. For å bøte på sin utilstrekkelighet laget han, inspirert av Finn-Erik Vinjes *Verbalkompilator* og liknende dyktighetserstatninger, sin egen *Verbalisator*. Den inneholder det meste av det som kreves for å produsere lødige og gedigne artikler på klingende norsk. Det er også ønskelig å bruke et par folkelige trekk (demokratisk må en i vår tid være øg). Sånn ser verbalisatoren ut:

1. kreativ	1. effektiviserings-	1. nisje
2. annerledes	2. evaluerings-	2. ståsted
3. selektiv	3. disposisjons-	3. strategi
4. målrettet	4. innovasjons-	4. verdi
5. tverrfaglig	5. dokumentasjons-	5. aktiviteter
6. fundamental	6. identitets-	6. fokusering
7. prioritert	7. formidlings-	7. satsing
8. kontinuerlig	8. stigmatiserings-	8. ressurs
9. bærekraftig	9. opptrappings-	9. faktor
10. relatert	10. nyttiggjørings-	10. modell
11. mental	11. motivasjons-	11. paradigme
12. relevant	12. koordinerings-	12. invitt

En vilkårlig suksessiv kombinasjon av elementer fra de tre kolonnene gir noe meningsfylt, ja dypsindig, for eks. *tverrfaglig effektiviseringsståsted, prioritert innovasjonsfokusering, kreativ koordineringsnisje* o. l. (i alt $12 \times 12 \times 12 = 1728$ «oppgraderte verbalinwitter»). Noen ondsinnede snobber kan muligens komme til å påstå at det i grunnen bare er tomme ord, men dem om det.

En kritisk leser vil oppdage at tabellen ikke strekker til for å lage sammenhengende artikler. Og dette er for så vidt rett: Vi får av og til bruke et dusin verb (*initiere, kommunisere, bringe nærmere sammen, lansere, verbalisere, posisjonere* og noen få andre), et par adjektiver i tillegg (*institusjonell, fleksibel,*

engasjert, avslappet), en håndfull med ekstra substantiver (*nettverk, kompetanse, sprik, tilbud*), pluss ordgruppene *på vei mot, innenfor rammen av* og preposisjonene *vs., utad*. Dette skulle holde for å skrive en fullgod artikkel for et hvilket som helst tidsskrift. Det viktigste er ikke å bruke ord med konkret betydning, slike som *lønn, arbeid* (enn si *jobb*), *søppelkjører, raggsocker, gaupe, kløe, hikke, over skrevs* o. l. Man tør formode at det ved hjelp av anførte vokabular kan produseres helt tidsmessige frembringelser.

Så gikk forfatteren med friskt mot i gang med å formulere sitt syn på de siste rettskrivningsendringene ved hjelp av *Verbalisatoren*, og resultatet ble følgende:

En målrettet fleksibilitetsaktivitet vs. et stigmatiseringsståsted

I og med de siste innovasjonsinvittene initiert av Norsk Språkråd, har vi fått et mer fleksibelt ståsted når det gjelder evalueringskriterier for norsk språkbruk i skriftlig form. Riktignok har den relaterte reaksjonen inntil nå for det meste hatt stigmatiseringsverdi med sin selektive fokusering på enkelte relevante skrivemåter, skjønt sistnevnte utvilsomt har affeksjonsverdi for mange språkbrukere og -brukersker idet de (skrivemåtene) byr på et nytt, kreativt ortografisk effektiviseringsparadigme. Men til tross for den kontinuerlige skeptisisme med tyngdepunktet hos samfunnets tradisjonsbærende vektorer, er målrettet satsing på rettskrivningsoppdaterings- og opptrappingsstrategi dagens prioriterte trend. Tenk bare på hvilken bærekraftig ressurs samt motivasjonsfaktor bruken av bokstaven *å* i ord som *kånnesar* og *råjelti* kan formodes å ha for manges identitetsmodell!

Norsk Språkråd sine (sic!) invitter har prinsipiell verdi, ettersom de innvarsler en videreføring av denne appropable prosessen med sikte på å få en opp tu deit rettskrivning.

Deretter forsøkte forfatteren å gjøre bruk av *Verbalisatoren* i mer seriøse øyemed, det vil si for å skrive noe filosofisk, og da gikk det enda greiere, skjønt det bør tilstås at han selv ikke fullt ut forsto resultatet:

Et kreativt koordineringsparadigme vs. en selektiv stigmatiseringsressurs

Ut fra en målrettet nyttiggjøringsmodell må det pekes på betydningen av eller snarere legges vekt på kjernefaktorene som står sentralt i den relaterte motivasjonssatsingen, som det i det følgende skal fokuseres på fra en annerledes innfallsvinkel, naturligvis innenfor rammene av en bærekraftig koordineringsinvitt. Den relevante problemstillingen er som vel alle er på det rene med, å bringe en initiert fleksibilitetsevalueringsaktivitet nærmere sammen med et in-

tegrert formidlingsnettverk, slik at spriket mellom det institusjonelle innovasjonstilbudet, inklusive dokumentasjonsståstedet, og den relaterte disposisjonsverdien blir minimalt. Vi er klinkende klar over at en avslappet holdning overfor denne tverrfaglige målsettingen kan resultere i en ikke verbalisert miljønisme eller, som verre er, i en fobisk involveringsfaktor eller til og med kompetanseadministrering... bla... bla... bla...

ОБ АВТОРЕ

Берков Валерий Павлович. Родился 11 августа 1929 г. в Ленинграде*. Во время войны был в эвакуации в Киргизии в городах Пржевальске и Фрунзе (ныне Бишкек). Там заинтересовался языками, в частности занимался немецким, киргизским и др.

В 1946 г. поступил на филологический факультет Ленинградского университета по специальности «норвежская филология», учился у профессора М. И. Стеблин-Каменского. По совету последнего стал дополнительно заниматься современным исландским языком. Параллельно окончил два курса немецкого отделения. Окончил университет с отличием в 1951 г.

С 1951 по 2010 г. работал на филологическом факультете (факультете филологии и искусств) Ленинградского/Санкт-Петербургского государственного университета — преподавателем на почасовой оплате, ассистентом, доцентом, профессором. Заведовал кафедрой скандинавской филологии (1978–1997).

Преподавал норвежский язык на всех стадиях обучения. Читал курсы: «Введение в скандинавскую филологию», «Норвежская лексикология», «История норвежского языка», «Теоретическая грамматика норвежского языка», «Древнескандинавская литература» и др. Много лет читал на восточном факультете курс «Введение в языкознание».

В 1972 г. организовал нидерландское отделение, на котором читал ряд теоретических курсов.

Подготовил около 20 кандидатов наук и 3 докторов наук.

В 1953 г., не прерывая преподавания, поступил в аспирантуру (руководитель М. И. Стеблин-Каменский), в 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию по залогу в древнеисландском и современном норвежском. В 1971 г. защитил докторскую диссертацию «Вопросы двуязычной лексикографии». В 1973 г. утвержден в звании профессора.

В 1994–1999 гг. работал по совместительству профессором на кафедре скандинавистики Ослоского университета.

С 1988 г. член Норвежской Академии наук. С 1994 г. член Фризской академии (Нидерланды). С 2004 г. действительный член Российской Академии естественных наук (по классу энциклопедии).

* В. П. Берков скончался 9 октября 2010 г., после подготовки этой книги к печати. —
Примеч. ред.

В разное время читал курсы и лекции в университетах и иных вузах Москвы, Владивостока, Кокчетова, Петрозаводска, Мурманска, Кишинева, Вильнюса и других городов СССР/СНГ, а также Осло и в других городах Норвегии, в Дании, Швеции, Исландии, ФРГ, Канаде, на Фарерских островах и др.

Еще в аспирантуре начал заниматься лексикографией. В 1962 г. был издан его «Исландско-русский словарь» (75 листов). Стал составителем «Русско-норвежского словаря крылатых слов» — первого двуязычного словаря такого рода в истории лексикографии (издан в 1980 г.). На его основе написал в соавторстве с И. А. Уолш «Русско-английский словарь крылатых слов» (1-е изд. 1984; 2-е изд. 1988; 3-е изд. 2002). Один из авторов «Большого словаря русских крылатых слов», подготовленного в соавторстве с В. М. Мокиенко и С. Г. Шулежковой (2-е изд. 2008–2009). В 1987 г. в Москве вышел «Русско-норвежский словарь» (176 листов; перепечатка в 1998 г. — «Большой русско-норвежский словарь»; последняя перепечатка — в 2008 г.). В 1994 г. в Норвегии вышло расширенное издание этого словаря. За «Русско-норвежский словарь» получил в 1988 г. I премию Минвуза СССР за лучшую научную работу, а в 1993 г. — I премию СПбГУ за цикл работ по лексикографии. В 1997 г. получил норвежскую премию «Akademika-prisen». Был ответственным редактором большого «Русско-исландского словаря» Хельги Харальдссона (1996). В 1994–2003 гг. руководитель проекта и ответственный редактор «Большого норвежско-русского словаря = Stor norsk-russisk ordbok» (2003; признан лучшим норвежским словарем года).

Написал ряд работ по теории лексикографии, том числе книги «Вопросы двуязычной лексикографии (Словник)» (1973), «Слово в двуязычном словаре» (1977) и учебник «Двуязычная лексикография» (1996, 2-е изд. 2004), «Двуязычная лексикография и реальность (Прозаические размышления по выходе „Большого норвежско-русского словаря“)» (2004).

Автор ряда работ по лексикологии, в частности книг «Норвежская лексикология» (1994; норвежский перевод «Norsk ordlære», Осло, 1997; используется в норвежских университетах), а также работ по грамматике норвежского языка (часть опубликована в Норвегии), общему языкознанию, проблеме «язык и культура» и др.

В книге-компендиуме «Современные германские языки» (2-е изд. 2001; чешский перевод «Současné germánské jazyki», 2002) описаны живые германские языки и есть большая теоретическая часть.

Автор учебника для университетов «Краткий очерк германистики» (публикуемого в настоящем издании). Один из авторов учебника «Введение в германскую филологию» (1980, 1998).

Опубликовал ряд переводов произведений художественной литературы с норвежского, современного исландского и древнеисландского языков, в том числе несколько книг. Член Союза писателей. Автор очерков, опубликованных в журналах и газетах России и Скандинавии.

Награжден российским «Орденом Дружбы», Королевским орденом «За заслуги» I класса (Норвегия), «Орденом Сокола» (высший орден Исландии).

Хобби: спорт. Занимал призовые места среди студентов Ленинграда по прыжкам на лыжах с трамплина и лыжному двоеборью. В 1955 г. выполнил норму мастера спорта СССР по альпинизму.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ*

Грамматические категории

п. — падеж:

вин. — винительный
дат. — дательный
зв. — звательный
им. — именительный
местн. — местный
общ. — общий
объектн. — объектный
отл. — отложительный
предл. — предложный
род. — родительный
тв. — творительный

ч. — число:

дв. — двойственное
ед. — единственное
мн. — множественное

р. — род:

ж. — женский
м. — мужской
общ. — общий
ср. — средний

накл. — наклонение:

изъяв. — изъявительное
повел. — повелительное
сосл. — сослагательное

вр. — время:

наст. — настоящее
прош. — прошедшее

Языки, группы, диалекты

англ. — английский
араб. — арабский
афр. — африкаанс
бел. — белорусский
болг. — болгарский
в.-нем. — верхненемецкий
водск. — водский
вост.-герм. — восточно-германский
галл. — галльский
герм. — германский
гот. — готский
гр. — греческий
датск. — датский
др.-... — древне...
(древнедатский и т. п.)
евр. — еврейский
егип. — египетский
зап.-герм. — западно-германский
и.-е. — индоевропейский
ид. — идиш

исл. — исландский
исп. — испанский
ит. — итальянский
кельт. — кельтский
кирг. — киргизский
китайск. — китайский
лат. — латинский
лит.-бел. — литовско-белорусский
малайск. — малайский
н.-нем. — нижненемецкий
нем. — немецкий
нид. — нидерландский
норв. — норвежский:
+ — букмол
° — «новононвежский»
перс. — персидский
прагерм. — прагерманский
прасканд. — праскандинавский
рун. — рунический
рус. — русский

сакс. — саксонский
санскр. — санскрит
сев.-герм. — северно-германский
сканд. — скандинавские
ср.-... — средне... (средне-нидерландский и т. п.)
ст.-слав. — старославянский
ст.-фр. — старофранцузский
тур. — турецкий
удм. — удмуртский
укр. — украинский
фар. — фарерский
фин. — финский
фр. — французский
фриз. — фризский
шв. — шведский
швейц.-нем. — швейцарско-немецкий
эст. — эстонский

Пометы

букв. — буквально
диал. — диалектное

доп. — допустимо
зд. — здесь

ирон. — ироническое
книжн. — книжное

* Сокращения в цитатах см. в цитируемых источниках.

литер. — литературное
неправ. — неправильно
первонач. — первоначально
перен. — переносно
полит. — политическое

прост. — просторечное
разг. — разговорное
собир. — собирательное
собств. — собственно
совр. — современное

сокр. — сокращенно(е)
уменьш. — уменьшительное
устар. — устарелое
шутл. — шутовское

ЧТЕНИЕ НЕКОТОРЫХ БУКВ И ЗНАКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В КНИГЕ

Буквы

«Обычные» чтения букв (типа **a** = [a], **b** = [b], **d** = [d] и т. д.) в данный список не включены. Не включены также частные правила чтения типа нем. **chs** [ks]. Не включены в список правила чтения английских букв и буквосочетаний.

á — исл. [au(:)]	q — 1) исл. и др. [ɣ]; 2) гот. [kv]
aí — гот. [ɛ(:)]	s- — нем. перед гласными [z]
aú — гот. [ɔ(:)]	sch — нем. [ʃ]
ä — нем., шв. [ɛ(:)]	sp- — нем. [ʃp]
c — 1) лат. [k]; 2) в заимствованиях в современных германских языках [k], перед гласными переднего ряда [s]; 3) в транскрипции → III c	st- — нем. [ʃt]
ch — 1) нем. после гласных заднего ряда [x], в прочих случаях [ç]; 2) нид., фриз. [x]	u — 1) норв., шв., исл. [ʉ(:)]; 2) нид. [œ]
ð — исл. → III ð	y — норв., шв., датск., нид. [y(:)]
ei — 1) гот. [i:]; 2) нем. [æ]	z — нем. [ts-]
h — нем. после гласного не произносится (но обозначает его долготу)	þ — исл. → III þ
hw — гот. огубленное [h ^o], ≈ [hw]	ö — нем., шв., исл. → III o, ø
	ø — норв., фар. → III o, ø
	q — др.-исл. огубленное a , ≈ → III ø, ø
	æ — 1) норв. [æ] перед r ; 2) датск. [ɛ(:)]; 3) исл. [ai(:)]
	å — норв., шв., датск. [ɔ(:)]

Транскрипционные знаки. Орфографические знаки

[i] — закрытое i	[ŋ] — носовое g
[y] — огубленное [i]	[ç] — глухое [j]
[ɪ] — открытое i	[ð] — звук как в английском that
[ʏ] — огубленное [ɪ]	[θ] — звук как в английском thin
[e] — закрытое e	[χ] — глухой щелевой заднеязычный, ≈ русское х
[ɛ] — открытое e	[ɣ] — звонкое [χ]
[ø] — огубленное [e]	[ʒ/ʒ̣] — звук, сходный с русским ж
[œ] — огубленное [ɛ]	[ɹ] — переднеязычное безраскатное r
[æ] — звук, средний между [ɛ] и [a]	[ʁ] — увулярное (картавое) r
[a] — редуцированный гласный (смешанного ряда среднего подъема)	[ʃ/ʃ̣] — звук, сходный с русским ш
[o] — закрытое o	[ts/c] — ≈ рус. ц
[ɔ] — открытое o	[tʃ/č] — ≈ рус. ч
[ʉ] — ≈ огубленное русское ы	[dʒ/dʒ̣] — аффриката как в англ. job

Вышеприведенные транскрипционные знаки обозначают типы звуков, поэтому звуки разных языков, которые в транскрипции обозначаются одним и тем же знаком, могут несколько различаться, например немецкое [χ] более шумное, чем нидерландское, и т. п.

Приводимые ниже знаки имеют следующее значение:

: (двоеточие после звука, например **e:**) — долгота звука (обычное обозначение)

- (горизонтальная черточка над гласным, например \bar{e}) — долгота звука (обычно в таблицах, правилах и т. п.)
- ^ («шапочка» над гласным, например \hat{e}) — в др.-в.-нем., ср.-в.-нем. долгота звука
- ˘ (дужка над гласным, например \check{e}) — краткость звука (обычно в таблицах, правилах и т. п.)
- ˘ (дужка под гласным, например $\underset{\cdot}{i}$) — неслоговой характер гласного
- ˘ (тильда над гласным, например \tilde{a}) — носовой характер гласного
- ^ («шапочка» под согласным, например $\underset{\cdot}{l}$) — глухость звука
- ˙ (точка под согласным, например $\underset{\cdot}{d}$) — супрадентальное (постальвеолярное, какуминальное) произношение
- ˆ (трема́) — данная буква не входит в диграф (двухбуквенное обозначение одного звука), а читается как отдельный звук: например, нид., афр. **oe** [o:ə] (в отличие от диграфа **oe** [u(:)])
- ◊ (кружок под буквой, например $\underset{\circ}{d}$) — слоговой характер звука
- ◊ (кружок после согласного, например r°) — огубленность согласного
- ˘ (апостроф перед знаком) — нем. «сильный приступ»/датск. «толчок» («стёд»)
- ˘ (штрих после согласного) — палатализация согласного

Обозначение ударений:

- ˘ основное ударение; норв. тонема 1
- ˘ норв. тонема 2
- ˘ дополнительное ударение

УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ В. П. БЕРКОВА

Научные труды

1954

1. [Рец.:] Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.; Л., 1953. 340 с. // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. обществ. наук. 1954. № 3. Вып. 1. С. 211–214.

1955

2. Залоговое значение возвратных форм в древнеисландском и современном норвежском языках: Автореф. канд. дис. Л., 1955. 15 с.
3. О попытках машинного перевода // Вопросы языкознания. 1955. № 6. С. 145–148 (соавтор Б. А. Ершов).

1958

4. Комментарий // Ибсен Г. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1955–1958. Т. 1. С. 712–728; Т. 2. С. 755–769; Т. 3. С. 829–853; Т. 4. С. 787–814 (соавтор М. О. Янковский).
5. Письмо в редакцию [о русской передаче иностранных имен] // Вопросы языкознания. 1958. № 4. С. 152.
6. Работа над норвежско-русским алгоритмом машинного перевода // Материалы по машинному переводу. Л., 1958. Вып. I. С. 98–111 (соавтор М. П. Черкасова).

1959

7. Грамматическая информация и информационный язык // Тезисы совещания по математической лингвистике, 15–21 апреля 1959 г. Л., 1959. С. 68–69.
8. О передаче исландских собственных имен // Скандинавский сборник. Таллин: Эстонск. гос. изд-во, 1959. Вып. 4. С. 206–215, 280. (Резюме на норв. яз.).
9. Принципы построения словаря языка-посредника // Тезисы совещания по математической лингвистике, 15–21 апреля 1959 г. Л., 1959. С. 65–67 (соавтор Н. В. Гуров).
10. Die Erforschung der nordischen Sprachen in der UdSSR // Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität Greifswald: Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reiche. 1958–1959. Bd 8. № 3. S. 129–130.

1960

11. Сага наших дней // Новое время. 1960. № 11. С. 28–29.
12. О «пассивной» грамматике // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. ист., яз. и лит. 1960. № 20. Вып. 4. С. 149–151.

1961

13. Обозначение новых понятий в современном исландском языке // Скандинавская филология = Scandinavica. Л., 1961. Вып. 1. (Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. № 308. Вып. 62.) С. 73–83. (Резюме на норв. яз.)
14. Понятие валентности в языке // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. ист., яз. и лит. 1961. № 8. Вып. 2. С. 133–139 (соавтор Л. Н. Засорина).

1962

15. Исландско-русский словарь = Íslenzk-rússnesk orðabók. М., 1962. 1032 с. (соавтор А. Бёдварссон).

1963

16. Словарь норвежского риксмол и некоторые вопросы одноязычной лексикографии // Скандинавская филология = Scandinavica. Л., 1963. Вып. 2. (Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. № 321. Вып. 67.) С. 70–90. (Резюме на норв. яз.)
17. Сочетание прилагательного в сильной форме с существительным с суффиксированным артиклем в современном исландском языке // Тезисы докладов научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1963. С. 61–62.
18. Типы грамматической информации и избыточности // Материалы по математической лингвистике и машинному переводу. Вып. 2. Л., 1963. С. 66–72.

1964

19. Конструкция типа hvítt hágríð в современном исландском языке // Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1964. Вып. 9. С. 51–58. (Резюме на эст., швед. яз.)
20. Опыт выделения элементарных значений в пределах одного поля в разных языках // Научная конференция «Проблемы формализации семантики языка»: Тезисы докладов. М., 1964. С. 28–30.

1965

21. Грамматический очерк при двуязычном словаре // Вопросы общего и романо-германского языкознания: Тезисы докладов IV научной конференции языковедов. Уфа, 1965. Вып. 2. С. 72–74.
22. Комментарий // Скандинавская хрестоматия. Т. 2. С. 169–181.
23. Некоторые итоги и задачи современного норвежского языка // Тезисы докладов Второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. М., 1965. С. 154.

1968

24. Исландия без гейзеров // Новый мир. 1968. № 1. С. 198–210.
25. Работы советских ученых в области скандинавского языкознания // Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1968. Вып. 13. С. 37–48. (Резюме на эст., швед. яз.)
26. Система народного образования в Норвегии // Тезисы докладов Четвертой всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1968. Ч. 1. С. 41–44.
27. Согласование времен в современном норвежском языке // Тезисы докладов Четвертой всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1968. Ч. 2. С. 302–305.

1969

28. [Рец.:] Миронов С. А. Морфология имени в нидерландском языке. М., 1967 // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1969. Т. 28. № 4. С. 371–373.
29. Некоторые вопросы изучения грамматики современного норвежского языка // Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1969. Вып. 14. С. 123–132. (Резюме на эст., швед. яз.)
30. Типы внутренней формы в исландской специальной терминологии // Материалы семинара по проблемам мотивированности языкового знака. Л., 1969. С. 26–31.
31. J. S. Sjoebin [Некролог] // Taal en Tongval. 1969. № 1–2.

1970

32. Изучение русского языка и двуязычный словарь // Русский язык в национальной школе. 1970. № 4. С. 4–10.
33. Перевод ad hoc и двуязычный словарь // Материалы Третьего всесоюзного симпозиума по психолингвистике (Москва, июнь 1970 г.). М., 1970. С. 71–72.
34. Tempusforskynning i norsk // Maal og Minne. 1970. № 1–2. S. 26–47.

1971

35. Вопросы двуязычной лексикографии: Автореф. докт. дис. Л., 1971. 30 с.
36. Двуязычный словарь и страноведческие знания (на материале норвежского языка) // Тезисы докладов Пятой всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. М., 1971. Ч. 2. С. 185–187.
37. [Рец.:] Краткий сомали-русский и русский-сомали словарь. М., 1969 // Народы Азии и Африки. 1971. № 3. С. 192–196.
38. М. И. Стеблин-Каменский [К избранию почетным доктором Стокгольмского ун-та] // Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1971. Вып. 16. С. 196–202. (Резюме на эст., швед. яз.).
39. Некоторые вопросы словника двуязычного словаря // Тетради переводчика. М., 1971. Вып. 8. С. 92–100.
40. Некоторые общие принципы отбора слов для большого двуязычного словаря // Slavica slovac. 1971. № 3. С. 245–257.
41. О словарных переводах // Мастерство перевода. М., 1971. Вып. 8. С. 340–361.
42. Словоформы в переводном словаре // Иностранные языки в школе. 1971. № 1. С. 40–44.
43. Фонетическая характеристика слова в двуязычном словаре // Учен. зап. Калнин. гос. пед. ин-та. 1971. Т. 81. С. 73–79.
44. Norsk språkstadium i Leningrad // Sovjetnytt. 1971. № 27. S. 4.

1972

45. Комментарий // Ибсен Г. Драммы; Стихотворения. М., 1972. С. 805–813 («Библиотека всемирной литературы»).
46. [Рец.:] Berulfsen B. Norsk uttaleordbok. Oslo, 1969 // Maal og Minne. 1972. № 1–2. S. 76–82.

1973

47. В аспирантуре у М. И. Стеблин-Каменского // Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1973. Вып. 18. С. 15–16 (соавтор А. С. Либерман).
48. Вопросы двуязычной лексикографии: (Словник). Л., 1973. 202 с.
49. Перфектный пассив в норвежском языке // Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1973. Вып. 18. С. 88–93. (Резюме на эст., швед. яз.).
50. Словарные эквиваленты и художественный перевод (на норвежско-русском материале) // Тезисы докладов Шестой всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Таллин, 1973. Ч. 2. С. 8.

1974

51. Норвежский литературный язык (букмол) и его варианты // Шестая научная сессия по вопросам германского языкознания. М., 1974. С. 29–33.
52. Предисловие; Справки об авторах // Норвежская новелла XIX–XX веков. Л., 1974. С. 3–10; 434–444.

53. [Рец.:] Русско-испанский словарь. М., 1967 // Тетради переводчика. М., 1974. Вып. II. С. 92–98 (соавтор Г. В. Степанов).

1975

54. Вступне слово // Сучасна норвезька новела. Київ, 1975. С. 5–14.
55. Предисловие // Хёль С. Заколдованный круг. М. 1975. С. 5–9.
56. Решение вопроса об опорном слове в двуязычном словаре // Учен. зап. Томск. гос. ун-та. 1975. Т. 93. С. 16–25.
57. Словарь и культура народа // Мастерство перевода: 1974. М., 1975. С. 402–420.

1976

58. Ассоциативные связи слова и двуязычная лексикография // Вопросы романо-германской и славянской лексикографии. Минск, 1976. С. 21–25.
59. Заметки об определениях терминов в филологических и энциклопедических словарях // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976. С. 140–144.

1977

60. Молдавская советская энциклопедия. Т. 1–7. Кишинев, 1970–1977 (словарные статьи по скандинавской филологии; на молд. яз.).
61. Слово в двуязычном словаре. Таллин, 1977. 140 с.

1978

62. Сигрид Унсет и ее исторический роман «Улав, сын Аудуна из Хествикена» // Унсет С. Улав, сын Аудуна из Хествикена. Л., 1978. С. 3–14.
63. Современное положение фризского языка // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л., 1978. С. 62–72.
64. Согласование времен в норвежском языке // Скандинавская филология = Scandinavica. Л., 1978. Вып. 3. (Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. № 399. Вып. 78.) С. 42–56. (Резюме на норв. яз.)

1979

65. Вариативность литературных норм современного нидерландского языка в Нидерландах и Бельгии // Вопросы языкознания. 1979. № 3. С. 20–30 (соавтор С. А. Миронов).
66. Информация, сообщаемая словом, и словарь // Симпозиум «Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях»: Тезисы основных докладов. Кишинев, 1979. С. 19.
67. О некоторых особенностях употребления артикля при предикативе в норвежском языке // Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1979. Вып. 24. С. 34–41. (Резюме на норв. яз.).
68. О некоторых случаях опущения артикля в норвежском языке // Восьмая всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1979. Ч. 2. С. 81–82.

1980

69. Введение в германскую филологию. М., 1980. 319 с. (соавторы: М. Г. Арсеньева, С. П. Балашова, Л. Н. Соловьева).
70. Исландские соответствия интернациональных терминов // Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Харьков, 1980. С. 169–179.

71. Новая антология норвежской литературы [Рец.: Popperwell R. G., Støverud T. Norsk litteraturantologi. Bd. 1–2. London, 1976.] // Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1980. Вып. 25. С. 199–202. (Резюме на норв. яз.).
72. Предисловие // Хель С. Заколдованный круг. М., 1980. С. 5–9.
73. Русско-норвежский словарь крылатых слов = Bevingede ord: Russisk-norsk ordbok. М., 1980. 175 с.
74. Язык // История Норвегии. М., 1980. С. 575–583.

1981

75. [Рец.:] Будущее скандинавских языков // Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1981. Вып. 26. С. 255–257. (Резюме на норв. яз.).
76. Noen bemerkninger om artikkel ved predikativ i norsk // Maal og Minne. 1981. № 3–4. S. 210–216.
77. Professor M. I. Steblin-Kamenskij til minne // Sovjetnytt. 1981. № 32. S. 14.

1982

78. «Двойная» пассивная конструкция в норвежском языке // Девятая всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Тарту, 1982. Ч. 2. С. 96–98.
79. Информация, сообщаемая словом, и толковый словарь // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. Кишинев, 1982. С. 124–129.
80. Михаил Иванович Стеблин-Каменский [Некролог] // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. ист., яз. и лит. 1982. № 2. Вып. 1. С. 128 (соавтор И. П. Иванова).
81. Михаил Иванович Стеблин-Каменский [Некролог] // Филологические науки. 1982. № 1. С. 95–96 (соавтор О. А. Смирницкая).

1983

82. Новые слова? // Новые слова и словари новых слов. Л., 1983. С. 58–70 (соавтор В. М. Павлов).
83. О значении работ М. И. Стеблин-Каменского // Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1983. Вып. 28. С. 150–167 (соавторы: О. А. Смирницкая, Г. В. Воронкова). (Резюме на норв. яз.).
84. Результатив, пассив и перфект в норвежском языке // Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л., 1983. С. 197–204.
85. Языковое положение в Норвегии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: (Язык и этнос). Л., 1983. С. 50–66.

1984

86. О статусе сложных слов — эквивалентов свободных словосочетаний // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. ист., яз. и лит. 1984. № 8. Вып. 2. С. 66–71 (соавтор: И. А. Уолш).
87. Русско-английский словарь крылатых слов = Russian-English dictionary of winged words. М., 1984. 280 с. (соавтор И. А. Уолш).
88. Isländische Entsprechungen internationaler Termini // Nordeuropa Studien. 1984. Bd 18. S. 62–74.

1985

89. «Двойная» пассивная конструкция в норвежском языке // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985. С. 90–92.
90. Новый этап в норвежском языковом движении // Скандинавская филология = Scandinavica. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. Вып. 4. С. 22–31. (Резюме на норв. яз.).
91. О статусе грамматического женского рода в современном букмоле: (К вопросу о языковом планировании) // Скандинавские языки: Актуальные проблемы грамматической теории. М., 1985. С. 43–58.
92. Перевод научно-технической литературы и проблемы двуязычной лексикографии // Международная конференция «Теория и практика научно-технического перевода», Москва, 2–6 декабря 1985 г.: Тезисы докладов и сообщений. М., 1985. С. 177–178 (соавтор В. А. Хабарова).
93. Рефлексивы в скандинавских языках // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. Калинин, 1985. С. 56–74.
94. Талант ученого и педагога [о М. И. Стеблин-Каменском] // Ленинградский университет. 1985. № 30. С. 5.
95. Språksituasjonen i Norge sett utenfra // Maal og Minne. 1985. № 1–2. S. 95–102.

1986

96. Норвежский перфект в претеритальном контексте // Десятая всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 1986. Ч. 2. С. 369–371.
97. Сигрид Унсет и ее исторический роман «Улав, сын Аудуна из Хествикена» // Унсет С. Улав, сын Аудуна из Хествикена. София, 1986 (на болг. яз.).

1987

98. Грамматический очерк при двуязычном словаре: (К проблеме «активной» и «пассивной» грамматики) // Проблемы грамматики германских и романских языков. Л., 1987. С. 4–19.
99. Л. В. Щерба и вопросы двуязычной лексикографии // Структурная и прикладная лингвистика. Л., 1987. Вып. 3. С. 180–187.
100. Русско-норвежский словарь = Russisk-norsk ordbok. М., 1987. 934 с.
101. С. С. Маслова-Лашанская: (К 70-летию со дня рождения) // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. 1987. № 2. Вып. 1. С. 119.

1988

102. Вариативность, норма и «языковое планирование»: Норвежская лингвистическая ситуация // Всесоюзная конференция «Проблемы вариативности в германских языках»: Тезисы докладов. М., 1988. С. 8–10.
103. Русские фразеологизмы в картинках (для говорящих на датском, норвежском и шведском языках). М., 1988. 326 с. (соавторы: М. И. Дубровин, Б. С. Жаров, С. С. Маслова-Лашанская).
104. Русско-английский словарь крылатых слов = Russian-English dictionary of winged words. 2-е изд. М., 1988. 281 с. (соавтор И. А. Уолш).
105. Eine soziologische Typologie der modernen germanischen Sprachen // Linguistische Studien. 1988. Reihe A. 187. (Ak. d. Wiss. der DDR. Zentralinst. für Sprachwiss.) S. 122–131.

106. Resultative, passive and perfect in Norwegian typology of resultative constructions. Amsterdam; Philadelphia, 1988. P. 433–448.

1989

107. К типологии чередований в современных германских языках // Парадигматические и синтагматические исследования германских языков: Тезисы докладов республиканской научной конференции, Вильнюс, 11–13 мая 1989 г. Вильнюс, 1989. С. 118–119.
108. Предисловие // Тормоудссон У. Ты здесь живешь? М., 1989. С. 5–20.
109. Современный большой двуязычный словарь: (Основные характеристики) // Парадигматические и синтагматические исследования германских языков: Тезисы докладов республиканской научной конференции, Вильнюс, 11–13 мая 1989 г. С. 119–120.
110. Социолингвистическая типология современных германских языков // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. 1989. № 2. Вып. 1. С. 56–61.
111. Die Reflexiva in den skandinavischen Sprachen // Altnordistik — Vielfalt und Einheit / Erinnerungsband für Walter Baetke. Weimar, 1989. S. 143–160.
112. Erfahrungen bei der Arbeit am «Russisch-Norwegischen Wörterbuch» // Wiss. Beiträge zur Nordeuropa-Forschung. Greifswald, 1989. S. 290–294.
113. Om tempusforskynning i norsk (1970, Maal og Minne) // Syntaks/Syntax: Studier i norsk språkvitenskap 4. Oslo, 1989. S. 137–158.
114. Vokalreduksjon og morfologi // Über Brücken: Festschrift für Ulrich Groenke zum 65. Geburtstag. Hamburg, 1989. S. 3–8.

1990

115. Ненормативные единицы и двуязычный словарь // Лексика. Лексикография. Научно-технический перевод: Тезисы докладов и сообщений научного совещания. Орел, 1990. С. 11–12.
116. С. В. Петров [Некролог] // Скандинавский сборник. Таллин: Олион, 1990. Вып. 33. С. 224–225.
117. A Modern Bilingual Dictionary — Results and Prospects // Budalex'88 Proceedings. Budapest, 1990. P. 97–106.
118. «Bevingede ord» og sitater i norsk // Maal og Minne. 1990. Hf. 1–2. S. 10–22.
119. Er norsk unorsk? // Eg: Meldingsblad for NMU. 1990. № 1. S. 38–40.
120. Gåten Furubotn // Klassekampen. 1990. S. 27–28.
121. Perestrojkaen i Sovjet og norsk undervisningen // Bergens Tidende. 1990. 23.10.

1991

122. На макушке Европы // Север. 1991. № 3. С. 130–141.
123. Современные скандинавские языки и пуризм // Скандинавская филология = Scandinavica. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. Вып. 5. С. 17–25.
124. Mitt møte med norsk litteratur // The Norseman. 1991. № 3. P. 46–47.
125. «Vulgaert» i tospråklige ordbøker // Sammendrag av innleggene på konferanse om leksikografi i Norden 28–31 mai 1991. Oslo, 1991. S. 31.

1992

126. De nordiske språkene og purismen // Maal og Minne. 1992. Hf. 1–2. S. 27–36.
127. Homo sovieticus: Sovjetmänniskan finns kvar i Ryssland // Göteborgs-posten. 1992. 29.11. S. 4.
128. Hugarfarið heitz óbreytt // Morgunblaðið. 1992. 15.10. Bls. 24–25.

129. Hvorhen Rusland? // Jyllands-posten. 1992. 31.8. S. 9.
130. Men sovjetmennesket vil leve lunge // Aftenposten. 1992. 11.12. S. 15.
131. Nationale Kultur und Wörterbücher // Lilja Popova (Hrsg.). Sovjetische Skandinavistik: Eine Anthologie. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1992. (Texte und Untersuchungen zur Germanistik und Skandinavistik. Bd. 30.) S. 177–200.
132. Norrøn litteratur i Russland // The International Saga Society Newsletters. 1992. № 6. P. 12–15.
133. Old Norse Literature in Russia // Norwegian Literature: The Norseman: Special Issue. 1992. № 4/5. September. P. 23–25.
134. Quo vadis, Rússland? // Morgunblaðið. 1992. 24.10. Bls. 26–27.
135. «Vulgært» i tospråklige ordbøker // Nordiske studier i leksikografi: Rapport fra konferanse om leksikografi i Norden 28–31 mai 1991. Oslo, 1992. S. 432–435.

1993

136. К русскому читателю // Бьерке А. Р. Норвегия. Гонконг, 1993. С. 3–4.
137. Новый большой «Норвежско-русский словарь»: (Проблемы и возможные решения) // XII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1993. С. 212–213.
138. En tospråklig ordboks begrensninger // Konferanse om Leksikografi i Norden. Maj 1993: Abstracts. S. I., s. a. S. 2.
139. Orðabókarraunir // Morgunblaðið. 1993. 24.4. Bls. 2 (Lesbók).

1994

140. Норвежская лексикология. СПб., 1994. 185 с.
141. Projekt eines altisländischen Kulturlexikons // Schottmann H. (Hrsg.). Arbeiten zur Skandinavistik. 11. Arbeitstagung der deutschsprachigen Skandinavistik 8–14 August 1993 in Sigturna. Münster: Kleinheinrich, 1994. S. 85–92.
142. Russisk-norsk ordbok. Oslo, 1994. 1221 s.

1995

143. Спасение исчезающих языков России // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 1995. Сер. 2. Вып. 2. № 9. С. 37–41.
144. [Рец.:] «Nordiske studier i leksikografi II. Rapport fra Konferanse om Leksikografi i Norden 11.–14. maj 1993. (Skrifter udgivet af Nordisk Forening for Leksikografi. Skrift № 2). Århus [1994]. 303 S. // LexicoNordica. 1995. Vol. 2. S. 161–171.

1996

145. Двухязычная лексикография. СПб., 1996. 248 с.
146. От редактора словаря = Frá ritstjóra // Haraldsson H. Rússnesk-islensk orðabók. Reykjavík, 1996. Bls. VII–VIII.
147. Семантика сравнения и типы ее выражения // Теория функциональной грамматики: Качество. Количественность. СПб., 1996. С. 107–129.
148. Современные германские языки. СПб., 1996. 296 с.
149. Фонетика исландского языка // Haraldsson H. Rússnesk-islensk orðabók. Reykjavík, 1996. Bls. 861–871.

150. How to save the disappearing languages in Russia? // Archives of the languages of Russia. Saint-Petersburg; Groningen, 1996. P. 39–44.
151. Passive vs. Active Dictionary: A revision // Euralex'96. Proceedings I–II. Part II. P. 547–550.
152. Quo vadis, Russland? // Det Norske Videnskaps-Akademi: Årbok 1995. Oslo, 1996. S. 35–47.
153. Tospråklige ordbøker må samordnes // Apollon. 1996. № 1. S. 40–42 (соавторы: X. Харальдссон, У. М. Сельберг).
154. Verndun deyjandi tungumála i Rússlandi // Lesbók Morgunblaðsins. 1996. 3.2. Bls. 9.

1997

155. О словаре «Ключ к русской морфологии» // Проблемы лексикографии: Сборник статей. СПб., 1997. С. 48–54.
156. Norsk ordlære. Oslo, 1997. 224 S.

1998

157. Большой русско-норвежский словарь. М., 1998. 934 с. (перепечатка 1-го изд.).
158. В какой мере системен язык? // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. СПб., 1998. С. 41–50.
159. Введение в германскую филологию. 2-е изд., испр. и доп. М., 1998. 319 с. (соавторы: М. А. Арсеньева, С. П. Балашова, Л. Н. Соловьева).
160. Hvordan skrive et opp tu deit norsk // Filologen. 1998. № 4. S. 19.
161. Språknorm og normering i store og små språk (med russisk og norsk som eksempler) // Normer og regler: Festskrift til Dag Gundersen 15. Januar 1998. Oslo, 1998. S. 291–303.
162. Tvímála orðabøkur i veröld nútímans // Orð og tunga. 4. Reykjavík, 1998. Bls. 61–66.

1999

163. Введение в скандинавскую/нидерландскую филологию; Древнескандинавская литература; История норвежского языка; Теоретическая грамматика норвежского языка; Лексикология норвежского языка; География Норвегии (на норв. яз.) // Кафедра скандинавской филологии: Учебные программы. СПб., 1999. С. 7–14, 27–29, 31–33, 69–70.
164. Загадки древнеисландской культуры // Литература в зеркале эпохи. СПб., 1999. С. 6–17.
165. Новое в норвежском языке // Скандинавская филология = Scandinavica. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. Вып. 6. С. 14–34.
166. Э. Р. Кнудсен-Полонская // Скандинавская филология = Scandinavica. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. Вып. 6. С. 11–13.
167. Aktiv russisk grammatikk. Oslo, 1999. 134 s.
168. De tospråklige ordbøkernes begrensninger // Nordiska studier i lexikografi. 4. Rapport från Konferensen om lexikografi i Norden. Esbo 21–24 maj 1997. Helsingfors, 1999. S. 11–15.
169. Elvira Knudsen-Polonskaja — et varmt pust fra Norge // Ordet. 1999. № 2. S. 30–32.
170. Um eðli og séstöðu orðtengslabóka // Íslenskt mál og almenn máfræði (19–20 Árg. 1997/98). S. I., 1999. Bls. 243–250 (соавтор X. Харальдссон).

2000

171. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000. 624 с. (соавторы: В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежова).
172. Введение в германскую филологию. 3-е изд. М., 2000. 319 с. (соавторы: М. А. Арсеньева, С. П. Балашова, Л. Н. Соловьева).

173. Исландский язык; Норвежский язык // Языки мира: Германские языки; Кельтские языки. М., 2000. С. 170–198, 300–328.
174. О словарях XXI века // Мир русского слова. 2000. № 3. С. 65–66.

2001

175. [Рец.:] Раск Р. К. Руководство по языку акра / Пер. с датск. СПб., 1999. 132 с. // Восток. 2001. № 2. С. 203–204.
176. Современные германские языки. 2-е изд. М., 2001. 336 с.
177. [Rec.:] Langslet L. R. I kamp for norsk kultur: Riksmålsbevegelsens historie gjennom 100 år. Oslo, 1999. 447 s. // Norsk Lingvistisk Tidsskrift. 2001. Hefte 1. S. 144–147.

2002

178. Как мы живем: Пособие по страноведению для изучающих русский язык. СПб., 2002. 114 с. (соавторы: А. В. Беркова, О. В. Беркова).
179. Русско-английский словарь крылатых слов. 3-е изд. М., 2002. 300 с. (соавтор И. А. Уолш).
180. [Rec.:] Berulfsen B., Gundersen D. Fremmedord blå ordbok. 16. utg. Oslo, 2000. 485 s. // LexicoNordica. 2002. № 8. S. 183–188.
181. Hva vet normenn og russere om verandre?: Betragtninger omkring to språk og kulturer // P2-Akademiet W, NRK-Fakta. 2002. S. 165–174.
182. Současné germánské jazyky. Praha, 2002. 324 s.

2003

183. Белое пятно скандинавистики: (Фарерские острова) // Philologica Scandinavica: Сборник статей к 100-летию со дня рождения М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 11–27.
184. Из наблюдений над изменениями в современных европейских языках // Современные языковые процессы: Межвузовский сборник. СПб., 2003. С. 3–22.
185. Как мы живем: Пособие по страноведению для изучающих русский язык. 2-е изд. СПб., 2003. 114 с. (соавторы: А. В. Беркова, О. В. Беркова).
186. Stor norsk-russisk ordbok = Большой норвежско-русский словарь. Oslo, 2003. 1605 s. (*главный редактор и автор многих материалов*).

2004

187. Двужычная лексикографія: Учебник для студэнтаў высшых навучальных устаноў. 2-е изд. М., 2004. 237 с.
188. Двужычная лексикографія і рэальнасць: (Прозаічыскія сцеражэнні па выхадзе Большага норвежска-русскага слоўара // Скандынаўская філалогія = Scandinavica. СПб.: Філол. ф-т С.-Пецярб. ун-та, 2004. Вып. 7: Межвуз. сб. к 75-летию В. П. Беркова. С. 9–19.

2005

189. Краткий справочник по грамматике норвежского языка. М., 2005. 111 с.
190. Русские имена, отчества и фамилии: Правила употребления. М., 2005. 71 с.
191. Слово об отце // Воспоминания о Павле Наумовиче Беркове. М., 2005. С. 32–40.
192. Stor norsk-russisk ordbok = Большой норвежско-русский словарь. 2-е изд. Oslo, 2005. 1605 s. (*главный редактор и автор многих материалов*).

2006

193. Введение в германистику: Учебник для университетов. М., 2006. 199 с.
194. Stor norsk-russisk ordbok = Большой норвежско-русский словарь. М., 2006. 1605 с. (*главный редактор и автор многих материалов*).

2007

195. Об имплицитном в словаре // Скандинавская филология = Scandinavica. СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. ун-та, 2007. Вып. 9. С. 25–37.

2008

196. Введение в германистику: Учебник для университетов. 2-е изд. М., 2008. 199 с.

2009

197. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: В 2 т. 2-е изд. Магнитогорск: Greifswald, 2009. Т. 1. 657 с.; Т. 2. 736 с. (соавторы: В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова).
198. Норвежская лексикология: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2009. 184 с.

2010

199. Новый большой норвежско-русский словарь: В 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 1–748; Т. 2. С. 749–1584. (*главный редактор и автор многих материалов*).

2011

200. Новый большой русско-норвежский словарь. М., 2011. 1224 с.
201. Stor Russisk-Norsk Ordbok. 3. revidert utg. = Большой русско-норвежский словарь. 3-е изд., перераб. и доп. Oslo, 2011. 1332 с.

Составление, редактирование

1957

202. Стеблин-Каменский М. И. Грамматика норвежского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 242 с. (*редактирование*).

1965

203. Скандинавская хрестоматия. Л., 1965. Т. 2. 183 с. (*составление*).

1966

204. Ли Ю. Хутор Гилье; Майса Юнс. М.; Л.: Художественная литература, 1966. 346 с. (*редактирование перевода*).

1973

205. Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1978. Вып. 18 (*редактирование материалов по филологии*).

1974

206. Норвежская новелла XIX–XX веков. Л., 1974. 447 с. (*составление*).

1978

207. Скандинавская филология = Scandinavica. Л., 1978. Вып. 3. (Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук. № 399. Вып. 78.) 192 с. (*редактирование*).

1979

208. Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1979. Вып. 24 (*редактирование материалов по филологии*).
209. VIII всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1979. Ч. 1, 2 (*редактирование материалов по филологии*).

1980

210. Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1980. Вып. 25 (*редактирование материалов по филологии*).

1981

211. Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1981. Вып. 26 (*редактирование материалов по филологии*).

1982

212. Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1982. Вып. 27 (*редактирование материалов по филологии*).
213. IX всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. Тарту, 1982. Ч. 1, 2 (*редактирование материалов по филологии*).

1983

214. Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1983. Вып. 28 (*редактирование материалов по филологии*).

1985

215. Скандинавская филология = Scandinavica. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. Вып. 4. 172 с.
216. Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1985. Вып. 29 (*редактирование материалов по филологии*).

1986

217. Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1986. Вып. 30 (*редактирование материалов по филологии*).
218. X всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1986. Ч. 1, 2 (*редактирование материалов по филологии*).

1988

219. Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1988. Вып. 31 (*редактирование материалов по филологии*).

1989

220. Скандинавский сборник. Таллин: Ээсти раамат, 1988. Вып. 32 (*редактирование материалов по филологии*).

1991

221. Скандинавская филология = Scandinavica. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. Вып. 5. 166 с. (*редактирование*).

1993

222. Бьерке А. Р. Норвегия. Гонконг, 1993. 128 с. (*редактирование перевода*).

1996

223. Haraldsson, Helgi. Rússnesk-íslensk orðabók. Reykjavík: Nesútgáfan, 1996. 946 bls. (*редактирование*).

Переводы

1956

224. Кристьяунсон Э. Бессоница // Звезда. 1956. № 5. С. 104–108 (*с исл.*).
225. Сага о Ньяле // Исландские саги. М.: Гослитиздат, 1956. С. 509–659, 672–756 (*с древнеисл.*).

1957

226. Ольгейрссон Э. Из прошлого исландского народа. М.: Иностранная литература, 1957. 331 с. (*с исл.*).
227. Тоурдарсон Т. На пути к любимой // Звезда. 1957. № 3. С. 84–136 (соавтор З. Голубева) (*с исл.*).

1958

228. Хьелланн А. Эльсе // Хьелланн А. Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1958. С. 638–758 (*с норв.*).

1971

229. Ньярдвик Н. Министерство деторождения // Север. 1971. № 12. С. 31–63 (соавтор С. Петров) (*с исл.*).

1972

230. Борген Ю. Нуммерманы // Звезда. 1972. № 10. С. 4–8 (*с норв.*).
231. Борген Ю. Нуммерманы // Норвежская новелла XIX–XX веков. Л.: Художественная литература, 1974. С. 263–269 (*с норв.*; *см. 1972*).
232. Нильсен Б. Будем играть // Звезда. 1972. № 10. С. 43 (*с норв.*).
233. Ньярдвик Н. Министерство деторождения // Сказки для детей старше 18 лет: Из скандинавской сатиры. М.: Молодая гвардия, 1974. С. 166–220 (*с исл.*; *см. 1971*).

1973

234. Сага о Ньяле // Исландские саги; Ирландский эпос. М.: Художественная литература, 1973. С. 221–357, 379–445 (*с древнеисл.*; *см. 1956*).

1974

235. Весос Т. Последним домой // Норвежская новелла XIX–XX веков. Л.: Художественная литература, 1974. С. 234–239 (*с норв.*).
236. Хьелланн А. Бальное настроение // Норвежская новелла XIX–XX веков. Л.: Художественная литература, 1974. С. 17–22 (*с норв.*).

1975

237. Хэль С. Заколдованный круг. М.: Прогресс, 1975. С. 111–176 (*с норв.*).

1984

238. Борген Ю. Нуммерманы // Борген Ю. Избранные новеллы. М.: Радуга, 1984. С. 114–119 (*с норв.*; *см. 1972*).

1980

239. Йоуханнесдоуттир Л. Ненастной ночью // Рыбаки уходят в море...: Исландская новелла. М.: Прогресс, 1980. С. 76–83 (*с исл.*).
240. Йоунсдоуттир Р. Грезы и сны о яви // Рыбаки уходят в море...: Исландская новелла. М.: Прогресс, 1980. С. 68–75 (*с исл.*).
241. Сигюрдссон О. Й. Рассказ о будильнике // Рыбаки уходят в море...: Исландская новелла. М.: Прогресс, 1980. С. 186–199 (*с исл.*).
242. Юлиуссон С. Веревка, которая не пригодилась // Рыбаки уходят в море...: Исландская новелла. М.: Прогресс, 1980. С. 312–318 (*с исл.*).

1983

243. Весос Т. Ледяной замок // Весос Т. Великая игра; Птицы; Ледяной замок; Рассказы. М.: Радуга, 1983. С. 347–454 (Сер. «Мастера современной прозы».) (*с норв.*).

1984

244. Сигюрдссон О. Й. Часовой механизм // Сигюрдссон О. Й. Игра красок земли; Письмо пастора Бёдвара; Часовой механизм; Наваждения. М.: Радуга, 1984. С. 109–306. (Сер. «Мастера современной прозы».) (*с исл.*).

1988

245. Тормоудссон У. Ты здесь живешь? М.: Радуга, 1988. 192 с. (Сер. «Современная зарубежная повесть».) (*с исл.*).

1999

246. Сага о Ньяле // Исландские саги. СПб., 1999. С. 47–370 (*с древнеисл., новая редакция*).

Составитель — Б. С. Жаров

**КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ,
НАПИСАННЫЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ В. П. БЕРКОВА**

1974

1. *Комарова Ольга Александровна*. Условные предложения в современном норвежском языке.

1975

2. *Игнатьев Борис Иванович*. Вопросы двуязычной научно-технической лексикографии.
3. *Постникова Валентина Васильевна*. Словари английского и американского словоупотребления (история создания и принципы построения).

1977

4. *Микулина Людмила Тимофеевна*. Передача своеобразия национальной культуры в переводе.

1980

5. *Бондаренко Михаил Васильевич*. Типы метонимического переноса и проблемы их системного описания (на материале английского языка).
6. *Зубкова Татьяна Ивановна*. Речевые и языковые аспекты аграмматизма (эфферентная моторная афазия).

1982

7. *Иваницкий Виктор Васильевич*. Синтетические и аналитические средства выражения аспектуальности (на материале современного шведского языка).
8. *Мурзинов Михаил Иванович*. Порядок слов в придаточном предложении в современном нидерландском языке.

1983

9. *Васильева Наталья Сергеевна*. Языковые клише и проблемы их лексикографирования.
10. *Хабарова Вера Александровна*. Словосочетание в двуязычной лексикографии.

1984

11. *Вучкова Венка* (Болгария). Культурно-коннотированная лексика в словаре и в переводе (на материале болгарского и русского языков).

1985

12. *Рубцова Светлана Юрьевна*. Семантико-синтаксическое поле concessivности в современном нидерландском языке.

1986

13. *Круглова Наталья Сильвестровна*. Степени сравнения прилагательных в норвежском языке.

1987

14. *Михайлова Ирина Михайловна*. История сослагательного наклонения в нидерландском языке.

1988

15. *Сорокина Мария Викторовна*. Метонимия и ее отражение в английской лексикографии.

1993

16. *Алекшина Мария Львовна*. Грамматика имени собственного в современном норвежском языке.

1995

17. *Бич Маргарита Яковлевна*. Метонимическое использование имен собственных в современном русском, испанском и английском языках (на материале газетных текстов).
18. *Ливанова Александра Николаевна*. Категория интенсивности и градуирования значения прилагательного в современном норвежском языке.

Составитель — Б. С. Жаров

«ВСЕГО ОДНА ЖИЗНЬ»

Памяти Валерия Павловича Беркова

9 октября 2010 г. после тяжелой продолжительной болезни скончался доктор филологических наук профессор филологического факультета Валерий Павлович Берков, один из наиболее известных в нашей стране и за рубежом специалистов в области скандинавской филологии и общего языкознания.

Из 81 года его жизни 66 лет были связаны с Ленинградским/Санкт-Петербургским университетом. Здесь он учился, был в аспирантуре, затем начал преподавать практический норвежский язык, потом главным стало чтение общих курсов и спецкурсов на филологическом и восточном факультетах. Он провел большую работу по организации первого в истории университета нидерландского (голландского) отделения и 19 лет (1978–1997) возглавлял кафедру скандинавской филологии.

Интенсивно протекавшая все годы научная деятельность включала очень разные направления. В. П. Берков был крупнейшим теоретиком и практиком лексикографической науки. В 1962 г. он опубликовал «Исландско-русский словарь», первый в истории словарь для этой пары языков. Заинтересовавшись теоретическими проблемами словарного дела, он написал много работ, которые вылились в докторскую диссертацию. По материалам диссертации были опубликованы книги «Вопросы двуязычной лексикографии (Словник)» и «Слово в двуязычном словаре», во многом ставшие новым словом в лексикографической науке. Позже он на основе наблюдений над словарным делом изложил теоретические основы составления словарей в книге «Двуязычная лексикография» — первом в мировой науке учебнике по данной отрасли.

На протяжении нескольких десятков лет В. П. Берков *один* работал над созданием «Русско-норвежского словаря», который был выпущен в 1987 г. объемом 176 авторских листов. Этот словарь не только огромный, он еще и во многих отношениях новаторский, указывающий пути для будущих поколений составителей словарей. Известно, что в 2011 г. в Норвегии выйдет очередное, значительно расширенное (до 230 листов) издание этого словаря, над которым автор работал, будучи тяжело больным.

В 2003 г. вышел «Большой норвежско-русский словарь», который на протяжении многих лет создавался норвежско-русским коллективом под руководством В. П. Беркова, которым были определены принципы работы

над словарем, написаны многочисленные части и отредактирован весь словарь. Словарь уже получил очень высокую оценку рецензентов, признан лучшим норвежским словарем.

Помимо названных словарей, В. П. Берков выпустил несколько менее крупных: «Русско-норвежский словарь крылатых слов», «Русско-английский словарь крылатых слов», «Русские фразеологизмы в картинках в переводе на датский, норвежский, шведский языки» (в соавторстве), «Большой словарь русских крылатых слов» (в соавторстве). За цикл работ по лексикографии он был награжден 1-й премией СПбГУ.

Постоянная работа над словарным материалом дала В. П. Беркову возможность осмысления процессов, происходящих в лексике. Результатом стали не только статьи по частным вопросам, но и книга «Норвежская лексикология», ставшая в переводе на норвежский язык учебником в норвежских университетах. В сферу его научных интересов входили также вопросы грамматики. За кандидатской диссертацией «Залоговое значение возвратных форм в древнеисландском и современном норвежском языках» последовали статьи. Итогом этой работы стали оригинальная норвежско-русская грамматика и «Краткий справочник по грамматике норвежского языка».

В. П. Берков — германист широкого профиля, опубликовавший книгу «Современные германские языки», дающую не только описание каждого из языков по единой схеме, но и сопоставление по отдельным аспектам данных языков. Он является также автором учебника «Введение в германистику» и одним из авторов «Введения в германскую филологию», вышедших несколькими изданиями.

На многочисленных научных конгрессах, конференциях и семинарах, как в России, так и за рубежом, В. П. Берков выступал с докладами, которые вызывали живейший интерес аудитории. Он читал лекции в многочисленных научных учреждениях и учебных заведениях многих стран. Десятками исчисляется количество докладов и лекций в вузах Норвегии. Одним из важных аспектов его научной деятельности было руководство молодыми учеными, которые написали 18 кандидатских диссертаций по различным аспектам многих языков. Среди его учеников есть доктора филологических наук.

В 1988 г. Академия наук Норвегии избрала В. П. Беркова своим членом. В 1997 г. за работы о Норвегии, ее культуре и языке ему была присуждена Большая Академическая премия. За работы по фризскому языку в 1994 г. он стал членом Фризской Академии (Нидерланды). В 2004 г. Российская Академия естественных наук избрала Валерия Павловича Беркова действительным членом Академии по секции «Российские энциклопедии». Он был также награжден российским «Орденом Дружбы», высшим норвеж-

ским орденом «За заслуги» 1 класса и высшим исландским орденом — «Орденом Сокола». Эти награды свидетельствуют о высокой оценке заслуг выдающегося филолога.

В 1970-е годы Валерий Павлович принял участие в работе над российско-норвежским фильмом о великом норвежце Фритьофе Нансене, сделавшем чрезвычайно много в разных областях. «Всега одна жизнь» назывался фильм, и эти слова в полной мере выражают восхищение объемом сделанного В. П. Берковым. Мы, его ученики и коллеги, всегда будем носить память о нем в своих сердцах.

*Б. С. Жаров,
заведующий кафедрой
скандинавской филологии*

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
1. ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	5
В какой мере системен язык?	7
Компаративность: Семантика сравнения и типы ее выражения	16
Несколько соображений о языковой норме	41
Из наблюдений над изменениями в современных европейских языках	50
2. ГЕРМАНИСТИКА	67
Краткий очерк германистики: Учебник для университетов	69
От автора	—
Введение	—
Часть 1. Древние германцы	72
Часть 2. Особенности германских языков	85
Глава 1. Особенности звукового строя германских языков	88
Глава 2. Особенности морфологического строя германских языков	99
Глава 3. Лексика германских языков	109
Часть 3. Германские языки, их история и характеристика	117
Глава 1. Восточногерманские языки	—
Глава 2. Западногерманские языки	121
Глава 3. Скандинавские языки	160
Тексты для чтения	194
Из книги «Современные германские языки»:	
2. Общие и специфические черты современных германских языков	209
Заключение	300
Новое в норвежском языке	303
Из книги «Норвежская лексикология: Учебное пособие»:	
Часть IV. Лексические процессы	323
«Двойная» пассивная конструкция в норвежском языке	369
Обозначение новых понятий в современном исландском языке (Nýgöð)	372
Загадки древнеисландской культуры	383
Белое пятно скандинавистики (Фарерские острова)	394
Современное положение фризского языка	412
3. ЛЕКСИКОГРАФИЯ	421
Из книги «Двуязычная лексикография: Учебник»:	
Часть II. Корпус словаря. Глава 2. Словарная статья	423
Часть IV. Практические рекомендации	530
Двуязычная лексикография и реальность (Прозаические соображения по вы- ходе «Большого норвежско-русского словаря»)	533

О крылатых словах.....	543
[Рец.:] Раск, Расмус Кристиан. Руководство по языку акра. Перевод с датского. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. 132 с.....	563
[Рец.:] «Краткий сомали-русский и русско-сомали словарь». Сост. Д. И. Степанченко и Мохамед Хаджи Осман. М., «Советская энциклопедия», 1969, 319 стр.	567
[Рец.:] Переводной словарь русского жаргона. Harry Walter/Valerij Mokienko. Russisch-Deutsches Jargon-Wörterbuch. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. 579 S.	574
4. ЛЮДИ	581
Об отце	583
Несколько штрихов к портрету М. И. Стеблин-Каменского	591
О семье Масловых.....	600
О В. М. Павлове — моем друге.....	607
О В. С. Булдыреве.....	611
О Терье Матиассене.....	613
ПРИЛОЖЕНИЯ	615
1. Заповеди вузовскому преподавателю	617
2. Заповеди составителю двуязычного словаря.....	618
3. О лексикографическом труде	620
4. Hvordan skrive et øpp tu deit norsk? (Пародия на современную норвежскую научную прозу).....	621
5. Об авторе.....	624
<i>Список использованных сокращений</i>	627
<i>Чтение некоторых букв и знаков, использованных в книге</i>	629
Указатель трудов В. П. Беркова (<i>сост. Б. С. Жаров</i>)	631
Научные труды	—
Составление, редактирование.....	641
Переводы.....	643
Кандидатские диссертации, написанные под руководством В. П. Беркова (<i>сост.</i> <i>Б. С. Жаров</i>)	645
«Всего одна жизнь»: Памяти Валерия Павловича Беркова (<i>Б. С. Жаров</i>).....	647

Научное издание

Валерий Павлович Берков

РАБОТЫ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Редакторы: *А. В. Беркова,*

О. В. Косенко, И. М. Михайлова

Компьютерная верстка: *О. В. Косенко*

Оригинал-макет обложки: *С. В. Лебединский*

Сдано в набор 1.07.2009. Подписано к печати 22.06.2011.

Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 40,75. Тираж 250 экз. Заказ №

Филологический факультет

С.-Петербургского государственного университета.

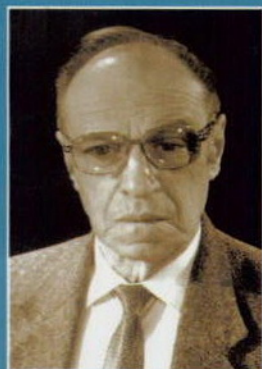
199034, С.-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано в типографии Издательства СПбГУ.

1990178, С.-Петербург, В. О., Средний пр., д. 41.

AZ

Ars Philologica

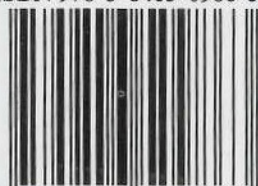

В. П. Берков

**Работы
по языкознанию**

Валерий Павлович Берков — профессор, крупный филолог-скандинавист, доктор филологических наук, профессор кафедры скандинавской филологии СПбГУ, действительный член Российской академии естественных наук, член академий наук Норвегии и Фрисландии, награжден российским «Орденом Дружбы», высшим норвежским орденом «За заслуги» 1 класса и высшим исландским орденом — «Орденом Сокола»

ISBN 978-5-8465-0986-3

9 785846 509863